

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
МИНУСИНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА

МАРТЬЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК XV

Сборник докладов и сообщений
(2021)

МИНУСИНСК
2022

ББК 63.3 (253)

УДК 930-9

М 29

Мартьяновские краеведческие чтения [текст] : сб. докладов и сообщений (Минусинск, 2021) / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» [ред. В. Г. Чернышёва]. – Вып. 15. – Красноярск: – 2022. – 380 с. : с ил. – ISBN 978-5-0059-1581-8

Руководитель проекта:

С. А. Борисова, директор музея им. Н. М. Мартьянова

Редакционный совет:

О. Г. Ахремчик, зам. директора по научной работе

И. Л. Решетникова, учёный секретарь

В. Г. Чернышёва, зав. издательским отделом

Е. Ю. Сидорина, зав. научной библиотекой

М. Г. Зарко, научный сотрудник

Е. Ю. Шабаетова, библиотекарь

Дизайн, вёрстка, техническое редактирование:

О. В. Войда, редактор

Данный сборник является 15 выпуском докладов и сообщений, которые были представлены учёными, исследователями, краеведами, преподавателями, сотрудниками музеев и работниками библиотек на XXXII Мартьяновских краеведческих чтениях (2021 г.).

В сборник вошли 74 доклада и сообщений более 85 авторов по археологии, этнографии коренного населения, по истории революции 1917 г., Гражданской и Первой мировой войнам и др. важным периодам становления и развития Сибири, а также по топонимике, географии, ботанике и другим вопросам естественных наук.

ISBN 978-5-0059-1581-8

662608, г. Минусинск, ул. Ленина, 60, тел. / факс: 8 (39132) 2-22-97,
e-mail: martianov-muzey@mail.ru

© МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова»

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО.....7

Борисова С. А. Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова как пространство реализации проектной деятельности.....	7
Ахремчик О. Г. Мифотворчество Александра Доможакова: расшифровка исторических и традиционных кодов восприятия в живописных произведениях.....	13
Бабий А. А. Принципы построения книги памяти жертв политических репрессий.....	18
Байбородина М. А. Н. М. Мартьянов и Иркутский музей.....	23
Болотников А. К. Издательский опыт Тесинского музея: книги в формате нон-фикшн, альманах, фильмы и другое.....	27
Боярченко О. И. Японская коллекция музея им. Н. М. Мартьянова.....	32
Вдовин А. С., Майзик Е. И., Макаров Н. П., Куклинский И. В., Голованенко Н. А., Сидорина Е. Ю., Фомичёва Т. О. Виртуальная выставка-путеводитель «Жизненные маршруты Ивана Савенкова».....	34
Дыртык-оол М. О. Государственные награды в экспозиции «ТНР 1921 – 1944 ТАР» Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва.....	38
Зарко М. Э.-Г. Ещё раз к вопросу о переводе книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка».....	42
Злотникова С. Г. Благотворительная деятельность населения Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Мартьяновских чтений).....	48
Казанцева Э. Н. Художественные особенности произведений марийского художника А. А. Ведерникова из собрания Абаканской картинной галереи им. Ф. Е. Пронских.....	53
Лясковская Е. М. Новые поступления в собрание Минусинского музея в 2021 году: портреты.....	58
Монгуш Ч. А.-С. Выставочная деятельность отдела археологии в 2017-2020 гг. Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва.....	60
Негодина И. И. Музеефикация воспоминаний А. П. Беляева в экспозиции Минусинского Музея декабристов.....	66
Никифорова Е. А. Фотоматериалы из фондов Минусинского музея и семейных архивов как первоисточник по истории советского периода деревни Кривая.....	72
Романова С. А. Работа с посетителями с ОВЗ как одно из направлений деятельности Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова.....	76
Сидорина Е. Ю. Грантовый проект «Фармакология для всех...».....	79
Шабаева Е. Ю. Статистические издания в собрании научной библиотеки Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова.....	80

РАЗДЕЛ II. АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....83

- Бутанаев В. Я.** Кыргызские изваяния и камнерезное искусство рунического письма.....83
- Кызласов И. Л.** Енисейские рунические надписи Восточного Туркестана, открытые Дмитрием Александровичем Клеменцем.....96
- Тугужекова В. Н.** К 300-летию археологических раскопок в Сибири.....101
- Губенко Е. В.** Характеристика археологических коллекций бус гунно-сарматского времени в собраниях Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова.....105
- Гюльмамедова А. А., Заика А. Л.** Изображения в скифо-сибирском стиле в петроглифах Шалаболинской писаницы.....107
- Заика А. Л., Будилов В. А., Трофимов А. Ю., Данилейко В. А.** Петроглифы на курганных камнях в Верхнем Причулымье (результаты исследований 2019 г.).....110
- Заика А. Л.** Исследования памятников наскального искусства в 2021 году.....115
- Заика А. Л., Клементьев А. М.** Образ верблюда в петроглифах Среднего Енисея.....118
- Заика А. Л., Муратов Е. С., Королёв С. А., Данилейко В. А.** Результаты исследований петроглифов «Рыбное» на р. Ангаре в 2021 году.....122
- Заика А. Л., Гурулев Д. А., Куницкий В. И., Гревцов Ю. А., Тарасов А. Ю.** Петроглиф «Нижний брат» (результаты исследований 2021 года).....125
- Зарипов А. Р.** История археологического изучения Койбальской степи.....128
- Киргиников Э. Н.** Исследования археологической экспедиции ХНКМ им. Л. Р. Кызласова в южной части Койбальской степи Хакасско-Минусинской котловины.....133
- Ковзунова П. В.** Стратификация в локальных сообществах пазырыкской культуры на примере памятников Тыткескень-I и Тыткескень-VI.....137
- Митько О. А.** Раннесредневековый меч из окрестностей города Саяногорска. Государственное задание Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).....142
- Можарова Е. А., Журавков С. П.** Новые наскальные изображения первого сектора писаницы Ленкова гора.....147
- Попельшко Д. В., Заика А. Л.** Образ воина и охотника на Шалаболинской писанице..150
- Тетерин Ю. В.** Сожжение Таштыкских грунтовых могил (по материалам могильника Староозначенная Переправа I).....154
- Тенятникова Е. В., Заика А. Л.** Образ лодки в Шалаболинских петроглифах.....159

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ СИБИРИ.....166

- Дементьев А. П.** Общественно-политическая жизнь Минусинского уезда в 1917 г.166
- Донгак А. А.** Женское движение Тувинской Народной Республики.....171
- Карчаева Т. Г.** Дореволюционные и советские государственные служащие Минусинского уезда Енисейской губернии в нач. XX в.: сравнительная характеристика и персоналии.....174
- Леонтьев Е. В.** Структура семьи крестьян юга Красноярского уезда в начале XIX в. (по материалам Минусинской волости).....178

Погребняк А. И. Проекты Ачминдора и их воплощение.....	185
Стельмах Е. И. Культурно-историческая обуза.....	192
Топчеев В. В. Системные кризисы в здравоохранении на примере истории медицины Хакасии в 1920-1940-е гг.	195
Тюлюш Н. Ю. Истоки национального праздника тувинцев Шагаа.....	200
Шекшеев А. П. Советская власть и енисейское крестьянство: отношения зимой – летом 1920 г.	203
Шлыкова С. А., Мезенцева В. О. Сохранение и популяризация исторического наследия Красноярского края на примере использования архивных документов личного происхождения.....	218
Хожаев А. С. «Гостиница «Метрополь», 1890 г., рек. 1960-е гг. (не ранее 1963 г.). Красноярский край, г. Минусинск, ул. Ленина, 74.....	223
Хожаев А. С. «Административное здание», эклектика, 1956 г. Красноярский край, г. Минусинск, ул. Ленина, 92.....	229

РАЗДЕЛ IV. КРАЕВЕДЕНИЕ И РОДОСЛОВИЕ.....234

Белуsoва С. С. Поддержка многодетных семей накануне Великой Отечественной войны. По материалам школьного музея.....	234
Зырянова В. А. О жизни поляков в «Стране слёз и льда».....	236
Калюга А. Е. Нам есть что помнить: к 30-летию принятия закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».....	241
Коваль Т. Г. Григорий Хлебников: страницы творческой биографии.....	245
Кривоносова Е. Л. Интеграция женщин в общественную и производственную деятельность на Черногорских копях в 1920-1930 гг.	248
Максимова И. А. История затопленных поселений: Бузуново.....	251
Новолоцкая Д. А. Роль волонтеров Минусинского медицинского техникума в организации донорства крови юга Красноярского края.....	256
Ооржак Ш. С. Национальная валюта Тувинской Народной Республики.....	261
Сёмочкина В. Ф., Попугаева И. Г. Колокол Памяти.....	264
Сялдышева И. Н. Использование краеведческого материала на уроках ОДНКНР и родной русской литературы.....	270
Тараканова О. С. Ассоциация «Сибирская Ли́ра» – новая форма литературного сообщества.....	273
Тимофеев А. Н. Издатель Николай Мартьянов на страницах газеты «Новое Русское Слово» (1950 – 1969).....	277
Фёдоров И. Г. Святыня Красноярского Знаменского скита.....	283
Худышкина С. П. Список убитых по данным метрических книг Енисейского городского архива в период 1919 года, как исторический источник истории Гражданской войны в Енисейске и Енисейском округе.....	288
Чепашева А. Ф. Лямщицы Байкита – бурлачки на Подкаменной Тунгуске во время Великой Отечественной войны.....	293
Шоева М. П. Потомки рабочих Абазинского (Абаканского) железодобывающего завода.....	299
Хертек А. С. История памятника Иннокентию Сафьянову в Кызыле.....	305

РАЗДЕЛ V. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ

СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....310

- Будников А. Л.** Формирование рельефа, рек, озёр Хакасии, юга Красноярского края в позднеплейстоцен-голоценовый период развития.....310
- Будников А. Л.** Памятники природы Койского Белогорья (Красноярский край).....315
- Гаврилов И. К., Алябьева А. С., Шергалин Е. Э.** Сборы Е. О. Яковлева в естественно-научных фондах Красноярского краевого краеведческого музея.....318
- Игай Е. Л.** Изучение флоры и растительности Сибири от Н. М. Мартынова до наших дней...322
- Кичапина А. В.** История формирования орнитологической коллекции Минусинского музея.....327
- Комкин А. А.** 1979 год – Саяно-Шушенская ГЭС. Воспоминания очевидца.....331
- Мальшева Т. Л.** Использование лекарственных растений от кашля, описанных в каталоге Н. М. Мартынова, в современной фармакологии.....334
- Нагорных В. В.** Минусинск в воспоминаниях политических ссыльных, путешественников-членов РГО.....341
- Решетникова И. Л.** Роль Императорского Русского Географического общества в становлении и развитии Минусинского музея.....347

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....353

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....358

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....364

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ.....372

РАЗДЕЛ I.

МУЗЕЙНАЯ СИБИРЬ И БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО

С. А. Борисова,
г. Минусинск

Минусинский музей им. Н. М. Мартянова как пространство реализации проектной деятельности

История Минусинского музея им. Н. М. Мартянова рассказывает о разной степени проектной активности – это и периоды большого консерватизма и, безусловно, повышение проектной деятельности в эпоху глобализации.

На протяжении последних пяти лет в Минусинском музее проектный подход является самой эффективной формой реализации музейной работы по всем направлениям. Не стал исключением и 2021 год.

В преддверии 200-летия Енисейской губернии и 145-летия Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова, он стал довольно продуктивным в рамках реализации различного рода проектов, в том числе издательских и подписания соглашений с партнёрами и коллегами.

Итак, чем запомнился этот год в музейном мире?

В первую очередь тем, что Минусинский музей им. Н. М. Мартянова стал членом ИКОМ России – Национального комитета международной неправительственной организации, объединяющей музеи и музейных профессионалов. Сегодня это членство даёт возможность развития музея в области проектной деятельности и перспективу заключения новых соглашений, в том числе международного характера.

В 2021 году, уже как член ИКОМа, Мартяновский музей стал победителем конкурса и принял участие в тренинге «Расширяя сенсорный опыт: работа с незрячими и слабовидящими посетителями в музее» (г. Москва). Обучающая программа для музейных сотрудников была организована Российским комитетом Международного совета музеев (ИКОМ России) при поддержке Фонда президентских грантов. Зачисление на тренинг осуществлялось на конкурсной основе. Отбор прошли 37 музейных специалистов из 24 регионов России, в том числе победителем конкурса стал и Минусинский музей. Данная стажировка была осуществлена на средства ИКОМа.

Впервые в 2021 году Мартяновский музей получил поддержку грантовой программы в области культуры и искусства Фонда Президента РФ. Автор и руководитель проекта – директор музея С. А. Борисова.

В результате реализации проекта состоялись экспедиции в южные районы края, творческие консультации с представителями органов культуры, общественностью и сотрудниками местных музеев. Были изучены коллекции музея им. Н. М. Мартянова. Итогом реализации проекта стало создание мультимедийного альбома-энциклопедии «Культурное наследие юга Красноярского края», которая стала «визитной карточкой» юга края.

Энциклопедия включила в себя освещение жизнедеятельности семи административных районов с центром в городе Минусинске, доступный широкому кругу пользователей. В нее также включены разделы, посвященные древнейшим археологическим культурам Минусинской котловины, эпохе Средневековья, переселению русских на Енисей, жителям и архитектуре Минусинска, памятникам революции и Гражданской войны, а также природным достопримечательностям Южной Сибири.

В наше время цифровая реальность играет большую роль, в том числе в выстраивании диалога с молодежью. Для нас – это возможность стать частью многогранного цифрового мира, продемонстрировать богатство и красоту малой Родины, её уникальный культурный код, голоса разных национальностей, культур, традиций, верований многих исторических эпох.

Так, в 2021 году Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартянова вошёл в число победителей в конкурсе по созданию мультимедиа-гида на платформе «Артефакт» Национального проекта «Культура», в рамках которого был создан мультимедиа-гид на русском и английском языках с технологией дополненной реальности по экспозиции «Этносы Саяно-Алтая».

Интерактивный гид позволяет самостоятельно знакомиться с редкими музейными предметами экспозиции при помощи смартфона и бесплатного приложения «Артефакт». При видеораспознавании или считывании QR-кода в экспозиции музея можно просмотреть «точки интереса», прочитать развернутое описание предмета, нажав на «точки интереса» и просмотреть фотографии. А для тех, кто предпочитает слушать, в рамках проекта «Артефакт» доступен аудиогид.

Экспозиция «Этносы Саяно-Алтая» посвящена истории, культуре и быту народов, живущих на территории древней долины Южного Енисея – хакасов и тувинцев. Среди коллекции – предметы шаманского культа и местной разновидности буддизма, украшения, посуда, одежда, конская упряжь, которые поступили в музей в конце XIX – начале XX веков.

Воплощение этнографической выставки в виртуальном пространстве помогает «посетить» музей людям с ограниченными возможностями здоровья, и тем, кому недоступен поход в музей.

Присутствие на платформе «Артефакт» музей им. Н. М. Мартянова в дальнейшем намерен расширять. Уже сейчас научными сотрудниками ведётся работа по комплектованию материалов для мультимедиа-гида по «Галерее древностей», чтобы любой посетитель музея или пользователь сети Интернет мог погрузиться в искусство тысячелетней сибирской истории, запечатлённое в каменных стелах и изваяниях.

В 2021 году мартьяновцы представили на конкурс благотворительного фонда Михаила Прохорова проект «Фармакология для всех» и одержали победу.

В собрании научной библиотеки, в музейном фонде сегодня хранятся печатные издания, предметы, подтверждающие научную, провизорскую деятельность Николая Мартянова в Минусинске, который ещё в 1893 г. составил и опубликовал каталог народно-медицинских средств, хранящихся в Минусинском музее. Богатая коллекция гербарных экспонатов, в которых есть и лекарственные растения, собраны основателем музея. Научная рабо-

та над описанием гербария Н. М. Мартьянова привела к идее создать совместный проект с преподавателями и студентами Минусинского медицинского техникума.

Гербарий Н. М. Мартьянова и его каталог народно-медицинских средств никогда не использовался как учебное пособие в образовательных программах, они были доступны только для специалистов, изучающих естественные науки. Эта идея и была оформлена в проект «Фармакология для всех» и представлена на грантовый конкурс. В рамках совместного проекта прошёл курс лекций, практических занятий по истории аптечного дела Минусинского края, а также переиздан каталог народных медицинских средств Н. М. Мартьянова и оцифрованы издания по лекарственным растениям из собрания научной библиотеки. Вся информация о реализации проекта представлена на сайтах Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова и Минусинского медицинского техникума.

С 13 сентября 2021 г. Минусинский музей успешно вошёл в проект «Пушкинская карта», и сегодня молодые люди от 14 до 22 лет могут посетить не только экспозиции музея, но и интересные разнообразные мероприятия и программы по «Пушкинской карте».

В предверии 200-летия Енисейской губернии, 145-летия Минусинского музея и, конечно, 200-летия Минусинска, которые мы отметим в 2023 году, Мартьяновским музеем запущен новый информационно-просветительский проект «История уездного города М», основная задача которого представить широкой общественности Минусинск как город-памятник.

Видеоролики продолжительностью 7-10 минут готовятся и размещаются раз в месяц на сайте музея, на портале Культура.24, ссылки дублируются в социальных сетях. Получены положительные отзывы и свой зритель. В ходе реализации этого проекта появляются новые идеи и объекты, о которых создаются интересные сюжеты. Одним из таких, например, стал ролик, посвящённый 300-летию прокуратуры России, которое будет отмечаться в январе 2022 года.

Ещё один мультимедийный проект – «Древнейшее наследие Сибири» был разработан в 2020 году и начал свою реализацию с января 2021 года. В его рамках представлены основные археологические культуры, их бытовые, военные, мировоззренческие особенности. Кроме того, описаны археологические памятники Среднего Енисея и деятельность МБУК МКМ по их изучению и сохранению.

Проект является открытым инструментом научно-просветительского направления, с учётом презентации продуктов проекта через основные медиа платформы музея, что позволяет расширить возможности формирования у жителей Южной Сибири и туристов из других регионов страны комплекса знаний об археологическом наследии Минусинской котловины и его ценности.

Теме археологии был посвящён ещё один совместный проект Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова и студии «Петроглиф». Нами был создан фильм-энциклопедия «Идолы Енисея», который вышел при поддержке государственной грантовой программы Красноярского края «Документальное кино Красноярья». «Идолы Енисея» призваны рассказать о монументальном искусстве Приенисейской Сибири – древних стелах и изваяниях. Впервые в одном кинематографическом исследовании были собраны обширные знания археологов и этнографов о зарождении, расцвете и упадке традиций, связанных с отражением

в каменных «идолах» мировоззрения древних культур Южной Сибири. Главной изюминкой кинокартины стали настоящие артефакты древности – изваяния из коллекции Минусинского музея им. Н. М. Мартянова – самого представительного собрания сибирского степного искусства. Работу над фильмом возглавил руководитель студии «Петроглиф» Дмитрий Лазуткин.

В 2021 году музей принял участие во Всероссийском мультимедийном проекте «Музеи России: 7 экспонатов». Уникальные и невероятные предметы из собрания Мартяновского музея мы представили в соцсетях в форме 7 коротких минутных роликов о реликвиях прошлого. Портрет Н. М. Мартянова, вышитый шёлком на крепдешине художником Григорием Аткиным, знаменитый камень Мессершмидта, обнаруженный в 1721 году в хакасской степи, мундир барона Фон Унгерна и минералы из коллекции, собранной ещё Николаем Михайловичем Мартяновым, изделия Гусевского стекольного завода, бараньи лопатки из этнографической коллекции и книга Джорджа Кеннана из собрания научной библиотеки достойно представили уникальное музейное собрание Мартяновского музея в виртуальном пространстве.

Особо хочется осветить ряд значимых выставочных проектов, реализация которых стала возможной в результате сотрудничества с нашими коллегами. Открыл год межрегиональный выставочный проект «Каменный холст», созданный по инициативе Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова.

Эта выставка стала увлекательным историческим экскурсом в историю древнейшего искусства Минусинской котловины, объединив художественные произведения, эстампажные копии петроглифов сибирских писаниц известного художника Владимира Капелько, фотографии писаниц, древних курганов, изваяний уйгурского и тюркского периодов. Участниками данного проекта выступили три ведущих музея Южной Сибири: Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова и Национальный музей имени Алдан-Маадыр Республики Тыва.

16 июля 2021 года музей им. Н. М. Мартянова представил выставку «Мастер сибирского пейзажа Тойво Ряннель». Благодаря партнёрству Минусинского музея и Союза творческих лидеров «Три сферы» посетители смогли увидеть более 50 работ знаменитого художника. Это стало уникальным событием: Минусинск первым к 100-летию известнейшего художника представил его полотна в своих залах, а также впервые ценители искусства смогли увидеть шедевры из частной коллекции семьи Ряннель.

В октябре 2021 года Минусинский музей им. Н. М. Мартянова представил ещё один межрегиональный выставочный проект — «Сибирский артР.О.К.», реализуемый при поддержке Министерства культуры Красноярского края. Данный проект оказался объединением творческих усилий музеев и организаций, занимающихся популяризацией современного изобразительного искусства в Сибири: Минусинского музея им. Н. М. Мартянова, Новокузнецкого художественного музея, Красноярского регионального культурно-спортивного центра «Содействие», Красноярской Арт-галереи Романовых. Безусловно, в 2021 году получили продолжение традиционные музейные проекты – это ежегодная выставка-конкурс художников Минусинска и Минусинского района «Минусинская палитра-2021», со-

вместные с Детской художественной школой г. Минусинска выставочные проекты работ учащихся «Мой музей», «По дороге творчества», «Цветик-семицветик» и другие.

В 2021 году значимым проектом для Мартьяновского музея стала реэкспозиция нашего отдела – Мемориального музея «Дом-квартира Г. М. Кржижановского и В. В. Старкова». Реэкспозиция задумана в рамках 50-летия музея, которое мы отметили в прошлом году, тогда же и была подготовлена концепция. Сегодня проект реализован и новая экспозиция получила название «Минусинск. Усадьба и быт населения уездного города XIX-XX вв.».

Весной мы завершили реэкспозицию Музея декабристов, который остаётся единственным в Красноярском крае. Новая экспозиция посвящена судьбам жён сибирских декабристов и вниманию посетителей представлен фрагмент будуара – личного пространства дворянок XIX века, где писали письма, принимали гостей, занимались рукоделием.

Важным шагом для Мартьяновского музея в 2021 году стало подписание ряда соглашений. В сентябре, на Международном Сибирском историческом форуме в г. Красноярске состоялось подписание трёхстороннего соглашения о сотрудничестве между первым публичным музеем Российской империи Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), первым публичным музеем Енисейской губернии Минусинским региональным краеведческим музеем им. Н. М. Мартьянова, и Красноярским краевым отделением ВВО «Русское географическое общество».

Соглашение предполагает сотрудничество в области проведения совместных научных исследований и встреч, обмена научной информацией, развития музейной и образовательной деятельности, проведения полевых и музейных исследований, а также обмена кадрами для совместных проектов.

Кроме того, на Форуме Минусинский краеведческий музей успешно выступил организатором площадки «Декабристы в Сибири», в работе которой приняли участие потомки декабристов и музеи с декабристской тематикой со всей России. В 2022 году, в рамках IX Сибирского исторического форума, Минусинский музей выступит организатором музейной платформы, пригласив для участия в работе форума всё музейное сообщество России.

Особенно плодотворным 2021 год стал для музея в области научно-издательской деятельности. Археологический институт Цзилиньского университета Китая издал книгу «Сокровища бронзовых изделий Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова». Выпуск издания стал результатом совместного проекта, в рамках которого в январе 2018 года было подписано соглашение между Минусинским музеем и Цзилиньским университетом. Это уникальное издание представляет собой каталог древних бронз из коллекции музея на трёх языках: русском, китайском и английском. Появление такого издания важно не только для самого музея, как каталог одной из уникальнейших коллекций собрания, но и для тех, кто интересуется археологическим наследием Минусинской котловины, сибирскими древностями и прекрасными артефактами из нашей коллекции.

Помимо каталога Минусинским музеем был подготовлен целый ряд научных и литературных проектов:

– настоящим подарком в преддверии 200-летия Енисейской губернии, 145-летия музея и 200-летия города Минусинска стала коллективная монография «Минусинск. Очерки со-

циальной истории уездного города». Монография вышла под редакцией ст. научного сотрудника Минусинского музея Евгения Леонтьева. Книга включила в себя серию работ, описывающих различные аспекты жизни уездного (окружного) города Приенисейской Сибири XIX – начала XX вв. Над монографией работал авторский коллектив. Рецензентом издания выступил доктор исторических наук, профессор Института истории СО РАН Михаил Викторович Шиловский.

Издание «Николай Фёдоров. Фотолетопись старинного Минусинска» увидело свет в 2021 году, благодаря победе Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова в грантовом конкурсе «Книжное Красноярье». Альбом знакомит читателя с дореволюционным Минусинском, историей, ключевыми событиями и архитектурными объектами в стиле «сибирского барокко», которые запечатлены на лучших фотографиях Николая Васильевича Фёдорова – ещё одной уникальной коллекции музея.

Совместно с Александром Петровичем Шекшеевым, к.и.н., был реализован издательский проект «Органы ВЧК/ГПУ/ОГПУ и большевистская трансформация общества. Незвестная история Енисейской Сибири», рассказывающий о трагических, героических и повседневных событиях, произошедших после революции 1917 г. на территории современных Красноярского края и Республики Хакасия.

Минусинский музей продолжает поддерживать и устанавливать связи с потомками исторических личностей, имеющих отношение к городу и югу Сибири. Исследовательская деятельность остаётся одним из важнейших направлений работы музея. И в 2021 году удалось установить связь с прямым потомком купца Герша Мордуховича Вильнера – Марком Яковлевичем Вильнером, который проживает в Москве. Это удивительный человек, достойный потомок своего знаменитого предка. В результате музей смог опубликовать мемуарное издание «Как сибирский крестьянин стал купцом первой гильдии» – воспоминания биографического характера, основателя торговой оптово-розничной фирмы г. Минусинска, владельца знаменитого дома – «Сибирского зимнего дворца» – Герша Мордуховича Вильнера.

Кроме того, был подготовлен и издан сборник литературных произведений известной минусинской поэтессы Виктории Павловны Дружинкиной. Он получил название «И Бога вновь благодарю...». Презентация состоялась 3 декабря, в день рождения поэтессы.

Продолжил музей свои традиционные издательские проекты – ежегодный сборник докладов и сообщений научно-практической конференции «Мартыановские краеведческие чтения» и сборник «Учёные записки».

Кроме того, был возобновлён ежегодный открытый конкурс «Музей года. Южная Сибирь – 2021», который вот уже в 12-й раз объединил музеи южной, центральной Сибири и северных районов Красноярского края.

Сегодня Мартыановский музей выступает не только в традиционной роли хранителя и транслятора культурного наследия, но и становится неотъемлемой частью современных социальных и экономических процессов. Отвечая новым запросам современного посетителя, музей перестраивает работу с учетом особенностей социокультурной ситуации региона и все чаще обращается к инновационной проектной деятельности, сохраняя традиции и продолжая дело, начатое ещё в XIX веке основателем Николаем Мартыановым. Впереди нас ждут новые проекты, подготовка к их реализации уже началась. Одним из

главных в 2022 году станет подготовка новой постоянной музейной экспозиции «Тень тысячелетий... Хакасско-Минусинский край – очаг древнейших культур Южной Сибири» во II корпусе после окончания работ по сохранению объекта культурного наследия.

2021 г.

**О. Г. Ахремчик,
г. Абакан, Республика Хакасия**

Мифотворчество Александра Доможакова: расшифровка исторических и традиционных кодов восприятия в живописных произведениях

Думается, что сейчас повсеместно, как-то исподволь, на периферии сознания мы ощущаем постепенную утрату исторического и культурного контекста. Меняется окружающая нас визуальная среда. Меняется визуальный изобразительный язык. Меняется и подход к основным принципам искусства. В связи с этим возникают некоторые проблемы, в том числе коммуникационные, психологические, социальные. И это давление, информационное и визуальное, подталкивает современного художника и зрителя к чему-то устойчиво – понятному, к первоисточку.

Разговор сегодня пойдёт о творчестве Александра Доможакова – хакасского художника, который создал свой собственный изобразительный язык, на котором, вот уже около тридцати лет пытаются говорить его последователи. Язык, который в основе своей имел праязык петроглифов Хакасии. Автор намеренно в данной статье не обращается к биографии художника, так как обширные биографические сведения можно подчерпнуть из прекрасных статей Л. Алимовой, Л. Лариной и др. Хотя некоторые обращения к этой теме все же будут сделаны.

Как создать свой собственный изобразительный язык, чтобы за каждым символом таился образ духовный или материальный, как выразить невыразимое? Причём необязательно, при этом, что ты, творец своего собственного мира, будешь понятным и станешь признанным. Первая персональная выставка Александра Доможакова состоялась в Абакане в 1990 году. В это время диктатура реализма в советском искусстве перестала существовать, как перестало существовать и само «советское искусство» и появилось «художественное разномыслие». Выставка Александра, как яркий прожектор высветила направление археоарт в изобразительном искусстве Хакасии. Многие художники обращались и обращаются к нему до сих пор, но ни один из них не достиг такого виртуозного соотношения изобразительных первоэлементов, и их интерпретации как Доможаков. Если отсчитывать творческую историю художника с первой персональной выставки, то она невелика – 7 лет. Однако то, что смог сделать один творец за семь лет, другому не удаётся за всю жизнь. Обладая коллекцией работ Александра Доможакова, Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова и Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова считают своим долгом изучать, интерпретировать и публиковать это наследие.

Без контекста сама по себе картина лишена всякого смысла. Она лишь набор цветowych пятен. Задача автора статьи при всей устремленности повествования вовнутрь, в анализ жизни и творчества художника через контекст культуры народов Минусинской котловины, рассказать о синтезе мифологии и живописи в произведениях художника так открыто, чтобы создать диалог между культурами временными и пространственными, попытаться расшифровать некоторые произведения, обращаясь к археологическим и этнографическим источникам.

В эпохи переходные, художник интуитивно обращается к устойчивым мифоэпическим образам своей территории и родственной ему культуры. Александр, чья творческая деятельность, безусловно, началась задолго до первой персональной выставки, обращался к различным жанрам и техникам, как в живописи, так и в графике. Будучи выпускником Красноярского художественного училища им. В. И. Сурикова, он впитал идеи и освоил изобразительные приемы реалистического письма. Его портреты и, особенно пейзажи – это повествование спокойное и интеллигентное о людях и удивительной природе Хакасии («Река Чулышман». 1988, бум., акварель 60x43 см., ХНКМ НВФ-987/88, «Водопад «Чертов мост» бум., акварель 61x42 см. ХНКМ НВФ-987/89, «Порог «Серп». 1989 бум., акварель 61,2x42,3 см. ХНКМ НВФ-987/90). Обращался художник и к вечным темам – бесконечности, зарождении всего сущего, теме противостояния добра и зла. Так, его размышления превратились в картины: «Рождение Вселенной», «Дух черного солнца», «Дух ночи», «Цветной дух» (Частная коллекция). Знакомство в конце 1970-х годов с художником и археологом Владимиром Капелько, его женой – археологом Эрой Севастьяновой очень повлияло как на мировоззрение художника, так и на его творческое сознание. Внезапно, для хакаса из старинного качинского рода Доможаковых, он, кстати, в 1990 году подписывал свои работы уже хакасским именем Саркай Томыщак, Хакасия открылась с удивительной стороны. Она – древняя прародина, история которой «выкапывается из земли» археологами сегодня, в этот полевой сезон, и в отчетах ученых предстает более познанной, но, по-прежнему, таинственной. Художник понял, что он должен, он просто обязан рассказать эту историю языком живописи, с помощью кистей и масляных красок, выразить современным языком, то, что он узнал, когда рассматривал археологические памятники, изучал и копировал вместе с Капелько петроглифы.

Изучение древней истории Минусинской котловины, работа в археологических экспедициях, походы с Капелько к писаным скалам, а также работа вместе с Владимиром Феофановичем и Эрой Антоновной над построением экспозиции «Древнее искусство Хакасии» в Мартыановском и Хакасском музеях – все это дало импульс к созданию работ на тему археологических культур Минусинской котловины. Окуневская культура- культура каменных изваяний, которые являются визитной карточкой не только местных музеев, но и всего региона, – стала источником появления работ «Личина» (1990 г. Холст, масло. 125x106 см. МКМ ОФ-11159/41, Ж-808, № по ГК: 9871221), «Антропоморфный двойник» (1991 г, Холст, масло. 79x140 см. МКМ ОФ-11159/37, Ж-804, № по ГК: 9871225) и целой серии гуашевых произведений. Культура получила свое название по имени улуса Окунева на р. Уйбате, где были раскопаны первые могилы этого типа (конец III тыс. – начало II тыс. до н.э.). Окуневцы почитали огонь и солнце, они посвящали небу и богам священных животных, совершали воскурения в специальных глиняных курильницах, устанавли-

вали каменные культовые стелы. Вероятно, был развит и космический культ, связанный с представлениями о смене дня и ночи, погоне и поглощении «драконом» солнца. Изваяние с тремя лицами богов, расположенных друг над другом, свидетельствует, что вселенная представлялась окуневцам вертикальной в виде небесного, земного и подземного миров. Переплетение древних космогонических представлений и этнографических отсылок очень характерно для творчества Александра. Картина «Дух черного солнца» (1990 г. ХНКМ КП-8435) выполнена маслом на холсте размером 100 на 100 см.

Думается, что квадрат выбран художником не случайно, эта фигура из всех прямоугольников максимально приближена к кругу. И если бы у Александра был круглый подрамник, то, безусловно, для написания данного произведения он выбрал бы его. Работа написана широко, пастозно. Там, где Саше не хватало возможностей кисти, он использовал собственные пальцы. Безусловно, взгляд зрителя обращается в центр холста, где находит антропоморфную, типично окуневскую трехглазую личину. Она черная, как и положено быть «черному солнцу», но этот цвет не безусловно черный, не поглощающий все существующее как черная дыра, нет, он «символично черный». Смешанный из всех цветов палитры, где-то один, то другой цвет как бы просвечивают на этом лике и создают иллюзию движения. Диаметрально от личины отходят лучи, как и на окуневской стеле «Солнцеликое божество», которая экспонируется в постоянной экспозиции «Древнее искусство Хакасии» ХНКМ им. Л. Р. Кызласова. И вроде, по всем законам жанра, солнечные лучи должны излучать тепло, но тепла мы не чувствуем и не только потому, что они написаны серебристыми холодными оттенками, но и потому, что художник показывает нам, что это солнце подземного мира. Да, оно светит, даже сверкает, но не греет, не пробуждает жизнь. Древнейшим верованием являлся анимизм от лат. *anima, animus* – «душа» и «дух» соответственно, это одушевление всего, что окружало первобытного человека от реки и скалы до каждого живого существа. Особое отношение к природе до сих пор сохранилось в хакасском менталитете и культуре. У каждого хакасского сеока есть своя родовая гора или река. У стада есть дух-охранитель, охотники ублажали пением хайджи духа леса, чтобы он поделился животными. Так почему не быть духу солнца, которое светит в подземном мире нашим ушедшим предкам?

Метафоричность – это особенность художественных произведений Александра. Создание своих собственных образов, которые до него не создавал никто, наделение их смыслом – это акт творения, который доступен далеко не каждому художнику. Обращаясь к образам другой археологической культуры – тагарской, Александр понимал, что это культура величественных курганов, которые создают неповторимый ландшафт хакасской степи, удивительной скифской триады, предметы которой хранятся в лучших музеях России и до сих пор поражают исследователей своим мастерством и функциональностью. В VII-III вв. до н. э. в Минусинской котловине складывается первое южносибирское государство, которое зафиксировано в древнекитайских летописях как «Динлин го» – «государство Динлин». Наиболее ранние сведения о тагарцах легендарны. Это представления о живущих в северных землях вечных всадниках, как бы сросшихся со своими конями, о своеобразных кентаврах. В одном из источников сказано: «Ещё были там богатыри с человеческими туловищами и лошадиными ногами, покрытые длинной шерстью. Это были жители страны Динлин. Они хлестали сами себя нагайками по ногам и носились по степи с быстротой

ветра с криками «га, га, га!», как дикие гуси в осеннем небе». [1, с.30] Скифская триада – три характерных археологических признака, отличающих культуру скифо-сибирского мира: оружие (особенно железный меч акинак), конское снаряжение и звериный стиль. Все это послужило визуальной и идеологической основой для обширной серии работ на эту тему («Тагарская бронза» к.м. 58x49 см. ХНКМ НВФ-1449/31). К образу скифского оленя Александр Доможаков обращался множество раз: «Конь-олень». 1990 г. Холст, масло. 122x141,5 см. МКМ ОФ-11159/40, Ж-807, № по ГК: 9871222; «Олень» 1992 г. бум., масло 22,4x31,6 см. ХНКМ НВФ-987/76, «Золотой олень». 1992 г. бум., масло, 22,2x31,5 см. ХНКМ НВФ-987/78. В целом же, для работ Александра на тему скифов, как и для всего скифского искусства, характерны следующие особенности: монументальность и простота, отсутствие вычурности, использование образа местного животного, одиночные изображения фигур животных, отсутствие сцен борьбы зверей или фантастических существ. У художника олень – это солнечный символ, в рисунках он изображает его золотом на голубом. Рога оленя – это солнечные лучи, лучи плодородия, дающие жизнь.

Уже в начале I тысячелетия н. э. у кочевников Центральной Азии естественным путем (без всякого вероучителя), на основе архаического мировоззрения, олицетворения и почитания природы сложилась ранняя форма религии – шаманизм. Это религия с ярким ритуальным культом, священными предметами – бубном и облачением шамана, без которых невозможно камлание. Именно эти священные ритуальные предметы особенно насыщены различной символикой. Это и рисунки на бубнах, различные железные и деревянные подвески на облачении шамана, шкурки зверей и птиц, узоры вышивки и т. д. Камлание как обряд моления с его экстатическими действиями и состоянием служителей этого культа, безусловно, привлекал впечатлительного художника. Однако, Александр понимал, что это не есть сущность шаманизма. В произведениях «Шаман» 1990 г., «Бубен шамана» 1990 г. (частная коллекция) зритель фиксирует своё внимание в первую очередь на внешней стороне: на хам тон (букв. «шуба» или «верхняя одежда» кама), на облачении шамана и на его бубне. Однако, задача художника не «фотография» обряда камлания (картина «Трупосождение» 1990 г. х., м., 185x103 см. ХНКМ КП-8437), а показать внутреннюю сущность шаманизма – моление божеству или духу. Фон произведения сложного фиолетового оттенка. Такого оттенка мы не увидим в реальном мире, он подчеркивает ирреальность происходящего, чему мы стали невольными свидетелями. Действие происходит на границе двух миров: среднего, откуда человек уходит, и нижнего, куда он идет, а шаман лишь посредник-проводник. Он уже развоплощён. Александр не пишет шамана материальным, телесным, шаман у него прозрачен, лишь несколькими линиями обозначен силуэт. Камляет не человек, а объединённые экстазом развевающиеся чалома и духовная сущность шамана, бубен – солнце и молчаливые, застывшие менгиры. В произведении «Двойник шамана», 1991 г. х., м., 100x76 см. ХНКМ КП-8436 тоже силуэтно – изображённое антропоморфное существо. Двойник – это душа шамана, которая беседует с духами, просит их о помощи, или отправляется на поиски души больного человека. Вот как пишет об этом знаменитый исследователь шаманизма Л. П. Потапов: «Даже такое философское теологическое представление, как вера в материализацию двойника («души») человека, было выражено небольшим углублением в деревянной рукоятке бубна, символизировавшем место хранения «души» больного, уход которой и был причиной заболевания. Шаман во время камлания

находил и ловил эту душу, помещал ее сначала в бубен, а уже в конце камлания из бубна возвращал больному». [2, с. 308.]

В художественном фонде Минусинского краеведческого музея им. Н.М.Мартьянова есть три работы: «Тайна духа». 1990 г. Холст, масло. 90х90 см. МКМ ОФ-11159/35, Ж-802, № по ГК: 9871228, 1406, «Грёзы». 1991 г. Холст, масло. 110х90 см. МКМ ОФ-11159/36, Ж-803, № по ГК: 9871226 и «Продолжение». 1991 г. Холст, масло. 99х80 см.; (100х80) МКМ ОФ-11159/38, Ж-805, № по ГК: 9871224 – эти произведения можно назвать воплощённым в сумме холста и масла личным мифом художника Александра Доможакова. В основе образов обнаруживается антропоморфная окуневская личина с отходящими от неё лучами, рисунки силуэтов напоминают линии петроглифов тагарского времени, а нарратив имеет этнический и даже шаманский окрас.

Заключение.

Произведения Александра Доможакова одновременно и реальны и мифологичны. Реальны, поскольку существуют под своими номерами в фондохранилищах музеев, но это не скрывает их мифотворческие корни и не делает их сюжеты более понятными, как и произведения древних художников, оставивших нам в наследство галерею петроглифов. Искусство художника возникло из его психокультурного и социокультурного ландшафта, из того, в какой семье он родился и каких друзей имел, о чем думал и какие книги читал. Произведения Александра Доможакова, для внимательного зрителя могут стать «дверью» в мир сибирской археологии, они связаны с религиозными верованиями и, в то же время, доносят до нас тот эмоциональный тонус, ту интенсивность чувств, которыми обладал художник. И брал ли он окуневскую культуру, тагарскую или шаманизм, он представлял свою иллюстрацию, наполненную не только нарративом, но и невероятным творческим импульсом. Сегодня, чтобы успеть за быстрой сменой художественных стилей и контекстов или создать свои собственные, художник должен ежедневно разрушать предыдущие образы, абсурдировать их. Александр не доводил древние изображения до абсурда, уничтожая их, напротив, переосмысливая, постигая их сущность, давая им колористическую оценку, он оживлял, реинкарнировал их в двадцатом веке. Творчество для Саши Доможакова было способом выражения его непростого духовного состояния, это был способ обращения к недружелюбному к художнику миру, с которым он так и не прожил долгую и счастливую жизнь. Художник ушел совсем молодым, в феврале 1998 года. С помощью произведений Александр как бы зафиксировал свои собственные открытия и опыт, сохранил память о своих предках, которыми он, безусловно, очень гордился, но главное – искусство помогало ему сосуществовать с этим миром, а сегодня помогает нам узнавать и понимать мир художника.

Библиографический список:

1. Кызласов Л. Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). Пособие для учителей истории. – Абакан, 1989 – 58 с. С. 30
2. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. – Ленинград. «Наука», 1991 – С. 308.

А. А. Бабий,
г. Красноярск

Принципы построения Книги памяти жертв политических репрессий

Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края издаётся по решению администрации Красноярского края. Исполнитель – Архивное агентство Красноярского края. В состав рабочей группы входят представители Архивного агентства, архива РУ ФСБ России по Красноярскому краю, информационного центра ГУ МВД по Красноярскому краю и Красноярского общества «Мемориал»*.

Тома 1-10 содержат сведения о людях, арестованных на территории Красноярского края (включая Хакасию) по политическим мотивам и, впоследствии, реабилитированных, и основываются на сведениях из архива РУ ФСБ и Государственного архива Красноярского края. Тома 11-14 содержат сведения о семьях, раскулаченных на территории Красноярского края (не включая Хакасию), и основаны на сведениях из районных архивов края.

Рассмотрим эти две категории подробнее.

Книги памяти очень различаются по составу полей в биограмме. Нам надо было решить, что именно из архивно-следственного дела должно войти и в каком виде. Мы рассмотрели несколько десятков Книг памяти, изданных к этому времени, и приняли за основу формат Омской Книги памяти, на наш взгляд, лучшей из имеющихся.

Типичная биограмма в Книге памяти жертв политических репрессий, составленная по материалам архивно-следственных дел, выглядит так:

КАМПЕРНАУЗ Август Оттович. Род. в 1893 в Лифляндской губ. Латыш, из крестьян, малограмотный, беспартийный. Проживал в д. Томника Уярского р-на КК. Охотник в тресте «Союзохота». Арестован 03.12.1937, содержался в Канской тюрьме. Обвинение в КРО. Приговорен 03.02.1938 Комиссией НКВД и прокурором СССР к ВМН. Расстрелян 25.02.1938 в г. Канске. Реабилитирован 05.07.1957 ВК ВС СССР (П-7729).

То есть ФИО. Год рождения. Место рождения. Место проживания. Национальность. Образование. Происхождение. Партийность. Род занятий или должность. Дата ареста. Обвинение. Дата приговора, кем приговорён и приговор. Дата реабилитации, кем реабилитирован. Номер архивно-следственного дела.

На самом деле не всё так просто. Анкета арестованного заполнялась малограмотными писарями НКВД со слов арестованного и содержит много ошибок типа «родился в 1894 г. в г. Новосибирске». Поэтому мы приняли правило: если речь идёт о населённом пункте на территории Красноярского края, информация приводится полностью по состоянию на момент рождения/проживания с учётом времени (губерния, волость, уезд или же край, район). За пределами же края оставляли только название губернии, поскольку проверить правильность написания географических объектов было очень сложно.

Нередко человек осуждался несколько раз в одном регионе, и поэтому в списке встречается несколько раз. С некоторой осторожностью мы объединяем биограммы из одного и того же списка, например, так:

КОТЛОВ Григорий Демидович. Род. в 1899 в с. Абаканское Минусинского уезда Енисейской губ. Фотограф. Арестован 20.04.1931. 2,5 месяца провёл в Минусинской тюрьме.

Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Осуждён тройкой ПП ОГПУ ЗСК на 5 лет ИТЛ. Срок отбывал на Белбалтлаге, работал фотографом, освобождён досрочно. Вернулся в с. Краснотуранское. Работал в фотоателье. Арестован 01.06.1936. Обвинение по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР. Осуждён 03.11.1936 ОСО НКВД СССР на 5 лет ИТЛ. Срок отбывал в Амурлаге, работал на лесосплаве. Освобождён в 1942. Проживал в г. Черногорске, мобилизован в трудармию, работал в угольной шахте. Арестован 01.11.1944. Осуждён 06.01.1945 облсудом Хакасской АО на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. Срок отбывал в Черногорском спецлагере, работал в шахте, затем фотографом. Арестован в 1946 в лагере. Осуждён на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. Срок отбывал в ОЛПе-1 Енисейлага в г. Красноярске на гидролизном заводе. Арестован в феврале 1948 в лагере. Осуждён в июне 1948 лагерным судом на 10 лет ИТЛ и 5 лет лишения политических прав. В июле 1948 прибыл в Норильлаг. Освобождён 25.05.1955. Проживал в г. Краснотуранске. Умер 10.08.1983. Реабилитирован 31.07.1992, 30.03.1989 и 04.08.1989 прокуратурой КК (П-15176, П-20394, П-18463).

С некоторой осторожностью – потому что не всегда можно уверенно утверждать, что это один и тот же человек. В архивно-следственных делах даты рождения и географические названия нередко различаются, могут отличаться и ФИО (Анищенко и Онищенко, Егор и Георгий и т.д.). Тем не менее, мы в томах Красноярской Книги памяти «по 58-й статье» это делали. Следует заметить, что в большинстве Книг памяти эта работа не делалась. Заметим также, что в биограмме указаны и места, в которых человек отбывал срок. Это стало возможным благодаря тому, что данные из базы данных ФСБ дополнялись сведениями из базы данных «Мемориала».

В «крестьянских» томах Книги памяти мы пошли дальше и стали использовать источники, которые, насколько нам известно, ранее при составлении Книг памяти не использовали.

Опишем эту технологию подробнее.

Биограмма в крестьянских томах имеет более сложную структуру. Биограмма составляется не на отдельного человека, а на семью. Более того, отдельные члены семьи имеют отдельную «траекторию» – они могли быть арестованы, или сосланы отдельно.

Сначала, как обычно, на основе районного фонда лишённых избирательных прав составляется список лишенцев, содержащий списки семейств и сведения о лишении избирательных прав и высылке. Обычно из этого списка отбираются семьи, подлежащие реабилитации, т. е. выселенные (в т. ч. по третьей категории) и на этом процесс составления книги завершается. У нас же это только предварительная фаза работы.

Сначала с сайта Красноярского общества «Мемориал» (memorial.krsk.ru) отбираются сведения о людях, репрессированных в данном районе или являющихся членами семей из списка – ведь лишение избирательных прав нередко было только одним из видов репрессий, применённым к членам семьи. Люди, раскулаченные в 1930, нередко были арестованы до этого, в 1920-21 гг., и с очень большой вероятностью – потом, во время «кулацкой операции» 1937-1938 гг. Типичные примеры:

ДАШКЕВИЧ (Дошкевич) Иосиф Фадеевич. Род. в 1882. Уроженец и житель г. Ачинска. Из крестьян. Писарь Ачинского подотдела топлива. Арестован 16.04.1920. Обвинение в КРА. Дело прекращено 30.05.1920 Ачинской УЧК по реабилитирующим обстоя-

ятельствам. Лишён избирательных прав в 1927 как бывший поручик. Реабилитирован 20.12.2002 прокуратурой КК (АРУ ФСБ России по Красноярскому краю д. П-4692; Архив г. Ачинска. Ф. 310. Оп. 1-С. дело 957а; Ф.295 оп. 1-С. дело 1354)

КАМИНА (Камин) Владимир Мартынович. Род. в 1902 в с. Бараново Киевской губ. Украинец, малограмотный. Проживал в д. Новониколаевка (Огоньки) Красноключинского с/с Балахтинского р-на Красноярского округа. Состав семьи: жена Ефросинья Тимофеевна 1907 г. р. Лишены избирательных прав в 1930. Работал счетоводом. Арестован 21.10.1933. Обвинение по ст. 58-10, 58-14 УК РСФСР. Осуждён 02.01.1934 тройкой ПП ОГПУ ВСК на 3 года ИТЛ. Реабилитирован 25.12.1989 прокуратурой КК (АРУ ФСБ России по Красноярскому краю д. П-15613; ГАКК, ф. Р-1991, оп. 1. д. 67)

КАПИТАНЕНКО (Капитоненко) Давыд (Давид) Андреевич (Михайлович). Род. в 1890 (1879). Род. в д. Ситовщина Могилевской губ. Из крестьян-бедняков. Неграмотный. Работал в сельском хозяйстве. Проживал в с. Тугуша Тугушинского с/с Иланского (Ингашевского) р-на Канского округа. Лишён избирательных прав в 1930, раскулачен, подлежал высылке, но сбежал, был в отряде Стрельцова. Арестован 12.10.1930. Обвинение по ст. 58-2 УК РСФСР. Дело прекращено 27.12.1930 ОО Красноярского оперсектора ОГПУ. Проживал в с. Тугуша Нижнеингашского р-на КК. Разнорабочий в Иланском леспромхозе. Арестован 07.11.1937. Обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Приговорён 18.11.1937 тройкой УНКВД КК к ВМН с конфискацией личного имущества. Расстрелян 26.11.1937 в г. Канске. Реабилитирован 15.11.1958 Красноярским крайсудом, 19.05.2005 прокуратурой КК (АРУ ФСБ России по Красноярскому краю д. О-20179, П-10203; ГАКК, ф. 1746, оп. 1, д. 220)

Таким образом, сведения из предыдущих томов Книг памяти добавляются в биограммы «крестьянских» томов. Однако, это касается не только семей, упомянутых в списках лишенцев. Поскольку сведения в фондах лишённых избирательных прав весьма фрагментарны, в список отбираются и люди из предыдущих томов, проживавшие в этом районе, у которых в биограмме указано «из кулаков», «кулак» или «раскулачен» (это сведения из архивно-следственного дела), например:

ГОЛОВИН Иван Ильич. Род. в 1898. Уроженец и житель д. Денисово Богучанской вол. Енисейского уезда Енисейской губ. Из крестьян-кулаков, малограмотный. Работал в личном хозяйстве. Арестован 27.04.1932. Обвинение в КРО, КРП. Осуждён 19.02.1933 тройкой ПП ОГПУ ВСК на 10 лет ИТЛ. Мера наказания изменена 05.09.1933 особым совещанием коллегии ОГПУ на срок, отбытый в предварительном заключении с последующим направлением в спецпосёлок. Реабилитирован 30.04.1992 прокуратурой КК. (П-20212).

И, наконец, в список включаются из предыдущих томов почти все люди, арестованные по политическим мотивам в данном районе в период 1928-1934 гг. – эти аресты с очень большой вероятностью были связаны с раскулачиванием, например:

ГОЛОБУРДО Филипп Маркович. Род. в 1875. Уроженец и житель д. Ивановка Перовской вол. Канского уезда Енисейской губ. Русский. Из крестьян, малограмотный, беспартийный. Арестован 04.01.1933. Обвинение по ст. 19-58-8, 10 УК РСФСР. Дело прекращено 27.05.1933 по реабилитирующим обстоятельствам. (П-1258).

Однако, на этом работа не заканчивается. Все упомянутые в списке люди (кроме малолетних) проверяются по открытым базам данных («Открытый список и т.д.»). Особенно ценны в этом отношении Книги памяти соседних регионов, в которых проходила высылка

(в случае Красноярской Книги – иркутская, кемеровская, томская и новосибирская). Это позволяет отследить как предыдущие репрессии, так и последующие. Ведь во время «кулацкой операции» нередко арестовывали крестьян, находившихся на спецпоселении. Вот пример:

КАМЕНСКИЙ Лазарь Яковлевич. Род. в 1899 в д. Копьево Чарковской вол. Минусинского уезда Енисейской губ. Русский. В 1931 раскулачен и сослан из Ужурского р-на ЗСК в с. Тегульдет Томской обл. с семьей: жена Екатерина Васильевна, 1900 г.р., дети Константин, 1926 г.р., Клавдия, 1930 г.р. Работал мастером на пихтовом заводе в артели «2 пятилетка» в с. Тегульдет Томской обл. Арестован 27.03.1938. Обв.: «Польская организация Войсковая». Приговорён: 17.10.1938 к ВМН. Расстрелян 19.10.1938 г. Реабилитирован в апреле 1956 г. (Архив ИЦ ГУ МВД по Красноярскому краю; Книга памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия, т. 3; Боль людская. Памяти томичей, репрессированных в 30-40-е и начале 50-х годов. Выпуск 2, Томск, 1992).

Крестьяне, сбежавшие от раскулачивания, нередко оказывались в очень далёких регионах (например, на Сахалине), но во время «кулацкой операции» их находили и репрессировали:

КОНОВАЛОВ Пётр Трифонович. Род. в 1893 в с. Вышняя Обла Могилёвской губ. Проживал в д. Приречная Приреченского с/с Ирбейского р-на Канского округа. Состав семьи: жена Ульяна Матвеевна, 32 г., дети Наталья, 17 л., Василиса, 15 л., Михаил, 12 л., Пелагея, 9 л., Иван, 5 л., Галина, 3 г., Владимир, 1 г., мать Гарпина Харитоновна, 85 л. Лишены избирательных прав в 1930, высланы за пределы района. Проживал в Охе Сахалинской обл. Сторож-пожарник на японской концессии. Арестован 1.03.1938. Осуждён 17.03.1938 тройкой за антисоветскую агитацию и связь с японской разведкой к ВМН. Расстрелян 13.04.1938 в Охе Сахалинской обл. Реабилитирован 14.04.1958 (Муниципальный архив Ирбейского района, ф. Р-115, оп. 3, д. 82, 128; Книга памяти Сахалинской области).

Таким образом, делается попытка восстановить для каждого человека из списка лишённых избирательных прав полную «репрессивную» биографию. Такой подход типичен для исследователей, работающих по отдельным людям, но мы не знаем других примеров, когда он применялся бы в массовом порядке для составления Книг памяти.

Однако, выстраивание биографии по Книгам памяти – только одно дополнительное измерение «многомерной» Книги памяти. Ведь раскулачивание – это история не единичного человека, это семейная история. Невозможно отделить биограммы разных членов семьи друг от друга, у них общая история, Поэтому биограммы в «крестьянских» томах выглядят примерно так:

КАМЕНЕВ Григорий Лаврентьевич. Род. в 1900 (1907). Проживал в д. Сучково Симонского с/с Ачинского района Ачинского округа. Состав семьи: жена Федора 1902 г.р., дети Григорий 1924 г.р., Александра 1925 г.р. дочь (имя неизв) 1 г. Лишены избирательных прав в 1932, высланы за пределы района. (Архив г. Ачинска. Ф.295 оп. 1-С. дело 1348, 1349, 1350, 1380, 1398, 14, 445)

Следует отметить, что эта информация нередко дополняется информацией с сайта memoial.krsk.ru, поскольку там уже накоплен, обработан и агрегирован в разделе «Мартиролог» большой массив документов, статей и воспоминаний. Там могут быть полезные уточнения о составе семьи и судьбе отдельных членов (например, в фонде лишённых из-

бирательных прав нет сведений о высылке семьи, однако, на сайте есть воспоминания члена семьи о жизни на спецпоселении в Томской области).

Нередко бывает так, что у многих членов семьи богатые «репрессивные» биографии, и собрав биограммы членов семьи в одну, мы получаем впечатляющую картину уничтожения крестьянской семьи:

ПЕДЧЕНКО Фирс Антонович. Род. в 1869 в Звенигородском уезде Киевской губ. Русский, малограмотный. Из крестьян. Занимался личным хозяйством. Проживал в д. Новополтавка Новополтавского с/с Ермаковского р-на Минусинского округа. Состав семьи: жена, 70 л. дети

Федот (Фёдор) 1898 г.р., его жена Софья Афанасьевна 1898 г.р., дети Ольга 1920 г.р., Василий 1923 г.р., Виктор 1926 г.р., Александр 1928 г.р., Нина 1930 г.р.;

Порфирий 1902 г.р. его жена Евдокия Андреевна 1905 г.р., дочь Зинаида 1927 г.р.;

Семён 1909 г.р., его жена Пелагея Ивановна, 1906 г.р., дочь Нина 1929 г.р. Лишен избирательных прав в 1929. Арестован 20.02.1931. Обвинение по ст. 58-11 УК РСФСР. Дело прекращено 20.06.1931 Минусинским оперсектором ОГПУ за недоказанностью состава преступления, реабилитирован. Высланы за пределы р-на в 1931.

Сын ПЕДЧЕНКО Лука Фирсович. Род. в 1904. Уроженец и житель с. Верхний Кебеж Ермаковской вол. Минусинского уезда Енисейской губ. Грамотный. Работал практикантом в Ермаковском леспромхозе. Арестован 20.02.1931 в с. Шушенское у по делу Белозёрова С.С. (43 чел.). Обвинение в КРО. Приговорён 07.07.1931 особой тройкой ПП ОГПУ ЗСК к ВМН. Расстрелян 20.07.1931 в г. Минусинске. Реабилитирован 13.03.1965 Красноярским крайсудом.

Сын ПЕДЧЕНКО Порфирий Фирсович. Род. в 1902. Уроженец и житель с. Верхний Кебеж Ермаковской вол. Минусинского уезда Енисейской губ. Русский, окончил сельскую школу. Из крестьян. Работал плотником в Ермаковском райпотребсоюзе. Арестован 25.08.1931 по делу Белозёрова С. С. (43 чел.). Обвинение в КРО. Осуждён 07.07.1931 тройкой ПП ОГПУ ЗСК на 10 лет ИТЛ. Срок отбыл. Проживал в с. Ермаковское. Арестован 15.11.1937, содержался в Минусинской тюрьме. Обвинение в АСА. Приговорён 27.12.1937 тройкой УНКВД КК к ВМН с конфискацией имущества. Расстрелян 06.12.1937 в г. Минусинске. Реабилитирован 30.08.1960 и 06.10.1962 Красноярским крайсудом.

Сын ПЕДЧЕНКО Семён Фирсович. Род. в 1909 в д. Верхний Кебеж Ермаковской вол. Минусинского округа Енисейской губ. Русский. Проживал в с. Новополтавка Ермаковского р-на КК. Работал мельником в колхозе. Арестован 07.05.1938. Обвинение в АСА. Приговорён 27.05.1938 тройкой УНКВД КК к ВМН. Расстрелян 05.08.1938 в г. Минусинске. Реабилитирован 08.04.1961 Красноярским крайсудом.

ПЕДЧЕНКО Федот Фирсович. Род. в 1898 в Киевской губ. Русский, малограмотный. Проживал в с. Новополтавка Ермаковского р-на КК. Крестьянин. Арестован 20.02.1931 по делу Белозёрова С.С. (43 чел.). Обвинение в КРО. Приговорён 07.07.1931 особой тройкой ПП ОГПУ ЗСК к ВМН. Расстрелян 20.07.1931 в г. Минусинске. Реабилитирован 13.03.1965 Красноярским крайсудом.

Сын ПЕДЧЕНКО Яков Фирсович. Род. в 1887 в Звенигородском уезде Киевской губ. Грамотный. Из служащих. Проживал в Ермаковском р-не ЗСК. Обвинение в КРО. Дело прекращено 07.05.1931 ПП ОГПУ ЗСК по реабилитирующим обстоятельствам, из-под

стражи освобождён (АРУ ФСБ России по Красноярскому краю д. П-14207, П-12825, П-13570; Архив Ермаковского района, ф. 1, оп. 3, д. 13, 87, 116, 163, 188, 965, 986, 987).

После сверки и сведения информации получается «объёмная» Книга памяти, которая строится по семейному принципу и содержит сведения не только о раскулачивании, но и пребывании на спецпоселении, о предыдущих и последующих репрессиях членов семьи.

Библиографический список:

1. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Тома 1–14. ОАО «Производственно-издательский комплекс Офсет» 2004-2016 гг. (<http://www.memorial.krsk.ru/Reabil/kp.htm>)

**РОО «Красноярское историко-просветительское и правозащитное общество "Мемориал"» не внесена в реестр НКО, осуществляющих функции иностранного агента, однако, в соответствии с законодательством, маркируется как структурное подразделение Международного общества «Мемориал», внесенного в реестр.*

**М. А. Байбородина,
г. Иркутск**

Н. М. Мартьянов и Иркутский музей

Иркутский музей был основан в 1782 г., и в конце XVIII – XIX вв. он числился при разных учреждениях, в основном — при учебных заведениях. В 1851 году в Иркутске было создано самое далёкое от центра страны отделение Русского географического общества – Сибирское, в ведение которого был передан музей [Колесник, Пушкина, Свинин, 2001]. В 1877 году отделение было переименовано в Восточно-Сибирское, а музей в источниках до 20-х годов XX века именуется «Музеем ВСОРГО». Именно с появлением крупной научной организации, которая занималась всесторонним изучением азиатской части страны, начинается интенсивное пополнение музейных фондов, активное развитие издательской деятельности и стремительный рост музея в целом.

Но комплектование фондов началось практически с чистого листа, когда в 1879 году в Иркутске произошёл разрушительный пожар, в котором сгорело старое здание музея и погибло более 20 тысяч экспонатов и около 10 тысяч книг.

Минусинский музей появился двумя годами ранее, и основатель нового сибирского музея – Николай Михайлович Мартьянов, стал одним из тех, кто поддержал иркутян в их желании вернуть в жизнь общества культурное учреждение, ставшее к тому времени частью важных научно-краеведческих процессов.

Исследователи, путешественники, чиновники, общественные деятели и представители различных слоёв общества, жившие в Иркутске в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века, принимали участие в восстановлении музея, жертвуя не только денежные средства, но и предоставляя экспонаты. Инициатор строительства нового музейного здания и покровитель Восточно-Сибирского отдела ИРГО генерал-губернатор Восточной Сибири Дмитрий Гаврилович Анучин писал письма, приглашая деятелей культурной и научной сферы при-

нять участие в комплектовании фондов, видные учёные того времени привлекали к этой работе своих коллег из других регионов. Так, Григорий Николаевич Потанин обращался к учёному и музейному сообществу с просьбой присылать в Иркутск «всё, что можно» [Родионова, 2011]. Н. М. Мартьянов и Г. Н. Потанин на протяжении многих лет вели переписку, обменивались литературой и научными сведениями [Письма. Потанин. 1987-1992]. Естественно, Н. М. Мартьянов – действительный член ВСОРГО с 1878 года, стал одним из адресатов подобных обращений.

Основатель провинциального музея, созданного только два года назад, понимал, как тяжело учёным и горожанам другого сибирского города лишиться богатейшего в азиатской России музея. Он писал в одном из своих писем в Восточно-Сибирский отдел РГО:

«Несчастье, постигшее в прошлом году иркутский музей и истребившее значительную долю от коллекций, возлагает на каждого из его членов нравственное обязательство заботиться о возстановлении и пополнении их». [ГАИО, Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 17].

И от Н. М. Мартьянова стали поступать предложения о передаче коллекций в дар, а также проводиться работа по приобретению экспонатов на средства Иркутского музея.

В первых же выпусках Известий ВСОРГО, вышедших после пожара, встречаются упоминания его имени: «Г. Мартьянов прислал в дар Отделу коллекцию минусинских растений и выразил намерение прислать минералогическую коллекцию, собранную Г. Сафьяновым». [Известия ВСОРГО, Т. 11, № 1-2, 1880]. В следующем году на заседании Распорядительного Комитета Восточно-Сибирского отдела ИРГО было процитировано письмо, в котором «Г. Мартьянов изъявил желание выслать коллекцию из свайных построек Каринтии», которая предлагалась в дар. [Изв. ВСОРГО, 1881]. Таким образом, в Иркутск отправились экспонаты не только из Южной Сибири, но даже из Каринтии.

Очевидцы послепожарного развития Иркутского музея из числа его сотрудников и историки последующих десятилетий, в основном, концентрировали своё внимание на собирателях и путешественниках, которые жили в Иркутске и работали в Восточной Сибири. Это неудивительно: участие в работе музея ВСОРГО таких людей, как Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, М. В. Загоскин, И. Д. Черский и др. – не теряющий актуальности предмет исследовательского интереса. В этой связи чаще всего материалы сопредельных территорий в какой-то мере остаются в тени, хотя и они представляют собой значительные эпизод истории иркутского музея. В частности, дары от Н. М. Мартьянова, если не считать сохранившихся допожарных экспонатов, были в числе первых коллекций, которыми пополнились фонды.

Вместе с экспонатами и библиотекой сгорела документация музея, и поэтому в год пожара была заведена новая книга поступлений, датированная 1879 годом. В ней фиксировались как поступления «из старого музея», пережившие пожар, так и новые коллекции. Уже на второй странице книги, наряду с такими знаменитыми сдатчиками, как Н. И. Витковский, Г. Н. Потанин, И. Д. Черский указывается Н. М. Мартьянов. Поступления от него были зарегистрированы в период с 1879 по 1902 г. Несмотря на то, что часть коллекций была списана (в частности, сборы растений, грибов, образцы пищи и напитков), ряд экспонатов сохранился.

Особый интерес представляют этнографические предметы, которые были переданы Н. М. Мартьяновым – одежда и принадлежности быта сойотов (позже в документах по-

Некоторые экспонаты из коллекций, переданных Н.М. Мартьяновым

является уточнение – тувинцев), место сборов которых, как гласит коллекционная опись – «страна Урянхов» – это коллекция 385; экспонаты, относящиеся к материальной культуре качинцев (нередко фигурирует именование – «качинские татары») – коллекция 417. Отдельные этнографические экспонаты зарегистрированы как предметы быта сагайцев.

Из сохранившихся в музее предметов археологии обращает на себя внимание серебряная чаша, переданная Н. М. Мартьяновым в 1881 г. (№60). Как гласит книга поступлений, чаша была извлечена «из кургана Минусинского округа».

Две основные коллекции по этнографии сойотов и качинцев (385 и 417) были скомплектованы Н. М. Мартьяновым на средства музея и переданы в 1884 году. За год до этого музей обзавёлся новым зданием, и, соответственно, местом для хранения фондов. Вероятно, с этим связано большое количество поступлений того времени. Помимо этого, часть экспонатов была передана Мартьяновым в дар.

Среди этнографических сборов Н. М. Мартьянова, которые хранятся в музее – элементы костюма, посуда, шахматные фигуры, модели мебели и частей юрты. В ряде случаев описание предметов содержит информацию о достатке владельца, например, «от зажиточного» или «от бедного сойота».

Помимо коллекций, переданных Н. М. Мартьяновым музею, в фондах ИОКМ встречаются ещё и эпизоды более личной истории. Так, в библиотеке есть каталог Минусинского музея, подписанный «Глубокоуважаемому Г. Н. Потанину от автора» [Мартьянов, 1881]. Кроме того, вместе с личным архивом консерватора музея ВСОРГО Антона Михайловича Станиловского в фонды поступила фотография Н. М. Мартьянова, предположительно, подаренная иркутскому коллеге.

В Летописи Нита Романова за 1881-1901 год упоминается посещение Мартьяновым Иркутска: 17 ноября 1901 года состоялось празднование 50-летия ВСОРГО. В этот день прошло торжественное заседание, чтение телеграмм и поздравительных адресов. Среди гостей упоминается и Н. М. Мартьянов, как депутат от Минусинска. Кроме того, как пишет Н. С. Романов: «22 [ноября] состоялся обед у председателя отдела, на котором в речах отмечались заслуги отдела и отдельных лиц, особенно г. г. Потанина и Мартьянова» [Летопись. Романов, 1993].

В год празднования 25-летия Минусинского музея Н. М. Мартьянов написал в благодарность за поздравления письмо Н. Е. Маковецкому, в лице которого обращался ко всему Восточно-Сибирскому отделу РГО:

«10 января 1902 года, день 25-летия юбилея основанного мною Минусинского Музея – самый счастливый день в моей жизни!

В этот день многие учёные общества и учреждения прислали мне приветствия, в которых давали самую лестную оценку моим посильным трудам на пользу науки и просвещения, той же чести удостоил меня Восточно-Сибирский Отдел И.Р.Г.О. <...> Мне особенно дорого и приятно внимание В.-С. Отдела, членом которого я имею честь состоять со времени моего приезда в Сибирь: всё это время я находил в нём неизменную поддержку при осуществлении моей юношеской мечты, заключавшейся в основании Местного Музея. <...> Если после 25 лет существования Музей достиг своего настоящего цветущего положения, то в числе других благоприятных условия, способствовавших его развитию,

необходимо помянуть доброе участие Восточно-Сибирского Отдела». [ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 206].

В Известиях ВСОРГО, помимо информации о поступлениях экспонатов, время от времени встречаются статьи о делах Минусинского музея, о поездках Мартьянова в экспедиции, путевые заметки. Упоминается отправка книг в дар в Минусинск, как сказано в протоколе заседания Распорядительного комитета «принимая во внимание частые пожертвования г. Мартьянова в пользу отдела» [Известия ВСОРГО. Т. 12, № 1, 1881]. В выпуске 3 (том 35) этого печатного издания за 1904 год был опубликован текст по случаю смерти Н. М. Мартьянова, в котором кратко рассказывается биография исследователя, история Минусинского музея, и выражается сожаление о потере, которую понесла наука всей Сибири. [Известия ВСОРГО. Т. 35, № 3, 1906].

Библиографический список:

1. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 206.
2. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 17.
3. Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. 11, № 1-2. – Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1880. – 96 с.
4. Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. 12, № 1. – Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1881. – 59 с.
5. Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Т. 35, 1904 г., № 3. – Казань: Тип. Императорского Университета, 1906 г.
6. Колесник Л. М., Пушкина Т. Л., Свинин В. В. ВСОРГО и музейное дело в Иркутске // Краеведческие записки. Вып. 8. – Иркутск: Оттиск, 2001. – С. 5-20.
7. Мартьянов Н. М. Минусинский публичный местный музей : Каталог и краткое описание. Томск: Типо-лит. Михайлова, Макушина, 1881. – 129 с.
8. Потанин Г. Н. Письма Г. Н. Потанина : в 5 т. – Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1987-1992.
9. Родионова Т. В. Г. Н. Потанин и музей Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Вестник Томского государственного университета. История. – № 2(14). – 2011. – С. 91-93.
10. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. / Н. С. Романов; [автор вступительной статьи Н. В. Куликаускаене ; под редакцией С. Ф. Коваля]. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. – 542 с.

**А. К. Болотников,
с. Тесь, Минусинский район**

**Издательский опыт Тесинского музея: книги в формате нон-фикшн,
альманах, фильмы и другое**

В современных условиях музей становится информационным и досуговым центром, способным удовлетворять духовные потребности общества, поэтому сегодня как никогда возрастает значение издательской работы: подготовка и выпуск научных, научно-популярных, информационных изданий, освещающих историю региона, деятельность музеев и сообществ.

Тесинский художественный музей, несмотря на его специфику, ставит перед собой задачи:

- преодоление диспропорции между потенциалом музея и уровнем его использования;
- участие музея в развитии туристической деятельности на территории района;
- вовлечение в свою деятельность посетителей разных социальных групп;
- продвижение тематик музея через ресурсы интернета: сайт ТХМ, соцсети (привлечение трафика и установление обратной связи).

Издательская деятельность – лицо музея. Она играет важную роль в формировании имиджа музея, позволяет реализацию совместных проектов с общественностью, издательствами. Тесинским художественным музеем она используется в качестве инструмента ознакомления современников с краеведческими и историческими материалами, исследующими историю села, района, края.

Направления издательской деятельности в Тесинском художественном музее:

1. Научно-исследовательское: каталогизация коллекций (к 2021 году издано пять каталогов); альбомы, путеводители по выставкам.

Материалы о художественном фонде музея публикуются в Госкаталоге РФ. Информация пополняется по мере поступления новых предметов. На сегодня зарегистрированы 756 единиц фонда.

На сайте музея опубликован алфавитно-биографический каталог (АБК) авторов основного фонда музея в алфавитном порядке. В нём помещены биографии художников и фотографии их картин из фонда музея. В каталоге насчитывается 360 статей (по числу авторов фонда).

2. Научно-популярная полиграфическая продукция: брошюры, буклеты, постеры.

Организация выездных выставок остро поставила вопрос о создании постеров. Музей продолжает работать над изданием постеров по определённым коллекциям, использующимся на выездных выставках. В 2017 г. изданы постеры картин на тему «В. И. Ленин и революция», в 2021 г. – «Война глазами художника».

3. Информационно-рекламные материалы: программы, афиши, пригласительные билеты, планы.

4. Сувенирная полиграфическая продукция: открытки, магниты с изображениями, календари.

5. Литературно-художественные материалы:

С 2005 г. в с. Тесь издаётся сельский альманах «Тесинская пастораль». Альманах содержит богатый краеведческий материал: творческие работы тесинцев разных возрастов, краеведческо-родословные разыскания, хронологический указатель летоисчисления Теси. С 2014 года коллектив ТХМ подключился к изданию альманаха. На сегодня издано 7 номеров альманаха. Восьмой и девятый номера альманахов «Тесинская пастораль» – из-за отсутствия финансов на бумажный формат – изданы на интернет-ресурсах.

В 2014 г. музеем осуществлялось периодическое издание радиогазеты «РадиоТЕСЬ». Редактор Алексей Болотников. Это информационные материалы о людях села, истории колхоза «Искра Ленина», предметах музейного фонда и их авторах. Другая тематика. Техническую возможность музею предоставила Тесинская сельская администрация. Подготовлено 10 выпусков. Радиогазета транслировалась для населения два раза в месяц по-

средством громкоговорителей, установленных по улицам села. Эта форма издательской деятельности широко приветствовалась сельчанами, но была приостановлена в связи с отсутствием дальнейшей возможности музеем пользоваться технической аппаратурой администрации села.

В 2014-2016 гг. методистом музея Алексеем Болотниковым делаются попытки создания видеосюжетов и видеороликов на местном материале. Созданы видеоролики об ансамбле песни и танца при СДК с. Тесь «Огни Саян», «Каменное зодчество Теси», «Полёт над родимой сторонкой», «Вадим Елин и аграрно-индустриальная Тесь» и другие.

В 2016 году коллективом авторов, сотрудниками музея Алексеем Болотниковым, Галиной Ксензик и представителем Тесинской СОШ № 10 Людмилой Соборовой издана книга «Звон отдалённых лет. История Тесинской школы 1861-2016». В 2021 году сотрудниками музея (Алексей Болотников, Галина Ксензик) и краеведом-любителем Николаем Корепановым были собраны материалы и выпущено издание «Репрессии в Теси».

В 2017 году журнал «Вадим Елин и Тесь» Альбом в формате А4 о художнике В. В. Елине стал продолжением альбома «Мир творящие» (2016 г.), изданного в Красноярске дочерью художника Марией Вадимовной Елиной и содержащего материалы из фондов Тесинского музея. Часть этих же материалов – в расширенном и уточнённом виде – включена в альбом «Сельские образы в работах Вадима Елина» (2018 г.), изданного агентством «Надежда и Мы» в рамках программы «Минусинские художники: узнайте наших!», поддержанного фондом президентских грантов, с участием сотрудника Тесинского художественного музея.

Тесь – село, в котором четырежды бывал Василий Иванович Суриков, великий русский живописец. В 2018 году, к 170-летию со дня его рождения, издана и на ресурсах интернета опубликована книга (очерк и альбом) «Живописец Василий Суриков и Тесь». На издание книжного варианта нет средств.

В 2020-2021 годах коллективом музея, с приглашением специалиста-видеомонтажёра Степана Черемных, в рамках Всероссийского проекта «Воспитай патриота РФ», были созданы видеоролики: «Кто же он, колхозник? Трудовая доблесть тесинцев» [1], «Поэзия акварели Виталия Валькова» [2], «От эскиза к рисунку. Творческая лаборатория Вадима Елина», «Бессмертный полк Теси» [3].

В 2021 году создан виртуальный тур по залам музея [3].

Литературно-художественный потенциал музея реализован в 2019-2020 годах проектом «Помним, гордимся, чтим», результатом которого стала книга «Бессмертный полк Теси. Помним, гордимся, чтим».

Цель этого проекта - сохранение исторической памяти о Великой Победе нашего народа в процессе объединения сил музея и местного населения в изучении и сохранении отечественной истории и противодействии попыткам её исказить, то есть:

– сохранение исторической памяти о людях села, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, и тружениках тыла, которые своим ратным подвигом и самоотверженным трудом приближали Победу;

– патриотическое воспитание молодого поколения через привлечение его к поисковой работе.

Актуальность и социальная значимость проекта можно выразить словами «Это надо не мёртвым, это надо живым».

Особенность проекта: в Год памяти и славы он объединил людей разных поколений, проживающих в с. Тесь и за его пределами в деле сохранения исторической памяти:

Проект имел несколько этапов. Поисковая работа: сбор данных об участниках войны, призванных из Теси (работа с архивными документами, с ресурсами интернета, воспоминаниями ветеранов войны и труда, материалами Тесинского музея и сельсовета, интервью с родственниками, изучение материалов СМИ прошлых десятилетий).

Книга написана коллективом авторов-составителей: Алексей Болотников, Валентина Бякова, Галина Ксензик, Николай Корепанов. Привлечены помощники: школьники Тесинской общеобразовательной школы, ветераны села, родственники фронтовиков. В книге издатели выражают благодарность тем, кто оказывал поддержку и помощь в издании книги. В структуре книги: списки тесинцев, участников Великой Отечественной войны. Небольшие биографические справки: родился, жил, призван, воевал, пропал без вести, попал в плен, погиб или вернулся. На каждую букву алфавита размещены три подраздела: «Не вернулись с войны», «Пропали без вести» и «Вернулись с войны живыми».

Первый подраздел — истории судеб тех, кто был призван в своё время на Отечественную войну, прошел её фронтовыми дорогами свой путь и, к горю родных, близких, своего народа и отечества, — пал на бранном поле, не вернулся домой. Об этих утратах один из фронтовиков – поэт той эпохи и участник войны – Александр Твардовский написал:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...*

Эти стихи звучат рефреном подраздела «Не вернулись с войны». Горький рефрен многомиллионных утрат на полях Великой Отечественной войны: 30 миллионов погибших за 1418 дней. Это значит 21 тысяча убитых ежедневно, 90 человек в час, три человека каждую секунду.

О некоторых фронтовиках из списка, к сожалению, констатируется: «сведения малоинформативные... найти не удалось...». Это горький укор себе: за 75 лет после победы в войне мы должны были бы...

В книге собраны сведения о 607 тесинцах. Из них:

- не вернулись с войны 184 человека,
- пропали без вести 89 человек,
- вернулись живыми 334 человека.

Из 607 – не найдено архивных сведений на ресурсах интернета на 192 человека. Из 192 – сведения не уточнены родными и близкими, и нет официальных данных на 124 человека, кроме основания написать: «призван Тесинским сельсоветом».

За основу списка взяты данные официальных источников:

1. Списки тесинцев-фронтовиков, призванных Тесинским сельсоветом;

2. Списки жителей г. Минусинска и Минусинского района, погибших или пропавших без вести в 1941-1945 годах, составленных по документам Минусинского Госархива;

3. Книга «Энциклопедия Красноярского края. Юг», изданная Минусинским краеведческим музеем им. Н. М. Мартьянова в 2008 году;

4. «Книги Памяти Красноярского края», г. Минусинск;

5. Списки на мраморных досках воинского Мемориала села Тесь;

6. Сборники «Солдаты Победы», изданные в городе Абакане, том 1, 3, 4 (на 2010, 2015, 2018 гг.);

7. Архивные документы, собранные тесинскими краеведами, в том числе, факты устных сообщений;

8. Сайт «Подвиг Народа. 1941 – 1945», учреждённый Министерством Обороны РФ. Поиск и обработка документов об участниках Великой Отечественной войны, призванных Тесинским сельсоветом.

По материалам книги «Бессмертный полк Теси. Помним, гордимся, чтим» музей ежегодно 9 мая проводит традиционную акцию «Вам, ныне живущие». На небольших листках печатаются материалы о фронтовике-тесинце, его фотография, адрес проживания в Теси, откуда был призван на фронт. Листки по типу фронтовых треугольников вручаются участникам митинга, для ознакомления в семьях и на классных часах в школе.

Проект не является окончательно завершённым: уточняется и продолжается сбор сведений для переиздания книги. Кроме того, есть замысел «О тех, кто кормил фронт – тружениках тыла». Эта книга должна стать логическим продолжением книги «Бессмертный полк Теси. Помним, гордимся, чтим».

Кроме бумажных носителей, информационное обеспечение деятельности Тесинского художественного музея осуществляется через ресурсы интернета: паблики в соцсетях ОК.Ru [4], VK и других.

Тесинский художественный музей находится в активном поиске и в работе. Изданы каталоги «Художники Земли Красноярской», «Работы Народных художников», «Живопись» (из фондов музея). В настоящее время в работе альбом «Летопись Великой Отечественной войны в художественных образах и документах (из фондов музея)».

В целях популяризации творчества художников периодически издаются наборы открыток, ежегодные календари.

Библиографический список:

1. [<https://zen.yandex.ru/t/%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D1%85%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8#video>]

2. [<https://www.youtube.com/watch?v=dnTzHnM1uzw>]

3. [<https://yadi.sk/d/guOqWgSxUuK89g>]

4. [<https://ok.ru/tesinskymu>]

**О. И. Боярченко,
г. Минусинск**

Японская коллекция музея им. Н. М. Мартьянова

Японская коллекция в собрании музея им. Н. М. Мартьянова немногочисленна. В общей сложности она насчитывает более 150 предметов. Этнографическая её часть сформирована ещё при жизни Н. М. Мартьянова.

В этнографическом каталоге Е. К. Яковлева, изданном в г. Минусинске в 1900 г. на средства В. А. Данилова, значится 45 японских предметов, подаренных музеем путешественниками и торговцами из Владивостока.

Эта часть коллекции считалась и считается непрофильной, она входила в образовательный отдел музея. Основная часть коллекции сформировалась в конце XIX в. Предметы были подарены музеем А. Д. Беляевым, А. Г. Евсеевым, В. О. Жариковым, В. П. Рачковской, А. Г. Седовым и другими.

Большую часть коллекции подарил Седов Павел Григорьевич - это были предметы одежды и обуви (плетённая из камыша шляпа, башмаки из камыша на деревянных высоких колодках, деревянные сандалии в виде скамеечек), аксессуары - веер в виде деревянного листа, зонтик из промасленной бумаги. Предметы украшения жилища – картина, вышитая шёлком и золотом на ткани с изображением попугая на ветке. Он также подарил две фарфоровые вазочки, салфетки и образцы китайской бумаги для писем, визиток, несколько монет серебряных и медных, бумажные боны.

Евсеев Александр Гаврилович по пути из Владивостока в Одессу приобрёл и пожертвовал в музей необычные для Сибири, употребляемые японцами в пищу продукты: устрицы, морскую водоросль агар-агар, студень из морских водорослей, прессованный табак для жевания, крошку табака, пряность - бадьян.

Чиновник А. Д. Беляев из Владивостока подарил японское металлическое зеркало с ручкой XVIII в.

В 1883 году В. О. Жариков доставил из Владивостока предметы для образовательного отдела – киримон (кимоно), японский пояс из серой шёлковой материи на шёлковом фиолетовом подкладе, две пары чулок с жестяными застёжками и башмаки, плетённые из камыша.

Это были весьма ценные предметы, служившие учебными пособиями в общеобразовательном отделе музея для изучения этнографии разных стран.

В нумизматическом собрании музея насчитывается 53 японские монеты XVII-XIX вв. В археологической коллекции хранятся 3 японских бронзовых зеркала. В документальном фонде музея имеется около 50 фотографий быта и природы Японии конца XIX века.

В научной библиотеке музея им. Н. М. Мартьянова хранятся книги, рассказывающие об удивительной стране, обычаях и традициях, особенностях жизни и культуры народа Японии, изданные в России в начале XX в., а также исследовательские работы современных японских исследователей.

В советское время в фонды музея поступил пластмассовый куботейнер для засолки

папоротника. В подобных контейнерах засоленный папоротник с юга Красноярского края отправляли в Японию в 1980-90-х гг.

Большой неожиданностью для музея была посылка, присланная в феврале 2001 г. из Японии. Её отправил в дар археолог Тэцу Масумото. В результате коллекция пополнилась 27-ю этнографическими предметами 1980-х гг. Это были традиционные одежды – женское, мужское и детское кимоно. Обувь с носками, украшения и аксессуары, пояс, цветы для причёски, веер дополняют коллекцию одежды.

Кимоно носят в Японии как женщины, так и мужчины, надевают их японцы в особо торжественных случаях и на праздниках, например, во время свадебных церемоний или на праздновании Нового Года. Дети в 3, 5 и 7 лет 15 ноября в национальной одежде посещают синтоистские храмы для молитвы о ниспослании им крепкого здоровья.

В середине 1990-х гг. Тэцу Масумото на протяжении нескольких лет работал с коллекциями в фондах музея им. Н. М. Мартьянова. Он занимался изучением китайских и японских бронзовых зеркал, монет, выпустил ряд статей: «О шаманских зеркалах в Сибири», «Бронзовые зеркала из поселений Покровка-1» (Дальний Восток), «Шаманский пояс... с Нижнего Амура», «Об обрядах, связанных с изображением птиц». В библиотеке музея хранятся опубликованные работы Тэцу Масумото, в которых есть ссылки на материалы Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова.

Научные связи учёных Японии с Минусинским музеем продолжают на протяжении нескольких лет. С 1980 по 2000-е гг. в разное время в музее работали учёные-тюркологи и археологи Японии. Они изучали археологические коллекции: керамику, котлы, зеркала, монеты, а также древние тюркские письмена.

Профессор – тюрколог Такаши Осава занимался исследованием стран Азии и Африки. В августе 2002 г. он изучал рунические письмена в коллекции каменных изваяний музея им. Н.М. Мартьянова.

Инструктор Университета г. Хоккайдо – Тэцуя Аmano занимался изучением культуры, письменности стран Северной Евразии, работал в фондах музея. Профессор Токийского Университета филологического факультета Хаяши Тошио изучал коллекции фондов музея. Тэй Хатакэяма изучала оленные камни Центральной Азии (XIII-VII-VI вв. до н.э.). Коллекции музея упоминаются в её статье – «Оленные камни в Центральной Азии».

В 2010 г. доктор исторических наук, профессор университета Эхиме, директор Центра изучения культур железного века Ясуюки Мураками, работавший с археологическими коллекциями музея, подарил две японские куклы «Даруми». Куклы кустарного производства выполнены по типу русской куклы – неваляшки из папье-маше, в традиционных японских одеждах из ткани, шнура. Лица мужское и женское выполнены в технике «Роспись».

В 2009-2010 гг. музей получил в подарок 5 предметов – это современные подарочные веера от деятелей культуры Японии, побывавших в г. Минусинске. Целью посещения был русско-японский проект по созданию спектакля, посвящённого японским военнопленным в Сибири. В спектакле «И в Сибири сакура цветёт...», поставленном на сцене Минусинского драматического театра, сыграли японские и русские актёры. Представители японской делегация посетили музей, познакомились с коллекцией японских предметов на выставке «Япония в коллекциях музея». Минусинские актёры позже побывали с ответным визитом в Японии. Японская коллекция музея часто экспонируется полностью и частично

на базе музея и за её пределами. Так, в сентябре 1991 года, в галерее музея, была открыта выставка «Китай и Япония в коллекциях музея».

В 1992-1994 гг. в выставочном зале музея работала выставка, под таким же названием, где японская коллекция была представлена в большем объеме.

В сентябре 1996 г. 36 предметов из японской коллекции музея им. Н. М. Мартьянова экспонировались в музее г. Красноярска-26 (г. Железногорск).

В феврале 1993 г. представителем японского посольства в России И. Н. Коротковым на базе музея им. Н. М. Мартьянова были организованы две выставки:

- а) «Традиционная японская кукла»;
- б) «Япония сегодня» (выставка фотографий).

Отдельные японские предметы музея экспонировались на выставках: «Музей и минусинцы» (1989); «История музея» (1991), на выставке, посвящённой 150-летию со дня рождения Н. М. Мартьянова в 1994 г. и других.

Японская коллекция из собрания музея постоянно экспонируется, вызывает интерес посетителей музея, учёных различных профилей.

Библиографический список:

1. Десятилетие Минусинского музея 1877-1887. // Составлен по поручению комитета Минусинского музея. // Томск, Типография «Сибирской газеты», 1887. – С. 56.
2. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 гг.). – Казань. Типо-литография Императорского Университета, 1902. – С. 213-260.
3. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. – Минусинск, Типография В. И. Карнакова, 1900. – С. 188-189.

**А. С. Вдовин, Е. И. Майзик, Н. П. Макаров, И. В. Куклинский, г. Красноярск
Н. А. Голованенко, Е. Ю. Сидорина, Т. О. Фомичёва, г. Минусинск**

Виртуальная выставка-путеводитель «Жизненные маршруты Ивана Савенкова»

Работа посвящена межмузейному выставочному проекту, реализованному онлайн Красноярским краевым краеведческим музеем и Минусинским краеведческим музеем им. Н. М. Мартьянова. Выставка-путеводитель «Жизненные маршруты Ивана Савенкова» представляет историческую канву второй половины XIX – начала XX вв. сквозь призму жизни и деятельности учёного, педагога, общественного деятеля, спортсмена, актера И. Т. Савенкова (1846-1914) [3]. Его труд многогранен в истории Енисейской губернии, а наследие значимо для современных жителей региона.

Иван Тимофеевич тесно связан с Енисейской губернией. Он является одним из представителей зарождавшейся интеллигенции в регионе, человеком широких, прогрессивных взглядов, известен как педагог и грамотный руководитель, успешный исследователь в области археологии, этнографии, геологии [5]. Современники его знали, как педагога

и спортсмена, изобретателя и актёра, библиофила и музееведа. У него искали поддержку коллеги и ученики, к нему обращались учёные России и зарубежья. Во многих отраслях он стал первооткрывателем и вдохновителем [9]. Его личность интересна и современным исследователям разных сфер: археологам, геологам, этнографам, педагогам, музейщикам, спортсменам и другим [2].

В 2021 году исполнилось 175 лет со дня рождения Ивана Тимофеевича. К этой дате планировалось организовать музейную выставку, посвящённую исследователю, используя экспозиционное пространство и имеющиеся коллекции Красноярского краевого краеведческого музея. Но выставке в подобном формате не суждено было осуществиться. Немаловажным стал тот факт, что в фондах Красноярского музея не так много предметов, непосредственно относящихся к И. Т. Савенкову. Нет его мемориальных вещей, нет собранных им коллекций, нет его библиотеки и т.п. Хотя известно, что И. Т. Савенков был одним из организаторов Красноярского музея, он работал над составлением его устава, передавал предметы, но чётко его связь с музеем не прослеживается и остаётся «белым пятном». Вероятно, он в какой-то момент отошёл от его дел. К тому же при учительской семинарии был устроен довольно хороший ведомственный музей.

Тем не менее, учёный представлен в музейном собрании, и на имеющихся материалах было решено устроить онлайн-выставку, которая могла быть доступна, не взирая на эпидемиологическую обстановку, временные и пространственные рамки.

Идея выставки принадлежит научному сотруднику музея, кандидату исторических наук Вдовину Александру Сергеевичу, уже реализовавшему в 2020 г. виртуальный проект «Красноярск – 1920», посвящённый жизни красноярцев столетней давности по материалам газеты «Красноярский рабочий» и музейного собрания [4].

Выставку приурочили к юбилею И. Т. Савенкова и к 200-летию Енисейской губернии, которое отмечается в 2022 году. Ведь свою профессиональную, научную, общественную деятельность И. Т. Савенков начал на берегах Енисея, и продолжил её в дальнейшем, обучая будущих педагогов, изучая древние памятники, создавая первый шахматный кружок, пополняя собрания музеев.

На этапе разработки проекта выставки авторы отталкивались от личности И. Т. Савенкова, его профессиональных, исследовательских, творческих качествах разностороннего человека, энциклопедиста. Но позже, обдумывая концепцию и название, решили показать его деятельность шире. И. Т. Савенков путешествовал по губернии и стране, по различным сферам и наукам, встречал множество людей и воспитывал подрастающие поколения [6]. Пришла идея путеводителя по эпохе Савенкова сквозь призму его жизни. Так возникли «Жизненные маршруты Ивана Савенкова», где каждая станция – его крупное занятие: студент, педагог, шахматист, актёр, общественник, учёный, музейщик [7].

Целью проекта является популяризация наследия И. Т. Савенкова музейными средствами, а также презентация музейных коллекций Красноярского краевого краеведческого музея и Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартынова.

Задачами проекта стали:

- поиск новых, актуальных форм презентации музейных коллекций в онлайн формате;
- обобщение имеющихся в фондах музеев документов и фотографий по биографии и научному наследию И. Т. Савенкова;

– создание условий доступа к малоизвестным коллекциям, неаттрактивным экспонатам музея;

– ввод в научный оборот исторических документов, сделав их максимально доступными;

– увеличение виртуальной аудитории музеев;

– побуждение к действию читателей проекта – подача предложения о наименовании улицы И. Т. Савенкова в Красноярске в администрацию города.

Межмузейное сотрудничество Красноярского краевого краеведческого музея и Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова в рамках данного проекта не случайно. В Минусинске И. Т. Савенков был директором музея с 1908 по 1911 год [8], значительно расширил коллекции музея, там же хранится архив и его личная библиотека [1].

Выставка состоит из нескольких тематических выпусков, раскрывающих многочисленные интересы И. Т. Савенкова в разных областях.

Выпуск № 1 «Студент» посвящён биографии И. Т. Савенкова в молодости – от раннего детства до обучения в университете Санкт-Петербурга. Биография юного Савенкова вписана в контекст эпохи 1860-х годов.

Выпуск № 2 «Педагог-новатор» повествует о педагогической деятельности И. Т. Савенкова на посту директора Красноярской учительской семинарии и его огромном значении для коллег и учеников.

Выпуск № 3 «Шахматист» – о шахматном даровании И. Т. Савенкова как одного из сильнейших игроков России и автора одной из первых книг по истории шахматной игры, организатора первого шахматного кружка за Уралом и уникальной игре с командой Санкт-Петербурга по телеграфу.

Выпуск № 4 «Актёр» – об актёрском таланте и вкладе в организацию театральной жизни Красноярска и Минусинска.

Выпуск № 5 «Общественный деятель» – о членстве в благотворительных и добровольных обществах Енисейской губернии и участии в значимых событиях, например, наблюдение за полным солнечным затмением 1887 г., приезд цесаревича Николая в Красноярск.

Выпуск № 6 «Учёный» рассказывает о научной деятельности И. Т. Савенкова, его мировом открытии Енисейского палеолита и создании первой в России монографии по первобытному искусству, о проектировании железных дорог в Сибири, о деятельности исследователя на должностях сотрудника Кунсткамеры и директора Минусинского музея и многом другом.

Подобные виртуальные проекты позволяют обратить внимание на «забытые» экспонаты. Они помогают раскрыть и по-новому презентовать такие предметы как фотография, документы и другие плоскостные музейные материалы, которые в реальной экспозиции часто теряются из виду за вещественным рядом или образным сюжетом. Все выпуски иллюстрированы архивными документами, фотографиями, книгами, статьями И. Т. Савенкова и интерактивными заданиями для читателя.

Интересен и междисциплинарный подход к представлению материалов, объединённых одной темой. Это первый визуально-познавательный проект об И. Т. Савенкове с использованием цифровых технологий, который позволяет объединить единомышленников

из числа сотрудников музеев, общественных организаций, образовательных учреждений и всех людей, интересующихся историей и культурой Енисейской губернии.

В ходе реализации выставки появились новые партнёры и материалы. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) предоставил в пользование фотографии последних раскопок И. Т. Савенкова в Красноярске, хранящихся в фондах Кунсткамеры. Также были обнаружены и опубликованы неизвестные материалы, новые данные, касающиеся семьи И. Т. Савенкова.

Проект рассчитан на людей, которые интересуются локальной историей, краеведением, историей образования, историческими личностями, а также на профессиональное сообщество работников культуры и образования.

Выставка размещена на блочном конструкторе сайтов «Тильда», поэтому во многом зависит от данного сервиса. Каждый выпуск сделан в формате лонгрида, который легко приспособливается для любого устройства. Так как проект создан для широкого круга читателей, интерфейс сайта разработан с учётом вовлечённости в чтение длинных текстов и удержания внимания. В проекте используются различные мультимедийные элементы, которые дополняют и иллюстрируют основное содержание выпусков: фотографии, видео, тесты, игры. В конце каждого выпуска читатель может решить задачу или пройти небольшую тематическую игру.

Проект имеет культурную значимость. И. Т. Савенков является энциклопедистом сибирского краеведения, знаковой фигурой в культурной жизни Сибири конца XIX – начала XX веков. До сих пор, несмотря на его высочайшие достижения в разных областях культуры, нет монографической публикации об этой личности. Проект впервые раскрывает его многостороннюю деятельность, вводя в научный оборот малоизвестные архивные материалы, дополняющие уже имеющиеся многочисленные, но разрозненные публикации в разных изданиях. Значимость проекта заключается также в том, что он становится отправной точкой для реализации аналогичных проектов по представлению культурного наследия с использованием информационных технологий других выдающихся личностей Енисейской Сибири. Кроме того, рассматриваются предложения посетителей сайта для практической реализации культурной политики в Сибири.

Историко-археологическая и этнографическая комиссия Красноярского краевого отделения Русского географического общества планирует внести ряд предложений по увековечиванию памяти И. Т. Савенкова:

- установка памятной доски на одном из зданий Красноярска;
- издание первой коллективной монографии об И. Т. Савенкове на основе материалов онлайн-проекта.

Кроме того, авторы проекта предлагают увековечить имя И. Т. Савенкова на карте Красноярска. Предполагаемое место, где могла бы появиться улица Савенкова – район между Копыловским и Николаевским мостами, прилегающий к Афонтовой горе.

В результате взаимодействия с интерфейсом сайта читатель не только получает новые знания, но и может совершить полезное действие – направить обращение через сайт выставки в администрацию г. Красноярска с предложением назвать именем И. Т. Савенкова одну из улиц на месте, где Иван Тимофеевич сделал мировое открытие: обнаружил па-

леолитическую стоянку древнего человека. Чем больше поступит обращений, тем выше вероятность положительного решения.

Авторы рассчитывают, что данный проект послужит отправной точкой для популяризации и раскрытия личности И. Т. Савенкова в культурной, туристической, общественной жизни края.

Библиографический список

1. Белозерова Г. Н. История библиотеки И. Т. Савенкова в Минусинском музее // Мартыановские краеведческие чтения (2003-2004 гг.): Сборник докладов и сообщений. Вып. III. Абакан, 2005. – С. 22-23

2. Вдовин А. С. Иван Тимофеевич Савенков (1846-1914) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Материалы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных, посвящённой 160-летию со дня рождения И. Т. Савенкова и 110-летию со дня рождения В. И. Громова. г. Красноярск, 28-30 марта 2006 года / Н. И. Дроздов (отв.ред.), Е. В. Акимова, И. В. Стасюк (отв. за вып.), ред. кол.; КГПУ им. В. П. Астафьева – Т.1. – Красноярск, 2006. – С.4-9.

3. Жизненные маршруты Ивана Савенкова: виртуальная выставка / Красноярский краевой краеведческий музей. – Красноярск, 2021. – URL:<http://www.savenkov.kkkm.ru/> (дата обращения: 10.02.2022)

4. Красноярск – 1920: виртуальная выставка-хроника / Красноярский краевой краеведческий музей. – Красноярск, 2020. – URL:<https://readymag.com/museum/krsk1920/>(дата обращения: 10.02.2022)

5. Макаров Н. П., Безызвестных Е. Ю. Неутомимый исследователь древностей // Век подвижничества. Красноярск, 1989. – С. 43-57.

6. Осипенко Т. Ю. И. Т. Савенков – педагог-новатор // Народное образование в Красноярском крае: III краеведческие чтения. – Красноярск, 2002. – С. 89-92.

7. Писарева Г. В., Вдовин А. С. К научной биографии И. Т. Савенкова // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Материалы XLII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. – Омск: Изд-во ОГПУ, 2002. – С. 58-60.

8. Шлык Н. В. И. Т. Савенков – директор Минусинского музея. административная деятельность // Мартыановские краеведческие чтения (1999-2002 гг.): Сборник докладов и сообщений. Вып. II. Абакан, 2003. – С. 14-17.

9. Штернберг Л. Я. Иван Тимофеевич Савенков // Сб. МАиЭ. Т.3. – Петроград, 1916. – С. 1-16.

**М. О. Дыртык-оол,
г. Кызыл, Республика Тыва**

Государственные награды в экспозиции «ТНР 1921 –1944 ТАР» Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва

В 2021 г. в Республике Тыва отмечалось 100-летие со дня основания независимого государства – Тувинской Народной Республики (далее ТНР). В связи с данным событием в Национальном музее им. Алдан-Маадыр была проделана работа над реэкспозицией зала № 1 на III-м этаже.

13-16 августа 1921 года в местности Суг-Бажы, где находился русский посёлок Атамановка (ныне с. Кочетово), состоялся Всетувинский Учредительный Хурал – съезд коренного населения Тувы, где присутствовали представители всех кожуунов (районов) (62 чел.),

кроме Хазутского, правителем которого был монгольский князь. Были приглашены делегации из Советской России (17 представителей), Монголии (3 делегата) и один представитель Дальневосточного Секретариата Коминтерна. Хурал принял первую Конституцию нового государства, состоящую из 22 статей. В Конституции кратко излагались основные завоевания революции и законодательно закреплялось образование Тувинской Народной Республики [6, с. 147].

Для целостного восприятия и понимания истории государственности ТНР в одной из витрин экспозиции представлена её предыстория. Это чиновнические атрибуты, фотографии и материалы, отражающие вхождение Урянхайского края под протекторат Российской империи в 1914 г. В центре показана карта, где показаны будущая столица Белоцарск и первые русские населённые пункты.

За двадцатитрёхлетний период в молодом государстве произошли существенные преобразования. В экспозиции представлены разделы: государственное устройство в 1920-1930-е гг., образование, сельское хозяйство, здравоохранение, культура, письменность, торговля и транспорт. В экспозиционный комплекс включены такие уникальные коллекции, как марки, денежные знаки и государственные награды, ставшие в наше время раритетом, и другие экспонаты периода ТНР. Сами коллекции расположены на ромбовидных ячейках в продолговатой витрине. Представлены четыре награды ТНР: это высшие государственные награды «Орден ТНР» 1936 г., «Орден Республики» 1941 г., «Орден Труда» 1941 г. и нагрудный значок «Передовик-животновод» 1943 г.

Отметим, что государственные награды имеют социально-политическое значение – с одной стороны, они, как и гимн, герб и национальная валюта, являются символом государства в международном масштабе, с другой, они являются государственным символом внутри страны, так как совместно с органами юстиции, образуют систему поощрения граждан [5, с. 21].

Государственные награды можно рассматривать как историческую память консолидирующего общества. Это, как правило, указывает на наиболее значимые события, позволяют «распознать» исторические приоритеты и, в сущности, являются хранителями образов, материальных (поскольку имеют вещественный носитель) и духовных. Образы, носителями которых являются награды, связаны общей идеей процветания государства. Идея по-разному может быть использована в зависимости от правящей власти [1, с. 287].

Главное предназначение награды – вознаграждение за заслуги в разных сферах жизни края. В ТНР в 1930-е годы был введён новый политико-хозяйственный курс. Главным принципом стало поощрение частнохозяйственной инициативы граждан. В связи с этим тувинское руководство позаботилось и о моральных стимулах, учредив государственные награды. 17 марта 1935 г. вышел Указ Президиума Малого Хурала ТНР об учреждении республиканского ордена, получившего название «За заслуги перед национальной революцией». 31 мая 1935 г. этой государственной наградой были награждены 7 чел. В июне того же года в проектный рисунок внесли последние изменения. 30 ноября 1936 г. на совместном заседании Совета Министров и Президиума Малого Хурала ТНР было утверждено общее положение о государственной награде, получившей окончательное название «Орден ТНР» [4, с. 196]. В связи с изменением внешней символики в 1941 г. на основании Указа Президиума Малого Хурала на высшей награде слова «Орден ТНР» были заменены

на «Орден Республики» [3, с. 237]. Также, в 1941 г. был введён «Орден Труда», а в 1943 г. нагрудный значок «Передовик-животновод ТНР».

Историчность государственных наград, в первую очередь, проявляется в их внешней символике. Несомненно, что награда имеет вид отличительного знака, который благодаря своей выразительности и содержательности выделяет награждённого в обществе. Поэтому в качестве наградной регалии выступают предметы, приспособленные для публичной демонстрации (орден, медаль, знак и т.д.) [2, с. 336].

Рассмотрим их внешнее описание. «Орден ТНР» представляет собой круглый щит с двумя накладными позолоченными знаками «шоу», означающими долголетие. В верхней части государственный герб ТНР, в нижней – надпись на тувинском языке: «Пролетарии всех стран и угнетённые народы Востока, соединяйтесь!». По контуру орденский знак обрамлён красными эмалевыми лентами. На реверсе орден имеет винтовое крепление, порядковый номер и надпись: «МОНЕТНЫЙ ДВОР». Материал изготовления – серебро.

«Орден Республики» выглядит в основе в виде пластины овальной формы. В верхней части ордена расположено развёрнутое красное знамя с надписью (лозунг) в две строки «PYGY TELEGEJNiŇ PROLETARLARЬ POLGAS CӨӨN CYKTUŇ TARLAT KAN ARATTARЬ, KATТЬZЬŇAR!» на латинизированном тувинском языке (по-русски «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН И УГНЕТЕННЫЕ АРАТЫ ВОСТОКА, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»). Между знаменем и колосьями пшеницы имеется граница в виде флаштока с древком. Изображение и надпись представлена золотистым цветом. Края обрамлены венком в виде хлебных колосьев и дубовых листьев. На колосьях слева почти в середине изображена пятиконечная звезда из красной эмали. В нижней части ордена венок скреплён красной эмалевой лентой, где в центре расположена символика СССР в виде золотистого серпа и молота. Верхушка серпа заходит на белую эмаль, где конец его ближе к букве «R». В центре ордена на белом эмалевом поле расположена топографическая карта республики. На ней есть волнистые небольшие линии, которые обозначают реки. На самой карте в центре показан в движении всадник-арат в профиль влево. Он держит в руках знамя. Над ним – половина солнечного диска с лучами. Внизу надпись на латинизированном тувинском языке «RESPUBLIKТЬŇ ORDENI» (по-русски «ОРДЕН РЕСПУБЛИКИ»).

«Орден Труда» внешне схож с предыдущей наградой. В верхней части ордена расположено развёрнутое красное знамя. На нём расположена пятиконечная звезда с надписью (лозунг) в две строки «PYGY TELEGEJNiŇ PROLETARLARЬ POLGAS CӨӨN CYKTUŇ TARLAT KAN ARATTARЬ KATТЬZЬŇAR!» на латинизированном тувинском языке (по-русски «ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН И УГНЕТЁННЫЕ АРАТЫ ВОСТОКА, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»). Между знаменем и колосьями пшеницы есть граница в виде флаштока с древком. Изображение и надпись представлена золотистым цветом. Края обрамлены венком из трав и золотистыми хлебными колосьями. Они обмотаны внизу красной лентой. В нижней части ордена венок скреплён красной эмалевой лентой, на которой располагается аббревиатура названия республики «TAP» на латинском языке. В центре ордена на белом эмалевом поле расположена топографическая карта республики – элемент герба, на него наложены скрещенные серп и молот. Последний имеет деформацию, т.е. лезвие молота вытянутый немного вверх. В разных местах карты расположены три ветвистые, соединяющиеся между собой линии. Они означают реки республики. Выше – надпись

на латинизированном тувинском языке «KYS AZYL ORDEi» («Орден Труда»). В нижней части эмалевого поля, над лентой, находятся рельефные изображения лошади и коровы – символов скотоводства – основы хозяйства Тувинской Народной Республики. Внизу ордена – два треугольных выступа.

Нагрудный значок «Передовик-животновод ТНР» имеет форму ромба. На лицевой стороне значка, на фоне альпийских пастбищ и гор, выпукло изображён профиль лошади и коровы. В верхнем углу ромба вмонтирована красная пятиконечная звезда. На левой верхней стороне значка расположено изображение солнца с расходящимся от него золотыми лучами. По нижним сторонам ромба имеется белая эмалевая полоса с надписью, сделанной золотыми буквами «Мурнакчы малчын» («Передовик-животновод»). В нижнем углу имеется надпись, покрытая красной эмалью, с золотой обводкой «ТАР». Белая эмалевая полоса имеет сверху позолоченное обрамление. Весь значок обрамлен позолоченной рамкой.

Примечательно, что историю формирования коллекции фалеристики в музее можно просмотреть по номерам в книгах поступления. Четыре государственные награды, которые экспонируются на выставке, поступили в музей в разное время. Однако, из-за отсутствия основного номера на экспонате, в документации отсутствует информация о владельце «Ордена ТНР». О другом имеются исчерпывающие сведения в книге поступления, где написано, что в 1974 г. был сдан «Орден Республики» (КП 5937), владельцем которого являлся арат-животновод Оюн Аваан-оол. В 1942 г. он получил награду за оказанную помощь фронту, отдав для Красной Армии табун лошадей. Следующая награда, представленная в экспозиции «Орден Труда» (КП 9964/1) поступила в 1992 г. Принадлежала участнику Великой Отечественной войны, тувинскому добровольцу Пилчиир-оолу Ожигану. Нагрудный значок «Передовик-животновод ТНР» (КП 3248) был приобретён в результате командировки в Тоджинский кожуун в 1958 г. и принадлежал Ак-Саны Сандыковичу, проработавшему в колхозе «1-е мая» Тоджинского кожууна.

Таким образом, государственные награды, представленные в экспозиции, играют существенную роль в истории Тувинской Народной Республики.

2021 г.

Библиографический список:

1. Гусева Н. А. Государственные награды: к вопросу об исторической памяти // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. № 3. С. 286-292.
2. Запарий В. В., Шуняков Д. В. Награды и наградная система: определения и характеристики // Бакунинские чтения. Секция 3. СССР и Россия в контексте модернизаций. С. 333-345.
3. История Тувинской Народной Республики в архивных документах. 1921-1944 гг. Новосибирск: Сибирское книжное издательство. 2011. 312 с.
4. История Тувы: В 3 т. – Т. II / Под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука. 2007. 430 с.
5. Калашникова А. В. Советские республиканские ордена в контексте культуры: научное описание. Каталогизация, музейная презентация: автореферат. дис. канд. ист. наук. М. 2015. 24 с.
6. Ховалыг А. С. История образования суверенного государства Тувинская Народная Республика (1921-1944 гг.) // Вестник Тувинского Государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (28) 2016. С. 146-150.

М. Э.-Г. Зарко,
г. Минусинск

Ещё раз к вопросу о переводе книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка»

В научной библиотеке Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова содержится более 137 000 единиц хранения. Фонд редкой книги насчитывает более 500 томов. Книг на иностранных языках – больше 5000. Один ценный артефакт библиотеки Мартыановского музея является уникальным не только для Минусинска, но и в масштабах всей страны. Это двухтомник Джорджа Кеннана *Siberia and the Exile System* («Сибирь и ссылка») на английском языке, вышедший в Нью-Йорке в 1891 году. [1]

Гости из Америки — журналист Джордж Кеннан и художник Джордж Фрост – посетили Минусинский музей в 1886 году. Путешествуя по Сибири, они изучали русскую торговлю и ссылку. Вернувшись в США, Кеннан публикует статьи в журнале, резко критикуя царское правительство и прославляя осуждённых революционеров. А в 1891 году издаёт эти материалы отдельным двухтомником.

Книгу перевели на основные европейские языки. В России она была запрещена, и долгое время все русскоязычные варианты представляли собой лишь краткий и неточный пересказ – с оригинала или с других языков, на которых уже был выполнен перевод (зачастую тоже не полный).

Отсутствовало в этих изданиях и описание Минусинска из главы XII второго тома. Так было до 1999 г., когда в издательстве «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ» вышел двухтомник с полным переводом книги на русский язык работы И. А. Богданова со вступительной статьёй и исчерпывающими примечаниями Е. И. Меламеда. [2]

Несмотря на отсутствие или недоступность официального русского перевода или, напротив, благодаря этому факту, свидетельства иностранцев о Минусинске не раз привлекали внимание местных исследователей.

В. А. Ватин в 1916 г. опубликовал статью «Кеннан в Минусинске» в № 3 журнала «Сибирские записки», приведя объёмные цитаты в собственном переводе.

В 1987 году, к столетию визита американских гостей, сотрудники музея им. Н. М. Мартыанова – директор В. А. Ковалёв и старший научный сотрудник Л. Н. Ермолаева – опубликовали совместную статью в сборнике «Красноярский библиофил» [3], в которой вкратце поведали предысторию события и привели несколько отрывков из главы XII в русском переводе, очень схожем с текстом Ватина.

В 2008 году И. Я. Василишина – учитель иностранного языка МОБУ «СОШ № 16» г. Минусинска — представила на Мартыановских чтениях сообщение на тему «Использование литературы на английском языке из фондов научной библиотеки музея им. Н. М. Мартыанова в работе учителя», на примере произведения Дж. Кеннана; материалы опубликованы в сборнике докладов за тот же год.

В 2021 году, во время реализации федерального проекта «Музеи России: #7экспонатов», рабочая группа музея выпустила отдельный одноминутный ролик о редком издании из фондов научной библиотеки для раздела «Клипы» в соцсети ВКонтакте. После чего было решено выполнить полноценный перевод отрывка про Минусинск.

Фрагмент представляет собой 2/3 части главы – только слова, посвящённые Минусинску, перед дальнейшим отъездом путешественников в Томск, на обратном пути в направлении Санкт-Петербурга. Объём перевода составил около 30 расчётных страниц (1 стр. = 1800 знаков с пробелами). Основная работа была проведена в декабре 2021 г., с последующими правками в феврале-марте 2022 г.

Необходимо отметить, что перевод 2022 года намеренно выполнялся без оглядки на предыдущие версии. Сравнение и выверка были проведены уже по окончании собственной работы. Кое-где тексты совпали дословно; а некоторые находки наших старших коллег-первопроходцев (отдельные слова, формулировки, обороты) мы сознательно включили в свою версию как наиболее точные или удачные. Однако, есть в предыдущих вариантах и недостатки. Мы, по возможности, постарались учесть эти моменты в своей работе, хотя наша версия, конечно, тоже не может претендовать на совершенство. Тем не менее, считаем интересным дополнить русский текст примечаниями переводчика. В настоящем сборнике представлены некоторые комментарии относительно упомянутых современных вариантов перевода 1987-го и 1999-го годов.

Интересные свойства, черты, характеристики текста оригинала на английском языке

Язык простой, живой; повествование беглое, лёгкое, с доброй иронией, из-за чего, по сути, «путевые заметки» Кеннана художественно в некоем роде даже сродни произведениям Л. Н. Толстого тех же годов. Сам Лев Николаевич, в свою очередь, позже справочно опирался на статьи Кеннана при создании своего «Воскресения». Следует учитывать, что Кеннан хорошо знал русский язык, путешествуя по России с 1860-х годов, – и, возможно, невольно на английском писал так, как думал и общался на русском; а возможно, такой эффект похожести, узнаваемости – результат намеренного приёма. Упомянутой лёгкости отнюдь не противоречат и не мешают длинные запутанные конструкции с множеством толкований и уточнений, причастных и деепричастных оборотов, придаточных предложений. Эта витиеватость лишь подчёркивает, с какой виртуозностью автор использует свой родной язык: при описании сложнейших и неоднозначных исторических явлений он буквально играет словами – даже формой высказывания выражая своё отношение к происходящему. При этом смысл абсолютно не затемняется, а наоборот, каждым эпитетом – очень тонко и глубоко проясняется.

Местные имена и фамилии, географические названия, а также бытовые слова, не имеющие прямого аналога в английском языке, Кеннан транслитерирует латинскими буквами «как слышатся» и проставляет ударения, иногда даёт развёрнутое толкование, например:

- Martiánoff – Мартьянов;
- padarózhnaya – падарóжная (подорожная);
- pavóska – павóска (повозка);
- isprávník, or district chief of police – испрáвник, то есть начальник окружной полиции.

Автор пользуется принятыми тогда терминами (например: сойоты – тувинцы, татары – хакасы) и излагает распространённые на тот момент точки зрения на научные проблемы (в частности, вслед за профессором Й. Аспелиным относит древнюю тюркоязычную письменность к финно-угорской рунике).

Комментарии к переводу 1987 г.

Версию В. А. Ковалёва и Л. Н. Ермолаевой из «Красноярского библиофила» условно назовём «перевод 1987 г.».

Он в некоторых местах неточен – скорее всего, текст перефразировали, чтобы не обрывать объёмное предложение, а дать его краткое изложение, не распространяясь на детали, не совсем относящиеся к делу в рамках краткого обзора.

Однако, к сожалению, в этом варианте имеются и явные недочёты. Далее приводятся несколько наиболее ярких примеров с толкованием.

1. **thriving little town** – не «богатый» а «процветающий» городок. Богатство и процветание – характеристики не обязательно одновременные, и не всегда они взаимообусловлены.

2. **main line of transcontinental communication** – не «транссибирского тракта», а «главной линии транспортного сообщения на континенте». Железная дорога на этом месте называется не тракт, а Транссибирская магистраль, и строительство её началось в 1891 году, когда уже вышла полноценная книга Кеннана. Сам же его визит в Минусинск состоялся в январе-феврале 1886 года, когда едва только закладывалась идея о Великом Сибирском Пути (историческое название). А Сибирский тракт (Государева дорога) – действительно, старинный сухопутный почтовый маршрут из европейской России через Сибирь к границам Китая и обратно. Однако, в оригинале слово «transcontinental» относится не к собственному названию дороги, а используется описательно в значении «пересекающий континент».

3. **particular interest** – не «большой практический», а «особый» интерес – т. е. какой-то свой, индивидуальный, специфический, в отличие от интересов других или в отличие от отсутствия такового.

4. **appearance that most Siberian towns have** – не «...гораздо пустынное больших сибирских городов», а «вид, свойственный большинству сибирских городков». Здесь речь идёт не про отличие маленьких городов от больших, а про похожесть большинства маленьких городов друг на друга; про большие города вообще ничего не говорится.

5. **There used to be** – не «должна быть», а «была когда-то» [гостиница], то есть бывала, некогда была, была в какой-то отрезок времени.

6. **Whether there's one now or not, God knows** – не «А где – бог его знает!», а «Теперь есть или нету, – бог весть», то есть в сравнение к тому, что когда-то была, и он это знает; а сейчас осталась или нет на том месте или есть ли где-нибудь ещё – он не знает.

7. **apparently clean room** – не «удивительно», а «должно быть», чистую комнату. Apparently – видно, по-видимому, по всей видимости, скорее всего, несомненно, вероятно, должно быть, кажется, судя по всему, вроде бы, похоже, возможно, видимо, очевидно.

8. **washstand** – не «душ и ванна», а «умывальник». Сомнительно предположение, что в таком отдалённом уголке путешественники, проехавшие всю Сибирь, могли ожидать наличие душа и ванны, которыми в конце XIX века и в столицах были оборудованы не все дома. Напротив, он здесь подчёркивает, что даже такого простого оборудования, как раковина, и то в комнате не оказалось.

9. **but it made up for its deficiencies in these respects by offering for our contemplation**

– не «Но зато, словно нарочно, чтобы повергать нас в изумление и размышления», а «однако, свои недостатки в этих отношениях оно восполняло, предлагая нашему взору».

10. **somewhat anemic vine of English ivy** – не «что-то вроде анемичного винограда, этого английского плюща», а «какой-то анемичный стебель плюща». **Somewhat** – слегка, немного, малость, отчасти, в некоторой степени. **Vine** – вьющееся или ползучее растение, вьющийся стебель, лоза, плеть, ветка. **English ivy (Hedera helix или common ivy, European ivy, просто ivy)** – плющ обыкновенный или плющ вьющийся.

11. **climbing feebly up a cotton string to look at itself in a small wavy mirror** – не «поднимающегося в углу до самого потолка и издающего слабый запах», а «еле всползающий по хлопковой бечёвке – посмотреться в небольшое кривое зеркало». Полностью заменено предложение, иной смысл, говорится совсем о другом.

12. **a small but valuable library** – не «небольшую, но разнообразную библиотеку», а «небольшую, но ценную библиотеку».

13. **A charter was then obtained** – не «Дар был принят», а «Был принят устав». **Charter** – устав; хартия; грамота; документ, содержащий согласие государственного органа на ту или иную деятельность.

14. **we made farewell calls upon the political exiles, as well as upon Mr. Martiánof, Mr. Safiánof, and Dr. Malínin, who had been particularly kind to us, and set out with a tróika of “free” horses for the city of Tomsk** – не «мы нанесли прощальные визиты политическим ссыльным, а также Мартьянову, Сафьянову и доктору Малинину, которые были настолько добры к нам, что на тройке лошадей отправились проводить нас до дороги на Томск», а «мы нанесли прощальные визиты политическим ссыльным, а также г-ну Мартьянову, г-ну Сафьянову и д-ру Малинину, которые были особенно добры к нам, – и на тройке «вольных» лошадей выдвинулись к городу Томску». Гости навестили самых близких из своих новых знакомых, а затем сами на «вольных» лошадях поехали в Томск.

Комментарии к переводу 1999 г.

Версию И. А. Богданова условно назовём «перевод 1999 г.», так как отдельным двухтомником текст вышел именно в этом году (но не со всеми оригинальными рисунками), хотя отрывками публиковался ранее в нескольких номерах литературного журнала «Нева».

Отдельно следует сказать пару слов о самом переводчике. Игорь Алексеевич – достаточно известный в профессиональных кругах опытный историк, краевед, литератор, переводчик; автор научно-популярных книг, русских текстов многих художественных произведений, а также ещё одного капитального труда Дж. Кеннана «Tent Life in Siberia» («Кочевая жизнь в Сибири»).

Однако, при знакомстве с его переводом фрагмента о Минусинске из главы XII второго тома книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» изложение иногда кажется суховатым, похожим на подстрочник, которому недостаёт живости, естественности повествования, а самое главное – той лёгкости и иронии, присущих языку Кеннана, о которых мы говорили выше. Кроме того, как и в переводе 1987 г., здесь имеются более или менее досадные неточности. Приводим несколько наиболее ярких примеров с толкованием.

1. **English ivy** – не «английский плющ», а просто «плющ» (см. комментарии к переводу 1987 г.)

2. **gangrened brass teapot** – не «позеленевшего медного тазика», а из «почерневшего, словно в гангрене, латунного чайника».

3. **mining museum** – не «горного музея», а «музея горного дела». Словосочетание «горный музей» наталкивает на мысль, что музей, возможно, находится в горах либо посвящён горам. Однако термин «mining» явно говорит о горнодобывающей промышленности – разработке руды. Алтайский государственный краеведческий музей является одним из первых в сибирском регионе. Был основан в 1823 г. по инициативе начальника округа Колывано-Воскресенских заводов и томского гражданского губернатора П. К. Фролова (1775-1839) при непосредственном участии врача и исследователя Алтая Ф. В. Геблера (1781-1850) в ознаменование 100-летия начала горнозаводского дела на Алтае. Историко-техническая коллекция является одной из самых ценных. Включает в себя модели и подлинные предметы по истории развития техники горнозаводского производства на Алтае в XVIII-XIX вв.

4. **A charter was then obtained; two rooms in one of the school-buildings were set apart as a place for the exhibition of the specimens <...>** – не «Тогда же было получено разрешение отвезти <...> две комнаты <...>», а «Затем был принят Устав учреждения; под выставку образцов выделены две комнаты в одном из корпусов гимназии <...>» (см. комментарии к переводу 1987 г.).

5. **plants, rocks, and animals of the district** – не «растения, минералы и животные, обитавшие в регионе», «растения, минералы и животные региона». Слово «регион» относится не только к слову «животные»; однако, «растения» и «минералы» не «обитают».

6. **stone celts, nephrite celts** – не «каменного долота» и «нефритового долота», а «каменные кельты» и «нефритовые кельты». В археологии: кельт – длинный, тонкий, каменный или бронзовый инструмент, похожий на тесло, мотыгу или топор, использовавшийся в доисторические времена. По тексту, к сожалению, непонятно, как именно выглядели инструменты, о которых говорит автор. В современной же культуре термин «долото» относится, скорее, к мастерству плотницкому и столярному, вызывая в памяти образ небольшого предмета, ручного инструмента для сравнительно мелкой обработки той или иной поверхности, выдалбливания отверстий, гнёзд, пазов (не берём крайний случай долота бурового – для бурения нефтяных, газовых, водяных, геологоразведочных и других скважин). Поэтому в переводе книги Кеннана целесообразнее, на наш взгляд, оставить научное родовое название, без конкретизации назначения.

7. **and evidently, in pattern, a development from them** – не «и, очевидно, являющиеся образцом последнего», а «и, очевидно, созданные на их основе». «Образец» подразумевает в некоторой степени одновременное существование; здесь же, скорее всего, подчёркивается эволюционное развитие инструмента.

8. **that had partially returned to the form of ore** – не «напоминавшие внешне обыкновенный камень», а «частично вновь ставшие кусками руды». Смысл в том, чтобы подчеркнуть, почему медные топоры напоминают камень – и что за «камень» такой. А камень как раз тот, из которого они когда-то вышли, а теперь же, к моменту осмотра, уже столько времени пролежали в земле, что вновь стали ею, подвергнувшись химическим процессам разложения материалов, формирования новой породы.

9. **bronze pot-lid** – «бронзовая крышка» не «горшка», а «котла». «Горшок» – скорее, глиняный, а бронзовый – «котёл».

10. **comprehensive survey** – не «внимательный», а «всесторонний» обзор. Как далее говорится, обзор был торопливым, поспешным, беглым («hasty»). Второпях сложно сделать что-то внимательно, тщательно, детально. А вот чисто технически осмотреть всё, хотя и быстро – вполне.

11. **about nine o'clock in the morning** – «Сафьянов заехал за нами» не «часов в десять утра», а «около девяти часов утра».

12. **I had a box made by an exiled Polish carpenter** – не «У меня был ящик, сделанный столяром из ссыльных поляков», а «Один ссыльный поляк-столяр сделал мне ящик». К сожалению, использование изменённого оборота «один из» привело к грамматическому и смысловому смещению и смешению: «ящик, сделанный из ссыльных поляков». Хотя искажённый смысл и является абсолютно абсурдным, однако, считается он достаточно легко – а считавшись, у человека XXI века вызывает в памяти ассоциации далеко не самые позитивные, особенно с учётом общей тематики книги. Впрочем, исправить оплошность не составляет труда.

Заключение

В юбилейный для Мартьяновского музея 2022 год наиболее полный перевод фрагмента о Минусинске из книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» будет представлен вниманию читателя в рамках издательского проекта по грантовой программе «Книжное Красноярье» – в сборнике «Минусинский музей. Исторические очерки», наряду с переизданием ещё нескольких исторических работ, хранящихся в фондах научной библиотеки музея. Для этого текст перевода сверстан в точном соответствии с исходником; рисунки и фотографии Дж. Фроста взяты из первого издания 1891 года. Английский текст для перепечатывания отсканирован, распознан и выверен по оригиналу.

Переводчик выражает благодарность коллегам – сотрудникам Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова, — предварительное сотрудничество с которыми привело к идее создания настоящей работы: Сидориной Елене Юрьевне – зав. научной библиотекой, за интересную подачу материала при первом знакомстве с экспонатом; Ахремчик Ольге Геннадьевне – зам. директора по научной работе, за предложения и рекомендации использовать материал в целях научно-исследовательской работы и поощрение участия в соответствующих проектах; Борисовой Светлане Анатольевне – директору музея, за организационную помощь и административную поддержку.

Библиографический список:

1. Kennan G. *Siberia and the Exile System*. – New York: The Century Co., 1891.
2. Кеннан Дж. *Сибирь и ссылка*: в 2-х т. – Пер. с англ. И. А. Богданов. – СПб: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1999.
3. Ковалёв В. А., Ермолаева Л. Н. В Сибирь за правдой. // Красноярский библиофил / Сост. Чагин В. В. – Красноярск: Кн. изд-во, 1987. – С. 138-159.
4. Белоконский И. П. *Дань времени*. – М., 1928. – С. 300-306.
5. Василишина И. Я. Использование литературы на английском языке из фондов научной библиотеки музея им. Н. М. Мартьянова в работе учителя. // Мартьяновские краеведческие чтения.

Вып. VI. Сборник докладов и сообщений. Минусинск, 13-15 декабря 2010 г. / Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова. – Минусинск, 2010. – С. 9-11.

6. Вагин В. А. Кеннан в Минусинске. // «Сибирские записки». – г. Красноярск. – 1916 г. – № 3, август. – С. 71-93.

7. Кеннан Дж. Сибирь! Очерки: в 2-х т. / Пер. с нем. без всяких сокращений. – СПб: Издание М. В. Пирожкова, 1906.

8. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. – М.: Книгоиздательство «Логос», 1906.

9. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. – Пер. с англ. – СПб: Издание В. Врублевского, 1906.

10. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. – Пер. с англ. З. Н. Журавской с примечаниями В. Л. Бурцева. – СПб: Издание С. Н. Салтыкова, 1906.

11. Нева. – 1996: № 10, С. 142-158; № 12, С. 142-166; 1997: № 2, С. 173-185.

12. Веб-сайт издательства «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ <https://blitz-store.ru/>

13. <https://fantlab.ru/translator253>

14. <https://livelib.ru/author/12938-igor-bogdanov>

Веб-сайт Алтайского государственного краеведческого музея <https://myagkm.ru/about>

С. Г. Злотникова
г. Абакан, Республика Хакасия

Благотворительная деятельность населения Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Мартьяновских чтений)

Благотворительная деятельность является немаловажной сферой общественной жизни, которая осуществляется на принципах человеколюбия и истинного сострадания к ближнему. Термин «благотворительность» впервые употребил Н. Н. Карамзин, а о сложностях его толкования писал В. О. Ключевский [4, с. 194].

Для пореформенной России благотворительность являлась серьёзным инструментом в решении многих социокультурных вопросов. Это относится и к сибирской провинции. Безвозмездная помощь в сферах народного образования, здравоохранения, просвещения и культуры в отдаленных от центра регионах дозволялась государственной властью Российской империи. Геополитическое положение Сибири, её природно-климатические условия, сложности по социально-культурному благоустройству сибирских окраин открывали широкие возможности для благотворительности местных жителей. Размах и многогранность пожертвований сибирских благотворителей и меценатов позволяли оценить специфику российского менталитета.

Ценным научно-познавательным ресурсом по благотворительной деятельности населения Сибири являются материалы Мартьяновских краеведческих чтений. Они содержат огромный информационный потенциал по вопросу благотворительности жителей Енисейской губернии в пореформенный период. В сборниках опубликовано более 100 докладов и сообщений по теме благотворительной деятельности. Целью данной работы является выявление информационной ценности публикаций, посвящённых благотворительной деятельности известных благотворителей и меценатов Енисейской губернии В. А. Баландиной, И. М. Сибирякова, И. Г. Гусева, Н. П. Пашенных и Ф. Ф. Девятова.

В статье краеведа, канд. ист. наук А. Н. Гладышевского «Штрихи к портрету В. А. Ба-

ландиной» раскрывается многогранная просветительская деятельность сибирской благотворительницы. Алексей Николаевич представил Веру Арсеньевну как блестяще образованную женщину России, проследил многолетний путь её обучения от Красноярской гимназии до известного университета и лабораторий Европы [1, с. 209].

В 1901 г. Вера Арсеньевна вернулась в родное село Новосёлово, где благодаря её инициативе и непосредственному участию были организованы первые в Сибири сельские детские ясли. А. Н. Гладышевский детально и скрупулезно проанализировал порядок работы этого детского учреждения, представил сведения её личного участия в разработке документации для рационального функционирования детских яслей в с. Новосёлово. Значительный интерес представляет Устав этого учреждения, составленный самой учредительницей. Вера Арсеньевна смогла продумать и учесть важные особенности и обстоятельства жизни сельских жителей для организации работы детских яслей [1, с. 209].

А.Н. Гладышевский также представил В. А. Баландину как учёного, исследователя. Он подробно рассмотрел её научную и экспериментальную работу в сфере сельского хозяйства, раскрыл трудности, с которыми пришлось столкнуться В. А. Баландиной при проведении химических исследований в собственной лаборатории [1, с. 210]. В материалах Мартьяновских краеведческих чтений раскрыты её предпринимательские способности. Деятельность В. А. Баландиной в сфере угольной промышленности и железнодорожного строительства Сибири представляла немаловажное значение для экономического развития сибирских окраин в начале XX в.

А. Н. Гладышевский в своей статье раскрывает и послереволюционную жизнедеятельность Веры Арсеньевны. Ценность его публикации в том, что он показал всестороннюю созидательную деятельность сибирской предпринимательницы как мецената, благотворителя, учёного, патриота, человека, искренне желавшего продолжить культурно-просветительскую работу на родной земле [1, с. 210]. А. Н. Гладышевский является не единственным исследователем этого вопроса. Одним из первых пересмотрел негативную, ставшую традиционной в советской историографии, оценку культурно-просветительской работы Веры Арсеньевны красноярский краевед И. Т. Лалетин. Его публикации и исследование жизнедеятельности В. А. Баландиной А. Н. Гладышевским способствовали возрождению достойной памяти о сибирской благотворительнице.

Значительная роль в области благотворительности, по мнению бывшего директора Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова Л. Н. Ермолаевой, отводится Иннокентию Михайловичу Сибирякову. Он оказал ценную моральную поддержку и внушительную материальную помощь первому музею Сибири в г. Минусинске [3, с. 19].

Искренний интерес И. М. Сибиряков проявлял к созданию городских и сельских библиотек. Главным и безоговорочным условием для культурно-просветительских учреждений, созданных на средства Иннокентия Михайловича, являлось их бесплатная работа для населения [3, с. 20].

Богатые фактические сведения статьи Л. Н. Ермолаевой о подробных пожертвованиях И. М. Сибирякова в пользу музея и библиотек Сибири свидетельствуют о широкой благотворительной деятельности известного сибирского спонсора.

Большую информационную ценность представляют материалы Мартьяновских краеведческих чтений, которые позволили нам увидеть в богатейшем меценате Сибири скром-

ного и простого человека. Раскрывая содержание личной переписки Иннокентия Михайловича с Н. М. Мартьяновым, автору статьи удалось показать неподдельную деликатность личности И. М. Сибирякова. Он в своём последнем письме к основателю Минусинского музея обратился с просьбой не указывать его имя в отчётах музея: «... просил бы комитет не пропечатывать меня и вот почему: – в постройке музея участвовали многие лица и главным образом дело это обязано Вашему труду и энергии. Почему же я буду стоять на первом месте? Если я дал больше других деньгами, то из этого ещё не следует, чтобы дары и труды других лиц на то же дело заслуживали бы меньшего внимания» [3, с. 21]. Истинная скромность по отношению к своей щедрости, тактичная оценка вклада других жертвователей в общее дело благотворительной помощи раскрыли в И. М. Сибирякове искреннего филантропа. Иннокентий Михайлович, состоявшийся как крупный сибирский предприниматель, в действительности остался великодушным и добросердечным человеком, настоящим ценителем народного просвещения.

Известным благотворителем и меценатом Енисейской губернии по праву считался минусинский купец 1-ой гильдии Иван Гаврилович Гусев. В статье научного сотрудника Минусинского музея В. В. Ермиловой раскрывается деловая «хватка» и неординарные предпринимательские способности И. Г. Гусева. Его отличала подлинная заинтересованность в развитии местной промышленности. Основатель стекольного производства, владелец конезавода, крупнейший производитель крупчатой муки, соли, соды, по мнению В. В. Ермиловой, Иван Гаврилович был неутомимым первопроходцем в экономических вопросах сибирских окраин [2, с. 87].

Попытка И. Г. Гусева впервые устроить производство сахара в Сибири показала коммерческую смелость минусинского купца, необходимую для организации весьма сложного процесса переработки сахарной свеклы. Иван Гаврилович изучил основы промышленного изготовления сахара, закупил необходимое оборудование, осуществил подбор нужных специалистов, чтобы его свеклосахарный завод стал производить первые партии продукции и приносить своему владельцу приличную прибыль [2, с. 87].

Получение внушительного дохода от Ивановского завода доказывало дальновидность и предприимчивость минусинского купца Гусева. Однако, удачное начало сахарного производства в Сибири имело весьма печальное развитие после кончины Ивана Гавриловича. Несмотря на благоприятные условия для сахарного дела в Минусинском округе, полное отсутствие конкуренции сахароварения в Сибири и систематические попытки возродить деятельность гусевского завода, сахарная промышленность не получила дальнейшего развития в регионе [2, с. 88-89].

Материалы статьи В. В. Ермиловой показали истинный интерес и заботу Ивана Гавриловича о социально-культурном развитии г. Минусинска. Будучи городским головой, минусинский купец оказал внушительную помощь Н. М. Мартьянову в становлении первого музея Сибири. Иван Гаврилович выделял денежные средства на нужды музея, дарил образцы продукции своих заводов для музейных коллекций, жертвовал мебель и стекло на обустройство культурно-просветительского учреждения [2, с. 87]. Получение собственной выгоды не являлось первоочередным для минусинского коммерсанта, в значительной степени искреннее беспокойство у Ивана Гавриловича вызывало промышленное и социаль-

ное развитие региона. Будучи инициатором и спонсором экономически выгодных проектов, минусинский купец И. Г. Гусев оказывал щедрую благотворительную помощь в сфере образования, здравоохранения, культуры и просвещения, а также церковного строительства.

В благотворительной деятельности активное участие принимало не только купечество Сибири, но и крестьянское сословие региона. Одним из известных крестьян – благотворителей Енисейской губернии был Н. П. Пашенных. Статья научного сотрудника Минусинского архива Л. П. Чащиной позволила раскрыть уникальность и неординарность Николая Павловича, в характере которого одновременно сочеталось трудолюбие предпринимателя и бескорыстность «покровителя народного просвещения» [6, с. 211].

Несмотря на свою малограмотность, Н. П. Пашенных оказывал щедрую благотворительную помощь учебным заведениям Минусинского уезда. По инициативе и активной поддержке Николая Павловича в с. Курагино было открыто приходское училище, Почётным блюстителем которого он долгое время являлся. Благодаря усилиям и средствам Н. П. Пашенных было открыто реальное училище в г. Минусинске [6, с. 212-213].

Немаловажное значение представляют подробные материалы Мартьяновских краеведческих чтений о судьбе Н. П. Пашенных и его детей, представленные в публикации Л. П. Чащиной [6, с. 211, 213]. Кроме того, информационной ценностью статьи является основательное исследование коммерческой деятельности Н. П. Пашенных. Владелец кожевенного и мыловаренного заводов, водяной и крупчатной мельниц, крупный золотопромышленник Н. П. Пашенных оказывал щедрую помощь Минусинскому музею, спонсировал торговые экспедиции в Манчжурию, жертвовал средства на постройку деревенской школы [6, с. 212].

Автор статьи справедливо заметил, что экономическое развитие Минусинского края вызывало сильное беспокойство у Н. П. Пашенных. Он пытался возродить свекло-сахарный завод Гусева, построил в г. Минусинске каменную крупчатную 4-х этажную мельницу с современным оборудованием [6, с. 212]. Николай Павлович в составе товарищества начинал разработку каменного угля в Енисейской губернии, выступал за строительство железной дороги от Кузнецка до Канска [6, с. 212-213]. Несмотря на свой промышленный взлёт и солидное финансовое состояние, Николай Павлович так и остался в крестьянском сословии, что не помешало ему быть щедрым меценатом и энергичным инициатором экономического развития Минусинского края.

Не менее известным благотворителем крестьянского происхождения был скромный и трудолюбивый фермер-новатор Ф. Ф. Девятов. Из статьи сотрудника курагинской районной библиотеки З. В. Тулиной мы узнаем о таких качествах личности Ф. Ф. Девятова, как упорство и целеустремленность. Он не проходил обучение в школе, но смог самостоятельно получить обширные знания [5, с. 214]. Богатым в информационном отношении является материал публикации о неподдельной любви Ф. Ф. Девятова к земле, крестьянскому труду и сельскому хозяйству [5, с. 214]. Новаторская натура «крестьянского самородка» и трудолюбие Фёдора Фёдоровича способствовали достижению им внушительных аграрных результатов на своем земельном участке. Курагинский фермер часто представлял собственную сельскохозяйственную продукцию на выставках разного уровня и получал за неё заслуженное признание и высокие награды [5, с. 215].

Материалы Мартъяновских краеведческих чтений позволили увидеть разные грани общественной деятельности Ф. Ф. Девятова: незаурядный журналист, публицист, друг школы и Минусинского музея, грамотный знаток крестьянского быта, этнографии и народного фольклора [5, с. 214, 215, 216]. Особое место в жизни Фёдора Девятова занимала курагинская библиотека. Он являлся инициатором создания, единственным учредителем и спонсором бесплатной библиотеки-читальни с. Курагино. Фёдор Фёдорович разработал основные правила пользования книжным фондом библиотеки. Выписку периодических изданий и покупку книг он производил на собственные средства. Курагинская бесплатная библиотека-читальня работала ежедневно и без выходных. Зачастую приёмом и выдачей книг в ней занимался сам Фёдор Фёдорович [5, с. 216]. В статье З. В. Тулиной содержатся уникальные архивные данные о работе курагинской библиотеки, которые позволяют увидеть в Ф. Ф. Девятове и яркого библиотекаря-самоучку, и истинного радетеля библиотечного дела на селе, и неутомимого подвижника сельской культуры.

Материалы Мартъяновских краеведческих чтений, богатые интересными историческими фактами, являются весьма ценной информационной базой для изучения значительного количества вопросов по истории Сибири. Широкая тематика докладов и сообщений участников Мартъяновских чтений, глубокое содержание публикаций и статей, изданных по результатам конференции, представляют научный интерес для многих исследователей-историков.

Для изучения вопроса благотворительности населения Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. Мартъяновские краеведческие чтения являются немаловажным информационным ресурсом. Материалы по теме благотворительной деятельности представлены в разных разделах сборника: «Н. М. Мартъянов», «Музейная Сибирь и библиотечное дело», «История Сибири», «Люди и судьбы» и др. Содержание статей, опубликованных в выпусках «Мартъяновские краеведческие чтения», помогает раскрыть тонкости характеров и особенные черты личностей известных сибирских благотворителей и меценатов. Ценные детали их благотворительной деятельности, представленные в материалах краеведческих чтений, позволяют достоверно оценить размах и многогранность благотворительности в пореформенной Сибири.

Библиографический список:

1. Гладышевский А. Н. Штрихи к портрету В. А. Баландиной // Мартъяновские краеведческие чтения (1999-2002 гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск II. – Абакан, ООО «Фирма «Март», 2003. – С. 209-211
2. Ермилова В. В. Первый сахарный завод в Сибири // Мартъяновские краеведческие чтения (2003-2004 гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск III. – Абакан, Типография «Светоч», 2005. – С. 87-90.
3. Ермолаева Л. Н. И. М. Сибиряков и Минусинский музей // Мартъяновские краеведческие чтения (2012-2013 гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск VIII. – Минусинск, Типография «Печать плюс», 2014. – С. 19-22.
4. Нежигай Э. Н. К вопросу истории благотворительности в России и отношение к ней современного поколения россиян // Экономика. Право. Печать. Вестник Кубанского социально-экономического института. Выпуск № 3-4 (63-64). – 2014. – С. 194 – 205. https://elibrary.ru/download/elibrary_22604620_11232888.pdf. Дата обращения: 14.02.2022.
5. Тулина З. В. Крестьянский самородок Фёдор Девятов // Мартъяновские краеведческие чтения

(1999-2002 гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск II. – Абакан, ООО «Фирма «Март», 2003. – С. 214-217.

6. Чащина Л. П. Николай Павлович Пашенных – предприниматель и меценат // Мартьяновские краеведческие чтения (1999-2002 гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск II. – Абакан, ООО «Фирма «Март», 2003. – С. 211-214.

Э. Н. Казанцева,
г. Абакан, Республика Хакасия

Художественные особенности произведений марийского художника А. А. Ведерникова из собрания Абаканской картинной галереи им. Ф. Е. Пронских

Собрание Абаканской картинной галереи им. Ф. Е. Пронских обладает самой большой коллекцией произведений живописи известного марийского художника Алевтина Анатольевича Ведерникова (1940-1984). Научное описание произведений, входящих в коллекцию, дало возможность её более глубокого анализа и выявления художественной ценности. Коллекция из 112 произведений живописи А. А. Ведерникова представляет все основные жанры, в которых работал мастер (портрет, пейзаж, натюрморт, наброски тематических картин) и, следовательно, может служить основой для научной и экспозиционно-выставочной работы.

Алевтин Анатольевич Ведерников родился 22 июня 1940 года в деревне Большой Ляждур Куженерского района Марийской АССР. В 1966 году он окончил Чебоксарское художественное училище. Активно вступив в творческую жизнь ещё в студенческие годы, Алевтин Ведерников участвовал в выставках молодых художников Поволжья и осенних выставках «Край Марийский». Скорому раскрытию незаурядных живописных задатков способствовало общение с известными марийскими художниками. Среди представителей предшествующего поколения был и преподаватель «Художественной школы-интерната Марийской Автономной Республики» Николай Петрович Карпов, портретный этюд головы которого входит в коллекцию работ мастера.

Алевтин Ведерников был организатором и первым директором Йошкар-Олинской городской детской художественной школы № 1 (1967-1975), затем преподавал в Йошкар-Олинском художественном училище (1976-1978). В изобразительное искусство Республики Марий Эл он вошёл как живописец, которому были подвластны все жанры, но наиболее полно за свою короткую жизнь он успел реализовать многогранный художественный талант в области портрета и пейзажа. В 1977 году у него состоялась персональная выставка и, казалось бы, последовавший за ней положительный резонанс должен был дать художнику определённое удовлетворение, но на несколько лет его след затерялся на просторах Сибири.

Появление личной коллекции художника в Хакасии было связано с его переездом ко второй супруге Елене Ведерниковой в г. Абакан в 1983 году. По воспоминаниям современников, художник приехал в Абакан в состоянии душевного смятения, объехав накануне в течение нескольких лет всеохватные стройки Сибири в поисках новых мотивов и сюже-

тов. Как члену Союза художников РСФСР, в г. Абакане ему была предоставлена собственная мастерская в художественных мастерских Красноярского отделения Художественного фонда РСФСР, расположенная по адресу г. Абакан, ул. Вяткина, 11. Ведерников перевёз туда коллекцию своих произведений. Художники отнеслись к нему доброжелательно, но он оставался до определённой степени отстранённым и замкнутым в себе человеком, как будто его давил непосильный груз и внутри, ожидая своего разрешения, жила личная трагедия. Отправился ли художник в село Фыркал Ширинского района, чтобы выполнить заказ худфонда по оформлению клуба, какой срок он там пробыл – точно неизвестно, так же как неизвестна и точная причина его суицида, заставившая его уйти из жизни в самом расцвете творческих сил (44 года). По решению Художественного фонда РСФСР, коллекция произведений А. А. Ведерникова была включена в собрание Ф. Е. Пронских, собирательская активность которого на начало восьмидесятых была известна худфонду.

Несмотря на то, что произведения А. А. Ведерникова хранятся так же и в музеях Йошкар-Олы, и его имя упоминается в марийской искусствоведческой литературе, изданной в 60-80-е годы XX в., в последние десятилетия его творчество на родине не слишком известно и мало изучено. Долгое время в Марий Эл имя художника оставалось как будто сокрытым под завесой молчания, оно даже не было упомянуто искусствоведом В. Г. Кудрявцевым в юбилейном издании «Художники Республики Марий Эл: 50 лет Марийскому региональному отделению ВТОО «Союз художников России»», вышедшем в Марийском книжном издательстве в 2011 году.

Искусствоведы 1960-70-х годов, периода, когда «были заложены основы марийского современного профессионального искусствоведения», такие как Б. Ф. Товаров-Кошкин, Г. И. Прокушев уделяли в своих трудах творчеству А. А. Ведерникова достаточное внимание. В серьёзном обобщающем издании Б. Ф. Товарова-Кошкина и С. М. Червонной «Художники Марийской АССР» (1978) авторы указывают на то, что «с начала 70-х годов всё более заметной не только на республиканских, но и на зональных смотрах искусства становится живопись А. А. Ведерникова» [5, с. 38]. Его имя входит в словарь-справочник, вошедший в вышеупомянутое издание, а персональная выставка произведений А. Ведерникова 1977 года, прошедшая в г. Йошкар-Ола, завершает список персональных выставок марийских художников.

Известного искусствоведа Геннадия Ивановича Прокушева называют «летописцем марийского изобразительного искусства», он мог не только подробно, но и достаточно эмоционально рассказать о марийских художниках. Впервые высокую оценку творчеству А. А. Ведерникова Г. И. Прокушев дал в книге «Художники Марийской АССР» (1982). В главе «Портрет, пейзаж, натюрморт» было обозначено, что «в художественную жизнь республики все активнее включались молодые художники, обращаясь ко всем жанрам живописи одновременно» [4, с. 49], и произведения А. А. Ведерникова, написанные в разных жанрах, наряду с другими авторами, послужили яркими примерами для рассмотрения. Свою книгу «Очерки о художниках Марий Эл», ставшую впоследствии «Лучшей книгой года» в Марий Эл в 2016 году, Г. И. Прокушев начинает со статьи о А. Ведерникове. Интересна характеристика творческой личности, данная искусствоведом художнику: «поэтическое мировосприятие, яркая фантазия, упорство в достижении поставленной цели, повышенная работоспособность» [3, с. 7].

В абаканской коллекции А. Ведерникова практически отсутствуют произведения сюжетно-тематического жанра, которыми, по мнению Г. И. Прокушева, художник внёс «наиболее существенный вклад в марийскую живопись и изобразительное искусство России» [3, с. 9]. Известно, что к тематической картине Алевтин Ведерников предпочитал обращаться ещё со времени обучения в Чебоксарском художественном училище. В фондах АКГ хранятся эскизы с однофигурными («Октябрь», «Пётр Великий») и многофигурными композициями («Немцы пришли», «Пушкин в семье крестьянина»), а так же знаменитая картина «Будни» (1977), упомянутая в нескольких искусствоведческих исследованиях как большая творческая удача мастера. С первого взгляда она представляется как летний пейзаж с жанровым мотивом, но при более глубоком рассмотрении можно увидеть отображение рабочих будней советской милиции. Картина была написана к художественной всероссийской выставке «Всегда начеку» (Москва, 1977), где с успехом экспонировалась. Мотив трактован «по-ведерниковски» лирично, в картине отсутствует событийность, шаблонно фиксирующая милицейские будни: фигурка милиционера, едущего в непогоду на очередной вызов через колхозные луга на служебном мотоцикле «с люлькой», кажется незначительной в отношении окружающего пространства, ощущается маленькой частью большого мира. Композиция имеет ещё одно достоинство, она напоминает о кинематографическом потенциале живописи. Точка зрения «камеры» – вид с возвышенности – усиливает восприятие сложности движения мотоцикла на подъём, из-под колёс летят брызги. Движение идёт из глубины на первый план, что так же подчёркивается тающими в воздушной перспективе столбами ЛЭП, стоящими вдоль размокшей дороги. Возникает ощущение динамики кино, когда двигаются не только фигуры, но и кинокамера. Драматургическая структура киноповествования предполагает наличие множества эпизодов, заполняющих основную форму, а эпизод, отснятый думающим оператором, может дорасти до высоких обобщений. Ведерниковские «Будни» – хороший пример воплощения задач романтического направления в рамках социалистического реализма 1970-1980-х.

Гордостью ведерниковской коллекции в АКГ им. Ф. Е. Пронских является портретная галерея женских образов – «Рябинка» (1972), «У окна» (1973), «Люда» (1977), «Перед зеркалом» (1978). Ведерниковские женские портреты – одни из лучших в советском портретном искусстве тех лет. Разнящиеся по типуажу, но сходные своим внутренним умиротворённым состоянием, женщины на полотнах Ведерникова всегда, прежде всего, женщины, вне их социальной роли. Поэтику в построении образа дополняет тщательно продуманный колорит, вокруг модели создаётся особая атмосфера, преодолевающая тривиальность среды, находится гармоничное единство внешнего облика и характеристики личности. Все нюансы душевных состояний изображённых героинь переданы тонко и деликатно.

В некоторых портретах поэтический подтекст осложняется новым ассоциативным смыслом, который предопределяет их символический характер, заставляет видеть в изображениях нечто метафорическое, иносказательное. В 1970-х в советском искусствоведении появилось направление, которое так и назвали «метафорическим», или аллегорическим. Сюда можно отнести и картину «Люда» (1977), где изображена нарядная молодая женщина, сидящая на краю широкой кровати. О чем-то задумавшись, женщина держит в правой руке предмет, напоминающий небольшой череп (мотив «memento mori»). Окружающая среда воспринимается иррациональной: на дематериализующейся стене висит

зеркало с нарисованной рамой, проступают очертания архитектурных элементов, напоминающие колонны и выступы карнизов. В зеркале отражаются стены церкви и дома средневекового итальянского города.

Границы между направлениями могут быть расплывчаты и подвижны: лирический портрет может сближаться с метафорическим. Картина метафорического характера предполагает определённую интеллектуальную подготовленность зрителя, способного вдумываться, разгадывать многозначный смысл, глубинный подтекст, распутывать цепь возникающих ассоциаций. Главный внутренний стержень, который объединяет различные произведения данного круга, это мотив нравственных исканий, тяга к идеалу, стремление к философскому осмыслению мироздания и роли человека в этом сложном мироустройстве.

Философско-аллегорический характер имеет и мужской поясной портрет – «Портрет Юры» (1978). Это образ художника в своей мастерской. Поверх чёрной рубахи на молодом мужчине накинут темно-серый рабочий халат со следами краски. Вытянутое благообразное лицо с высоким лбом обрамлено аккуратной бородкой, русые волосы спадают на плечи. Взгляд человека отрешен и направлен вглубь себя, погружен в воспоминания. Фигура изображена на абстрактно-символическом фоне: на наклоненной вбок плоскости прямоугольного холста, «плавающего» в темной атмосфере мастерской, «раскиданы» наброски, или проявленные образы-воспоминания. На картине изображён представитель советского андеграунда Юрий Евлампьев, основоположник чебоксарской фотографической школы. Одной из характерных черт этой творческой школы было развитие метафизической фотографии. Богатство внутреннего подтекста, интеллектуальная сложность поэтических ассоциаций придали этому образу возвышенное звучание, соответствующее характеристике неординарной личности.

Коллекция галереи обладает значительным количеством натуральных пейзажных этюдов Алевтина Ведерникова, отражающих метод работы, опыт и достижения мастера в области пленэрного письма и поисков собственной формулы национального пейзажа. В этом жанре живописец следовал традициям русского лирического пейзажа, создавая разнообразные по настроению, эмоционально наполненные образы природы. Пейзажи Ведерникова отличаются тонким лиризмом, опоэтизированным чувством красоты марийской земли. Г. И. Прокушев, давая высокую оценку профессиональному мастерству живописца, отмечал, что «в процессе напряженной целенаправленной работы сложился самобытный индивидуальный почерк, достоянием которого стал колорит. Художник предпочитал чистые, звучные краски, приводил их в благородную гармонию, обогащал цветовыми нюансами» [3, с. 7].

Наряду с лирическими пейзажами к концу 1970-х годов появляются и пейзажи с индустриальным мотивом, но вместо априори бравурного характера этой популярной на тот период разновидности пейзажного жанра А. А. Ведерников предпочитал показывать депрессивные места с тягостным ощущением безнадежности, ведь в хрупкую экосреду природы начинал активно и расточительно вторгаться человек. Оставленные, заброшенные промзоны постепенно зарастали и становились не пригодной для жизни «зоной отчуждения». Такие «аномальные» места притягивали Ведерникова, он включал их в ареал своих поисков новых мотивов, пытался «обогатить» восприятие современников новыми рефлексиями, представить им их истинный «новый мир». В «Ветреном дне» (1982) перед

оградой промышленной зоны цветёт одуванчиками зеленая лужайка; в «Старой ронше» над заброшенным корпусом промышленной переработки сырья тянутся мрачные тучи; в эскизе «На окраине» тоненькая берёзка с необлетевшими рыжими листочками оживляет тусклый вид пустыря с убогим зданием хозяйственного назначения. Сваленные штабеля бетонных блоков, закопченные трубы из красного кирпича, заброшенные цеха с выбитыми стёклами – всё это были реалии наступающих 1980-х, фиксируемые художником внешние признаки надвигающегося распада.

Душевное смятение и тревожные предчувствия настигают зрителя и при более глубоком рассмотрении картины «Старина». Приятную атмосферу сельского пейзажа с архитектурным мотивом в виде белокаменной церкви нарушает внезапное озарение – упавшие купола. Они не бросаются сразу в глаза, так как яркий солнечный свет летнего дня задаёт позитивный настрой, сглаживая все неприятные детали, такие как, например, обшарпанные стены церкви. Без излишнего пафоса А. А. Ведерников смог показать в пейзаже запустение, как отражение чёрствости в душах современников, равнодушных к гибели того, что почиталось их предками как святое.

Неравнодушный, с беспокойной ранимой душой, многое не принимающий в быстро меняющемся мире, А. А. Ведерников за свою недолгую творческую жизнь смог оставить заметный след не только в изобразительном искусстве Республики Мари Эл, но и Республики Хакасия. Его произведения – замечательные образцы отечественной портретной и пейзажной живописи позднего советского периода.

Художественная ценность произведений А. А. Ведерникова заключается в правдивом, основанном на собственном поэтическом мировосприятии, чувственно-эмоциональном выражении их эстетического и идейного содержания. На своих полотнах художник защищал, утверждал и поэтизировал гуманистические ценности жизни и культуры. Сохранение и передача будущим поколениям верного восприятия этих ценностей способствует выстраиванию того диалога эпох и культур, благодаря которому становится возможным живое участие искусства прошлого в современной культуре.

Библиографический список:

1. Марийская биографическая энциклопедия : 4905 имён в истории Марийского края и марийского народа / рук. проекта Валерий Мочаев. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Йошкар-Ола: Мар. биогр. центр, 2017. – 606 с.
2. Морскова А. Н. Особенности зарождения, становления и развития портретного жанра в изобразительном искусстве республики Марий Эл (1910-1980) // Казанская наука: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. – 2011. – № 1. – С. 406-408.
3. Прокушев, Г. И. Очерки о художниках Марий Эл / Г. Прокушев; [сост., отв. ред. Чеботкин В. А.]. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2016. – 334 с.
4. Прокушев, Г. И. Художники Марийской АССР / Г. Прокушев. – Л.: Художник РСФСР, 1982. – 180 с.
5. Товаров-Кошкин, Б. Ф., Червонная С. М. Художники Марийской АССР. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1978. – 88 с.
6. Художники Республики Марий Эл: 50 лет Марийскому региональному отделению ВТОО «Союз художников России» / Сост. В. Г. Кудрявцев. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2011. – 192 с.

Е. М. Лясковская,
г. Минусинск

Новые поступления в собрание Минусинского музея в 2021 году: портреты

В 2021 году в художественную коллекцию Минусинского музея было подарено несколько портретов.

В начале июня 2021 г. на имя директора музея им. Н. М. Мартьянова С. А. Борисовой пришло письмо от Алексея (Олеся) Григорьевича Грека (письмо датировано 28 мая 2021 г.) с предложением передать в собрание музея, с которым его связывает давняя дружба, портреты, написанные, как он пишет в письме, «далеко не самостоятельными художниками».

Предложение было с благодарностью принято, и в итоге у нас оказалось несколько портретов очень интересного человека А. Грека. Алексей (Олесь) Григорьевич – украинец (Олесь – имя Алексей на украинском языке), потомственный гидростроитель. Родился в семье строителей ДнепроГЭСа 6 марта 1936 года в г. Запорожье. Он участвовал в строительстве коммунального моста через Енисей в г. Красноярске, Красноярской ГЭС, Саяно-Шушенской ГЭС.

На строительстве Саяно-Шушенской ГЭС работал с 1970 г. прорабом, главным диспетчером Управления строительства. В 1973 г. избран председателем исполкома Майнского поселкового совета, с 1975 г. по личному заявлению возвратился на стройку, где проработал до окончания строительства ГЭС.

А. Г. Грек – член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Автор нескольких книг, участник коллективных сборников.

Многие годы он был большим другом Мартьяновского музея. Когда позволяло здоровье, часто посещал музейные мероприятия. Сейчас ему 85 лет. Живёт в Республике Хакасия в посёлке городского типа Майна (входит в состав городского округа город Саяногорск).

Таким образом, А. Г. Грек во время строительства Саяно-Шушенской ГЭС находился в гуще производственных и общественных дел. И не случайно его портреты писали художники, которые приезжали на строительство электростанции. Например, на центральной части триптиха Т. В. Ряннеля «Ветераны – гидростроители» (краеведческий музей г. Саяногорска) среди портретных изображений ветеранов есть и изображение А. Г. Грека.

Московский художник Пётр Иванович Ванеев (1911-1995) на своей гравюре изобразил прораба А. Г. Грека в каске и рабочей куртке (подобная гравюра есть в собрании музея-заповедника «Шушенское»).

Эстонский художник Николай Константинович Михайлов в 1972 г. написал живописный портрет А. Г. Грека как председателя Майнского поселкового совета народных депутатов.

Известный красноярский художник Эраст Иванович Прохоров (1942-2011), автор десятков портретов известных красноярцев, в 1980-1981 гг. создал несколько карандашных портретов А. Г. Грека. В собрание музея переданы два оригинальных графических портрета и две фоторепродукции портретов 1988 года.

В 2021 году в собрание музея поступил живописный портрет А. Г. Грека (1985), при-

надлежавший кисти художника П. И. Тараненко (1921-2004). Павел Ильич известен как автор картин, посвящённых историческим личностям: В. И. Ленину, героям Гражданской и Великой Отечественной войны, герои труда. Некоторые полотна художника, посвящённые этим темам, хранятся в музее им. Н. М. Мартянова.

Автор линогравюры «Портрет Алексея Грека» (2001) – красноярский художник Михаил Иванович Заев (1924-2018), внештатный корреспондент газеты «Красноярский рабочий», который объездил все крупные стройки края и создал графические портреты лучших строителей для газетных репортажей.

Вадим Васильевич Елин (1939-2010) известен в Красноярском крае многочисленными портретами сельских тружеников, которые хранятся во многих музеях (Тесинский художественный музей, Таскинская картинная галерея). Ему позировали Булат Окуджава, Виктор Астафьев, Александр Солженицын, Евгений Евтушенко, Махмуд Эсамбаев, Виталий Соломин, Юрий Любимов, Валерий Золотухин, Валентина Талызина, Маргарита Терехова, Белла Ахмадулина и многие другие. Он – единственный автор прижизненных портретов Владимира Высоцкого.

Графическая работа В. В. Елина «Портрет гидростроителя Саяно-Шушенской ГЭС, председателя общества дружбы с Кубой г. Саяногорска Алексея Грека» (2000) стала первым произведением этого художника, поступившим в Минусинский музей.

Девять портретов А. Г. Грека, подаренные музеем в 2021 г., не только отражают личность портретируемого как известного гидростроителя, но и отражают творчество известных художников.

Священник Свято-Спасского собора Отец Сергей (Круглов) передал в дар музею живописный портрет архиепископа Красноярского и Енисейского Антония (начало 2000 г.). В Красноярском краевом краеведческом музее есть портреты архиепископа художников С. В. Гурьева и Э. И. Прохорова (по данным Госкаталога РФ). Архиепископ Антоний (в миру Черемисин Иван Иванович) в 1990 г. был назначен епископом Красноярским и Енисейским. 19 февраля 1999 г. возведён в сан архиепископа. С 17 июля по 29 декабря 1999 года временно управлял Абаканской и Кызыльской епархией. Решением Священного Синода от 30 мая 2011 г., в связи с образованием Енисейской епархии, присвоен титул «Красноярский и Ачинский». 5-6 октября 2011 г. назначен на Орловскую кафедру. Решением Священного Синода от 26 февраля 2019 г. почислен на покой с выражением благодарности «за многолетнее архипастырское служение в епархиях Русской Православной Церкви, которое отмечено многократным увеличением приходов и духовенства, строительством храмов, заботой о приходах и монастырях, плодотворным взаимодействием с региональными властями и общественными объединениями, а также за труды в качестве главы Орловской митрополии».

Автор портрета – известный минусинский художник Александр Александрович Терентьев (1963 г. р.). Этот дар пополнит коллекцию художника в собрании Минусинского музея, которая насчитывает 29 работ.

Интересна личность и дарителя. Отец Сергей – житель г. Минусинска, поэт и журналист, лауреат премии Андрея Белого (2008), «Московский счёт» (2009), «Поэзия» (2019), премии Вениамина Блаженного (2020), колумнист интернет-сайта «Православие и мир»,

автор и ведущий цикла поэзии «Движение слов» на радио «Культура». Его стихи переводились и печатались на семи иностранных языках.

В творчестве минусинской художницы Любови Николаевны Пономарёвой (1948-2006) жанр портрета имел особенное значение. Она создала целую серию портретов минусинцев, оставивших свой след в истории и культуре города.

В 2021 года коллекция портретов известной минусинской художницы Любови Николаевны Пономарёвой (1948-2006) в собрании музея им. Н. М. Мартьянова пополнилась двумя произведениями и теперь насчитывает 21 картину. Анна Владимировна Пономарева, дочь Владимира Феофановича Капелько и Любови Николаевны Пономаревой, передала в дар музею два живописных портрета: «Портрет хлебороба» (1-я половина 1990-х гг.) и «Женщина в чёрной шали» (1986 г.).

Кто изображён на портрете хлебороба, к сожалению, неизвестно. А на картине «Женщина в чёрной шали» изображена Мария Ивановна Сидорова. Про неё известно, что она по специальности была искусствоведом. Некоторое время работала в музее им. Н. М. Мартьянова. Её дочь – художница Марина Сиркина, работы которой есть в собрании нашего музея и музее-заповеднике «Шушенское».

Мария Ивановна дружила с Любовью Пономарёвой. И не случайно художница написала портрет своей подруги. По словам дочери Анны, портрет написан в мастерской Любови Николаевны.

12 портретов, поступивших в собрание Минусинского музея в 2021 г., изображают людей, судьбы которых связаны с Красноярским краем и отражают творчество известных художников.

Библиографический список:

1. Минусинские художники: узнайте наших! Художественный альбом/составитель В. Г. Вальков при участии Е. И. Стельмах. – Минусинск: Агентство «НиМ», 2018. – С. 292 с ил.
2. Шумская Л. В., Миссинг О. И. Минусинские художники (живопись). – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2007. – С.80.
3. [https://ru.wikipedia.org/wiki/Антоний_\(Черемисов\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Антоний_(Черемисов))
4. <http://www.artpanorama.su/?category=artist&id=183&show=short> (Ванеев П. И.)
5. <http://obraztsov-art.com/artists/erastprokhorov>
6. https://mariarider.com/mihail_ivanovich_zaev_katalog
7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Елин,_Вадим_Васильевич

**Ч. А-С. Монгуш,
г. Кызыл, Республика Тыва**

**Выставочная деятельность отдела археологии в 2017-2020 гг.
Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва**

Научно-экспозиционная работа является одним из основных направлений деятельности Национального музея им. Алдан-Маадыр. За 2017-2020 гг. сотрудниками отдела архе-

ологии разработаны научные концепции выставок, с определением цели и задачи, отбором музейных предметов, составлены экскурсионные, ведущие и аннотационные тексты.

За данный период осуществлены 28 выставочных проектов. Из них 5 стационарных, 4 реэкспозиции, 8 передвижных, 1 обновление филиала, 7 выставок временного характера, 3 выездных выставок.

Разработаны научные концепции и оформлены выставки, посвящённые юбилейным датам известных советских и российских учёных-археологов, внёсших большой вклад в изучение древней истории Тувы.

5 июля 2018 г. в одном из выставочных залов музея торжественно открылась стационарная выставка «Искатель древностей», посвящённая 90-летию со дня рождения археолога, кандидата исторических наук А. Д. Грача (207 экспонатов). Автор выставки зав. отделом Ч. А-С. Монгуш. В экспозиции были представлены самые яркие находки экспедиции А. Д. Грача, обнаруженные в ходе археологических исследований на территории республики в разные годы. Как известно, А. Д. Грач являлся выдающимся учёным-археологом, одним из самых видных исследователей Центральной Азии, Заслуженный деятель культуры Тувинской АССР, автор более 100 научных публикаций. Почти тридцать лет он руководил археологическими исследованиями в Туве, с созданием Саяно-тувинской археологической экспедиции Академии наук (СТЭАН) в 1965 г. и до 1973 г. В результате работ СТЭАН открыты важнейшие археологические исследования в области изучения палеолита, памятников раннескифского времени (алды-бельская культура) и енисейских кыргызов (могильник Эйлиг-Хем III) и др., выдвинувшие Туву на первое место среди всех остальных регионов Центральной Азии [3, с.70].

На открытии выставки присутствовали известные археологи из г. Санкт-Петербург, руководители Тувинской археологической экспедиции (ТАЭ) ИИМК РАН В. А. Семёнов, М. Е. Килуновская, члены экспедиции, и другие приглашённые гости. В рамках юбилейного мероприятия, музеем проведён и Круглый стол в памяти учёного. В завершение участники посетили объекты раскопок ТАЭ ИИМК РАН в Чаа-Хольском районе.

Совместным выставочным проектом двух музеев – Национального музея им. Алдан-Маадыр и Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова стало открытие выставки «Выдающийся исследователь Древней Тувы – Л. Р. Кызласов» к 95-летию со дня рождения учёного (108 экспонатов). Научная концепция юбилейной выставки разработана сотрудниками отдела М. А. Монгуш и Ч. М. Топча. На выставке впервые были представлены копии фотографий, в том числе и семейные из личного архива Л. Р. Кызласова из фондов Хакасского Национального Краеведческого музея (21 ед.). Из фондов тувинского музея представили наиболее яркие предметы, обнаруженные в ходе археологических экспедиций на территории Тувы. Это находки из средневекового городища Дон-Терек Тандинского района – фрагменты черепиц, бронзовые и железные изделия, керамические сосуды и т.д.

Тувинская археологическая экспедиция (ТАЭ) исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Л. Р. Кызласова проводила исследования в республике в 1955-1960, 1962, 1977-1978 гг. Открыты и исследованы поселения, городища, могильники, изваяния средневековья во многих районах. В фондах тувинского музея хранятся более 300 ед. предметов находок экспедиции. С момента открытия выставки с

20 марта по 10 октября 2019 г. экспозицию посетили более 18 тыс. чел. разной категории. Из почётных гостей посетил сын Л. Р. Кызласова – И. Л. Кызласов [1, с.70].

6 февраля 2020 г., к Дню российской науки, торжественно открыли выставочный проект «Первый профессиональный археолог Тувы: хроника исследований 1960-х гг.», посвящённый памяти кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Тувинского института гуманитарных и социально-прикладных наук, почётного гражданина города Кызыла М. Х. Маннай-оола (1933-2018 гг.) (112 экспонатов). Автор проекта старший научный сотрудник отдела К. М. Монгуш.

На выставке представили научную деятельность учёного в период 1960-х гг., продемонстрировали его труды, отчёты, а также яркие находки археологических исследований. М. Х. Маннай-оол является автором семи книг, в частности, «Тува в скифское время» (М., 1970), «Тува в эпоху феодализма» (Кызыл, 1986), «Археологические памятники Тувы» (Кызыл, 1964), «Аржааннын улуг хорумунун чажыттары» («Тайны кургана Аржан», Кызыл, 1985), а также более 160 статей по разным проблемам древней, средневековой и новой истории Тувы, опубликованных в различных местных и центральных научных журналах и сборниках. Некоторые его статьи переведены и опубликованы в Бельгии, Германии, Австрии, Японии и др. Он один из редакторов и авторов «Свода археологических памятников Республики Тыва» (1994) и нового, дополненного и переработанного, издания I тома «Истории Тувы» (2001), ряда выпусков «Учёных записок» ТНИИЯЛИ и тематических исторических сборников института. М. Х. Маннай-оол принимал активное участие в подготовке и издании учебников и учебных пособий по истории Тувы. Автор учебного пособия «История родного края», «История Тувы» для школ Тувы (в соавторстве с И. А. Достаем). По данной выставке проведены тематические экскурсии студентам исторического факультета Тувинского госуниверситета и посетителям разной категории.

Одним из значимых событий 2018 г. стало открытие 21 декабря выставочного проекта на патриотическую тему «Субедей маадыр – великий урянхайский полководец», посвящённого жизни и деятельности воина XIII в. Субедея (144 экспоната). Главным ключевым объектом экспозиции стала реконструкция восковой фигуры полководца. Музей специально заказал собирательный образ в мастерской г. Улан-Батора, работа выполнена монгольскими мастерами. Идея создания воскового образа принадлежит директору музея К. А. Бичелдею. Именно он из тувинских исследователей собирал на протяжении более 30 лет архивные и исторические материалы о нём. Результатом исследования стал выпуск в 2019 г. книги «Субедей. Великий урянхайский полководец» [2, с.74].

Научная концепция выставки разработана автором данных строк, в оформлении участвовали сотрудники отдела К. М. Монгуш, М. А. Монгуш, А. А. Донгак и оформители выставочного отдела.

На Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в г. Улан-Удэ, проходившей в сентябре 2019 г., с темой «Восковая фигура Субедея в экспозиции Тувинского музея как новая форма в музейной интерпретации» участвовала Ч. А-С. Монгуш. Статья опубликована в сборнике «Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество: наука, наследие, общество».

В 2018 г. фасад музея оформлен оленными камнями (IX – III вв. до н.э.) и изваяниями (VI-VIII вв.) из фондов музея. Было отобрано и установлено 18 ед. памятников, составлены аннотационные тексты, топографическая опись. Работа выполнена Ч. А-С. Монгуш.

Значимым событием начала 2021 г. стало открытие Дворца молодёжи со стеларием. Для функционирования работы стелария, начиная с 2012 г., сотрудники активно занимались организационными работами по освоению экспозиционных залов. В зале площадью 430 кв. м. расположили более 40 каменных памятников разных периодов, представили археологические предметы, с учётом их хронологии и места находок. Экспозиция принимает посетителей и гостей круглый год.

Реэкспозиции.

За данный период сотрудники отдела занимались реэкспозициями залов археологии. Обновлялся «золотой» зал дополнительными предметами кургана Аржаан 2 (сер. VII в. до н.э.) и новыми поступлениями скифского периода из могильника Суглуг-Хем экспедиции В. А. Семёнова и М. Е. Килуновской.

В начале 2020 г. значимым событием в жизни музея стала масштабная реэкспозиция «золотого» зала. Сотрудники отдела Ч. А-С. Монгуш, Ш. Х. Монгуш, К. М. Монгуш, М. А. Монгуш и Ч. М. Топча, совместно с оформителями, дополнили экспозицию «Сокровища Долины царей Тувы: царские курганы Аржаан и Аржаан 2». Для экспонирования костных останков «царя» и «царицы» кургана Аржаан 2 музеем приобретена специальная витрина. Представили также копии золотых украшений костюмов, сопроводительного инвентаря самого известного кургана середины VII в. до н. э. в Туве. Об этом проекте опубликована статья ««Золотой зал» Национального музея Тувы как культурное явление» в научном журнале «Новые исследования Тувы», в выпуске № 1, 2021 г. сотрудников отдела Ш. Х. Монгуш и М. А. Монгуш.

Международным проектом стало оформление фотовыставки немецкого фотографа Буркхарда Томанна «Двух миров одно мгновение». Фотовыставку представляла «Артлаборатория Булгакова». Проект направлен на сближение стран и их культур. Взгляд художника объединил миры скифов и кельтов. Фотограф создавал в контексте прошлого и современного серию фотоснимков в Туве на раскопках в Долине Царей и на раскопках Keltenwelt am Glauberq, рядом с Франкфуртом-на-Майне. Несмотря на географические и этнические различия, зрителю открывается сходство племенных народов, ландшафтов, объектов поклонения, погребальных обычаев, мест проживания. Проект стартовал в Год российско-немецкой дружбы 2012-2013 гг. Отбор фотографий осуществлён Ч. А-С. Монгуш (2019 г.).

В сентябре 2020 г. экспозиция к юбилею Русского географического общества (РГО) дополнена материалами раннескифского кургана Туннуг-2019 в Пий-Хемском кожууне (38 экспоната). Выставка оформлена Ч. А-С. Монгуш. Исследования совместного проекта РГО и Института истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) проводятся с 2018 г. в Долине царей Пий-Хемского кожууна. Он является частью Долины царей, где расположено множество курганов знати скифского времени. Первый же сезон показал, что могильник – самый древний из всех обнаруженных, относится к

IX веку до н. э. Курган Туннуг находится в вечной мерзлоте, под каменной насыпью объекта ученые обнаружили разнообразные артефакты.

Передвижные выставки.

Передвижные выставки музея – одна из форм музейной деятельности по популяризации культурно-исторического наследия региона. 18 ноября 2017 г. в фойе Дома народного творчества Ч. А-С. Монгуш, совместно с оформителями, была организована выставка к 96-летию российско-монгольских дипломатических отношений. На выставке представили фотографии, документы, книги, печати, отражающих деловые взаимоотношения двух государств.

Ко Дню археолога (15 августа) 14 августа и 27 августа 2018 г. на закрытии археологического сезона в Туве, на базе лагеря РГО Туннуг в Пий-Хемском районе, состоялись передвижные выставки «Искатель древностей» к 90-летию со дня рождения археолога А. Д. Грача. Представленные материалы – фотографии и находки экспедиций свидетельствовали о деятельности учёного, внёсшего большой вклад в изучение и популяризацию древней истории Тувы.

Археологические материалы ежегодно пополняют фонды тувинского музея. В конце 2017 г. поступили находки с Чеди-Хольского района. Составлена опись предметов, предположительно датируемых VI-XIII вв. – железные наконечники стрел со свистунками, ножи, детали конских принадлежностей, сопроводительные бронзовые изделия. Данные находки были представлены на выставке «Археологические находки из могильника Чеди-Хольского района» к итоговому отчётному собранию Министерства культуры республики за 2017 г., состоявшемуся в январе 2018 г. Ответственный за выставку – сотрудник отдела М. А. Монгуш.

Сотрудниками отдела проведены и передвижные выставки по тувинской этнографии. 15 марта 2020 г. в спорткомплексе им. «Субедей» организована выставка «Юрта – традиционное жилище тувинцев», приуроченная к открытию республиканского соревнования по национальной борьбе среди юношей на Кубок Главы республики. Музейная выставка успешно работала во время спортивного мероприятия, где посетителями стали юноши – борцы со всех районов республики. Автор выставки старший научный сотрудник отдела Ш. Х. Монгуш.

По теме тувинской традиционной культуры, 24 февраля 2020 г., в канун Шагаа, нового года по лунному календарю, в музыкально-драматическом театре музей развернул выставку «Тувинская национальная одежда». Из фондов музея были представлены мужские и женские национальные костюмы, украшения, предметы этнографии. Выставку организовала старший научный сотрудник Ш. Х. Монгуш.

2020 год стал юбилейным годом для СТЭАН – самой известной советской археологической экспедиции Академии Наук. К 55-летию этой экспедиции и ко дню археолога сотрудниками отдела Ч. А-С. Монгуш, К. М. Монгуш и М. А. Монгуш на площади музея для посетителей была организована фотовыставка, где представили архивные фотографии экспедиций А. Д. Грача во время исследований в Центральной Туве с 1950-х по 1980-е годы.

Обновление филиалов музея.

Сотрудники музея оказывают и методическую помощь филиалам. В 2017 г., по заданию

руководства, обновлены экспозиции историко-краеведческого музея-филиала в с. Кунгуртут Тере-Хольского района. Дополнены материалами 5 выставочных залов по истории, культуре и природе района. Обновленный музей-филиал торжественно открыли в местном Доме культуры с участием ветеранов и известных людей. В рабочую группу входили сотрудники и оформители в составе 5 чел. – Ч. А-С. Монгуш, В. Ч. Донгак, С. С. Ооржак, Ш. К. Ондар и О. В. Монгуш.

Временные выставки.

Одним из направлений выставочной работы музея является оформление различного рода мероприятий, проводимых в стенах музея. Например, тематические вечера и Круглые столы – к 90-летию Профсоюзов Тувы (2017), к 110-летию со дня рождения известного Народного писателя Тувы С. А. Сарыг-оола (2018), вечер памяти, посвящённый 90-летию со дня рождения историка, этнографа, кандидата исторических наук И. У. Самбу (2018), тематические выставки к всероссийским акциям «Ночь в музее», «Ночь искусств» и т.д. Сотрудниками отдела организованы 7 выставочных проектов временного характера.

Выездные выставки.

Из выездных выставок можно отметить фотовыставки патриотического характера. В 2017 г. Ч. А-С. Монгуш и М. А. Монгуш участвовали в организации выставки «Тува – все для общей Победы!», «Участие тувинских добровольцев в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». 8-9 апреля выставка работала в г. Чадан. 10-12 апреля в с. Хандагайты Овюрского района. С 17-20 апреля – в с. Кызыл-Мажалык Барун-Хемчикского района. 21 апреля – в г. Ак-Довурак. Проведены экскурсии и лекции школьникам, студентам и взрослому населению, обслужено более 1000 чел.

С 15 по 18 мая 2018 г. сотрудник отдела М. А. Монгуш, совместно с обществом «Боевое братство», участвовал в организации фотовыставки «Тува – территория мужества». Организован автопробег, в честь 100-летия Героя Советского Союза Х. Н. Чургуй-оола. 15 мая выставка работала в с. Хонделен Барун-Хемчикского кожууна, г. Ак-Довурак, с. Кызыл-Мажалык. 16 мая – в г. Чадан, с. Чаа-Холь, г. Шагонар. 17 мая – в с. Элегест Чеди-Хольского района, с. Чал-Кежиг, с. Кочетово. 18 мая – в с. Бай-Хаак, с. Самагалтай, с. Берт-Даг. Проведены экскурсии, лекции и встречи с участниками общества «Боевое братство».

С 1 по 17 апреля 2019 г. в западных районах республики успешно работала передвижная выставка «Субедей маадыр – великий урянхайский полководец». Сотрудники музея, совместно с филиалами, впервые представили населению густонаселённых районов восковую фигуру собирательного образа воина XIII в. Субедея. Сопроводительными материалами выступили этнографические материалы из фондов музея. Проведены интересные лекции и экскурсии. Обслужено более 2000 человек. Основная цель выставки – патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Таким образом, сотрудники отдела активно участвовали в выставочной деятельности музея, тем самым внося вклад в развитие тувинского музея, популяризируя культурно-историческое наследие народа.

Библиографический список:

1. Монгуш М. А., Топча Ч. М. О выставке «Выдающийся исследователь древней Тувы» (к 95-летию учёного Леонида Романовича Кызласова в Национальном музее имени Алдан-Ма-

адыр Республики Тыва) // Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции «IX Кызласовские чтения» (25-30 октября 2019 г.) – Абакан: Хакасское книжное издательство, 2020. – С. 69-76.

2. Монгуш, Ч. А.-С. Восковая фигура Субедея в экспозиции Тувинского музея как новая форма в музейной интерпретации / Ч. А.-С. Монгуш // Интеграция музеев Сибири в региональное социокультурное пространство и мировое музейное сообщество : наука, наследие, общество : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Улан-Удэ, 9-12 сент. 2019 г.) / Мин. науки и высш. образования РФ ; Бурятский науч. центр СО РАН ; редкол. : А. М. Плюснин [и др.]. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. – С. 74-75.

3. Монгуш, Ч. А.-С. Александр Данилович Грач : [к 90-летию со дня рожд.] / Ч. А.-С. Монгуш // Люди и события Тувы : календарь-хронограф – 2018 / Нац. б-ка им. А.С. Пушкина Респ. Тыва, Тув. ин-т гуманитар. и приклад. соц.-экон. исслед., НМ им. Алдан-Маадыр РТ ; сост. Е. М. Ак-кыс ; редкол. : Л. С. Мижит [и др.]. – Кызыл, 2017. – С. 70-72.

4. Отчёты отдела с 2017-2020 гг.

**И. И. Негодина,
г. Минусинск**

Музеефикация воспоминаний А. П. Беляева в экспозиции Минусинского Музея декабристов

Термин «музеефикация» обозначает направление музейной деятельности, заключающееся в преобразовании историко-культурных или природных объектов в объект музейного показа. Долгое время музеями он использовался достаточно узко, в основном, применительно к недвижимым памятникам – предметам, документам, архитектурным сооружениям. В настоящее время музейщики всё больше обращаются к музеефикации нематериальных объектов культурного наследия: традиций и верований, сознания человека и пр. Немаловажная роль отводится и музеефикации литературных произведений. Литературные источники выступают как инструмент для осмысления исторической реальности. Музеи задумались над тем, как построить музейную экспозицию так, чтобы «глазами автора» показать эпоху, мир и процессы в нём происходящие. Этим направлением в Минусинском музее им. Н. М. Мартыанова начали заниматься ещё в начале 1990-х, когда встал вопрос об открытии Музея декабристов в г. Минусинске.

Ещё в 1980-х годах, когда только шли разговоры о будущем музее, м. н. с. музея О. И. Сафоновой было написано научное обоснование Музея декабристов в Минусинске и проработана тематическая структура экспозиции «Декабристы в Минусинской ссылке». [1]. Экспозиция по замыслу автора должна была состоять из трёх больших тем: «Движение декабристов – первое революционное выступление в России», «Декабристы в Минусинской ссылке» и «Потомки декабристов». Ведущей должна была стать тема «Декабристы в Минусинском округе». Для полноты впечатлений планировалось реконструировать несколько комнат: кухню, столовую и кабинет Н. А. Крюкова, чтобы создать контраст простой, почти крестьянской обстановки с насыщенной интеллектуальной жизнью декабриста. Концепция экспозиции была проста и понятна, но она мало чем отличалась от экспозиций других музеев с подобной тематикой. А хотелось построить экспозицию уникальную, непохожую на уже существующие.

С того времени прошло ещё более десяти лет прежде, чем были согласованы все вопросы по реставрации здания и открытию Музея декабристов. Перед творческой группой снова встал вопрос смыслового решения экспозиции и воплощения задуманного. Руководил на тот момент экспозиционной группой директор музея им. Н. М. Мартыанова В. А. Ковалёв. Как сделать так, чтобы экспозиция музея отличалась от уже действующих? Как найти ту изюминку, то смысловое зерно, которое будет проходить красной нитью через всю экспозицию? В каком ключе решить художественное оформление залов? Все эти и другие вопросы были поставлены руководителем перед членами группы.

Таким «зерном» оказались воспоминания декабриста А. П. Беляева «О пережитом и перечувствованном», к которым в ходе работы неоднократно приходилось обращаться творческой группе.

Декабрист Александр Петрович Беляев, мичман Морского гвардейского экипажа, один из основателей тайного «Общества Гвардейского экипажа», автор его «статуты». Вместе с братом Петром Беляевым были активными участниками восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, как записано в следственном деле «Лично действовал в мятеже с возбуждением нижних чинов». После восьми лет каторги в Читинском остроге и Петровском заводе был обращён на поселение на Илгинский винокурный завод Иркутского округа. В апреле 1833 года переведён в Минусинск, где к тому времени уже отбывал ссылку его брат Пётр. Семь лет братья Беляевы прожили на поселении в Минусинске. Получив перевод на Кавказ, в марте 1840 года они уехали из Минусинска, оставив о себе добрую память у горожан.

В зрелые годы А. П. Беляев написал воспоминания. Они впервые были опубликованы в 1880-1881 гг. в московском журнале «Русская старина» под заголовком «Воспоминания декабриста А. П. Беляева о пережитом и перечувствованном». Мемуары являются одним из ценных источников изучения истории декабризма, дают полное и достоверное представление о жизни и деятельности декабристов на каторге и поселении, содержат описания и наблюдения за жизнью простого человека в Сибири. Для минусинцев воспоминания являются ещё и ценным источником изучения жизни города первой четверти XIX века. В 1990 году, по инициативе директора Минусинского музея им. Мартыанова В. А. Ковалёва и с. н. с. музея Л. Н. Ермолаевой, первая часть воспоминаний была переиздана.

С подачи В. А. Ковалёва основой экспозиции и стали мемуары А. П. Беляева, так как они отражают суть того исторического периода, насыщены биографическими данными, дают анализ и оценку сложившейся ситуации самим автором с высоты прожитых лет, и переосмысленных важных жизненных принципов. Большая часть воспоминаний касается жизни в Минусинске, основана на местном материале, что было особенно ценно при создании экспозиции.

В итоге экспозиция Минусинского музея декабристов была построена «от текста». Музейные предметы и документы как бы преломляются через увиденное, пережитое и прочувствованное самим автором, сопровождаются цитатами из воспоминаний декабриста. В целом экспозиция музея декабристов для своего времени получилась интересная, актуальная, насыщенная документальными источниками, хотя предметный ряд, историко-бытовые предметы были представлены скупо, отчасти от того, что экспозиционное пространство было ограничено.

Спустя двадцать два года, после открытия Музея декабристов, в 2018 году перед сотрудниками встал вопрос об обновлении экспозиции, которая не менялась с 1997 года. Анализ старой экспозиции показал, что с течением времени назрела необходимость в её замене на более современную, актуальную, востребованную. Реэкспозиция продлилась три года и была завершена в начале 2021 года. Экспозиционные залы Музея декабристов кардинально поменялись, расширилось экспозиционное пространство за счёт пристройки ещё одного здания к мемориальному дому, значительные изменения претерпел внешний вид экспозиции. Но смысловое решение осталось прежним «от текста», сотрудники сумели воссоздать в пространстве атмосферу произведения. Добиться этого оказалось не так просто. Дело в том, что в минусинском музее есть всего четыре подлинных предмета, которые имеют непосредственное отношение к декабристам, и архивные документальные источники, касающиеся жизни декабристов в Минусинском округе. Дополнив их визуальным рядом типологических историко-бытовых предметов из фондов Минусинского музея, которые преломляются через «воспоминания», удалось добиться того, что они стали наряду с подлинными предметами основными носителями информации.

Например, рассказывая о своей жизни и деятельности в Минусинске, Беляев пишет о строительстве их с братом на речке Минусе двухэтажной мельницы, даёт описание её как снаружи, так и внутри. Макет мельницы мы установили в экспозиции. Она гармонично вписалась в раздел хозяйственной деятельности декабристов, на фоне большой панорамы Минусинска. Сама панорама подтверждает слова автора, о том, что: «Главный центр Минусинского округа, был тогда маленький городок, называемым Минусинском, имевший дюжину широких улиц, одну хорошенькую каменную церковь, зимой теплую, и при ней богадельню, где содержались старые и увечные, гостиный двор порядочной архитектуры с колоннами, присутственные места, две площади, словом, все нужное и необходимое для города». [2, с.199] (панорама г. Минусинска сделана в 1864 году, а последний декабрист после амнистии уехал в 1861 году). На переднем плане ул. Итальянская, мост ч\з р. Минусинку, который выстроил на собственные средства декабрист С. И. Кривцов и часть усадьбы, предположительно декабриста С. Г. Краснокутского. Возвышается над деревянным Минусинском два единственных каменных здания – Спасский собор и дом купчихи М. С. Беловой. В церкви декабристы крестили детей, венчались со своими сибирскими жёнами, пели в церковном хоре, а Николай Крюков до самой смерти на собственные средства содержал богадельню при нём. Благодаря такому единению авторского текста с грамотно выстроенным визуальным рядом нам удалось добиться создания видимого и целостного образа экспозиции. Целостность образа, сложилась в каких-то случаях за счёт смещения акцента с текста на музейный предмет, а где-то, наоборот, за счёт смещения акцента с экспоната на авторский текст.

Такая тактика построения экспозиции была применена ко всем тематическим залам. Начало экспозиции и первая выдержка из воспоминаний А. П. Беляева заставляет посетителя задуматься и наводит на размышления о том, что в оценке исторических событий нет одной «правды», а некоторые из них и вовсе можно оценить лишь спустя десятилетия и столетия. Тут же автор делает заключение о том, что именно документальные источники от непосредственных участников событий помогут разобраться в сути происходящего: «История составляется из суммы добродетелей, пороков и заблуждений, из общественной и частной

жизни, из взаимных отношений, из их нравов, обычаев, образа жизни; даже костюмы, наружное и внутреннее убранство жилищ входят в её область. Не тому ли служат записки, мемуары, летописи, различные воспоминания и проч., и чем более будет этого материала, тем легче и вернее будет будущему историку понять описываемую эпоху». [2, с.5]

Эта цитата является переходом непосредственно к восстанию 14 декабря 1825 года и событиям им предшествующим. Посетителю предлагается самостоятельно оценить их значимость, правильность, последовательность действий «изнутри», т. е. от автора, через представленные в экспозиции документальные и материальные источники и авторские цитаты. Например, под гравюрой Х. Гейслера «Наказание батогами дворового в присутствии помещика» и рисунком неизвестного автора «Солдатская муштра» цитата А. П. Беляева, отражающая общественно-политическую обстановку накануне восстания: «...Всё это было неизбежным следствием тогдашнего положения порядка вещей, в котором не признавались ничьи права перед сильнейшим, в котором старший, кто бы ни был, всегда был не начальником, а властителем и господином... таким образом, Россия делилась на два разряда: на властителей и рабов...». [2, с.115] Далее идут портреты декабристов с принадлежностью каждого из них к конкретному тайному обществу, карта – схема «Общественные движения в первой четверти XIX века», программные документы «Южного» и «Северного» тайных обществ. Их дополняет цитата из воспоминаний декабриста: «Первые члены тайного общества были большею частью военные, прошедшие победоносно всю Европу до Парижа. Ознакомившись ближе с её цивилизацией, понятно, что стремление учредителей было желать для России той образованности, той свободы, тех прав, какими пользовались некоторые из Европейских наций... Составлены были конституции: умеренные, монархические и радикальные республиканские, так что в период времени с 1820 года до смерти Александра I либерализм стал достоянием каждого мало – мальски образованного человека. Частые колебания самого правительства между мерами прогрессивными и реакционными ещё более усиливали желание положить конец тогдашнему положению вещей». [2, с.114-115]. Здесь же портрет императора Александра I, неожиданная смерть которого и послужила толчком к восстанию. И как подтверждение тому слова Беляева: «Мы мечтали, строили воздушные замки, а как эти замки будут держаться на воздухе – мы вовсе не думали об этом... Разговоры же о переворотах, и о том, какое устройство более полезно для России: монархическое или республиканское, происходили у нас очень часто и очень оживлённые, но в них не было не малейшей мысли о чём-то близком и действительном, а одни мечты и желания свободы, величия и счастья отечеству...» [2, с.119]

Далее речь идёт о самом восстании, следствии и суде над декабристами. В экспозиции имеется схема расположения войск на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, отрывок «Манифеста к русскому народу», написанный С. Трубецким, портрет императора Николая I, копия с рисунка «Нанесение смертельной раны Милорадовичу», всё это подтверждается мемуарами А. П. Беляева. У посетителя, должно произойти полное погружение в «событие дня», который оказал огромное влияние на судьбы людей, принявших в нём участие.

Предметный ряд этой темы представлен шпагами, медалями за Отечественную войну 1812 г., кавалерийскими шпорами, вензелем императора Николая I и книгами XIX в. на иностранных языках зарубежных авторов, которые имели воздействие на передовые умы того времени. Тема наказания тоже присутствует: «...Назвав каждого по чину, по имени

и фамилии, он прочитал описанные преступления, состоящие в покушении ниспровергнуть государственную власть и законы, в сознании об умысле на царевубийство, в участии в военном возмущении, и за таковые преступления он громко и с расстановкой произнёс приговор: лишаются чинов, орденов, дворянства и ссылаются в каторжные работы в рудниках на 12 лет... Затем над каждым из нас были сломаны наши сабли, сняты наши сюртуки и потоплены в море, как мундиры сухопутно-военных наших товарищей были преданы огню...». [2, с.141] Текст идёт сразу под репродукцией картины М. А. Кузнецова «Гражданская казнь моряков-декабристов на корабле «Князь Владимир». Кронштадт», и посетитель понимает, что так всё и было. Здесь же «Роспись Государственным преступникам приговора Верховного уголовного суда, осуждённым к разным казням и наказаниям», портреты казнённых декабристов и разрядный список декабристов, отбывавших ссылку в Минусинском округе.

Следующая тема «Каторга» представлена в маленьком и тесном зале музея, с низкими потолками. Символом каторжных работ является маленькое окно с решёткой под самым потолком, которое почти не пропускает свет, кандалы и рабочие инструменты. Полное погружение в мрачную атмосферу каторги происходит за счёт цветового решения и освещения, использованных в экспозиции: тёмных цветов, точечного, тусклого освещения. В зале есть копии акварельных работ декабристов, написанные в период их пребывания на каторге в Чите и Петровском заводе. Экскурсия построена таким образом, что экскурсовод постоянно обращается и приводит цитаты из воспоминаний, как бы подтверждая свой рассказ словами очевидца событий. В подтверждение того, что в 1830 г. декабристы совершили переход из Читы в Петровский завод, у акварели И. В. Киреева экскурсовод цитирует: «Поход этот мы совершили пешком... На ночлег выставлялось 10-ть войлочных юрт в один ряд. Против этого ряда поставлены были юрты для караульных и начальствующих. Поход этот для нас был приятным развлечением неволи. Тут мы увидели тот простор, ту необъятную даль, уходящую за горизонт, ту даль, которая так манит своей таинственностью странника, особенно после нескольких лет заключения, в котором горизонтом был один высокий частокол... Между нами было много живописцев, потому поход наш был изображён в самых ярких картинах...» [2, с. 176-177] На акварели декабриста И. В. Киреева можно сосчитать юрты, их десять, как и описывает Беляев. Посетитель видит перед собой рисунок и не сомневается в словах экскурсовода. Такие пояснения автора можно найти к каждой акварельной работе, но, для того чтобы не перегружать экспозицию, от идеи «комментировать» авторским текстом каждую из восьми акварелей пришлось отказаться, так как посетителю комментариев к нескольким работам хватает, чтобы поверить в правдивость происходящего.

Находясь на каторге, декабристы жили напряжённой умственной жизнью, об этом свидетельствует А. П. Беляев: «В нашей тюрьме всегда и все были заняты чем-нибудь полезным, так что эта ссылка наша была целым обществом, в среде которого были образованнейшие люди своего времени, при больших средствах, которыми располагали очень многие и которые давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была, так сказать, чудесной умственной школой, как в нравственном, умственном, так и в религиозном и философском отношениях. Если б мне теперь предложили вместо этой ссылки какое-нибудь блестящее в то время положение, то я бы предпочёл эту ссылку».

[2, с.170] В подтверждение этому стол с атрибутами «каторжной академии»: книги, план Читы, составленный декабристом П. И. Фаленбергом, французский компас, кусочек руды с одного из рудников, находящихся в окрестностях Петровского Завода и пр.

И так через призму воспоминаний декабриста преломляется каждая последующая тема экспозиции нашего музея: деятельность декабристов в период ссылки в Минусинске и вклад в развитие региона, быт дворян и их повседневная жизнь, женская тема и семья. И так по каждому из комплексов, представленных в экспозиции.

В воспоминаниях фигурируют цены на товары, меры веса, объёма и пр. принятые в XIX в., поэтому под каждой цитатой, если она содержит такую информацию, есть перевод старинных мер в современные. Бумажные деньги и монеты, имевшие хождение в то время, представлены в экспозиции, расписан курс ассигнаций к серебряному рублю, это помогает посетителю соотнести старинные цены и меры применительно к современным.

Воспоминания не ограничиваются описанием каждодневных занятий декабристов. Много времени Беляев посвящает характерам и типажам людей, с которыми ему пришлось общаться, находясь в ссылке, от окружных начальников до простых наёмных работников, обращение к этой теме, рисует в воображении посетителя музея социальный и нравственный портрет жителя Минусинска первой четверти XIX века. Живописно и узнаваемо описывает Беляев окрестности города, так, что современный посетитель, если он является жителем города, может составить представление о том, каким город был в те времена и что сейчас находится на месте описываемого объекта.

В 2022 году Минусинский музей декабристов отмечает 25-летний юбилей. На протяжении этих лет экспозиция не потеряла своей смысловой оригинальности, благодаря тому, что в качестве музейного объекта нематериального наследия выступают воспоминания декабриста А. П. Беляева, на которых держится её идейный замысел. Экспозиционное пространство и коллекция выступают в качестве иллюстрации воспоминаний непосредственного участника событий. Применительно к экспозиции Минусинского музея декабристов идёт трансформация текста через предметный ряд, а в некоторых случаях и сам текст выступает в качестве визуального объекта. У нас получилось воссоздать в экспозиционном пространстве атмосферу произведения. У посетителей складывается ощущение правды, т. к. любое утверждение и показ музейного предмета в экспозиции подкрепляется цитатами очевидца и непосредственного участника тех далёких событий «от первого лица».

Библиографический список:

1. Сафонова О. И. Научное обоснование музея-филиала «Декабристы в Минусинской ссылке». Минусинск. 1982 г. АМКМ.
2. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. Красноярск. Красноярское книжное издательство. 1990. – 380 с.

Е. А. Никифорова,
г. Минусинск

Фотоматериалы из фондов Минусинского музея и семейных архивов как первоисточник по истории советского периода деревни Кривая

Документальные источники продолжают оставаться одними из востребованных для исследователей. Фотографии XX века позволяют сформировать представление о советской эпохе у современного человека, изучение фотографий из фондов музеев и семейных архивов показывают жизнь рядового человека из советской глубинки.

Предлагаю Вашему вниманию фотоматериалы о деревне Кривая Минусинского района, которая уже несколько десятилетий, как прекратила свою жизнь. Исчезла деревня с карты Минусинского района в связи со строительством Саяно-Шушенской ГЭС и возможностью затопления, которое ни разу и не произошло. Скорее всего, расчёты оказались ошибочными, но деревня была уничтожена.

На сайте Минусинского музея в 2020 г. в разделе «Краеведение» размещены общие сведения о деревне Кривая, о первооткрывателях (заметка с. н. с. музея Е. В. Леонтьева): появилась в качестве заимки (первое упоминание – 1805 год) и долгое время оставалась таковой (до середины XIX века).

Моё обращение к данной теме неслучайно: в деревне Кривая родились моя бабушка, родители и я сама. Здесь прошли счастливые годы моего детства, юность и молодость моих родителей. В Кривой прожили всю свою жизнь дедушка и бабушка, а теперь покоятся на местном кладбище. У каждого из трёх поколений свои воспоминания о деревне, о том какой была жизнь в разные периоды. Судьба такой малой деревни, как Кривая, и её жителей неразрывно связана с историей всей России от имперской до постсоветской.

В официальных источниках, как правило сохранены статистические данные, информация о кривинцах, причастных к важным событиям. Фотографии из семейных архивов жителей д. Кривая о своей малой родине могут быть не менее интересны и важны для исследователей.

Цель статьи – саккумулировать общие сведения о д. Кривая, используя статистические данные, устные исторические источники и фотоматериалы. Мои респонденты – урождённые д. Кривая в период 1930 – 1960-е годы. Их рассказы о жизни дают представление о советской деревне в российской глубинке. Часть информации взята из фотографий и подтверждается устными историческими источниками.

Опираясь на данные официальных статистических источников информации, была составлена таблица № 1:

Таблица № 1

Год	М.	Ж.	Обоего пола	Школа	Административный статус
1897	650	609	1259	Кривинское сельское училище	Деревня в составе Лугавской волости
1917-1919	685	625	1310	есть	Деревня
1926	717	781	1498	1 ступени (4 г.о.)	Село – главная усадьба Кривинского с/с
1979	324	365	689	8 классов	Село – главная усадьба Кривинского с/с

В соответствии с итогами Всесоюзной демографической переписи 1926 года по населённым пунктам Минусинского округа в Кривинский сельский совет входили: с. Кривинское, Головино (Клопово) и п. Озеро Тагарское. По данным Всесоюзной переписи населения на 17 января 1979 года Кривинский сельский совет состоял из таких населённых пунктов: с. Кривинское, с. Лугавское, п. Озеро Тагарское. В это же время был организован совхоз «Тагарский», предположительно, в том же составе. Однако, в местной газете «Искра Ильича» за 1985 год в отчётных сводках фигурирует уже два совхоза «Лугавский» и «Тагарский».

Таким образом, в процессе реорганизации в период 1979 – 1984 гг. из состава совхоза «Тагарский» выделилось с. Лугавское и стало главной усадьбой нового одноимённого совхоза.

Переселение кривинцев, по их же рассказам, началось в 1976-1977 годах. Люди не хотели бросать свою малую родину, переселялись тяжело, медленно. Старики советовались со своими взрослыми детьми куда им податься, молодёжь тоже понимала, что жизнь круто меняется. Можно указать три основных направления переселения: с. Лугавское, Минусинск и Абакан. Государство возмещало потери жителям: выкупало дома, предоставлялись квартиры в с. Лугавское.

Кривая располагалась вдоль протоки и далее по берегу Енисея, в деревне было три основных улицы: Набережная, Центральная (в последствие – Ленина), Овсянка, соединённых переулками.

Деревня Кривая связана с Минусинском просёлочной дорогой через оз. Тагарское (до него около 8 км), а дальше – участок трассы М-54, всего 19,3 км. В 60-е годы прошлого века после дождей проехать до деревни было практически невозможно, тогда водитель высаживал пассажиров, и они добирались до деревни пешком. В летний период была еще и водная дорога: до г. Абакана по Енисею через Минусинск. В Кривой на берегу было место причала для теплохода «Заря». К времени прихода теплохода люди выходили на пристань встречать своих родных.

В совхозе имелись свиноферма, коровник, отары овец, МТС, пункт сбора молока и производства масла, общественная баня, пилорама, на полях выращивали пшеницу и гречиху, кормовые, в деревне стояли совхозные теплицы, вверх по протоке (за деревней) три сада. В деревне был медпункт, школа, детский сад, клуб, сельсовет, почта и три магазина.

В совхозе выращивали в промышленном масштабе огурцы. С этой целью были построены теплицы, крытые полиэтиленовой плёнкой. Теплицы располагались на улице Набережной, практически в центре деревни. Они занимали достаточно большую площадь. Работала в теплице бригада овощеводов, и привлекались школьники для пикировки (пересаживания). Школьники привлекались к уборке урожая бахчевых и плодово-ягодных культур.

Иногда, для работников совхоза проводили политинформацию. В бригаде овощеводов газету для всех читал Огнев Михаил Степанович.

Поздней весной или в начале лета стадо коров на пароме переплавляли через Енисей на острова, на летний выпас. Доярок два раза в день плавили на острова (вечерняя и утренняя дойки). В совхозе для этих целей был свой катер, судоводитель – Сиротинин Валентин Павлович – прошёл специальное обучение, получил «корочки». А осенью совхозное стадо возвращалось на ферму, куда доярки пешком ходили по два раза в день за 4 км.

Молоко собирали в пункте приёма, где его сливали в большие ёмкости и увозили в Минусинск на молокозавод. Но в деревне долгое время действовала своя маслобойня. В пункте приёма собирали молоко от личных хозяйств (принудительно-добровольная сдача): приёмщик проезжал по деревне на коне (летом – телега, зимой – сани) и хозяйки под запись в тетрадь передавали ему молоко.

Электричество в д. Кривая генерировали специальные моторы – «абешки». Поэтому вечерами в домах часто отключали свет, и кривинцы на этот случай имели керосиновые лампы.

В совхозе была и централизованная машинно-тракторная станция (МТС). Для автопарка близ деревни на горе были построены специальные кирпичные гаражи и ремонтные мастерские. До настоящего времени видны остатки стен: ни время, ни воришки постсоветского периода не смогли их полностью уничтожить. В советский период на уборку урожая привлекали работников из городов: шоферов, комбайнеров. После трудового дня можно было сходить в общественную совхозную баню, она была на краю деревни, на берегу протоки, а рядом кочегарка.

Школа и детский сад, скорее всего, располагались в домах бывших местных богатеев. В детском саду детей на группы не делили, все вместе играли. Само здание детского сада было деревянным, к его стене прилегал каменный подвал, ступени вели вниз. На участке для детей были установлены деревянные качели, беседки.

В Кривой в первые годы советской власти школа была начальной, в последствии школа-семилетка, в 1970-е годы уже восьмилетка. Выпускники уезжали в Минусинск, здесь оканчивали школу, а жили на съёмных квартирах. Дети рано становились самостоятельными. Получив профессиональное образование, многие возвращались на свою малую родину, где и трудились на благо страны.

Местом проведения всех мероприятий был сельский клуб. Многие кривинцы помнят, что в деревне был установлен памятник В. И. Ленину. Но в моём распоряжении есть фотография памятника Неизвестному солдату более позднего времени (фото 1979 г.).

На новогодний праздник в клубе наряжали ёлку, детям шили костюмы, устраивали представления.

Советские выборы в органы власти разного уровня высмеяны юмористами не один раз. Но факт остаётся фактом: сельчане шли на выборы, как на праздник: надевали лучшее, настроение хорошее, по деревне ездили на санях, играли на гармошке и пели песни. Избирательный участок размещался в разных зданиях: в 1950-е в помещении медицинского пункта, позже в здании клуба.

В Кривой на момент переселения действовали 3 магазина: два продуктовых и один промышленных товаров.

Река играла важную роль в хозяйственном укладе жителей. Все рыбачили, а, следовательно, имели лодки с моторами. Острова давали ягоды: черёмуху, кислицу, калину, боярку, а ещё сенокосные уголья.

Ежегодно протока и Енисей выходили из берегов. Поэтому была сооружена дамба – высокая гравийно-земляная насыпь, отделявшая бурные воды от огородов кривинцев. В иные годы вода поднималась на уровень дамбы, затапливая огороды. По воспоминаниям кри-

винцев, в 1967 году наводнение было такое, что плавали на лодках по деревне. Ночами спали в доме на полу, чтобы сразу почувствовать новый подъём воды, если хлынет в дома.

Долгое время централизованного водопровода не было, он появился лишь в конце 1960-х годов. Поэтому на каждой усадьбе был колодец по типу «журавль», их использовали при поливе огородов. Выращивали все овощи (огурцы, помидоры, тыкву, зелень), бахчевые (арбузы, дыни) и корнеплоды (картофель, морковь, свёклу, лук, чеснок, редис), а также имели собственные сады. Огуречные гряды делали из навоза, благо все держали коров. Навоз – это было основное удобрение долгие годы. Сажали помногу, часть урожая продавали на рынках Минусинска и Абакана, а из города детям привозили вкусности: финики, орех в шоколаде, арбузы и даже мороженое (его возили в термосе).

Дома кривинцев на первых улицах (Набережная, Центральная) были сплошь деревянными: через холодные сени без окон заходишь в избу, по диагонали от печи (русская печь) – красный угол (несмотря на советскую власть у многих иконы). Рядом с печью вход в горницу, где у многих с конца 1960-х годов стояли чёрно-белые телевизоры. Часть домов (у Гребневых, Коржавиных, Стреж, Шустовых) установили на подклетьях. Подоконники украшали цветы гортензии, гloxинии, герани, фиалки, алоэ. Ворота имели крышки, внизу – подворотни.

Кривая сегодня – это действующий погост, где хотят найти последний приют те, кто когда-то родился и прожил здесь счастливые годы своей юности, молодости.

Это несколько жилых домов тех, кто не смог прижиться в других местах.

Это дачи, на строительство которых разрешения местные власти бывшим кривинцам не дают. Как, впрочем, не дали разрешение и на постоянное строительство (многие хотели вернуться), сославшись на зону подтопления и на природоохранную территорию.

Летом, на Троицу, на берегу Енисея собираются бывшие ученики Кривинской школы разных лет выпуска. И бережно разворачивают сохранённое знамя школы.

Территория бывшей деревни Кривая в настоящее время относится к Лугавскому сельскому совету.

Исследование по теме «Деревня Кривая» и комплектование фонда, можно сказать, только начались. Полагаю, нас ждут небольшие открытия по истории местных населённых пунктов.

Библиографический список:

1. Итоги Всесоюзной демографической переписи 1926 г. по населённым пунктам Минусинского округа. – Минусинск: Власть труда, 1927. – 121 с.
2. Сельские населённые пункты Красноярского края. – Красноярск, 1980. – 121 с.
3. Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 год. – Красноярск, 1908. – 51 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого; Центральный статистический комитет при МВД. – СПб., 1904. – Т. LXXXIII: Енисейская губерния. – 185 с. : табл.
5. Искра Ильича. – Минусинск, 1985.
6. Искра Ильича. – Минусинск, 1986.

**С. А. Романова,
г. Минусинск**

Работа с посетителями с ОВЗ как одно из направлений деятельности Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» (МБУК МКМ) – это один из старейших музеев Сибири, ведущий культурный и научно-просветительский центр юга Красноярского края.

Одно из основных направлений музея – научно-просветительская деятельность. Ежегодно музей принимает более 200 тыс. посетителей, в т. ч. посетителей с инвалидностью.

Инвалид – это лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты.

Для обеспечения доступности музея для инвалидов и маломобильных групп населения с 2017 г. приказом МБУК МКМ ответственным лицом за реализацию мероприятий, направленных на обеспечение условий доступности для инвалидов и маломобильных граждан в музее, была назначена С. А. Романова, методист по музейно-образовательной деятельности. В том же году была создана комиссия для обследования музея на доступность для инвалидов и маломобильных граждан, в которую, кроме сотрудников музея, вошли и представители местной организации «Всероссийское общество инвалидов» (ВОИ) г. Минусинска. Комиссией за 2017-2019 гг. было проведено обследование экспозиционных залов и отделов МБУК МКМ, по результатам которого были составлены «Паспорта доступности для инвалидов объектов музея и его отделов» (на 6 объектов МБУК МКМ), разработан план мероприятий, направленных на обеспечение доступности МБУК МКМ для инвалидов и маломобильных граждан, с учётом особенностей каждой категории инвалидов, в соответствии с результатами обследования. Все эти мероприятия были проведены в соответствии с Законодательством Российской Федерации [1, 2] и Приказом Министерства культуры [3], касающимися работы с посетителями-инвалидами и созданием в учреждениях культуры среды, доступной для инвалидов и маломобильных групп населения.

За период с 2017 по 2021 гг. в музее проведён цикл мероприятий по созданию доступной среды для инвалидов:

– два сайта МБУК МКМ: «музей-мартьянова.рф» и «мартиролог.музей-мартьянова.рф» были оснащены версией для слабовидящих (в 2017 г.);

– решён вопрос о предоставлении услуг сурдоперевода для слабослышащих посетителей: услуги по сурдопереводу предоставляют специалисты Минусинского местного отделения «Всероссийского общества глухих», по договору – Красноярское региональное отделение Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» (с 2017 г.);

– проводится целевой инструктаж «Обеспечение доступности для инвалидов услуг,

оказания необходимой помощи» для сотрудников МБУК МКМ, занятых приёмом и обслуживанием посетителей (ежегодно с 2017 г.);

– изготовлены пандусы, облегчающие передвижение инвалидов-колясочников на входной группе и по 1-му этажу I-го корпуса музея и в отделе «Мемориальный музей «Дом-квартира Г. М. Кржижановского и В. В. Старкова» (в 2018 г.);

– в прейскурант на платные услуги, оказываемые МБУК МКМ, внесены пункты о льготах для инвалидов и их сопровождающих: п. 2.1. «Право на бесплатное посещение музея» имеют инвалиды I – III групп; п. 4.2. «Сопровождающие инвалидов сурдопереводчики и тифлосурдопереводчики допускаются бесплатно» (в 2019 г.)

– для слабовидящих посетителей, в экспозициях музея и его отделов добавлен этикетаж, выполненный крупным шрифтом (в 2020 г.);

– для незрячих и слабовидящих посетителей в музее и его отделах размещена текстовая информация знаками, выполненными рельефно-точечным шрифтом Брайля, благодаря многолетнему сотрудничеству с Краевым государственным бюджетным учреждением культуры «Красноярская краевая специальная библиотека – центр социокультурной реабилитации инвалидов по зрению» (в 2021 г.);

– для автотранспортных средств инвалидов выделена стоянка возле музея – по инициативе руководства МБУК МКМ (в 2021 г.).

Конечно, мы не в состоянии на 100 % создать доступную среду для инвалидов в музее и его отделах, но мы стремимся создать условия, благоприятные для посетителей-инвалидов.

Минусинский музей принимает и одиночных посетителей с инвалидностью, и группы. Музей на протяжении многих лет на договорной основе сотрудничает с учреждениями и общественными организациями для инвалидов:

– Минусинской местной организацией Общероссийской общественной организации «Всероссийское общество инвалидов» (МОО «ВОИ» г. Минусинск);

– Общероссийской Общественной организацией «Всероссийское общество слепых» Минусинской местной организации ВОС Красноярской краевой организации ВОС – включает в себя не только жителей Минусинска, но и инвалидов по зрению 7-ми южных районов Красноярского края;

– Краевым государственным бюджетным учреждением культуры «Красноярская краевая специальная библиотека – центр социокультурной реабилитации инвалидов по зрению» и её филиалом в г. Минусинске;

– Минусинским местным отделением (МОВОГ) Красноярского регионального отделения Общероссийской Общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» (КРО ООИ «ВОГ») – включает в себя не только жителей Минусинска, но и глухих и слабослышащих людей 7-ми южных районов Красноярского края;

– Краевым государственным бюджетным общеобразовательным учреждением «Минусинская школа-интернат» (КГБОУ «Минусинская школа-интернат»).

Кроме того, музей принимает группы посетителей-инвалидов с других территорий, в т. ч. из Республики Хакасия: Абаканской, Черногорской, Саяногорской, Ширинской местных организаций и др.

В 2017 г., благодаря гранту «Фонда Михаила Прохорова», в музее был реализован про-

ект «Чувство темноты». Проект был направлен на создание в музее доступной среды для незрячих и слабовидящих посетителей и формирование толерантного отношения общества к людям со специфическими потребностями с помощью интерактивной тактильной экспозиции. В рамках проекта были изготовлены макеты и муляжи предметов из археологической и этнографической коллекций музея, копии наскальных изображений и изображений животных юга Красноярского края в технике тактильной графики, а также тексты, выполненные шрифтом Брайля. Был разработан цикл мероприятий по темам: «Доисторический мир», «Искусство архаики», «Керамика», «Этносы Саяно-Алтая», «Живая природа Сибири», «Удивительный мир минералов», и др., где используются тактильные приёмы, что позволило адаптировать музейные мероприятия и экскурсии для незрячих и слабовидящих посетителей (всего 30 экскурсий и мероприятий).

Мероприятия с тактильными приёмами востребованы не только незрячими и слабовидящими посетителями, но и обычными посетителями, особенно группами дошкольников и учащихся. Поэтому проект продолжается, разрабатываются новые мероприятия и адаптируются уже действующие.

Ежегодно музей принимает участие во Всероссийской акции «Инклюзивный музей» и проводит Декаду инвалидов (с 1 по 10 декабря): для посетителей с инвалидностью в музее и его отделах проводятся интерактивные мероприятия, тематические экскурсии, лекции и т. д.

За период с 2017 по 2021 гг. для посетителей-инвалидов в музее и его отделах проведено 227 экскурсий и мероприятий, было охвачено 5946 человек.

Работа с посетителями-инвалидами является одним из приоритетных направлений деятельности МБУК МКМ. Ведь музей обладает целым рядом достоинств, которые отличают его от других учреждений культуры и за которые его ценят посетители – это возможность получить информацию и эстетическое удовольствие, расширить круг общения. Ведь не секрет, что в силу своего социального положения и ограниченных возможностей, инвалиды являются более благодарными посетителями музея, чем обычные экскурсанты. Посещение музея для них – настоящий праздник, выход «в люди». Знакомясь с экспозицией и выставками музея, слушая экскурсовода, посетители-инвалиды получают возможность общения, возможность обмена впечатлениями и возможность культурного развития.

Сотрудники музея постоянно повышают свою квалификацию по разным направлениям, в т. ч. и по работе с посетителями-инвалидами. Методист по музейно-образовательной деятельности С. А. Романова, в чьи обязанности входит направление по работе с посетителями-инвалидами, в 2021 г. приняла участие в Тренинге для музейных сотрудников «Расширяя сенсорный опыт: работа с незрячими и слабовидящими посетителями в музее», организованный ИКОМ России при поддержке «Фонда Президентских грантов». Тренинг проходил в Москве, партнёры проекта: «Музей Русского Импрессионизма», Государственный музей-культурный центр «Интеграция», «Государственный Дарвиновский музей» и Музей «Огни Москвы». В тренинге приняли участие 40 музейных сотрудников с разных регионов России: от Калининграда до Владивостока. Преподавателями были специалисты разного профиля, в т. ч. Сергей Николаевич Ваньшин, генеральный директор НУ ИПРПП ВОС «РЕАКОМП», основатель метода тифлокомментирования. Тренинг помог понять проблемы незрячих и слабовидящих людей, т. к. участники на практике проходили «по-

гружение в темноту». Появились новые идеи по улучшению условий доступности музея для незрячих и слабовидящих посетителей, которые ещё предстоит воплощать.

Конечно, время не стоит на месте, мир вокруг нас изменяется, и сотрудники музея стремятся сделать всё возможное, чтобы музей стал «территорией комфорта» для всех посетителей.

Библиографический список:

1. Федеральный Закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов».
3. Приказ Министерства культуры РФ от 16.11.2015 г. № 2803 «Об утверждении Порядка обеспечения условий доступности для инвалидов музеев, включая возможность ознакомления с музейными предметами и музейными коллекциями, в соответствии с законодательством Российской Федерации о социальной защите инвалидов».

**Е. Ю. Сидорина,
г. Минусинск**

Грантовый проект «Фармакология для всех...»

Коллекции Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова известны далеко за пределами Красноярского края. Сотрудники, изучая и описывая музейные предметы, стремятся не только рассказать, но и показать свои достижения, не только научному сообществу, но и людям, которые интересуются историей своей родины. Реализацию идей Минусинский музей осуществляет с помощью грантовых проектов уже на протяжении многих лет.

В 2021 г. научная библиотека Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова стала победителем в грантовом конкурсе «Новая роль библиотек в образовании» фонда Михаила Прохорова с проектом «Фармакология для всех: лекарственные растения юга Красноярского края (каталог Н. М. Мартьянова)». Партнёром в реализации проекта выступил Минусинский медицинский техникум.

На территории Хакасско-Минусинской котловины в большом количестве произрастают растения, которые представляют большую ценность не только как сырьё, но и как лекарство. Известно, что местные лекарственные растения помогают выздоровлению быстрее, чем завезённые издалека. Растения, являясь заменителем химико-фармацевтических препаратов, приобретают значение, как обладающие целебными свойствами и простейшими способами применения в домашних условиях.

В дореволюционный период в России работники аптек (фармацевты и провизоры) занимались сбором, сушкой и приготовлением лекарственных растений, из которых в дальнейшем готовили порошки, микстуры и т.п.

Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова располагает богатой коллекцией гербарных экспонатов, в которых есть и лекарственные растения, собранные основателем му-

зя. В 1893 г. Николай Мартьянов составил и опубликовал каталог народно-медицинских средств, находящихся в музее.

В собрании научной библиотеки, в музейном фонде хранятся печатные издания, предметы, подтверждающие научную, провизорскую деятельность Мартьянова в Минусинске (он был заведующим первой Вольной аптекой; его жена Апполинария Александровна - первой женщиной в России с правом заниматься провизорской деятельностью).

Научная работа сотрудников музея над описанием гербария Н. М. Мартьянова привела к идее создания совместного проекта с Минусинским медицинским техникумом. Гербарий Н. М. Мартьянова и его каталог народно-медицинских средств никогда не использовался как учебное пособие в образовательных программах, и был доступен только для специалистов, изучающих естественные науки, в данном случае ботанику.

Эта идея была оформлена в проект «Фармакология для всех...» и представлена на конкурс «Новая роль библиотек в образовании» благотворительного фонда Михаила Прохорова и получила поддержку фонда.

Материалы из библиотечного и музейного фондов были использованы как вспомогательный учебный материал при изучении дисциплины «Фармакология» в Минусинском медицинском техникуме.

В рамках совместного проекта проведены лекции, практические занятия по истории аптечного дела Минусинского края, а также переиздан каталог народных медицинских средств, составленный Н. М. Мартьяновым, оцифрованы 50 гербарных листов, издания по лекарственным растениям из собрания научной библиотеки. Информация о реализации данного проекта представлена на сайтах Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова и Минусинского медицинского техникума.

Уникальность изданий, предметов Минусинского музея не потеряла актуальность и в настоящее время, они могут быть использованы не только для узких специалистов: медицинских работников, фармацевтов, студентов медицинских учебных заведений, но и для всех интересующихся лекарственными растениями и их использованием в народной медицине.

**Е. Ю. Шабеева,
г. Минусинск**

Статистические издания в собрании научной библиотеки Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова

Одним из важнейших источников информации являются издания по статистике. Данные публикации стимулируют интерес людей к статистике и помогают им понять, что значит эта информация для их жизни. Статистическая информация предоставляется чаще всего государственными службами, а также компаниями, занятыми исследованиями и разработками статистических данных. Следует отметить, что статистические издания не распространяются через книготорговую сеть, они имеются либо в организации, которая выпускала данное издание, либо в библиотеке.

В научной библиотеке музея хранится богатый материал по статистике, начиная с середины XIX века. Среди них и самая первая Всеобщая перепись населения 1897 года. Причём не только по Енисейской губернии, но и по другим губерниям. Надо отметить, что данное издание имеется даже не в каждой головной библиотеке России.

Материал во Всеобщей переписи населения изложен следующим образом: общая численность губернии; численность по округам; городское и сельское население; распределение населения по полу; по физическим недостаткам; по семейному состоянию; по родному языку; по сословиям и состояниям; по месту рождения; по степени грамотности; по группам занятий. Эта перепись имеет большую ценность для исследователей, поскольку мало где она сохранилась до сих пор [1].

Статистика землевладения 1905 г., изданная Центральным статистическим комитетом МВД по разным губерниям. Основная задача заключалась в изучении распределения землевладения и наблюдения в нём с 1877 г. перемен. Издания содержат таблицы по следующим критериям: земельная собственность и частная земельная собственность по главным её категориям; частная земельная собственность по размерам владений; наделные земли по категориям крестьян и по количеству земли на двор; земли крестьян и мещан; земли государства, церкви и учреждений [2].

В 1887 году господин Министр Внутренних Дел признал необходимым составить для всей Российской Империи карты губерний и областей, с нанесением на них в каждом уезде границ волостей, гимн и тому подобных мелких единиц административно-территориального деления, и, по возможности, всех существующих поселений. Так, выходит в свет издание «Статистика Российской Империи. Волости и гимны». Оно даёт сведения за 1890 г. по каждой волости: о местонахождении волостных правлений; станс; количеству крестьянской земли; числу селений; числу крестьянских дворов; числу наличных душ; числу дворов не крестьянских в волости. Кроме того, к каждому выпуску прилагается карта губерний, с показанием пунктов нахождения волостных губерний. Следом издаётся «Статистика Российской Империи. Волости и населённые места», где собраны сведения за 1893 год [3; 4].

Хранятся и «Статистические обзоры» по губерниям, начиная с конца XIX века. Так, в статистические обзоры Енисейской губернии вошли следующие данные: географическое положение губерний; климат; естественная и производительная сила губерний и экономическая деятельность населения; подати и повинности; общественное благоустройство и благочиние; народное здравие и общественное призрение; народное образование; переселенческое движение; агрономическая организация и мероприятия в области полеводства, животноводства, а также приложение «Ведомости о посевах и урожае хлеба» [5].

Наиболее востребованными по статистике Енисейской губернии у исследователей являются «Списки населённых пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края». Книга включает в себя шесть списков. В первый список вошли населённые пункты крестьянского типа по данным Всероссийской сельскохозяйственной и земельной переписи 1917 г. Во второй – селения, пропущенные переписью 1917 г., и данные о них, взятые по переписи 1916 г. В третий список включены населённые пункты некрестьянского типа (рудники, прииски, торгово-промышленные и пристанционные посёлки и проч.) по данным Всероссийской городской переписи 1917 г. В четвёртом помещены данные о городах Енисейской

губернии (без Туруханска) по городской переписи 1917 г. Пятый список составляют населённые пункты Туруханского края с данными подворной переписи, произведённой под руководством А. Я. Тугаринова. И шестой список (Усинский округ и Урянхайский край), разработанный по данным переписи 1918-1919 гг.

И это далеко не все издания, которые хранятся в научной библиотеке. Работа по изучению статистических изданий будет продолжаться, поскольку имеет немаловажное значение в деятельности библиотеки. Она даёт возможность профессионального развития и самообразования не только работникам музея, но и исследователям, работающим с данными источниками.

Библиографический список:

1. Первая Всеобщая перепись населения Русской Империи 1897 г. // под ред. Н. А. Тройницкого; Центральный статистический комитет МВД. – СПб., 1904. – Т. LXXXIII: Енисейская губерния. – 185 с. : табл.
2. Статистика землевладения 1905 г. / Центральный статистический комитет МВД. – СПб. : Типо-литография М.Я. Минкова, 1906. – Вып. XXIII. – 37 с. : табл.
3. Статистика Российской Империи. Волости и гимны 1890 года / Центральный статистический комитет МВД. – СПб, 1890. – Т. XV, Вып. 6. – 14 с. : табл., карта
4. Статистика Российской Империи. Волости и населённые места 1893 года / Центральный Статистический комитет МВД. – СПб, 1893. – Т. XXVII, Вып. 1. – 15 с. : табл., карта.
5. Статистический обзор Енисейской губернии за 1912 год. – Красноярск : Енисейская Губернская Типография, 1913. – 75 с. : табл. + приложение.

РАЗДЕЛ II.

АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

В. Я. Бутанаев,
г. Абакан, Республика Хакасия

Кыргызские изваяния и камнерезное искусство рунического письма

Среди каменных скульптур Хонгорая насчитывается незначительное количество изваяний, относящихся к кыргызскому времени. В Хакасском краеведческом музее находятся всего три экземпляра, в Минусинском также три скульптуры. Археолог Л. А. Евтюхова отмечала, что в Кыргызском государстве были опытные мастера каменотесы, создавшие надгробные стелы, с высеченными на них надписями и каменные изваяния. [Евтюхова, с. 101]

В степях Хонгорая были известны следующие почитаемые скульптуры средневековья. У подножия скалы «Иней хая» по реке Аскиз находилось кыргызское каменное изваяние «иней-тас». Рядом с ней была площадка, огороженная плитами и усыпанная песком, где стояли каменные фигуры животных – овец, коз, коров, лошадей. Указанный скот представлял стадо почитаемой «иней тас». Все эти изображения животных, согласно объяснениям хакасов, делали горные духи. [Клеменц, с. 11].

Во второй половине XIX века ретивые служители христианской церкви разбили каменного кумира, отколотив у него голову. Ныне следы этого бывшего изваяния «иней тас» не сохранились. Несмотря на такой вандализм, люди продолжали совершать летом ежегодные «золотые жертвоприношения» (алтын тайыг) на его бывшем месте под горой «Иней хая».

На горе Козеелиг – таг по р. Бай в долине Аскиза находилось изваяние «иней кюзее», считавшееся изображением праматери сеока «эчик» (фамилия Саражаковы и Пакачаковы). Во времена Всемирного потопа она спаслась на родовой горе Сахчах, а в дальнейшем, спустившись в долину р. Бай, окаменела. Ежегодно Саражаковы совершали жертвоприношения своей праматери «эчик иней кюзее». Ныне нахождение этого изваяния неизвестно. [ЦГАРХ. Ф. Р -16. Оп. 1. Д. 11. Л.11]

В нижнем течении долины реки База стояло средневековое изваяние, известное у хакасов под названием «хам атхан кюзее» – истукан, шаманом застреленный. У фигуры была отбита голова, но на тыльной стороне видна опускающаяся на спину часть головного убора или толстый конец косы. Высота сохранившейся части 109 см. В обеих руках изваяния, согнутых в локте, находился небольшой узкогорлый сосуд с отогнутым венчиком. Ниже локтей туловище сужается к талии, затем расширяется к бедрам, что производит впечатление сидящей фигуры. [Грязнов, с. 151.]

По хонгорским представлениям, изваяние «хам атхан кюзее» изображало местную шаманку, застреленную тувинским камом. Проезжающие мимо путники кормили обезглавленную фигуру снедью и окропляли вином. [Бутанаев, 2003, с. 198] В 1953 г. археолог А. Н. Липский вывез почитаемую скульптуру в музей. Ныне изваяние «хам-атхан» на-

ходится в выставочном зале Хакасского национального краеведческого музея (ХНКМ. № 314/20).

В долине реки Ниня находилось средневековое изваяние «хыргыз иней тас» или «хыргыз иней» – т. е. кыргызская праматерь. Этой каменной статуе ежегодно совершали жертвоприношение представители рода кыргыз, проживавшие по р. Ниня и Уйбат. Каменная фигура «хыргыз иней» (высота 70 см., ширина 27 см.) располагалась на специальном пьедестале в нише горы «Иней таг». Ниша была в виде круглой юрты, обращённой взором на юг. Изваяние «хыргыз иней» сидело, поджав ноги по-турецки, и держало в руках сосуд с округлым туловом. Лицо статуи, как утверждали информаторы, носило явно выраженные монголоидные черты. Однако, в середине XIX века один священник отбил у каменной старухи голову, и она пропала. [Попов, 1872, с. 57] Изваяние «хыргыз иней» являлось изображением праматери кыргызов, от которой зависела судьба потомков. При всеобщем благоденствии статуя пребывала в спокойном состоянии. Но если роду кыргыз грозило несчастье, то она поворачивалась в сторону ожидаемого ненастья. Если кто-то из рода должен был погибнуть, то идол падал навзничь на спину.

Согласно мнению исследователей, стиль изображения позы полусогнутых ног, переkreщивающихся на уровне колена, в традиционном культовом искусстве означало позу служителей культа, исполняющего функции посредника между мирами. Ниже изображения фигуры находится сцена ритуальной охоты, где охотник, вооружённый луком, стреляет в оленя. Ниже перед оленем изображена собака, помогающая хозяину. Выше, справа от охотника, находится голова тотемного зверя, похожего на снежного барса. Над ней имеется ритуальная чаша. [Августовский, 2016, с. 186-188.] Снежный барс являлся тотемным животным кыргызов. Отсюда следует, что памятник принадлежал кыргызам.

Жертвоприношение кыргызской праматери совершали на новолуние, в июле месяце. Ответственными за его проведение назначались главы аальных общин, представлявших сеок кыргыз. Выбранный глава «тёс пазы» отвечал за праздник жертвоприношения «тайыг» в течение трёх лет, а затем опять выбирался по очереди следующий. Накануне моления кыргызской праматери глава «тёс пазы» и его заместитель готовили ритуальную араку и яства у себя дома в юртах.

Утром все представители рода кыргыз отправлялись на моление. Истукану на заклание приносили девять белых барашков с чёрной головой. Животных забивали ритуальным способом «озеп», вспарывая грудную полость и разрывая аорту около сердца. Ответственные разжигали два костра и варили мясо каждый в своём казане. Для участников моления готовая пища раскладывалась на «зелёном столе» (салаачы), сплетённом из ветвей берёзы. На каменном столике перед фигурой кыргызской праматери «хыргыз иней», раскладывали ритуальные приношения: семь бочонков никем непробованной араки, семь кусков жертвенного мяса, семь хакасских сыров и семь рыб – хариусов. Голову истукана повязывали красным платком, а губы смазывали жирной пищей.

Почтенный чтец благословений «алгысчыл», руководивший молением, обряжался в белый костюм, надевал специальную девичью шапочку «сахпа» с прикрепленными на макушке зелёными лентами. Возможно, это означало, что он готовится вступить в брак с духами – хозяевами изваяний, для чего и требовался подвенечный наряд. Остальные мужчины головные уборы снимали. Женщины молились поодаль, накрыв плечи и голову

красными платками. Незамужние девушки из рода кыргызы могли находиться рядом со своим родовым кумиром. Молитвы кыргызской праматери начинались с просьбой дарования счастья роду кыргызы и заканчивались настоятельными требованиями обеспечить приплод скота. Благодарили духов – хозяев почитаемой горы «Иней таг». Каждый, кто приносил на заклятие овец, получал от окаменевшей прародительницы искомое счастье и ему гарантировались приумножение богатства, семейное благополучие и рост поголовья скота. Благодаря покровительству своего кумира род кыргызы жил богато и счастливо. [Бутанаев, 2003, с. 244-245] В 1900 г. изваяние было выкопано и увезено в Минусинский музей. Ныне скульптура «кыргыз иней тас» находится в галерее Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова (Р. Н. № 39).

В Июсских степях Хонгорая великим почтением пользовалась средневековая статуя «хозан хыс» – букв. заяц-девушка. Мифы рассказывали, что это окаменевшая принцесса Бурутского хана, душа которой превратилась в зайца.

На юге, за Тувой, находилась Бурутская земля (Северо-Западная Монголия). Согласно мифам, в древние времена хонгорский бег Ир-Тохчын отправился к Бурутскому хану сватать его дочь за своего сына. Добившись согласия, они верхом на конях стали возвращаться в Хонгорай. Бурутский хан в приданое дочери подарил солового коня.

Перевалив Саянские горы, они спустились в долину Абакана, а затем отправились к северным владениям. Когда достигли Июсских степей Хонгорая, бурутскую деву во сне стали преследовать духи земли её отца в образе зайца. Невеста заболела и попросила Ир-Тохчина совершить обряд жертвоприношения, чтобы вернуть духов на родину. Рассерженный Ир-Тохчин отказал, и тогда бурутская дева, потеряв сознание, превратилась в каменное изваяние «хозан хыс», а её душа – в зайца.

Она, проклиная народ Ир-Тохчина, сумела промолвить: «Мой окаменевший образ оживёт в последний день мира. Я сама приду, когда чёрные концы шей белого зайца станут белоснежными! С этого времени пусть ваш род называется бурутами. Боясь белых зайцев, вы поставите идолом изображение зайца «хозан тёсь», а солового коня, пришедшего из земли моего отца, будете держать в качестве конного ызыха!».

С тех пор потомки Ир Тохчина получили имя рода «бурут» и поклоняются бурутскому изваянию «хозан хыс». Их освящаемым конём «ызыхом» стал соловый конь, подаренный бурутским ханом. Через каждые три года буруты заячьему идолу «хозан тёсь», поставив солового ызыха, делали жертвоприношение, благословляя: «ты пришла из именитых бурутов, ты превратилась в белого зайца».

Согласно описанию Д. Г. Мессершмидта, в 1722 г. обелиск «хозан хыс» высотой около 170 см. был вырублен из красного камня. Он стоял в местности «Кол ойым» повернутым лицом на юг, недалеко от горы Хызыл-хая, на правом берегу р. Чёрный Июс. В правой руке идол держал чайную чашку, левой ухватился за полу сюртука. «Вокруг туловища он был опоясан, на поясе висели с двух сторон мешочки как кошелёчки, ... Голова покрыта как бы чепцом, из-под которого видны уши.... Усы были похожи как у поляков, а борода на подбородке была довольно длинная и густая, так что можно было видеть, что статуя не женская, а мужская, ... Кочующие татары очень чтят эту статую, и они никогда не упускают возможность, вследствие своих суеверий, приносить к ней в качестве жертвоприноше-

ний съестные припасы: мясо, коренья и тому подобное, рот был намазан маслом и блестел на солнце, как будто покрытый лаком». [Мессершмидт, с. 110]

В XIX в. исследователи так описывали этот идол: «Истукан из красного песчаника на правом берегу Чёрного Июса, в двух верстах от реки, против юрт Емандыковых. Эта статуя – бюст, имеет длинное плоское лицо с усами и плоским носом, на голове нечто вроде шапки; лоб с боков сильно сжат. Голова не соединена с туловищем, но приставлена и может быть по произволу отнята. На теле пояс, по замечанию Гмелина, братской (бурятской) работы, а на поясе как бы сабля и два или кошелька (кисета), или бляхи. Заметны ещё руки: левая придерживает оружие, а правая – сосуд». [Попов, 1872, с.58]

Изваянию проводили ежегодные общественные жертвоприношения. Во время моления на голову «хозан хыс» повязывали красный платок, а талию опоясывали красным шелковым кушаком. Все собравшиеся кланялись, а руководитель «алгысчыл» окроплял истукана молоком, айраном и аракой. Перед ним раскладывали продукты, хлеб и горячее мясо. Руководитель моления «алгысчыл» просил покровительства у «хозан хыс», дабы дети хонгорского народа были здоровыми, а скот умножался. Она оберегала не только сеок «бурут», но и всех жителей долины Чёрного Июса. Мимо идола нельзя было проходить «в пустую». Находясь рядом с изваянием, его кормили, обмазывая рот жирной пищей – маслом, сметаной, окропляли вином и табаком.

К сожалению, судьба каменного памятника «хозан хыс» оказалась печальной. Однажды некий крещёный хакас по фамилии Итеменев из аала Кожакоев решил надругаться над святыней. Он отбил у истукана голову и привез её к себе домой. Ночью он услышал в юрте плач женщины и, испугавшись, отвез голову «хозан хыс» обратно. Долгое время статуя стояла без головы, а потому прежней силы у неё не стало. Отбитая голова изваяния была приставлена к туловищу.

Окончательно памятник был разрушен шаманистами. Известный кызыльский шаман Аралай-кам решил привезти к идолу «хозан хыс» своего больного сына. Несмотря на моления и жертвы, сын умер. Тогда разгневанный Аралай-кам полностью разбил истукана [Бутанаев, 2003, с. 198–199].

На левом берегу реки Белый Июс, недалеко от аала Батанакоев (Криш аалы), в местности «Хоорай кош азии» (букв. перевал Хонгорайских кочевий) между гор Хызыл-хас и Солбан, среди курганов находились два парных изваяния: «тас оол обаа» – т. е. каменный обелиск парня или «ир сомы Халдама тас» – т. е. мужское изображение каменного хана Халдама и «тас хыс обаа» – т.е. каменный обелиск девушки или «хыс сомы Хан Арыг тас» – т.е. девичье изображение каменной Хан Арыг. В XIX в. исследователи отмечали: «По Белому Июсу в степи, недалеко от дороги близ улуса Батанакоев находится камень в 2 аршина, 9 вершков вышины. Посреди него изображены голова, нос, рот, руки. Недалеко от него находится (второй) небольшой камень с такими же изображениями». [Попов, 1872, с. 59] По сведениям наших информаторов в советское время в борьбе за атеизм эти два памятника повалили трактором, а затем разбили, и оставшиеся плиты сбросили в воды Чёрного озера (Хараколь).

Согласно народным легендам, окаменевший Халдама являлся сыном бывшего правителя Хонгорая по имени Салархан. По наговору его мачехи, второй жены Салархана, могучего претендента на престол бросили в темницу. Во время нашествия монголов

Халдаму, обладавшего богатырской силой, выпустили на войну с врагом. Освободив свою родину, Халдама дал зарок не возвращаться в правительственную ставку Салархана. Он, вместе со своей женой Хан Арыг, вышли в местность «Хоорай кош азии» и на берегу Белого Июса превратились в каменные изваяния. [Хакас чоны..., 1990, с. 42-59; Бутанаев, 1995, с. 175, 193]

В долине реки Туим в местности «обаалыг озен» когда-то стояла каменная статуя, под названием «Баян-хыс». Она являлась окаменевшей легендарной девой, давшей названия горам и озёрам Июсских степей. Баян-хыс считалась прародительницей рода «соххы».

В древние времена главой народа Июсских степей был Барс-бег. Согласно мифам, богатырская дева Баян-хыс была единственной дочерью Барс-бега, ставка которого находилась в долине Туима. Барс-бег являлся главой народа, живущего в Июсской степи, и хозяином пасущегося там скота. Его несметные табуны состояли из сказочных скакунов – «аранчула», пестро-барсовой масти. После смерти Барс-бега вместо него стала править народом богатырская дева Баян-Хыс.

На северных отрогах Кузнецкого Алатау по реке Кия проживали калмаки. Среди них славился удалой конокрад Хулатай. Однажды калмаки во главе с Хулатаем проникли в Июсские степи и украли табун барсово-пятнистых лошадей Хонгорая. Дева Баян-Хыс вместе со своими пастухами бросилась в погоню. Стояла жара, и, чтобы облегчить дыхание, Баян-Хыс растянула ворот своей кольчуги. Этим воспользовался Хулатай, поджидавший в засаде преследователей. Он пробил стрелой грудь богатырской девы. Падающую Баян-Хыс подхватили под руки телохранители и повезли назад. Когда богатырская дева достигла берегов реки Туим, силы её покинули. Под горой Оксис-тигей на Туиме она скончалась и превратилась в каменное изваяние, которое стали называть «баян-хыс». Представители рода «соххы» считали её своей праmaterью. В ранние времена они совершали жертвоприношение богатырской деве Баян-хыс, ездившей на барсово-пёстром коне. Почитая её, проходящие люди окропляли изваяние вином и кормили своей снедью. [Бутанаев, 2020, с. 18]

Это туимское изваяние, как сообщалось в литературе, «за три года до посещения его местонахождения Миллером было перевезено в Красноярск, причём голова дорогой отломилась и утрачена. По словам Миллера, видевшего памятник в Красноярске, он «изображал мужскую фигуру, которая как «хозан-хыс» в правой руке держит перед грудью горшочек, а левой придерживает саблю». [Грязнов, с. 150] В Красноярске статуя была потеряна и случайно обнаружена только через двести лет в конце 1970-х гг., при ремонтных работах церкви по ул. Мира. Ныне изваяние «Баян-хыс» находится в Красноярском краеведческом музее.

Средневековый памятник под названием «алып кюзее» (т.е. богатырский истукан) находился в долине Абакана в двух километрах от устья р. Есь. Он был высечен из песчаниковой плиты высотой около двух метров. Изваяние «алып-кюзее» имело узкое лицо, в руках, прижатых к груди, держался сосуд, на поясе виднелась сабля. [Попов, 1871, с. 59] Этот памятник во второй половине XIX в. пропал, вероятно, был уничтожен.

Недалеко от него, также на левом берегу Абакана, между селами Усть-Есь и Аскиз упоминались два средневековых изваяния, известные по публикациям как: «кижи-таш»

(каменный человек) и «улул хыс-таш» (каменная большая дева), в виде четырёхгранных песчаниковых столбов.

На лицевой стороне «кижи-таша» имелось изображение верхней части фигуры мужчины, державшего в обеих руках сосуд. На правой стороне грани был высечен лук в натянутом виде с наложенной на него стрелой, ниже находился всадник на коне с копьём в руках, на конце которого развевался трёхконечный флаг. Подобные копья с трёхконечными флагами известны на кыргызских писаницах. На левой стороне третьей грани также изображалось копьё с трёхконечным флагом.

Второе изваяние «улул хыс-таш» по данным наших информаторов называлось также хакасами «сыын-кюзее» – маралий истукан, т. е. оленный камень. Он раньше стоял на небольшом перевале горы «Кюзеетаг», расположенной между реками Тёя и Есь. На фронтальной части изображалась фигура человека, держащего в руках сосуд. На левой грани проходила вереница из шести одногорбых верблюдов (отождествляемая хакасами с маралами). Для нанесения рисунков использованы три грани, за исключением задней. На боковых гранях мелкие фигуры не связаны с главным фронтальным изображением. По технике изображения, как отмечал М. П. Грязнов, «кижи-таш» и «улул хыс-таш» напоминали известные «оленные камни» Монголии. Они в XIX в. долгое время находились на территории села Аскиз, но ныне судьба этих памятников не известна. [Грязнов, с. 145-148]

По хакасскому обычаю, проходя мимо изваяний, обязательно повязывали красные флажки «чалама», маслом, салом или сметаной смазывали уста, лучшую пищу клали у ног, делали возлияние аракой или табаком. Этим хонгорцы выражают уважение далёким предкам, которые должны помогать своим потомкам. При жертвоприношениях головы идолов повязывались красными платками, а поясицы подпоясывались красными кушаками. Возможно, красный цвет означал кровь. И люди думали, что таким образом вдохнут в них жизнь.

В VIII – X в. в. н. э. древнетюркские государства Центральной Азии пользовались своей рунической письменностью, которая находилась на службе государственного делопроизводства Тюркского, Уйгурского, Тюркешского и Кыргызского каганатов. Кыргызские правители, отправляя своих послов в Китай или Тибет, вручали им свои верительные грамоты и письма. В Китае имелся штат специальных переводчиков древнетюркского письма.

Хонгорай хранит в своей земле значительное количество памятников камнерезного искусства рунического письма, представляя своеобразный очаг древнетюркской руники. Именно здесь они впервые были открыты. В 1721-1722 гг. участник первой академической экспедиции в Сибирь Д. Г. Мессершмидт обнаружил в долине р. Уйбат неизвестные ранее надписи на каменных стелах. Он назвал их «руническими», по сходству со скандинавскими рунами. [Кормушин, с. 13]

В начале VIII в. н.э. у кыргызов существовал обычай устанавливать после смерти государственного деятеля его изваяние. Делались намогильное надгробие в виде горных баранов «хосхартас» и памятная эпитафия с описанием его заслуг. В долине Енисея, между реками Ерба и Тесь, недалеко от дер. Знаменка, у распадка «Богатырский лог» находилось изваяние «алып обаа». В научной литературе оно известно под названием «тесинский богатырь». Согласно воспоминаниям наших информаторов из бывшего аала Усть-Кокса, скульптура «алып обаа» стояла на невысокой горе «Инек асчан таг» (по-русски «Корова»),

которая тянется от дер. Троицкой до дер. Усть-Ерба, в местности «Обаалыг пил» (седловина с каменным истуканом) по реке Тесь. Изваяние из серого песчаника (высота 170 см, ширина туловища 55 см, ширина головы 43 см) представляло мужскую фигуру с усами и бородой. В обеих руках статуи «алып обаа» держался сосуд. С тыльной стороны головы свисала коса. [Грязнов, с. 150-151; Васильев, 1983, с. 28]

По спинной части изваяния «алып обаа» вертикально была вырезана трёхстрочная надпись кыргызским руническим письмом. Надпись гласила:

Транскрипция

1. ben öltüm türgiş ben çeng beg ben bıçığ.
2. Altı otuz yaşım ertı.
3. Kara kan içregi ben ezgene.

Перевод:

1. Я умер. Я – тюргеш. Я – Ченг бег. (Это моя) надпись.
2. Я был на тридцать шестом году своей жизни.
3. Я придворный служитель Кара-хана, я – Эзгене.

[Айдын. 2011. С. 11; Малов. 1952. С. 67]

Исходя из содержания данной исторической надписи памятника становится ясным, что скульптура принадлежала тюргешскому князю Ченгбегу. Тюргешы были юго-западными соседями кыргызов. Тюргешский каганат (704-756 гг.) находился в Чуйской долине на севере современного Кыргызстана и доходил до верховьев Иртыша к западу от Саяно-Алтая. В начале VIII в. н. э. тюргешы выступали союзниками кыргызов против тюрков Восточно-Тюркского каганата. Зафиксированное в памятнике имя тюргешского князя Ченгбег можно отождествить с Чжэном, младшим братом Согэ кагана, главой тюргешей. В обиде на Согэ кагана, Чжен перешёл на службу к правителям Восточно-Тюркского каганата. По всей видимости под выражением «придворный служитель Кара хана» надо понимать Капаган кагана, главу Восточно-Тюркского каганата. В результате успешных военных походов тюрков в 711 году военная коалиция кыргызов и тюргешей была разгромлена. Капаган каган в 711 г. казнил Чжэна как изменника. [Бартольд, с. 484; Кляшторный, 2003, с. 185; Гумилёв, с. 302] Расплата с опальным тюргешским князем Ченгбегом произошла на территории покоренного Кыргызского государства. Памятник ему ныне хранится в Минусинском краеведческом музее. (МКМ. № 59)

По всей видимости, Ченг-бег происходил из племени «эзгене». Можно отождествить название эзгене с созвучным именем племени «адигине», среди современных киргизов Тянь-Шаня. [Абрамзон, с. 63] Возможно «эдигине» происходят от древних тюргешей из Чуйской долины.

В 1963 г. в долине р. Уйбат, недалеко от устья реки Ниня, на невысоком холме, был обнаружен лежащий памятник кыргызской письменности, привезённый и установленный археологом А. Н. Липским в Хакасском краеведческом музее. С двух плоских сторон песчаниковой плиты (длина 2,6 м, ширина 0,6 м, толщина 0,18 м) в три строки был нанесён текст. Знаки вырезаны, затем протёрты и представляют глубокие желобчатые линии. Одна сторона плиты была обращена кверху, и поэтому на ней надпись плохо сохранилась, некоторые знаки полностью стёрлись. Согласно существующей регистрации, надпись считается седьмым памятником с р. Уйбат. Впервые его перевод был сделан В. Я. Бутанаевым

в 1973 г. Содержание представляет большой интерес для изучения событий средневековой истории Центральной Азии и раскрывает новые страницы о происхождении современных тюрков Саяно-Алтая. В своей книге проф. И. В. Кормушин предложил новое чтение данного памятника. [Кормушин, с. 117-123] Не отрицая возможность новой трактовки и, принимая многие верные поправки текста этим учёным, мы всё же оставляем за собой право нашего чтения и перевода седьмого (по И. Кормушину – шестого) памятника Кыргызской письменности с р. Уйбат. Вырезанные строки рунической надписи читаются нами следующим образом:

Транскрипция

1. [erdem] er qunçuyun qazğandınız, bökmediniz beg erkime beg;
2. bunğ bunğa adırıldınğız, açığa qırq erig qanğsız qıld [ıñğız];
3. Uığur qan ilin alduqta azığlığ tonguz teg Tirig beg siz;
4. alıç bars Tirig beğim yıta erdemim size;
5. [Tüpütke] elçisi ertım şab kök Tırığ beğe;
6. [Er] ölürtüm kök böri qaramağ bağın ölürtüm;

Перевод

1. [Доблестный] муж! Вы приобрели (много) принцесс, (но) не насладились княжеской властью, о бег!
2. Тысяча печалей! Вы отделились (от нас), о горе! Сорок мужей-воинов Вы оставили (букв. сделали) без отца!
3. При взятии государства Уйгурского хана, Вы Тириг-бег (были) словно клыкастый дикий вепрь!
4. ...мой почитаемый барс Тириг бег! Увы! моя мужская доблесть Вам (принадлежит)!
5. Я был послан [в Тибет], слава божественному Тириг-бегу!
6. Я убивал [вражеских мужей-воинов], я уничтожил подразделения [многочисленной] стаи серых волков!». [Кормушин, с. 12.; Бутанаев, 2000, с. 123, рис. 44]

Переходя к исторической интерпретации памятника, необходимо выделить следующие важные факты. Эпитафия посвящена доблестному правителю Тириг-бегу, тотемным животным которого являлся барс. В таком случае, повествование идет о кыргызском вожде, ибо барс считался тотемом кыргызов. В памятниках кыргызской письменности встречаются подобные обозначения, такие как, например, «Сильный Барс». Имена героев под названием «тириг» – букв. живой (т.е. вечный), неоднократно упоминаются в енисейских текстах. Например – Учин Кулюг Тириг, Кюни Тириг и др. [Малов, 1952, с. 39, 110, 112].

Уйбатская эпитафия повествует о самом важном событии в политической жизни енисейских кыргызов, связанном с сокрушительным разгромом в 840 году вражеского Уйгурского каганата. При победной битве над уйгурским ханом Тириг-бег проявил большую доблесть, образ которого отождествляется с «клыкастым диким вепрем». В первых наших переводах повествование этого памятника об уйгурском хане ошибочно читалось нами как «курыканы». [Бутанаев, 1973, с. 150-152] В данном случае поправки И. Кормушина оказались более верными и были нами учтены.

Сам Тириг-бег, исходя из контекста памятника, возглавлял гвардию из сорока эровбатыров, для которых он являлся «родным отцом». Вероятно, он возглавил военный поход

против уйгурского кагана и в свирепой битве покорил бывших соседей – кыргызов, обитавших на территории Монголии.

В таком случае, правителя «Тириг-бега» можно отождествить с первым главою Кыргызского каганата, известным по китайским источникам под именем «Ажо».

Период IX–X в.в. н. э. занимает особое место в истории енисейских кыргызов. Крупный российский востоковед, академик В. В. Бартольд справедливо назвал данную эпоху «кыргызским великодержавием». Этот период был подлинно звездным часом кыргызской истории. В результате победоносной войны кыргызы смогли разгромить своих южных врагов, уйгуров, подчинить другие кочевые племена Центральной Азии и создать могущественную кочевую державу – Кыргызский каганат.

В 820 г. кыргызский правитель Ажо объявил себя каганом, свою мать, тюргешскую принцессу, вдовствующей ханьшею, а свою жену, дочь карлукского ябгу – ханьшею. [Бичурин, с. 355]

Одновременно с кыргызами войну против уйгуров вели тибетцы. Вероятно, их действия были согласованными, поскольку кыргызы могли совершать посольства в Тибет, маршрут которых пролегал через земли дружественного карлукского государства, правитель которого являлся тестем Тириг-бега – Ажо. Согласно уйбатскому памятнику, Тириг-бег совершил посольскую миссию к тибетскому правителю. Тибетцы поддерживали дипломатические связи с кыргызами. «Сие государство было всегда в дружеских связях с Даши, Туфанию и Гэлолу, но туфаныцы при сообщении с Хягасом боялись грабежей со стороны хойху; почему брали провожатых из Гэлолу». [Бичурин, с. 355]

Вероятно, с Кыргызским каганатом Тибет заключил мирный договор и, в связи с этим, воинственные кыргызы разгромили их врагов. В уйбатском памятнике указывается, что Тириг-бег «уничтожил подразделения (многочисленной) стаи серых волков». Вполне возможно, что в данном тексте говорится об уничтожении вражеских воинов Восточно-Тюркского и Уйгурского каганатов.

Первый правитель Кыргызского каганата умер в 847 году. За свои доблестные заслуги он получил от императора Китая титул Цзун-ин Хюн-Ву Чен-мин-хан. [Бичурин, с. 357]

Захоронен Тириг-бег в Уйбатской степи недалеко от устья реки Ниня, где были обнаружены остатки посвящённого ему культово-мемориального комплекса, который первоначально состоял из самой могилы, памятника с рунической надписью и надмогильного сооружения. Согласно кыргызским традициям, на могилах знатных полководцев, отличившихся в боях, устанавливались каменные изваяния дикого горного барана или кочкара (архар). В тюркских языках горный баран «кочкар» отождествлялся с вожаком стаи, предводителем племени. [КРС, с. 410].

Зооморфный надгробный памятник, высеченный из камня, находился в долине реки Ниня, у истоков реки Камышта (Уюк ахсы). Хакасское население называло надгробие «хосхартас», т.е. каменный горный баран. Изваяние представляло высеченную песчаниковую фигуру архары, стоявшего на пьедестале на небольшом перевале «Хосхар биль». [Бутанаев, 1995, с. 178] Голова скульптуры «хосхартас» имела сильно закрученные рога, высота изображённого стана равнялась одному метру, окружность всей фигуры составляла два метра. Ныне изваяние «хосхартас» хранится в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартынова. (МКМ. А. С. № 37).

Зооморфный скульптурный памятник «хосхартас» почитался сагайским родом «читы-бююр» (букв. семь волков). Представители этого рода ежегодно совершали ему жертвоприношения «хосхартас тайыг». [Бутанаев, 1995, с. 178] Вполне вероятно, что род «читы-бююр» относится к потомкам великого кыргызского кагана Тириг-бега.

Среди памятников кыргызской письменности большой интерес представляют две стелы, найденные в 1878 г. около озера Алтын-кель Бейского района Хакасии. Они находились в 10,5 км. от д. Иудино (ныне Бондарево) по реке Сос и в 4 км от указанного озера, вблизи кыргызских курганов, которых насчитывалось от пяти до шести. Памятники письменности из серого песчаника (длина 138 см и 195 см) располагались в 8 м друг от друга. Верхними, обработанными концами они лежали в сторону востока. Лицевая плоскость имела круговую надпись из двух строчек, разделённых чертою. Камни были подернуты тонким слоем почвы, кромки которых выходили наружу. [Боголюбский, с. 19-20] Ныне указанные стелы хранятся в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартянова. (МКМ. № 69)

В памятниках Алтын-кёля повествуется о герое, именуемым Барс, происходившем из ханского рода и бывшим послом в Тибет. Герой эпитафии пал в неравном бою с многочисленными врагами в золотой черни Сонга. По мнению С. Г. Кляшторного, стелы Золотого озера поставлены в честь первого кыргызского кагана Барс-бега, погибшего в 711 г. в битве с тюрками Восточно-Тюркского каганата. [Кляшторный, 1976, с. 258-267] По всей вероятности, под «Золотой чернью Сонга» надо понимать сосновые боры долины р. Сос, где находится озеро Алтын-кель (т. е. золотое озеро). Не исключено предположение, что топоним «Сос» (в хакасском произношении «Соос») представляет собой стяженную форму от первоначального «Сонга (с)». [Очерки..., с. 153]

Стелы находились среди камней кыргызского чаатаса, называвшимися хакасами (бельтырами и сагайцами) «мойартас» или «мойас-сеок». Древнее слово «мойар» (мойас), вероятно, обозначало священное место. По всей видимости, средневековый могильник со стелами «мойартас» представлял священное, почитаемое погребение.

Вполне возможно, что герою Барс-бегу рядом с могилой был сооружен культово-мемориальный комплекс «мойартас», включавший эпитафию и каменное надгробное изваяние, как и кагану Тириг-бегу. Недалеко от этого чаатаса было найдено на берегу Абакана изваяние из серого песчаника. Ныне этот памятник находится в музее аала Усть-Сос.

Согласно историческим преданиям, четырёхгранные эпитафии озера Алтын-кель принадлежали легендарному герою Ах-Кобеку. Каменные стелы якобы представляли кремневые камни от его огнива «Ах-Кобек отых тас». Великий хан Ах-Кобек жил в устье реки Сос. Он был главою населения долины Абакана. Ах-Кобек погиб в борьбе за власть с сильным противником Котенханом. Место его гибели находится на горе «Ах Кобек» в верхнем течении реки Сос. Ах-Кобек считается последним богатырём тюрков Хонгорая. [Хакас чон..., с. 60]

Не исключена возможность, что герой стел Золотого озера (Алтын-кель) явился прототипом хакасского фольклорного персонажа Ах Кобека.

Имя Ах Кобек восходит к тотемному животному, так же как и имя Барс-бега. Слово «кобек» в тюркских языках значит «собака», «волк». [ДТС, с. 317]

В Уйбатской степи Хонгорая известна одна небольшая руническая надпись, состоящая

из четырёх строк, выбитая на каменной плите кургана «Узун-обаа». Ныне она считается девятой надписью с реки Уйбат.

Высокий авторитет в российской тюркологии проф. С. Г. Кляшторный предложил своё чтение. Согласно его трактовке, текст памятника звучит следующим образом:

Транскрипция.

1. tatar ıg eli
2. ueg üçün berür.
3. 4. ekimiz külür.

Перевод:

1. Татарский враждебный эль
2. ради (своего) блага выплачивает (дань, откуп).
3. 4. мы оба (этому) радуемся.

В данном случае слово «татар» понимается как исторический этноним восточных соседей древнетюркских народов. По исторической интерпретации С. Г. Кляшторного татары в начале IX в. являлись союзниками уйгуров. Поэтому враждебные действия кыргызов против «татарского эля» можно отнести к IX в., т. е. к периоду уйгуро-кыргызских войн в Центральной Азии и последующих кыргызских походов в Восточный Туркестан.

Поддерживая мнение проф. С. Г. Кляшторного в отношении значения слова «татар», мы, в свою очередь, предлагаем следующее значение указанного текста памятника:

Транскрипция.

1. tatar uıǵı eli
2. iğeçin berür.
3. 4. ekimiz külür.

Перевод:

1. татарский плачущий народ
2. своих сестёр отдаёт.
3. 4. наши младшие братья (получая в награду женщин) радуются (этому).

До сих пор во многих тюркских языках, и в хакасском в том числе, среди родственной терминологии имеются слова «игечи» – старшая сестра (мужа или жены) и «ике» – младший брат. [БХРИЭС, с. 31]

В связи с указанной терминологией, мы готовы предложить следующую историческую интерпретацию. В древнетюркских надписях татарами обозначались монгольские племена. Например, в 750 г. уйгурский каган Моюн-чур двинул своё войско на восток, где «татар... призвал к ответу». [Малов, 1959, с. 40] В китайской политической и исторической традиции, начиная с Сунского времени (X в. н. э.), также преобладало наименование монголов татарами (да-да). После разгрома Уйгурского каганата и захвата территории Центральной Азии, в 840 г., кыргызы столкнулись с монголоязычными татарами. Вероятно, в период своего «великодержавия» кыргызы, разгромив враждебных татар, захватили в качестве трофеев их женщин, мужа которых пали в бою. По обычаю, татарские рабыни стали достоянием кыргызских мужчин. Вероятно, такое знаменательное событие и отражает девятая надпись с реки Уйбат. [Очерки..., с. 155-156]

Итак, всего по нашим подсчётам в степях Хонгорая отмечено тринадцать скульптурных

изваяний, которые, в основном, были сооружены во времена кыргызского каганата в VIII – X в. н. э. Все они имели свои легенды и имена у тюрков Хонгорая.

К сожалению, многие из них (семь из тринадцати), не дошли целыми до нашего времени, некоторые были уничтожены служителями православной церкви. В музеях их сохранилось незначительное количество (3 экземпляра в Хакасском и 3 изваяния в Минусинском).

По количеству созданных каменных статуй древнетюркской эпохи территория Хонгорая уступает другим местам Центральной Азии. Например, в соседней Туве насчитывается 58 изваяний (кроме того, по одному памятнику в Минусинском и в Хакасском музеях), на территории Семиречья, Южного Казахстана и Тянь-Шаня, где когда-то располагался Тюркешский каганат, учтено 145 каменных скульптур. [Грач, с. 53; Шер, с. 125]

Несмотря на такое большое количество древнетюркских каменных изваяний на территории Тувы, Казахстана и Тянь-Шаня, нигде на них нет следов рунических надписей. Только на скульптурах Хонгорая имеются мемуарные записи, определяющие подвиги знаменитых героев.

Кыргызские руны, при правильном их чтении, помогают раскрыть тайны истории государства южно-сибирских номадов. Правящим классом военно-политической системы кыргызов являлись беги, которым и посвящены эпитафийные надписи. Их княжеская власть держалась на военной силе дружин, состоявших из потомственного сословия багыров и рядовых воинов-эров. Беги служили своему небесному элю (государству), главой которого был каган. Воспевание в текстах «земного рода барс» связано, как склонны думать учёные, с тотемом кыргызов, который, можно предположить, употреблялся вместо их этнонима. По данным памятников рунического письма, Кыргызское государство активно выступало на политической арене Центральной Азии. Кыргызы вели дипломатические сношения с Китаем и Тибетом, выступали союзниками Тюркешского каганата, воевали и подчинили уйгуров, враждебных татар и т. д. В результате нашего исследования выяснено историческое имя основателя Кыргызского каганата, «почитаемого барса» Тириг-бега, известного по китайским источникам как «Ажо».

Библиографический список:

1. Абрамзон С. М. Этнический состав киргизского населения северной Киргизии. // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 4. М., 1960. С. 3-137.
2. Августовский А. И. Святые горы Иней тас на левобережье реки Ниня. // Сборник материалов V межрегиональных краеведческих чтений, посвящённых Л. Р. Кызласову. 19 – 20 ноября 2015 года. Абакан, 2016. С. 183-192.
3. Августовский А. И. Древнее искусство наскальных изображений джойского типа и орнаментальная культура хакасов. Абакан, 2020.
4. Айдын Эрхан. Заметки по поводу названий тюркских племён, встречающихся в енисейских памятниках. // Эпиграфика Востока. XXIX. М., 2011. С. 3-13.
5. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк. // Сочинения. Т. 2. ч. 1. М., 1963. С. 473-547.
6. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.-Л., 1950.
7. Боголюбовский И. Исследования Красноярского и Минусинского округов 1881, 1882 и 1883 годы. СПб., 1890.
8. Бутанаев В. Я. Новая Уйбатская сабра. // Учёные зап. ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1973. вып. 18,

сер. фил. № 2. С. 149-153.

9. Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов XVII– XIX вв. // Материалы к серии «Народы Советского союза». Вып. 3. Хакасы. М., 1990.

10. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995.

11. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. (БХРИЭС) Абакан, 1999.

12. Бутанаев В. Я. Худяков Ю. С. История енисейских кыргызов. Абакан, 2000.

13. Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003.

14. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004.

15. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008.

16. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан, 2010.

17. Бутанаев В. Я. Древнее искусство Саяно-Алтая. Учебное пособие. Абакан, 2020.

18. Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.

19. Васильев Д. Д. Тюркская руническая надпись и тамга стелы могильника Уйтаг. // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Абакан, 2016. № 16. С. 31- 34.

20. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 303. Оп. 1. Д. 11.

21. Государственный архив Республики Хакасии (ЦГАРХ). Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 11. Л. 11

22. Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследования 1953 – 1960 гг. М. 1961.

23. Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами. // СА. XII. М.-Л., 1950. С. 128-156.

24. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М. 1967.

25. Древнетюркский словарь (ДТС). Л., 1969.

26. Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.

27. Киргизско-русский словарь. (КРС). М., 1965.

28. Клеменц Д. А. Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округа. // Известия С. В. отдела РГО. Иркутск, 1889. Т. 20. № 1. С. 46-47.

29. Кляшторный С. Г. Стелы Золотого озера (к датировке енисейских рунических памятников). // Turcologica. К 70-летию акад. А. Н. Кононова. Л., 1976. С. 258-267.

30. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.

31. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.

32. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М. – Л., 1952.

33. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. – Л., 1959.

34. Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск – Абакан – Красноярск. 1721 – 1722. Абакан, 2012.

35. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан, 2008.

36. Попов Н. О каменных бабах Минусинского края. // Известия Сибирского отделения ИРГО. Т. 2. № 2. Иркутск, 1871. С. 57-70.

37. Попов Н. О писаницах Минусинского края. // Известия СО ИРРГО. Т. III. № 5. 1872. С. 274-285.

38. Хакас чонынын кип-чоохтары. Абакан, 1990.

39. Шер. Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М. – Л., 1966.

И. Л. Кызласов,
г. Москва

Енисейские рунические надписи Восточного Туркестана, открытые Дмитрием Александровичем Клеменцем

*(работа выполнена в рамках государственного задания АААА-А18-118011790092-5
«Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методиче-
ские аспекты фундаментального знания и полевых исследований»)*

В XIX в. для европейских и российских путешественников, преследовавших самые разные цели, археологические памятники Восточного Туркестана оставались вызывавшими интерес и описания, но лишь любопытными попутными объектами (подробную историю изучения см. [Литвинский, Терентьев-Катанский 1988]). Принципиально новый интерес к древностям региона, в самом начале XX в. проявившийся в их длительном целенаправленном изучении учёными Пруссии, Британии и Франции, а также Японии, был вызван ошеломительным успехом первой специальной археологической экспедиции Российской академии наук 1898 года.

Она носила разведочный характер, состояла всего из трёх сотрудников, обладала скромными средствами, продолжалась лишь четыре месяца, из которых в самом Турфанском оазисе проработала только два. Но именно она впервые показала наполненность района исключительно ценными объектами средневековой культуры: руинами городов, наземных и пещерных монастырей и храмов, сохранивших великое множество культовых скульптур и многоцветных настенных росписей, а также, благодаря климату, бумажных документов, покрытых разными письменами на уйгурском, китайском, санскрите и иных языках. Полевые описания, планы, рисунки, фотоснимки, эстампажи, дополнялись небольшим числом купленных рукописей, собранных предметов, образцами оригинальных настенных росписей, отражавших разные художественные стилистические манеры [Ольденбург, с. 7–11].

Руководивший той экспедицией Д. А. Клеменц (1848–1914 гг.) – видный революционер-народоволец, отбывший более двух с половиной лет в бастионе Петропавловской крепости, был в 1881 г. сослан в Минусинск, подружился с Н. М. Мартяновым и стал деятельным сотрудником Минусинского музея, своими трудами немало способствовавшим его известности в научном мире. К 1898 г. Дмитрий Александрович был уже опытным путешественником, большим знатоком южносибирских и монгольских древностей, включая памятники рунической эпиграфики, а также и историю их изучения [Попов, с. 43–58]. В Турфанской экспедиции его, как и во всех предшествующих, сопровождала жена Елизавета Николаевна, а также переводчик-востоковед Михаил Степанович Андреев.

Сама же «экспедиция была снабжена фотографическим аппаратом, инструментами для съёмки и для эстампирования надписей» [Ольденбург, с. 1, 2], т. е. отдельной задачей имела поиски письменных памятников, включая эпиграфические.

Текст поныне не изданного рукописного отчёта об экспедиции, хранящийся в архиве Института восточных рукописей (СПб), послужил основой для опубликованной исследователем статьи на немецком [Klements, 1899]. Согласно имеющимся в литературе кратким

выпискам, об условиях эпиграфических находок в отчёте сказано: «В Яр-хото¹, в пещерах без живописи, служивших жилыми помещениями, мы нашли ряды нацарапанных на штукатурке рунообразных надписей. Надписи эти были репродуцированы нами посредством эстампажа» (Клеменц. Краткий перечень. Л. 52; цит. по [Кляшторный, 1992, с. 336, 337; 2003, с. 373], ср.: [Klements, с. 47,]).

В другом отчёте, также оставшемся неизданным, данные конкретнее и могут быть привязаны к определённым объектам: «В шестой и третьей пещерах стены покрыты глиной, и на них среди разной мази, нашли мы рунические надписи. Они сняты [сделаны эстампажи – И. К.], одна из них скопирована от руки» (Клеменц. Описание. Л. 5, рисунок надписи карандашом – Л. 3; цит. по: [Кляшторный, 1992, с. 337; 2003, с. 374]). Первоначально таких надписей было больше, пересказывая текст Д. А. Клеменца, С. Г. Кляшторный пишет, что, кроме того, также и «в пещерах, разрушенных обвалами, были обнаружены обрывки «полностью испорченных рунических надписей» [2003, с. 374]. Поскольку речь идёт о надписях, а не рукописях, можно думать, что слово «обрывки» обозначало здесь части граффити на стенной штукатурке.

«Несмотря на непонятное отсутствие указаний в дневнике, несомненно, что именно ко времени между 9 сентября и 14 относится» это обнаружение рунических надписей на стенах монастырских жилищ [Ольденбург, с. 5]. Всего Д. А. Клеменцем были документально зафиксированы 13 рунических граффити – сделаны 12 эстампажей на ткани и один рисунок карандашом.

Эти материалы были доставлены в Петербург, где сразу же были изучены В. В. Радловым, равно как и все иные письменные памятники, полученные экспедицией. Сопровождая обзорную статью Д. А. Клеменца, тюрколог издал фотоснимки четырёх его эстампажей, лучше прочих воспроизводивших резные строки. Хотя эти надписи «очень короткие, и их расшифровка представляет большие трудности, поскольку стены (на которых их вырезали – И. К.) были в последующем исписаны много раз», маститый учёный предложил их транскрипцию и перевод на немецкий. Особую значимость избранных им репродукций, В. В. Радлов видел в их палеографической, следовательно, и историко-культурной характеристике: они «ясно доказывают, что эти надписи написаны древнетюркским алфавитом, а именно таким, чья форма букв почти идентична надписям с верхнего Енисея» [Radloff, с. 57, 80-82].

В последующее 27 лет, как и по сей день (историю изучения см.: [Erdal, с. 87, 88]), тюркологи довольствовались изданием Радлова. Лишь в 1926 г., присланный великим дешифровщиком рун Вильгельмом Томсеном, его ученик Курт Вульф, привёз своему метру из

¹ Согласно С. Ф. Ольденбургу [1917: 5, 8], в дневниках Д. А. Клеменц пишет о речке Яр, «старом городе на Яре» или «древнем городе на Яре», именует городище тем же именем, что реку: «развалины древнего города – Яр. Его также называют и Идыкут шары, как находящийся около оазиса Туёк». В отдельном примечании, побывавший в Турфане Сергей Фёдорович, оговаривает [1917: 8]: «В дневниках Д. А. всюду правильное название Яр; в книге ([Klements 1899], написание Jar-choto – И.К.) почему-то взято совершенно неизвестное и неупотребительное Яр-хото. Русский аксакал в Турфане <...> Ахрор-хан Тюря говорил нам в 1909 году, что Д. А. почему-то называл город Яр-хото, и что после него некоторые тоже стали употреблять неизвестное до того и неправильное «Яр-хото»».

Однако, это наименование искусственное в отношении местного уйгурского (хото – монгольское слово «город», современная его форма хот [МРС 1957: 543]), вероятно, имело некоторые основания – Н. Я. Бичурин указывает для этих руин позднее монгольское «Чжоха-хота». Так или иначе, но, благодаря изданию 1899 г., именно название Яр-хото стало общепринятым и используется даже отечественными синологами при переводе раннесредневековых китайских источников (см., например, [Малявкин 1974: 90]). Китайское наименование древнего города, известного с I в. до н. э. (Цзянь Ханьшу, гл. 95, № 49), а затем и его городища – Цзяохэчэн (Jiaohé chéng, «Город в сплетении рек, Город в междуречье») [Бичурин, 1950: 206, 207, прим. 1; Крюков, 1988: 291].

Азиатского музея в Петербурге копии оттисков и фотографий всех 13 граффити Яр-хото. В Копенгагене датский тюрколог работал тогда над полным сводом известных памятников степного рунического письма. Но в 1927 г. работа прекратилась – помешала смерть В. Томсена.

Через 45 лет, в 1970-х гг., с коллекцией работал лингвист из Иерусалима М. Эрдал, ещё через 20 лет, после посещения Копенгагена, издавший статью, посвящённую пещерным надписям, открытым Д. А. Клеменцем за сотню лет до этого [Erdal, 1993]. На 12 эстампажах оказалось 11 надписей (два оттиска сошлись в одну строку), для каждой из которых исследователь предложил транслитерацию и транскрипцию, дал английский перевод. Однако, статья современного тюрколога в источниковедческом смысле неполна и потому не расширяет издания В. В. Радлова. В ней, быть может, по условиям публикации или предмета лингвистического интереса, нет воспроизведения самих надписей. Тем самым, нет ни возможности проверить предложенные прочтения, ни наглядно судить о палеографии, оговоренной автором для 7 настенных граффити. Отыскивая аналогии в сводных трудах Д. Д. Васильева [1983; 1983а], М. Эрдал выделил в этих строках 6–7 форм знаков, отличающих енисейские памятники от орхонских [Erdal, с. 90–92].

С приходом XXI в. работа по описанию Фонда Центральной Азии и Сибири в архиве Института восточных рукописей РАН (продолжателя Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, наследника Азиатского музея) охватила и «Коллекцию Клеменца (Турфан)». Согласно сведениям, доброжелательно сообщенным мне занимавшимся этим делом к. и. н. Д. В. Рухлядевым (письма от 27.12.17 и 8.11.20 г.), в ней сохранились все рунологические материалы из Яр-Хото: 12 эстампажей и 1 рисунок. Долго остававшиеся недоступными для исследователей, в 2003 г. они были осмотрены С. Г. Кляшторным (1928–2014 гг.), который собирался заняться ими. Ранее тюрколог писал лишь о четырёх настенных надписях ([1964, с. 52, 53; 2003, с. 43, 44, 365, но: 366; Кляшторный, Лубо-Лесниченко, 1974, с. 47], по крайней мере, с 1992 г. в его публикации вошли сведения архивных рукописей Д. А. Клеменца.

Ныне предстоит изучение и полноценное издание этих редкостных архивных источников, как и отражённых ими подлинников. Дмитрию Владимировичу Рухлядеву известно, что ещё в 2010 г. в пещерах монастыря на р. Яр сохранялись оригиналы этих настенных граффити.

Вывод В. В. Радлова о енисейской алфавитной принадлежности надписей Яр-Хото не раз подтверждался отечественными эпиграфистами. С. Г. Кляшторный, дополняя немногочисленную местную серию находками последующих лет, относил к енисейским письменам все резные надписи, известные из Восточного Туркестана [1992, с. 338; 2003, с. 375; 2010, с. 278]. Ныне к граффити на стенах жилых и храмовых пещер, а также на бронзовом зеркале, следует добавить енисейскую эпитафию, найденную близ древнего Бешбалыка [Кызласов, 2016].

Четыре эстампажа, изданных В. В. Радловым (номера его иллюстраций 26–29 далее обозначают надписи) позволяют видеть употребление характерных енисейских рунических знаков для: **n**², **t**¹, **s**¹/**š**¹ и **m** (строка 26), **s**²/**š**² и **b**² (27), **r**¹ и **m** (28), **s**²/**š**² и **m** (29). Однако, **n**², **b**² или **s**¹/**š**¹ такого облика порознь встречаются и в младшем орхонском письме – как на стелах Уйгурского каганата (Моюн-чора, Тэсинской, Терхинской, Карабалгасун), так

и в рукописях Восточного Туркестана. Обычны для них и формы Яр-хото для рун r^1 и m . Хотя во всём этом следует видеть возрастающее влияние енисейского письма на позднеорхонское, строго говоря, сугубо показательными здесь являются лишь енисейские руны t^1 и $s^2/\text{š}^2$ [Кызласов, 1994, с. 81–83, 92, табл. XXV]. В нашем случае особенно много значит применение всех названных разновидностей букв в сочетании друг с другом.

С. Г. Кляшторный полагал, что «по конфессиональной принадлежности все мелкие надписи созданы в буддийской среде» [1992, с. 338; 2003, с. 375; 2010, с. 278]. Тюркологу не учитывал существование внутри буддийских монастырей манихейских общин. Такое сосуществование не противоречило ни доктрине манихейства, воспринимавшему Будду предшественником Мани, ни факту официального положения этой религии в уйгурских княжествах Восточного Туркестана. Связь енисейской письменности с вероисповеданием Мани, бывшим государственной идеологией Древнехакасского государства, многократно показана [Кызласов, 1999; 2001; Кызласов Л. Р., 1998]. Эпиграфические находки показывают, что в IX–X вв. древние хакасы приезжали в духовные центры Турфана. И надписи Яр-хото не были посетительскими, как считали М. Эрдал [1993, с. 90, 105] и С. Г. Кляшторный (сообщение Д. В. Рухлядева). Пришедшие с Саяно-Алтая манихеи подолгу проживали в монастырях Турфана, углубленно постигая религиозные основы. Судя по обозначенным титулам, среди них были и аристократы (находка в Дуньхуане указывает даже на представителя древнехакасского династийного рода Кыргыз). Нанесённые на стены жилых пещер граффити этих людей отражали их религиозные чувства. И пониматься они должны соответствующим образом (заданный объём публикации не позволяет мне привести поправки прочтений, предложенных предшественниками).

В Яр-хото пещеры с енисейскими надписями окружали центральную, имевшую пять помещений. Такая же была в монастыре близ Туюк-мазара. Эта архитектурная особенность ещё одно доказательство манихейской принадлежности наших надписей. Изложение «доктрин и направлений учений Мани, Будды Света» указывает назначение этих характерных пяти смежных храмовых помещений: одно для священных книг и картин (изображений); одно для поста и объяснений (толкований); одно для поклонения (молитвы) и покаяния; одно для преподавания (обучения) и одно для больных монахов (верующих) (соответственно, даны два близких по терминологии перевода: [Бартольд, 1927, с. 45; 1963, с. 218; Беленицкий, с. 65].

Библиографический список:

1. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – 256 с.
2. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. – М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – Т. II, часть 1. – С. 165–433.
3. Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культуры Согда по материалам пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – С. 8–82.
4. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Т. II. – 335 с.
5. Клеменц Д. А. Краткий перечень главнейших сведений о состоянии культуры в Восточном Туркестане (рукопись) // Архив ИВР РАН. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 126 [см.: Кляшторный 1992: 594; 2003: 512].
6. Васильев Д. Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (Опыт систематизации). – М.: Наука, Главная ред. восточной лит-ры, 1983. – 160 с., вкл.

7. Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука, 1983а. – 127 с.
8. Клеменц Д. А. Описание древних городов и пещер в Турфанской земле в Турфанской земле, сделанные [так! – И.К.] во время путешествия 1898 г. // Архив ИВР РАН. – Ф. 28. Оп. 1. Д. 137 [см. Кляшторный 1992: 594].
9. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.
10. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. – М.: Наука, Глав. редакция восточной литературы, 1992. – С. 326-369.
11. Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. – СПб.: СПбГУ, 2003. – С. 358-413.
12. Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. – 328 с. + 1,5 л. илл.
13. Крюков М. В. Восточный Туркестан в III в. до н. э. – VI н. э. // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. – М.: Наука, Глав. редакция вост. литературы, 1988. – С. 223-296.
14. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература РАН, 1994. – 327 с.
15. Кызласов И. Л. Енисейская эпитафия из Восточного Туркестана // Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем. – СПб; Улан-Батор: [б.и.], 2016. – С. 218-230.
16. Литвинский Б. А., Терентьев-Катанский А. П. История изучения // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. – М.: Наука, Глав. редакция вост. литературы, 1988. – С. 17-82.
17. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII вв. / История и культура Востока Азии. Т. II. – Новосибирск: Наука, 1974. – 210 с.
18. МРС – Монгольско-русский словарь. Ред. А. Лувсандэндэва. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957. – 715 с.
19. Ольденбург С. Ф. Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. – Иркутск: Типография Иркут. товарищества печатных дел, 1917. – Т. 45. Отд. оттиск. – 13 с. (http://www.orientalstudies.ru/rus/index.php?option=com_publications&Itemid=75&pub=7397).
20. Попов И. И. Д. А. Клеменц. Его жизнь и деятельность // Д. А. Клеменц. Из прошлого. Воспоминания. – Л.: Колос, 1925. – С. 7-66. (https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002598309/).
21. Erdal M. The runic graffiti at Yar Khoto // *Türk Dilleri Araştırmaları*, – 1993. – 3. – S. 87-108 (<https://uni-frankfurt.academia.edu/MarcelErdal> или <https://uni-frankfurt.academia.edu/MarcelErdal>) [всюду нет с. 102, т.е. надписи 9].
22. Klements D. Turfan und Seine Aeltertümer // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. – SPb., 1899. – H. 1. – S. 1-53 + 8 Taf.
23. Radloff W. Altuigurische Sprachproben aus Turfan // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. – SPb., 1899. – H. 1. – S. 55-83.

В. Н. Тугужекова,
г. Абакан, Республика Хакасия

К 300-летию археологических раскопок в Сибири

2022 год в Хакасии объявлен Годом археологии. Это неслучайно, т. к. впервые в истории Сибири в январе 1722 г. Даниил Готлиб Мессершмидт провёл раскопки на берегу р. Енисей на территории современной Хакасии.

В XVIII в. начинается важнейший этап сибирских исследований и открытий. Изучение Сибири становится одной из государственных задач. Важную роль в исследовании Сибири сыграл Д. Г. Мессершмидт. По мнению В. П. Вернадского, с путешествий Мессершмидта «начинается естественно-научное изучение России, он является родоначальником того великого коллективного научного труда, который беспрерывно и преемственно продолжается с 1717 г. до наших дней, всё более разрастаясь как по своей силе, так и по ширине захваченных интересов» [1, с. 8]. Выехав из Петербурга в 1717 г., он вернулся из своего путешествия назад в Петербург только через восемь лет.

Д. Г. Мессершмидт путешествовал по Сибири с 1720 по 1727 гг. Он проехал от Урала до Северной Монголии и от Саянских гор до Нижней Оби. Следует отметить, что Мессершмидт по собственной инициативе включил в план своих работ, кроме изучения животного и растительного мира, исследования в области географии, истории, археологии и этнографии. Особый интерес он проявил к живущим в Сибири народам – их образу жизни, занятиям, обрядам и обычаям.

Д. Г. Мессершмидт планомерно проводил сбор этнографического материала, составляя коллекцию различных предметов быта народов Сибири и делая зарисовки. На собственные средства он собрал богатую коллекцию одежды, оружия, культовых предметов бурят, хакасов, эвенков (тунгусов) и хантов (остяков). Вернувшись в Петербург, путешественник сдал эту коллекцию в Кунсткамеру Академии наук.

Следует заметить, что срок пребывания Мессершмидта в Сибири не был установлен, и он не имел подробно разработанного маршрута путешествия. Он не знал русского языка. Суровая сибирская природа, плохо влиявшая на его здоровье, чуждые языки и нравы сибирских народов, невежество администрации мешали путешествию. К тому же большую часть пути Мессершмидт проехал один, так как русских помощников у него не было. Находясь в Тобольске, учёный установил дружественные связи со шведскими военнопленными, находившимися в Сибири. Это навело его на мысль просить у местной администрации дать ему помощника из пленных. Просьба была удовлетворена. Таким помощником, правда, всего на один год (1721-1722 гг.), стал пленный Ф. И. Табберт.

Результатом семилетней работы в Сибири является его дневник. Рукописный текст дневника имеет иное заглавие, чем вышедшие в 1960-х гг. два тома дневника на немецком языке [2]. Рукописный дневник учёного состоит из пяти тетрадей, содержащих 1599 листов мелко написанного текста с обеих сторон. Начинается дневник с 1 марта 1721 г., с момента отправления Мессершмидта из Тобольска в Томск, и кончается 31 декабря 1726 г. в Вятке.

Попытка издать дневник Мессершмидта была предпринята в 1935 г. Институтом эт-

нографии АН СССР, но переведённый с этой целью, так и не был издан и лежит в архиве Кунсткамеры.

Извлечения из дневника ещё в XVIII в. издал П. С. Паллас [3], а выдержки по археологии в XIX в. опубликовал В. В. Радлов. В 1960-е гг. Берлинская Академия наук совместно с Академией наук СССР (Институт естествознания и техники) издала два тома дневника на немецком языке.

Следует отметить, что дневник Д. Г. Мессершмидта привлекал внимание учёных, работавших в области ботаники, зоологии, археологии, минералогии; в тоже время этнографы обращались к нему редко и не использовали содержащиеся в нём материалы (исключением является статья Г. М. Василевич о значении дневника учёного для тунгусоведения, появившаяся после выхода 1-го тома дневника). Таким образом, деятельность Мессершмидта как этнографа не была предметом специального исследования. Между тем этот материал был новым и интересным не только в XVIII в., но и в настоящее время он заслуживает самого пристального внимания, являясь первоисточником наших сведений о народах Сибири [4].

В первом томе дневника записи сначала вёл Ф. И. Табберт, а после его отъезда из Сибири в 1722 г., Д. Г. Мессершмидт продолжал записи сам.

Начинается дневник описанием пути от Тары до Томска, который шёл через Барабинскую степь. Здесь Мессершмидт изучал расселение татар, их жилища, одежду, занятия, промыслы, нравы и обычаи, религиозные представления и язык. Сведения о Барабинских татарах, содержащиеся в дневнике, имеют особое значение, так как до путешествия Мессершмидта об этом народе существовали лишь отрывочные, случайные данные.

В Томск Д. Г. Мессершмидт со спутниками прибыл 30 марта 1721 г., а 5 июля, оставив Страленберга (Табберта) в Томске, он пускается в путь к Абаканскому острогу. На трёх стругах по реке Томь он добирается до Кузнецка и через несколько дней продолжает путь к устью р. Былыксы. Отсюда, погрузившись на 14 повоз, экспедиция через Томь, горы и р. Теренсу вышла в верховье Уйбата и к 6 сентября достигла его устья. Вновь пересев на лодки, Мессершмидт со спутниками неделю спускался вниз по Абакану и Енисею и 12 сентября прибыл в Абаканский острог. В долине р. Уйбат экспедиция открыла большое число древних курганов, в том числе оригинальные стелы со скульптурными изображениями и фантастическими масками. «Одна из стел с маской была вся исписана неизвестным письмом, очень похожим на германские руны». Позднее, зимой 1722 г. в северо-восточной части Хакасии, в междуречье Теси и Ербы, была найдена ещё одна надпись – на стеле каменного изваяния... Оба памятника с конца XIX в. хранятся в Минусинском музее.

Позднее С. Е. Маслов в своей книге «Памятники древнетюркской письменности» писал, что первые сведения о памятниках тюркской рунической письменности появились со времён Петра I. Первые сведения о данных памятниках сообщал служилый человек Ремезов. Позднее известия о данных памятниках встречаются в работах Мессершмидта и Страленберга.

Итак, памятники с руническими письменами, найденными Д. Г. Мессершмидтом, положили начало изучению тюркской рунической письменности.

В начале экспедиции Мессершмидт имел трёх помощников: переводчика П. М. Краца, рисовальщика К. Г. Шульмана и Страленберга. Страленберг был оставлен Мессершмид-

том в Томске, где он много работал: вёл дневник, собирал в окрестностях Томска материалы по географии, этнографии, истории, археологии, народной медицине. Страленберг занимался и картографией, непрерывно дополняя и справляя составленную ещё в Тобольске карту Сибири. Четвертого ноября 1721 г. он записал в дневнике: «Я ежедневно работаю над картой и получил хорошие сведения от одного казака из Кузнецка». После вызова Д. Г. Мессершмидта, 29 ноября Страленберг на 6 санях выехал к нему в Абаканский острог в сопровождении 2 денщиков и 3 служивых казаков. Второго декабря он прибыл в д. Бурнашево, через которую лежал «красноярский и абаканский путь». Выпавший глубокий снег и метели вынудили Страленберга круто свернуть на север с обычной дороги по р. Яе спуститься к Чулыму. Следуя по его левому берегу, он 5 декабря прибыл в с. Зырянское, лежащее у р. Кии. На прежнюю наезженную дорогу Страленберг выехал через три дня, поднявшись вверх по Кие до р. Тесин. Затем, дойдя до р. Серть, он степью, через р. Урюр и Береш, достиг Большого русского, или Божьего, озера и, следуя вдоль Чёрного Июса и Чулыма, 19 декабря выехал к Енисею у д. Новосёлово. Поднимаясь вверх по льду Енисея, он прибыл 22 декабря поздним вечером в Абаканский острог.

24 января 1722 г. Д. Г. Мессершмидт и Табберт, Карл Шульман и Петер Крац на берегу Енисея, впервые на территории Сибири, раскопали с научно-познавательной целью курган раннего железного века. Художник К. Г. Шульман сделал рисунок раскопанной могилы. Целью учёных было узнать, каким образом эти язычники в старину устраивали свои могилы. Д. Г. Мессершмидт стремился приобретать вещи у бугровщиков. Среди находок, которые ему встречались были серебряные чаши, поясные пряжки, сбруйные украшения и другие вещи. Один бугровщик предложил купить у него «красивую могильную серебряную, позолоченную чашечку с изящно высеченными на ней листьями», но из-за высокой цены Д. Г. Мессершмидт не смог её приобрести. Хотя считается, что Д. Г. Мессершмидту «не удалось добыть ничего курьезного», собранная им коллекция представляла большую историко-культурную ценность. Сами предметы до настоящего времени не сохранились, но они известны по рисункам. Среди них были типичные для тагарской культуры оленные бляшки, таштыкский керамический сосуд, шумящие подвески, бляшка с изображением двух фениксов, накладка с кошачьего хищника, относящиеся к эпохе средневековья. Значительный интерес представляет серебряный сосуд с изображением сцен охоты всадников с луками и ловчей птицей, найденный на Енисее и известный по рисунку, сделанному Д. Г. Мессершмидтом.

Экспедиция Мессершмидта пробыла в Абаканском остроге до 15 февраля 1722 г. Затем путешественники на 16 санях отправились вниз по льду Енисея в Красноярск. Летом они вновь намеревались вернуться в Минусинскую котловину для дальнейшего изучения, т. к. изучение котловины не было завершено.

Повторную поездку в Минусинскую котловину Д. Г. Мессершмидт совершил с 13 мая по октябрь 1722 г. Затем 5 октября 1722 г. учёный прибыл в Красноярск, где пробыл до 8 мая 1723 г. [5, с. 15-17].

Второй этап прибытия Д. Г. Мессершмидта в Красноярск длился с 5 октября 1722 г. по 8 мая 1723 года.

Из Красноярска Мессершмидт направился в Мангазею (русский город на северо-западе на р. Таз). По дороге он имел возможность встречаться с обитавшими на берегах

Енисея остяками (енисейские остяки-кеты). По пути от Нарыма до Самарова Яма учёный встречал остяков (хантов), живущих по берегам Оби и её притоков. Он пользовался этими встречами для сбора интересующих его этнографических сведений.

Следует особо подчеркнуть трудоспособность Мессершмидта, которая поражает нас. П. С. Паллас писал по этому поводу: «Д. Г. Мессершмидт владел отличной ученостью, часто писал дневники всю ночь до утра, записывал все, что за день узнал и собрал, оставляя сну лишь несколько часов. Удивляешься, что этот человек сделал один, тем более что во всем он соблюдал излишнюю пунктуальность».

Мессершмидт был немцем, но отдал России всю свою жизнь и был почти неизвестен у себя на родине, в Германии. К сожалению, его работы не были закончены и до сих пор не опубликованы в полном объёме. Однако, несмотря на это, они вошли в жизнь, в научный оборот, хотя и после смерти – ещё в XVIII в, и не исчезли бесследно.

Коллекция Д. Г. Мессершмидта сгорела при пожаре в Кунсткамере в 1747 г. Правда, ещё до этого пожара, в 1738 г., со многих предметов были сделаны акварельные зарисовки учениками Академии художеств Иваном Соколовым, Антоном Писяковым, Григорием Абумовым, Яковом Ничаевым и Максимом Михаевым. Рисунки с коллекции обнаружил в ПФА РАН известный историограф А. И. Андреев. Сам Мессершмидт об этих предметах писал в начале списка, составленного 22 апреля 1725 г., причём указывал точную дату приобретения каждого предмета.

Результатом работы Д. Г. Мессершмидта в Сибири является его дневник. Часть дневника Д. Г. Мессершмидта опубликовано на русском языке [6, 7].

Библиографический список:

1. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М, 1988. С. 8.
2. Messerschmidt D. G. Forshhundsreise durch Sibirien / 1720-1727 / Tagebuchautzeichnungen. T. 1. Januar 1721-1722. Berlin, 1962; T. 2. . Januar 1723 – mai 1724. Berlin, 1996.
3. Pallas P. S. Neue Nordische Beifrage. T. 3. St. Petersburg. 1782. С. 105-158.
4. Титова З. Д. Указ. Соч. С. 23.
5. Тугужекова В. Н. Роль экспедиции Д. Г. Мессершмидта в изучении истории и культуры народов Южной Сибири // Древние и современные народы Южной Сибири: язык, история, культура (к 290-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта). Материалы Международной научно-практической конференции. 21-24 сентября 2011 г., г. Абакан. Абакан: Хак. кн. из-во, 2011. С. 4-21.
6. Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск–Абакан–Красноярск. 1721-1722. Абакан, 2012. – 160 с.
7. Мессершмидт Д. Г. Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта. Научная экспертиза по Енисейской Сибири. 1721-1725 годы / Пер., сост., ком. Г. Ф. Быконя, И. Г. Фёдоров, Я. И. Фёдоров. Красноярск, 2021. 496 с.

Е. В. Губенко,
г. Новосибирск

Характеристика археологических коллекций бус гунно-сарматского времени в собраниях Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова

Археологические исследования территории степной зоны Среднего Енисея начались в первой половине XVIII в. [Новлянская, 1970] Первичной задачей являлся сбор информации о местоположении и состоянии памятников древностей. Накопленный материал даёт возможность изучить исторические аспекты, касающиеся древней истории региона: миграцию носителей технологий и идей, их торгово-экономические и культурные контакты. Привлечение новых источников и исследование их в рамках комплексного подхода с применением естественно-научных методов, позволяет не только представить оценку социально-экономической истории населения Минусинской котловины, но и служить основанием для сравнительного анализа с аналогичными явлениями на соседних территориях Горного Алтая, Кузнецкой котловины и Тувы.

Особенно большое количество находок бусин приходится на конец раннего железного века и на гунно-сарматское время. Источниковая база по изучению бус степной зоны Среднего Енисея этой эпохи составляет более 15 тыс. экз. украшений, происходящих из 38 типологически различных видов археологических памятников. Необходимо отметить, что до сегодняшнего дня бусы с территории степной зоны Среднего Енисея не являлись предметом специального изучения. Однако эта категория украшений считается информативным и ценным археологическим источником по изучению культурных и экономических связей тесинской и сменившей её таштыкской культур, получившие своё развитие на территории Хакасско-Минусинской котловины в III в. до н.э. – VI в. н.э. [Кузьмин, 2011; Вадецкая, 1999]

В связи с тем, что археологические раскопки велись экспедициями в разное время, интересующие нас коллекции находятся в различных музеях России, в первую очередь, в Государственном Эрмитаже (г. Санкт-Петербург), в Хакасском национальном краеведческом музее им. Л. Р. Кызласова (г. Абакан) и в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова (г. Минусинск). В последнем находятся два обширных собрания бусин: комплекс украшений случайных находок и коллекция с могильника грунтовых погребений Комаркова.

Грунтовый могильник Комаркова – погребальный памятник таштыкской археологической культуры, который находится на высокой надпойменной террасе правого берега Енисея в Минусинском районе Красноярского края. От деревни Комарково памятник расположен к северо – северо-западу в 1,5 км, через гору, на возвышенности, с местным названием «Песчаная». В 1969 г. памятник был открыт местными жителями, когда в результате выветривания дневной поверхности обнажились части срубов. Все находки из восьми полуразрушенных могил были осмотрены археологом Н. В. Леонтьевым и переданы на хранение Минусинскому краеведческому музею. В 1975-1977 гг. на памятнике

были проведены раскопки под руководством Э. Б. Вадецкой. Всего были зафиксированы 73 могилы, из которых в 17 погребениях среди находок обнаружены бусы.

Э. Б. Вадецкая в своей монографии про таштыкскую культуру, применяя морфологический метод, представила типологию только стеклянных украшений, оставив без внимания изделия, изготовленных из других материалов. Найденные бусины исследовательница разделила на одноцветные, золочёные, полихромные, глазчатые и дала каждой выделенной группе краткую характеристику [Вадецкая, 1999].

В настоящее время собрание бус с памятника Комаркова состоит из 199 экземпляров, однако были типологизированы 122 бусины из-за того, что часть украшений находится в музейной экспозиции [Губенко, 2019]. Коллекция представлена изделиями из четырёх разных материалов изготовления: стекловидная паста (97 экз.), стекло (19 экз.), поделочный камень – сердолик (4 экз.) и кость (2 экз.). Для изделий из стекла и стеклянной пасты характерны сине-зелёный и сине-голубой цвета. У каменных бус преобладает оранжево-красная цветовая гамма, что связано с материалом изготовления. Всего было выделено 17 типов (8 типов для стеклянных, 6 типов для бусин из стекловидной пасты, 2 типа для каменных и 1 тип для костяных). Стоит отметить, что стеклянные и пастовые бусины с могильника Комаркова имеют очень близкие аналогии с античными бусами, приведёнными в своде 1975 г. Е. М. Алексеевой [Алексеева, 1975].

Отдельную группу источников составляют случайные находки (или подъёмный материал), культурно-хронологическая атрибуция и картографирование которых является практически невозможным. В начале 2021 г. была начата работа с коллекциями случайных находок из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова.

С помощью сравнительно-типологического анализа к концу раннего железного века и к гунно-сарматской эпохе были отнесены 529 экз. украшений, которые сделаны из различного материала изготовления: стекло, поделочный камень (сердолик, агат) и стекловидная паста. Всего было выделено 19 типов украшений (10 типов для каменных, 5 типов для стеклянных и 4 типа для стекловидной пасты). Самые распространённые формы стеклянных изделий – бочонковидная, цилиндрическая, каменных бусин – шестигранная и семигранная. Цветовая гамма украшений – синяя и оранжевая. Случайные находки поступили в музей либо до 1928 г., либо до 1993 г. Большинство изделий происходят с территории Красноярского края Минусинского района (с. Лугавское, д. Кривая, д. Ключи, с. Тесь), а также Алтайского, Бейского (Республики Хакасия) и Шушенского районов Красноярского края.

Обе коллекции были включены в каталог бус из памятников гунно-сарматского времени с территории Хакасско-Минусинской котловины, который создавался в рамках бакалаврской работы автора.

К одному из перспективных направлений исследования каменных бусин относится технико-технологический анализ, который позволяет по особенностям производства украшений фиксировать отдельные группы. В настоящее время можно выделить два основных источника, позволяющие изучать древние технологии изготовления украшений: письменные свидетельства и трасолого-экспериментальные наблюдения [Губенко, 2021]. Второй вариант изучения коллекций бус, находящиеся в фондах Минусинского музея, позволит выявить все последовательные технологические этапы изготовления украшений.

По предварительным результатам, их насчитывается четыре: работа с заготовками, сверление, развальцовка и полировка. Сверление было скоростным односторонним или двусторонним [Губенко, 2020]. Для уточнения и корректировки результатов исследования необходима дополнительная работа с коллекциями для фотографирования их с помощью метода «стекинг», который позволяет сделать чёткие снимки с большой глубиной резкости. Важно отметить, что бусины относятся к массовой категории находок, что становится возможным применение математических и статистических методов для получения более надёжных результатов исследования.

Библиографический список:

1. Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Академия наук СССР. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970. – 184 с.
2. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб: Издательство Айсинг, 2011. – 456 с.
3. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 440 с.
4. Губенко Е. В. Типология коллекции бус таштыкской культуры Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова // Археология: Материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. 14-19 апреля 2019 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИНЦ НГУ, 2019. – С. 43-44.
5. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1975. – 94 с. (САИ; Вып. Г1–12).
6. Губенко Е. В. Технология сверления каменных бус (по письменным источникам) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных. Иркутск: Издательство ИГУ, 2021. – С. 143-144.
7. Губенко Е. В. Трасологический и технологический анализы каменных бус из грунтового могильника Тесинский Залив-3 // Археология: Материалы 58-й Междунар. науч. студ. конф. 10-13 апреля 2020 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. – С. 41-42.

**Айгюн Али кызы
Гюльмамедова,
А. Л. Заика,
г. Красноярск**

Изображения в скифо-сибирском стиле в петроглифах Шалаболинской писаницы

Летом 2021 г. во время проведения студенческой полевой практики КГПУ им. В. П. Астафьев были проведены исследования Шалаболинской писаницы на участках 1, 2, 4. Во время работ были уточнены известные данные о наскальных рисунках, выявлены новые факты. Данная работа посвящена зооморфным образам, выполненным в скифо-сибирском зверином стиле, которые были выявлены в ходе исследования писаницы.

Петроглифы тагарского наскального искусства представлены как зооморфными, так и антропоморфными образами. Зооморфные персонажи можно разделить на 4 основные группы:

– изображения копытных (благородные олени, кони, горные бараны, козлы, кабаны, иные – в редких случаях);

– изображения хищников (кошачьи, волки, лисы и другие пушные звери; медведи, неопределённые существа с признаками хищников: острыми когтями, оскаленными пастьями и проч.);

– изображения птиц (орлы, грифы, дрофы, вороны, водоплавающие);

– изображение фантастических существ (синкретические, а также неопределённые).

В пределах скифо-сибирского звериного стиля можно проследить несколько направлений. Одно из них демонстрирует группа «классических» изображений животных с яркими проявлениями элементов «скифо-сакского» стиля. Пропорции таких фигур чаще всего правильные, сами изображения реалистичны, их позы разнообразны (включая позу с подогнутыми ногами, а также позу «внезапной остановки» и др.). Эти изображения обычно контурные с заполнением отдельных частей корпуса спиралями, окружностями и другими элементами. У животных часто обозначен глаз [Советова, 2005].

Другое направление представляют изображения, как правило, силуэтные, чаще выполненные в позе «внезапной остановки». Они меньше по размеру, чем «классические». Эти рисунки характеризует сдержанность выразительных средств, хотя «репертуар» образов примерно тот же [Советова, Миклашевич, с. 63].

Изображения тагарской культуры демонстрирует разнообразные варианты использования единого стиля, в данном случае скифо-сибирского, и позволяют представить линию его развития (и угасания) на протяжении всей эпохи.

Среди выявленных изображений на Шалаболинской писанице скифо-сибирскому стилю соответствуют следующие образы: олени, лоси, лошади [Пяткин, Мартынов, с. 133-136]. В большинстве своём они зафиксированы на четвёртом участке писаницы.

На плоскости 85 изображено контурное изображение оленя, выполненная в технике выбивки, в позе внезапной остановки. Туловище у него вытянутое, плавно переходит в высоко поднятую шею с реалистично показанной головой с трапециевидным контуром. Голова увенчана закинутым назад горизонтальным ветвистым рогом с четырьмя верхними отростками. Конечности длинные, оформлены тонкими линиями, грациально соединены с выделенными бёдрами, чуть согнутые в коленях вынесены вперёд.

На плоскость 7 изображены динамичные контурные изображения копытных животных, окружённых антропоморфными фигурами («тагарские человечки»), выполненные в технике выбивки. Ориентированы они в правую сторону. В центре показаны перекрывающие друг друга три фигуры. Верхняя фигура животного показана в своеобразной позе внезапной остановки (передние конечности вынесены вперёд, задние – вертикально опущены вниз). Под ней изображены животные в условно определённой нами «геральдической позе». У них высоко поднята шея, конечности вынесены вперёд и назад, согнуты в коленях, опущены вниз. В этой же позе показана лошадь в левой части композиции.

Правее них находится неполная фигура животного (бык, козёл?) в позе «внезапной остановки». Правее неё выявлено животное, показанное в позе, характерной для таштыкского стиля в петроглифах (задняя часть туловища развернута в фас), хотя в общем плане она соответствует «геральдической позе».

Учитывая присутствие в композиции антропоморфных фигур, характерных для тагарской культуры и животных в позе «внезапной остановки» данные петроглифы можно отнести к скифскому времени. Но своеобразие иконографии других фигур, присутствие

элементов, характерных для таштыкской изобразительной традиции, позволяет предположить, что рисунки выполнены в переходный тагаро-таштыкский период. В пользу данного предположения свидетельствует фигура оленя, изображённого на этой же плоскости, но несколько в стороне (левее и ниже). Передняя часть туловища у него выполнена в традициях скифо-сибирского звериного стиля. Задняя часть – в таштыкских традициях.

Участок 4, плоскость 4, 5. На плоскости 4 выявлены две зооморфные фигуры. Левое изображение (лошадь), показана в геральдической позе. Правая фигура копытного животного – в позе внезапной остановки. Ориентированы животные в правую сторону. На соседней плоскости 5 выявлена незаконченная фигура копытного животного в позе внезапной остановки, обращённая в левую сторону.

Плоскость 39а. На нижнем ярусе скальных обнажений выявлена сцена поединка двух животных. Левое животное с длинным хвостом (видовой состав определить трудно) в позе «внезапной остановки» противопоставлено фигуре медведя, показанного в динамике прыжка. Сцена борьбы или терзания животных также характерно для скифо-сибирского звериного стиля.

На соседней плоскости 39 б представлен образ копытного животного в позе «внезапной остановки» (олень?). Оно имеет вытянутое туловище, плавно переходящее в шею. Приострѐнная голова увенчана ветвистым рогом с тремя отростками. Конечности выделены тонкими линиями. Задняя чуть согнута в колене, а передняя вынесена вперѐд.

Плоскость 1, участок 2а. На этой плоскости изображѐн образ мифического зверя. Образ выполнен в позе «внезапной остановки». Зверь наделѐн чертами различных животных. Мощное туловище, подчѐркнутое выделение округлого массивного бедра, короткие когтистые лапы. Массивная голова с широко разинутой пастью, острыми зубами и торчащим языком, большой округлый глаз на лбу. В нём мы можем заметить черты медведя: толстые когтистые лапы, короткий хвост, короткая шея; черты волка: длинные узкие челюсти.

Таким образом, образы и сюжеты, рассмотренные на Шалаболинской писанице, в целом соответствуют изобразительным традициям, характерным для скифо-сибирского звериного стиля. Вместе с тем, выявлены определённые особенности, которые зафиксированы в изображениях лошадей. Отличительной чертой их является своеобразная постановка ног (вертикально опущенные вниз, согнутые в коленях конечности), которая не так часто встречается в зверином стиле скифского времени, в петроглифах тагарской культуры. Объяснить это можно как региональными, так и хронологическими особенностями местных изобразительных традиций в эпоху раннего железа.

Библиографический список:

1. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.
2. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело / отв. ред. В. В. Бобров. – Кемерово: Никалс, 1999. – С. 47-74.
3. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с.

А. Л. Заика, В. А. Будилов,
А. А. Трофимов, В. А. Данилейко,
г. Красноярск

Петроглифы на курганных камнях в Верхнем Причулымье (результаты исследований 2019 г.)

Совместным отрядом ООО «НПО «АПИ» и КГПУ им. В. П. Астафьева в мае 2019 г. по заданию КГКУ «Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края» были проведены полевые исследования с целью определения предмета охраны и границ территорий 117 объектов археологического наследия (далее – ОАН), расположенных на левобережье р. Чулым в Ужурском районе Красноярского края [Данилейко, 2020]. Ужурский район располагается в юго-западной части Красноярского края и охватывает обширную территорию левобережной части бассейна верхнего течения р. Чулым и занимает южную часть Назаровской котловины, северную часть Чулымо-Енисейской котловины, а также западную часть Солгонского кряжа (юго-западный отрог Западного Саяна).

Объектами исследований стали курганные могильники и одиночные курганы тагарской культуры. В результате исследований были получены уточнённые сведения о месте расположения объектов, их датировках, современном состоянии и степени сохранности, характеристики территории, а также границах и предметах охраны объектов. В ходе работ были зафиксированы петроглифы, выявленные на курганных камнях.

ОАН «Одиночный курган «Арабкаево 1» был зафиксирован в 1987 г. отрядом КГПИ по паспортизации памятников археологии под рук. А. Л. Заики и был отнесён к сарагашенскому этапу тагарской культуры [Заика, 1988]. Более детально он был обследован Е. Б. Долговесовой в 1992 г. как курган № 5 в составе могильника «Арабкаево II» [Долговесова, 1992]. В ходе исследований ею был отмечен «тамгообразный знак в виде двух concentрических кругов с точкой в центре» [Семёнов и др., 2003, с. 13].

Объект находится у восточной окраины с. Арабкаево, в 0,8 км к СВ от здания школы. Курган имеет земляную задернованную насыпь овальной в плане формы с уплощённой вершиной высотой 0,6 м и диаметром 25 x 41 м. Через насыпь кургана в широтном направлении проложена сеть старых полевых дорог. На поверхности кургана выявлено 12 вертикальных камней высотой 0,1–1,2 м, шириной 0,3–1,5 м и толщиной 0,1–0,3 м, которые оконтуривают могильную ограду подпрямоугольной формы размерами 11 x 31 м, ориентированную длинными сторонами по линии ССЗ-ЮЮВ. Один камень высотой 0,85 м, шириной 0,7 м и толщиной 0,3 м находится в центре западной стенки ограды. На его восточной узкой грани, в нижней половине плоскости зафиксированы три кольцевидных тамговидных знака с ямкой в центре, выполненные выбивкой. Верхний знак вписан в естественный вылом камня, нанесён редкими ударами металлического инструмента с округлым рабочим краем диаметром 0,5-1 мм на глубину 1-2 мм. Ниже него знак оформлен гораздо более крупной выбивкой со следами ударов диаметром 5-7 мм и глубиной до 3-5 мм. Нижний знак выполнен в той же технике, что и верхний, но удары нанесены более плотно. Также на поверхности камня фиксируются неясные гравированные линии.

Предварительно петроглифы датируются на широком временном интервале от эпохи раннего железа до этнографической современности, т. е. до середины XIX в., когда основ-

ная масса кызыльцев, проживавших оседло на территории Верхнего Причулымья, приняла христианство и напротив улуса Арабкаева на другом берегу Чулыма в 1858 году в с. Ново-Марьясово была заложена Троицкая церковь [Некос и др., 2009, с. 18, 89]. Подобные тамбовидные знаки зафиксированы на курганных камнях могильников Апрельев Лог II в соседнем Шарыповском районе и на оз. Шира [Семёнов и др., 2003, с. 65, рис. 73]. По мнению исследователей, они соотносятся с «сако-сарматским временем» [Там же, с. 70, рис. 76].

ОАН «Одиночный курган «Додонка 1» был зафиксирован в 1987 г. отрядом КГПИ по паспортизации памятников археологии под рук. А. Л. Заики на месте бывшего хутора Додонка [Заика, 1988]. Объект расположен в 6,5 км к ВСВ от с. Арабкаево на пахотном поле, северо-восточнее хозяйственных построек бывшего хутора Додонка.

Курган имеет земляную задернованную насыпь округлой в плане формы с уплощённой вершиной высотой 2,0 м и диаметром 43 м. На поверхности насыпи выявлено пять вертикальных камней высотой до 1,3 м, шириной до 1,2 м, толщиной до 0,4 м, оконтуривающих четырёхугольную могильную ограду размерами 22 x 24 м. На поверхности камня (1,3 x 0,7 x 0,35 м), обозначающего северо-восточный угол могильной ограды зафиксированы петроглифы. В верхней части узкой торцовой грани, обращённой на ВСВ, на высоте 1,1 м от дневной поверхности выявлена горизонтальная дугообразная линия, обращённая концами вверх (тамбовидный знак?). Правый конец дуги имеет разветвление. Петроглиф выполнен широкой (до 1 см) сплошной полосой средней глубины выбивки, удары которой сильно выветрены и имеют сглаженные очертания. Также на поверхности плоскости зафиксированы неясные гравированные линии.

Подобные дугообразные знаки встречаются на курганных плитах региона как самостоятельно, так и в качестве навершия «ламповидных» фигур [Семёнов и др., 2003, с. 61-63, рис. 66, 67]. Присутствуют они и на Сулекской писанице. «Ламповидные» фигуры специфичны для петроглифов северо-запада Минусинской котловине, в других местах они не встречаются. По мнению исследователей, они являются результатом творчества носителей тагарской или таштыкской культуры [Там же, с. 70-71]. Уровень выветренности следов выбивки не противоречит данному выводу.

ОАН «Одиночный курган «Додонка 3» был зафиксирован в 1987 г. отрядом КГПИ по паспортизации памятников археологии под рук. А. Л. Заики на месте бывшего хутора Додонка [Заика, 1988]. Объект расположен в 5 км к ВСВ от с. Арабкаево на северо-восточном ровном пологом склоне, занятом под пашню, севернее поймы р. Чулым.

Курган имеет земляную задернованную насыпь округлой в плане формы с уплощённой вершиной высотой 2,2 м, диаметром 43 м. На поверхности насыпи выявлены два вертикальных камня могильной ограды высотой до 1,7 м, шириной до 1,2 м, толщиной до 0,4 м. На поверхности самого крупного камня, обозначающего юго-восточный угол могильной ограды, зафиксированы петроглифы. В нижней части узкой торцовой грани на высоте 0,2-0,4 м от дневной поверхности, обращённой на ВСВ, выявлены нанесенные хаотично следы выбивки, заметно контрастирующей со скальным загаром камня и неясные гравированные линии. Соответственно, надо полагать, они были нанесены сравнительно недавно местными пастухами в период этнографической современности.

ОАН «Одиночный курган «Солбатский-4» выявлен в 1989 г. отрядом КГПИ по паспор-

тизации памятников археологии под рук. Н. В. Новых [Красниенко, Субботин, 2013, с. 68]. Объект расположен в 9,5 км к западу от п. Златоруновск на пахотном поле.

Курган имеет земляную задернованную насыпь овальной в плане формы с уплощённой вершиной высотой 3,7 м и диаметром 77 x 69 м. На поверхности насыпи выявлены два камня могильной ограды. Один камень высотой 0,35 м, шириной 0,5 м и толщиной 0,2 м находится в северо-восточной части насыпи. Другая плита высотой 1 м, шириной 0,9 м и толщиной 0,2 м обозначает северо-западный угол могильной ограды. На её широкой стороне, обращённой на СЗ, зафиксирован тамговидный знак, напоминающий букву кириллицы «Ш», выполненный грубыми ударами выбивки металлическим инструментом с округлым рабочим краем. Глубина ударов 2-3 мм, ширина 4-6 мм. В непосредственной близости зафиксированы вертикальные резные линии. Выше их нанесена современная надпись «БАСОВ 1941 г.». По всей видимости, петроглифы соотносятся с периодом этнографической современности, когда тамги коренного населения стали напоминать буквы русского алфавита [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 22, рис. 12, табл. 47, 2; табл. 51, 1; Заика, Капелько, 1989].

ОАН «Одиночный курган Солбатский-13» выявлен в 1989 г. отрядом КГПИ по паспортизации памятников археологии под рук. Н. В. Новых [Красниенко, Субботин, 2013, с. 69-70]. Объект расположен в 13 км к СЗ от п. Златоруновск, в 45 м к ЮВ от автодороги Ужур-Копьёво, на нераспаханном участке поля.

Курган имеет земляную задернованную насыпь куполообразной формы с уплощённой вершиной высотой 2,6 м и диаметром 52 м. На поверхности насыпи также выявлено восемь вертикальных камней высотой до 1,6 м и шириной до 1 м, которые оконтуривают четырёхугольную могильную ограду размерами 35 x 40 м. На одном вертикальном камне высотой 1,6 м, шириной 1 м и толщиной 0,25 м восточной стенки могильной ограды выявлены петроглифы. На узком восточном торце камня в средней его части на высоте 0,4-0,9 м неглубокой точечной выбивкой нанесены три орнитоморфных фигуры (тамги?), расположенные друг над другом. Птицевидные образы выполнены в линейном стиле, показаны в геральдической позе (фронтально, с развёрнутыми по сторонам крыльями). Хвостовое оперение у них имеет вид ромбовидного контура. Также на поверхности камня выявлены неясные гравированные линии. Поверх нижних петроглифов выбивкой нанесена современная надпись «КУЗМИЧЕВ 1960» и ряд знаков.

Выявленные знаки подобного орнитоморфного вида известны на писаницах и курганных камнях севера Минусинской котловины [Семёнов и др., 2003, с. 63-64, рис. 68, 69], причём их ареал совпадает с областью распространения «ламповидных» фигур, но вместе в одних композициях они не встречаются, т. е., возможно, это тамги различных кланов [Там же, с. 64]. Наноситься на камень они могли как в период существования тагарской культуры, так и несколько позже – в таштыкское время. Но, не исключена и более поздняя датировка (эпоха средневековья) выявленных петроглифов.

ОАН «Могильник курганный Солбатский-8 (4 кургана)» выявлен в 1989 г. отрядом КГПИ по паспортизации памятников археологии под рук. Н. В. Новых [Красниенко, Субботин, 2013, с. 72], расположен в 13 км к СЗ от п. Златоруновск на пахотном поле по западную сторону автодороги Ужур-Копьёво и состоит из четырёх курганов с земляными, подовальной в плане формы насыпями.

На вершине насыпи кургана № 4 (высота 1,3 м, диаметр 21 x 27 м) зафиксировано задернованное западение (яма) округлой в плане формы диаметром 3,1 м и глубиной 0,3 м, рядом с ней лежат вывернутые камни могильной ограды. Один из них длиной 2,1 м, шириной 0,4 м и толщиной 0,3 м представляет собой столбовидное окуневское изваяние с плохо сохранившимися петроглифами, выполненные выбивкой с последующей шлифовкой. В верхней части камня слабо прослеживаются поперечные полосы и ямка глаза, вписанная в концентрические окружности. Надо полагать, что на данном участке камня фрагментарно сохранилась антропоморфная личина. Это один из самых северных монументальных памятников эпохи ранней бронзы на территории Минусинской котловины. Примерно на этой же широте ранее уже было зафиксировано окуневское изваяние на берегу Малого озера в соседнем Шарыповском районе, другие окуневские стелы находятся несколько южнее [Заика и др., 2007, 2008].

ОАН «Одиночный курган Тургужан-25» был зафиксирован в 1992 г. отрядом КГПИ по паспортизации памятников археологии под рук. А. Л. Заики [Красниенко, Субботин, 2013, с. 78]. Объект расположен в долине левобережья реки Чулым, в 1 км к ССВ от д. Тургужан на восточном ровном пологом склоне нераспаханного участка поля, занятого под силосные траншеи, в 70 м к западу от территории ОАН «Могильник курганный Тургужан-2 (11 курганов)».

Курган имеет земляную задернованную насыпь подквадратной в плане формы размерами 40 x 40 м с куполообразной вершиной высотой 4,6 м.

На вершине насыпи зафиксировано задернованное западение (яма) округлой в плане формы диаметром 15 м и глубиной 1,2 м.

На поверхности насыпи выявлено 10 вертикальных камней высотой до 1,25 м, шириной до 1,5 м, толщиной до 0,3 м, оконтуривающих четырёхугольную ограду размерами 31 x 33 м, ориентированную длинными сторонами по линии С-Ю (аз. 355°). На восточной грани центрального простеночного камня (1,25 x 1,5 x 0,2 м) южной стенки могильной ограды зафиксированы следы редкой точечной выбивки, которые формируют в верхней части камня тамбовидный знак в виде окружности, увенчанной двойной развилкой дугообразных линий. В срединной части восточной грани вертикального камня (1,2 x 0,7 x 0,25 м) северо-западного угла ограды среди полу-затёртых ударов выбивки зафиксирован S-видный тамбообразный знак.

Предварительно петроглифы датируются эпохой позднего средневековья-этнографической современности.

ОАН «Могильник курганный Тургужан-4 (20 курганов)» был зафиксирован в 1992 г. отрядом КГПИ по паспортизации памятников археологии под рук. А. Л. Заики [Красниенко, Субботин, 2013, с. 79], расположен в 4 км к ССЗ от д. Тургужан на восточном ровном пологом склоне, занятом под пашню, в 164 м к СВ от территории ОАН «Одиночный курган Тургужан-26». В 800 м к северу от курганов проложена автодорога Златоруновск – Тургужан.

Могильник состоит из 26-ти курганов с земляными, задернованными, подовальной и округлой в плане формы насыпями диаметром 20-70 м, высотой 0,2-2,6 м, сгруппированных тремя скоплениями (контурами) на расстоянии 105 м, 182 м, 255 м друг от друга. В группах курганы расположены на расстоянии 2,5-101 м друг от друга.

На поверхности насыпей курганов № 1, № 4, № 9, № 10, № 14, № 21 выявлены верти-

кальные плиты высотой до 1,5 м, шириной до 1,5 м, толщиной до 0,7 м, частично оконтуривающие могильные ограды подпрямоугольной формы.

На юго-восточной грани (аз. 255°) простеночного камня южной стенки могильной ограды (17 x 26 м) кургана № 1 (высота 2,4 м, диаметр 48 x 57 м) зафиксированы петроглифы в виде антропоморфных фигур, знаков, выполненных редкой точечной неглубокой выбивкой, а также гравированные линии различных конфигураций. На узком восточном торце (аз. 140°) юго-восточного угла могильной ограды (22 x 22 м) кургана № 10 (высота 2,6 м, диаметр 47 x 55 м) выявлен вертикальный ряд гравированных знаков в виде угловатых дуг, обращенных концами вверх (тамги?).

Предварительно петроглифы датируются эпохой позднего средневековья-этнографической современности.

ОАН «Могильник курганный Тургужан-5 (7 курганов)» был зафиксирован в 1992 г. отрядом КГПИ по паспортизации памятников археологии под рук. А. Л. Заики [Красниенко, Субботин, 2013, с. 79-80], расположен в 6 км к западу от д. Тургужан на восточном ровном пологом склоне, занятом под пашню, в 336 м к СЗ от территории ОАН «Одиночный курган Тургужан-28» и в 259 м к ССВ от территории ОАН «Одиночный курган Тургужан-27». В 200 м к северу от курганов проложена автодорога Златоруновск - Тургужан.

Могильник состоит из 7 курганов с земляными, задернованными, подовальной и округлой в плане формы насыпями диаметром 18-68 м, высотой 0,2-3,2 м, расположенных по контуру прямоугольной трапеции на расстоянии до 8-70 м друг от друга.

На поверхности насыпей курганов № 5, № 6 выявлены вертикальные плиты высотой до 1,1 м, шириной до 1,2 м, толщиной до 0,6 м, частично оконтуривающие могильные ограды подпрямоугольной формы. На восточном торце (аз. 190°) простеночного камня высотой 0,45 м и толщиной 0,35 м восточной стенки могильной ограды (33x30 м) кургана № 5 (высота 3,2 м, диаметр 60 x 68 м) зафиксированы гравированные линии различных конфигураций, среди которых в верхней части камня прослеживается контурное изображение лошади. Рисунок животного сравнительно реалистичный и имеет стилистические аналогии с этнографическими изображениями на скалах и предметах быта хакасов [Кызласов, Леонтьев, 1980, табл. 34, 37, 39, 42, 51] и поэтому предварительно может быть датирован периодом этнографической современности.

Таким образом, в результате работ 2019 г. на девяти древних памятниках погребального характера выявлено 11 объектов с петроглифами в виде курганных камней и одного изваяния, что значительно расширит круг источников о древнем, средневековом и народном искусстве местных племен, обитавших на северо-западе Минусинской котловины на широком временном интервале от эпохи ранней бронзы до этнографической современности.

Библиографический список:

1. Данилейко В. А. Отчёт об археологической разведке на территории Ужурского района Красноярского края в 2019 г. // Архив ИА РАН. Р – I, 2020.
2. Долговесова Е. Б. Отчёт Южносибирского отряда Северо-азиатской экспедиции ИАЭ СО РАН в Орджоникидзевском районе Хакасской республики в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р – I, 1992, д. 8351.
3. Заика А. Л. Отчёт о полевых исследованиях в Ужурском районе Красноярского края в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р – I, 1988. № 12332.

4. Заика А. Л. Отчёт о полевых исследованиях в Минусинском, Ужурском, Новоселовском р-нах Красноярского края в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р – I, 1989. № 13284.
5. Заика А. Л., Капелько В. Ф. Писаницы Ленковой горы // Проблемы скифо-сибирского мира. – Кемерово: Изд-во Кем ГУ, ч. 2, 1989. – С. 92-95.
6. Заика А. Л., Краснолуцкий С. А., Дроздов Н. И., Березовский А. П. О северной границе распространения окуневских изваяний // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии ИАЭт СО РАН 2007 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 240-243.
7. Заика А. Л., Краснолуцкий С.А., Рыбаков Н. И., Березовский А. П. Новые данные об окуневских изваяниях севера Минусинской котловины // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. V. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – С. 58-63.
8. Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): История изучения и современное состояние. – СПб.: ИИМК, 2013 – С. 195.
9. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. – М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. восточ. лит-ры, 1980 –180 с.
10. Некос В. В., Рычкова С. Г., Янушкявичюс Р. А. История православия земли Ужурской. – Красноярск, 2009. – 132 с.
11. Семёнов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В. Изображения на плитах тагарских курганов. – СПб.: ИИМК, 2003. – 121 с.
12. Трофимов А. А., Заика А. Л. История исследования петроглифов северо-запада Минусинской котловины // Древности Приенисейской Сибири: сб. науч. тр. / отв. ред. П. В. Мандрыка. – Вып. X. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. – С. 54-69.

**А. Л. Заика,
г. Красноярск**

Исследования памятников наскального искусства в 2021 году

На территории Красноярского края в 2021 г. с участием археологического отряда КГПУ им. В. П. Астафьева (далее КГПУ) были проведены работы по исследованию петроглифов в различных участках региона и сопредельных территориях.

В феврале продолжая практику зимних исследований петроглифов, совместно с сотрудниками МВЦ г. Железногорска были обследованы наскальные рисунки в бассейне р. Маны. Объектом изучения стали известные писаницы, приуроченные к устью р. Колбы (левый приток Маны): Нарва. Петроглифы 1 (Колба-1), Нарва. Петроглифы 2 (Колба-2) [Заика, Кузнецов, 2008, с. 61-62]. Во время работ был проведён мониторинг современного состояния памятников, цифровая фото- и видеофиксация наскальных рисунков, выборочное их контактное копирование на прозрачные материалы, определены меры по их сохранению и популяризации. В результате исследований были не только использованы современные технологии фиксации петроглифов, уточнена информация о них, но и выявлены посетительские надписи конца XIX – начала XX веков, которые в настоящее время представляют историческую ценность. Более того, совместно с администрацией Манского района, были выработаны меры и определены шаги на пути культурного развития региона в плане туризма и сохранения историко-культурного наследия Заманья.

В мае были проведены комплексные исследования писаницы Нюкжа в Амурской об-

ласти силами совместного отряда КГПУ, Института археологии и этнографии СО РАН, Амурского государственного университета, ООО «Красноярская геoarхеология», ООО НПО «Археологическое проектирование и изыскания» и Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области [Зоткина и др., 2021]. Целью работ являлось изучение объекта и разработка мер по его сохранности в связи с расширением трассы БАМ на данном участке железной дороги. В ходе исследований были применены современные методики, которые позволили получить максимально объективную информацию об известных наскальных рисунках и выявить новые изображения. Более того, выработался алгоритм продуктивного взаимодействия различных ведомственных структур в решении поставленных задач не только в полевых условиях, но и на уровне дальнейших этапов исследований.

В первой половине июля в рамках научно-методического семинара студентов и школьников, который проводился АНО «Археологическое исследование Сибири» и КГПУ на Шалаболинской писанице в Курагинском районе, было проведено исследование наскальных рисунков и изучение прилегающей территории. В ходе работ основной акцент был направлен на западный и центральный участок писаницы. В результате исследований с использованием современных технологий была проведена фиксация рисунков контактным и бесконтактным способом, произведено их подробное описание.

В августе и последующий период осени исследования проводились совместно с ООО «Красноярская геoarхеология», ООО НПО «Археологическое проектирование и изыскания», АНО «Археологическое исследование Сибири», ООО «Красноярская археология новостроек» в бассейне Нижней Ангары. Первоначально была проведена разведка по правому берегу на участке Мурский порог – устье р. Карабулы, в ходе которой новых петроглифов, кроме отметок 1898 года, обнаружено не было. Не исключено, что одним из факторов, повлиявших на результаты работ, являлся высокий уровень воды в реке, не позволявший обследовать затопленных береговых валунов. После разведочных работ были проведены исследования на известных объектах Манзя – 1, 2, 3, Каменка – 1, 2, 3, 4, Зергулей – 1 [Заика, 2013]. Целью работ была инвентаризация объектов археологического наследия, в ходе которой проводились: мониторинг петроглифов, их фотофиксация, составление инструментального топографического плана объектов с использованием современных технологий. Тот же комплекс работ был осуществлён в сентябре на писанице «Нижний Брат», расположенной на левом берегу р. Бирюса (левый конглоуент р. Тасеевой – левого притока Ангары) [Заика и др., 2000]. В процессе исследований были выявлены новые петроглифы, выполненные в технике выбивки с последующей шлифовкой. Основной сюжет композиций: лоси, чашевидные углубления, встречаются также изображения маралов, выявлены одиночные рисунки козла, череповидной личины. Предварительно большинство петроглифов датируется эпохой неолита, некоторые из них – эпохой ранней бронзы.

В октябре инвентаризация петроглифов проводилась в окрестностях с. Рыбное в Мотыгинском районе Красноярского края. Первоначально работы проводились непосредственно в черте села, где на береговом утёсе Рубашный были известны наскальные изображения [Заика, Ключников, 2010]. В процессе исследований были выявлены новые плоскости с петроглифами, расширена граница памятника. Рисунки выполнены в технике выбивки с

последующей шлифовкой. Рельеф рисунков вследствие выветривания скальных пород, воздействия воды и льда прослеживается очень слабо. Основной сюжет петроглифов – птицевидные фигуры, показанные фронтально с развёрнутыми в стороны крыльями. Реже встречаются линейные антропоморфные образы, знаки, контурные фигуры копытных животных. Датируются петроглифы в широком хронологическом интервале: эпоха раннего железного века – средневековье. Следующие петроглифы расположены ниже по течению Ангары на локальном выходе береговых скал под названием «Оленный утёс». Рисунки расположены на трёх смежных плоскостях, выполнены в технике мелкой поверхностной выбивки и на поверхности камня просматриваются за счёт светового и цветового контраста на фоне патенизированной поверхности скалы. Изображены олени, человеческие фигуры, выявлено одиночное изображение солярного знака. Фигуры сгруппированы в парные локальные композиции, иллюстрирующие сцены охоты с луком и стрелами. Охотники показаны пешком, на лыжах, верхом на оленях. Датируются рисунки эпохой средневековья – периодом этнографической современности.

Необходимо отметить, что география исследований представлена довольно широко, но несмотря на это, во всех случаях наблюдается аварийное состояние памятников наскального творчества. Скальные плоскости интенсивно разрушаются под воздействием внешней среды. Не только эрозийные процессы, но и человек оказывают негативное воздействие на древние рисунки. Особенно страдают изображения, выполненные охрой и другими красящими пигментами. Если рельефные петроглифы в большинстве своём разрушаются по причине механического воздействия, то рисованные изображения исчезают на глазах под наростами лишайников, современными посетительскими надписями. Спасти их могут только реальные охранно-спасательные мероприятия, музеефикация, предполагающие контролируемое и организованное экскурсионное посещение объектов [Заика, Вдовин, 2018; Заика, 2019].

Библиографический список:

1. Заика А. Л., Березовский А. П., Емельянов И. Н., Ключников Т. А., Тарасов А. Ю., Гревцов Ю. А. Петроглифы р. Бирюсы (по итогам работ 2000 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 122-123.
2. Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: метод. пособие. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – 76 с.
3. Заика А. Л., Ключников Т. А. Орнитоморфные изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам исследования писаницы Рыбное) // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. VI. – Минусинск: МРКМ им. Н. М. Мартьянова, 2010. – С. 202-203.
4. Заика А. Л. Личины Нижней Ангары: монография / Краснояр. Гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2013. – 178 с.
5. Заика А. Л., Вдовин А. С. Современное состояние и проблема сохранения и музеефикации памятников наскального искусства на территории Красноярского края // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования: материалы XII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвящённой 70-летию Музея геологии и землеведения КГПУ им. В. П. Астафьева, 110-летию со дня рождения Михаила Васильевича Кириллова, 110-летию Тунгусского феномена. Красноярск, 20 апреля 2018 г. / отв. ред. М. В. Прохорчук: ред. кол.: Краснояр. Гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2018. – Вып. 13. – С. 210-213.
6. Заика А. Л. Вопросы изучения, сохранения и популяризации древних объектов историко-

культурного наследия Красноярского края // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию Енисейска). Материалы Сибирского исторического форума. – Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2019. – С. 129-132.

7. Зоткина Л. В., Заика А. Л., Забияко А. П., Матвеев В. Е., Левачева Е. М., Волков Д. П. Новые данные о наскальных рисунках Нюкжинской писаницы (Амурская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2021 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. – Т. XXVII. – С. 448-452.

**А. Л. Заика, г. Красноярск,
А. М. Клементьев, г. Иркутск**

Образ верблюда в петроглифах Среднего Енисея

Присутствие на территории Среднего Енисея домашнего верблюда фиксируется не только по находкам его костных останков на территории поселений и погребальных комплексов, но и по свидетельствам древнего и средневекового искусства. Если предметы мелкой пластики, где зафиксирован образ верблюда, могли попасть в среднеенисейский регион извне и выступают нередко в роли косвенного, «блуждающего» источника, то петроглифы на скалах, как «стационарный» источник, маркируют реальное распространение данного животного на рассматриваемой территории. Соответственно, определение области распространения домашнего верблюда в немалой степени зависит от анализа сюжетов в наскальном искусстве региона. Необходимо отметить, что специальных исследований, посвящённых данной тематике пока не проводилось. Объектом внимания учёных-петроглифистов, как известно, являлись образы быка, оленя, лося, лошади, медведя и других, более «популярных» представителей фауны. Отчасти это можно объяснить как наиболее поздним появлением искомого сюжета в наскальном искусстве региона, так и отсутствием его широкого распространения в отличие от, например, Тувы и Монголии. Также необходимо отметить слабый интерес исследователей к поздним петроглифам, на примере которых уровень актуальности вопросов, связанных с определением времени исполнения, семантики рисунков сравнительно ниже по сравнению с более ранними наскальными изображениями. Исключение составляют исследования Анны Николаевны Мухаревой, которая не только актуализировала проблемы изучения средневековых петроглифов региона, но и уделила особое внимание образу верблюда в наскальном искусстве Минусинской котловины [Мухарева, 2007, 2009]. Рисунки этнографической современности в Хакасии в своё время проанализировали Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев [Кызласов, Леонтьев, 1980].

Теоретически высокая встречаемость искомого сюжета должна наблюдаться в петроглифах на юге региона – в пограничной зоне с территорией Тувы, где зафиксирована высокая концентрация образа верблюда в наскальном искусстве. Далее к северу предполагается понижение популярности данного образа в наскальном творчестве. На практике всё выглядит несколько иначе. Рассмотрим образ верблюда и связанные с ним сюжеты, дифференцируя петроглифы территориями, прилегающими к разным берегам Енисея, уделив особое внимание Нижнему Приангарью.

Правобережье Среднего Енисея. Одной из наиболее южных точек является устье р. Ои

(правый приток Енисея). На одной из плоскостей писаницы «Ленкова гора» зафиксирована рисованная охрой сцена с участием, видимо, верблюда и человека, который тянет его за повод. Подобная сцена присутствует гораздо севернее – на Георгиевской писанице, которая находится на левом берегу р. Тубы. Созвучными являются не только сюжет, но и расположение фигур: верблюд по одну сторону рёбра камня, человек – по другую, моделируя обход скального выступа. Отличает их только техника исполнения рисунков – выбивка. Рисунки датируются эпохой Средневековья. Напротив Георгиевской писаницы, на другом берегу р. Тубы в петроглифах более масштабной Шалаболинской писаницы зафиксировано пока только одно узнаваемое изображение верблюда. На плоскости 17 центрального участка памятника расположена многофигурная композиция с участием всадника, оленя и верблюда. Рисунки выполнены в технике выбивки, датируются эпохой Средневековья. Западнее, в устье р. Тубы на территории не менее масштабного петроглифического комплекса Тепсей к настоящему времени известно также пока только одно изображение верблюда [Советова, 1995, рис. 9, 1]. Южнее зафиксировано одиночное рисованное красной охрой изображение верблюда на Комарковской писанице [Кызласов, Леонтьев, 1980].

Самым северным пунктом правобережья Енисея, где зафиксированы в петроглифах изображения верблюдов, является петроглифический комплекс Улазы, расположенный напротив п. Новосёлово. Здесь в большом разнообразии представлены сюжеты с участием верблюдов. Выявлена сцена в виде каравана верблюдов, движущихся вниз по Енисею, одиночные изображения животных. всадники верхом на верблюдах в различных сочетаниях с другими животными, всадниками на лошадях. Есть композиции, где всадник на лошади в одном случае ведёт в поводу верблюда, в другом – преследует его [Мухарева, 2007, рис. 1, 5; 2, 1-4].

Также известны данные по опубликованным и архивным источникам об изображениях всадников на верблюдах в таёжной зоне на писаницах р. Маны (правый приток Енисея) [Вадецкая, 1986, с. 162]. В одном случае А. В. Адриановым в 1908 году на писанице № 4 («Борок») ниже устья р. Колбы выявил нарисованную охрой фигуру человека «...с раскинутыми руками, помещающагося за верблюдом или сидящаго на нём...» [Адрианов, 1913, с. 10]. К сожалению, в настоящее время плоскости с рисунками не сохранились [Заика, 2006] и проверить данную информацию нет возможности. В другом случае известна зарисовка красноярского художника Д. И. Каратанова наскальных рисунков в окрестностях с. Выезжий Лог, выполненная в 1912 году, где присутствует фигура всадника на двугорбом животном [Заика и др., 1998]. Многолетние исследования писаниц в окружающей местности не позволили выявить подобного рисунка. Тем не менее, мы считаем, что в данном случае нельзя полностью игнорировать информацией предшественников.

Левобережье Среднего Енисея. На настоящий момент самым южным пунктом в петроглифах на левом берегу Енисея является плита тагарского кургана в окрестностях улуса Бельтиры в Хакасии, где выбивкой нанесены два изображения верблюда, один из которых запряжён в арбу [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 103, табл. 46]. Датируются рисунки периодом этнографической современности. Севернее, напротив устья р. Тубы, в границах петроглифического комплекса Оглахты к настоящему времени известно 4 выбитых изображений верблюдов на различных плоскостях (№ 25, 26) пункта Оглахты – V [Пяткин и др., 1995, с. 87, табл. VII, 2; VIII, 2, 5]. Исследователи относят рисунки к этнографи-

ческому времени [Там же, с. 86]. Ещё одно более грациозное изображение верблюда зафиксировано на нижних ярусах скального массива с енисейской стороны [Sher et al., 1994, pl. 9]. Судя по копии В. Ф. Капелько 1972 года, которая хранится в Музее археологии и этнографии КГПУ им. В. П. Астафьева (МАС ВХ КВФ ОГЛ-01), изображение тщательно выполнено мелкоточечной выбивкой в скифо-сибирских изобразительных традициях и может соответствовать раннему железному веку. Самое крупное изображение верблюда (45 x 65 см) выявлено на массивной глыбе песчаника на горном склоне в подножии скал Оглахты [Кызласов, Леонтьев, 1980, с. 100, табл. 30]. Датируется рисунок периодом этнографической современности.

На северной периферии Хакасско-Минусинской котловины большое скопление изображений верблюдов зафиксировано на Сулекской писанице. Рисунки выполнены контурно глубокой резной линией, животные показаны реалистично в динамичных позах. В большинстве своём представлены сцены противостояния, борьбы животных, присутствуют сюжеты перекочевков, где верблюды показаны запряжёнными в одноосные повозки [Мухарева, 2007, рис. 2, 5; 3, 1, 2; 4]. Датируются рисунки эпохой Средневековья.

Самое северное изображение копытного животного с чётко выделенными двумя выступами на спине и коротким хвостом зафиксировано в Нижнем Приангарье. На плоскости 3 писаницы «Рыбное», расположенной на левом берегу р. Ангары в 105 км от места впадения её в Енисей, среди петроглифов многофигурной композиции выявлено силуэтно-линейное изображение данного животного, выполненное в технике выбивки с последующей шлифовкой [Заика и др., 1998]. Животное обращено в левую сторону, перекрыто орнитоморфной фигурой в геральдической позе, характерной для петроглифов эпохи раннего железа [Заика, Ключников, 2010]. Соответственно, верхней датой данного петроглифа следует считать середину I тыс. до н. э. Более того, на прилегающей территории (30 км ниже по течению) в устье р. Тасеевой в материалах жертвенника на территории культового комплекса среди предметов художественной металлопластики скифского времени обнаружено бронзовое зеркало с навершием в виде стоящего двугорбого верблюда [Дроздов и др., 2011, рис. V, 6]. Соответственно, есть все основания полагать, что данный образ был известен местному населению и нашел своё отражение в наскальном искусстве в эпоху ранних кочевников.

Учитывая вышеприведенные факты, следует сделать следующие выводы.

Границы распространения образа верблюда в петроглифах региона охватывают широкое пространство по обеим сторонам Енисея от юга Хакасии до Нижнего Приангарья в меридианном направлении и от предгорий Кузнецкого Алатау до отрогов Восточного Саяна – в широтном.

Наибольшая концентрация петроглифов, вопреки нашим ожиданиям, зафиксирована на севере Минусинской котловины, где верблюды представлены не только количественно, но и в качестве фигурантов многих сюжетов, разнообразных по своей тематике (петроглифический комплекс Улазы, Сулекская писаница).

Изображения верблюдов в петроглифах региона охватывают широкий временной интервал от эпохи раннего железного века до этнографической современности. Наиболее ранние рисунки зафиксированы на Нижней Ангаре и в центральной части Хакасии. Наиболее поздние образы – сравнительно равномерно распределены в Минусинской котловине.

В ранних и поздних петроглифах преобладают одиночные образы. Многофигурные композиции с участием верблюдов в различной ипостаси характерны для эпохи раннего средневековья, что свидетельствует о пиковой популярности данного животного, как в хозяйственной жизни, так в духовной культуре местного населения в период «кыргызского великодержавия» (VII – IX вв. н. э.).

Вопросы генезиса данного образа в наскальном искусстве региона требуют отдельного рассмотрения с привлечением археологических, палеозоологических и этнографических источников, и в более широком географическом и историческом контексте данной проблематики.

Библиографический список:

1. Адрианов А. В. Писаницы по реке Маны // Зап. Отд. Рус. и славян. Археологии РАО. – Т. 9. – СПб., 1913. – С. 1-34.
2. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях среднего Енисея. – Л.: Изд-во «Наука», 1986. – 179 с.
3. Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре (краткий очерк) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 77-85.
4. Дэвлет М. А. «Я ушёл в Золотую степь...» (петроглифы под горой Бош-Таг в Туве) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 86-200.
5. Заика А. Л., Каява А. В., Емельянов И. Н. Новые петроглифы нижней Ангары // Дуловские чтения. – Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1997. – С. 122-126.
6. Заика А. Л., Макаров Н. П., Вдовин А. С. Новые данные об исследованиях петроглифов р. Маны в начале 20 века // Международная конференция по первобытному искусству – Кемерово: Изд-во САИПИ, 1998. – С. 100-101.
7. Заика А. Л. История исследования манских писаниц // Енисейская провинция. Альманах. Выпуск 2; КГПУ. – Красноярск, 2006. – С. 128-149.
8. Заика А. Л., Ключников Т. А. Орнитоморфные изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам исследования писаницы Рыбное) // Мартьяновские краеведческие чтения. Вып. VI. – Минусинск: МРКМ им. Н.М. Мартьянова, 2010. – С. 202-203.
9. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
10. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов. – М.: Наука, 1980. – 176 с.
11. Мухарева А. Н. Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4 (34). – С. 102-109.
12. Мухарева А. Н. Сцены с верблюдами в наскальном искусстве Минусинской котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – Специальный выпуск: Проблемы изучения первобытного искусства (материалы дискуссии). – С. 253-261.
13. Пяткин Б. Н., Советова О. С., Миклашевич Е. А. Петроглифы Оглахты V (публикация коллекции) // Древнее искусство Азии: Петроглифы. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1995. – С. 86-108.
14. Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии: Петроглифы. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1995. – С. 33-54.
15. Sher Ya. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Sibirie du Sud 1: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie). – P.: De Baccard, 1994. – 152 p. – (Repertoire des petroglyphes d'Asie Centrale; Fasc. 1).

А. Л. Заика, Е. С. Муратов,
С. А. Королёв, В. А. Данилейко,
г. Красноярск

Результаты исследований петроглифов «Рыбное» на р. Ангаре в 2021 году

Объект археологического наследия «Петроглиф «Рыбное» расположен на правом берегу р. Ангара, на восточной окраине с. Рыбное Мотыгинского района Красноярского края на сланцевом утёсе серо-зелёного цвета с уплощенной вершиной, под названием «Рубашный» (Кармакулы). Окружающая местность представляет собой таёжную зону с холмистым рельефом (абсолютные отметки 360-600 м) Заангарского плато правобережья р. Ангара. Береговая линия представлена отвесными утёсами, сложенными сланцевыми породами серо-зелёного цвета.

Первые сведения о рисунках у с. Рыбное поступили в 1888 г. Д. А. Клеменцу от И. А. Лопатина, но обследовать их ему не удалось [Письмо..., 1888]. В 1937 г. петроглифы изучались А. П. Окладниковым [Окладников, 1966, с. 104-106]. В 1970-е гг. петроглифы исследовали участники Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (ИГУ) и Северо-ангарской археологической экспедиции Красноярского государственного педагогического института (КГПИ, совр. КГПУ им. В. П. Астафьева) [Дроздов и др., 1989, с. 209]. В 1985 г. отряд по паспортизации памятников археологии КГПИ провёл очередное обследование памятника с целью определения его состояния. Было определено, что поверхность камня частично повреждена трением льдов во время ледоходов. По результатам работ Е. В. Акимовой был составлен паспорт объекта под наименованием «Пос. Рыбное. Петроглиф Рыбное». По информации в паспорте петроглифы находятся в 3 км ниже пос. Рыбное, на правом берегу р. Ангары, выше устьевого участка р. Ергулейки. Рисунки выбиты точечной ретушью на скале, сложенной зелёнокаменными породами – реалистически изображены лось и, предположительно, медведь. На основании особенностей стиля и техники исполнения петроглифов памятник был предварительно датирован поздненеолитическим временем (4 тыс. лет до н. э.) [Паспорт..., 1985].

Повторное обследование объекта было произведено в 1996 г. отрядом по паспортизации памятников археологии Красноярского государственного педагогического университета (далее КГПУ) под руководством А. Л. Заики. В ходе работ было установлено, что петроглифы находятся в другом месте – на окраине с. Рыбное. Они были обнаружены на трёх плоскостях (№ 1, 2, 3). Участниками отряда были проведены следующие работы: внешнее обследование и определение современного состояния памятника, топографическая съёмка местности и фотофиксация местонахождения, выборочное копирование рисунков на полиэтиленовую плёнку [Заика и др., 1997]. По результатам работ была составлена учётная документация и присвоено новое название объекта: «пос. Рыбное. Петроглифы-1». Повторные обследования памятника проводились в 1998 и в 2000 гг. В результате работ было выявлено ещё 5 плоскостей с рисунками, расширены границы объекта [Заика и др., 1998; 2000].

В октябре 2021 г. по заданию Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края совместным отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева и НПО

«Археологическое проектирование и изыскания» были проведены работы по инвентаризации памятника: получены уточнённые сведения о месте расположения объекта, его датировке, современном состоянии и степени его сохранности, характеристике территории, а также границах и предмете охраны объекта. В результате работ были обнаружены ещё 4 плоскости с петроглифами, проведена их фотофиксация и копировка на прозрачные материалы. Остальные петроглифы, используя современные цифровые технологии, фиксировались бесконтактным способом.

Рисунки расположены в северо-западной части утёса в 1,5-8 м от берега реки на вертикальных и горизонтально наклонных плоскостях, на высоте 0,8–4,5 м от уреза воды, экспонированы на ЮЗ, ЮВ, СЗ, СВ. Изображения выполнены в технике выбивки, в большинстве случаев – с последующей шлифовкой. Выявлены изображения птиц, животных, людей, соляных знаков. Присутствует изображение сердцевидной личины.

Протяжённость обследованного участка: по линии ЮЗ-СВ – 98 м, по линии ЮВ-СЗ – 55 м. Видимыми признаками ОАН в современном рельефе скальных обнажений являются 12 плоскостей с петроглифами, расположенными на расстоянии 0,1-29 м друг от друга.

Плоскости 1 (длина 1,6 м, ширина 0,6 м) и плоскость 2 (0,6 х 0,6 м) горизонтально наклонные, на высоте 4 м от уреза воды обращены на СВ (азимут 300-310°). Расположены на северо-восточной оконечности писаницы, в 0,5 м друг от друга по линии ЗЮЗ-ВСВ, в 8 м к СЗ от берега реки. На их поверхности выявлены изображения птиц.

Плоскость 3 расположена на восточном отвесном склоне утёса, в 4,5 м к западу от русла реки, в 30 м к ЮЮЗ от плоскостей 1, 2, на высоте 4 м от уреза воды. В 30 м к юго-западу (азимут 250°) от плоскости, на вершине утёса установлен памятник-стела погибшим партизанам. Напротив плоскости, вдаваясь в русло реки, находится пологая площадка скальных выходов. Плоскость крупных размеров (высота 3 м, длина 4,85 м) имеет форму пятиугольника, по вертикальной линии симметрично немного вогнутая, под положительным углом наклона (20°) обращена на юго-восток (азимут 30°), в основании имеет узкую площадку. По всей площади плоскость густо покрыта рисунками. Основной сюжет петроглифов – фигуры птиц с развёрнутыми по сторонам крыльями, встречаются контурные фигуры копытных животных с трапециевидными и сегментовидными туловищами. Зафиксированы изображения людей, антропоморфной личины, соляных знаков, решётковидной фигуры.

Плоскость 4 (смежая с плоскостью 3, расположена правее неё) высота её 0,7 м, ширина – 0,5 м, под положительным наклоном (+55°) обращена на юго-запад (азимут 190°). Рисунки в виде орнитоморфных фигур выявлены на высоте 1 м от подножия плоскости.

Плоскость 5 находится в 1,8 м к северу от плоскости 3 (азимут 0°). Длина её 1,3 м, ширина 0,6 м, под положительным углом наклона (+25°) она обращена на северо-восток (азимут 300°). На высоте 0,8 м от подножия выявлены два орнитоморфных изображения.

Плоскость 6 расположена в 1,3 м к северо-востоку от плоскости 5 (азимут 30°), является восточным бортом скального выступа с плоскостью 10 на его верхней площадке. Высота плоскости 6-1 м, ширина 0,7 м, под положительным углом наклона (+50°) она обращена на берег, на юго-запад (азимут 340°). На высоте 0,8 м от подножия выявлены пять орнитоморфных фигур.

Плоскость 7 находится в 1,8 м к северо-востоку от плоскости 3 (азимут 40-45°), напро-

тив плоскости 5 (азимут 100°) на расстоянии 1,5 м от нее. Длина её 0,8 м, ширина 0,2 м, под положительным углом наклона ($+20^\circ$) она обращена на реку, на северо-восток (азимут 340°). Представлены одна зооморфная и две орнитоморфные фигуры.

Плоскость 8 смежная с плоскостью 7, расположена северо-восточнее и немного выше её, является соседней гранью камня. Высота её 0,15 м, ширина – 0,3 м. Под положительным углом наклона ($+30^\circ$) она обращена на юго-восток (азимут 40°). Изображено копытное животное.

Плоскость 9 (высота 0,5 м, ширина 0,4 м) смежная с плоскостью 3, расположена на южной окраине её, вертикальная. Под небольшим положительным углом наклона ($+20^\circ$) она обращена на юго-запад (азимут 335°). Изображена орнитоморфная фигура.

Плоскость 10 (длина 1,7 м, ширина 0,8 м) находится в 1,3 м к северо-востоку от плоскости 5 (азимут 30°), является верхней горизонтальной площадкой скального выступа с плоскостью 6 на его восточной вертикальной грани. Выявлены орнитоморфные фигуры.

Плоскость 11 вертикальная, немного выпуклая, находится на южной оконечности писаницы, в 11 м к ЮЮЗ от плоскости 9 (азимут 200°). Высота её 0,7 м, ширина 0,5 м, под небольшим положительным углом наклона ($+15^\circ$) она обращена на юго-восток. На высоте 0,6 м от подножия выявлено одно орнитоморфное изображение.

Плоскость 12 (длина 1,1 м, ширина 0,9 м) расположена на северной оконечности писаницы в 21 м к ССЗ от плоскости 1 (азимут 30°), является верхней горизонтально наклонной площадкой скального мыса. В 1,5 от берега, на высоте 0,8 м от уреза воды выявлена контурная антропоморфная фигура, выполненная в технике выбивки.

Учитывая географо-топографическое соответствия объектов, способ нанесения рисунков, сюжетные характеристики изображений, принимая во внимание частые случаи палимпсеста, петроглифы охватывают широкий временной интервал (2-1 тыс. л. до н. э.). Антропоморфная фигура на плоскости 12, судя по технике исполнения и элементам аббревиатуры образа, выполнена значительно позднее: в период кон. XIX – нач. XX веков.

Вследствие выветривания скальных плоскостей, активного действия воды и льда рельеф рисунков к настоящему времени частично сnivelирован и приобрёл слабовыраженный характер. Более того, многие плоскости покрыты толстыми напластованиями современной масляной краски, густо заполнившей слабые углубления линий рисунков, лишайниками. Непосредственная близость населённого пункта негативно влияет на сохранность петроглифов, которые часто посещают местные жители для проведения досуга: разжигают костры, разбивают об камни стеклянную посуду и др. Общее состояние объекта оценивается как аварийное.

Библиографический список:

1. Дроздов Н. И., Макулов В. И., Ермолаев А. В. Археологическая карта нижнего течения Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. – Красноярск. 1989. Вып. 1. – С. 190-193.
2. Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. И., Березовский А. П., Емельянов И. Н., Ключников Т. А. Археологические исследования памятников наскального искусства на территории Мотыгинского района Красноярского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 2000 г.) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 287-291.
3. Заика А. Л., Емельянов И. Н., Березовский А. П. Новые данные по наскальному искусству

Нижней Ангары // Вестник САИПИ. – 1998. – Вып. 1. – С. 16-17.

4. Заика А. Л., Каява А. В., Емельянов И. Н. Новые петроглифы Нижней Ангары // Дуловские чтения. – Иркутск: Изд-во ИГПИ, 1997. – С. 122-126.

5. Окладников А. П. Петроглифы Ангары. М.-Л.: Наука, 1966. – 322 с.

6. Паспорт объекта культурного наследия «Пос. Рыбное. Петроглиф Рыбное» от 28.11.1985. // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. Б/Н.

7. Письмо Д. А. Клеменца Тизенгаузену из Минусинска 16 ноября 1889 года // Архив Императорской Археологической комиссии, д. 23/ 1888, лл. 135- 136 (хранится в архиве ИИМК).

**А. Л. Заика, Д. А. Гурулев, В. И. Куницкий,
Ю. А. Гревцов, А. Ю. Тарасов,
г. Красноярск**

Петроглиф «Нижний брат» (результаты исследований 2021 года)

Объект археологического наследия «Петроглиф Нижний Брат» расположен в Тасеевском районе Красноярского края на левом берегу р. Бирюсы (левый конглоуент р. Тасеевой – левого притока р. Ангары), в 10 км к северо-востоку от д. Кайтым, напротив нижней границы порога «Нижний Брат» (70 км от устья). Окружающая местность представляет собой таёжную зону Приангарского плато. Географические координаты (центр объекта) GPS (WGS-84): 57°25'13.43» с. ш., 95°38'22.22» в. д.

Памятник был открыт отрядом Комплексной археологической экспедиции Красноярского государственного педагогического института (КГПИ, совр. КГПУ им. В. П. Астафьева) под руководством В. Г. Буторина в 1988 г. [Буторин и др., 1988].

В. Г. Буториным был составлен паспорт объекта под наименованием «п. Усть-Кайтым. Петроглиф Нижний Брат». Размеры памятника составляли по линии запад-восток: 15 м, по линии север-юг: 15 м [Паспорт..., 1988]. Законом Красноярского края «Об объявлении вновь выявленных археологических объектов охраняемыми памятниками истории и культуры» от 24.06.1997 № 14-526 объект был объявлен охраняемым памятником истории и культуры под наименованием «Петроглиф Нижний Брат».

В 1988 г. на скальных выходах предпорожной части на высоте 2-3 м от уровня воды были обнаружены отщепы (30 ед.). При выходе из порога на левом берегу на базальтовых плитах были выявлены две композиции с изображениями лосей. Первая композиция расположена на горизонтальной плите на высоте 1,5 м от уровня воды. Она представляет собой одиночное изображение лоса, выполненного отчётливо двойным желобком. Туловище имеет подпрямоугольную форму с горбом под лопатками. Голова зверя с рогами, опущена вниз. Внутри фигуры изображена так называемая «линия жизни» с овальным расширением на конце – сердцем. Вторая композиция расположена на вертикальной плите в 3 м западнее композиции № 1 и представляет собой четыре парциальные головки лосей, у каждого из которых отчётливо изображены губы. Изображения расположены вертикально друг над другом. Местонахождение было датировано эпохой неолита [Буторин, 1988, л. 6, 17, 33, 34, рис. 1, 2.].

Осенью 2000 г. отрядом по паспортизации памятников археологии КГПУ им. В. П. Астафьева под рук. А. Л. Заики во время повторного обследования местонахождения было выявлено ещё 7 вертикальных плоскостей с изображениями, что значительно расширило границы памятника [Заика и др., 2000]. Неблагоприятные погодные условия не позволили произвести полноценную фотосъёмку и копировку наскальных изображений. Вместе с тем, полученные материалы позволили сделать вывод, что данные петроглифы относятся к одним из наиболее древних наскальных рисунков в Нижнем Приангарье [Заика, Ключников, 2001].

В сентябре 2021 г. по заданию Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края совместным отрядом КГПУ им. В. П. Астафьева, ООО «Красноярская археология новостроек» и НПО «Археологическое проектирование и изыскания» были проведены работы по инвентаризации памятника: получены уточнённые сведения о месте расположения объекта, его датировке, современном состоянии и степени его сохранности, характеристике территории, а также границах и предмете охраны объекта. В результате работ было зафиксировано 11 плоскостей с петроглифами, проведена их фотофиксация и копировка на прозрачные материалы. Также, используя современные цифровые технологии, плоскости с наскальными рисунками фиксировались бесконтактным способом.

Протяжённость обследованного участка составила: по линии ЮЗ-СВ 350 м, по линии СЗ-ЮВ 50 м. Рисунки сконцентрированы на трёх участках скальных выходов, обособленных территориально. На поверхности ступенчатых скальных выходов базальта, обращённых к реке выявлены изображения животных, личины, знаков и чашевидные углубления. Плоскости с петроглифами, обращены на север, северо-запад и северо-восток. Выполнены рисунки в технике выбивки и выбивки с последующей шлифовкой.

Участок 1 находится на северной (верхней по течению) оконечности памятника и имеет протяжённость с ЮЗ на СВ 60 м. Изображения выявлены на двух плоскостях, расположенных на расстоянии 51 м друг от друга, в 1,5 и 6,5 м от берега на высоте 2,3-2,7 м от сентябрьского уреза воды они обращены на СЗ.

Характеристика плоскостей с петроглифами (1 участок):

№	ширина, м	высота, м	техника	сюжеты и образы
1	0,55	0,55	выбивка, шлифовка	знак
2	0,5	0,5	выбивка, шлифовка	череповидная личина

Участок 2 протяжённостью с ЮЗ на СВ 20 м расположен в 80 м ниже по течению, где сконцентрирован основной комплекс петроглифов на семи плоскостях. Плоскости 1-5 смежные, находятся на одном скальном фризе длиной 5 м и горизонтально покатой вершиной, в 2,3-4,5 м к ЮВ от берега, на высоте 2,5 м от уреза воды, разделены между собой трещинами. В подножии фриза находится каменный приступок шириной 1,8-3 м и высотой 1,3 м, отвесно обрывающийся к воде. Плоскость 6 расположена на отдельном каменном блоке (2,3 x 2,0 x 1,2 м) в глубине берега на расстоянии 10 м от его кромки, на высоте 3 м от уреза воды.

Характеристика плоскостей с петроглифами (2 участок):

№	ширина, м	высота, м	техника	сюжеты и образы
1	0,7	0,3	выбивка, шлифовка	зооморфная фигура
2	1,5	1,0	выбивка, шлифовка	зооморфная фигура, чашевидные углубления
2/3	0,5	0,25	выбивка	зооморфная фигура
3	0,9	0,45	выбивка, шлифовка	зооморфные фигуры
4	0,5	0,7	выбивка, шлифовка	зооморфная фигура, чашевидные углубления, знаки
5	0,7	0,35	выбивка, шлифовка	зооморфная фигура
6	1,5	0,8	выбивка, шлифовка	зооморфные фигуры, чашевидные углубления

Участок 3 протяжённостью с ЮЗ на СВ 10 м расположен в 60 м ниже по течению от участка 2 и включает две плоскости с петроглифами, находящиеся на расстоянии 3,5 м друг от друга. Плоскость 1 вертикальная, обращена на ЗСЗ (аз. 215-220°), находится на северо-восточной оконечности участка, в 1,8 м от берега, в верхней части каменного блока высотой 1,4 м и шириной 1,2 м, на высоте 0,4 м от подножия и 2,4 м от уреза воды. Плоскость 2 расположена к ЗЮЗ от плоскости 1 на уровне её подножия, в 2,6 м от берега и является горизонтальной, слегка наклонной (-10°) верхней гранью камня, на высоте 1,7 м от уреза воды, обращённой вверх по течению на северо-восток.

Характеристика плоскостей с петроглифами (3 участок):

№	ширина, м	высота/длина, м	техника	сюжеты и образы
1	1,2	1,0	выбивка, шлифовка	зооморфные фигуры, чашевидные углубления
2	1,0	1,5	выбивка, шлифовка	зооморфная фигура

Вследствие эрозийных процессов петроглифы разрушаются: плоскости растрескиваются и осыпаются. Многие композиции сохранились фрагментарно. Практически все рисунки пострадали во время паводков и ледохода. Общее состояние памятника оценивается как аварийное.

Основной сюжет петроглифов – лоси. Причём основной акцент сделан на головной части животных. Большинство их обращено в левую сторону (вверх по течению реки), выполнено в технике выбивки с последующей шлифовкой. Интерес представляет фигура лося (лосихи), расположенная на горизонтальной плоскости (участок 3, плоскость 2). Контур фигуры выполнен двойным желобком. У животного показано массивное туловище подчетырёхугольной формы, хорошо шлифован характерный горб и отвисший живот. Голова на короткой шее вытянута вперёд, вниз по течению реки, немного опущена вниз. Показана развилка коротких ушей и двойным желобком – подшейная кисть. Внутри контура фигуры прямой линией обозначена аорта («линия жизни»), оканчивающаяся приостренным овалом – «сердцем». Уникальным для таёжной местности является изображение головной части горного козла с ярко выраженной крутой дугой линии рогов (участок 2, плоскость 2/3). В отличие от других фигур данный петроглиф выполнен мелкоточечной

выбивкой, без последующей шлифовки. Изображения копытных животных выполнены в ангарских неолитических традициях, некоторые из них – в «минусинском стиле», характерном для южных районов Среднего Енисея и датируются периодом новокаменного века. Несколько обособлено от основного комплекса рисунков находится изображение антропоморфной личины с череповидным контуром (участок 1, плоскость 2). Выполнена она в технике выбивки, линии верхней части её контура дополнительно шлифованы. На том же участке (плоскость 1) выявлена горизонтальная дуга, которую можно трактовать, как фрагмент абриса нижнего контура антропоморфного лица. Данные петроглифы, надо полагать, маркируют окуневские изобразительные традиции и могут быть отнесены к эпохе ранней бронзы, что не противоречит общим направлениям в наскальном искусстве региона на примере антропоморфных образов [Заика, 2006, 2012].

Судя по сюжету и стилю, учитывая технику исполнения рисунков, привлекая датированные изобразительные аналогии следует сделать вывод о том, что объект археологического наследия «Петроглиф Нижний Брат» датируется на широком временном интервале от эпохи неолита до периода ранней бронзы (5 тыс. л. до н. э. – 2 тыс. л. до н. э.) и представляет интерес как памятник наскального искусства древнего населения Нижней Ангары.

Библиографический список и источники:

1. Буторин В. Г. Отчёт о разведочных работах в Абанском и Тасеевском районах Красноярского края, проведённых в 1988 г. Красноярск, 1988 // Архив ИА РАН. Р-1. № 3288.
2. Буторин В. Г., Гревцов Ю. А., Тарасов А. Ю., Ригин М. В. Исследования на реке Бирюсе // Палеоэтнология Сибири: тезисы докладов XXX Региональной археологической студенческой конференции (Иркутск, 29-31 марта 1990 г.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990. – С. 102-103.
3. Заика А. Л., Ключников Т. А. Древнейшие изображения в наскальном искусстве Нижнего Приангарья (по материалам работ 2000 г.) // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 432-435.
4. Заика А. Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник. Культура и её окружение: Сб. науч. Тр. – СПб.: Изд-во «Эликсис Принт», 2006. – С. 330-342.
5. Заика А. Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1(49). – С. 62-75.
6. Паспорт объекта культурного наследия «п. Усть-Кайтым. Петроглиф Нижний Брат» от 15.01.1990 // Архив Службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края. Б/Н.

**А. Р. Зарипов,
г. Минусинск**

История археологического изучения Койбальской степи

«Склад образ жизни и культура каждого народа обусловлены климатическими особенностями, физическими и топографическими условиями природы, среди которых человек обитает, и естественными произведениями, которыми снискивает пропитание. Так как древние расы более зависят от природы, чем расы цивилизованные, то они должны быть изучаемы именно в связи с окружающей природой и её производительностью» [3, с. 1].

Обращая во внимание данное научное утверждение, которое было выдвинуто, выдающимся археологом и исследователем Сибири и Центральной Азии – Н. М. Ядринцевым, безусловно, необходимо знать природно-географические характеристики районов, в которых наблюдаются следы проживания древних цивилизаций, что в свою очередь позволяет получить информацию о хозяйственном укладе, культуре и быте населения разных эпох.

Особенностью здесь является то, что климат определённой изучаемой территории на протяжении всей истории безусловно, был разным, но знание нынешних эколого-географических характеристик, того или иного географического региона, позволяет исследователю выявить ряд закономерностей, которые были присущи представителям той или иной цивилизации, проживающих на сопредельной территории как осёдлым, так и кочевым образом жизни.

Одним из очагов проживания древних рас, носителей различных культур, традиций и быта, является территория Южной Сибири, выраженная в географическом плане Хакасско-Минусинской котловиной.

Минусинскую впадину делят на четыре самостоятельные котловины: Назаровскую, Чулымо-Енисейскую, Сыдо-Ербинскую и собственно Минусинскую. Минусинская степная и лесостепная котловина, общая протяжённость которой с севера на юг около 400 км, а с запада на восток – от 80 до 200 км. Наименьшая высота котловины 240-340 м, к окраинам она увеличивается до 700-900 м. Разнообразие рельефа обуславливает смешанный характер растительности. Основное пространство занимают степи (луговые, крупнопольно-ковыльные и каменисто-горные) и лесостепи [3, с. 3].

Сквозь Хакасско-Минусинский край протекает одна из великих рек мира – Енисей, называемый по-хакасски Ким (Кем). Этот гидроним известен по письменным источникам начиная с VI в. н. э. Слово «Кем» переводится с кетского языка как «Большая река» [1, с. 8].

Непосредственно территорию Минусинской котловины, как уже было сказано ранее, занимают обширные степи, среди них ярко выражена, как в природно-географическом плане, так и в истории археологического изучения, так называемая – Койбальская степь.

Койбальская степь (хак. «Хаал чазы»), степное пространство в юго-западной части Южно-Минусинской котловины занимающее всю территорию Алтайского и южную часть Бейского районов. Годовое количество осадков – от 295 до 414 мм. Преобладающее направление ветра – юго-западное. По рельефу это холмисто-увалистая равнина с чередованием пологих возвышенностей с абсолютными отметками 290-500 м, на которой поднимаются возвышенности высотой 450-600 м, бугристых песков, небольших замкнутых котловин, занятых солёными озёрами (оз. Сосновое, Солёное, Чёрное, Берёзовое, Черёмушки, Куринка и др.) [7, с. 287].

Климат резко-континентальный с холодной зимой и жарким летом.

В истории человечества присутствуют достаточные примеры, влияния велик рек на развитие человечества, а именно это реки Нил, Тигр и Евфрат, Сырдарья и Амударья, Янцзы и Хуанхэ, Инд и Ганг. Именно на этих великих реках впервые складывались первые государства в истории человечества.

На территории Койбальской степи было выявлено большое количество памятников древних культур, проживающих на обозначенной территории в далёком прошлом, так и на всём пространстве Хакасско-Минусинской впадины. Это связано не только с тем, что

здесь наблюдается большая концентрация археологических памятников, которые в настоящий момент представляют, как региональное, так и федеральное значение.

Ключевая характеристика степи может быть воспринята, её природно-географическими условиями, которые непосредственно влияли на заселение этой территории ещё глубоко в древности, что говорит о том, что здесь были достаточно неплохие условия для ведения хозяйства, о чём свидетельствуют материалы археологических изысканий на этой локальной территории.

Первая половина XVIII в. ознаменовано изучением археологических памятников Минусинской котловины. Участники первых археологических экспедиций Д. Г. Мессершмидт (1720-1727 гг.), И. Ф. Страленберг, Г. Ф. Миллер (1733-1744 гг.), П. С. Паллас (1770 г.), были направлены для исследования природных богатств, составления географического описания, а также с целью всестороннего изучения Сибири [2, с. 8].

Маршруты первых археологических экспедиций, в основном проходили на левом берегу Абакана и Енисея, а также в северных районах, тем самым практически не затрагивая территорию Койбальской степи.

В конце XIX в. учёные активно обратили своё внимание на территории поблизости от современного г. Саяногорск в Бейском районе. В 1847 г. финским учёным, лингвистом и этнографом М. А. Кастреном был обнаружен камень с рунической надписью и раскопан земляной курган у с. Означенного. В 1889 г. финская экспедиция, возглавляемая профессором И. Р. Аспелиным, у с. Означенное исследовала ещё два кургана конца I тыс. до н. э. На одном из них стоял камень с надписью, обнаруженный М. А. Кастреном [4, с. 347].

Активное изучение памятников археологического наследия на территории Койбальской степи велось и в советское время и было вызвано особенностями того времени, а именно это связано с локальным характером, вызванными аварийно-спасательными работами.

В 1948 г. на территории Бейского района, возобновляются археологические изыскания. В 1948 г. сотрудником Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартянова Э. Р. Рыгдалоном, было обнаружено два неолитических местонахождения Маткетчик-1 и Маткетчик 2, в 2-2,5 км к западу и юго-западу от д. Маткетчик. На дюнных выдувах были собраны изделия из камня: нуклеусы, топор, скребки и скребла, нож из нефрита, ножевидные пластины [6, с. 91].

Достаточно большие археологические изыскания проводились на могильнике Летник VI, расположенный около аэропорта г. Саяногорска на юге Хакасии. В 1975 г. к исследованию могильника приступила Бейская экспедиция ЛОИА АН СССР под руководством М. Н. Пшеницыной. В 1975, 1978, 1979 гг. экспедицией было раскопано 14 оград афанасьевской культуры, содержащих 53 могилы [4, с. 347].

Исследованные 14 оград афанасьевской культуры в могильнике Летник VI представляли собой пологие земляные холмики диаметром от 10 до 15 м и высотой 0,3–0,8 м. В большинстве случаев повывступавшим на поверхности валунам можно было чётко проследить кольцо ограды. Внутри круглой ограды, сложенной из валунов и крупной гальки, находилась одна, реже, две могилы. Погребальный инвентарь представлен серебряной серьгой в виде проволочной спирали, бронзовой проколкой и каменными орудиями [4, с. 361].

Курган, исследованный в Алтайском районе у деревни Новомихайловка в 1985 г., является памятником, характерным для сарагашенского этапа тагарской культуры (IV–III вв.

до н. э.). В связи с этим, предложенная в работе реконструкция погребального обряда в определённой мере отражает погребальную практику племён, населявших степи Среднего Енисея в этот период. Во время раскопок Новомихайловского кургана были получены факты, ярко отражающие религиозно-мифологические представления того времени: захоронение очищенных костей двух человек, коллективное погребение в разной степени разложившихся трупов, погребения собак, устройство «выхода» из ограды кургана, оформленное двумя каменными фигурами баранов [8, с. 5].

В постсоветский период времени, изучение памятников археологического наследия активно продолжают. Это выражено в проведении, как археологических разведок, так и археологических экспедиций на территории двух районных образований, а именно на территории Алтайского и Бейского районов.

В 2017 г. Российско-Китайской экспедицией в составе сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского федерального университета, Международного инновационного университета и Чунцинского института культурного наследия Китайской Народной Республики, были проведены комплексные геоморфологические, археологические и геологические работы на правом берегу р. Абакан. Исследования велись в Бейском районе Республики Хакасия. Комплексные работы позволили выявить три пункта палеолитического материала, получившие названия Маткетчик-1, 2, 3. Маткетчик-1, расположен на 8-12 метровой террасе р. Абакан в 1,2 и 1,4 км выше моста и в 4 км ССЗ п. Макетчик. Маткетчик-2 расположен на участке 20-30 метровой террасы р. Абакан, протяжённость которого составляет 300 м, расположенному в 0,6-0,9 км выше мостового перехода. Маткетчик-3 обнаружен на террасе р. Абакан в 500-600 м ниже мостового перехода. Поднятый материал с местонахождения Маткетчик-3 относится к периоду среднего палеолита, остальной материал относится к периоду позднего палеолита [5, с. 25-29].

В 2018–2019 гг. в соответствии с программой Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова по изучению поселений таштыкской культуры, Алтайский археологический отряд провёл археологическую разведку с целью уточнения сведений о наличии древнего поселения в окрестностях аала Сартыков. Поселение находится на территории жилой застройки и протянулось от центральной части до северо-восточной окраины населённого пункта.

С целью определения стратиграфической позиции культурного слоя, границ его распространения были сделаны зачистки берегового обнажения, поставлены два разведочных шурфа (каждый размером 2 × 1 м) и заложен небольшой раскоп (4 × 3 м).

В ходе полевых археологических исследований получены следующие результаты. На небольших по площади участках поселения Сартыков представлены многочисленные образцы керамики таштыкского типа. Орнаментированные фрагменты посуды чаще всего украшены сплошными простыми поясками с оттисками различных штампов – линейного, прямоугольного, овального, треугольного [11, с. 569-571].

Необходимо обратить внимание, что на территории Койбальской степи проходили не только выше перечисленные археологические изыскания, но и другие виды археологических работ, которые непосредственно внесли большой вклад не только в изучении памятников археологических культур. В первом и начавшемся втором десятилетии

XXI века, была проведена работа по научной паспортизации памятников культурного наследия с целью учёта и проведения мероприятий по их сохранению.

Руководствуясь данными Государственной инспекции по сохранению культурного наследия Республики Хакасия, с 2011 по 2021 гг., и на сегодняшний день учтено и поставлено на государственную охрану 211 региональных памятников археологии в Бейском районе. С 2010 по 2021 гг., в Алтайском районе было учтено и поставлено на региональную охрану 105 региональных памятника археологии [9].

Памятников федерального значения в Алтайском районе, зафиксировано в количестве 100 ед., включающих в себя одиночные курганы, могильники, стоянки, поселения чаатасы, курганные группы. На территории Бейского района зафиксировано памятников археологического наследия, федерального значения в количестве 139 ед., включающих в себя курганы, поселения, стоянки, могильники, курганные группы и чаатасы [10].

На основании всего выше перечисленного можно констатировать, что Койбальская степь, в археологическом плане изучена на недостаточном уровне. Первые археологические исследования здесь стали проводиться лишь в конце XIX века, а также изучение продолжилось и в советское время в районе с. Означенного, ныне это г. Саяногорск, и его окрестностей. В первом и начавшемся втором десятилетии XXI века, была проведена активная работа по научной паспортизации памятников Республики Хакасия, что в свою очередь вылилось в ряд археологических изысканий на данной территории.

В 2018-2021 гг., на территории Койбальской степи между аалом Шалгинов и селом Аршаново, что в территориально-административном плане выражается Алтайским и Бейским районами Республики Хакасия, проводит свои археологические изыскания АЭ ХНКМ им. Л. Р. Кызласова, результаты которых, возможно будут опубликованы в ближайшем будущем. Важным процессом археологического изучения района в XXI веке, необходимо связывать с деятельностью промышленных предприятий, которые в случае необходимости, готовы финансировать процесс археологических изысканий. Это связано с тем, что на любой археологический вид работ, требуется достаточно большое финансирование, которое имеет принципиальное значение в наше время, как важный инструмент получения новой информации о прошлом человечества, так и для развития науки в целом.

Библиографический список.

1. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакаско-Минусинского края / В. Я. Бутанаев ; отв. ред. И. Н. Гесуев. – Абакан: Хак. книж. изд-во. 1995. – 267 с.
2. Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири : История идей и исследований. XVIII – первая треть XX в / Ю. Г. Белокобыльский; отв. ред. Ю. С. Худяков; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1986. – 166 с. : илл.
3. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея / Э. Б. Вадецкая. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
4. Вадецкая Э. Б. Свод памятников Афанасьевской культуры / Э. Б. Вадецкая, А. В. Поляков, Н. Ф. Степанова; отв. ред. В. И. Молодин. – Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 380 с.: илл.
5. Дроздов Н. И. Методы исследования местонахождения палеолита на р. Абакан в Республике Хакасия / Н. И. Дроздов., В. И. Макулов., С. А. Паршиков., Д. Н. Дроздов., В. П. Леонтьев. // Междисциплинарные археологические исследования древних культур Енисейской Сибири и со-

предельных территорий: материалы Международной научной конференции (Красноярск, 20–21 октября 2020 г.). – Красноярск. – 2021. – С. 25-31.

6. Дроздов Н. И. Местонахождение среднего палеолита на Абакане в Республике Хакасия / Н. И. Дроздов., В. И. Макулов., С. А. Паршиков. // UNIVERSUM HUMANITARIUM. – 2019. – № 1. – С. 88-111.

7. Зоркина Т. М. Койбальская степь / Т. М. Зоркина, М. Л. Махрова // Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. Т. 1 / Правительство Респ. Хакасия; гл. ред. В. А. Кузьмин. – Красноярск: Поликор, 2007. Т. 1 : [А - Н]. — 2007. — 432 с. : ил.

8. Кузьмин Н. Ю. Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры стенных племён Енисея V-III вв. до н. э. / Н. Ю. Кузьмин / Раскопки на дорогах Хакасии. Вып. 1. / Археологические изыскания. Вып. 15. – СПб, 1994. – 60 с.

9. Перечень выявленных объектов культурного наследия Республики Хакасия. – URL: <https://r-19.ru/authorities/protection-of-cultural-heritage/common/5094/102682.html> (Дата обращения: 11.12. 2021).

10. Список объектов культурного наследия федерального значения, расположенных на территории Республики Хакасия. – URL: <https://r-19.ru/authorities/protection-of-cultural-heritage/common/5094/44344.html> (Дата обращения: 12.12. 2021).

11. Поселянин А. И. Исследование Таштыкского поселения Сартыков в Республике Хакасия / А. И. Поселянин, В. С. Зубков, И. Ю. Слюсаренко, О. А. Митько. // Проблемы Археологии, Этнографии, Антропологии Сибири и Сопредельных Территорий. – 2019. – Т. 25. – С. 568-573.

Э. Н. Киргинцев,
г. Абакан, Республика Хакасия

Исследования археологической экспедиции ХНКМ им. Л. Р. Кызласова в южной части Койбальской степи Хакаско-Минусинской котловины

Изучение эпохи средневековья Хакаско-Минусинской котловины имеет длительную историю. Исследовательские работы, посвящённые этому периоду, связаны с письменными историческими источниками, включая и енисейскую руническую письменность, летописи и хроники китайских, персидских, арабских авторов. Анализ письменных источников позволил учёным установить включённость территории современной Хакаско-Минусинской котловины в систему взаимоотношений с рядом государственных образований как ближайших, так и дальних регионов Евразии. Несомненная заслуга в изучении этого вопроса принадлежит С. В. Киселёву и Л. Р. Кызласову.

Наряду с письменными источниками в основе исследования данного периода находятся археологические источники. Работами Л. А. Евтюховой, Л. Р. Кызласова и И. Л. Кызласова были изучены средневековые памятники, даны их типологические и хронологические характеристики. Установлено, что их количество довольно значительно, что они распространены по всей территории Хакаско-Минусинской котловины. Находки изделий однозначно свидетельствуют о высоком уровне ремесленного производства, как мастерства самих ремесленников, так и организации производственного процесса и технологий.

Одной из археологических задач по изучению памятников эпохи средневековья являются исследования всей площади могильников. Известно, что подобные памятники располагаются на большой площади, количество захоронений может достигать несколько сотен

и как следствие их раскопки проводятся редко. Исследования всей площади могильников является редким исключением.

Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова проводит масштабные археологические исследования междуречья реки Енисей и его притока правого берега реки Абакан. Данный участок получил в исторической литературе наименование Койбальская степь, по самоназванию одной из хакасских групп – койбалов. Непосредственно территория исследования расположена в южной части Койбальской степи по правому берегу р. Абакан. Начиная с 2018 г. по 2021 г., археологической экспедицией ХНКМ им. Л. Р. Кызласова под руководством автора публикации было выявлено 46 курганных могильников (252 кургана), 50 одиночных курганов, 1 стоянка, 2 поселения, 4 могильника эпохи бронзы, 2 одиночных камня (менгир). Уточнён памятник федерального значения, в составе которого 29 курганов. Большинство объектов по визуальным признакам относятся к тагарской культуре и датируются VIII – III вв. до н. э., несколько большая часть хронологически ближе к раннему периоду тагарской культуры, вероятно имеют даты VII-VI вв. до н. э. Несколько меньшая часть, возможно, относится к хронологическому отрезку V-IV вв. до н. э. Выявлены курганы, которые, возможно, относятся к относительно позднему хронологическому периоду тагарской культуры. Общая площадь археологической разведки составила примерно 10 x 10 км. Относительно небольшая площадь сплошного обследования по выявлению новых памятников даёт представление о высокой концентрации курганов и, как следствие, о предполагаемой численности древнего населения в период VII-I вв. до н. э. на данной территории и его ближайшего окружения.

Раскопки за период 2019-2021 гг. археологической экспедицией ХНКМ им. Л. Р. Кызласова под руководством автора публикации были проведены на 10 курганных могильниках и одиночных курганах. Всего исследовано 23 кургана тагарской культуры разных этапов: подгорновский (VIII-VII вв. до н. э.), биджинский (VII-VI вв. до н. э.), сарагашенский (V-IV вв. до н. э.). Данные исследования позволяют подтвердить концепцию развития населения тагарского времени как единого, культурного и исторически сложившегося общества.

Нами исследован средневековый могильник, который раскопан полностью, что, как уже указывалось выше, является редким событием в археологии Хакасско-Минусинской котловины. Могильник был расположен в открытой степи, в удалении от реки Абакан. Сооружён на окраине тагарского могильника. Такое близкое расположение к курганам предыдущих эпох свидетельствует о намеренном обустройстве кладбища средневековым населением для обозначения духовного родства с населением ранних времён. В целом подобное обозначение родства характерно для средневековых могильников Хакасско-Минусинской котловины.

Могильник был частично повреждён распашкой, как выяснилось, в ходе работ часть надмогильных сооружений оказалась разрушена. Надмогильные сооружения сложены из плит песчаника, блоков рваного камня и камней галечной формы (галька). В могильнике были представлены надмогильные сооружения в виде выкладок и кладок округлой, подпрямоугольной и кольцевидной в плане формы. Часть их образовывали системы пристроенных друг к другу сооружений. Данные надмогильные сооружения в основе имели отно-

сительно массивные плиты и блоки, поверх которых были уложены более мелкие камни. Размеры выкладок составляли от 0,70 x 1,0 м до 2,20 x 2,50 метров.

В ходе исследования могильника было зафиксировано 174 захоронения. Справедливости ради необходимо отметить, что во время раскопок проверялись контрольными зачистками все выкладки, скопления камней и одиночно лежащие камни, где существовала вероятность нахождения захоронений. В ходе таких контрольных зачисток были зафиксированы грунтовые ямы, в которых признаков захоронений не обнаружено, их всего 36. В могильнике находились захоронения, совершённые по обряду трупоположения и трупосожжения (кремация). При этом каждый из обрядов возможно разделить на варианты.

Количественно преобладают могилы с погребением по обряду трупосожжения. Кальцинированные кости захоронены в небольших округлых ямках диаметром 0,30-0,50 м, глубиной 0,35-0,50 метров. В части из них был найден погребальный инвентарь – железные удила, стремя. Присутствовали захоронения, в которых кроме кальцинированных костей ни предметов погребального инвентаря, ни костей животных не обнаружено. Зафиксированы могилы, где в одной грунтовой ямке находились кальцинированные кости и детские скелеты, рядом лежали отдельные кости животного (овца?). Вероятно, подобные захоронения указывают на возрастные особенности захоронений, когда достигших определённого возраста кремируют, а умерших детей (младенцев) до определённого возраста хоронят не кремируя. На такую особенность неоднократно указывалось учёными и ранее. Очередным подтверждением данной особенности является зафиксированное в могильнике относительно большое количество могил с захоронениями младенцев.

Были найдены 2 могилы с кремацией, в которых находились по три керамических сосуда, одна из них так называемая «кыргызская ваза», здесь же лежали кости в сочленении части от нескольких туш животного (овца?). В одной были обнаружены железные изделия, среди которых стремя, удила, нож, бронзовые ременные накладки. Во второй находились только три керамических сосуда. Подобные могильные ямы имели квадратную в плане форму.

Предыдущими исследованиями установлено, что погребальный обряд кремирования умерших практиковался местным средневековым населением Хакасско-Минусинской котловины – хягасами.

В могилах, в которых были зафиксированы захоронения по обряду трупоположения, также имеют некоторую вариативность. Были зачищены так называемые могилы с подбоем, где выкапывалась входная яма, затем по длинному борту делался подбой, в котором и хоронили умершего. Между входной ямой и подбоем сооружалась перегородка из плит песчаника на ребре или жердей, установленных вертикально. Во всех могилах с подбоем зафиксированы по одному керамическому сосуду и железные изделия, среди которых наконечники стрел (вероятно лежавшие в колчане), нож, поясные пряжки, ременные накладки. Также в могилах с наконечниками стрел были обнаружены костяные накладки (боковые и фронтальная) на лук. Предварительно среди таких могил с подбоем можно выделить женские захоронения, в которых были обнаружены серьги и отсутствуют набор наконечников стрел и остатки лука. Также отметить, существенный признак элемента погребального обряда, как подкладывание под голову умершему плитки песчаника, так называемую «каменную подушку».

Есть основания предполагать, что среди могил с труположением и погребальным инвентарём, где были выявлены перегородки из плит песчаника, являлись имитацией могилы с подбоем. Вероятно, обычай сооружения могилы с обустройством подбоя, в течение времени проживания данной части населения, возводившим подобным способом могилы, трансформировался в необязательный и в дальнейшем мог лишь имитировать подобные сооружения и существовать как дань традиции.

Среди захоронений по обряду труположения, кроме могил с подбоями и могил с имитацией подбоев были зафиксированы погребения в обычных грунтовых ямах. В них находилось по керамическому сосуду, в редких случаях были найдены серьги. Под головой в таких захоронениях, как правило, имелась «каменная подушка». В таких могилах были захоронены преимущественно подростки (10-16 лет?), но встречались скелеты, относящиеся к более старшему возрасту.

Обосновано считается, что устройство погребений в могилах с подбоями, наличие «каменной подушки», захоронение по обряду труположения относительно взрослых умерших, являются принадлежностью пришлой этнической группы на территорию Древне-хакасского государства (енисейских кыргызов) и исторически связано с последствием разгрома Уйгурского каганата.

Среди захоронений могильника встречено одно погребение с конём. Могила отмечена на уровне погребённой поверхности небольшой кладкой из галечных камней. На дне могильной ямы – скелет человека (предположительно женщины?) головой на восток с небольшим отклонением к югу, по левую сторону от него – скелет коня на небольшом приступке с подогнутыми ногами, черепом на запад с небольшим отклонением на север. Головой конь развёрнут к ногам скелета человека. У коня в зубах железные удила, с правой стороны железное стремя. В могиле был найден керамический сосуд. Подобные захоронения с конём являются характерным для пришлых этнических групп в Хакасско-Минусинскую котловину и распространены на большой территории евразийских степей.

На основании проведённых археологических исследований Археологической экспедиции ХНКМ им. Л. Р. Кызласова на средневековом могильнике возможно высказать ряд наблюдений:

- могильник образует единое погребальное пространство, так как могилы расположены относительно компактно и близко друг другу;
- на данном средневековом кладбище представлено несколько вариантов обрядов погребения умерших;
- предварительно погребальные предметы, найденные в захоронениях, датируются хронологическим отрезком в диапазоне кон. IX-X вв., что предполагает относительно одновременное совершение захоронений независимо от погребальных обычаев – труположение или кремирование умерших;
- наличие в могильнике нескольких вариантов погребений внутри каждого обряда свидетельствует о развитой социальной структуре общества по возрастному, гендерному и имущественному признакам;
- фиксация погребений как местного населения (кремация умерших), так и пришлого (труположение в могилах с подбоем, «каменные подушки», погребение с конём), одно-

значно указывает на разноэтничный состав (не менее трёх) данной группы населения, проживавшей в южной части современной Койбальской степи в эпоху средневековья.

Учитывая выше перечисленное, возможно предположить совместное проживание данной группы населения в пределах одного поселения, либо одной административной единицы.

Полученные данные свидетельствуют о развитии древнехакасского общества на основе объединения различных этнических и социальных групп под началом единого государственного управления.

**П. В. Ковзунова,
г. Кемерово**

Стратификация в локальных сообществах пазырыкской культуры на примере памятников Тыткескень-I и Тыткескень-VI

Эмиль Дюркгейм писал, что одной из задач историка является изучение социальных фактов, и его непосредственной задачей является выявление и характеристика индивидуального облика каждого общества и даже каждого из периодов жизни одного и того же общества. Открытие же общих связей и законов, обнаруживаемых в различных обществах – это задача социологии [2]. М. С. Добрякова в своей работе отмечает, что в основе термина «локальное сообщество» лежит три основных принципа: географическая территория, взаимосвязанные экономические институты и собственные органы управления. Исследователь также указывает, что локальное сообщество отражает не количественные, а качественные характеристики населённого пункта [1]. М. А. Очир-Горьева отметила, что А. А. Тишкину и П. К. Дашковскому из-за большого количества материала и высокой степени детализации признаков и возрастных групп не удалось получить новые данные о пазырыкском обществе [5]. Таким образом, одним из направлений получения новых сведений о стратификации пазырыкского общества может стать изучение локальных сообществ. При большом же количестве данных сведения об отдельных захоронениях и локальных группах нивелируются, упускаются важные детали, из-за чего выводы могут быть схематичными, а важная информация, необходимая для реконструкции социальной действительности, окажется не учтённой.

Рассматриваемые в данной статье курганные могильники расположены в Чемальском районе Республики Алтай в двух километрах от села Еланда, на левом берегу Катуня в устье реки Тыткескен. Курганный могильник Тыткескень-I расположен на правом берегу одноимённой реки, а Тыткескень-VI – на левом [3].

На памятнике Тыткескень-I было исследовано 18 объектов, из них пять относятся к пазырыкской культуре. Четыре кургана (№ 18, 1, 2, 3) расположены цепочкой, ориентированной С-Ю. Севернее кургана № 18 находился курган № 15, отделяемый от остальной цепочки двумя раннескифскими сооружениями. Четыре кургана (№ 15, 18, 2, 3) ограблены, непо потревоженным остался только курган № 1, в котором был погребён ребёнок 9-10 лет. Скорее всего, это связано с тем, что у данного захоронения самая маленькая по размерам

курганная насыпь по сравнению с остальными курганами (4,0 x 2,8 м) [3]. В остальных курганах были захоронены только взрослые. В трёх (№ 18, 2, 3) были погребены женщины, и в самом северном кургане № 15 был погребён мужчина 50-55 лет. Необходимо отметить, что размер курганных насыпей у всех курганов примерно одинаковый от 6,0 x 5,0 м до 6,5 x 6,5 м [3]. В насыпи курганов № 15 и № 3 были обнаружены фрагменты керамики, кость животного. Причём в насыпи кургана № 3 предметы происходили из культурного слоя поселения Тыткескень-II. Необходимо отметить, что оба кургана являются крайними и как бы замыкают цепочку. Крепид ни у одного из курганов обнаружено не было, мощность наброски 1-2 слоя, исключение – курган № 1 с детским захоронением.

При изучении курганного могильника Тыткескень-VI было обнаружено 60 объектов, из них 49 относится к скифской эпохе, из них семь курганов были потревожены. Памятник Тыткескень-VI состоит из трёх цепочек в направлении С-Ю. В северной части могильного поля располагалась первая цепочка, которая включала в себя три группы объектов: 1) № 11-18, 2) № 19-25, 3) № 41-47 и № 6-9. В центральной части находилась вторая цепочка, в которой выделялось три курганные группы: 1) № 30, 29, 71-73, 28; 2) № 27, 62, 54; 3) № 4, 3, 2, 48. И в южной части могильного поля располагалась перпендикулярно другим двум третья курганная цепочка № 31-37.

В первой северной курганной цепочке 20 курганных захоронений, 3 объекта (№ 20А, 41, 45) и одна грунтовая могила. В первой курганной группе северной цепочки самым северным захоронением является кенотаф, по размеру он больше, чем детские захоронения (курган № 15, 17) в данной курганной группе, но меньше, чем захоронение подростка (курган № 13) и взрослых. Самая крупная курганная насыпь (8,5-9,5 м) принадлежит кургану № 16, где был погребён мужчина 20-25 лет. Крайний южный курган № 18 в курганной группе принадлежал женщине 18-20 лет и соединялся каменной полосой с к. № 16. Насыпи курганов, принадлежавших взрослым, в среднем были диаметром 6-6,5 м. В 17 метрах от кургана № 16 находился объект № 38, состоящий из двух сооружений: западное (1,25 x 1 м) и восточное (2,4 x 2,2 м). Под насыпью было обнаружено около двух десятков фрагментов керамики, и несколько обломков костей животных. В пяти метрах к югу от объекта № 38 находился объект № 39, который тоже состоял из двух сооружений: западное и восточное. Фрагментов керамики или костей животных в объекте № 39 обнаружено не было. Данные объекты принадлежат к ритуальным сооружениям, на которых могли проводиться заключительные поминальные действия, а позднее обряды кормлений и проводов душ [8]. В насыпи кургана № 16 были обнаружены фрагменты керамики.

Во второй группе самая крупная насыпь, диаметром 9,6 м, была у кургана № 20, в котором был погребён мужчина 30-35 лет, погребение было ограблено. В 17 метрах от кургана № 20 находился объект № 40, он выглядел как каменная насыпь, размерами 2,6 x 2,1. Самая маленькая курганная насыпь была диаметром 5,7 метров и принадлежала кургану № 23, где была погребена женщина 25-30 лет. В среднем диаметр курганных насыпей во второй северной курганной группе составляет семь метров. В данной группе в двух курганах было захоронено по 3 человека (№ 24, 25), но по размерам курганной насыпи они не отличались от одиночных захоронений.

Третья группа начиналась с объекта № 41, который находился в двух метрах от кургана

№ 25, состоял из двух дугообразных сооружений, направленных лучами в противоположные стороны. Размер дуги № 1 с запада на восток – 7,25 м, и 2,3 м – с севера на юг. Размер дуги № 2 с запада на восток – 7 м, и 1,5-2 м – с севера на юг. Необходимо отметить, что в отличие от объектов в предыдущей цепочки, сооружение № 41 находилось с восточной стороны от курганной цепочки. Шелепова Е. В. писала, что расположение ритуально-поминальных объектов на определённом расстоянии от курганов с западной стороны является способом отделить территорию живых от территории мертвых [9]. С. С. Сорокин в подобных «дугах» и выкладках, обнаруженных на Башадаре и Пазырыке, усматривал следы поминальных торжеств [7]. В насыпи объекта № 41 не обнаружены фрагменты керамики или костей животных. Объекты № 45 и № 46 находились в 2,5 м. от предыдущего объекта, в виде каменной выкладки из галечника в один слой, фрагментов керамики и костей животных не обнаружено. В третьей группе была обнаружена грунтовая могила – объект № 47, в которой было погребено три человека: мужчина (40-50 лет), женщина (30-35 лет) и подросток 15-16 лет, курганная насыпь отсутствовала, захоронение сопровождалось инвентарём: шесть костяных наконечников стрел и два железных ножа. Самые крупные наброски были у курганов № 43 (8 x 9 м) и № 6 (9,25 x 7,75), оба захоронения одиночные и ограблены, пол и возраст погребённых в них людей не установлен. Захоронения сопровождалась инвентарём. Самые маленькие по размерам курганной насыпи курганы принадлежали детям – № 44 и № 8. Детское погребение № 44 было соединено перемычкой с объектом № 45, а с юго-востока примыкало к кургану № 42, в насыпи которого был обнаружен точильный брусок. Курган № 9 был небольшого размера (3,75 м), по сравнению с другими, принадлежал женщине 25-30 лет. По периметру насыпи были расположены крупные камни. Диаметр наброски у других курганов был примерно 5-5,5 метров.

Вторая курганная цепочка – центральная, начинается с объекта № 30. Под его каменной насыпью были обнаружены обломки орнаментированного сосуда. Самая крупная курганная насыпь (10,5 x 9 м) была у захоронения № 4, т. к. оно было потревожено, то половозрастной характеристики нет. Самая маленькая наброска у кургана № 72 (4,6 x 4,1 м), где было погребено двое, мужчина (30-35 лет) и женщина (25-30 лет). Остальные курганы размером примерно 5,5-6,5 метров. Периметр насыпи курганов № 3, 54 и 73 были укреплены крепидой. В насыпи кургана № 2 были обнаружены фрагменты керамики. В наброске к. № 54 была обнаружена зернотёрка. В кургане № 48 были расположены две могилы, но по размерам наброски курган не отличался от одиночных.

В третьей – южной цепочке были расположены курганы № 31-37, но только о пяти есть сведения. Самая крупная наброска (7 x 6 м) была у кургана № 34, в котором был погребён мужчина 50-55 лет. У кургана № 36 была самая небольшая насыпь, которая была частично разрушена, а само захоронение ограблено. Погребение принадлежало мужчине 25-30 лет. Почти все погребения имеют признаки ограбления.

На памятниках Тыткескень-I и Тыткескень-VI встречаются различные виды внутримогильных конструкций. Каменные ящики были найдены только в детских погребениях – Тыткескень-I курган № 1, Тыткескень-VI курганы № 17, 44, 48. Следы перекрытия выявлены в 28 могилах. В шести курганах Тыткескень-VI были обнаружены деревянные срубы – курганы № 12, 16, 20, 21, 23, 24. Встречались такие конструкции как рамы (№ 2, 9, 13,

18, 19), обкладки из валунов и камней (к. № 14, 15, 27, 43, 54). В 16 погребениях нельзя достоверно сказать какая была конструкция. В курганах № 6 и № 12 была комбинированная конструкция: деревянная рама или сруб и обкладки из валунов, или обкладка деревянными плахами и каменные валуны в углах. Комбинированное внутримогильное сооружение встречается и на памятнике Тыткескень-I курган № 2. Каменная обкладка, которая изначально подразумевалась как каменный ящик, встречалась в кургане № 15 Тыткескень-I, где был погребён мужчина 50-55 лет.

На памятнике Тыткескень-I все погребения одиночные, в то время как на Тыткескень-VI встречается 31 одиночных, 4 парных, 3 коллективных захоронений и один кенотаф. В первой группе северной курганной цепочки находятся только одиночные захоронения. Каждая курганная группа начиналась либо с объекта, либо с одиночного захоронения. В основном все парные захоронения находились в первой группе центральной курганной цепочки. Парные захоронения могли находиться как в середине курганной группы, так и в конце. Все коллективные захоронения находятся в северной курганной цепочке курганы № 24 и № 25 являются последними во второй группе. Объект № 47 является грунтовой могильной ямой, в которой погребено три человека. Могильная яма расположена в третьей группе северной цепочки, и находится среди каменных выкладок № 41, 46 и 45.

Выделяется вторая курганная группа центральной цепочки. В ней расположено три кургана. Самый северный курган в цепочке № 27 принадлежит женщине 25-30 лет, сопровождаем захоронением коня и, если сравнивать с другими захоронениями памятника, богатым инвентарём. Курган № 54, расположен по середине курганной группы, его насыпь укреплена крепидой. Половозрастной характеристики нет, но под головой погребённого было обнаружено пятно по описанию схожее с пятнами, которые находили от париков женщин на других памятниках: Уландрык I, Уландрык IV, Ак-Алах-III [4, 6]. Есть гипотеза, что парики носили только представительницы жречества – шаманки [6]. В насыпи кургана была найдена зернотёрка. Последний курган № 62 в данной группе тоже сопровождается захоронением коня, погребён мужчина 35-40 лет, но инвентарь не так разнообразен, как в кургане № 27. Можно ли сказать, что в данной группе были погребены представители элиты данного локального сообщества?

Курган № 21, который сопровождался захоронением коня, находится в середине второй группы северной курганной цепочки. В нём был погребён мужчина 40-45 лет. По размерам курганной насыпи захоронение не выделяется среди других в своей группе, но был укреплён крепидой.

На памятнике Тыткескень-I отсутствуют сопроводительные конские захоронения. На Тыткескень-VI всего три кургана имеют сопроводительные конские захоронения, по сравнению с другими памятниками пазырыкской культуры – это очень малое количество [4, 6]. Только в кургане № 27 есть конская сбруя.

Оружие на памятнике Тыткескень-I не обнаружено, скорее всего, это связано с тем, что все курганы, кроме одного детского были ограблены. На Тыткескень-VI предметы вооружения находились, в основном, в мужских погребениях, исключением является курган № 9, в котором была захоронена женщина 25-30 лет. Украшения были найдены только в женских и парных захоронениях. В 23 могилах были обнаружены предметы быта, зачастую это нож. Предметы культа – курильницы были найдены только в двух курганах № 2 и № 27.

Предметы туалета были обнаружены в девяти курганах (№ 2, 7, 14, 18, 23, 24, 25, 27) – в основном это зеркала и только в одном случае (№ 62) – каменная подушка под головой.

Достаточно сложно сравнивать памятники Тыткескень-I и Тыткескень-VI так, как первый памятник сильнее пострадал от ограбления и во всех курганах почти отсутствует погребальный инвентарь. Можно отметить, что на Тыткескень-I не было обнаружено наличие ритуально-поминальных сооружений как на Тыткескень-VI.

Из всего выше перечисленного можно сделать вывод, что если сопоставлять памятники Тыткескень-I и Тыткескень-VI с памятниками Укок, Уландрык или Ташанта, то исследованные курганы представляются достаточно бедными, а погребённые, например, на Укок можно отнести к элите или вождям пазырыкского общества. Стоит отметить, что перечисленные памятники находятся на достаточно большом расстоянии друг от друга и, учитывая горную местность, поддерживать связь между двумя сообществами было трудно. При сопоставлении и обобщении данных со всех известных памятников пазырыкской культуры есть возможность упустить важные детали, которые были выявлены при исследовании памятников Тыткескень-I и Тыткескень-VI. Например, особое расположение курганов. Парные захоронения почти все находятся в одном месте, как и коллективные. Важно отметить вторую группу центральной курганной цепочки, где возможно были захоронены главы (правлящая семья) данного локального сообщества. Примечательно, что данная курганная группа находится почти в центре могильного поля. Важно и то, что некоторые курганные насыпи либо краями примыкали друг к другу, как например курганы № 14 (где погребена женщина 35-40 лет) и № 15 (где захоронен ребёнок), или курганы № 42 и № 44, либо соединялись полосой из камня, как например, курган № 18 (погребена женщина 18-20 лет) и 16 (погребён мужчина 20-25 лет), или соединение перемычкой кургана № 44 и объекта № 45. Данные детали позволяют задуматься о возможных семейно-личностных социальных связях между погребёнными представителями пазырыкской культуры.

Библиографический список:

1. Добрякова М. С. Исследования локальных сообществ в социологической традиции // Социологические исследования. – 1999. – № 7. – С. 125-133.
2. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/doc5787984_500380608?hash=cc50fe9c8f2d736583&dl=2f554cd69dd3d20f7a (Дата обращения: 23.10.2021).
3. Кирюшин Ю. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры / Ю. Ф. Кирюшин, Н. Ф. Степанова, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.
4. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. // Новосибирск: 1987. – 304 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kronk.spb.ru/library/kubarev-vd-1987.htm> (Дата обращения: 01.11.2021).
5. Очир-Горяева М. А. Социальные различия у носителей пазырыкской культуры // Oriental Studies. 2020. – Т. 13. – № 5. – С. 1310–1330.
6. Полосьмак Н. В., Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.
7. Сорокин С. С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. – Л., 1981. – Вып. 22. – С. 23-39.
8. Тишкин А. А., Шелепова Е. В. Изучение «поминальных» сооружений пазырыкской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2006. – С. 57-75.
9. Шелепова Е. В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего Сред-

невековья: автореферат дисс... канд. ист. наук: 07.00.06. / Шелепова Елена Владимировна. – Барнаул, 2009. – 25 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003465407> (Дата обращения: 04.11.2021).

О. А. Митько,
г. Новосибирск

Раннесредневековый меч из окрестностей города Саяногорска*

**Государственное задание Минобрнауки в сфере научной деятельности
(проект № FSUS-2020-0021)*

С военно-тактической и технической точки зрения средневековый меч – важнейшее клинковое оружие ближнего боя. От германской спаты V в. ведут своё происхождение различные типы рыцарского меча, служившего символом принадлежности к высшему социальному классу, представляя как военное сословие, так и гражданскую административную власть [Кардини, с. 97-104]. В раннем средневековье мечи стали основой комплекса вооружения восточноевропейских номадов.

Аналогичную функцию меч вместе с поясом играл в среде древнетюркских племён, степного пояса Сибири, маркируя сословную принадлежность их владельцев. Этому виду длиннокликового оружия посвящены многочисленные публикации сибирских оружейников Ю. С. Худякова, М. В. Горелика, А. И. Соловьёва, В. В. Горбунова, включая разделы в крупных монографических изданиях. Однако обобщающие работы по «истории меча» у сибирских народов, аналогичные исследованиям, вышедшим на европейских языках и имеющим методологическое значение [Лайбле, 2011], отсутствуют.

Ещё в 1919 г. Ян Петерсен, отметив, что в большинстве своём мечи эпохи викингов (VIII-XI вв.) имели достаточно схожие, стандартные клинки, сделал акцент на форме эфесов и выделил 26 различных типов и подтипов этого оружия [Петерсен, 2005. с. 208-211]. Позднее, в 1958 г. английский историк оружия Эварт Оукшотт, обобщив большой массив данных, разработал новую систему классификации обоюдоострых мечей, основанную на двух основных показателях: форма клинка (ширина, длина, форма острия, сужение клинка, его профиль и форма дола) и общие пропорции, определяемые отношением размеров рукоятки и клинка. В настоящее время классификация Э. Оукшотта стала общепринятым стандартом при классификации европейских длиннокликовых обоюдоострых мечей, для которых выделено 13 основных типов [Оукшотт, 2004; 2007].

Очевидно, что первым шагом к созданию обобщающей работы по средневековому длиннокликовому оружию должно стать формирование базы данных всего накопленного сибирским оружейноведением материала. Основу базы данных могут составить хорошо документированные находки мечей из археологических памятников и, по возможности, максимально полное описание музейных коллекций оружия.

Одной из подобных находок является меч из собрания краеведческого музея г. Саяногорска в Республике Хакасии (СКМ ОФ-116/1. Инв. № А-2474). Об обстоятельствах его обнаружения известно не много. Он был найден в 2001 г. при случайных обстоятельствах на склоне урочища Ай-Дай на территории дач, расположенных к юго-западу от города.

Урочище хорошо известно по находке также случайно обнаруженного клада литейщика тесинского времени, насчитывающего 273 экз. [Пшеницына, Хаврин, 2015].

Со слов А. Н. Баранова, передавшего меч в Саяногорский городской краеведческий музей, он находился в земле на небольшой глубине. Двулезвийный клинок цельнокованный, с двухсторонней заточкой по всей длине узкого ромбовидного в сечении лезвия; рикассо отсутствует; острие остроугольное. Вес меча составляет 655 гр., и даже без рукояти он хорошо сбалансирован.

Оружие не реставрировалось. На поверхности прослеживаются выщерблины, следы коррозии, острие лезвия местами повреждено, однако в целом сохранность удовлетворительная. Общая длина (от острия лезвия до конца хвостовика) составляет 91 см, из них на клинок приходится 75 см. Хвостовик клиновидной формы прямоугольный в сечении, длина 14,5 см (с учётом загнутого конца 16 см). Ширина лезвия у перекрестья составляет 3 см. Перекрестье прямое, посажено на плечи лезвия методом кузнечной сварки. Ширина перекрестья около 0,7 см, длина 4,8 см, дужки выходят за границы лезвия всего на 0,8-0,9 см.

Отверстия для крепления рукояти на хвостовике отсутствуют, но его конец загнут, что позволяет считать, что рукоять была изготовлена из органического материала (дерева или кости) со сквозным отверстием вдоль длинной оси. Посредством этого загиба рукоять жёстко крепилась на хвостовике. Конец рукояти мог иметь расширение (головку), которое позволяла надёжно фиксировать рукоять на более широкой торцевой площадке. Одновременно с этим расширение концевой части рукояти при выполнении рубящего удара обеспечивало надёжный хват ладони.

Крестовина (перекрестье) имеет небольшие размеры и не предназначена для парирования ударов меча противника. Она могла защитить кисть руки лишь при скользящем по лезвию ударе оружия противника, и, очевидно, была не эффективна при фехтовании. Подобное перекрестье является плохой защитой руки и при ударе о щит противника. Возможно лишь, что при колющем ударе оно могло предохранять кисть руки от соскальзывания на лезвие.

К настоящему времени на территории Верхнего и Среднего Енисея известно 33 местонахождения длинноклинового оружия. Однако все находки входят в разряд палашей и сабель и относятся к тюхтятской и аскизской культуре енисейских кыргызов IX-XIV вв. Оценивая общую морфологию меча из окрестностей г. Саяногорска, необходимо отметить, что она восходит к мечам эпохи переселения народов и раннего средневековья. Его аналоги представлены в коллекциях случайных находок краеведческих музеев городов Минусинска (3 экз. с перекрестьем и 2 экз. без перекрестья) и Абакана (1 экз. с перекрестьем). Причём в Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова он был передан из фондов Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова, сотрудники которого оказали большую помощь в формировании коллекций).

Согласно типологии, разработанной Ю. С. Худяковым, выделившим в качестве основных типологических признаков сечение клинка и форму перекрестья, саяногорский меч относится к Группе I – ромбические, тип 1 – с крестообразным перекрестьем [Худяков, 1980, с. 29, табл. II, 1, 2, 4]. Близок к данному типу и тип 2 – без перекрестия, поскольку они могли быть утеряны, а также Группа II – линзовидные, тип 2 – без перекрестия [Там же, табл. II, 3; табл. III, 2-5]. Ю. С. Худяков считал, что мечи I и II Групп были на вооруже-

нии енисейских кыргызов в период VI-IX вв. [Там же, с 34]. Однако ни один из подобных мечей не был обнаружен в погребениях кыргызов, которые сжигали умерших на погребальных кострах и сгибали клинки перед захоронением останков [Митько, 2018].

На наш взгляд, мечи первой группы могли быть на вооружении не только кыргызов, но и древних тюрков. Согласно подсчётам В. В. Горбунова, на территории Горного и Степного Алтая обнаружено 93 меча. Из них три меча из Степного Алтая типологически близки саяногорскому мечу (Плоское, Ближние Елбаны XII, XIV) [Горбунов, 2006, с. 57-58, рис. 49, 1-3]. С территории Горного Алтая два экземпляра гуннского времени можно сопоставить с саяногорским – из кургана 9 могильника Кудыргэ (с перекрестьем) и кургана 13 могильника Делян (линзовидный в сечении, с утерянным перекрестьем). Оба меча имеют широкие аналогии среди сарматского комплекса вооружения и могли бытовать вплоть до VI-VII вв. н. э. [Гаврилова, 1965, с. 55; Тетерин, 2004, с. 55, 58].

Сведения о мечах у древних тюрков содержатся в письменных источниках [Малов, 1951, с. 42; Лю Маоцай, 2002, с. 19-20], в иллюстративных и археологических материалах Китая эпохи Хань, Сасанидского Ирана и Согдианы. Несмотря на то, что детализация отдельных элементов в иллюстративных источниках не всегда безупречна, полученные на основе их анализа выводы чаще всего достаточно достоверны.

Китайская линия культурного влияния на появление мечей у древнетюркского конного воина может быть связана с одним из древнейших видов рубящего оружия типа «цзянь». Иероглифом «цзянь» обозначали отличавшиеся особой гибкостью и прочностью прямые мечи с двусторонней заточкой, которые разделялись на три группы. В памятнике китайской классической литературы «Чжоуские ритуалы» («Чжоу ли») сообщается, что первую группу составляют мечи длиной 3 чи (ок. 1 м) (с рукоятью) и весом 60 лянов. Его считали «высшим» мечом, предназначенным для военачальников, высокопоставленных чиновников и аристократов. Во вторую группу входили средние мечи длиной 2 чи 5 цуней (ок. 80 см) и весом 45 лянов и их использовали воины среднего уровня. В третью группу были объединены «низшие» мечи длиной 2 чи (66 см) и весом 35 лянов, ими вооружались воины «низшего уровня». Если руководствоваться данными стандартами, то саяногорский меч (длина 91 см) располагается между первой и второй группой.

Вторая, назовем её юго-западной линией культурного влияния на появление саяногорского типа мечей на Среднем Енисее, связана с Трансоксанией. С рубежа IV-III вв. до н. э. территорию к северу от современного Самарканда заняли племена кангюев, сменившие разгромленных хуннами юэчже. Кайгюй представлял собой полукочевой народ скифского круга, предков согдийцев или других близких к ним иранских групп. Судя по изображениям на больших костяных орлатских пластинах, кангюйские воины имели на вооружении прямые длинные мечи с короткими узкими перекрестиями [Пугаченкова, 1985].

В композиции на стенах дворцового комплекса городища Афрасиаб – столицы раннесредневекового Согда, изображающей прибытие чаганианского посольства из соседствующего небольшого владения, все мужчины вооружены клинковым оружием, которое Ю. А. Мотов разделяет на две группы. Одну составляют палаши, которые подвешивались к боевому поясу на двух ремешках наклонно. Палаши в период исполнения росписей

представляли собой новейшее кавалерийское оружие. Ими вооружены придворные согдийского иншида, послы Восточного Туркестана и Кореи.

В другую группу входят мечи, которые подвешивали на портупейных ремнях и носили в вертикальном положении [Мотов, 1977, с. 68]. В VII в. мечи как боевое оружие принципиально устарели. Однако именно мечами были вооружены стражи храма, участники процессии и дароносцы, т. е. лица, входящие в «чаганианское» посольство. Мечи как оружие устаревшего образца, сохранившего статус социально-престижного знака, использованы в росписях в роли ритуального атрибута. Роль ритуального и церемониального оружия, очевидно, отводилась мечам и в реальной жизни согдийского общества VI-VII вв. [Там же, с. 68].

И. А. Аржанцева, проведя анализ раннесредневековых изобразительных источников VII – начала VIII в. с территории Средней Азии привела в своей работе ряд ценных наблюдений [Аржанцева, 1987]. На настенных росписях Афрасиаба, Варахши, Пенджикента и Калаи-Каххаха I со сценами битв, охоты, героического эпоса и придворных сцен представлен целый арсенал вооружения, среди которого мечи занимают центральное место. В отличие от Ю. А. Мотова она считает, что на росписях Афрасиаба всё длинноклинковое оружие делится на три группы:

– мечи согдийской знати (придворных тюрков) с узким, длинным клинком и небольшим брусковидным навершием (или без него), с узким ромбическим перекрестьем, концы которого имеют сердцевидную форму или форму трилистника;

– мечи китайцев, корейцев и, так называемых, «горцев» с узким, длинным клинком и кольцевым навершием;

– мечи чаганианских послов – массивные, с длинным клинком и прямым перекрестьем, с длинной, богато украшенной рукоятью.

Изображения длинноклинкового оружия выделяются и в росписях Варахши. Мечи однотипные, прямые, массивные, достаточно длинные с широкими перекрестьями ромбической формы; рукояти узкие, длинные, без навершия. В росписях Пенджикента многочисленные мечи однотипные, достаточно длинные, с заметно сужающимся к концу клинком [Там же, с. 122-123, рис. 1, 1-8; 2, 3].

В росписях Калаи-Каххаха I шахристанские мечи отличаются большим однообразием, но почти все необычной длины – до 110-112 см, с сужающимся к низу клинком и выраженным остриём [Там же, с. 124, рис. 2, 4].

Ещё одна группа источников VII – нач. VIII вв. включает в себя изображения оружия на иранской серебряной столовой посуде со сценами охоты. Можно отметить длинный меч с небольшим брусковидным перекрестьем на поясе конного охотника на блюде из деревни Больше-Аниковской Пермской области; подвешены мечи в ножнах у сасанидских всадников, стреляющих из луков во львов и медведей; у воинов, штурмующих крепость на Нильдинском блюде [Луконин, 1977].

Опираясь на иллюстративные и типологические аналогии, мы можем отнести саяногорский меч к VI-VIII вв., к периоду, который в истории Саяно-Алтая приходится на древнетюркское время. Если учесть фактор «семейной реликвии» («меч деда»), то мечи саяногорского типа с узким ромбическим в сечении клинком и небольшим прямым перекрестьем могли служить в качестве действующего оружия до IX в. Так же как в Средней

Азии и Иране, где вместе с арабским завоеванием появляется новый вид клинкового оружия, в VIII в. в Саяно-Алтайском регионе шёл активный переход на новые, более приспособленные к тактике ведения конного боя палаши и сабли. Возможно, свою роль сыграли походы войск Восточно-Тюркского каганата и кыргызско-уйгурское противостояние, в результате которых появились новые стандарты рубящего оружия ближнего боя.

Библиографический список:

1. Аржанцева И. А. Раннесредневековые мечи Средней Азии и проблема происхождения сабли // Древний и Средневековый Восток. – М.: Наука, 1987. – С. 121-135.
2. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.
3. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III-XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие) – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2006. – 232 с.
4. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.
5. Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. – М.: «Искусство», 1977. – 232 с.
6. Лю Маоцай. Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках // Бюллетень Общества востоковедов. – М.: Издательство Института востоковедения РАН, 2002. – 126 с. – Прил. 1.
7. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1951. – 451 с.
8. Митько О. А. Длинноклинковое оружие в погребальной обрядности енисейских кыргызов (IX–XIV вв.): попытки семантического анализа ритуальных действий // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Вып. 2. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2018. – С. 195-200.
9. Мотов Ю. А. О датировке мечей с настенных росписей раннесредневековых городов Средней Азии // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (Вопросы хронологии). – Материалы II Международной археологической конференции 17-20 ноября 1997 г. – Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 1998. – С. 424-435.
10. Лайбле Т. Меч. Большая иллюстрированная энциклопедия. – М.: Омега, 2011. – 232 с.
11. Оукшотт Э. Археология оружия. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2004. – 398 с.
12. Оукшотт Э. Меч в век рыцарства. Классификация, типология. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2007. – 176 с.:
13. Петерсен Я. Норвежские мечи эпохи викингов: типологическое изучение оружия эпохи викингов. – СПб.: Альфарест, 2005. – 352 с.
14. Пугаченкова Г. А. Новое о художественной культуре античного Согда // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1983. – Л., 1985. – С. 521-531.
15. Пшеницына М. Н., Хаврин С. В. Исследование металла клада литейщика Ай-Дай (Тесинская культура) // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии: Минусинская котловина и сопредельные территории. – Материалы I Международной археологической конференции памяти Я. И. Сунчугашева. – Абакан-Эхиме, 2015. – С. 67-74.
16. Тетерин Ю. В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии: Труды гуманитарного факультета НГУ. – Серия II. – Вып. 1 – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 2004. – С. 37-82.
17. Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Е. А. Можарова, С. П. Журавков,
г. Красноярск

Новые наскальные изображения первого сектора писаницы Ленкова гора

В 2020-21 гг. отрядом исторического клуба «Искатель» Казанцевской школы Шушенского района под руководством преподавателя Журавкова С. П. проводились исследования наскальных рисунков в первом секторе писаницы Ленкова гора (Казанцевская писаница). Целью работы было определение современного состояния наскальных рисунков, уточнение известных данных, выявление новых изображений с использованием новых цифровых технологий.

Писаница расположена на правом берегу р.Оя (левый приток Енисея), напротив с. Казанцево (1,2 км к северу от села) Шушенского района Красноярского края.

Памятник открыт в мае 1988 г. краеведом Владимиром Носовым и тогда же был обследован археологом А. Л. Заикой и абаканским художником В. Ф. Капелько [Заика, Капелько, 1989]. В 1989-1991 гг. работы были продолжены отрядом Лаборатории археологии КГПИ [Заика, 1991]. Были проведены работы по копированию и фотофиксации наскальных рисунков, произведена топографическая съёмка местонахождения. В последующие годы до 2016 г. отрядами КГПУ им. В. П. Астафьева проводился мониторинг современного состояния памятника.

Ленкова гора представляет собой прибрежный утёс, сложенный кремнистыми сланцами серо-зелёного цвета. Скальные обнажения Ленковой горы с запада на восток пересекает по диагонали тропа шириной 1,0-0,3 м. Начинается она на западной оконечности скалы, на высоте 45 м от уреза воды и, неоднократно прерываясь, снижается на восточной стороне писаницы до высоты 5-6 м от уровня реки. Тропа, как и вся скала, вследствие, как естественных эрозийных процессов, так и проводимых здесь взрывных работ частично разрушена, что обусловило возникновение мощной, уже поросшей кустарником, осыпи в подножии горы.

Рисунки выполнены охрой и прослеживаются вдоль тропы, практически, на всём её протяжении (около 700 м). Плоскости с рисунками, как правило, небольшие, угловатые, расположены относительно тропы на высоте от 0 до 2,5 м, рассредоточены всеми секторами писаницы.

Первый, интересующий нас сектор, включающий 22 плоскости с изображениями (Заика, 1991), охватывает участок от начала тропы (высота 45 м от уреза воды) до первого большого скального выступа (высота 37 м), сжимающего тропу с 1,0 до 0,3 м. Плоскости с рисунками располагаются под массивными каменными навесами, которые (как и тропа) образовались в результате выветривания скальных пород.

В ходе работ 2020-21 гг. было обнаружено 35 плоскостей с изображениями. Первоначально при визуальном обследовании участка скалы были выявлены известные петроглифы, затем выделены плоскости с предполагаемыми рисунками. После этого они были зафиксированы на цифровую фотокамеру. В камеральных условиях полученные снимки были подвержены компьютерной обработке, в ходе которой проявились ранее неизвест-

ные наскальные изображения. В ходе проведения камерального этапа исследований использовался метод составления пигментных карт, который сравнительно недавно был разработан А. К. Солодейниковым [Солодейников, 2005; Солодейников, 2014; Миклашевич, Солодейников, 2013; Заика, Солодейников, 2018].

Всего на первом секторе памятника археологии Ленкова гора было выявлено 35 плоскостей, 13 из которых были найдены впервые. Далее следует краткая характеристика новых плоскостей.

Плоскость 4: ширина – 29 см; высота – 17 см; имеет подпрямоугольную форму; выпуклая; угол падения 97° , ориентирована на юго-запад (210°). Основная часть рисунка перекрыта современными надписями. После преобразования изображения в пигментную карту, были выявлены вертикальные линии.

Плоскость 5: ширина – 4 см; высота – 7,5 см; имеет подтрапецевидную форму с большим основанием вверху; на плоскости сохранился фрагмент решетковидного изображения.

Плоскость 6: ширина – 10 см; высота – 4,5 см; имеет форму неправильного пятиугольника; угол падения 95° , ориентирована на юго-юго-восток (150°). На плоскости изображена дугообразная линия.

Плоскость 6А: ширина – 295 см; высота – 95 см; имеет подтрапецевидную форму с большим основанием вверху; угол падения 85° ; левая верхняя часть плоскости не сохранились в ходе воздействия ветровой эрозии; в правой нижней части зафиксирована фасовая антропоморфная фигура; через центр плоскости диагонально проходит трещина, правее трещины – охристые следы, напоминающие изображение лежащей антропоморфной фигуры.

Плоскость 6Б: ширина – 18 см; высота – 14 см; имеет подтреугольную форму; вогнутая; угол падения 87° . В центре плоскости изображено охристое пятно.

Плоскость 7: ширина – 98 см; высота – 52 см; имеет форму неправильного пятиугольника; угол падения 105° , ориентирована на юго-юго-восток (170°). Рисунки представлены в виде вертикальных и горизонтальных линий.

Плоскость 16: ширина – 44 см; высота – 37 см; имеет подпрямоугольную форму; расположена под отрицательным углом; угол падения 130° , ориентирована на юго-юго-запад (190°). На плоскости изображены три диагональные линии.

Плоскость 16А: ширина – 35 см; высота – 15 см; имеет подтреугольную форму; угол падения 77° . Рисунок представляет собой композицию из трёх линий: в левой верхней части вертикальная линия, немного правее вертикальной линии на плоскости изображена вторая, более короткая вертикальная линия, их соединяет в верхней части горизонтальная (напоминает современную букву Г).

Плоскость 19: ширина – 57 см; высота – 41 см; имеет подтрапецевидную форму; угол падения 95° , ориентирована на юго-запад (220°). Рисунки перекрыты современной надписью. После преобразования изображения в пигментную карту, в нижнем правом углу было выявлено изображение решётки. Левее – линейное изображение зооморфного, идущего влево, правее и выше нечёткое изображение горизонтальных и вертикальных линий (решётка?) Цвет охры светлее, чем на предыдущих плоскостях.

Плоскость 21А: ширина – 11,5 см; высота – 9 см; имеет подквадратную форму; угол падения 83° , ориентирована на юг (185°). Рисунок представлен в виде изображения ли-

нейной зооморфной фигуры, направленной вправо, на голове показан рог, обозначен короткий хвост.

Плоскость 21Б: ширина – 17 см; высота – 20 см; имеет форму неправильного пятиугольника; угол падения 50°, ориентирована на запад (240°). Изображение представляют собой два округлых пятна в правой части плоскости.

Плоскость 21В: ширина – 45 см; высота – 40 см; имеет подпрямоугольную форму; угол падения 85°. Изображение перекрыто современными надписями. После преобразования изображения в пигментную карту, были выявлены вертикальные и горизонтальные линии (возможно буквы?).

Таким образом, в ходе изучения памятника археологии Ленкова гора был составлен глазомерный топоплан, представляющий собой схему взаиморасположения плоскостей с рисунками, сделано полевое и камеральное описание, произведена фотофиксация плоскостей первого сектора.

В результате полевых исследований и камеральной обработки полученных материалов с использованием цифровых технологий была расширена информация об известных композициях и отдельных рисунках: на плоскостях 3, 4А, 10, 14, 21 (по нашей нумерации), ранее открытых А. Л. Заикой (нумерация, соответственно – 3, 4, участок б плоскости 7, 10А, 15), были выявлены новые элементы изображений.

Также при помощи метода создания пигментных карт, разработанного А. К. Солодейниковым были выявлены новые плоскости с рисунками (плоскости 4, 5, 6, 6А, 6Б, 7, 16, 16А, 19, 21А, 21Б, 21В)

Процесс создания пигментных карт не занял много времени и сил. Рисунки, которые перекрывали современные надписи, стали более различимы благодаря обработке фотографий при помощи компьютерных технологий. Таким образом, новый метод показал свою состоятельность и позволил открыть новые и уточнить старые изображения на первом секторе писаницы Ленкова гора.

В дальнейшем планируется продолжить исследование оставшихся шести секторов памятника археологии Ленкова гора, используя новые цифровые технологии.

Библиографический список:

1. Журавков С. П., Заика А. Л. Писаница в окрестностях д. Ильинка (общая характеристика) // Учёные записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. – Минусинск, 2020. – С. 182-195.
2. Заика А. Л., Капелько В. Ф. Писаницы Ленковой горы (предварительное сообщение) // Проблемы археологии Скифо-Сибирского мира. – Кемерово, 1989. Ч. 2. – С. 73-75,
3. Заика А. Л. Отчёт о полевых исследованиях в Шушенском и Новосёловском районах Красноярского края в 1990 году // Архив ИА АН СССР, 1991 а, Р-1.
4. Заика А. Л., Солодейников А. К. Красочные изображения на западном участке Шалаболинской писаницы (предварительные результаты исследований)// Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». – Кемерово, 2018. – № 8 – С. 56-67.
5. Миклашевич Е. А., Солодейников А. К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1 (5). – С. 176–191.
6. Солодейников А. К. К вопросу о методах и методологии изучения наскальной живописи // Вестник гуманитарного факультета СПбГУТ им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. – СПб, 2005. № 2. – С. 94-107.

7. Солодейников А. К. О терминологии, технологии, пигментных картах и хронологии. // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2014.– С. 142-146.

**Д. В. Попельшко, А. Л. Заика,
г. Красноярск**

Образ воина и охотника на Шалаболинской писанице

Шалаболинская писаница уникальный исторический и археологический памятник. Скальный массив располагается на правом берегу реки Тубы и имеет протяжённость около 3 км. Писаница известна наскальными изображениями, которые охватывают широкий временной интервал от эпохи неолита до Нового времени. Изучение писаницы берёт своё начало с середины XIX в. и продолжается в наши дни.

Во время полевых работ в июле 2021 г. экспедиция Красноярского государственного педагогического университета на участках 1-4 Шалаболинской писаницы в рамках студенческой практики провела следующие исследования: были повторно осмотрены петроглифы, содержащие образы воинов и батальные сцены, а также рисунки предметов вооружения и охоты. Было сделано их подробное описание, произведено контактное копирование на микалент и на прозрачную самоклеящуюся пленку «ORAJET», проведена фотофиксация.

На 1 участке изображения вооружённых людей выявлены на плоскости 6 верхнего яруса скальных обнажений. Плоскость обращена на ЮЗ (115-120°), высота плоскости от её подножия 80 см, угол наклона отрицательный (–15°). На данной плоскости изображена охрой крупная солнцеголовая личина, которая перекрывает одну лодку, а поверх неё нанесена другая лодка. Лодки выполнены в технике выбивки. Слева от солнцеголовой личины находится крупное изображение антропоморфной фигуры, выполненное охрой, а также выявленная в 2021 г. вертикальная строка монгольской надписи, выполненная чёрным цветом. В верхней части личины, поверх её лучей охрой нанесены три антропоморфных фигуры. Центральную фигуру можно трактовать, как изображение воина. Он показан в ракурсе – «фас-профиль», в динамике движения шагом в правую сторону. Правая рука у него согнута в локте и опущена вниз, а левая прямая вынесена вперёд и держит вертикальный шест (предмет вооружения?). Голова не обозначена, но показана верхняя одежда в виде кафтана с широкими полами, края которых хорошо просматриваются в виде угловатых выступов по обеим сторонам нижних конечностей.

Подобные динамичные фигуры, облачённые в кафтаны, характерны для изображения воинов в искусстве таштыкской культуры. Они зафиксированы на деревянных планках в таштыкских склепах Тепсея и Ташебы [Вадецкая, с. 109].

На плоскости 11 второго участка скальных обнажений находится образ лучника. Плоскость обращена на ЮЗ (азимут 79), имеет высоту 524 см от подножия скалы, угол наклона отрицательный (–30°). На данной плоскости изображена выбитая антропоморфная фигура воина или охотника. Образ можно трактовать, как незаконченное изображение человека. Он показан в ракурсе – «фас-профиль», в динамике движения стремительным шагом в правую сторону, голова обозначена, широко расставлены руки, левая рука вытянута

вперёд, а правая согнута в локте и отведена назад на уровне головы. Подчёркнута осиная талия, вынесена вперёд слегка согнутая левая нога, правая не обозначена. Показана верхняя одежда, край кафтана, который доходит до середины бедра на левой ноге.

Аналогичное изображение, но только выполненное гравировкой, известно на курганном камне тагарского могильника у горы Туран. Несмотря на различную технику выполнения, динамичное положение человека, его поза и верхняя одежда предполагают принадлежность данных образов к общей изобразительной традиции. На Ошкольской писанице и на 4 участке Шалаболинской писаницы встречается такие же подобные образцы, где совпадают позы, стили изображения и детали верхней одежды, но ещё более детально показаны наконечники стрел, где один ромбический, а другой ярусный. Время использования таких наконечников датируется таштыкской культурой [Пяткин, Мартынов, с. 135-138]. Кроме того, подобное динамичное неполное изображение лучника зафиксировано на территории культового комплекса Кучерла в Горном Алтае, которое исследователи датируют в более широком временном интервале (тагаро-таштыкское время – средневековье) [Молодин, Ефремова, с. 162- 163, рис. 152].

На плоскости 5б (участок 4), обращённой на ЮЗ (аз. 60°), на высоте 70 см от подножия выявлена батальная сцена, выполнена в технике выбивки. В верхней части плоскости видны образы сражающихся между собой воинов. В левой части композиции изображена фигура всадника. Правая рука у него согнута в локте и поднята над головой, в руке у него хорошо определяемое оружие – чекан. Обе его ноги пересекают туловище лошади. Всадник обращён в правую сторону, навстречу пешему воину, также вооружённого чеканом. В левой руке пеший воин держит за голову безоружного человека, показанного вверх ногами. Перевернутый человек показан фронтально, всадник и пеший воин – в «фас-профильном» ракурсе (верхняя часть фигур фронтальная, ноги – в профиль). У пешего воина виден вертикальный выступ на голове. Под фигурой пешего воина показан другой безоружный антропоморф выполненный грубой выбивкой, ориентированный в левую сторону.

Ниже выявлена фигура пешего воина, также показанная в ракурсе «фас-профиль». Человек изображён в динамике движения шагом в левую сторону, руки у него подняты, в правой руке изображён вертикальный предмет, один конец которого закруглён (булава?). На макушке округлой головы виден вертикальный выступ похожий на хохолок (колпак?).

В нижней части плоскости находится ещё одна фигура человека в ракурсе «фас-профиль», но она более статичная. Правая рука у него согнута в локте и поднята выше уровня головы, он наклонно держит длинный прямой предмет (копьё?). Левая рука прямая, немного отведена в сторону, в этой руке он держит на уровне пояса прямой длинный предмет (кинжал, меч, короткое копье?). На голове у него также показан короткий вертикальный выступ, похожий на колпак.

Чекан – это орудие с прямым острием, особый вид оружия, который является распространённым атрибутом тагарской культуры [Сокровища..., с. 121-128, 195, 199, 203]. Также среди тагарского вооружения зафиксированы бронзовые наконечники копий [Там же, с. 177]. Булава не была так распространена у тагарских воинов, но возможно она имела особую роль, как символ мужской силы или мужественности [Там же, с. 177]. Кроме конкретного вида оружия, в тагарской культуре широко распространены султаны, шляпы с ушками и колпаки. Ещё для этой эпохи характерны изображения поединков, сцены бит-

вы двух или трёх воинов, мёртвые, как правило, изображались перевёрнутыми. Популярны также образы воина с двумя оружиями в руках. Также в композициях эпохи раннего железа уделяется вниманию победам или поражениям воина (бегство, неестественные позы, преклонённые колени) [Советова, с. 70-73]. Похожие стили и сюжеты петроглифов представлены на горе Тепсей, Кавказской писанице [Леонтьев, Боковенко, с. 82-88].

Всё выше перечисленное может свидетельствовать о том, что петроглифы на 5 плоскости относятся к раннему железному веку, тагарской эпохе. Однако отличительной особенностью является изображение лошади. Поза лошади своеобразна, её конечности согнуты в коленях и опущены вниз. Такая поза не характерна для животных в наскальном искусстве тагарской культуры. Это можно объяснить, как региональной, так и хронологической особенностью изображения животных в местной изобразительной традиции.

Плоскость 76 (4 участок) обращена на ЮЗ, высота плоскости 183 см, угол наклона отрицательный – 25°. На данной плоскости обнаружена батальная сцена с участием двух антропоморфных фигур, выполненных в технике выбивки. Они противопоставлены друг другу, показаны в ракурсе «фас-профиль» и соприкасаются верхними конечностями. В руках у них находятся топоры. По бокам у них обозначены фаллические отростки, на головах у обоих воинов также присутствуют вертикальные выступы, похожие на хохолки.

По стилю и своей иконографии образы воинов соотносятся с популярными на Шалаболинской писанице «тагарскими человечками». Подобные изображения рассмотрены ранее на плоскости 5. Воины также показаны в ракурсе «фас – профиль», имеют идентичные выступы на головах, различие наблюдается только в предметах вооружения. Оружие подобное топорам известно в тагарской культуре [Сокровища..., с. 177-120].

Плоскость 44 (4 участка), обращена на ЮЗ (68°), её высота от подножия 128 см, угол наклона положительный (1°). На этой плоскости находится гравированное изображение лучника, показанного в полный рост, в ракурсе «фас - профиль», на голове присутствует острый вертикальный головной убор. Правая рука согнута в локте и находится на уровне пояса, соединяется со стрелой. Левая рука прямая, вытянута вперёд, держит рукоять лука. Ноги лучника прямые, стопы повернуты в правую сторону. На лучнике показана верхняя одежда. Обозначен фаллический символ. Дуга лука сложная – фигурная, наконечник стрелы трёхлопастной. В левой части фигуры можно различить прямоугольный выступ – колчан. С права от лучника есть гравированное изображение сложного фигурного лука без стрелы или каких-либо деталей и прорисовок. В левом нижнем углу, выгравирован аналогичный лук, с фигурной дугой. В отличие от первого лука, в левом нижнем образе есть стрела, дополненная, как и его тетива, элементами выбивки. Справа на одном уровне с лучником находится обращённая к нему фигура животного (хищник?). Животное показано в динамичной позе (летащий галоп). У него передние конечности вынесены вперёд, задние – отставлены назад. У животного есть одно остроконечное ухо и длинный хвост. По позе животного можно сделать вывод, что данный образ может относиться к таштыкской эпохе, как и сам сюжет охоты на него лучника. Характер одежды лучника (кафтан), особенности наконечника стрелы не противоречат данному предположению. Более того, слева от лучника находится гравированное изображение лошади с «лопастями» на шее и пламевидном хохолком на голове, выполненное в характерном для таштыкского искусства стиле.

Ещё одно таштыкской произведение наскального искусства находится на 72 плоскости. Данная плоскость обращена на ЮЗ (345°), высота от подножия скалы 162 см, угол наклона отрицательный (–6°). На скальной поверхности изображён антропоморфный образ лучника, выполненный техникой выбивки. Голова обозначена, конечности рук человека прямые и вытянуты вперёд в правую сторону, плохо просматриваются (положение рук человека совпадает с направлением стрелы). Лук имеет простую форму, выбит по контуру, наконечник имеет ромбовидную форму. Конечности ног человека не обозначены, верхняя одежда человека – кафтан.

Интересным можно считать другие петроглифы на 4 участке. На нижнем ярусе плоскости 78 выявлены гравировки луков. Данная плоскость обращена на ЮЗ (91°) высоте 116 см от подножия скалы. В верхней части плоскости выявлены православные кресты. Слева от крестов находится простой лук с изгибом к концу дуги и вертикальным отростком. Стрела у лука прямая с наконечников в виде вертикальной черты. Справа от крестов в технике выбивки выполнены антропоморфная фигура, а также аналогичные изображения луков.

Предположительное датирование гравировок XVII-XVIII в., так как в это время шла активная политика завоевания Сибири и, связанная с ней миссионерская деятельность православных священников. Простой лук характерен для таёжных охотников, но также данные изображения луков могли использоваться как родовые знаки – тамги. Тамги («знамёна») в виде лука со стрелой были широко распространены среди народов Сибири в XVII в. [Симченко, 1965]. Известен в Красноярском архиве документ 1721 г., подписанный «знамёнами» качинцев в виде луков со стрелой. По всей видимости, на Шалаболинской писанице отметили свои родовые символы тубинцы, которые, судя по письменным источникам, обитали здесь в данный период.

Исходя из анализа изображений, можно сделать вывод, что петроглифы с сюжетами сражений и охоты, которые выявлены на Шалаболинской писанице относятся к тагарской и таштыкской культурам. Антропоморфы без деталей одежды, с вертикальными головными уборами и с различного вида оружием – воины тагарской эпохи (VIII-II вв. до н. э.). Распространение чеканов, судя по всему, было в VII-V веках до н. э., а появились они ещё в карасукской культуре и продолжали существовать до III-II веков до н. э. Ещё один вид оружия – булавы встречаются на наскальных рисунках, однако в гробницах и курганах не были обнаружены, но наличие их в киммерийских и савроматских курганах можно датировать VIII-IV веками до н. э. На одном изображении писаницы Калбак-Таш всадник вооружён топором, а за спиной у него находится булава (палица), как её описала О. С. Советова в своем автореферате по исследованию наскального искусства Среднего Енисея. Это может говорить об использовании булавы в скифское время, которое пришлось на эпоху тагарской культуры. На смену тагарской пришла таштыкская культура. Она не менее богата петроглифами с сюжетами охоты и военных поединков. Основной персонаж – лучник. Отличительными чертами таштыкского искусства является динамичность фигур, подчёркивание у воинов и охотников верхней одежды – кафтанов, обозначение характера наконечников стрел. Ориентируясь на археологические источники по таштыкской эпохе, петроглифы можно датировать в рамках II в. до н. э. – VI в. н. э.

Присутствуют также гравировки Средних веков, Нового времени, представленные,

как правило, одиночными изображениями предметов вооружения. Среди них доминирует изображение лука или лука со стрелой, которые следует датировать XVII-XVIII веками.

Таким образом, наскальные изображения Шалаболинской писаницы представляют очень важную ценность не только для археологии, но и для исторических и этнографических наук. Наскальные изображения несут роль исторических источников. На примере петроглифов Минусинской котловины, в частности изображений Шалаболинской писаницы, открываются широкие возможности для изучения культуры, религии, военного дела древних народов. Дальнейшие исследования по рассматриваемой тематике будут продолжены.

Библиографический список:

1. Быконя Г. Ф. История Красноярска. Документы и материалы XVII – первая половина XIX вв. – Красноярск: Офсет, 2000. – 347 с.
2. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. – 400 с.
3. Вадецкая Э. Б. К реконструкции древнего мировоззрения по таштыкским погребальным маскам. // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. – Томск: 1990. – С. 109.
4. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – 167 с.
5. Леонтьев Н. В., Боковенко Н. А. Кавказская писаница на Тубе // КСИА. – 1985. – Вып. 184. – С. 82-88.
6. Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – 264 с.
7. Потапов Л. П. Происхождение и формирование хакасской народности. – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 1957. – 307 с.
8. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985. – 192 с.
9. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. // М., 1965.
10. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 140 с.
11. Сокровища бронзовых изделий Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова. //Ин-т арх-ии Цзинлинского ун-та-Китай, Минусинский региональный краев. музей им. Н. М. Мартыанова-Россия, 2021. – 302 с.

**Ю. В. Тетерин,
г. Новосибирск**

**Сожжение таштыкских грунтовых могил
(по материалам могильника Староозначенная Переправа I)**

Ранний этап таштыкской археологической культуры Минусинской котловины представлен в основном грунтовыми могильниками. Благодаря исследованиям С. А. Теплоухова, С. В. Киселёва, Л. Р. Кызласова, Э. Б. Вадецкой и других археологов достаточно хорошо изучен погребальный обряд данного периода [Теплоухов, с. 50; Киселёв, с. 399-409; Кызласов, 1960, с. 9-13, 76-78; Вадецкая, 1999, с. 13-64]. Наиболее информативны-

ми для реконструкции деталей погребальной обрядности оказались раскопки непотревоженных, герметично изолированных таштыкских срубов в урочище Оглахты, в которых были найдены хорошо сохранившиеся мумии и «куклы» с кремированными останками, а также предметы и из дерева, бересты, кожи, меха и тканей [Адрианов, с. 4; Кызласов, 1970, с. 197-199; Вадецкая, с. 17-24; Панкова и др., с. 46-48]. Практически все материалы раскопок грунтовых могильников прошлого века были систематизированы и обобщены в монографии Э. Б. Вадецкой [Вадецкая, с. 13-70].

Одной из отличительных черт погребальной обрядности раннетащтыкского времени является сожжение большинства умерших мужчин на стороне, помещение собранного праха в погребальную «куклу» или манекен и захоронение в могиле. Но данным ритуалом не исчерпывается использование огня в погребальной практике раннетащтыкского населения. В некоторых случаях сжигались не только трупы покойных, но и погребальные сооружения, в которых совершались захоронения.

Новые материалы, существенно дополняющие наши представления о роли огня в погребальной обрядности раннетащтыкского времени, получены в результате раскопок могильника Староозначенская Переправа I в Шушенском районе Красноярского края. Памятник находится на правом берегу Енисея, напротив острова Кругленький, в 1 км к северу от лодочной переправы в посёлок Означенное. Большинство погребальных объектов исследованных на памятнике относится к таштыкской культуре. Стратиграфические наблюдения позволяют чётко разделить объекты таштыкского времени на две хронологические группы. Ранняя группа представлена взрослыми и детскими грунтовыми могилами, расположенными цепочками, ориентированными с юго-запада на северо-восток. Поздняя группа перекрывает грунтовый могильник и включает в себя склепы, помины и детские могилы. К настоящему времени на памятнике исследовано 25 грунтовых могил (2 из них, возможно, относятся к тесинскому времени). В 14 из них фиксировались следы сожжения погребального сооружения. Датируется могильник II-IV вв. н. э.

Все исследованные могилы прямоугольной формы, ориентированы длинной осью по линии юго-запад – северо-восток, иногда с небольшими отклонениями. В 7 могилах захоронения совершены в простых грунтовых ямах, в остальных в бревенчатых срубах. Глубина ям от уровня древней погребенной почвы 1,5-2 м. Преобладают одиночные (13) и парные (8) погребения. Три могилы содержали коллективные захоронения от трёх до пяти человек, ещё в одной могиле захоронений не обнаружено [Тетерин, с. 74-77]. Приведём краткую характеристику могил, в которых при проведении похоронных обрядов, внутри могильной ямы разводился огонь.

Могила № 11. Впущена в заполнении тагарской сарагашенской могилы (№ 12). Сверху могилу перекрывали массивные каменные плиты входа ограды в таштыкский склеп. Примерные размеры могильной ямы 2,6 x 1,8 м. На дне ямы расчищены остатки плохо сохранившегося обожжённого сруба в два венца. Сохранились два бревна северной, одно бревно западной и небольшие остатки бревна южной стенок сруба. Рядом с южной стенкой – фрагменты деревянного перекрытия из двух поперечных плах. Фрагменты обугленного, беспорядочно лежащего дерева встречались и в заполнении сруба. На дне сруба расчищены два погребения: у северной стенки – останки плохо сохранившегося скелета (женская

мумия?), у южной стенки – скопление кремированных человеческих костей (мужская кукла?). Могила частично разрушена в процессе строительства склепа.

Могила № 13. В могильной яме размерами 2,6 м х 1,8 м помещён сожжённый сруб в один венец, сложенный из бруса. Хорошо сохранились обугленные, подтёсанные брёвна-брусья западной и восточной стенок и фрагменты бревна северной и южной стенок. Сруб перекрыт четырьмя широкими (до 40 см) продольно уложенными горбылями. На брёвнах перекрытия прослеживались куски обугленной бересты. На дне, в западной половине сруба – компактное скопление кремированных человеческих останков (мужская кукла).

Могила № 21. На дне обширной могильной ямы, размерами 3,5 х 3 м выявлены остатки сожжённого сруба в один венец. Сохранились брёвна южной, северной и частично западной стенок сруба. В могиле – останки пяти человек: четыре по обряду ингумации (три скелета и кучка компактно сложенных костей) и один по обряду кремации (скопление сожжённых человеческих костей). В срубe, вероятно, захоронены три женских мумии, упаковка с костями женского скелета и мужская мумия.

Могила № 27. В могильной яме, размерами 2,8 х 2,2 м выявлены плохо сохранившиеся остатки сожжённого сруба в один венец. В юго-восточном углу сохранились фрагменты обугленного бревна длиной около 2 м. Ещё один небольшой фрагмент обугленного дерева зафиксирован у северо-восточной стенки. На дне могилы у восточной стенки найдено несколько человеческих фаланг от костей ног. Поскольку следов ограбления в насыпи и заполнении могилы не обнаружено, то можно предполагать, что останки погребённых из этой могилы перезахоронены в другую могилу.

Могила 32. В могильной яме, размерами 2,5 х 1,7 м, выявлены остатки почти полного сожжённого сруба в один венец. Сохранились по одному подтёсанному бревну вдоль юго-восточной и юго-западной стенки, а также небольшой фрагмент бревна у северо-западной стенки могильной ямы. Остальная её часть сгорела почти полностью. От перекрытия прослеживался тонкий обугленный слой дерева и бересты. На дне сруба – компактное скопление кремированных человеческих костей (мужская кукла).

Могила № 37. В могильной яме размерами 2,2 х 1,7 м сохранились фрагменты трёх частично обожжённых брёвен перекрытия, уложенных в поперечном направлении. Остатков сруба не прослеживалось. На дне могильной ямы два компактных скопления сожжённых костей (куклы?).

Могила № 41. В могильной яме размерами 2,9 х 2,2 м выявлены остатки сожжённого сруба в один венец. Вдоль юго-восточной и юго-западной стенок сохранилось по два бревна, вдоль северо-западной и северо-восточной стенки по одному бревну. На дне сруба – два захоронения по обряду ингумации: нарушенный женский скелет (мумия?) и анатомический целый мужской скелет.

Могила № 42. В могильной яме размерами 2,3 х 1,6 м – фрагменты двух сожжённых брёвен у северо-западной стенки и небольшой кусок обугленного дерева в центре могилы. На дне могилы *in situ* находились кости ног и фрагмент плеча погребённого.

Могила № 47. В могильной яме, размерами 3 х 2,6 м, выявлены остатки сожжённого сруба в два венца. Сруб перекрыт горбылями, уложенными в поперечном направлении.

В срубe захоронены три человека: один скелет (женская мумия и два компактных скопления кремированных человеческих костей (мужские куклы).

Могила № 49. В могильной яме размерами 3,2 x 2,4 м выявлены остатки сожжённого сруба в один венец. Лучше всего сохранились брёвна у южной и северной стенки могильной ямы. С западной и восточной стороны бревна сруба уложены вплотную к крупным скальным обломкам (по три с каждой стороны). Сруб перекрыт широкими (до 40 см) плахами и листвами бересты. Лучше всего сохранилось деревянное перекрытие в западной половине могилы. Все детали деревянного сооружения обуглены. На дне сруба – два очень плохо сохранившихся скелета. Большая часть костей сохранилась в виде тлена.

Могила № 51. В могильной яме размерами 2,7 x 1,8 м выявлены остатки сожжённого сруба, в два венца. Сохранились только два бревна южной и одно бревно северной стенок. От перекрытия сруба прослеживались фрагменты двух широких плах уложенных в поперечном направлении. На дне сруба – один женский скелет. Вероятно, был захоронен труп, поскольку все кости скелета сохранились в анатомическом порядке.

Могила № 55. В могильной яме, размерами 2,8 x 2,4 м выявлены остатки плохо сохранившегося, сожжённого сруба в 2 венца. Фрагменты брёвен сруба сохранились вдоль южной, западной и северной стенки. Все они обуглены. Над погребениями фиксировался тонкий слой обугленного дерева и бересты. На дне сруба – очень плохо сохранившиеся скелеты четырёх человек (трёх взрослых и одного подростка). Кости трёх погребённых сохранились в виде тлена. Четвёртый скелет удовлетворительной сохранности. Захоронены, вероятно, женские мумии.

Могила № 56. В могильной яме, размерами 2,4 x 1,7 м выявлены остатки сожжённого сруба в 2 венца. Лучше всего сохранились брёвна южной и северной стенок. От брёвен западной и восточной стенок сохранились отдельные фрагменты. Сруб перекрыт тремя широкими продольно уложенными плахами. Все брёвна сруба и перекрытия обуглены. На дне могилы – женский скелет. Захоронена, вероятно, мумия, так как кости верхней части скелета уложены с явным нарушением анатомического порядка.

Могила № 70. В могильной яме, размерами 1,7 x 1,3 м выявлены плохо сохранившиеся остатки сожжённого сруба в 2 венца. Лучше сохранились брёвна южной и северной стенок. От брёвен западной и восточной стенок сохранились отдельные фрагменты. Сруб перекрыт поперечно уложенными плахами. Все брёвна сруба и перекрытия обуглены. На дне могилы – очень плохо сохранившийся скелет, от которого фиксировался только тлен.

Могила № 81. В могильной яме, размерами 2,7 x 1,7 м выявлены слабые остатки сожжённого сруба в один венец. Сохранился большой фрагмент бревна, уложенного вдоль южной стенки и несколько фрагментов брёвен вдоль северной и западной стенок. Сруб перекрыт продольно уложенными плахами. Все брёвна сруба и перекрытия обуглены. На дне могилы – мумифицированные остатки женского скелета. Череп, лопатка, плечевая кость сохранились в анатомическом порядке. Остальные кости скелета сложены компактной кучкой ниже черепа.

Представленные материалы позволяют реконструировать некоторые детали обряда сожжения грунтовых могил, исследованных на могильнике Староозначеская Переправа I. Во-первых, необходимо отметить, что огонь разводили только в могилах, где покойных

помещали в срубы. В грунтовых ямах, в которых не было деревянных конструкций, следов огня не прослеживалось. Лишь в одном случае (м. № 19) на борту могильной ямы, где была захоронена женская мумия, фиксировалось небольшое кострище. В самой могиле следов огня не замечено.

Срубы в один-два венца, покрывались продольно или поперечно уложенными плахами и горбылями, сверху и с боков укрывались листьями бересты. Затем на верху сруба разводили огонь. Степень сожжения срубов различна. Некоторые деревянные сооружения сгорали практически полностью (м. №№ 32, 47), другие сильно обугливались, но сохраняли свою форму (м. №№ 13, 51, 56, 70, 81), третьи сгорали частично, то есть брёвна и плахи обгорали только сверху, а сердцевина истлевала естественным путём (№№ 21, 49, 55). Вероятно, степень сгорания срубов зависела от длительности промежутка времени с того момента, когда разводился огонь и до того момента, когда начинала засыпаться могильная яма. Чем дольше был данный промежуток, тем сильнее сгорало деревянное сооружение. Но во всех случаях разведение огня было обязательным элементом погребального обряда.

Обычай сжигания срубов встречался и на других таштыкских памятниках. На могильнике Красная Грива из 14 раскопанных грунтовых могил в 5 находились сожжённые или обугленные срубы [Вадецкая, с. 209-210]. Два сильно обгоревших сруба исследованы на могильнике Барсучиха II [Баркова, с. 166]. Один сожжённый сруб раскопан на могильнике Таштык и два в могильнике Оглахты II-IV [Вадецкая, 1999, с. 229, 232]. Но в целом следует отметить, что данный ритуал в раннеташтыкское время не получил широкого распространения. В большинстве исследованных грунтовых могильников, в том числе и таких крупных, как Комаркова, Новая Чёрная II, Новая Чёрная IV, Терский, Мысок сожжённых срубов нет.

Каковы истоки данной традиции? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Таштыкская культура (на раннем этапе своего существования), по мнению большинства археологов, сложилась в результате смешения местного тагарского населения, практиковавшего захоронения по обряду ингумации (трупы, мумии, кучки компактно сложенных костей) и пришлого, хоронившего по обряду кремации (погребальные куклы с сожжёнными человеческими костями) [Вадецкая, 1999, с. 47-49; Кызласов, 1960, с. 162-166; Кызласов, Панкова, 2004, с. 63; Азбелев, с. 385]. Как отмечалось выше, обычай сожжения срубов, встречается далеко не на всех грунтовых могильниках, где проводились раскопки. Поэтому представляется маловероятным, что его принесли мигранты, хоронившие покойных по обряду кремации.

В Минусинской котловине обычай сожжения погребальных сооружений появилась ещё на лепешкинском этапе тагарской культуры в III в. до н. э. Данная традиция получила дальнейшее развитие в тесинское время. Все тесинские склепы, датирующиеся II в. до н. э. – I в. н. э., сожжены. По мнению Н. Ю. Кузьмина, позднейшие тесинские склепы строились с середины II в. н. э. по первую треть III вв. н. э. и синхронны раннеташтыкским могильникам [Кузьмин, с. 218]. На наш взгляд, данная точка зрения достаточно дискуссионная, но имеет право на существование. Таким образом, появление традиции сожжения раннеташтыкских погребальных камер следует связывать, вероятно, с местным посттагарским населением.

Библиографический список:

1. Адрианов А. В. Оглахтинский могильник // XXIX Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», 1903. № 249. С. 254.
2. Азбелев П. П. Оглахтинская культура // Вестник СПбГУ. – 2007. Вып. 4. – С. 381-388.
3. Баркова Л. Л. Таштыкский могильник Барсучиха II // Первобытная археология Сибири. Л. – 1975. – С. 165-173.
4. Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н. э. – V в. н. э.). М. – 1960. – 198 с.
5. Кызласов Л. Р. Раскопки в Оглах-Тах // АО, 1969. М.: Наука, 1970.
6. Кызласов Л. Р., Панкова С. В. Татуировки древней мумии из Хакасии (рубеж нашей эры) // СГЭ. [Вып.] LXII. – 2004. – С. 61-67.
7. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. – 1986. – 180 с.
8. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 440 с.
9. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. – 642 с: илл.
10. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Изд-во «Айсинг», 2011. – 456 с., илл.
11. Панкова С. В., Васильев С. С., Дергачёв В. А., Зайцева Г. И. Радиоуглеродное датирование оглахтинской гробницы методом «wiggle matching» // АЭАЕ. – 2010. № 2 (42). – С. 45-56.
12. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинской котловины // МЭ. – 1929. – Т. 4. – Вып. 2. – С. 41-69.
13. Тетерин Ю. В. Раскопки раннеташтыкских погребений на юге Красноярского края // Обзорение 1994–1996 гг. : Изд-во ИАиЭТ СО РАН, 2000. – С. 74-77.

**Е. В. Тенятникова, А. Л. Заика,
г. Красноярск**

Образ лодки в Шалаболинских петроглифах

Древняя наскальная живопись является наиболее загадочным и притягивающим явлением в истории человечества. В Курагинском районе Красноярского края на правом берегу реки Тубы находится Шалаболинская писаница. Шалаболинские скалы считаются одними из самых крупных местонахождений петроглифов на Енисее. Общая протяжённость скального массива охватывает расстояние в 2 км, на нём находится больше 500 плоскостей и скальных фризов с рисунками. Петроглифы разделены на 8 участков скальных обнажений.

Во время полевых работ, проведённых в рамках студенческой практики Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, на Шалаболинской писанице в июле 2021 г. были обнаружены и повторно исследованы изображения лодок на 3 и 4 участках писаницы. Петроглифы с образом лодки чаще выполнены в технике точечной выбивки, однако встречаются рисунки, нанесённые на скалу минеральным красителем – охрой. В ходе работ были сделаны контактные копии, произведена фотофиксация, а также составлены подробные описания изображений.

Описание наскальных рисунков

На участке 4 находятся три близкорасположенные плоскости – 10а, 10б и 10в. Данные плоскости обращены на юго-восток. Размеры плоскости 10а: длина – 1,5 м, ширина 73-79 см, высота от подножия скалы – 17-20 см. Азимут 70°, угол наклона +9°, высота – 45 см. Размеры плоскости 10б: длина – 1,15 м, ширина – 83 см, высота от подножия скалы – 10-15 см. Азимут 66°, угол наклона +6°, высота – 57 см.

На плоскости 10а находится два изображения лодок. Первое расположено на левом краю камня на месте скола поверхности скалы. Сохранившаяся часть представляет собой фрагмент прямой горизонтальной линии с двумя вертикальными отростками (ширина 1 см, высота 3 см), расстояние между ними составляет 1,5 см. Рисунок выполнен точечной выбивкой с углублением в 2-3 мм. Крайняя правая часть изображения перекрыта контурной фигурой лося, выполненной в другой технике выбивки.

Второе изображение этой плоскости находится по правому краю и представляет собой фрагмент одного петроглифа, другая часть которого расположена на соседней плоскости – 10б. Данное разделение одного изображения произошло в результате разлома поверхности и образования трещины. Петроглиф изображён в виде прямой горизонтальной линии, длиной 38 см, с загнутыми вверх краями. На данной линии нанесено 10 вертикальных чёрточек (примерно 1-2 утеряны из-за трещины) высотой 3 см и шириной 1 см, расстояние между ними составляет 1-2 см. Техника выбивки грубая с углублением в 1-2 мм. Над правой частью петроглифа находится неполное изображение копытного зооморфа. Голова и шея соразмерны, силуэт головы чётко обозначен, на голове выделены уши. Можно предположить, что изображение было не закончено по причине недостатка места, т. е. лодка была нанесена на плоскость ранее. Над изображением животного нанесена ещё одна зооморфная фигура с чётко обозначенным контуром головы и шеи. Верхняя часть головы утрачена в результате разрушения поверхности скалы.

Размеры плоскости 10в: длина – 0,4 м, ширина у начала плоскости – 0,22 м, ширина у конца плоскости – 0,18 м, высота от подножия скалы – 0,8 м. Азимут 79°, угол наклона +3°. В правой нижней части плоскости 10в находится силуэтная фронтальная фигура антропоморфа. Чётко выделен силуэт головы, подтреугольного туловища и линии конечностей. Руки примыкают к линии плеч, внизу соединены с прямой горизонтальной линией с овальными контурами на концах (лопасти «байдарочного» весла?), от которых отходят короткие вертикальные чёрточки, направленные вниз. Ноги представлены вертикальными линиями, расставлены в стороны. Под ногами антропоморфа расположена горизонтальная дугообразная линия, напоминающая лодку. Стоит отметить, что часть петроглифа утеряна в нижней части. Использована точечная техника выбивки, глубиной в 1-1,5 см.

Следующей плоскостью, на которой были обнаружены изображения лодки, является плоскость 21, где выявлено три их рисунка. Плоскость 21 обращена на юго-восток и расположена на высоте 4 м от уреза воды; длина – 2,8 м, ширина – 1,2 м, высота от подножия скалы – 2,7 м. Одно изображение лодки расположено в правой крайней части плоскости. Оно представлено горизонтальной дугообразной линией с перпендикулярными ей вертикальными чёрточками. Наверху некоторых вертикальных отростков изображены кольцевидные контуры. Количество изображённых в лодке «пассажиров» равно восьми. У людей не выделены конечности. Петроглиф выполнен в технике точечной выбивки.

Следующий петроглиф расположен в правой нижней части плоскости. Изображена горизонтальная дугообразная широкая линия длиной 20 см. На ней нанесено 6 вертикальных чёрточек, они расположены на расстоянии 1,5-2 см друг от друга. Техника выбивки точечная, представлена одиночными ударами, находящимися близко друг к другу. Над петроглифом нанесена фигура копытного животного в статичной позе с прямыми конечностями («минусинский стиль»). Под петроглифом находится незаконченное изображение зооморфа, у которого выделена только головная часть и шея.

Последнее изображение данной плоскости находится в левой нижней её части, нанесено на поверхность скалы красной охрой «кирпичного» оттенка. Рисунок представляет собой горизонтальную дугообразную линию с 15 вертикальными чёрточками. Левая часть изображения хорошо видна на поверхности камня, поскольку в этом месте скала имеет светлый участок, тогда как правая часть находится на более тёмном участке, что затрудняет обозначить чёткую границу изображения. Данный петроглиф является классическим примером схематичного изображения лодки.

Наиболее примечательным изображением лодки является петроглиф, находящийся на восьмой плоскости третьего участка писаницы. Основа лодки представлена горизонтальной дугообразной линией, носовая часть показана в виде головы животного, а задняя часть корпуса раздвоена. «Пассажирами» лодки являются уже не вертикальные чёрточки, которые мы наблюдали на плоскостях, рассмотренных выше, а реалистичные изображения антропоморфов с чётко выделенными нижними конечностями и головой. Всего насчитывается 11 антропоморфных фигур. Верхние конечности выделены только у одного персонажа, находящегося в центре, он держит в руках весло. Данная фигура интересна также нетипичным оформлением головной части, т. е. наличием «рогов». Такой же признак имеет «пассажир», стоящий на задней части лодки. Над данным петроглифом находится реалистичная более крупная фигура антропоморфа, с ясно выделенными верхними и нижними конечностями, и головой с «рогами». Фигура находится в движении в левую сторону. Изображения выполнены выбивкой.

Классификация

Судя по характеристике образов, их иконографии, можно выделить два основных варианта изображения лодки: 1) реалистичный, 2) схематичный. Реалистичный вариант изображений представляет собой обозначения «пассажиров» с относительно реалистичными пропорциями, выделением у них головы и конечностей, возможно присутствие атрибутики (весло), изображение лодки как горизонтальной дугообразной линии с выделением носа – голова животного, кормы – хвост. Схематичный вариант – изображение людей вертикальными, а лодки горизонтальной прямой линиями. Промежуточное положение занимают изображения людей в виде вертикальной линии, но с выделением некоторых частей тела, чаще – головы. Изображение самой лодки представлено горизонтальной дугообразной линией.

Важным вопросом является датировка петроглифов. Чтобы определить в какое время были нанесены данные изображения, необходимо рассмотреть несколько аспектов.

Трасологический анализ

Начнём с техники нанесения петроглифа на поверхность скалы: в рассматриваемых изображениях превалирует техника выбивки. По следам выбивки можно определить ка-

ким инструментом были нанесены удары и с какой силой. На рассматриваемых изображениях следы выбивки представлены либо редкими одиночными ударами инструмента вдали друг от друга, либо плотно расположенными друг к другу, формирующими цельные линии. Следы ударов чаще имеют округлую форму, в связи с этим на плоскости 10а чётко виден случай палимпсеста. На поверхность лодки нанесена задняя часть животного, выполненная другим инструментом с плоским рабочим краем продолговатой формы.

Благодаря трасологическому методу исследования можно определить относительную хронологию наскальных изображений посредством анализа палимпсестов, планиграфии изображений (результатов измерений в трёхмерном пространстве, как относящихся к определённом моменту или периоду времени), и патинизации (степени скального «загара»). Также данное направление исследования поможет с наибольшей точностью определить каким орудием нанесены изображения, из какого материала оно было выполнено, сколько различных орудий использовалось при работе [Гиря и др., с. 329]. В 2018 г. на участке 10б был выполнен трасологический анализ наскальных рисунков, которые составляют палимпсест [Заика, Зоткина, с. 50]. Суть данного подхода заключается в изучении и сравнении следов пикетажа на поверхности, выявлении рисунков, нанесённых на плоскость позже остальных. В результате выявлено, какие изображения были нанесены на плоскость ранее, а какие в более позднее время. Благодаря установлению примерного периода нанесения рисунков, пришли к выводу, что большинство петроглифов плоскостей 10а, 10б, 10в выполнено в неолитическое время.

Сюжетно-стилистический анализ

Сюжетный аспект заключается в анализе общей композиции, представленной на определённой плоскости. Сюжеты лодок на Шалаболинской писанице в большей степени однотипны: лодка с некоторым количеством «пассажиров» и встречающиеся по близости зооморфные фигуры оленя или лося. Именно единство сюжета и стиля данных наскальных рисунков объединяет их в одну особую группу.

Стилистический анализ изображений лодок позволяет говорить о том, что данные петроглифы были сделаны в одну эпоху, поскольку выработан единый образец, на который опирались авторы изображений. Среди общих признаков выделяются: 1 – горизонтальная основа с чаще всего обращёнными кверху краями; 2 – антропоморфные изображения разного вида. Похожие изображения встречаются во многих регионах: Дальневосточный регион (писаницы реки Олёкмы и верхнего Приамурья), Восточная Сибирь (Шишкинские писаницы), Западная Сибирь (Томская писаница, Новоромановская писаница, Никольская писаница) и другие.

Значительная часть исследователей относят изображения лодок к «ангарскому стилю» эпохи неолита. Приведём ряд доводов, обосновывающих данную точку зрения. Во-первых, на многих рассматриваемых плоскостях найдены многочисленные фигуры оленей и лосей, даже иногда перекрывающие лодки, которые были датированы эпохой неолита, следовательно, изображения лодок появились приблизительно в эту же эпоху. Во-вторых, для неолита рыболовство становится одним из ведущих видов хозяйства, что и отражается в рисунках лодок, как очень важного водного транспорта, помогающего добывать пищу. В-третьих, наскальные изображения Шалаболинской писаницы имеют ана-

логи среди петроглифов Ангары и верхней Лены. Также схожа по мотивам изображений и Томская писаница в Западной Сибири. А. А. Формозовым было отмечено, что ареал распространения данных писаниц совпадает с ареалом каменных рыб-приманок, которые характерны для серовского этапа неолита. Вследствие этого был сделан вывод, что стиль, объединяющий писаницы Ангары, Верхней Лены, Томи, и Тубы выработался в неолитическое время [Формозов, с. 85, 113].

Вопрос о датировке остается открытым, так как с развитием науки и техники появляются новые методы исследования, дающие возможность открытия новых деталей и признаков, которые ранее были упущены. С их помощью можно будет установить более точную датировку, рассматриваемых в работе наскальных изображений.

Интерпретация образов

Ещё одним немаловажным вопросом является семантика данных петроглифов. Изображение лодок является достаточно устойчивым сюжетом в наскальном искусстве Евразии и в известной мере особенностью и изобразительным символом огромной территории. Это проявлялось не только в широкой распространённости изображений лодок на скалах регионов, но и в проникновении самого образа в иные сюжеты человеческого мировоззрения [Куликова, с. 67].

В мифологии многих культур лодка – это средство, на котором перебирались в потусторонний мир. Река была одним из жизненно важных источников существования древнего человека, поэтому она нашла своё отражение в образах наскального искусства. Считается, что в древности существовала горизонтальная модель мира [Кулемзин, с. 92]. Изображения лодок являются памятниками древней религии, которая во многом схожа с религией древних народов Египта. Образ лодки связан с древнейшим представлением людей о плавании душ умерших в загробный мир, который тесно связан с культом Осириса – божество загробного царства, известное нам по древнеегипетской мифологии.

А. И. Мартынов посвятил отдельную работу вопросу происхождения образа лодок, которая получила название «Лодки – в страну предков». Он пишет: «О царстве мёртвых сложилось представление как о стране предков, куда уходят души умерших по реке мёртвых вслед за уходящим солнцем» [Мартынов, с. 20]. Заход солнца олицетворял смерть и упадок, в то же время восход солнца даровал новый день и новую жизнь. Также с мифами о путешествиях в мир мёртвых связаны и другие изображения, расположенные поблизости. Неслучайно рядом с лодками оказываются зооморфные фигуры, а именно головы оленей. Олень в мифологии выступает сопровождающим лодок мёртвых в их плавании по реке смерти. Данный образ широко известен в шаманском фольклоре народов Сибири, у которых олень считается обитателем «нижнего мира». Также известны образы ныряющих в волнах смерти оленьих «быков» в тунгусских погребальных заклинаниях и страшных лосей в кетской легенде об оленях владычицы преисподней Хосядам, окаменевших среди Енисея [Окладников, с. 64].

В ходе изучения причин появления изображений лодок стоит отметить, что многие авторы ставят мифологический подтекст под сомнение. В 1940-е гг. А. Я. Брюсов высказал предположение, что древними художниками изображались реальные лодки, а чёрточки – живые люди, занимавшиеся морской охотой [Брюсов, с. 21].

Вернувшись к описанию петроглифов лодок на Шалаболинской писанице, стоит отметить, что отсутствие верхних конечностей на более реалистичных изображениях может подчёркивать то, что «пассажиры» – не живые люди, а души умерших. Вероятнее всего, в то время людей не хоронили в земле, а сплавляли вниз по течению реки [Заика, 1996]. Подтверждением этого суждения, может послужить то, что на Среднем Енисее археологами пока не были найдены погребения, бесспорно относящиеся к эпохе неолита [Вадецкая, с.68-74].

Однако необходимо подчеркнуть, что не стоит интерпретировать петроглифы с одной точки зрения, необходимо рассматривать их в комплексе. Чем больше суждений, тем ближе можно подобраться к истинной причине их изображения древними людьми. Комплексное изучение даёт нам возможность отследить повседневную жизнь, быт, религиозные и мировоззренческие представления наших предков. Изучение образов лодок поможет разобраться не только в духовной составляющей, но и послужить источником для анализа лодки, как реально существовавшего транспортного средства.

Заключение

Следовательно, исходя из классификации удалось выделить два основных варианта изображения лодки, что говорит о повсеместном распространении данного образа, который для понимания не всегда нуждался в реалистичном исполнении. В ходе исследования была выделена предположительная датировка наскальных рисунков с образом лодки – эпоха неолита (5-8 тыс. л. н.). Среди вариантов трактовки изображений можно выделить две преобладающие точки зрения: мифологическая, связанная с циклами смерти и возрождения, а также реальная, связанная с изображением настоящих лодок в связи с распространением рыболовства в эпоху неолита.

Изображения лодок несут в себе глубокий смысл, тесно связанный с мирозерцанием древнего человека. Схожесть образов на писаницах, разбросанных территориально, говорит об общей мировоззренческой основе людей. Дальнейшие исследования по данной тематике будут продолжены.

Библиографический список:

1. Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. – М., 1940. – Вып. IX. – 320 с.
2. Вадецкая Э. Б. Современные представления о состоянии источников по неолиту Минусинской котловины // КСИА. – 1999. – Вып. 199. – С. 68-74.
3. Гиря Е. Ю., Дроздов Н. И., Дэвлет Е. Г., Макулов В. И. Шалаболинская писаница: опыт трактологического исследования // Вестник КГПУ. – 2012. – № 1. – С. 335.
4. Заика А. Л. Наскальное искусство Среднего Енисея // Тайны Среднего Енисея. – Железногорск: Изд-во МВЦ, 1996. – С. 25-39.
5. Заика А. Л., Зоткина Л. В. Относительная хронология Шалаболинских петроглифов (результаты анализа палимпсестов на центральном участке писаницы). // Учёные записки музея-заповедника «Томская писаница». – Кемерово, 2018. – Вып. 8. – С. 45-55.
6. Кулемзин В. М. Методические аспекты изучения погребального обряда // Обряды народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. – 105 с.
7. Куликова А. С. Изображения лодок северной Евразии. – Кемерово, 2014. – 69 с.
8. Мартынов А. И. Лодки – в страну предков. – Кемерово, 1966. – 35 с.
9. Окладников А. П. Олень Золотые Рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. – Л. – М., 1964. – 240 с.

10. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности Среднеенисейских петроглифов (по итогам работ Петроглифического отряда Южносибирской археологической экспедиции КемГУ) // Археология, этнография и музейное дело. Сб. науч. трудов каф. археологии КемГУ. – Кемерово, 1999. – С. 47-74.

11. Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству: наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. – М.: Наука, 1969. – 253 с.

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ И ЭТНОГРАФИЯ СИБИРИ

А. П. Дементьев,
г. Красноярск

Общественно-политическая жизнь Минусинского уезда в 1917 г.

К 1917 г. Минусинский уезд насчитывал 36 волостей, в которых проживало 279 880 человек, то есть 31,6 % населения губернии [4, л. 4-5]. Доля переселенцев из центральных губерний страны была меньше, чем в остальных уездах: переселенческие посёлки составляли здесь от общего числа русских поселений – 35,5 %. Административным центром уезда был город Минусинск, где проживало 12807 чел (11 % от городского населения губернии). Здесь располагалась небольшая воинская команда в 400-600 человек. Большая часть рабочих (около 3000 чел) были рассеяны на приисках и рудниках. В уезде имелись и крупные промышленные предприятия: Абаканский железодельный завод (500 чел), медеплавильные заводы «Юлия» и «Улень» (соответственно 650 и 500 чел) [16, с. 13-14].

Февральская революция 1917 г. оживила размеренную жизнь провинциального уезда. В Минусинске о революции стало известно 3 марта, в этот же день представители общестственности провели собрание, ставшее первым заседанием местного комитета общественной безопасности (КОБА). На следующий день в городе состоялся массовый митинг, который избрал новых членов КОБа и создал его исполнительный комитет в составе председателя, городского головы П. А. Бахова, товарища председателя – Ф. Горбунова, секретаря – М. И. Хачатурова и членов: Р. И. Зефирова, Я. И. Шомесова, И. Г. Сафьянова, Н. Я. Быховского и В. К. Икова [21, с. 99].

Одновременно, 4–5 марта, на съезде уполномоченных потребительских обществ Минусинского уезда по инициативе и под председательством народника и агронома И. П. Бедро был сформирован уездный комитет. В него вошли от потребительских обществ И. И. Алапов, Т. И. Савенков и от Союза кредитных товариществ – М. А. Агуф и Е. Д. Добров. 7 марта уездный КОБ направил своих представителей для организации в уезде волостных и сельских комитетов. Уже 22 апреля в Минусинском уезде волостные комитеты были созданы в 67 % волостей [15].

В уезде были созданы отделы ведущих политических партий, в первую очередь эсеров и социал-демократов. В июле эсеровская группа в Минусинске насчитывала около 200 человек, в её руководстве состояли М. А. Агуф, Е. Д. Добров, Л. Н. Злобина. Сельские организации эсеров действовали не менее, чем в девяти населённых пунктах. В августе откололась группа левых эсеров во главе Е. Л. Фаерман, Е. Н. Катаевым, Д. А. Пузановым.

Объединённая социал-демократическая организация действовала до конца сентября 1917 г. под председательством Ю. П. Гавена. Только 1 октября 1917 г. была создана отдельная большевистская организация, которая насчитывала 60 человек, её лидеры: Ф. Са-

мойлов, Ю. П. Гавен, А. И. Плотников, И. Бузулаев. Меншевистской группой руководили С. М. Румянцев, К. А. Тулокоников, Я. И. Фрейман.

В конце июня в Минусинске была создана группа народных социалистов. Её идейным и организационным предшественником стала «группа закрепления политических свобод», которая, была создана в марте при подготовке выборов в городской КОБ. Наиболее активными деятелями минусинских энесов являлись городской голова, мещанин П. А. Бахов, священник В. И. Кузьмин и учитель И. Я. Чибизов. Последними оформились кадеты – 8 октября 1917 г.

С марта по октябрь 1917 г. в Минусинске было создано 15 профессиональных союзов рабочих и служащих. Кроме того, действовали профсоюзы на ст. Абакан, Черногорских копях, руднике «Юлия», Изыхских копях. Число членов союзов варьировалось от нескольких десятков до 300 человек. Самым многочисленным был профсоюз учителей Минусинского уезда, который в октябре насчитывал 300 членов [7, с. 301-302, 305-306].

Уровень самоорганизации населения уезда был выше, чем у других территорий губернии, за исключением Красноярского уезда. За период марта – октября 1917 г. в уезде прошло 14 совещаний социально-классовых сил, что составило 13 % от подобных совещаний губернии (всего 105). В Красноярском уезде ввиду нахождения там губернского центра состоялось 67 % съездов. Кооперативные организации провели 3 съезда, крестьянство – 2; профессиональные организации – 3; общественные организации, политические партии, органы власти – 4; инородцы – 2 [17].

В апреле 1917 г. в Минусинске состоялись единственные в губернии всеобщие выборы КОБа, которые в большей степени должны были отразить настроения населения. Согласно разработанному положению, в выборах могли участвовать лица, достигшие 20-летнего возраста. От каждых 150 граждан города выбирался 1 депутат [12].

В результате, из 18 членов нового Минусинского КОБа, чью партийность удалось установить (48,6 % от общего числа): 3 человека являлись энесами, 7 – эсерами, 8 – социал-демократами [13]. Как констатировала газета «Свобода и труд», комитет состоял из представителей «самой широкой и крайней демократии» [14]. Председателем КОБа был выбран П. А. Бахов.

Параллельно КОБу 15 марта был образован Минусинский Совет рабочих депутатов. В него вошли 23 представителя от рабочих, 5 – от солдат и 2 – от социалистических партий. Председателем Совета был избран эсер М. А. Агуф. 9 апреля состав Совета расширился за счёт солдат, он был преобразован в Минусинский Совет рабочих и солдатских депутатов. При перевыборах его исполнительного комитета 25 апреля председателем стал большевик Г. И. Пфафродт, а с его отъездом в мае 1917 г. – Ю. П. Гавен. Следом, в марте – апреле 1917 г., были организованы Советы рабочих и солдатских депутатов на рудниках «Юлия», «Улень» и «Богомдарованный».

В марте – апреле КОБы и Советы действовали в тесном контакте. Минусинский совет делегировал 3-х представителей в городской КОБ. 30 марта члены обеих организаций приняли «Положение о примирительных камерах рабочих», которое должно было регулировать трудовые споры между работодателями и работниками [6, с. 47]. 8 апреля, для выработки нормированных цен на товары, была образована особая комиссия, в которую вошли представители от владельцев торговых фирм, КОБа, Совета, служащих торговых

предприятий, городской продовольственной комиссии. Члены комиссии снизили цены на предметы роскоши на 30 %, а на товары, владельцы которых не смогли предоставить оправдательных счетов по закупке, на 75 %. Приказчикам было указано продавать дешёвую мануфактуру в ограниченных размерах [21, с. 104].

Только в конце апреля 1917 г. после усиления большевиков в Минусинском Совете рабочих и солдатских депутатов, началось обострение его взаимоотношений с КОБом. Совет, вопреки распоряжению командующего Иркутским военным округом, вынес решение не посылать солдат в маршевые роты, направляемые на фронт, а оставить их для укрепления местного гарнизона. В своей деятельности Совет опирался на стремительно радикализирующийся Союз увечных воинов, председателем которого 27 апреля был избран большевик Г. В. Лебедев. Пик противостояния КОБа и Совета наступил в первой половине мая 1917 г., когда в город приехало несколько сотен фронтовиков-отпускников. Под их влиянием КОБ был вынужден сменить некоторых должностных лиц. Стремительно левели и Советы на местах. Так, 23 мая 1917 г. при поддержке Совета рабочие медеплавильного рудника «Юлия» свергли администрацию. Управление производством перешло к рабочему комитету.

Уездный крестьянский съезд, начавшийся 13 мая 1917 г. ознаменовал новый этап в организации власти в уезде. Делегаты съезда одобрили должность уездного комиссара, которым стал эсер П. Н. Тарелкин [11].

Съезд избрал уездный Совет крестьянских депутатов в составе 5 человек. Его председатель, эсер Е. Д. Добров, до конца 1917 г. проводил политику обособления крестьянского Совета от Совета рабочих и солдатских депутатов. Участники съезда избрали уездную земскую управу с функциями уездного КОБа в составе председателя В. С. Карцева и членов Е. Д. Доброва, П. С. Каргаполова, А. З. Назарова, Н. И. Окунева, А. И. Семенюка и Н. И. Тропина [11]. В дальнейшем управа организовала перепись населения, определила избирательные округа, назначила председателей и членов избирательных комиссий для выборов в земство.

После формирования новых органов власти деятельность КОБа свелась к рассмотрению частных, второстепенных вопросов. Постепенно он сошёл с политической арены.

Летом – осенью 1917 г. политическую жизнь уезда наполняли выборы в органы местного самоуправления. Городской думой выборы в Минусинске были назначены на 30 июля. В избирательную кампанию включились эсеры, социал-демократы, энесы, и внепартийное объединение домовладельцев. Первые демократические выборы в Минусинске прошли при небольшой активности избирателей; здесь отмечалась наименьшая среди городов губернии явка – 34,8 % населения [7, с. 51].

Убедительную победу одержало внепартийное объединение домовладельцев. За него проголосовали 33,2 % избирателей, их представители заняли 13 мест из 40 в думе. Из политических партий лидировали энесы, получившие 30,3 % голосов избирателей и 12 мест гласных. За эсеров проголосовало 21,9 % избирателей, это дало им 9 мест. Социал-демократы набрали 14,6 % избирателей и 6 мест в думе [5, л. 23]. Городским головой был избран П. А. Бахов.

Сроки выборов в волостное земство были определены в уезде на 10–12 сентября. По сообщению местной эсеровской газеты «Знамя труда», к середине октября в 30 волостях

из 36 уже прошли первые земские собрания и оформились земские управы [8]. Выборы в уездное земство состоялись 22 октября. В партийном отношении среди уездных гласных лидировали эсеры. В состав уездного земского собрания были избраны 20 эсеров, 3 большевика, 1 меньшевик, 2 энеса, 1 кадет, 25 беспартийных [1, л. 100-113].

Таким образом, к осени 1917 г. в уезде оформились следующие центры власти: уездный комиссар, минусинская городская дума, уездная земская управа, уездный Совет крестьянских депутатов, Минусинский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Активно бороться за политическую власть Минусинский Совет стал с августа 1917 г. Его члены 30 августа оценили действия генерала Корнилова как «вооруженное восстание имущих классов во главе с высшим командным составом армии против революционного народа» и призвали к гражданской войне с помещиками и капиталистами и переходу власти в руки революционного народа. Предложение уездного комиссара как агента буржуазного Временного правительства создать особый орган по борьбе с контрреволюцией было отвергнуто. 2 сентября 1917 г., на третий день после разгрома корниловского выступления, исполнительный комитет Минусинского Совета организовал многолюдную демонстрацию под лозунгами «Долой контрреволюцию!», «Долой заговор Корнилова!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [9; 10].

В итоге, минусинский уездный комиссар П. Н. Тарелкин в сентябре 1917 г. констатировал, что после корниловского выступления Минусинский Совет рабочих и солдатских депутатов стал «проявлять больше активности в чисто большевистском роде» [3, л. 79].

К осени 1917 г. влияние большевиков в уезде значительно выросло, что показали результаты выборов в Учредительное собрание. В Минусинске голоса избирателей поделили между собой большевики, эсеры, энесы и кадеты. За радикалов проголосовало 1319 человек, что составило 34,4 %. Эсерам отдали голоса 839 человек, то есть 21,9 %. Кадетов поддержало 794 избирателя (20,7 %). Весомым оказалось влияние энесов, за которых проголосовал 671 человек (17,5 %) [7, с. 269].

Иной была ситуация в уезде, где господствовали эсеры, которые получили 75,4 % голосов избирателей. За большевиков отдали голоса 11,5 %. За счёт избирателей Аскызской волости энесы получили 6,2 % голосов. Остальные партии не получили больше 5 % [7, с. 275-276].

Вместе с тем, сил для захвата власти большевикам в октябре 1917 г. ещё не хватало. Их организация насчитывала в Минусинске не более 60 человек, в городе отсутствовали крупные воинские подразделения и промышленные предприятия. Влияние Совета слабо распространялось на крестьянские массы уезда. В связи с этим процесс установления советской власти затянулся.

31 октября Минусинский Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию о переходе власти в руки Советов. В этот же день состоялось собрание городской думы с участием уездного комиссара П. Н. Тарелкина, председателей земской управы и городской думы В. С. Карцева и И. Я. Чибизова. Из-за попыток Совета вторгнуться в жизнь общественных и правительственных организаций было принято решение прекратить на два дня деятельность всех учреждений, кроме телеграфа [20, с. 44].

Противостояние органов местного самоуправления заставило Совет рабочих и солдатских депутатов пойти на компромисс. Для борьбы с анархией и осуществления контроля над учреждениями и предприятиями 1 ноября 1917 г. был учреждён городской Военно-

революционный комитет (ВРК) из представителей Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, Союза вечных воинов, товарищества кооперативов, гражданской милиции, а также представителей от политических партий: большевиков, меньшевиков, эсеров и левых эсеров [2, л. 9].

Формирование ВРК позволило Минусинскому Совету повысить свою легитимность в глазах крестьянского населения и даже объявить 10 ноября «Декрет о переходе власти к Советам». К 17 ноября 1917 г. было достигнуто соглашение об объединении Минусинского Совета рабочих и солдатских депутатов с Советом крестьянских депутатов и создании объединённого исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов из 15 человек. (по 5 от каждой секции). На него была возложена задача подготовки крестьянского съезда, призванного разрешить вопрос о власти в уезде [6, с. 64, 67, 72-73]. При этом переход власти к Советам объявлялся временной мерой, действующей до созыва Учредительного собрания, которое, как предполагалось, окончательно внесёт ясность в вопрос о государственном строе.

Крестьянский съезд состоялся 26-30 ноября 1917 г. в Минусинске. По справедливому замечанию историка А. П. Шекшеева, переход делегатов крестьянского съезда Минусинского уезда на советские позиции был обусловлен рядом факторов. С предоставлением права решающего голоса членам Минусинского Совета рабочих и солдатских депутатов съезд перестал быть чисто крестьянским: его состав пополнился большевистски настроенными рабочими и солдатами. Выступления участников съезда, как и голосование по важным вопросам, происходили под давлением солдат и публики. В этих условиях съезд небольшим большинством голосов (170 против 146) отверг предложение эсеровского по составу уездного Совета крестьянских депутатов передать власть в уезде временному объединённому комитету общественных организаций и поддержал власть Советов [18, с. 16-17].

Согласно большевистской резолюции власть передавалась в руки крестьян, рабочих и солдат, объединённых в Советы, которые давали возможность Учредительному собранию быть «законодательным хозяином земли русской» и проводить законы в пользу народа. До установления этим органом нового государственного порядка, власть в Минусинском уезде должна была принадлежать Объединённому исполнительному комитету Совета крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов [19, с. 70].

Таким образом, можно констатировать, что развитие общественно-политической жизни в Минусинском уезде шло в русле общероссийских тенденций: от демократической коалиции первых месяцев революции к радикализации и власти Советов в ноябре 1917 г. При этом, политическая жизнь уезда отличалась от других территорий губернии рядом особенностей: сильными позициями энесов и внепартийного объединения домовладельцев в Минусинске; слабостью большевистской организации; поздним включением Минусинского Совета рабочих и солдатских депутатов в борьбу за власть и его готовностью к компромиссам.

Источники и библиографический список:

1. ГАКК. Ф.904. Оп.1. Д.12.
2. ГАКК. Ф.П-64. Оп.1. Д.738.
3. ГАКК. Ф.Р-1813. Оп.1. Д.12.

4. ГАКК. Ф.Р-1800. Оп.2. Д.1.
5. ГАКК. Ф.Р-1813. Оп.1. Д.210.
6. Гидлевский К. И., Сафьянов М. Г., Трегубенков К. Е. Минусинская коммуна. Из истории Октябрьской революции в Сибири. – М. – Л., 1934. – 295 с.
7. Дементьев А. П., Коновалова О. В. Общественно-политическая борьба в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). – Красноярск, 2018. – 319 с.
8. Знамя труда (Минусинск). 1917. 15 октября.
9. Знамя труда (Минусинск). 1917. 31 августа.
10. Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов (Красноярск). 1917. 7 сентября.
11. Наш голос (Красноярск). 1917. 1 июня.
12. Свобода и труд (Минусинск). 1917. 2 апреля.
13. Свобода и труд (Минусинск). 1917. 15 апреля.
14. Свобода и труд (Минусинск). 1917. 20 апреля.
15. Свобода и труд (Минусинск). 1917. 26 апреля.
16. Славное сорокалетие: Из истории Красноярской партийной организации (1917 – 1957 гг.). – Красноярск, 1957. – 186 с.
17. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). – Томск, 1991. – 219 с.
18. Шекшеев А. П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 г. – конец 1918 г.). – Абакан, 2007. – 160 с.
19. Шекшеев А. П. Крестьянские съезды Приенисейской Сибири в ноябре-декабре 1917 г. // Мир Евразии. – 2012. – № 1 (16). – С. 67-74.
20. Шекшеев А. П. Октябрьские 1917 года события на территории Енисейской Сибири // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. – 2018. – № 25. – С. 37-49.
21. Шекшеев А. П. Революционная власть на юге Енисейской губернии (март – июнь 1917 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2015. – Вып. 2 (15). – С. 97-118.

А. А. Донгак
г. Кызыл, Республики Тыва

Женское движение Тувинской Народной Республики

Актуальность темы исследования связана с ролью и положением женщин в современном тувинском обществе, которые напрямую связаны с изменениями в социально-экономической жизни, а также неподдельным интересом автора к данной теме. По данным Росстата за 2017 г., на 1000 мужчин в Туве приходится 1088 женщин [10]. В семейных отношениях прослеживается трансформация, связанная с повышением роли и статуса женщин. Данная тема активно была исследована учёными-тувиноведами Г. А. Забелиной [5], С. М. Биче-оол [2], З. Ю. Доржу [4], О. Д. Натсак [11]. Также в настоящее время появляются много междисциплинарных работ, рассматривающих вопросы, связанные с гендерными вопросами.

Хозяйственно-бытовой уклад, верования тувинского традиционного общества способствовали главенству мужчины. У женщин, как у хранительниц домашнего очага, главными функциями были поддержание семейного благополучия, занятие домашним хозяйством, забота о муже и детях. Так, особое место отводилось воспитанию девочек.

Как свидетельствуют учёные-этнографы, «жизнь тувинской женщины до революции

была тяжёлой и бесправной» [3, с. 117]. Обусловлено это было низким уровнем социально-экономического и культурного развития Тувы, неграмотностью населения. В дореволюционной Туве женщин называли унижительным и презрительным названием «херээжок», что означает «ненужная». Женщина была ограничена религиозными ограничениями, не участвовала в общественной жизни, была экономически зависима от мужа. Таким образом, неравноправное положение женщины в семье и обществе являлось характерной чертой феодального строя вообще и тувинского феодально-патриархального общества, в частности [7, с. 198].

Положение тувинской женщины в обществе начинает меняться с 1920-х гг., когда создаётся суверенное государство – Тувинская Народная Республика (1921-1944). В основу конституционных прав молодого государства легли преамбулы Конституции СССР, где гендерное равноправие соблюдалось больше, чем на Западе [13, с. 4-5].

Также в ТНР наблюдалось идейно-политическое влияние советской России, которое обусловило Тувинской народно-революционной партии руководящую роль в управлении государством. Фактически ТНРП принимала все важные решения.

Одной из приоритетных задач партии было повышение уровня грамотности и культуры населения [6, с. 140]. Если в тувинском традиционном обществе образование имели возможность получать лишь нойоны, чиновники, ламы, то теперь возможность была предоставлена и тувинкам. Как свидетельствует О. Лопсан-Кенден в журнале 1944 г. «Под знаменем Ленина-Сталина: «во всех школах Тувинской Республики обучались как мальчики, так и девочки, в то время как в дореволюционные годы в ламских школах обучались лишь мальчики, девочки не имели право на образование» [9, с. 85]. На первой партийной конференции в феврале 1924 г. было отмечено что в партию вовлекается мало женщин, был поднят вопрос об обучении грамоте женщин-тувинок. Через два месяца было принято постановление об отправке в кожууны активистов для проведения разъяснительной работы среди араток [6, с. 140].

Однако, началом развития женского движения ТНР можно считать 1928 г., когда было принято решение 7 съезда ТНРП при ЦК партии о создании отдела по работе среди женщин. Данный отдел в 1929 г. возглавила Донгак Барыкаан Хуралбаевна [12]. В 1938 г. отдел возглавила Хертек Амырбитовна Анчимаа [8, с. 10]. В 1943 г. заведующим отделом стала Монгуш Чанмаевна Часкым, проводившая работу по оказанию помощи фронту, сбору даров, помощи Красной Армии, привлекала к этой работе женщин. Более 10 лет возглавляла республиканский женсовет и почти 20 лет областной Совет профсоюзов Норбу Тамара Чаш-ооловна – внесла огромный вклад в развитие женского движения Тувы, первая женщина – альпинистка, археолог, участница Международного конгресса профсоюзов [12].

В марте 1928 г. прошла совместная русско-тувинская женская конференция. В ней приняли участие более 370 человек. В 1929 г. было организовано первое делегатское собрание среди тувинок. В 1931 г. состоялся первый съезд женщин Тувы, в 1938 г. – второй [6, с. 151].

1930-х гг. характеризуются активизацией женского движения ТНР. Повсеместно на местах создаются женские группы, организуются женотделы и выбираются женщины организаторы. Всё больше и больше женщин включаются в «строительство новой жизни», способствуют формированию тувинской интеллигенции [14, с. 119].

Особая роль тувинские женщины внесли в дело всеобщего народного образования. Наряду с мужчинами женщины-активистки отправлялись на учёбу. Они обучались в городах МНР и СССР: Улан-Баторе, Москве, Ленинграде, Казани, Новосибирске, Горно-Алтайске, Улан-Удэ и т.д. [14, с. 91].

Быстрыми темпами растёт численность женщин республики, занятых в различных отраслях народного хозяйства, здравоохранения, культуры и науки. Среди них: Анчимаа Амырбитовна Хертек-Тока, уроженка Бай-Тайгинского района, первая женщина Тувы, ставшая государственным деятелем [8, с. 10]; Бай-Кара Шожульбеевна Долчанмаа, одна из первых активисток женского движения ТНР, офицер с боевой наградой, более 15 лет стоявший во главе высшего законодательного органа Советской Тувы [1, с. 18]; Анна (Таки-Сурун) Намбыраловна Торжу, первая тувинская акушерка, «Отличник здравоохранения», почётный гражданин г. Кызыла; Уруле Шыыраповна Кандан – Герой Социалистического Труда, мать-героиня, являлась членом сумонного Малого Хурала [15, с. 73], Лидия Михайловна Козлова – Заслуженный врач Тувы и России, приехавшая в Туву по направлению в 1950 г., создатель хирургии Тувы, Арыя Араптановна Алдын-оол – заслуженный учитель РСФСР, Народный учитель СССР, автор букваря для первоклассников на тувинском языке, автор и составитель многих учебных пособий [12].

Прослеживается привлечение женщин и к государственной службе. Если к 1929 г. в органах государственной власти не было женщин, то в 1931 г. они составляли 21% от числа всех избранных в эти органы. Более 400 женщин стали членами профсоюза.

В 1930-1940 гг. женщины принимали участие в создании сельскохозяйственных кооперативов, товариществ, колхозов. В 1931 г. эту работу возглавила Татьяна Шогжапаевна Камова, она работала послом ТНР в Монголии и министром здравоохранения, затем была председателем женсовета Каа-Хемского кожууна.

Самоотверженный труд женщин Советской Тувы высоко оценён партией и правительством. Свыше 12,5 тысяч женщин-передовиков народного хозяйства и культуры награждены орденами СССР, 24, 288 – медалями, 28 женщинам присвоены почётные звания СССР и РСФСР, 115 – почётные звания Тувинской АССР. Из 130 депутатов Верховного Совета Тувинской АССР 52 – женщины, или 40,8%.

За период существования ТНР, ТНРП принимала все необходимые меры по повышению политического и культурного уровня тувинских женщин и их вовлечению в политическую и общественно-хозяйственную жизнь, что способствовало возрастанию роли тувинок в хозяйственном и культурном строительстве, политической жизни республики.

После добровольного вхождения Тувы в состав Советского Союза (1944) Коммунистическая партия и советское правительство создали реальные условия для подъёма культурного уровня женщин, приобщения их к общественно-политической жизни, роста профессиональных знаний. За годы советской власти тувинские женщины достигли юридического и социального равенства с мужчиной во всех сферах жизни, успешно освоили множество производств и профессий, которые раньше были для них не только недоступны, но и даже неизвестны.

Библиографический список:

1. Асонычев А. А. Долчанмаа Бай-Кара Шожульбеевна. Олицетворение советской женщины /

Созидатели Советской Тувы. Чтобы помнили... – Абакан, 2017. 18-28 с.

2. Биче-оол С. М. Традиционные брачно-семейные отношения у тувинцев и их изменения в связи с социалистическими преобразованиями в Туве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л.: ЛГУ, 1974. – 24 с.

3. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран. – Л., 1926, – т. III. Вып. 1. – 412 с.

4. Доржу З. Ю. Социальное положение женщин в Республике Тува: История и современность, 1921-1923 гг.: диссер. ... д-ра истор. наук. Москва, 1993. 421 с.

5. Забелина Г. А. Женщины Тувы в семье и обществе в первой половине XX в. Кызыл : ТувИ-КОПР СО РАН, 2010. – 118 с.

6. История Тувы: в 3 т. – Т. II / под общ. ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. – 430 с.

7. Кон Ф. Я. За пятьдесят лет. Экспедиция в Сойотию. – М., 1936. – Кн.3. – 204 с.

8. Кужугет А. К. Анчимаа-Тока Хертек Амырбитовна. Железная леди Тувы. / Созидатели Советской Тувы. Чтобы помнили... – Абакан, 2017. – 10-18 с.

9. Лопсан-Кенден О. Культурное строительство ТНР. // Под знаменем Ленина-Сталина, 1944. № 4. – С. 84-87.

10. Население Тувы. [Электронный ресурс]: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.01.2022 г.)

11. Натсак О. Д. Гендерные и демографические особенности рынка труда Республики Тыва: тенденции и перспективы // Народонаселение. – 2021. – Том 24. № 2. – С. 120-130.

12. О славных женщинах Тувы. [Электронный ресурс]: <https://www.mngz.ru/russia-world-sensation/3861380-o-slavnyh-zhenschinah-tuvy.html> (дата обращения: 17.01.2022 г.)

13. Полищук Е. Н. Женское движение в России: потребность времени или анархия // Вестник Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2013. № 4. – С. 1-20.

14. Харунов Р. Ш. Формирование интеллигенции в Тувинской Народной Республике (1921-1944 гг.). – Абакан: Изд-во ООО «Журналист», 2009. – 144 с.

15. Чыргалан С. Ю. Урруле Шыыраповна Кандан. Дважды героиня. Женщина-весна. / Созидатели Советской Тувы. Чтобы помнили... – Абакан, 2017. – 73-70 с.

16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: Политиздат, 1945. – 224 с.

Т. Г. Карчаева,
г. Красноярск

Дореволюционные и советские государственные служащие Минусинского уезда Енисейской губернии в начале XX в.: сравнительная характеристика и персоналии

Сравнение дореволюционных чиновников и советских управленцев – казалось бы, достаточно простой вопрос в понимании общественности. На первый взгляд, всё просто: с одной стороны, государственные служащие в поздний период Российской империи – это привилегированные лица, по сословному положению – в основном, дворяне, то есть высший слой общества; с другой стороны, советские управленцы в первые десятилетия советской власти – это «люди от станка и от сохи», выбранные населением для организации строительства нового общества [4, с. 70]. Однако в исторической науке до сих пор не предпринималось сравнительной характеристики местных управленцев столь разных по сущности, но близких по времени эпох.

Цель данного исследования – установить общие и различные черты в социальном облике дореволюционных и советских государственных служащих Минусинского уезда Енисейской губернии в начале XX в.

Хронологические рамки работы определены существовавшим административным (уездным) делением Енисейской губернии в пер. четв. XX в.: 1901 г. – реорганизация округов в уезды; 1925 г. – начало реализации реформы районирования в Сибири, приведшей к их ликвидации [3, с. 1430]. При этом территориальные границы обусловлены избранием Минусинского уезда в качестве среднестатистического административно-территориального образования Средней Сибири, позволяющим проиллюстрировать имевшиеся закономерности в социальном облике управленцев местного уровня власти.

Историческими источниками работы послужили статистические документы и по личному составу. Для характеристики дореволюционных чиновников были использованы формулярные списки и личные дела за 1901–1917 гг., из фонда № 545 «Енисейского губернского управление» Государственного архива Красноярского края (далее – ГАКК) [ГАКК. Ф.595. Оп.1. Д.3949. Л.1-89; Д.4308. Л.1-80; Д.486. Л.1-16; Оп.45. Д.58. Л.5-6; Ф.613. Оп.2. Д.14. Л.6]. Социальный облик советских служащих представлен на основании анализа данных из сводки сведений о результатах перевыборов в волисполкомы и сельские советы по Минусинскому уезду Енисейской губернии за 1923 г., хранящейся в фонде № 393 «Народный комиссариат внутренних дел РСФСР» Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), а также личных карточек членов V Минусинского уездного съезда советов Енисейской губернии за 1923 г. из того же фонда [ГАРФ. Ф.393. Оп.40. Д.7. Л.102, 123; Д.110. Л.1-159].

Критериями для сравнения были избраны общие для дореволюционных формулярных списков (1901–1917 гг.) и информационных сводок (1923 г.) показатели: социальное происхождение / профессия, уровень образования, а также отличающиеся критерии, но характеризующие мировоззрение государственных служащих – вероисповедание (из формулярных списков) и партийность (из информационных сводок). По сельским советам Минусинского уезда данные представлены за 1607 чел., волисполкомам – 111 чел.

Кроме того, для полноты сравнения социального облика местных управленцев были использованы такие критерии, как возраст, территориальная принадлежность (место рождения или предыдущего места жительства), по которым количественные показатели за 1923 г. были выявлены на основе анализа личных карточек членов V Минусинского уездного съезда советов (пол – 177 чел., возраст и территориальная принадлежность – по 20 чел. путём выборки).

Характеристика дореволюционных чиновников, служивших в Минусинском окружном управлении в 1901-1917 гг., следующая: мужчины – 100%; в возрасте от 16 до 25 лет – 25%, от 26 до 55 лет – 70%, от 55 до 75 лет – 5%; по вероисповеданию православными были 90%, остальные – католики и протестанты. Уровень образования чиновников на уездном уровне власти не отличался от того, что был у служащих, например, в Енисейской губернской администрации. Практики служебных переводов в нач. XX в. также была распространена, что и в XIX в. – чиновники перемещались по учреждениям и ведомствам. В составе чиновников, служивших в Минусинском уезде в 1901-1917 гг., высшее образование (университет, институт) имели 5%, среднее образование (губерн-

ские гимназии, духовные семинарии, учительские семинарии, строительные училища и пр.) – 60%, начальное образование (уездные училища, городские училища) – 30%, домашнее образование – 5%, неграмотных вовсе не было. Сословно-социальный статус служащих уездного уровня управления был более демократичен, нежели на том же уровне в XIX в. или в губернском городе Красноярске. Из дворян и духовенства происходили 20% чиновников, из податных сословий (крестьян, купцов и мещан) – 30%, продолжили чиновничью карьеру своих отцов – 50%, в их формулярах указывалось – «из канцеляристов», «из обер-офицерских детей». Критерий «территориальное происхождение» подразумевает указание предшествовавшего места службы или места, где чиновник проходил обучение. Так, в составе дореволюционных управленцев приезжими в уездный город Минусинск были 45% из рассмотренных служащих, прибыли из губерний Западной Сибири – 20%, из Иркутской губернии – 20%, а из Минусинска и других мест Енисейской губернии – 15%.

Примером среднестатистического чиновника из Минусинска нач. XX в. может служить канцелярский служащий, в 1908 г. делопроизводитель первого стола Минусинского уездного правления Иван Васильевич Грошев – 26 лет, православный, сын канцелярского служащего Василия Ильича Грошева, который, в свою очередь, был сыном священника. Молодой минусинский чиновник вступил в службу в 18 лет канцелярским служителем второго разряда после четырёх классов образования в Красноярской губернской гимназии, приписанным, как его отец в прошлом, к штату Енисейского губернского управления. В 1907 г. был переведён на должность в уездный Минусинск [ГАКК. Ф.595. Оп.45. Д.58. Л.5-6].

Характеристика советских управленцев, служивших в сельских советах Минусинского уезда, волисполкомах, а также делегатов V съезда советов за 1923 г. позволяет судить об имевшейся иерархии в составе советской власти указанных уровней.

Во-первых, провозглашение открытого доступа женщин во власть не способствовало широкому их внедрению в состав местного советского управления в начале 1920-х гг. Революционные перемены не могли так скоро изменить патриархальные устои общества, и, если в советах женщины присутствовали – в сельских советах – 1,5% (24 чел. из 1583 чел.), на V съезд советов были делегированы 2,3% (4 чел. из 173 чел.), то в составе волисполкомов Минусинского уезда в 1923 г. не было ни одной представительницы слабого пола.

Во-вторых, возрастной состав делегатов V съезда советов был схож с кадровым составом Минусинского уездного управления – лица в возрасте от 26 до 55 лет составляли 80%, тогда как представители молодежи до 25 лет и старшего поколения – всего по 10%.

В-третьих, в первые годы советской власти уровень образования был определяющим критерием при выборе на значимые административные должности. Среди членов сельских советов неграмотных было 14,1% (227 чел. из 1607 чел.), с домашним образованием – 30,5% (460 чел.), начальным и низшим – абсолютное большинство, а именно 57,1% (918 чел.), среднее образование – 0,1% (2 чел.). А вот в состав волисполкомов неграмотные не избирались вовсе, при этом среднее образование имели 5,4 % (6 чел. из 111 чел.), начальное и низшее (как правило, несколько классов сельской школы) – 83,8% (93 чел.), домашнее – 10,8% (12 чел.).

В-четвёртых, вполне ожидаемым представляется социальный состав советских служащих в 1923 г. Председатели, секретари, депутаты сельских советов Минусинского уезда почти все по происхождению были земледельцами – 96,4% (1547 чел. из 1607 чел.), рабочими – 3,1% (49 чел.), служащими – 0,7% (11 чел.). Однако в числе избранных в волисполкомы происходивших из служащих (торговцев, счетоводов, кассиров и пр.) было больше, чем в составе сельских советах – 3,6% (4 чел. из 111 чел.), рабочих – 8,1% (9 чел.), а земледельцев также абсолютное большинство – 88,3% (98 чел.).

В-пятых, территориальное происхождение советских управленцев кардинально отличалось от дореволюционных чиновников. На примере анкет-карточек делегатов V Минусинского уездного съезда советов можно сказать, что выходцев из Енисейской губернии было 60%, из других губерний и областей Сибири – 15%, а приезжих из Центральной России – 25%. В свою очередь, большое количество приезжих из центральной России было среди секретарей и председателей сельских советов – около 60%. Данный факт можно объяснить стремлением местных жителей на данные выборные должности избрать значимых людей. Как правило, это были участники военных действий нач. XX в., заслужившие уважение у односельчан.

Ярким примером среднестатистического секретаря сельского совета Минусинского уезда может быть приведён Фомин Емельян Григорьевич – 1873 года рождения, уроженец Рязанской губернии, крестьянин, по национальности – русский, по профессии – хлебороб, женатый, образование имел сельское, то есть начальное. Он прибыл в Сибирь (Минусинский округ) в 1914 г., а 29 июля 1914 г. был мобилизован в царскую армию, в которой состоял до 1917 г., дослужившись до подпоручика. Как сказано в его анкете, с 1917 г. работал «по батрачеству», с 1 сентября 1920 г. поступил на службу в качестве секретаря «в один из сельсоветов Минусинского уезда, потом в другой», в 1930 г. был секретарём Кузнецовского сельсовета Минусинского округа [ГАКК. Ф.631. Оп.2. Д.14. Л.6].

В качестве советского служащего Минусинского уезда, приезжего из Центральной России иностранца, может служить человек по имени Маленит Мон – от волсъезда делегат V Минусинского уездного съезда советов 1923 г., по национальности – серб, возраст – 27 лет, по основной занятости – хлебопашец, имевший среднее образование, член РКП(б), избранный в состав съезда первый раз [ГАРФ. Ф.393. Оп.40. Д.110. Л.27].

В свою очередь, пример советского управленца-женщины – это товарищ А. И. Горбунова – инструктор технического отдела горсовета, грамотная, имевшая среднее незаконченное образование, возраст – 34 года, не замужем, партийная – с 1920 г. член РКП(б), трижды избиралась в состав Минусинского уездного съезда советов [ГАРФ. Ф.393. Оп.40. Д.110. Л.56].

Таким образом, сравнительный анализ дореволюционных чиновников и советских управленцев показал общие и различные черты в социальном облике дореволюционных и советских государственных служащих Минусинского уезда Енисейской губернии в начале XX в. Со стороны царской и советской властей важным качеством претендентов к выполнению функций государственного управления, администрированию, считалось наличие образования (например, по своду указов о службе гражданской и в состав волисполкомов Минусинского уезда избирались только грамотные лица), предпочтительным был

средний возраст, женщины в волиспокомах и среди делегатов V Минусинского уездного съезда советов отсутствовали. Социальный состав служащих сельских советов (депутаты, секретари и председатели) олицетворял образ советского управленца из народа, выборного демократическим путём (частым явлением было избрание беспартийных, бывших военных служащих Белой армии), которые, однако, не избирались в состав делегатов съездов советов или волисполкомы. Основные различия состояли в социальном и территориальном происхождении дореволюционных чиновников и советских служащих, что определялось идеологией режимов.

Источники и библиографический список:

1. Государственный архив Красноярского края.
2. Государственный архив Российской Федерации.
3. Малютина Л. Ф. Общественная мысль дореволюционной России о месте Сибири в государственном устройстве страны // Л. Ф. Малютина, Д. Н. Гергилев, А. Г. Грязнухин, Л. Б. Жабаяева // Былые годы. – 2019. – № 54 (4). – С. 1429-1438.
4. Попов А. А., Каракчиев В. Н. Историография, отражающая становление и функционирование органов сельского государственного управления в национальных регионах России в 1920-е годы // Исторический поиск. – 2021. – № 1. Т. 2. – С. 65-72. DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-1-65-72

**Е. В. Леонтьев,
г. Минусинск**

**Структура семьи крестьян юга Красноярского уезда в нач. XIX в.
(по материалам Минусинской волости)**

Несмотря на обширную историографию и введение в оборот большого количества массовых данных, функционирование крестьянского домохозяйства в Сибири XVIII – XIX вв. по-прежнему вызывает ещё вопросы, и требует дополнительного изучения. Значительная часть этих вопросов связана с рассмотрением структуры крестьянских семей (домо-дворохозяйств) в контексте их адаптации к социальным и демо-экологическим условиям своего существования. Поэтому сохраняет актуальность информация о том, как варьировали семейные коллективы крестьян, разделённые в пространственном и временном аспектах.

В рамках настоящего очерка мы постараемся описать структуру деревенских домохозяйств на юге Красноярского уезда по данным податной ревизии 1816 г., сравнив её с организацией семей пашенных крестьян Енисейского уезда в начале XVIII в. и населения крепостных имений в центральных районах страны в пер. трети XIX в. Выбор сравниваемых популяций обусловлен как доступностью необходимых для этого сведений, так и особенностями природных и социоэкономических условий, отражавшихся на структурных показателях рассматриваемых домохозяйств.

Объектом исследования являются жители семи населённых пунктов Минусинской волости Красноярского уезда (с. Минусинского, с. Шушенского, дд. Маломинусинской, Казанцевой, Потрошиловой, Усть-Луазской и Каптыревой), включавшие на 1816 г. 359 дворов и 2310 душ обоёго пола. В зависимости от количества супружеских пар в составе населявшего двор родственного коллектива, все они были разбиты на четыре категории

домохозяйств: 1. одиночки и неполные – без супружеской пары; 2. простые – муж, жена и их неженатые дети; 3. расширенные – супруги с детьми и другие неженатые родственники (например, вдовья мать, отец, сестры, братья и т.д.); 4. сложные, включавшие не менее двух пар супругов. Результаты проведённых подсчётов показаны в таблице 1:

Таблица 1

Типы домохозяйств крестьян Минусинской волости Красноярского уезда. 1816 г.*

	Тип домохозяйства				Всего:
	Неполные и одиночки	Простые	Расширенные	Сложные	
<u>Количество домохозяйств</u>	<u>34</u>	<u>165</u>	<u>71</u>	<u>89</u>	<u>359</u>
% от общего числа	9,47	45,96	19,78	24,79	100,0
<u>Количество супружеских пар</u>	-	<u>165</u>	<u>71</u>	<u>216</u>	<u>452</u>
% от общего числа	-	36,50	15,71	47,79	100,0
<u>Количество населения</u>	<u>101</u>	<u>834</u>	<u>498</u>	<u>877</u>	<u>2310</u>
% от общего числа	4,37	36,10	21,56	37,97	100,0

* Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска Ф. 34. Оп. 1. Ед. хр. 425. ЛЛ. 37 (об.) – 80, 90 (об.) – 97, 114 (об.) – 131, 133 (об.) – 144.

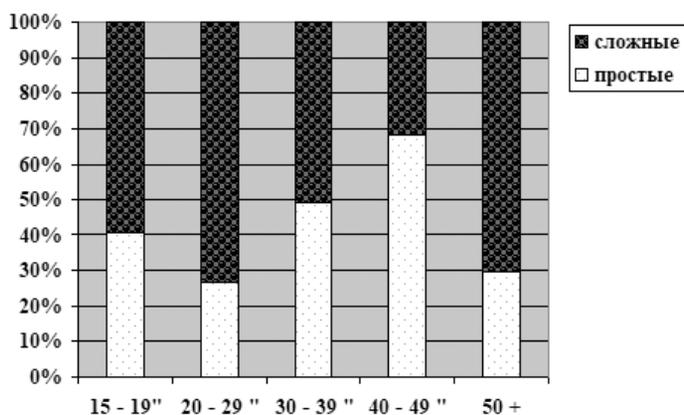
Как видим, в деревнях Минусинской волости в нач. XIX в. большие многосемейные дворы значительно уступали по численности дворам, населённым одной супружеской парой с детьми. При этом, тем не менее, почти половина зафиксированных ревизией супружеских ячеек жили и вели хозяйство не в одиночку, а вместе с другими родственными семьями. В большинстве случаев (74 из 89) такие родственные коллективы относились к категории «отцовских» семей, и включали кроме пожилых родителей одного или двух женатых сыновей. Многопоколенные дворохозяйства, куда кроме женатого главы, входили пары женатых детей и внуков, а также дворы женатых братьев без родителей встречались в виде редкого исключения (соответственно по одному). Средний размер обследованных семей насчитывал, согласно ревизии, 6,43 душ обоего пола. Но в зависимости от структуры данный показатель варьировал: 2,97 д. об. п. – для неполных семей и одиночек, 5,05 д. об. п. – у семей простых, 7,01 д. об. п. – расширенных и 9,8 д. об. п. – сложных. В целом полученные показатели соответствуют т.н. сбалансированной модели формирования дворохозяйства, характерной для земледельческого населения, пользовавшегося относительной свободой и/или сочетавшего труд на земле с другими занятиями [6].

Изучение демографии русской деревни свидетельствует о том, что совместное или раздельное проживание родственных пар супругов являлось здесь обычно не разными формами организации домохозяйства, а отдельными стадиями в жизненном цикле одного и того же родственного коллектива (малая семья – большая – малая) [8]. Преобладание того или иного типа семьи в деревне зависело от того на каком этапе данного цикла чаще всего происходил раздел; если на раннем – количественно доминировали малые супружеские ячейки, если на позднем – сложные, многосемейные дворы из нескольких пар супругов [2].

В зависимости от конкретных условий, сроки разделов могли меняться. Но в течение жизни каждый крестьянин обычно входил в состав дворов с разной структурой. Раннее детство его проходило в большой семье, которой руководил дед. Когда мальчик прибли-

жался к подростковому возрасту, родители отделялись, и он становился главным помощником отца-домохозяина. Спустя какое-то время юноша женился и приводил в дом жену, семья в которой он жил вновь превращалась в сложную. Через 10 – 15 лет молодая супружеская чета со своими уже детьми переходила в собственный двор... И так далее.

Распределение мужчин разного возраста между простыми и сложными семьями среди крестьян Минусинской волости. 1816 г. (%)*

* Подсчитано по данным: Архив г. Минусинска. Ф. 34. Оп. 1. Д. 425. Лл. 37об. – 80, 90об. – 97, 114об.– 131, 133об. – 144.

Наглядной иллюстрацией к сказанному служит представленная диаграмма. На ней показано как менялась в составе мужского населения разного возраста доля лиц, живших в сложных и простых семьях (те и другие вместе условно взяты за 100 % – прим. авт.). Мы видим, что во главе простых семей минусинские крестьяне в основном находились в возрасте от 30 до 49 лет. Среди молодых людей 20 – 29 лет и пожилых мужчин старше 50 лет значительно преобладали члены многосемейных домохозяйств; в первом случае, это были жившие с родителями женатые сыновья, а во втором – главы дворов, чьи взрослые дети приводили в дом жён – невесток.

Теперь сравним структуру семьи минусинских крестьян с аналогичными данными, характеризующими быт крестьян Енисейского уезда в начале XVIII в. Источникам их являются материалы первой подушной переписи 1719 г., представленные В. А. Александровым в монографии “Русское население в XVII – начале XVIII вв. (Енисейский край)” [1, с. 80]. В своей работе автор посчитал целесообразным учесть вместе семьи простые и расширенные с одной супружеской парой. Чтобы сравнение было возможным, мы построим полученные данные таким же образом.

Таблица 2

Типы домохозяйств пашенных крестьян Енисейского уезда за 1719 г. и крестьян Минусинской волости Красноярского уезда. 1816 г.*

Тип домохозяйства	Пашенные крестьяне Енисейского уезда. 1719 г.	Крестьяне Минусинской волости Красноярского уезда. 1816 г.
Неполные и одиночки	7,40	9,47

Простые и расширенные	41,20	65,74
Сложные	51,40	24,79
Всего:	100,0	100,0

* Подсчитано по данным: Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. С. 136; Архив г. Минусинска. Ф. 34. Оп. 1. Д. 425. ЛЛ. 37об. – 80, 90об. – 97, 114об. – 131, 133об. – 144.

Итак, незадолго до первой петровской ревизии деревни енисейских старожилов преимущественно составляли сложные по составу родственные объединения. Причём, почти половина из них, как указывает В. А. Александров, относилась к категории т. н. «братских» семей; т. е. это были дворы, где после смерти родителей жили и вели совместное хозяйство женатые братья. По сравнению с енисейскими землепашцами крестьяне Минусинской волости через 100 лет имели больший процент простых односемейных дворохозяйств; они осуществляли раздел и получали самостоятельность раньше, в более молодом возрасте, нежели их предшественники. С чем это могло быть связано?

Решающую роль здесь, на наш взгляд, играл ландшафтно-экологический фактор, оказывавший влияние на состояние трудового баланса в земледельческом хозяйстве. В нач. XVIII в. освоение залесенных земель в долине Енисея к северу от Красноярска требовало значительного напряжения сил. Разработка пашни там была более трудной, а земли менее плодородными, чем на лесостепном юге; возделанные участки быстро «выпахивались», что требовало новых расчисток [1, с. 181]. Кроме «собинных» земель, енисейские крестьяне, при этом, возделывали ещё и «десятинную» пашню, урожай с которой шёл в казённые амбары.

Различие таёжного и лесостепного ландшафтов определяли и разные возможности для разведения скота. Наличие открытых пространств (лугов, пастбищ) позволяло крестьянам Минусинской котловины держать десятки голов лошадей, овец, коров, – намного больше, чем жителям лесных районов Сибири. В итоге, при сравнительно меньших затратах труда, крестьянский двор, очевидно, быстрее накапливал ресурсы для того, чтобы разделить и дать самостоятельность новым семьям.¹

Рассматривая полученные данные, можно прийти к выводу, что в течение XVIII в. по мере миграции населения в южные районы Енисейского края, представители старшего поколения во многом утратили прежнюю власть в составе местных деревенских общин. Ввиду участвовавших семейных разделов, их позиции здесь не кажутся столь доминирующими, как, скажем, у крестьян Среднего Урала того же времени [9].

Однако чрезмерно упрощать картину не надо. Обработка ревизских сказок показывает, что почти $\frac{3}{4}$ «молодых» (до 39 лет) дворохозяев среди минусинских крестьян в 1816 г. не имели отцов, которые бы жили в одной деревне с отделившимися сыновьями. Это означает, что самостоятельный статус и долю в общем хозяйстве последние получали, как правило, не при жизни родителя, а после его кончины. Очевидно разделы крестьянских семей на Енисее в XVIII в. обуславливались не столько забвением патриархальных традиций

¹ «И как земледелие по вышеуказанному благосостоянию сих земель требует мало труда, народ здесь в самой большой степени нерадения и беспечности проводит жизнь свою». См.: Паллас П. С. Путешествия по разным местам государства Российского по повелению Санкт-Петербургской Академии наук. СПб.: 1786. Кн.2. Ч.2. С. 476.

(уменьшением отцовской власти), сколько исчезновением института «братской» семьи, под сенью которой прежние домочадцы сохраняли единство и после смерти родителя.

В контексте сказанного привлекает к себе внимание один момент. В помянутой уже работе В. А. Александров наряду с данными о структуре семей пашенных крестьян приводит аналогичные сведения, касающиеся служилых и посадских людей в деревнях Енисейского уезда. Для обеих этих групп вместе он показывает следующие цифры: неполные семьи и одиночки – 20,8 %, простые и расширенные (односупружеские) – 49,5 %, сложные, – «отцовские» и «братские» – 29,7 % [1. С. 136]. Как видим, они значительно ближе подходят к распределению типов домохозяйств, наблюдаемому у минусинских крестьян. Ранее на примере Красноярского уезда в период первой подушной переписи 1719-1722 гг. нами было также установлено, что в служилых семьях разделы обычно происходили раньше, чем среди пашенных и монастырских крестьян [4]. Кроме этого, ныне известно, что в пределах данной территории миграция населения на юг в XVIII в. захватывала в первую очередь выходцев из среды служилого сословия. И в абсолютном, и в относительном (применительно к своей численности) выражении бывшие казаки Красноярского гарнизона переселялись чаще, чем сыновья и внуки тяглых дворохозяев. Среди же тяглого населения более мобильными являлись члены посадской общины, нежели крестьяне. Благодаря этому в начале XIX в. в большинстве церковных приходов в южных волостях Красноярского уезда (Минусинской, Курагинской, Абаканской и Новосёловской) подавляюще преобладали люди, носившие фамилии служилых (главным образом) и посадских людей начала XVIII в. [5] Таким образом, можно предположить, что значительное распространение простых семей в составе рассматриваемой популяции объяснялось ещё и традицией ранних разделов, унаследованной её представителями от предшественников.

Достаточно слабым, но всё-таки подтверждением в пользу этого мнения являются данные следующей таблицы. В ней показано как менялось процентное количество домохозяйств разных типов в селениях Минусинской волости, различавшихся долей однофамильцев (потомков) красноярских казаков в составе их жителей. Мы видим, что там, где последний показатель был наиболее высоким, доминировали семьи, состоявшие из одной пары супругов.

Таблица 3

Типы домохозяйств крестьян Минусинской волости Красноярского уезда в селениях, различавшихся происхождением своих жителей. 1816 г. (%)*

Тип домохозяйства	Село Минусинское 64,37**	Деревня Потрошилова 1,40**	Село Шушенское 91,61**	Деревня Каптырева 88,80**
Неполные и одиночки	4,99	1,87	2,55	7,92
Простые	27,13	30,37	43,80	47,27
Расширенные	23,08	26,17	18,61	14,75
Сложные	44,80	41,59	35,04	30,05
Всего:	<u>100,0</u> 114***	<u>100,0</u> 35***	<u>100,0</u> 87***	<u>100,0</u> 59***

* Архив г. Минусинска. Ф. 34. Оп. 1. Д. 425. Лл. 37об. – 80, 90об. – 97, 114об. – 131, 133об. – 144.

** процент жителей, носивших фамилии служилых людей г. Красноярска и Красноярского уезда по данным подушной переписи 1719 – 1722 гг.

*** количество дворохозяйств

А теперь посмотрим насколько семейный строй жителей Красноярского уезда в нач. XIX в. соответствовал нормам, действовавшим среди крепостных крестьян Центрального и Центрально-Чернозёмных районов России. Для сравнения мы использовали данные о населении двух имений, принадлежавших дворянскому роду Шереметьевых: Петровскому в Тамбовской губернии и Выхино в Московской губернии.

Таблица 4

Типы домохозяйств крестьян Минусинской волости Красноярского уезда и крестьян крепостных имений Центральных районов России: первая треть XIX в. (%)*

Тип домохозяйства	Минусинская волость Красноярского уезда. 1816 г.	Имение Петровское Тамбовской губернии. 1814 г.	Имение Выхино Московской губернии. 1834 г.
Неполные и одиночки	9,47	1,54	5,30
Простые	45,96	15,38	27,10
Расширенные	19,78	4,62	15,20
Сложные	24,79	78,46	52,40
Всего:	100,0	100,0	100,0

* Подсчитано по данным: Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М.: «Прогресс-Академия», 1993. – С. 78-79; Авдеев А. А., Троицкая И. А., Ульянова Г. Н. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX в.: Москва и её окрестности// «Демографическое обозрение» Т. 2. № 2. 2015. – С. 80; Архив г. Минусинска. Ф. 34. Оп. 1. Д. 425. Лл. 37об.– 80, 90об. – 97, 114об. – 131, 133об. – 144.

Различие, как видим, более чем существенное. На фоне представителей рассматриваемой популяции, крестьяне крепостных деревень демонстрировали исключительную тягу к семейной кооперации и поддерживают единство «сложных» многосемейных дворов. Автор одной из работ, откуда были получены приведённые данные, С. Л. Хок, указывал на то, что эксплуатировавшая труд крестьян помещстная администрация была заинтересована в их благосостоянии, и отрицательно относилась к разделам семей. В этом отношении её устремления вполне совпадали с интересами «стариков» – глав деревенских домохозяйств, которые при помощи приказчиков имели возможность держать в своём повиновении младших родственников, сыновей и братьев. Главным оружием против ослушников являлась угроза отдачи в рекруты. В ходе рекрутского набора деревенский сход (состоявший из домохозяев) имел возможность по собственному усмотрению назначать вне очереди кандидатов для несения службы: пьяниц, лентяев, непослушных и пр. Поэтому бунтующий против воли большака крестьянин рисковал угодить в солдаты и навсегда покинуть деревню. Такая система, с одной стороны, поддерживала дисциплину и порядок в поместье, а с другой, – обеспечивала господство деревенских старейшин в делах общины, делала семейные разделы редкими, а сложные многопоколенные дворы основной формой общежития в крепостной деревне [10, с. 78-79]. Нужно подчеркнуть: указанная ситуация отнюдь не являлась исключительно следствием социального контроля со стороны помещика. В известной мере она была выгодна самим крестьянам. Традиционная

семейная кооперация имела как свои выгоды, так и недостатки: относительный достаток и безопасность на одной чаше весов, – несвобода, психологический дискомфорт, вероятность конфликтов, на другой. Влияние вотчинного режима было здесь тем дополнительным «грузом», который склонял весы в нужную для помещика сторону.

У государственных крестьян Сибири обязанность надзирать за вредными, с точки зрения казны, раздлами лежала на выборным начальстве и чиновниках. Но ни те, ни другие, очевидно, не имели ни таких устремлений, ни средств, как поместные приказчики, для того, чтобы серьезно вмешиваться во внутрисемейные дела крестьян [7, с. 57]. В итоге различные официальные лица отмечали факт малочисленности крестьянской семьи за Уралом. Например, иркутский губернатор писал, что «в Сибири жители не живут большими, как в России, семьями. Здесь самым большим семейством считается то, в котором находится от трех до пяти работников, но весьма многие семейства состоят из одного или двух работников» [3, с. 359].

Подведём итоги: в период проведения VII-й податной ревизии 1816 г. дворохозяйства обследованной нами группы крестьян на юге Красноярского уезда характеризовались преобладанием простых односемейных дворов. Такая ситуация среди них указывает на сравнительно высокую интенсивность семейных разделов и раннее образование новых семейных коллективов. По своим основным параметрам всё это разительно отличается от ситуации, определявшей семейную структуру крестьян Енисейского уезда по состоянию на 1719 г. и населения крепостных вотчин в Центральных районах России в первые десятилетия XIX в. В обеих взятых для сравнения популяциях разделы были затруднены, а сложные многосемейные дворохозяйства превалировали. Выгодные ландшафтно-экологические условия ведения хозяйства и отсутствие административного давления со стороны государства были, очевидно, главными факторами, определявшими отличия семейного строя минусинских крестьян по сравнению с рассмотренными нами категориями земледельческого населения.

Библиографический список:

1. Александров В. А. Русское население Сибири в XVII – нач. XVIII вв. : Енисейский край. М.: Наука, 1964. – 303 с. : карт.; 27 см.
2. Голикова С. В. Демографический потенциал крестьянского хозяйства Зауралья (на примере Баклановской волости Шадринского уезда конца XVIII в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2006. – № 6. – С. 191.
3. Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в пер. пол. XIX в. Л.: 1967. – 384 с.; 22 см.
4. Леонтьев Е. В. Образование домохозяйства в жизненном цикле служилых людей Красноярского уезда по данным податной ревизии 1722 г. // Историческая демография. – 2020. № 1 (25). – С. 9 – 2.
5. Леонтьев Е. В. Данные ономастики о происхождении русских старожилов Хакасско-Минусинского края в XVIII в. // Мартыановские краеведческие чтения (2019-2020 гг.). : Сб. – Вып. XIII. – С. 110.
6. Мизис Ю. А. Морозова Э. А. Носевич В. Л. Силина И. Г. Фёдоров В. В. Сравнительный анализ структуры крестьянских дворохозяйств Минской, Тамбовской, Калужской губерний и Алтайского горного округа (кон. XVIII – пер. пол. XIX вв.) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2004. № 32. Материалы IX конференции АИК. Апрель 2004. – Москва – Томск, 2004. – С. 179 – 181.

7. Миненко Н. А. Русская крестьянская семья Западной Сибири (XVIII – пер. пол. XIX вв.). – Новосибирск: Наука, 1979. – 350 с.; 21 см..

8. Носевич В. Л. Многосемейное крестьянское дворохозяйство: реликт патриархального прошлого или феномен Нового Времени? Экономическая история // Ежегодник. – 2006. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 503-538.

9. Пономарёв С. Семейная община на Урале // Северный вестник 1887. Январь. № 1. Отд. II. С. 3.

10. Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М.: Прогресс-Академия, 1993. – 191 с.: рис.

**А. И. Погребняк,
г. Минусинск**

Проекты Ачминдора и их воплощение

Ачминдор – Ачинско-Минусинская железная дорога, в пер. четв. XX в. связавшая юг Енисейской губернии с Великим Сибирским путём (впоследствии Транссибирской магистралью). Сооружение Ачминдора имело неопределимое значение для хозяйственного развития губернии и Сибири в целом.

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ проектов Ачминдора и выявление того, как и какие из них были реализованы на практике. Особо уделено внимание вкладу В. А. Баландиной в идею создания этой магистрали, организацию всех работ по изысканию, проектированию и началу строительства линии и железнодорожных объектов.

Сама идея строительства Ачминдора возникла следующим образом. Стремясь выжить из затруднительного положения семейную пароходную компанию (закупили английские пароходы, котлы которых не приспособлены под дрова), зиму 1906-1907 гг. В. А. Баландина провела в Минусинске с целью изыскания залежей минерального топлива [8, с. 6]. Как пишет сама Вера Арсеньевна, для исследования месторождения она плавала на лодке [40, с. 2]. В апреле 1907 г. на левом берегу Енисея у горы Кара-Тигей (Чёрная гора) в 30 верстах от Минусинска экспедиции Баландиной с помощью инженера А. Г. Яковлева и горного мастера С. К. Окулова удалось отыскать месторождение с мощными пластами и огромным запасом (как потом выяснилось, 200 млрд пудов) каменного угля. Уголь испытывали на паровозах [15, с. 48]. По мере увеличения угледобычи главным его покупателем стала Сибирская магистраль.

Баландина занялась проблемой транспортировки угля. От копей до Сибирской магистрали по Енисею – 500 км, сухим путём до Ачинска – 400 км. Урождённая в Минусинском уезде и связанная с ним в течение всей на тот момент жизни, Вера Арсеньевна признавалась 17 июля 1943 г. в автобиографии: «Поняла, что без железной дороги и минерального топлива развитие Минусинского края невозможно» [11, л. 2].

Баландина стала настойчиво проводить родившуюся идею о железной дороге в жизнь. В результате по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири Минусинской думой было созвано совещание о путях сообщения [1, л. 28]. Пригласили, конечно, и Веру Арсеньевну. Большинство высказалось за проведение железной дороги через Канск: «Там много гор, значит – много ископаемых богатств» [1, л. 63-85]. Но В. А. Баландина задумала Ачинско-Минусинскую железную дорогу. В Минусинской городской думе поддержки

не нашла: «Продукты вздорожают, всякий сброд понаедет», а в Ачинской городской думе охотно откликнулись [11, л. 2].

Но сначала ей пришлось в столице с большими трудами пробить разрешение на железнодорожные изыскания. Для этого в марте 1910 г. подавалось прошение на высочайшее имя через МПС на получение права изысканий на собственные средства железной дороги от Минусинска до примыкания с Сибирской железной дорогой [29, л. 1].

Благодаря пробивной способности сорокалетней сибирячки удалось составить экономическое обоснование, пригласив бывшего административно-ссыльного в Омске Л. В. Чермака, а техническую часть работ взялся выполнить опытный инженер путей сообщения Г. В. Андрианов, известный строитель сложнейшей дороги России – Кругобайкальской. Андрианов произвёл изыскательские работы и подготовил документацию на строительство Ачминдора с общими затратами 4 200 000 руб. [25, с. 46-47; 38, с. 1, 2].

Получив разрешение, в июне 1910 г. пять изыскательских партий приступили к работе. Было разработано три варианта линии. По двум из них путь шёл к селу Усть-Абаканское, где надо было построить железнодорожные мосты через реки Абакан и Енисей, по третьему варианту путь шёл также к Енисею, но севернее. Тут нужен был только один мост через Енисей, а дальше открывался путь к Минусинску. Баландина отстаивала третий вариант [22, с. 3].

Но избрано было самое короткое направление от Минусинска до Транссиба, проходящее через район мариинской тайги и завершавшееся на станции Итат. Несмотря на это, Баландина вступила в переговоры с Ачинской городской думой. Заинтересованные ачинцы выделили на изыскания около 12 тыс. руб., но с оговоркой: если дорога минует их город, деньги должны быть возвращены в городскую казну. Минусинская же городская дума от подобного предложения присоединиться к железнодорожным изысканиям отказалась [15, с. 50-51]. Невзирая на финансовые сложности, партии произвели изыскательские работы, причём преимущественно на собственные средства. Для популяризации идеи в 1911 г. на средства Баландиных в столице была издана «Записка об экономическом положении района Минусинской железной дороги и её вероятном грузообороте» [12].

Вариант Итат-Минусинск Комиссия о новых железных дорогах отвергла сразу. Учитывая многие обстоятельства, выбран был более сложный технически, зато более эффективный для хозяйственного освоения края западный вариант. Направление Ачинск-Минусинск аргументировалось следующими обстоятельствами: движением большей части грузов на восток, значением линии, как связующего звена между бассейнами двух рек – Енисея и Оби, и наличием военного городка в Ачинске. Особое же внимание комиссией было обращено на угольное дело. Качество черногорского угля намного превосходило черемховскую продукцию, поднятую «на гора». Это подтверждалось тем, что для паровозов Транссиба и енисейских пароходов предпочитали использовать уголь с Черногорских копей. А ввиду обширных запасов минерального топлива, члены комиссии признали важность проектируемой магистрали [22, с. 25-34].

В 1910 г. по инициативе В. А. Баландиной и её стараниями было открыто частное «Акционерное общество Ачинск-Минусинской железной дороги», учредителями которого стали супруги Баландины и инженер-путеец Г. В. Андрианов. В состав правления вошли несколько финансовых магнатов. Председателем правления стал Алексей Иванович Пу-

тилов – председатель правления Центрально-Азиатского банка и одновременно председатель и член правления ещё 50 акционерных обществ, связанных с этим банком. 29 октября 1912 г. правительством был утверждён его устав. АО выбрало правление, которое состояло из технического, хозяйственного и отдела службы пути, и ведало строительством [20, с. 2].

Важно отметить то, что супруги Баландины, как совладельцы Черногорских каменноугольных копей и ведущие акционеры АО «Ачинск-Минусинской железной дороги», смотрели на проблему частного железнодорожного строительства с государственных позиций. Именно поэтому они кроме дороги Ачинск-Минусинск, по разрешению МПС, в 1911 г. произвели на свои средства изыскания железнодорожной линии от Барнаула через Гурьевский завод до пересечения реки Томи вблизи Кузнецка, затем через Томь-Чулымский раздел до Чёрного Июса к Чулыму, «для соединения в районе станции Учум с разбитой осью Ачинско-Минусинской дороги. Проектируемая линия имела протяжение 500 вёрст» [1, л. 62; 29, л. 33, 46].

Правление «Ачминдора», заинтересованное в наиболее лёгком варианте строительства линии, отстояло проект дороги без моста через р. Енисей к Минусинску, ограничившись постройкой моста через р. Абакан у ст. Енисей Минусинский, находившейся на западном берегу Енисея, в двух верстах от Усть-Абаканского и в 15 верстах от г. Минусинска [1, л. 66].

А в феврале 1912 г. Комиссия о новых железных дорогах, благодаря настойчивости этой удивительной женщины, утвердила проект Ачинск-Минусинской дороги [6, с. 57-58]. Для начала строительных работ требовался капитал, равный приблизительно 36 млн. рублей. Вера Арсеньевна была единственной женщиной, участвовавшей в заседаниях Комиссии по постройке железной дороги при Минфине в 1912 г. [11, л. 2]. Общество «Ачминдор» в том же году получило от министерства концессию на сооружение линии [32, л. 5]. Но этого оказалось недостаточно.

В. А. Баландина сама нашла средства на строительство дороги. Через полгода поисков инвестор был найден – консорциум петербургских банков (Русско-Азиатский, Сибирский торговый, Петербургский частный коммерческий, Русский торгово-промышленный и Русско-Французский коммерческий банки, вошедшие в число акционеров). В строительстве железных дорог банковские монополии видели возможность внедрения в развивающуюся сибирскую торговлю и промышленность. С ними сибирские предприниматели не могли выдержать конкуренции. Ему и была передана учредителями концессия, он получил право на постройку дороги [5, с. 88-89; 13, с. 51]. Председателем правления был избран А. А. Бубликов, имевший деловые контакты с Русско-Азиатским банком [31, л. 28-32].

В ходе обсуждения проекта и ведения строительства линия Ачинско-Минусинской железной дороги была разбита на 2 участка. В первую очередь в марте 1914 г. был принят проект продольного профиля от ст. Ачинск Томской железной дороги до ст. Ададым Ачинско-Минусинской дороги. Спустя 3 года, в марте 1917 г., – от ст. Ададым до ст. Абакан [9, л. 1].

Строительство магистрали осуществлялось подрядчиками, которые заключали договоры с АО. Весной 1913 г. начались работы по отсыпке земляного полотна. 11 мая 1914 г. газета «Отклики Сибири», издававшаяся в Красноярске, опубликовала сообщение о том, что начало работ по проведению дороги Ачинск-Минусинск можно считать с 1 мая текущего года. Именно в 1914 г. были приняты на работу первые 200 служащих и более 1 тыс. рабо-

чих. Первые здания и производственные постройки будущей станции Абакан (в 3-х км от села Усть-Абакан) на берегу р. Абакан были заложены тогда же [38, с. 2].

Постройка Ачинско-Минусинской дороги велась под государственным наблюдением. Главным контролёром линии 15 июня 1914 г. был назначен инженер В. М. Попов, служивший до этого назначения помощником главного контролёра Сызранско-Вяземской железной дороги. Помощниками главного контролёра были приняты инженеры С. Ф. Флавицкий, В. Д. Петров, Н. Н. Криницкий. Штат контроля МПС укомплектовал в июне 1914 г. [11, л. 11-12]

Работа по сооружению линии началась 3 июля 1914 г. На пяти строительных участках в 1914 г. трудились около 15 тыс. чел. [17, с. 130], в основном жители ближайших сёл [18, с. 111]. Однако с началом Первой мировой войны и проведением мобилизации количество рабочих сокращалось. Контрагенты вербовали рабочих в Мариинске, Канске, Красноярске, Енисейске [3, л. 226]. Начали использовать труд военнопленных: в мае 1915 г. на сооружение дороги прибыла партия из 725 чел. [7, с. 157] Дорога интенсивно прокладывалась летом 1914 и летом 1915 г. [14, с. 241-245; 26, с. 8-9]

Война замедлила строительство, но не остановила. 1 февраля 1916 г. открылось движение на участке Ачинск-Ададым протяжённостью 50 вёрст. В это время на стройке числилось свыше 5 тыс. рабочих, а также 1500 военнопленных немцев, австрийцев и венгров [24]. К январю 1917 г. рельсы дошли до разъезда Глядень (79 вёрст), куда было открыто временное коммерческое движение. В 1917 г. всё земляное полотно было уложено, пробиты все три тоннеля, начали прокладку рельсового пути к Ужуру, выполнено около 60% гражданских построек [13, с. 14].

По предварительным проектным данным, движение поездов предполагалось открыть в 1916-1917 гг. Но с началом Первой мировой войны многие рабочие были мобилизованы на фронт, поэтому размеры строительства были сокращены. В связи с реквизициями на войну и заказы на рельсы, предназначенные для «Ачминдора», МПС передала другим дорогам [28, л. 24]. Вначале правление «Ачминдора» пыталось приобрести рельсы во Владивостоке или на Урале [23]. Попытки правления компании договориться о предоставлении рельсов из запасов Сибирской железной дороги оказались тщетными, так же, как и стремление разместить свой заказ в США и Японии [36, с. 42]. В августе 1917 г. председатель правления «Ачминдора» посылал запрос на приобретение рельсов, изготовленных Ханьенпингскими заводами в Шанхае, и запасов рельсов на станциях Харбин и Дайрен КВЖД. Но эти предложения не имели положительного ответа [27, л. 34; 28, л. 335, 386-387; 30, л. 18]. Поэтому в конце сентября 1917 г. правление «Ачминдора» вынуждено было объявить, что «строительное управление упраздняется по причине прекращения строительства и постройка ликвидируется» [33].

Перед этим АО Ачминдора было национализировано декретом от 28 июня 1917 г., а 7 декабря 1918 г. правление общества было вовсе упразднено, дорога включена в сеть Томской железной дороги. Во главе строительства стал главный комитет, избранный на съезде рабочих и мелких служащих. Представители от рабочих были командированы за рельсами во Владивосток и на Урал. Гражданская война вновь нарушила работы по строительству дороги.

Баландина писала: «Сколько трудностей пришлось претерпеть по созданию этой дороги!» [11, л. 2]. «Ачинск-Минусинская железная дорога – моё несчастное детище, ибо в последнее десятилетие моего «кошмарного» существования она вместе с неразрывно с нею связанными Черногорскими каменноугольными копями взяла у меня столько времени, энергии, здоровья и даже, может быть, несколько лет жизни при моей нервозности и болезни сердца...» [3, с. 31]. И с этим стоит согласиться, хотя бы потому, что ей приходилось только за одну зиму ездить из Москвы в Петербург по 13-14 раз для того, чтобы её проект дороги был утверждён «честным путём, без всяких взяток и подкупов» [4, с. 34; 11, л. 3; 15, с. 51].

После смерти от воспаления лёгких мужа 27 августа 1919 г. В. А. Баландина поселилась на левом берегу Енисея недалеко от Минусинска. Близ деревни Подсиной она создала показательный участок «Культурный», который в трудные 1919-1920 гг. кормил её вместе с детьми. Затем последовал отъезд в Томск, где она служила химиком в Сибирском Учёном Медицинском Совете 1920-1922 гг. Там она передала весь материал по Черногорским копям и экономическую записку по их развитию в Горное управление, а материалы по Ачинско-Минусинской железной дороге – Обществу Ачминдора. После этого Вера Арсеньевна с детьми уехала в Москву [11, л. 2]. От НКПС СССР инициатору строительства железнодорожной линии Ачинск-Минусинск и учредительнице АО Ачминдор В. А. Баландиной был пожалован пожизненный бесплатный билет от станции Абакан до Москвы [11, л. 3; 41, с. 47].

Работы по постройке линии возобновились по завершении Гражданской войны в Сибири. Газета «Красноярский рабочий» от 2 ноября 1920 г. писала: «Как сообщает «Экономическая жизнь», на заседании президиума Верховного Совета Народных комиссаров 13 сентября обсуждался вопрос о пересмотре проведения железнодорожного строительства на 1920 год. На этом совещании, между прочим, обсуждался вопрос о достройке железной дороги Ачинск-Глядень и решён в положительном смысле. Таким образом, следует сказать, что строительные работы по всей злополучной дороге будут возобновлены в самом непродолжительном времени. Достройка этой дороги имеет большое государственное, а также и местное значение. Эта дорога свяжет с главной железнодорожной магистралью наиболее хлебородные и богатые сырьём места Енисейской губернии, какими являются южная часть Ачинского уезда и Минусинский уезд, и поднимет культурный уровень этих областей» [19].

В условиях послевоенной разрухи и начавшегося голода в Центральной России требовался скорейший подвоз сельхозпродукции из Южной Сибири. 22 июня 1921 г. на заседании СТО В. И. Ленин настоял на том, чтобы в повестку дня был включён дополнительный вопрос – об Ачинско-Минусинской железной дороге. Он хорошо знал проблемы Минусинского края, т. к. отбывал долгую ссылку в Шушенском. Решение о возобновлении строительства дороги было принято. А 23 июня Ленин, как председатель СНК РСФСР, подписал постановление о возобновлении стройки [20, с. 2].

В условиях НЭПа в 1922 г. по инициативе Сибревкома было возрождено АО «Ачминдор», акционерами которого теперь стали государственные организации Сибпромбюро, Сибдальвнешторг, Сибторг. АО «Ачминдор» объявило о подписке на свои акции. Но ак-

ции никто не покупал. АО вынуждено было самоликвидироваться, дорогу достраивал НКПС [26, с. 8-9].

В эксплуатацию магистраль сдавали отдельными участками. В 1923 г. дорогу довели до Ужура. В 1924 г. была закончена укладка пути до станции Шира. В ночь на 23 декабря 1924 г. со станции Ачинск на станцию Шира прибыл первый пассажирский поезд [35, с. 36-38]. С 31 декабря 1924 г. дважды в неделю стал ходить пассажирский поезд от Ачинска до курорта Шира. Появление первого поезда в хакасских степях – с гудками паровоза, стуком колёс, клубами пара, шлейфом дыма, как рассказывали очевидцы и писали газеты, воспринималось как чудо [20, с. 2].

Вся трасса была сдана в ноябре 1925 г., когда 25 ноября в Абакан прибыл первый поезд, а окончательно «закончена средствами государства в 1926 г.». К Черногорским каменноугольным копиям была проложена ветка и первый паровоз на ст. Черногорские копи пришёл в 1926 г. [38, с. 7] Но до Минусинска, находящегося в 15 км от Усть-Абаканского (вследствие высокой стоимости этого короткого участка, требовавшего постройки мостов через реки Абакан и Енисей и Минусинскую протоку Енисея, к тому же стройматериалы подорожали и запланированных средств не хватило), к концу 1920-х гг. линия не была доведена [34, ст. 175-176].

К Минусинску железную дорогу подвели лишь с началом строительства трассы мужества – Абакан-Тайшет. «Ударно работали строители СМП-237 на минусинском участке: уже летом 1959 г. начали укладку рельсов, а к 29 октября 1960 г., в день рождения комсомола, от станции Абакан до станции Минусинск прошёл первый пассажирский поезд... 29 января 1965 г. движение по трассе мужества было открыто...» [16, с. 112-113].

Как удалось выяснить, если бы планы Баландиной осуществились, то можно было бы на Ачминдоре построить лишь один мост вместо трёх, стоимость одной версты обошлась бы в 68,5 тыс. руб., а не в 83 412 руб., как оказалось в утверждённом проекте [3, л. 1, 2]. Общая стоимость постройки всей линии была исчислена в 35,7 млн. руб. [2, л. 36]. Если бы, как предлагала Баландина, дорога прошла через Шира (а сейчас она в 18 км от озера), то не потребовалось бы прорубать дорогостоящие тоннели через Сонский перевал. Ведь именно из-за этого магистраль отклонилась на 20 км от Черногорских копей [4, с. 31; 41, с. 12]. Да и на рубеже 1950-1960-х гг. строители чересчур поторопились, не доведя дорогу до города Минусинска. Именно поэтому минусинцам и гостям города теперь приходится 12 км добираться до железнодорожного вокзала.

Таким образом, инициатором и организатором строительства одной из первых в Сибири частных железных дорог общего пользования протяжённостью 462 км явилась В. А. Баландина. Её высокий интеллектуальный уровень и опыт, коммуникабельность и настойчивость позволили создать Акционерное общество «Ачминдор», добиться разрешения на строительство железной дороги, осуществить изыскание и проектирование и начать сооружение пути и путевой инфраструктуры Ачминдора. При этом, ценой невероятных усилий, ей удалось «честным путём, без всяких взяток и подкупов» отстоять самый эффективный проект строительства магистрали. К сожалению, из-за политических катаклизмов XX в. дальнейшее строительство железной дороги осуществлялось по изменённым проектам, оказавшихся более сложными в инженерно-техническом исполнении, более затратными и приведшими к отклонению линии от изначально намеченных пунктов.

Источники и библиографический список:

1. Архив города Ачинска (АГА). Ф.16. Оп.1. Д.1.
2. АГА. Ф.16. Оп.1. Д.38.
3. АГА. Ф.16. Оп.1. Д.47.
4. Баландина В. А. Восстановление истины. – Красноярск, 1917. – С. 20-39 // Бердников Л. Школьному краеведу: Баландина В. А. – Красноярск, 1995. – 39 с.
5. Баталова Т. И. Деятельность акционерного общества Ачинско-Минусинской железной дороги // Вестник Томского гос. ун-та. – 2007. – № 298. – С. 87-90.
6. Бердников Л. П. «Моё несчастное детище» // С новым веком, родной Красноярск : историко-краеведческий календарь на 2001 год / Краснояр. центр. гор. б-ка им. А. М. Горького. – Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 2001. – С. 55-61.
7. Большаков В. Н. Источники пополнения рабочей силы в промышленности Сибири в годы Первой мировой войны // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1980. – С. 151-172.
8. Галина И. Г. Сквозь завесу времени // Сборник материалов XVI межрегиональных краеведческих чтений имени Веры Арсеньевны Баландиной, проходивших 28 февраля – 1 марта 2017 г. в Музее истории г. Черногорска. – Черногорск, 2017. – С. 6-8.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 58. Д. 337. Л. 1.
10. ГАКК. Ф.799. Оп.1. Д.5.
11. ГАКК. Ф.П-1067. Оп.1. Д.333.
12. Записка об экономическом положении района Минусинской железной дороги и её вероятном грузообороте / сост. В. В. Никольский, Л. К. Чермак. – СПб. : Типо-литография И. Лурье и К°, 1911. – 82[9] с.
13. Злобин М. Железная дорога: что было... // Надежда и мы. – 2008. – 4 сент. – №30 (394). – С.14.
14. Калеменева Н. Ачминдор – путь к сибирским богатствам // Сокровища культуры Хакасии / гл. ред. А.М. Тарунов. – М. : НИИЦентр, 2008. – 512. – (Наследие народов Российской Федерации. Вып. 10). – С. 241-245.
15. Кардаков Н. И. К богатствам недр сибирских // Стальное звено Транссиба: 100 лет Красноярской железной дороге. 1899-1999 / сост. В. В. Чагин, В. Г. Саклаков. – Красноярск : Красноярское книжное изд-во, 1998. – С. 44-52.
16. Ковалев В. А., Ермолаева Л. Н., Шадрина И. Е. Минусинск. – Красноярск : Кн. изд-во, 1986. – 183 с.
17. Коновалов П. С. Динамика численности рабочего класса Сибири в период империализма // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1980. – С. 130-150.
18. Коновалов П. С. Рынок рабочей силы, источники формирования и состав строительных рабочих Сибири в эпоху капитализма // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. – Новосибирск, 1980. – С. 106-130.
19. Красноярский рабочий. – 1920. – 2 ноября.
20. Кремлякова М. Детище, стоившее нескольких лет жизни (с «Баландинских чтений») // Черногорский рабочий. – 2010. – № 29 (10809). – 16 марта.
21. Мешалкин П. Н. Женщины Красноярья (на рубеже XIX – XX веков) : монография. – Красноярск : Изд-во СибГТУ, 2005. – 108 с.
22. Минусинск в вопросе о проведении железнодорожной ветви к Сибирской магистрали // Красноярский вестник. – 1910. – № 142.
23. Минусинский край. – 1916. – 6 августа.
24. Отчёт о работах, проделанных подрядчиками Управления по постройке линии Ачинск-Абакан Общества Ачинско-Минусинской железной дороги. 20 ноября 1915 г. // Кухта С. В. – ведущий архивист КГКУ «ГАКК». В. А. Баландина : учёный, благотворительница (к 145-летию со дня рождения) : Архивы Красноярского края [электронный ресурс].
25. Погребняк А. И., Комлева Е. В. Баландина Вера Арсеньевна // Энциклопедический сло-

варь по истории купечества и коммерции Сибири : в 2-х т. Т. 1. – Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», 2012. – 450 с.

26. Потехина Т. М. Ачминдор – путь к сибирским богатствам (85-летию Ачинско-Минусинской железной дороги посвящается) // Сборник материалов IX краеведческих межрегион. чтений имени В. А. Баландиной, проходивших 25 февраля 2010 года в Музее истории города Черногорска / сост. Е. Б. Щеголькова, Л. В. Дурновцева, О. Н. Казакова. – Черногорск : [б.и.], 2010. – С. 8-9.

27. Путь длиною в 100 лет: календарь знаменательных дат, г. Черногорск. – Абакан: Март, 2007. – 36 с.

28. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.6936. Оп.1. Д.8-6.

29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.268. Оп.3. Д.1195.

30. РГИА. Ф.274. Оп.2. Д.719.

31. РГИА. Ф.274. Оп.9. Д.6.

32. РГИА. Ф.634. Оп.1. Д.101.

33. РГИА. Ф.634. Оп.1. Д.114.

34. Свободная Сибирь. – 1917 г. – 24 сентября.

35. Сибирская советская энциклопедия : в 4 т. Т. 1. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1929. – 988 ст.

36. Строительство железной дороги «Ачминдор» // Житница Красноярья. Назаровский район. – Красноярск : Изд-во «Буква», 2004. – С. 36-38.

37. Фёдорова В. И. Развитие транспортной сети в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Экономическое развитие Сибири : материалы Сибирского исторического форума. – Красноярск, 12-13 октября 2016 г. – Красноярск : Резонанс, 2016. – С. 39-43.

38. Чернов Л. Аскыровка (к 100-летию Черногорского рудника // Черногорский рабочий. – 2007. – № 107 (10418). – 4 сентября.

39. Чернов Л. Вера Баландина – строитель железной дороги // Черногорский рабочий. – 2008. – № 94 (10563). – 7 августа.

40. Чернов Л. 100 лет от первых пудов до миллионов тонн // Черногорский рабочий. – 2008. – № 15 (10484). – 9 февраля.

41. Черногорск : 70 трудных и радостных лет / авт. сост. С. Сипкин. – Новосибирск : Новосибирский полиграфкомбинат, 2006. – 189, [1] с.

42. Шемрякова Э. А., Шемряков А. Д. Забытые страницы Сибири. Ч. 2. – Красноярск : Сиб. промыслы, 2011. – 79[1] с.

**Е. И. Стельмах,
г. Минусинск**

Культурно-историческая обуза

Тема сохранения объектов культурного наследия остра для большинства поселений с «биографией», для многих рукотворных объектов, являющихся носителями памяти об исторических событиях и людях, оставивших след в культуре, в истории. Эти дома, памятники, памятные места уже одним своим существованием и напоминают, и просвещают, и радуют, и идентифицируют наше место во времени и пространстве.

Но как часто приходится слышать о том, что то там, то тут случилось непоправимое – уничтожен, порой, даже «охраняемый» дом, взорвана скала с наскальной живописью, разрушен очередной памятник, заброшено старинное кладбище...

Отдельные, точечные проекты не решают задачи сохранения исторической среды. Не способны значительно помочь историческому наследию и юбилейные кампании. Дай бог

хоть какие-то фасады покрасить, готовясь к празднованию. Это компанейщина – самообман. Нужна системная, постоянная работа.

Один из старейших городов Красноярского края – Минусинск – не исключение в ряду исторических поселений, теряющих свой культурно-исторический облик, свою идентичность.

В городе около девяноста объектов культурного наследия, ещё остались островки исторически достоверной застройки. Множество артефактов до недавнего времени позволяли читать историю с фасадов, дорог, улиц. О возрасте домов и об их владельцах рассказывали и материалы, из которых они были построены, и наличники на окнах, и детали оград... Ещё двадцать лет назад гости города восхищались сохраняющейся в исторической части Минусинска атмосферой патриархальности, достоверностью духа старинного сибирского города, говорили о его огромном туристическом потенциале.

Увы! Этот потенциал остался невостребованным и более того – он тает на глазах. Жители исторических кварталов города по-своему решают проблему обветшания и «осовременивания» строений. Одни дома сносятся, освобождая территорию под новые застройки, другие старые минусинские постройки доедает «евромоль»: заплатки и чехлы из сайдинга на старых домах, выпученные бельма пластиковых окон, заборы из железной гофры делают своё дело – уродуют не только отдельные дома, но и улицы, весь облик города, лишая его идентичности, исторической памяти, да и элементарной эстетичности.

Подготовка к празднованию юбилея города окончательно добивает то ценное, что осталось городу от предыдущих поколений. Из программы подготовки к 200-летию города исключены работы с деревянными домами, без которых воссоздание культурно-исторического облика невозможно. А от некоторых и вовсе торопятся избавиться.

Один из последних примеров печальной участи объекта культурного наследия (ОКН) – судьба типичного минусинского двухэтажного деревянного дома, расположенного по адресу ул. Мира, 65. В нём в кон. XIX – нач. XX вв. шесть лет жил Феликс Кон, исследователь этнографии и антропологии народов Сибири, личность для Минусинска значительная. Два года назад здание было признано ветхим, и в 2020 г. его жильцы расселены в новостройки. Опустевший дом остался без присмотра, без консервационных работ, став добычей маргиналов. В скором времени окрестные хулиганы выбили в нём окна, а заодно выломали и двери, и лестницу, и наличники, разбили мемориальную доску, а первый этаж соседи быстро превратили в свалку бытовых отходов. Муниципалитет поставил на нём «крест». Только активность общественности через год после расселения вынудила органы власти принять решение о том, что в 2022 г. из бюджета будут выделены средства на консервацию этого строения. Но останется ли смысл консервировать те руины, в которые превратится дом к тому времени? Как знать, может быть у городской администрации на то и расчёт, ведь в смете расселяемых ветхих домов не предусмотрены средства на консервацию, нет их и в казне. Уже немало было случаев, когда окончательно истерзанные вандалами и климатом ОКНы снимались с учёта в Службе охраны, лишались статуса «Объект культурного наследия» и сносились, освобождая место в лучшем случае новоделам.

Было бы неправильным винить в плачевном состоянии объектов культурного наследия и исторической среды только органы муниципальной власти. Проблема гораздо глубже. Во-первых, как было сказано на семинаре, проводимом Красноярской краевой службой

охраны объектов культурно-исторического наследия на Историческом форуме в сентябре 2021 года (г. Красноярск), одна из ключевых причин сложности сохранения ОКН – несовместимость или даже противоречивость законов, касающихся сохранения исторического наследия с другими отраслями права.

Должна быть законодательно закреплена необходимость финансирования муниципальных образований, имеющих на своей территории ОКНы, на цели их сохранения и формирования исторической среды. Необходимо составить перечень исторических поселений края. Впрочем, такой список, думаю, и без того есть. Только вот ОКНы есть, необходимость их сохранения и содержания есть, а средств на это в бюджетах территорий нет. Нет, соответственно, и планов ни спасения, ни использования памятников на пользу города. Историческое наследие для муниципалитетов – досадная обуза, от которой стараются избавиться при любом удобном случае.

Вывод очевиден: деньги в бюджетах муниципалитетов в строке «Сохранение культурно-исторического наследия» должны быть! Иначе все усилия в этом направлении формальны и тщетны.

Далее: в каждом из поселений должна быть разработана концепция организации пространства исторической его части. На её основе должна быть принята программа восстановления исторической среды, реставрации ОКН, содействия туристической привлекательности территории. Такая работа должна быть выполнена при участии общественности. Разработанная программа должна быть ежегодно обеспечена бюджетными средствами для её осуществления. Кроме того, муниципалитет в сотрудничестве с общественностью может получать дополнительные, внебюджетные источники средств, участвуя в грантовых программах, привлекая спонсоров.

Теперьшее нежелание предпринимателей вкладываться в реставрацию ОКН объясняется, во-первых, отсутствием понятной муниципальной программы развития туристского направления, а также тем, что на территориях отсутствует или слабо налажена просветительская работа. Жители атомизированы, им никто не говорит об историко-культурной ценности места, на котором они живут. Да и сами руководители муниципалитетов чаще всего люди, абсолютно невежественные в вопросах истории, культуры, традиций управляемых ими территорий.

Отсутствие концепции организации пространства и особенностей средовой застройки в исторических центрах лишает и власть, и жителей даже представления о том, как должно обходиться с объектами исторических кварталов. Важно формировать историческую среду, а не только спасать отдельные дома-ОКНы. Осознание этого должно появиться из целеполагания, отвечающего на вопрос: «Для чего?» Ответ прост и очевиден. Он звучит в декларативных заявлениях на всех уровнях: для того, чтобы, во-первых, сохранять культурно-историческую преемственность, не забывать, откуда мы и чьи мы; во-вторых, – для развития туристического потенциала территорий. В настоящее время это если не единственный, то основной ресурс их развития.

Часто спрашивают: «Разве захочется кому-то жить в музейной зоне?» Вопрос лукавый. Да, люди имеют право жить комфортно. Но сейчас есть технологии, которые позволяют перестраивать и каменные, и деревянные дома изнутри с сохранением их внешнего облика. При этом бюджет должен участвовать в софинансировании работ, сохраняющих исто-

рическую достоверность фасадов строений, проводимых их собственниками, поскольку такие работы связаны с дополнительными затратами. Необходимо добиваться, чтобы проживание в туристически привлекательных кварталах стало для горожан престижным и даже выгодным.

Задача сохранения культурно-исторического наследия и развития туристической отрасли должна решаться на законодательном уровне как минимум региона. Без подкреплённой соответствующими законами и обеспеченной достаточными средствами программы спасения того, что досталось от предыдущих поколений, ни муниципалитеты, ни существующие государственные охранные службы, и волонтёрские движения с такой задачей справиться не способны.

В. В. Топчеев,
г. Минусинск

Системные кризисы в здравоохранении на примере истории медицины Хакасии в 1920-1940-е гг.

Распространение вирусной инфекции COVID-19, вызвавшей эпидемию планетарного масштаба, сделало чрезвычайно актуальными вопросы о состоянии современной медицины и проводимых ею противоэпидемических мероприятий. В средствах массовой информации заговорили о системе здравоохранения и системном кризисе, поразившем медицину во многих странах мира. В этой связи, будет не лишним разобраться с основополагающими понятиями: система здравоохранения и системный кризис, проиллюстрировав теорию историческими фактами.

Здравоохранение соотносится с государством, как подсистема в системе. Исходя из теории иерархичности систем [1, с. 237], по отношению к своим структурным элементам, медицина выступает системообразующим фактором, поэтому, для неё характерны все закономерности, определяющие деятельность любой системы. Таким образом, система здравоохранения является социальным институтом, состоящим из совокупности медицинских учреждений; нормативно – правовых актов и социальных норм, регулирующих их деятельность, а так же научных знаний и механизмов оказания помощи, занимающимся поддержанием физического и психического здоровья общества. Систему здравоохранения, в соотношении с окружающей средой, можно выразить в виде схемы.

По закону открытых систем [2, с. 183], в качестве антиэнтропийного механизма, выступают каналы связи между системой и окружающей средой. К важнейшим каналам связи можно отнести магистрали взаимодействия с государством и обществом. С государством, посредством целеполагания – что делать; программирования – как делать; координации – с кем делать и обеспечения ресурсами – чем делать. Взаимодействие с обществом происходит через механизмы контроля и оказания медицинской помощи, осуществляемые на основе взаимности и доверия.

Здравоохранение всегда формируется для деятельности в нормальных условиях жизни общества. Содержать медицину, способную эффективно функционировать в экстремальных условиях, не способно даже самое богатое государство. Неблагоприятные обстоятельства, воздействуя на окружающую среду, приводят к изменению условий функционирования системы, запуская, тем самым, системный кризис, в рамках которого, деятельность системы становится не эффективной, вплоть до полного разрушения структуры. Таким образом, выход из структурного кризиса лежит на пути реформирования системы под новые условия.

Кризисные явления и антикризисные мероприятия в здравоохранении, в своём развитии проходят определённые этапы. На первом этапе происходит лавинообразное развитие структурного кризиса, приводящее к дезорганизации здравоохранения и взрывному росту заболеваемости населения. При этом, противодействие устаревшей структуры этим вызовам не эффективно. Точкой бифуркации выступает публичное осознание руководством страны и отрасли критической ситуации. В случае готовности противостоять кризису, начинается деятельность по его преодолению: анализ ситуации, составление программы, поиск новой ресурсной базы, формирование оптимальной структуры и методов работы. В ходе реформирования системы, кризисные явления берутся под контроль, а при наличии ресурсов, совершается рывок в развитии. Системный подход позволяет проанализировать развитие здравоохранения Хакасии и структурный кризис 1941-1948 гг., связанный с работой медицины в условиях Великой Отечественной войны.

Руководство Советского государства, из опыта Гражданской войны, вынесло один важный урок – в политической борьбе побеждает тот, кто решает национальный вопрос [3, с. 98]. Поэтому, при построении СССР, началось выделение национальных автономий из состава территориально – административных единиц. В 1923 г., был образован Хакасский уезд (впоследствии округ, а затем область). Но данная реформа не была должным образом профинансирована. В стране, где вся инфраструктура была ориентирована на административный центр, это имело негативные последствия. Появившиеся новообразования, получили заведомо слабые позиции для развития.

Реформа негативно сказалась на состоянии хакасской медицины, которая восстановила свой прежний уровень только к началу 1925 года. Отсутствие необходимого финансирования, приводило к структурной слабости, поэтому, в системе сибирского здравоохранения, Хакасия, по всем показателям, стабильно занимала предпоследние места после Ойратии и Киренского уезда [4, л. 105]. Её развитие протекало в рамках приоритетов, определяющих направления развития отрасли. К политико-идеологическим приоритетам, относилось развитие здравоохранения, прежде всего, в регионах индустриальной направленности. В Хакасии это были: Ширинский, Орджоникидзевский районы и город Черногорск.

К социальным приоритетам относилось, обеспечение медицинской помощью регионов, с преимущественно хакасским населением: Таштыпский и Аскизский районы. К медицинским приоритетам, относилось развитие мощной структуры для борьбы с социальными заболеваниями и прежде всего с трахомой, которая забирала «львиную» долю дефицитных ресурсов. Боградский, Бейский, Алтайский (позже) и отчасти Усть-Абаканский районы, оказались вне приоритетов.

В целом, система здравоохранения Хакасии развивалась следующим образом.

№	Население, годы	Больницы	Амбулатории и поликлиники.	Фельдшерские и акушерские пункты.	Специализация лечебных учреждений.	Врачи	Сред. персонал	Мл. персонал	Бюджет, руб.
1	1925 г.	4 В/У (50)	–	5 (25)	Терапевтические и инфекционные койки.	3	14	–	5 – 8 тыс.
2	1930 г.	1 (55) 4 В/У (60)	1	8 (40)	4 отделения окружной больницы.	10	41	–	–
3	1935 г.	14 (440)	14	58	12 специализированных учреждений.	42	219	273	12462
4	1939 г.	36 (1069)	43	67 (374)	14 учреждений.	89	563	345	
5	1946 г.	38 (1123)	48	112	49 учреждений.	–	–	–	–
6	1951 г.	41 (1435)	48	112	32 учреждения.	–	–	–	–

Таблица составлена по материалам [5, Л. 1-248; 6, Л. 1-123; 7, Л. 1-89; 8, Л. 1-31; 9, Л. 1-64; 10, Л. 1-44]

Тяжёлые условия жизни, в регионе, где социальная сфера, не успевала за экономическим развитием, приводили к дефициту и текучке кадров. Медицинский персонал формировался, зачастую по остаточному принципу, о чём, косвенно свидетельствует, ничтожный процент членов ВКП(б) и ВЛКСМ среди медиков региона.

Таким образом, начав своё развитие, с откровенно слабых позиций, хакасская медицина, получив значительный импульс в период индустриализации, развивалась очень неравномерно в рамках идеологического и социального бытия страны. Накануне войны, она могла относительно успешно решать насущные вопросы, не имея возможности повлиять на ситуацию в целом.

Великая Отечественная война серьезно изменила жизнь государства и общества, сформировав неблагоприятные условия деятельности здравоохранения. Убыль трудоспособного населения и критические нагрузки на работающих, голод, лишения, отсутствие должного снабжения товарами первой необходимости, негативный психогенный фактор, приводили к увеличению уровня заболеваемости людей. Миграционные процессы, связанные с перемещением военнослужащих, эвакуированных, военнопленных и ссыльнопоселенцев, повышали риск возникновения эпидемических вспышек. Всё это усугублялось трудностями самой отрасли. В 1941 г., на фронт было мобилизовано около 40 % медицинского персонала. По многим позициям, потери были невозможными. Например, фельдшерский пункт в селе Абаза открылся только после демобилизации фельдшера в 1947 году. [11, с. 2] Почти вполнину уменьшилось финансирование здравоохранения. Возникали перебои со снабжением медицинских учреждений, не только оборудованием,

топливом, продовольствием, но и медикаментами. Развёртывание, осенью 1941 г., в Хакасии, госпиталей глубокого тыла, за счёт ресурсов региона, значительно усугубляло положение. Результатом влияния всех этих факторов, явилась неблагоприятная эпидемическая ситуация, справиться с которой ослабленная медицина не могла. Структурный кризис развивался по нарастающей.

2 февраля 1942 г., вышло специальное постановление ГКО, о создании в регионах чрезвычайных противоэпидемиологических комиссий с широкими полномочиями. 22 мая 1942 г. Народный комиссариат здравоохранения СССР издал указ о противоэпидемиологической работе на местах. Точка бифуркации была пройдена, началась работа по противодействию кризисных явлений [12, с. 93].

Система здравоохранения, ориентированная на работу в обычных условиях, в чрезвычайной ситуации, как правило, не может своими силами справиться с текущим положением. Поэтому, требуются новые организационные формы, позволяющие подключить к решению проблемы сторонние организации. Такой формой являлись проблемные комиссии, во главе с партийными деятелями области. По мере необходимости, в состав комиссий вводились руководители хозяйственных служб и общественно-политических организаций. Партийный контроль осуществлял координацию деятельности различных служб региона. Структуры исполнительной власти возводили объекты санитарно-гигиенического назначения, организовывали очистку территорий населённых пунктов, помогали со снабжением лечебных учреждений. Так, уже к 1943 г., по всей области, было построено 70 бань и 127 дезинфекционных камер. Члены общественно-политических организаций, в составе комиссий, занимались, дезинфекцией жилого фонда и профилактической работой с населением. В том же, 1943 году, ими было обследовано 34467 квартир и 108000 человек [13, л. 13].

Но, прежде всего, нужно было наращивать мощность и эффективность самих лечебных учреждений. А для этого, требовались ресурсы. В апреле 1943 г., Хакасский областной совет депутатов трудящихся постановил: «учесть все медицинские кадры, проживающие в области и не работающих мобилизовать» [14, л. 10]. Это была не первая мобилизация, но, в этот период, после эвакуации госпиталей, кадровый «голод» ощущался особенно остро (в 1946 г., после передислокации военных училищ, с подобной проблемой столкнулся Черногорск). На полную мощность, по ускоренной программе заработала Фельдшерско-Акушерская школа города Абакана.

В начале войны, активно вёлся поиск, принципиально иных источников материальных ресурсов, так как централизованное снабжение стало невозможно. В этих условиях медицина переводится на самообеспечение. Крупные медицинские учреждения формируют мощные подсобные хозяйства, включающие несколько гектаров земли и фермы для скота. Своими силами заготавливаются дрова для отопления. Дополнительная нагрузка легла на местные колхозы и совхозы, которые приписывались к лечебной сети, а так же на промышленные предприятия области, в рамках шефской помощи. Регион включился в систему разделения труда, изготавливая в больших количествах: мыло, глауберовую соль, гипс, лекарственные препараты. Но, очень часто и эти скудные ресурсы направлялись на нужды фронта. Осенью 1942 года, разгорелся кризис вокруг снабжения госпиталя 2511, после чего Ширинский район замелькал в списках отстающих. Документы свидетельствуют

о тяжёлом положении дел: «в Ширинском районе в больницах золотой промышленности обслуживают только своих рабочих, остальных нуждающихся больницы принять не в состоянии из-за отсутствия нужного количества продуктов» [15, л. 3].

Сами медики, искали новые формы работы, повышающие эффективность функционирования системы. Именно в годы войны была введена участковая система, в рамках которой, медицинский работник закреплялся за определённой территорией и группой лиц. Между тем, попытка объединения больниц и поликлиник, оказалась не удачной. В условиях сложной эпидемической ситуации, начал создаваться резервный коечный фонд, возможности которого увеличились после реэвакуации госпиталей. Благодаря этому фонду, медики получили возможности для манёвра, в случае увеличения числа заболевших. В 1946-1947 гг, произошёл рост числа детских инфекционных заболеваний, усугубляемый голодом и распространением, связанных с голодом, диспепсий. Потребовалось сократить время эвакуации больных в лечебные учреждения. Эта задача была выполнена, несмотря на слабую дорожную сеть и проблемы с транспортом. Больных и ослабленных детей подкармливали в рамках специальных ясельных групп и пришкольных лагерей. Проводилась специализированная работа и с другими категориями нуждающихся. В случае возникновения эпидемических вспышек, хакасские медики активно привлекали к работе общественность. С целью контроля и профилактики за уровнем заболеваемости, помимо работы комиссий, практиковались подворные обходы (как правило, в случае не выхода человека на работу, или на учёбу). При возникновении эпидемической вспышки, велась работа по установлению контактов с заболевшими. На предприятиях и в учебных заведениях, создавались санитарные дружины, члены которых следили за состоянием здоровья людей. Нарушителей карантинных ограничений строго наказывали. В 1946 г., учительницу одной из Абаканских школ, допустившую в класс ребёнка после длительного отсутствия без предварительного медицинского обследования (ставшего причиной массового заболевания скарлатиной учащихся школы), сняли с работы. [16, л. 48] Силами СЭС проводилась работа в очагах. После войны началась массовая вакцинация населения области (прививались, даже военнопленные, задействованные на работе в шахтах Черногорска и рудников золотодобывающей промышленности).

Таким образом, к концу 1940-х гг., системный кризис был преодолён и ситуация взята под контроль. Возникли предпосылки для перехода на качественно иной уровень развития. Уже в следующем десятилетии удалось победить многие тяжёлые заболевания: чёрную оспу, тиф, малярию, трахому, корь, скарлатину, дифтерит. В 1953 г., за свою работу, старейшие врачи Хакасии получили высокие государственные награды.

Источники и библиографический список.

1. Громов И., Мацкевич А., Семёнов В. Западная социология. – Санкт – Петербург, 1997. – С. 371.
2. Пугачёв В. П., Соловьёв А. И. Введение в политологию. – Москва, 1997. – С. 446.
3. Корнатовский Н. А. Борьба за красный Петроград. – Москва, 2004. – С. 602.
4. НАРХ – Ф.Р 19. Оп.1. Д.1. Л.124.
5. НАРХ – Ф.Р 4. Оп.1. Д.2. Л.248.
6. НАРХ – Ф.Р 19. Оп.1. Д.4. Л.123.
7. НАРХ – Ф.Р 46. Оп.1. Д.221. Л.89.

8. НАРХ – Ф.Р 169. Оп.1. Д.236. Л.31.
9. НАРХ – Ф.Р 42. Оп.1. Д.9. Л.64.
10. НАРХ – Ф.Р 42. Оп.1. Д.30. Л.44.
11. Аткин В. М. Преумножение // Под знаменем Ленина. – № 34. – 11 ноября. – 1987. – С. 4.
12. Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Т. 1. – М., 1985. – С. 124.
13. НАРХ – Ф.Р 39. Оп.1. Д.446. Л.126.
14. НАРХ – Ф.Р 42. Оп.1. Д.12. Л.93.
15. НАРХ – Ф.Р 42. Оп.1. Д.14. Л.91.
16. НАРХ – Ф.Р 42. Оп.1. Д.18. Л.68.

**Н. Ю. Тюлюш,
г. Кызыл, Республика Тыва**

Истоки национального праздника тувинцев Шагаа

Лунный календарь основан на циклах Луны, поэтому дата лунного Нового года разная каждый год. Однако обычно это январь или февраль.

Каждый год назван в честь одного из 12 животных. Традиционная история объясняет, как это произошло. Однажды Император решил устроить скачки для всех зверей страны. К сожалению, на гонку удалось попасть только 12 животным. Император наградил участников скачек, назвав в их честь 12 лет лунного календаря. Тувинский календарь животного цикла начинается с года Мыши, далее следуют год Коровы, Тигра, Зайца, Дракона, Змеи, Лошади, Овцы, Обезьяны, Петуха, Собаки, Кабана [5].

Шагаа – праздник Нового года. Тувинское слово «шагаа» образовано из слов «шаг» – время и «аа» – молозиво (первое молоко). С наступлением Шагаа Мать-Земля пробуждается, начинает кормить своими соками – аа всё живое, поэтому Шагаа олицетворяет всё «белое», светлое, чистое. С наступлением нового цикла возрождения Природы все люди должны выразить благодарность Синему Небу-Отцу и Матери-Земле, восславить труд и дела человека, пожелать здоровья, любви и счастья родным и близким, успехов в трудах, бережного отношения к природе, к наследию предков, своей культуре [8].

Наступление нового цикла времени года приравнивается рождению ребёнка, новой жизни, всего живого, то, перед чем человек благоговевает. Обряды Шагаа воплотили в себе лучшие традиции народного опыта, знаний, мудрости. Соблюдение обрядов и ритуалов Шагаа имеет важное значение в воспитании детей и в передаче наследия предков последующему поколению.

Дату наступления Шагаа определяют по тюрко-монгольскому календарю двенадцатилетнего животного цикла. У древних тюрков этот календарь упоминается уже в VI в. до н. э. в памятнике древнетюркской письменности «Большая надпись» в честь Кюль-Тегина – знаменитого полководца времён тюркского каганата [1].

Время наступления Шагаа тувинцы определяли, как по солнечному календарю, так и по лунному. Например, скотоводы в Монгун-Тайге, определяя время прихода Шагаа, следят за тем, как луч солнца проходит верхнюю часть стены (в юрте), и как только он опускается до верхнего пояса юрты, объявляют: «Холодная зима состарилась, одряхлела, наступает благодатная весна – Шагаа начинается!». Это говорит о том, что время наступления празд-

ника Нового года могли определять и по солнечному календарю. Но скорее всего здесь имеет место исчисление суточного времени, смену же времён года, месяц и дату празднования Шагаа вычисляли по лунному календарю [2].

По наблюдениям М. Монгуша [4], календари народов Востока мало отличались друг от друга, но тем не менее знающие люди при вычислении месяца и даты проведения Шагаа руководствовались опытом предыдущих поколений, они понимали, что это зависит от географического положения места, природных условий и от поясного времени. О том, что такие опытные знатоки не перевелись и среди тувинцев свидетельствует множество статей и ссылок на информаторов в различных литературных источниках. Считается, что движение луны не всегда равномерно, она иногда замедляет или ускоряет своё вращение вокруг Земли, поэтому подсчёты, сделанные заранее могут не совпадать. Например, когда луна замедляет движение, её форма может оставаться два-три дня без изменения, и наоборот, когда ускоряет – дни могут выпасть.

Месяц, который отводится для подготовки к Шагаа, называется *Будуу айы* – Месяц перед Шагаа. В этот месяц все собираются дома, все должны находиться среди семьи, родных и близких. Взрослые после работы, младшие, освободившись от учёбы и других занятий, все принимают участие в подготовке к Шагаа. Старшие в семье объясняют младшим обычаи и ритуалы, которые следует соблюдать во время проведения праздника. Необходимо провести очищение и освящение своей души, своего дома, разобрать запасы продуктов, приготовленных для Шагаа, починить старую и пошить новую одежду.

Тувинцы верили, что душа есть; что душа и мысли человека должны быть чистыми, плохие мысли не дают покоя, счастья, плохие намерения кончаются «плохо». Про хорошего человека говорят «у него белая светлая душа» и только таких людей уважают и ценят. Для очищения души обращались к шаманам или к ламам, чтобы они провели специальный обряд.

За месяц до Шагаа необходимо было почистить скотный двор, сделать генеральную уборку в жилище, почистить (потрясти на снегу) и привести в порядок одежду. Затем проверяют и разбирают запасы продуктов для проведения Шагаа, то, что было заготовлено, заморожено с осени и хранилось в специальных ямах и ледниках. Все сообща, семьи братьев и сестёр, дядья и тёти лепят пельмени, манты, *хуужуур* (пирожки), готовят лапшу; всё это замораживают и хранят до праздничных дней. Готовят много еды для угощения во время праздника Шагаа, чем её больше, тем благодатнее будет наступающий новый год, чем больше народу принимает участие в подготовке праздника, тем сплочённее, дружнее будут люди.

В разных местах отмечают немного по-разному, но лунный Новый год – это во многом семейный праздник, где бы он ни проводился. Молодое поколение поздравляет своих родителей, бабушек и дедушек с добрыми пожеланиями на год вперёд и выражает своё уважение к старшему поколению. Старшие члены семьи дарят младшим денежные подарки, как правило, небольшими пакетами.

Традиционные блюда, которые едят в Лунный Новый год, часто имеют другое значение. Например, тувинцы едят мясные блюда, потому что мясо для тувинцев означает «излишек», что означает, что у вас будет много [7].

К белой пище относится всё, что готовится из молока: молоко, сливки, масло, *ореме*

(пенка с кипячёного молока), *курут*, *ааржы* (сушёный творог), *ээжегей* (кислый творог), *чокпек* (лакомство из пахты), *быштак* (сыр), особенно почитается чай с молоком. К белой пище также добавляют *тараа* (варёное, а затем зажаренное, обдирное просо), *далган* (мучнистая масса из жареного ячменя или пшеницы), *боорзак* (печенье в виде жареных в масле кусочков теста).

Есть много других традиций Лунного Нового года. В Туве семьи часто вместе играют в традиционные настольные игры, такие как *кажык*, *баг кагары*, *тевектээри*. Традиционная тувинская семья многодетна и поэтому игры, в основном, командные и зимнее время преобладали те игры, которые помогают сплотить каждого члена команды, т. е. семьи.

В игре *баг кагары* команды по очереди бросают в воздух четыре палки особой формы.

Кажык – игра в кости у тувинцев является самой распространённой. Тувинцы, особенно дети, специально собирают кости. Ниже предлагается описание одной игры в кости.

Тевектээри (почекушки) суть игры заключается в том, что играющие поочередно подбрасывают «тевек» ногой, соревнуясь в наибольшей ловкости. *Тевек* изготавливается из свинцовой пластинки, через которую продевают пучки козьей шерсти.

В последний день лунного календаря (*будуу*), день перед *Шагаа*, принято прощаться со старым годом. Заранее оповещают и приглашают гостей, все собираются и пируют. Вспоминают что хорошего дал старый год, произносят друг другу благодарственные речи, тех, кто был в ссоре мирят, обмениваются подарками.

Накануне праздника все моются, обливаются чистой водой, при этом надо представлять, что вместе с водой смывается всё плохое не только с тела, но и с души. В этот день никакой грязной работы не делали, никаких грязных мыслей не допускали, оставалось только проверить всё ли готово к встрече *Шагаа*.

Таким образом в Туве повсеместно празднуют новый год по лунному календарю и желают друг другу белой дороги на новый наступивший год.

Библиографический список:

1. Адрианов А. В. *Шагаа* (Сойотский Новый год): этногр. очерк из Урянхайской жизни. Репринт. изд. 1917 г. – Кызыл, 1993. – 32 с.
2. Ажи А. *Шагаа* – самый священный праздник / А. Ажи // Танды-Ула. – 2010. – 20 февр.
3. Ажи А. *Шагаа* – древнейший праздник народов Востока / А. Ажи // Танды-Ула. – 2007. – 17 февр.
4. Баир С. *Шагаа* – праздник для всех / С. Баир // Тувинская правда. – 1991. – 14 февр.
5. Бичелдей У. П. Традиции *Шагаа*: ценить и уважать время и жизнь / Бичелдей // Центр Азии. – 2010. – 12 февр.
6. Васильева И. Волшебная мельница жизни: [о праздновании *Шагаа*, проведенном в НБ им. А. С. Пушкина] / И. Васильева // Тувинская правда. – 2001. – 15 марта.
7. Даржаа А. Национал чоргааралды оттурар [Малчыннар-биле ужуражылга уезинде] / А. Даржаа // Шын. – 2011. – 1 февр.
8. Монгуш М. В. *Шагаа*: как это было: [беседа с к.и.н. М. Б. Монгуш / вёл А. Филатенко // Ламаизм в Туве: ист.-этнографич. исслед. – Кызыл. – 1992. – С. 91-97.
9. Тыва улустун чанчылдары болгаш ёзулалдары // Конференция материалдары. – Кызыл, 1991. – 96 ар.

А. П. Шекшеев,
г. Абакан, Республика Хакасия

Советская власть и енисейское крестьянство: отношения зимой – летом 1920 г.

Определяя суть отношений победившей советской власти и крестьянства в первую половину 1920 г., председатель Сибирского революционного комитета (Сибревкома) И. Н. Смирнов назвал их «медовым месяцем сожительства» [4, л. 5]. Развивая эту мысль, отечественная историография считала, что сибирские крестьяне, получив при белом режиме ускоренное политическое воспитание и сознательно повернув на сторону большевиков, активно поддержали пришедшую к ним советскую власть [40; 47, с. 12-13]. Выставленная ещё в советскую эпоху и столь однозначная оценка этим взаимоотношениям требует объективного рассмотрения и возможного изменения, хотя бы на материалах одного из сибирских регионов.

Советская власть воцарялась на огромной территории Енисейской губернии со множеством селений, в которых проживали крестьяне, далёкие от очагов цивилизации и настороженно относившиеся к новому в своей жизни. В деревне сохранялись остатки белых в лице бывших казаков и дружинников. Замкнуто существовали родовые селения ачинско-минусинских инородцев. Большие территории и плохие коммуникации делали государственный контроль слабым. Свободное же землепользование и распоряжение доходами способствовали развитию хозяйственной инициативы предприимчивого крестьянства.

Переход к советской власти енисейские крестьяне, существовавшие в ограниченном круге подобных себе людей, занятых привычными делами, и живущие в основном слухами, восприняли по-разному. Например, поголовно участвующие в партизанском движении граждане с. Нижне-Заимского Канского уезда, получив телеграмму губернского комитета общественных организаций о посылке делегатов на народное собрание и собравшись 9 января 1920 г. на сход, не поддержали решение земцев о передаче власти Учредительному собранию и заявили, что этот вопрос будет решаться «фронтами» [8, л. 5]. Напротив, некоторые лица негативно и даже с иронией высказывались о победившей советской власти. Так, на январском 1920 г. сходе жителей с. Спасского Минусинского уезда один из них назвал В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого «народными жрецами», а новое правительство – «советом нечестивых» [34, л. 18]. Наблюдались случаи крестьянского недовольства введением твёрдых цен на хлеб и всеобщей трудовой повинности, использованием в создаваемой милиции «старых» работников и запретом новыми властями прежнего денежного обращения. В то же время крестьяне, как говорилось в информации Енисейского губернского продовольственного комитета (ГПК), «охотно продавали и везли хлеб» на организованные ссыпные пункты [47, с. 149].

К традиционному управлению в лице общины, выражавшей интересы всех слоёв крестьянского населения и сохранявшей традиции, ценности и социальные связи, добавились советские органы. В одних местностях они создавались под руководством политических работников Красной армии, в других – по распоряжению органов партизанского управления, а в третьих – по инициативе самого населения. Обстановка, требовавшая от них

мобильности и инициативности, побудила коммунистов перейти к системе ревкомов, состав которых при необходимости можно было изменить согласно приказу. Крестьяне, тяготевшие к избранию советов, встретили этот переход в некоторых местностях, например, Минусинского уезда с возмущением, заявляя, что «выбрали Советы, а теперь какие-то ревкомы, это опять обман» [37, с. 172]. Членами ревкомов в Енисейской губернии стали 2609 человек, в большинстве – бедняки и середняки, члены или сочувствующие РКП(б) [46, с. 215]. Но, поскольку формирование советских органов, в силу занятости крестьян хозяйственными делами и нежелания участвовать в общественной жизни, не имело ограничений по их составу и затянулось, оно вовлекло во власть как лиц с «партизанскими» методами работы, так и зажиточных и интеллигентных людей. Учитывая неоднозначное отношение к ревкомам со стороны населения и коммунистов, руководство Енисейской губернии ещё в феврале 1920 г. поставило вопрос о необходимости избрания советов. Но армейские политработники возражали против проведения их без тщательной подготовки. Только с ликвидацией военной опасности существующие власти приступили к укреплению своих сельских подразделений.

Новая власть воплощалась и в коммунистических ячейках, организуемых с приходом частей Красной армии и с возвращением домой бывших партизан. Как правило, первые деревенские коммунисты были людьми неграмотными или обладали «низшим» и «домашним» образованием, грешили религиозными предрассудками, пьянством, слабой партийной дисциплиной, хозяйственным обрастанием, карьеризмом, коммунистическим чванством и безответственностью, что раздражало окружающее население.

Напрягали советскую власть и отношения с бывшими партизанами. Разоружение и расформирование созданной из бывших партизан Енисейской дивизии, по оценке главного армейского политработника, вызвало в деревне «серьёзное и напряжённое положение» [47, с. 257]. Вернувшись домой, бывшие партизаны в некоторых местностях заняли ответственные посты во властных структурах. В других же – оказались на пепелищах лишёнными даже куска хлеба. Для оказания помощи нуждающимся были созданы специальные губернская и уездные комиссии. 6 марта 1920 г. сибирские власти издали Декларацию о порядке наделения и пользования землей. Последняя уравнила деревенских граждан в правах и обязанностях перед государством, сложила их недоимки, запретила покупку и продажу земли, наделила ею бедняков до трудовой нормы и передала часть земель в распоряжение советской власти и общее пользование трудящимся [41, с. 275-279]. Данные меры способствовали начавшемуся восстановлению партизанских хозяйств и налаживанию земельных отношений.

Бывшие партизаны оставались в деревне силой, от которой исходила как поддержка советской власти, так и опасность новых мятежей. Объясняя своё негативное отношение к этим лицам, Енисейское губернское бюро РКП(б) 27 апреля 1920 г. заявило, что существование их отрядов, в которых было много «кулацких элементов, шкурников и уголовников», являлось «кратковременным, они не представляли классовой силы, которая была бы нашим и естественным союзником...» [13, л. 1]. Постепенно бывшие партизаны и их вожди, содействуя продовольственной работе и ликвидации банд, стали, как отмечали губернские партийцы, втягиваться в советскую работу [14, л. 6].

Продвижение красного фронта в глубину сибирских губерний строило заманчивые

продовольственные перспективы для удовлетворения потребностей не только армии, но и снабжения населения центров страны. Но осуществление заготовок на территории Енисейской губернии осложнялось рядом факторов и прежде всего тем, что продовольствие в первую очередь предназначалось для Красной армии. Нахождение в деревнях Красноярского уезда воинских частей способствовало упорядочению деревенской жизни, но буквально разоряло крестьянские хозяйства. Красноармейцы забирали продукты, фураж и даже инвентарь, принуждали крестьян выполнять подводные повинности. В результате население, например, Зелеевской волости осталось без хлеба, фуража, семян и с погибающим от бескормицы скотом. Из-за завезённого и распространённого здесь тифа молотить хлеб стало некому. Подобная же ситуация сложилась и в Мининской волости, где очевидцы сетовали, что «армия обобрала население». Позднее выяснилось, что жители подтаежных волостей губернии, где проходили белые и красные войска, были полностью лишены хлеба [46, с. 239; 5, л. 24, 27; 18, л. 3]. Поэтому в феврале 1920 г. враждебно к советской власти было настроено население целых селений Красноярского уезда [15, л. 69об.; 6, л. 1; 7, л. 17].

Продовольственные заготовки уже не устраивали ни советскую власть, ни местных крестьян. К примеру, жители с. Ново-Назарово, Большой Улуй и Бирилюское Ачинского уезда, проявляя недовольство отсутствием твёрдых цен на товары первой необходимости, приняли приговоры о том, что воздержатся везти хлеб на ссыпные пункты. В этих условиях советское государство объявило хлебную развёрстку, начавшуюся в Енисейской губернии 8 марта 1920 года. Она предусматривала изъятие только 75 % от урожая 1919 г. и должна была проводиться без использования принуждения. Но выполнение продовольственных заготовок с самого начала предполагало участие специальных частей Красной армии. Приказом по войскам Западно-Сибирского сектора внутренней охраны от 5 февраля 1920 г. в г. Красноярске началось формирование бригады ВОХР в составе четырёх стрелковых батальонов и отдельного кавалерийского эскадрона. Её частям было отдано распоряжение выполнять наряды ГПК [17, лл. 169, 249; 24, л. 12]. К тому же, согласно приказу командующего 5-й армии, произошла переброска из Мариинска в Минусинский уезд 27-й стрелковой дивизии. Кроме создания заслона действиям белым, наведения порядка и укрепления советской власти в этих местностях, дивизия должна была прокормить себя и организовать отправку хлеба в голодающие районы страны.

Крестьяне отнеслись к объявлению развёрстки по-разному. Так, собравшийся 12 марта съезд 158 представителей семи волостей северной части Канского уезда заявил о поддержке советской власти и необходимости командирования к ним инструкторов для организации коммун и снабжении их материальными средствами. Состоявшийся в апреле первый съезд волостных ревкомов Красноярского уезда принял резолюцию, заканчивавшуюся здоровницей в адрес советской власти. 4 апреля 223 делегата от населения Межовской волости Красноярского уезда признали необходимым приложить все усилия к сохранению прежней площади посева и приняли следующую резолюцию: «Крестьяне, имеющие семена, должны дать потребное количество их в волостной земельный отдел, откуда они и будут выданы нуждающимся. Семена выдавать подконтрольно, т. е. взявший семена должен обязательно их посеять. Не допускать выдачу семян под продажу личного труда» [45, с. 36; 18, л. 112; 41, с. 46].

При этом среди крестьян находились лица, которые, приветствуя «объединение трудящихся» и надеясь получить взамен промышленные товары, помогали советской власти предоставлением своей продукции. Так, к апрелю 1920 г. из Минусинска в Ачинск поступили 72,2 тыс. пудов продовольствия и фуража, а на ссыпные пункты к 15 апреля были вывезены 365,5 тыс. пудов хлеба. Для населения Туруханского края были заготовлены 30 тыс. пудов муки [39, 11 апреля; 15, лл. 1, 81].

Однако были случаи, когда крестьяне не шли навстречу призывам советской власти. К примеру, созванный в марте 1920 г. съезд представителей населения ряда волостей Красноярского уезда принял резолюцию, в которой содержалось обращение к крестьянству не сдавать излишки хлеба до получения из города промышленных товаров. Или состоявшееся 30 марта общее собрание на ст. Клюквенная, казалось бы, приветствовало советскую власть. Но из 300 присутствующих только 87 назвали себя сочувствующими ей, а большинство вело антисоветские разговоры. Общественный сход, организованный в с. Уяр и должный собрать до 500 крестьян, прошёл в присутствии всего лишь 97 человек. Как было установлено, проживающее в этом районе старожильческое население относилось к «коммунии» с ненавистью [47, с. 155; 15, л. 71].

Случалось, что само воцарение советской власти вело к возникновению конфликтов. Например, в Шилинской волости военным комендантом задержанию подверглись некоторые граждане, якобы состоявшие в колчаковской дружине, что вызвало возмущение населения. В связи с тем, что в с. Комарково Больше-Муртинской волости карательным отрядом белых были расстреляны 29 партизан, чекисты установили за этим селением «особое наблюдение». Неприязненные отношения, наблюдаемые среди крестьян д. Воробьино Сухобузимской волости, вылились в «травлю» руководителей советской власти. Лица, виновные в этом, были арестованы милицией. 14 апреля в д. Касьяново Канского уезда крестьяне пытались разогнать волостной ревком и сорвать с его помещения красный флаг. Прибывшим отрядом милиции были арестованы 14 зачинщиков [18, лл. 103, 120].

Между тем свободный рынок с введением развёрстки стал приобретать отрицательные черты. Крестьяне, указывая на то, что спекулянты повышают цены на мануфактуру, заявляли: «Мы чем хуже их – они дерут и мы дерем; дайте нам товары, мы дадим хлеб и все дешевле» [38, с. 66]. Торговля продуктами породила массовую спекуляцию. Сданный крестьянами и отправляемый хлеб, причём, в большом количестве не доходил до потребителей. Так, 4 апреля от товарного поезда, следуемого маршрутом Канск – Забайкальск, вооружёнными людьми было отцеплено семь вагонов с продовольствием [47, с. 35].

Сложившаяся обстановка потребовала принятия властями мер по подавлению рынка. Обсудив её, Енисейское губернское бюро РКП(б) 6 апреля постановило: устроив постоянную торговлю продуктами в городе, справиться с городскими торговцами, провести в деревне агитацию за усиление ссыпки и прекращение спекуляции хлебом, а затем принудительным путём прекратить его вывоз с торговыми целями. Предлагая к продаже по свободным ценам все продукты, за исключением хлеба, масла и мяса, власти угрожали нарушителям этого постановления конфискациями [38, с. 66].

Для того, чтобы сданный крестьянами хлеб доходил до потребителей, на состоявшемся 12-16 апреля 1920 г. I Сибирском совещании губернских продовольственных комиссаров был создан Сибирский продовольственный комиссариат (СПК), наделённый силовыми

методами борьбы со спекуляцией. Ввиду необходимости полного учёта и распространения продуктов и товаров, Енисейский губревком и ГПК 15 апреля 1920 г. приняли обязательное постановление, в котором воспретили частную торговлю хлебом и товарами промышленного производства. Наблюдение за их тайной продажей и скупкой поручалось милиции, агентам губернской ЧК и ГПК, а нарушители этого постановления подвергались аресту и передавались на расследование чекистам [36, л. 4]. 20 апреля того же года данные органы издали приказ, в соответствии с которым свободная продажа излишков сельскохозяйственных продуктов разрешалась только тем крестьянам, которые выполнили развёрстку и имели об этом соответствующие документы [47, с. 161].

В результате ситуация в деревне стала накаляться, что сказывалось на хозяйственных и заготовительных делах. «Нам все равно, белые или красные, – сетовали крестьяне деревень по енисейскому тракту, – все равно, тем давай и другим давай, а нам ничего». В сводке Енисейского губернского ревкома за 15 апреля 1920 г. сообщалось, что в Минусинском уезде «предстоящие весенние работы сильно беспокоят население. Изморенные, измученные лошади не в состоянии будут поднять тяжелый труд, а, следовательно, площадь посевов может сократиться, а раз так, богатый по урожаю уезд не даст для рынка ничего...». Лица, посещавшие эти местности, отмечали, что крестьяне «чего-то боятся. Ждут весны» [36, с. 8; 15, л. 88об.].

В других местностях настроения крестьян были не лучше. Население Нахвальской волости Красноярского уезда встретило объявление о трудовой повинности по заготовке дров с недовольством, а в Шилинской – с безразличием отнеслось к выгодному предложению губернской почтово-телеграфной конторы участвовать в постановке телеграфных столбов. Живущие лесным промыслом, крестьяне Покровской волости молча заслушали декреты о землепользовании, лесной охране и твёрдых ценах. «Выжидательным», по мнению властей, являлось настроение деревенского населения в Канском уезде. Приезжего в некоторых селениях встречали словами: «Опять приехал коммунист». Делегаты съезда в северо-ачинском районе изъявили недовольство по поводу запрещения свободной рубки леса. На митинге в с. Покровском крестьяне отказывались платить на мельнице четыре фунта муки за помол пуда хлеба [15, л. 79об.; 36, с. 9].

Заподозрив в приехавшем инструкторе по маслоделию коммуниста, пьяные крестьяне с. Хаерино Канского уезда выгнали его за поскотину. Ещё хуже сложилось пребывание агента ГПК Паншина в Кнышинской волости Минусинского уезда. Выменяв привезённую с собой соль на масло и яйца и закупив пуд мёда, он вызвал негодование крестьян, которые кричали: «Товаров давать не хотите, а спекулировать умеете». Посетив д. Никулино, этот же работник заявил крестьянам, что ему приказано обманывать их, обещая товары, а приехал он отбирать излишки хлеба. 27 апреля власти были вынуждены арестовать этого предприимчивого и болтливого агента [18, л. 34].

Деревня с нежеланием выполняла свои повинности. Высказывая властям, что, если бы они «дали бы нам мануфактуры и прочее по хозяйству, мы последним бы поделились», некоторые общества отказывались вывозить хлеб на сыпные пункты, поставлять фураж и дрова, вынужденно резали скот и неохотно выполняли повинности по гоньбе. Несмотря на то, что у некоторых жителей Сухобузимской волости Красноярского уезда имелись двух- и трёхлетние клады не обмолоченного хлеба, вывозился он слабо. Крестьяне

Нахвальской волости приступили к выполнению развёрстки лишь тогда, когда комиссия обнаружила и конфисковала у зажиточных односельчан 1 тыс. пудов спрятанного хлеба [3, л. 69; 4, л. 47; 6, лл. 5, 37, 47, 50; 7, л. 17; 15, л. 69об.-70; 16, Л. 1].

В конце весны 1920 г. открытие польского фронта и недостаток продовольствия в городах вызвали необходимость ускорить мобилизацию хлебных ресурсов региона, а окончание посевной кампании позволило по-новому подойти к решению данного вопроса. Властями было решено в обмен на хлеб послать местным крестьянам до 40 % всех товаров, находившихся на складах губернских продовольственного комитета и кооперативного союза [39, 20 апреля]. Однако Енисейский ГПК всё ещё не располагал возможностями усиления продовольственных заготовок. Как отмечалось на Красноярском уездном съезде советов, нередко агенты ГПК на местах «агитировали не за выполнение разверстки, а как раз наоборот». Отмечая их неспособность к разъяснению, крестьяне на сходах высказывались против направления к ним лиц, «сеющих смуту и панику» [47, с. 168; 18, л. 123].

С целью усиления аппарата продовольственных комитетов 3 мая 1920 г. на заседании Сибирского бюро ЦК РКП(б) было решено объявить партийную мобилизацию в четырёх пролетарских центрах Сибири. Ввиду недостатка рабочих рук на обмолоте хлебов 4 мая Сибревком постановил мобилизовать до четверти всех фабрично-заводских комитетов. Для «своевременной доставки, погрузки и отправки продовольственных продуктов» были организованы губернские продовольственные тройки в составе продовольственного комиссара, военкома и заведующего комитетом труда. 29 мая руководство СПК дало указание всем губпродкомиссарам перейти к решительному нажиму при проведении развёрстки, которую планировали закончить к августу 1920 г.

Между тем информация, которая в мае 1920 г. поступала властям с мест, оценивала ситуацию в деревне неоднозначно. С мест сообщалось, что крестьяне жертвовали продукты для воинских госпиталей, принимали участие в субботниках по благоустройству деревень, в митингах и др. мероприятиях, проводимых волостными ревкомом и армейскими политработниками по случаю, например, празднования 1 мая. Они положительно относились к организации общественных столовых, культурно-просветительных кружков, к открытию школ и проведению спектаклей. Отмечая общее стремление населения к просвещению, власти наблюдали доброжелательное отношение к распоряжениям ревкомов в селениях с преобладанием переселенцев.

В то же время, например, в сводке Енисейской губернской ЧК отмечалось, что в отдалённых деревнях по енисейскому тракту «циркулируют нелепые слухи о каком-то перевороте и ожидании прихода зеленых...», а в одной из них «стоит какая-то воинская часть, которая по требованию наряжает из каждого дома девиц на вечерку, крестьяне этими требованиями возмущены». Ежедневно предоставляя в распоряжение учреждений Красноярска 15-20 подвод, крестьяне д. Базаиха были «измучены» подводной повинностью. Жители д. Усть-Кут отказались выполнять наряды, утверждаемые ревкомом, и выгнали из селения коммунистов, проявлявших чрезмерную активность. Население Покровской волости Красноярского уезда выражало недовольство грубыми обысками, в ходе которых отбирались романовские, серебряные и медные деньги. В Мининской волости крестьяне высказывались за переизбрание ревкома, не защищавшего интересы населения. В Алек-

сандровской волости они же были недовольны антирелигиозной агитацией, а в Нахвальской – недостатком соли, спичек и мыла [36, с. 10; 6, л. 5; 18, лл. 8, 67, 73, 141; 15, л. 88].

В Ачинском уезде, несмотря на неоднократные призывы военных властей сдать брошенное колчаковцами оружие, оно всё ещё оставалось в руках населения. Боявшиеся остаться на зиму без дров, крестьяне проявляли недовольство задержкой отвода лесным отделом участков по их заготовкам. В Ильинской волости произошёл конфликт между председателем ревкома и его членами, которые обвиняли его в незаконных арестах крестьян [18, лл. 12, 54, 88; 6, л. 11].

Минусинские крестьяне были возмущены отправкой военнопленных-колчаковцев работать на каменноугольных коях, размещением частей 27-й дивизии, «объедавших» деревни и требовавших подводы силой оружия. Иностранцы же были недовольны запретом курения араки и конфискациями продуктов, совершаемыми красноармейцами. Во многих селениях этого уезда крестьяне, докладывали чекисты, «не повиновались распоряжениям властей, говоря, что эта власть хуже, чем была раньше, на самых высших должностях сидят евреи, немцы и опять приказы, и опять мучают нас». В самом же уездном центре «обыватели, возводя клевету на советскую власть, не поддерживали ее». Наблюдая за настроениями в деревне, власти отмечали, что политически неграмотные крестьяне отказывались что-то продавать за деньги. Из-за хождения провокационных слухов неудовлетворительным считалось настроение жителей Бейской волости. Крестьяне Ермаковской волости и с. Нижний Суэтук, возжелавшие немедленного перехода к ним бывших казачьих земель, были недовольны сдержанной земельной политикой губернских властей. В некоторых местностях уже были слышны призывы не подчиняться данной власти, «как не отражающей волю крестьян». 30 мая толпа мужиков с криками «Долой советскую власть!» избивала в с. Покровское Имисской волости председателя ревкома и покушалась на других советских работников [11, л. 107; 18, л. 133; 31, л. 4; 32, л. 7; 36, с. 21].

Принятые властями меры заставили крестьян сдавать хлеб. Но были селения, жители которых отказывались выполнять государственные повинности. Так, Кускунское общество Красноярского уезда в очередной раз заявило, что не будет поставлять сено и солому. 28 мая оно же из-за тяжёлых экономических условий не нашло возможным доставить на стонный пункт требуемое ГПК количество скота [6, л. 18; 18, л. 98].

Всё чаще стали возникать случаи враждебных отношений между представителями милиции и армии, с одной стороны, и населения, с другой. В Ирбейской волости Канского уезда красноармейцами подвергся аресту учитель М. И. Власов, труп которого потом был обнаружен на р. Кан. Задержанный властями пьяный житель с. Маганского Красноярского уезда оказался избитым батальонным военкомом. Действуя по распоряжению Ачинской уездной ЧК, милиционеры Пашковский и Титов неудачно пытались арестовать священника с. Божье Озеро Кызыльской волости. 14 мая эти же лица, выехав на задержание конокрадов, попали в засаду и были убиты. Один из ревкомов в Канском уезде решил взыскать с членов самообороны Мокрушинской волости, собравших в конце 1919 г. с жителей с. Никольского контрибуцию, в пользу потерпевших 32 тыс. рублей. После этого здесь стали формироваться банды из бежавших в тайгу иностранцев и бывших дружинников [18, лл. 68, 105, 125, 141; 6, л. 16].

С приходом весны и появлением возможностей скрываться в тайге с работ на Знамен-

ском стекольном заводе бежали до 30 бывших военнопленных германской войны, которые, образовав группы и выдавая себя за милиционеров, принялись отбирать одежду и продукты у лиц, работающих в поле. Вскоре к ним стали примыкать местные крестьяне. Так, на территории Канского уезда образовались банды Каверзина, Сметанникова и Малины. В окрестностях с. Ключи этого же уезда были замечены до 50 скрывавшихся неизвестных лиц. Группы из одиннадцати и восьми дезертиров появились вблизи д. Донниково Даурской волости и с. Белоярского Ачинского уезда.

С целью разведки и ликвидации отмеченного сообщества в район с. Ключи были командированы милиционеры и рота железнодорожного батальона общей численностью в 70 человек. 11 мая из Красноярска в с. Минино выехали 20 милиционеров, которые затем выступили в тайгу для поиска бандитов. 19 мая на Знаменский завод прибыл отряд из 100 человек, которые занялись поимкой беглецов [18, лл. 75, 107, 125, 141; 20, л. 5].

Недовольство крестьян, случалось, воплощалось во враждебных поступках. 15 мая с разрушением линии почты на пять часов была прервана телеграфная связь между с. Ермаковское и д. Григорьевка Минусинского уезда [35, л. 150].

Для устранения угрозы повстанчества власти принимали меры по выявлению и задержанию его возможных участников. Ещё 25 марта 1920 г. лагерь лесозаготовителей из числа военнопленных под с. Агульское Канского уезда посетили милиционеры, которые арестовали семерых в прошлом офицеров. Однако появление 2 июня чекиста и милиционера, начавших проверку документов, заставило некоторых лесозаготовителей скрыться в тайге, а повторное посещение села ещё одним милицейским отрядом вызвало побег 17 бывших дружинников [1, л. 403].

Советская власть была вынуждена усиливать продовольственную работу, изыскивая для неё новые резервы исполнителей. Докладывая в СПК о том, что продовольственная кампания проводится в «боевом порядке», Енисейский ГПК в начале июня отчитывался о посылке в деревню 150 коммунистов, рабочих и 500 членов продовольственных комитетов [23, л. 30]. Ощувив острую необходимость в условиях разросшейся спекуляции в выделении для Енисейской губернии заградительных и продовольственных отрядов, он добился направления на продовольственные работы 420 красноармейцев, на охрану продовольственных грузов 42 и для других надобностей – ещё 26 красноармейцев 68-й бригады ВОХР.

Даже незначительное участие армейских представителей оказывало на продовольственные дела большое влияние, о чём свидетельствовал отчёт о командировке в Канский уезд командира 372-го батальона Конюхова. Проверив деятельность красноармейцев по борьбе со спекуляцией и мешочничеством, он 3 июня 1920 г. докладывал начальству, что обнаружил на ссыпных пунктах в районе ст. Тайшет только незначительное количество хлеба и картофеля и арестовал руководителей местной власти волостного и сельского масштаба, оказавшихся белыми служащими и самогонщиками. Прошедшие после этого деревенские сходы крестьян, ознакомившихся с существом дела, выступили за прекращение самогоноварения и выполнение развёрстки. Но в д. Талая состоялся «кулацкий» сход, решивший гнать самогонку до предоставления населению медикаментов. Посетившая его затем беднота просила прощения и выдала зачинщиков. Они и в прошлом сторонники

белой власти подверглись аресту, а имущество их было конфисковано. После таких действий он, возвращаясь, наблюдал транспорты, везущие хлеб на ссыпные пункты [25, л. 6].

Завершая процесс монополизации хлебного рынка, Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревком и СПК с 1 июня 1920 г. стали рассматривать зерно, произведённое крестьянами, в качестве государственной собственности. Свободная торговля всеми нормированными продуктами была запрещена. Советская власть окончательно и официально уравнила крестьян, продающих излишки своего хозяйствования, со спекулянтами и барыгами. К лицам, уклонявшимся от выполнения развёрстки, разрешалось применять давление, а в случае сопротивления – вооружённую силу. 14 июня Сибревком постановил ходатайствовать перед Центром о присылке 12 тыс. продармейцев [46, с. 97].

В этой обстановке сельские общества порой выносили противоречивые постановления. К примеру, сход в с. Шилинское Красноярского уезда закончился принятием резолюции о поддержке советской власти. Однако его жители, не желая выполнять наряд ГПК на масло, тут же запросили власти о созыве экстренного волостного съезда для обсуждения этого задания. Собравшийся 20 июня волостной съезд, рассмотрев поступившее к тому времени распоряжение властей о новой развёрстке, постановил: «В виду того, что наряд не соответствует действительному состоянию излишков хлеба, от второй половины развёрстки отказаться» [18, л. 123, 191].

Стабильную ситуацию в деревне поддерживали воинские части. Во второй половине июня 1920 г. в сельской местности Енисейской губернии находились 10 человек комсостава, 488 штыков и 17 сабель из 370, 372, 373 и 374-го батальонов ВОХР, 2-го полка Интернациональной бригады и 77-го кавалерийского эскадрона. Небольшими отрядами они стояли на постое в крупных селениях и вынуждали крестьян сдавать имеющийся у них хлеб. Они же выполняли функции заградителей на пристанях Красноярска, Новосёлово, Даурское, на ст. Балай, Клюквенная, Тайшет и на просёлочных дорогах, а также сопровождали плоты с хлебом по рекам и охраняли продовольственные склады и мельницы [25, лл. 6, 8, 15-17]. С приходом воинских частей настроение населения, например, в Назаровской и Ельниковской волостях Ачинского уезда сильно изменилось в пользу выполнения развёрстки [18, л. 191].

Крестьянство продолжало жертвовать свою продукцию советской власти. В июне 1920 г. по сравнению с предшествующим месяцем заготовки в Енисейской губернии увеличились с 156,0 до 725,2 тыс. пудов хлеба [47, с. 173]. В Красноярском уезде крестьяне Межевской волости спокойно и вовремя сдали развёрстку. В то же время её население было недовольно деятельностью потребкооперации, требовавшей рассчитываться за товары хлебом. Это возбуждение улеглось только тогда, когда лиц, выполнивших задание, стали наделять двойной нормой предметов первой необходимости.

В Ачинском уезде должны были сдать и соответственно сдали в счёт развёрстки Балахтинская волость – 16,8 и 21,8 тыс. пудов, Больше-Улуйская – 9,0 и 9,9, Курбатовская – 8,6 и 11,1, Назаровская – 16,0 и 20,4 тыс. пудов. Перевыполнило задание население Подсосенской и Трудновской волостей. С превышением и ранее установленного срока выполнили развёрстку крестьяне с. Качулька Сагайской волости [44, с. 32]. Проходивший в том же месяце Ачинский уездный крестьянский съезд констатировал выполнение заготовительного задания и более значительные посевы, выполненные крестьянами [18, лл. 164,

172, 188, 195]. Но население было озлоблено тем, что ГПК не выполнил своего обещания удовлетворить мануфактурой крестьян, что собрали развёрстку. Оправдываясь и заверяя крестьян в том, что недостаток товаров – явление временное, I Ачинский уездный съезд волостных и сельских ревкомов 13 июня 1920 г. назвал всех производителей самогона, изводящих для его курения необходимые советской власти продукты, «врагами революции» и пригрозил им «беспощадной войной» [41, с. 285-286].

В июне 1920 г. полностью выполнили развёрстку Ермаковская и Моторская волости Минусинского уезда. Причём, как отмечалось в информационной сводке, в последней развёрстка была собрана «несмотря на громадное сопротивление старожилов – богачей села» [46, с. 250]. Но в этом уезде заготовки осложнялись гибелью урожая во многих местностях. Из тех же 19 волостей, что были с урожаем, население лишь 11-ти заявляло о добровольной сдаче хлеба. Крестьяне целого ряда территорий отказывались от выполнения задания по сбору хлебофуража. За невыполнение нарядов по овсу для армии к ответственности были привлечены руководители уездных продовольственных органов. В Минусинск для решения организационных вопросов выехал заместитель губернского продовольственного комиссара, в упорствующие села были брошены лучшие партийные силы [23, лл. 100 - 101, 106]. Однако беспартийная конференция крестьян уезда (20-25 июня 1920 г.), высказавшись за безоговорочное выполнение продразвёрстки, запросила местное руководство уменьшить отдельные задания. Через день её участники аннулировали резолюцию, призывавшую население выполнить развёрстку и сдать все излишки государству, и приняли новую, в которой предлагали сдать только тот хлеб, что останется после удовлетворения собственных нужд [47, с. 172].

Вместе с тем система заготовок, когда соответствующие работники перешли к изъятию продуктов без учёта потребностей в них самих крестьян, обещанные же товары при выполнении продразвёрстки отпускались не сельским обществам, а в адрес волостей, стала возмущать деревню. Недовольство крестьян возникало и по поводу одновременного выполнения разверсток. Оно, например, наблюдались в Погорельской, Шилинской и Зелёде-евской волостях Красноярского уезда. 4 июня 1920 г. выполнять разверстку по скоту отказался сход в с. Шало. Собравшиеся 13 июня крестьяне с. Шошкино заявили, что не будут выполнять подводные повинности. Несмотря на неоднократные требования волостного ревкома, они так и не начали выполнять развёрстку на масло и яйца. Состоявшееся в тот же день собрание крестьянских представителей Сухобузимской волости с появлением на нём коммунистов – делегатов районного съезда, предъявивших мандат о решающем го-лосе, приняло бурный характер. Сход не согласился с такими полномочиями прибывших, вынес «порицание» их поведению и постановил ходатайствовать об отсрочке выполнения нарядов по развёрстке хлеба до осени. Жители д. Мало-Нахвальская, заслушав предписание продовольственного отдела о развёрстке яиц, вынесли резолюцию: «Так как в настоящее время мы нуждаемся в самом необходимом, именно соли и мыле, то выполним развёрстку после того, как будем этим снабжены». Не допуская развёрстки на скот, население Мининской волости отправило его излишки на продажу в Красноярск [18, лл. 135, 152, 188, 190, 192].

В Ачинском уезде ревком Мало-Улуйской волости в силу отсутствия у населения хлеба решил не выполнять развёрстку. Тогда же недовольство продразвёрсткой выражали жи-

тели Белоярской волости Минусинского уезда, а ревкомы Беллыкской – постановили до получения нового урожая освободить население от выполнения нарядов. Получив заготовительные задания, сельские общества Аскизской, Усть-Есинской, Сагайской и Восточенской волостей заявили о полном отсутствии у них некоторых видов продуктов. Участники схода жителей с. Абаканское выступили против предоставления кооперативу подвод для вывоза сена. Они были арестованы и позднее приговорены губернской ЧК к одному году заключения в концлагере [18, л. 159; 30, л. 12].

Крестьяне пытались оказывать сопротивление и другим мероприятиям советской власти. Например, жители с. Павловского Красноярского уезда, узнав о предстоящем посещении их отрядом коммунистов, выставили караулы. Или в с. Усть-Ярульское Канского уезда при задержании властями обвиняемого в контрреволюции местного священника, сбежались по набату крестьяне, которые покушались на жизнь волостного военкома и чуть не избили милиционера. Порядок в селе восстанавливала прибывшая милиция [18, л. 189].

При этом происходили преступления и безобразия, осуществляемые представителями советской власти и Красной армии в сельской глубинке. В Шарыповской волости Ачинского уезда милиция применяла к населению нагайки и приклады винтовок. Создав отряд самоохраны, бывшие партизаны из улуса Косой Ложок Кызыльской волости организовывали порки и ограбления местных инородцев. Посетивший одну из деревень, агент местного совнархоза Гладышев собрал имеющиеся у жителей кожи, подлежащие выделке на специальном заводе, и требовал за их возвращение муку. Жители селения Большой Ключ были напуганы милицией так, что восприняли приезд ответственных работников из Ачинска в качестве повода для их наказания и чуть не бежали в тайгу. Когда разобрались, то в улусах к приезжим обратились многие жители с жалобами на милицейские обыски и избиения. Вследствие того, что некоторые крестьяне заявили о насильственной записи их в РКП(б), в с. Костино на собрании коммунистической ячейки была создана комиссия для фильтрации её членов [18, лл. 184, 189-190]. Организованные и состоявшие из бывших партизан власти в Александровской волости Красноярского уезда по собственной инициативе арестовывали людей, отбирали у них имущество и даже расстреливали [42, л. 416]. Как свидетельствовала сводка, в Бобровской волости Енисейского уезда воинские части приводили своим хулиганством население в ужас. В первых числах июля 1920 г. состоялся перевод частей 27-й дивизии на один из открывшихся фронтов. Не спрашивая согласия местных властей и крестьян, её бойцы и комиссары захватывали лошадей, подводы и уводили скот, мешая выполнению разверстки [18, л. 184, 190].

Сельская жизнь нарушалась и с приходом «белых» банд. Появившись в одной из деревень Даурской волости, восемь, вероятно, следовавших из-под Красноярска, бывших офицеров во главе с полковником потребовали продукты. В перестрелке с отрядом красных, оцепивших селение, один из них был убит, а другой – оказался в плену. 16 июня в Кызыльской волости бандой, вышедшей из тайги, была убита активистка. В Уярской волости подобная же группа лиц сгоняла с полей трудившихся крестьян. Из-за бандитизма на территории шести волостей Канского уезда было введено осадное положение [18, лл. 172, 180, 190].

«Отношение населения к власти, - говорилось в информационной сводке по Ачинскому уезду, – неодинаковое ...». Восторженными по отношению к ней были настроения

крестьян в бывших партизанских селениях. В целях оказания помощи Западному фронту и доведения численного состава сибирских частей Красной армии до штатного расписания Сибревком постановил открыть запись добровольцев и призвал на действительную службу военнообязанных 1901 г. рождения. Данная кампания, начавшись с 25 июня, была встречена бывшими партизанами с большим энтузиазмом. Но в целом отношения крестьян к советской власти продолжали ухудшаться. В инородческом районе, например, не только жители не хотели выполнять распоряжения властей, но и избранные ими председатели сельсоветов прятались при появлении советских эмиссаров [46, с. 264; 33, л. 60]. О том, как относилось крестьянство к избранным советским органам, рассказывал случай, имевший место в Назаровской волости Ачинского уезда. На заседание ВИКа, проходившее в бывшем доме церковного причта, ворвались члены Мало-Улуйского сельского общества, которые, бранясь и размахивая кулаками, потребовали его выдворения [6, л. 39]. По мнению видного чекиста, бывшие партизаны, вступив в РКП(б), своим неумелым поведением, незаконными действиями и злоупотреблениями властью создавали излишнее озлобление крестьян. Общество было охвачено острейшим недовольством деятельностью партийцев, что и было зафиксировано, например, курсантом командных курсов: «Обыватель Красноярска смотрит на нас, как на зверя..., – сообщал он в письме. – По деревням масса бандитов, которых скрывают крестьяне...» [12, л. 26].

Информация с мест становилась тревожной. Опасаясь репрессий и скрывшись в тайге, до 30 в прошлом дружинников якобы готовили выступление в Агинской волости Канского уезда. С целью ликвидации опасности в этот район были посланы 100 конных милиционеров и бывших партизан. Появление неизвестного отряда во главе с «генералом» было зафиксировано в Тальской волости Красноярского уезда, а в Межевской – «полковника» с бандой. В с. Александровское Заозёрновской волости была разоблачена «контрреволюционная организация», которая готовила взрыв железнодорожного моста. Для предотвращения этого преступления и назревавших беспорядков в Кызыльской волости Ачинского уезда были командированы 40 красноармейцев. Милицией в Солгонской волости была раскрыта ещё одна организация во главе с бывшим офицером Поповым.

Появление банд и борьба с ними сопровождалась ограблениями и человеческими жертвами. К примеру, в улусе Черемшино появившимися вооружёнными лицами были убиты десять жителей с председателем коммунистической ячейки Белозёровым, но и банда потеряла до пяти своих членов. Около 20-25 бандитов совершили налёт на д. Петропавловская Амонашевской волости, где разграбили склады. Встретившись с бандой у д. Парная Шарыповской волости, красноармейцы ликвидировали несколько её членов, а остальных заставили разбежаться. Уничтожив группы повстанцев во главе с Н. Фроловым и П. Псарёвым, отряд из состава войск ВОХР вёл бои в районе посёлка Абаканского железодельного завода (Абазы) с бандой Борзова, затем в Табатской тайге с группой полковника Михайлова [18, лл. 196-198; 27, лл. 1-2, 13; 20, лл. 8, 10, 16; 9, л. 1; 2, л. 9; 29, лл. 10, 26].

По мнению властей, мерой, должной успокоить население и усилить заготовки продовольствия, могли стать выборы советов. Ещё 8 июня 1920 г. Ачинское уездное бюро РКП(б) приняло постановление, в котором предложило губернским органам ускорить данный процесс, считая, что население совершенно иначе будет относиться к мероприятиям советской власти, если таковые будут проводиться избранными им органами [46, с. 264].

4 июля губернский ревком утвердил «Инструкцию по выборам сельских советов и волисполкомов», которая гласила, что они создаются сроком на шесть месяцев, оговорила количество депутатов и условия их избрания. Впервые определялась категория лиц, лишённых избирательных прав. К участию в выборах не допускались бывшие контрразведчики и добровольцы белой армии, лица же, ушедшие вместе с отступавшими колчаковцами, лишались избирательных прав временно. Прошедшие выборы позволили взамен ревкомов избрать в деревне волостные исполнительные комитеты (ВИКи) и сельские советы, состоявшие в основном из сторонников советской власти.

Но кое-где коммунисты, будучи незначительными по своей численности, с трудом обретали места в руководстве территориями. На состоявшемся 23 августа 1920 г. заседании президиума Енисейского губернского комитета РКП(б) отмечалось незначительное членство в партии в г. Минусинске и уезде: соответственно 90 и 60 человек [4, л. 3]. Коммунисты, имевшие большинство среди участников I Минусинского уездного съезда советов (25 – 29 августа), сумели провести в уездный исполком, определённый в 20 членов и 10 кандидатов, лишь 18 своих представителей. Вопреки указаниям губернского руководства, съезд отказался избрать председателем исполкома назначенца, прибывшего из Красноярска [10, л. 35; 3, л. 87]. За нарушение партийной дисциплины президиум губернского комитета решением от 7 сентября 1920 г. распустил Минусинский уездный комитет РКП(б) и вместо него образовал уездное бюро из трёх лиц. Даже в условиях начавшейся борьбы с бандитизмом губернное партийное руководство 10 сентября решило вооружать деревенские ячейки только в исключительных случаях - по заявлениям районных инструкторов и уездных парткомов [4, лл. 11, 13].

Пытаясь усилить заготовки, центральные власти больше надеялись на мобилизацию сил и на посылку в деревню продовольственных отрядов. Достигнув 7 июля на совместном заседании соглашения о формировании продотрядов, губернский партийный и профсоюзный органы 12-го – приступили к мобилизации на продовольственную работу членов профсоюза [28, л. 4; 44, с. 32]. Воздержавшись от применения к крестьянам, саботирующим хлебозаготовки, вооружённой силы, Енисейский губернский комитет РКП(б) постановлением от 20 июля 1920 г. решил в упорствующих селениях арестовать по кулаку, конфисковать их имущество и провести разъяснительную работу. Между тем к тому времени, например, общественный сход в с. Бея, заявив, что «хлеб сами не дадим», отказался выполнять заготовительное задание. Не стало выполнять продразвёрстку и население с. Сабинка Бейской волости [43, с. 184].

Выполнение развёрсток, в частности на мясо, масло, яйца и овощи, осуществлялись медленными темпами. Созданные, к примеру, в Ачинском уезде маслодельные заводы простаивали или были на грани закрытия. На приёмные пункты, открытые при лавках потребительских обществ, топлёное молоко поступало от крестьян в ограниченном объёме. Выступления агитаторов, посланных ГПК по мясной развёрстке, успехом не пользовались [26, лл. 130, 132]. Начиная с августа крестьяне и власти были озабочены объявленным Декретом Совнаркома от 20 июля 1920 г. об изъятии хлебных излишков в Сибири. Обязав военно-продовольственное бюро ВЦСПС и Наркомтруд направить в регион продовольственные отряды, уборочные дружины и угрожая виновным в уклонении конфискацией имущества и заключением в концлагерь, он обязывал крестьян, находившихся под контро-

лем местных органов власти, немедленно приступить к обмолоту и сдаче урожая прошлых годов [41, с. 288-291].

Загруженные этими заданиями, крестьяне Енисейской губернии уменьшили заготовки хлеба и фуража и, как и повсюду в Сибири, не выполнили первое развёрсточное задание, собрав к сентябрю лишь 2549 тыс. пудов хлеба, или 56,1 % от запланированного объёма [23, л. 221]. По мнению властей, одна из причин такого сбора заключалась в неудовлетворительном состоянии низовых советов, другая – в слабости и политической неблагонадежности продовольственной инспектуры, набранной из военнопленных. Там, где работали упомянутые продовольственные агенты, беднота вывозила хлеб на ссыпные пункты, а кулаки его придерживали. Пока в одной деревне хлеб учитывался, в другой – его прятали. В то же время власти так и не победили спекуляцию. В силу отсутствия у крестьян соли они для обмена на неё везли за 200 вёрст на соляные озера хлеб, масло и яйца. В Ачинске спекулянты вели обмен белья и спичек на овощи [26, л. 132; 6, л. 37].

Развёрстки исчерпали запасы многих крестьянских дворов. Например, в Шилинской волости Красноярского уезда жители прекратили выполнять развёрстку, объясняя, что «товарищи всё забрали» [18, л. 201]. Вследствие подобных изъятий настроение крестьян в селениях, прилегающих к городам, стало к советской власти враждебным. Наряду с поджогами имущества коммунаров и активистов, недовольные новой продразвёрсткой крестьяне бежали в окрестные леса, где уже укрывались от преследования или прорывались к границе «белые» банды. В результате вблизи некоторых селений Красноярского и Канского уездов в августе 1920 г. появились отряды из 200 и 300 конных «белых» под командованием офицеров и с пулемётами. В Минусинском уезде было установлено нахождение в районе приисков и посёлка Абаза отрядов в количестве 200 и 250 всадников. На самой его территории началось «брожение», вследствие чего численность местных бандитов возросла до 100 человек. В Ачинском уезде, кроме небольших банд численностью в 12-15 членов, образовался отряд О. Зуйко из 150 человек [27, лл. 40, 47, 57; 18, л. 201; 20, лл. 26, 28; 6, лл. 37, 40].

Так называемый бандитизм выражался в грабежах кооперации и населения, а также в столкновениях с представителями советской власти. В результате в с. Покровское Ачинского уезда был убит военком Кызыльской внутренней охраны и затем председатель ВИКа той же волости. Позднее совершённые в ряде волостей грабежи сопровождалась гибелью коммуниста Тихонова. Появившиеся в Ново-Николаевском ВИКе члены банды Зуйко забрали обнаруженные винтовки с патронами. Другие бандиты совершили нападение на Паначёвский ВИК, где ранили начальника милиции и уполномоченного ЧК.

Несмотря на малочисленность милиции, она активно участвовала в подавлении бандитизма. В ряд волостей Минусинского уезда были посланы отряды милиционеров. Но более эффективными являлись действия воинских частей. Так, красноармейский отряд, столкнувшись у д. Безруково Красноярского уезда с бандой, заставил её отступить [6, лл. 37, 40, 44, 46; 20, лл. 22, 23, 26, 28; 18, л. 201].

Подводя итоги своей деятельности за первую половину 1920 г., руководство Сибревкома признавалось, что его деятельности с мая были присущи «противоречия» в отношениях с крестьянством [19, лл. 3-4]. Вероятно, они были столь сильными, что уже в октябре 1920 г. в Канском уезде властями стали проводиться митинги, конференции и лекции с це-

лью развенчания слухов о переходе власти к Учредительному собранию, в селениях Тюльковской волости Ачинского уезда из-за отсутствия хлеба возник голод [21, л. 22; 6, л. 47], а вслед за мобилизацией молодёжи в Красную армию начались крестьянские восстания.

Следовательно, с приходом советской власти ситуация в енисейской деревне оставалась напряжённой. Так называемые «противоречия» начались с воцарения советской власти и усиливались под воздействием разных факторов. Естественно, что новая власть воспринималась многими крестьянами положительно. С первых дней её существования отношения их к ней где-то выражались в форме сочувствия, поддержки и выполнения своих повинностей. Но на огромных пространствах сибирской окраины, заселённых людьми, несхожими по степени своей зажиточности и вовлечения в политические процессы, она не могла восприниматься только с симпатиями. Поэтому отношения строились ещё и на крестьянском недовольстве и воплощались во враждебности к коммунистам и игнорировании правительственных указаний. Воплощая их в жизнь, советская власть всё больше опиралась на воинские части, отряды милиции и переходила к принуждению деревенского населения. С его возрастанием в политике и деятельности коммунистов крестьяне осуществляли акции неповиновения в форме, например, саботажа продовольственных заготовок, а с оживлением деятельности остатков «белых» – и бандитизма.

Источники и библиографический список:

1. Архив Управления ФСБ по Красноярскому краю (АУ ФСБ). Д.019873. Т. 4.
2. АУ ФСБ. Д. П-14809.
3. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф.П-1. Оп.1. Д.3.
4. ГА КК. Ф.П-1. Оп.1. Д.5.
5. ГА КК. Ф.П-1. Оп.1. Д.39.
6. ГА КК. Ф.П-1. Оп.1. Д.50.
7. ГА КК. Ф.П-1. Оп.1. Д.82.
8. ГА КК. Ф.П-64. Оп.2. Д.15.
9. ГА КК. Ф.П-64. Оп.5. Д.326.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф.П-1. Оп.1. Д.271.
11. ГА НО. Ф.П-1. Оп.1. Д.2144.
12. ГА НО. Ф.П-1. Оп.2. Д.29.
13. ГА НО. Ф.П-1. Оп.2. Д.33.
14. ГАНО. Ф.П-1. Оп.2. Д.137.
15. ГА НО. Ф.Р-1. Оп.1. Д.186.
16. ГА НО. Ф.Р-1. Оп.1. Д. 298.
17. ГА НО. Ф.Р-1. Оп.2. Д.9.
18. ГА НО. Ф.Р-1. Оп.2. Д.32.
19. ГА НО. Ф.Р-1. Оп.2. Д.45.
20. ГА НО. Ф.Р-1. Оп.2 а. Д.11.
21. ГА НО. Ф.Р-1. Оп.2 а. Д.14.
22. ГА НО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.98.
23. ГА НО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.102.
24. ГА НО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.174.
25. ГА НО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.175.
26. ГА НО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.202.
27. ГА НО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.333.
28. ГА НО. Ф.Р-4. Оп.1. Д.361.

29. Государственно-казённое учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф.П-2. Оп.1. Д.205.
30. ГКУ РХ «НА». Ф.Р-674. Оп.1а. Д.П-6495.
31. Муниципальное казённое учреждение «Архив г. Минусинска» (МКУ «АГМ»). Ф.Р-8. Оп.1. Д.15.
32. МКУ «АГМ». Ф.Р-25. Оп.1. Д.92.
33. МКУ «АГМ». Ф.Р-25. Оп.1. Д.237.
34. МКУ «АГМ». Ф.Р-25. Оп.1. Д.1061.
35. МКУ «АГМ». Ф.Р-650. Оп.1. Д.169.
36. Кокоулин В. Г. Настроения крестьян сибирской деревни зимой-весной 1920 г. // Сибирский архив. 2020. № 1 (3). – С. 98-119.
37. Кокоулин В. Г. Продовольственная политика и крестьянство Енисейской губернии зимой-весной 1920 г. // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска) [Электронный документ]: Мат-лы Сиб. ист. форума. Красноярск, 23-25 окт. 2019 г. – Красноярск, 2019.
38. Кокоулин В. Г. Продовольственная политика и сибирская деревня в годы «военного коммунизма» (ноябрь 1919 – март 1921 г.). – Новосибирск, 2020. – 300 с.
39. Красноярский рабочий. 1920.
40. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917 – 1937 гг.). – Новосибирск: Наука, 1983. – 389 с.
41. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925: Сб. док. и материалов. – Новосибирск : Кн. изд-во, 1959. – 658 с.
42. Тепляков А. Г. Красногвардейцы и партизаны на востоке России в 1917-1922 гг.: девиации, анархия и террор: рукопись.
43. Шекшеев А. П. Военно-коммунистические продовольственные кампании в Енисейской губернии (1920 – середина 1921 г.) // Известия лаборатории древних технологий. – Т. 17. – № 2. Иркутск, 2021. – С. 181-194.
44. Шишкин В. И. Продовольственная политика советской власти и сибирское крестьянство (весна – лето 1920 года) // Проблемы истории советской Сибири: Сб. науч. тр. – Новосибирск, 1973. – С. 13-43.
45. Шишкин В. И. Продовольственная политика советской власти и сибирское крестьянство (конец 1919 – начало 1920 гг.) // Бахрушинские чтения 1969 г.: Мат-лы конф. по актуал. проблемам истории Сибири. – Новосибирск, 1970. – С. 15-39.
46. Шишкин В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 333 с.
47. Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). – Новосибирск: Наука, 1985. – 319 с.

**С. А. Шлыкова, В. О. Мезенцева,
г. Красноярск**

Сохранение и популяризация исторического наследия Красноярского края на примере использования архивных документов личного происхождения

Архивные документы личного происхождения представляют собой совокупность исторически или логически связанных материалов, образовавшихся в процессе жизнедеятельности отдельного человека или целой семьи. Со вт. пол. XX в. в архиве УФСБ России по Красноярскому краю началось активное пополнение фондов документами

личного происхождения, из которых в настоящее время сложилась уникальная коллекция источников.

Фондообразователями архивных документов личного происхождения в архиве УФСБ России по Красноярскому краю являются сотрудники и ветераны органов безопасности. Источниками комплектования подобного рода массивов выступают книги и брошюры, аудиовизуальные документы, личная и служебная переписка, документы творческого (дневники, записные книжки, мемуары) и изобразительного (рисунки, фотографии) характеров.

Целью настоящей статьи является освещение механизмов сохранения и популяризации исторического наследия Красноярского края, нашедшего своё отражение в документах личного происхождения, находящихся на хранении в архиве УФСБ России по Красноярскому краю.

Объектом выступают архивные документы личного происхождения, являющиеся неотъемлемой частью истории региона. Каждый из таких документов исключителен, начиная автором и заканчивая содержанием.

Ярким примером архивных документов личного происхождения являются фотоальбомы. Уникальность фотографии заключается в возможности запечатлеть и пронести сквозь время определённое событие без отпечатка субъективной оценки, которая возможна в случаях устного или письменного изложения автора.

В 2021 году коллекцию документов личного происхождения архива УФСБ России по Красноярскому краю пополнил личный фотоальбом ветерана органов безопасности Валентина Кронидовича Егорова.

Каждая страница фотоальбома – обращение к событию, которое отразилось на истории семьи Егоровых. Начало положила фотография Анны Михайловны Егоровой – матери Валентина Кронидовича, которая в молодые годы вошла в состав организации социал-демократов в г. Челябинске. Активно проводила пропагандистскую работу, за что в 1905 г. была арестована и сослана в Нарымский край. Бежав из ссылки, эмигрировала в г. Женеву. Жизнь в Швейцарии стала одним из самых ярких периодов революционной карьеры Егоровой: она на постоянной основе посещала лекции Владимира Ильича Ленина. В семейном альбоме Егоровых сохранились фотографии достопримечательностей г. Женевы [2, л. 30, 31].

После нелегального возвращения из г. Женевы в Россию Анна Михайловна была вновь арестована и направлена в ссылку в Минусинский уезд Енисейской губернии, где встретила Великую Октябрьскую Социалистическую революцию, водрузив над зданием Новополтавской школы красное знамя.

На страницах альбома располагаются личные документы Анны Михайловны: членский билет международной организации помощи борцам революции, членский билет общества друзей авиационной и химической обороны и промышленности РСФСР, членский билет общества «Долой неграмотность» [2, л. 4].

Прикоснуться к истории в документах, изучить специфику каждого, окунуться во времена существования указанных организаций – шанс, с помощью которого появляется возможность посмотреть на глобальные события глазами маленького человека.

Традиции семьи Егоровых по служению Отечеству продолжили дети и внуки Анны Михайловны.

Валентин Кронидович Егоров в 1921-23 гг. в составе бойцов ЧОН охранял жизненно важные объекты г. Минусинска, участвовал в создании региональных пионерских организаций. С 1926 г. выступал инструктором коллегии Енисейского союза кооперативов на Таймыре. В 1930 г. был направлен на службу в органы безопасности, которая в дальнейшем стала его основным родом деятельности. С ноября 1932 г. Егоров переведён в полномочное представительство ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в г. Иркутске.

Важной вехой в биографии Валентина Кронидовича стало участие в организации и обеспечении безопасности глав государств – участников Тегеранской конференции во время Великой Отечественной войны.

Фотографии данного периода жизни В. К. Егорова особенно выделяются в альбоме: чёрно-белые снимки, наполненные эмоциями, примеры снаряжения шпионов, личные фотографии в военной форме [2, л. 11, 12].

После выхода на пенсию Егоров вёл значимую лекторскую работу в обществе «Знание», печатался в газетах, журналах и сборниках по истории органов безопасности, и освоения северных территорий Красноярского края, поддерживал тесную связь с ветеранским движением УФСБ России по Красноярскому краю, а также с КГБУК «Таймырский краеведческий музей» и МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартынова», в которых имеются документальные материалы, отражающие историю семьи Егоровых.

Листая страницы альбома, мы листаем страницы истории России. Достойными представителями династии Егоровых стали Борис Кронидович Егоров, сражавшийся на Сталинградском фронте во время Великой Отечественной войны, Владимир Валентинович Егоров, принимал участие в запуске первого космического корабля «Восток» 12 апреля 1961 г., Феликс Валентинович Егоров, служивший в торговых представительствах СССР на территориях Египта и Индонезии [2, л. 18, 19, 26].

Многие перипетии жизни Егоровых нашли отражение на страницах альбома, оформленного Валентином Кронидовичем. Поступление альбома на постоянное хранение в фонды архива УФСБ России по Красноярскому краю послужило началом исследования истории семьи Егоровых, позволило сохранить уникальный исторический источник для изучения локальной истории России.

Ещё одним видом архивных документов личного происхождения, имеющих на хранении в архиве УФСБ России по Красноярскому краю, являются воспоминания – особый род письменных исторических источников, который отражает авторское восприятие действительности и даёт ей оценку.

К изучению воспоминаний как к феномену культуры и историческому источнику, обращаются довольно часто. Одним из первых историков, отметивших познавательную ценность мемуаров, был Н. Д. Чечулин. Он назвал их «драгоценнейшим материалом для умственного и нравственного строя людей известного времени и общества», дающим «возможность понять отношение их к событиям и времени». [5, с.10]. Вместе с тем, при работе с мемуарами, следует учитывать не только эмоциональную окраску, но и степень субъективного восприятия событий, происходящих в жизни человека, являющегося автором, поэтому их в обязательном порядке необходимо подвергать критическому анализу, сопоставляя с другими историческими источниками.

В архиве УФСБ России по Красноярскому краю находятся на хранении воспоминания ветерана органов безопасности Михаила Николаевича Шорохова, о его деятельности в период службы в 30-е гг. XX в. на Крайнем Севере Красноярского края, изложенные в очерке «Это было на Таймыре» [1].

В апреле 1932 г. на полуострове Таймыр началось вооружённое выступление местного населения. Руководители восставших агитировали жителей против вступления в колхозы, призывали к отказу от выполнения твёрдых заданий, поставленных советским правительством.

24 апреля 1932 г. ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю т. Зирнис поручил Шорохову, который был начальником Игарского ОГПУ, сформировать отряд и выехать на территорию выступления. Уже 28 апреля отряд из коммунистов, комсомольцев и бывших партизан прибыл в Дудинку. Шороховым было принято решение об урегулировании выступления путём разложения организационной структуры его участников. Пополнив отряд несколькими бойцами, знающими население восставших районов, подобрав двух проводников, отряд в количестве 52 человек выехал в тундру на лошадях.

По прибытии 9 мая в Волочанку удалось поймать разведчика восставших. Им оказался местный житель по прозвищу Булу. После продолжительной беседы, он сообщил, что руководитель выступления направил его для сбора информации о составе и вооружении отряда, а также рассказал о настроениях повстанцев и расстрелах коммунистов и комсомольцев в населённых пунктах, занятых восставшими.

Шорохов убедил Булу в том, что отряд чекистов укомплектован кадровыми военными, имеющими опыт боевых действий, и хорошо вооружён. В то же время до Булу было доведено, что руководство отряда ГПУ стремится избежать кровопролития, призывает всех разойтись по домам и обещает не преследовать членов бандформирования, не совершивших преступлений. После беседы Булу вернулся к восставшим.

Спустя несколько дней отряд Шорохова вышел к расположению основных сил повстанцев, которым направили записку: «Предлагаю немедленно выслать ответственных представителей для переговоров и решения вопроса о прекращении восстания мирным путём. Не получив ответа в течение 15-20 минут, будут приняты военные меры, за последствия которых будут нести ответственность ваши руководители. При согласии прекратить сопротивление, представители должны доставить все вооружение. Начальник отдела ГПУ – Шорохов». [1, л. 11].

Среди восставших возникла паника. Многие из них, не желая сопротивляться, бросали оружие. Отряд сомкнул кольцо вокруг стоянки повстанцев. Группа бойцов обыскала чумы, забрала находящееся у них оружие, а также оружие, спрятанное в баррикадах, освободила пленных. Шорохов выступил перед представителями восставших, довел до них цели советского правительства по развитию территорий и народов Крайнего Севера. Присутствующим было предложено рассказывать местному населению о состоявшемся собрании, выбрать старших от каждого национального совета и направить к руководителю отряда ГПУ. Шорохов вручил присутствующим написанные на листах из общей тетради тексты обращений от имени партии о прекращении восстания, сдаче оружия и переходе к мирной жизни. После чего все разъехались по своим станкам. Оставшиеся части отряды

повстанцев, получив известия о бескровном разоружении основного отряда, последовали его примеру. Руководитель выступления был убит самими восставшими.

18 июня 1932 г. отряд ГПУ вернулся в Дудинку, выполнив задание. Шорохов представил руководству подробный отчёт о причинах восстания, его урегулировании и принятых мерах по наведению порядка. Отчёт был использован при рассмотрении вопроса: «О работе Таймырского национального округа» в ЦК ВКП (б) и Крайкоме ВКП (б) Восточно-Сибирского края.

После реализованных отрядом Шорохова мероприятий в адрес ГПУ и партийно-советских органов округа поступили решения собраний бывших участников выступлений Авамского и Хатангского районов, в которых они сообщали о согласии населения перейти к мирному труду и разрешению всех вопросов путём переговоров. Наступившие в конце сентября заморозки дали возможность передвигаться по тундре представителям партийных и советских организаций, которые провели кустовые и районные собрания, рассмотрев вопросы хозяйственного и культурного строительства в регионе.

28 августа 1932 г. вопрос выступлений на Таймыре был рассмотрен на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б). В результате были сделаны выводы о недопустимости бесконтрольного повышения налоговых ставок на сдачу пушнины, и принято постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 1 сентября 1932 г. № 165 «Об извращении политики партии на Крайнем Севере». Документ коренным образом пересматривал проводимую политику и позволил направить средства от экспорта пушнины в нужное для страны русло.

При обработке воспоминаний М. Н. Шорохова, описанные им события были сопоставлены с фактами, содержащимися в отчётных документах: «Дело о повстанческой деятельности и контрреволюционных выступлениях туземцев Авамского и Хатангского района и зверском убийстве 24 советских работников в апреле месяце 1932 года» [3] и архивным уголовном делом по обвинению участников указанного выступления [4]. Совокупность этих материалов позволила выявить полноту и искренность авторского изложения в отношении событий на Таймыре в 1932 году.

Локальная история региона, будь то целый край или небольшой район, в совокупности с историей другого субъекта нашего государства создают большую эпохальную ветвь, изучая и сохраняя которую, мы в силах пронести наследие страны сквозь время.

Использование архивных документов в форме экспонирования на выставках, передачи копий материалов в музейные фонды, проведение мероприятий патриотической направленности – актуальная задача архивных учреждений.

Архив УФСБ России по Красноярскому краю активно работает в указанных направлениях. На регулярной основе проводятся выставки архивных материалов в музеях, образовательных и культурно-досуговых учреждениях Красноярского края. Партнёрами архива УФСБ России по Красноярскому краю в организации выставок являются МБУК «Музей «Мемориал Победы», КГБУК «Таймырский краеведческий музей», МБУК «Туруханский краеведческий музей», МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова», Военно-инженерный институт ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Музей истории Красноярской железной дороги.

С целью популяризации истории региона параллельно с организацией выставок используются и другие формы использования архивных материалов, такие как подготовка

архивных документов к публикации, написание статей публицистического и научного характера, выступления на конференциях, радиоэферы.

Так, например, на основе воспоминаний М. Н. Шорохова была открыта выставка, подготовлен ряд публикаций, организованы радиовыступления и проведена онлайн-встреча с жителями г. Дудинки. Перечисленные мероприятия были реализованы во взаимодействии с КГБУК «Таймырский краеведческий музей».

Мероприятия архива УФСБ России по Красноярскому краю на постоянной основе освещаются в региональных средствах массовой информации, что способствует популяризации указанного направления деятельности. Таким образом, достигается двойной результат: осуществляется непосредственное вовлечение конкретных представителей целевой аудитории (например, школьников, студентов) в просветительские проекты по формированию жизненных ориентиров на основе объективного трактования истории нашей страны, а также широкое распространение в информационном пространстве региона архивных материалов, являющихся первоисточниками для изучения истории Красноярского края.

Библиографический список:

1. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. № И. Д. № И-175.
2. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. И. Д. И-330.
3. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. № 687.
4. Архив УФСБ России по Красноярскому краю. Ф. 8. Д. № О-21878.
5. Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. Вступительная лекция. – СПб, 1896. Электронный ресурс. URL: <https://viewer.rusheb.ru>.

**А. С. Хожаев,
г. Красноярск**

«Гостиница «Метрополь» (Красноярский край, г. Минусинск, ул. Ленина, 74)

Здание по улице Михайловской (ранее Беловской, в настоящее время улица Ленина) было построено в конце XIX в. [16] В списке зданий постройки до 1917 г., составленном по данным БТИ в 1992 г., год постройки данного здания – 1890 г. [10] В письме Минусинского районного отделения ВООПИК 1991 г., в качестве даты создания данного здания также указан 1890 г. [11] Та же дата строительства указана в некоторых библиографических источниках. [8]

Автор проекта и строитель здания неизвестны. В соответствии с материалами по обследованию объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия (шифр: ОВИ-005-2020), выполненными КГКУ «ЦСКН КК» в 2020 г., здание является архитектурным аналогом объекта культурного наследия «Дом, в котором с 25 по 29 сентября 1919 года проходил I-ый чрезвычайный съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избравший объединённый уездный Совет. Здесь же находился с 13 сентября 1919 года (после освобождения города от колчаковцев) партизанский армейский Совет», г. Минусинск, ул. Октябрьская, 65 (Дом Г. М. Вильнера).

Номера гостиницы Райдеткомиссии на Ленинской улице. 1931 г. МКМ ОФ 219-18.

Центральный ризалит, появившийся в ходе реставрационных работ по увеличению объёма здания, имеет схожие пропорции оконных проёмов третьего этажа, также здания схожи декоративным оформлением фасада (фриз, рустовка, парапетные тумбы, аттики). Авторство дома Вильнера приписывают архитектору Аристарху Филипповичу Персикову, строительные работы Хадияту Иксановичу Исламову. [7]

Здание принадлежало минусинской мещанке Наталье Глебовне Минаевой.

Наталья Глебовна Минаева – дочь минусинского купца 2-й гильдии Глеба Захаровича Узюнова, 18-ти лет, в апреле 1901 г. вышла замуж за крестьянина д. Брагиной Тесинской волости Григория Филипповича Минаева, 22-х лет.

Из документов следует, что семья крестьянина Филиппа Павловича Минаева поселилась в Минусинске по ул. Спорышевской в кон. XIX в. Минаев занимался торговлей мясом и рыбой. Он также брал промысловое свидетельство на добычу золота на Михайловском прииске. Его сын Григорий на 1901 г. указан как работающий в торговом заведении Вильнера.

На 1903 г. в «Журнале владельцев торговых и промышленных предприятий» Наталья Глебовна и Григорий Филиппович Минаевы упоминаются как имеющие торговые заведения (адреса не указаны). [10]

Имеются также сведения о приобретении в 1903 г. Филиппом Павловичем Минаевым недвижимого имущества с деревянным домом по ул. Беловской. Предположительно, речь идет о здании, имеющем современный адрес: ул. Ленина, 89. [15]

В каменном доме Минаевых располагалась гостиница «Метрополь».

В книге плательщиков промыслового налога за 1915 г. значится: «Олефир Макарий Акимович. Гостиница «Метрополь» в г. Минусинске по Михайловской улице. Оборот – 2000 руб.». Там же значатся гостиница «Россия» по ул. Александра II, Д. И. Лалетина, и гостиница «Москва» Шутова Василия Яковлевича. М. А. Олефир владел рядом гостиниц в Енисейской губернии, в том числе в Красноярске.

В газете «Минусинский край» за 1915 г. имеются объявления гостиницы «Метрополь». Также рекламные объявления о гостинице публиковались в газете «Южная Сибирь», 1916 г., 24 мая: «Помните, что лучшая семейная гостиница только «Метрополь». Номера комфортабельно обставлены, от 1 руб. до 2 руб. 50 коп. в сутки. Лучшая кухня, отпускаются завтраки, обеды и ужины». М. А. Олефир (в других номерах газеты указывается адрес: ул. Михайловская, дом Минаева). [10]

Оценочная книга за 1916-1928 гг. содержит перечень построек, входивших в состав усадьбы Минаевой: один двухэтажный дом, один подвал, одна баня, одна конюшня и один

сеновал. Общая стоимость усадьбы была оценена в 10000 рублей. Ниже записи о владельце имеется запись «По купчей крепости». Ещё ниже запись «Муниципализирован», раскрывающая судьбу усадьбы после установления советской власти. [3]

В документах по обложению земельной рентой под записью № 153 по ул. Михайловской плательщиком налога записана минусинская мещанка Минаева Наталья Глебовна, в столбце «годы» записан период с 1917 г. по 1920 г. [5]

В 1920 г. здание бывшей гостиницы было национализировано. [1]

Во время Гражданской войны здание бывшей гостиницы «Метрополь» занимала команда конных разведчиков партизанской армии Кравченко-Щетинкина, личный состав 50 человек был размещен на первом этаже в большом зале, «передние же выходные комнаты занимают под амуницию». ... «Люди размещены не тесно, устроены нары». 50 лошадей были размещены во дворе здания, в конюшне под навесом, «где установлены кормушки и стояла». Интерес представляет также информация о том, почему не были заняты остальные помещения бывшей гостиницы: «остальная часть двора находится также в их распоряжении, если не считать весь верх дома и юго-западную сторону низа и верха, которые никем не занимаются и заняты быть не могут, пока не будет произведен почти капитальный ремонт/окна, двери и печки разбиты». [6]

В декабре 1923 г. состоялось открытие «Дома крестьянина». Он был открыт на средства Минусинского уездного исполкома и уездного комитета взаимопомощи. При доме был заезжий двор для крестьян с ночлегом; для лошадей был запасён фураж. В столовой отпускаясь завтраки, обеды и ужины, был оборудован и буфет, в котором отпускалось вино. Имелась также библиотека и справочное бюро.

Из газеты «Власть труда»: «Цели, преследуемые домом крестьянина, заключаются прежде всего в том, чтобы дать иногороднему крестьянству, прибывающему в город по разным делам, уют. Для посетителей приспособлены общие и отдельные комнаты. При доме отведено место и для лошадей. Отпуск обедов производится по недорогой плате: 30 коп. из двух блюд, с неограниченным количеством хлеба. Чай подается бесплатно. За пользование уютом взимается 15 коп. золотом с человека и 15 коп. за лошадь в сутки.

Буфет со спиртными напитками, отпускаемыми в ограниченном виде. Предусмотрена и культурно-просветительная сторона: большое зало будет приспособлено для библиотеки-читальни». [10]

На 1926 г. здание было в ведении Отдела местного хозяйства, сдано в аренду окружному комитету помощи инвалидам войны (Окркомпом). [2] Номеров было 14, площадью 137 кв.м. Имелось электрическое освещение. Из других помещений: столовая – 67 кв. м,

Фотография советского периода из фондов КККМ. Нег. 12736

красный уголок – 22 кв.м, кухня и посудная – 19, кладовая – 24, подвал – 19, конюшня – 62, баня – 38 кв. м. [17]

В 1932 г. здание гостиницы горисполкомом было передано в аренду Райдеткомиссии. Вместимость – 15 номеров на 20 коек.

Из объявления в газете 1932 г.: «К сведению приезжающих в Дом крестьянина. Все посетители обязаны иметь на руках документы, без которых приём их на ночлег приниматься не будет». [10]

В 1937 г. здание принадлежало коммунальному тресту. [15]

По сведениям МБУК МКМ, в декабре 1941 г. – феврале 1942 гг. в здании некоторое время размещался эвакогоспиталь № 3331. [10] Впоследствии здание вновь использовалось как гостиница.

В 1953 г. при проведении массовой перенумерации адресов изменился и адрес гостиницы с ул. Ленина, 70 на ул. Ленина, 74.

Летом 1960 г. было дано разрешение на пристройку объёма к гостинице с северо-запада 17,38 м х 12,13 м. Данный объём выполнен в 1960-х гг. (не ранее 1963 г.) в пропорциях и технике, повторяющих мотивы исторического объёма. [15] В настоящее время в здании расположена гостиница «АМЫЛ».

Объект представляет собой образец крупного двухэтажного каменного здания, предназначенного для размещения гостиницы, выполненного в стиле эклектика, характерном для застройки Минусинска кон. XIX века.

Объект расположен в историческом центре г. Минусинска в квартале, ограниченном ул. Мартыанова, ул. Ленина, ул. Кравченко, ул. Красных Партизан. Объект участвует в формировании южного фронта застройки ул. Ленина. Северо-восточным фасадом ориентирован на ул. Ленина.

Крупное двухэтажное каменное здание Т-образной формы на бутовом фундаменте в первоначальной части здания, на фундаменте из железобетонных блоков в части, достроенной в ходе реконструкции. Основной объём прямоугольный в плане, вытянут по линии застройки улицы.

Крыша вальмовая с металлической кровлей по деревянным конструкциям.

Северо-восточный фасад композиционно разделён лопатками на 5 частей. В уровне первого этажа фасад решен в 11 осей, из которых 2-ая и 7-ая оси дверных проемов, остальные оси – оконные. В уровне второго этажа фасад решен в 15 осей оконных проемов, из которых 1-ая ось строенного окна, 2-ая, 3-ья, 5-ая, 6-ая, 8-ая, 9-ая, 10-ая, 12-ая, 13-ая, 15-ая оси сдвоенных окон, 4-ая, 7-ая, 11-ая, 14-ая – оси одинарных окон. Углы здания, простенки между осями 1-2, 2-3, 8-9, 9-10 оформлены лопатками.

Юго-восточный фасад композиционно разделён на основной объём и дворовую часть с ризалитом. Решён в уровне первого этажа в 3 оси проёмов дворового крыла. 1-ая, 2-ая оси представлены оконными проёмами, 3-ья – ось дверного проёма. В уровне второго этажа фасад решён в 6 осей, из них 6-ая ось – оконная в составе основного объёма здания, 5 осей в составе дворового крыла здания, 1-ая и 2-ая из которых – оси ризалита. С 1-ой по 4-ую ось расположены оконные проёмы, 5-ая представлена дверным проёмом. Дверной проём с деревянным крыльцом с лестницей.

Юго-западный фасад в уровне первого этажа решён в 11 оконных осей, из них 6 осей

в составе достроенной в ходе реконструкции объекта части, 5 осей в составе первоначальной части здания. Юго-западный фасад дворового крыла в уровне первого этажа глухой. В уровне второго этажа юго-западный фасад решён в 14 оконных осей, из них 6 осей в составе достроенной части объекта в ходе реконструкции, 6 осей в составе первоначальной части, 2 оси в составе дворового крыла. В центральной части фасада дворового крыла в уровне чердачного объёма прорублен проём с лучковым завершением.

Северо-западный фасад решён в уровне первого этажа в 3 оконные оси, одна из которых в составе достроенной части объекта в ходе реконструкции, остальные в составе дворового крыла здания. В уровне второго этажа северо-западный фасад решён в 1 ось оконного проёма в составе дворового крыла. На северо-западном торце основного объёма здания расположено живописное панно, раскрывающее этапы революционных преобразований в Минусинске.

Оконные проёмы северо-восточного фасада первого этажа прямоугольной формы. Оконные проёмы северо-восточного фасада второго этажа трёх типов. Первый тип представлен прямоугольным проемом с полуциркульным завершением, подчеркнутым бровкой в форме полумесяца в первоначальной части объекта и бровкой пирамидальной ступенчатой формы в объёме, достроенном в результате реконструкции здания. Второй тип представлен двумя близко расположенными друг к другу проёмами прямоугольной вытянутой по высоте формы с полуциркульным завершением, подчеркнутыми бровкой пикообразной формы, направленной вниз, в первоначальной части здания и ромбовидной ступенчатой накладкой, в объёме, достроенном в результате реконструкции. Третий тип оконных проёмов представлен тремя близко расположенными проёмами прямоугольной вытянутой по высоте формы с полуциркульным завершением. Объединяет и подчеркивает форму завершения проёмов данной группы сдвоенная бровка пикообразной формы с лучковым завершением. Столь различные типы проёмов объединены профилированным подоконным пояском, раскрепованным по лопаткам, а также широким аркатурным поясом, расположенным над проёмами. Аркатурный пояс рустован, арки пояса первого и второго типа проёмов с опиранием на стилизованные профилированные кронштейны.

Оконные проёмы юго-западного фасада первоначальной части и достроенного объёма, юго-западного и юго-восточного фасадов дворового крыла прямоугольной формы с лучковым завершением. Форма завершения подчеркнута каменным наличником, выполненным из лекального кирпича. Сандрик наличника завершён профилированным карнизом лучковой формы.

Оконные проёмы северо-западного фасада достроенного объёма и дворового крыла и юго-восточного фасада первоначального объёма прямоугольной формы прямого завершения.

Поле северо-восточного фасада в уровне первого и второго этажей и лопатки по всей высоте рустованы. Междуэтажный пояс северо-восточного фасада обеспечивает композиционное деление фасада по вертикали, раскрепован по лопаткам.

Фасад завершён профилированным карнизом незначительного выноса и фризом. Фриз и карниз северо-восточного фасада здания раскрепованы по лопаткам, образуя тем самым капители. Фриз представлен аркатурным пояском с накладками из лекального кирпича, опирающегося на профилированные кронштейны. В центре каждой арки фриза расположена накладка из лекального кирпича.

**Фасад гостиницы «Амыл». 1963 г. МКМ. н 5057-12.
Фотография Ф. Абабкова.**

Над объёмом крыши возвышаются аттики и парапетные тумбы. Над восточным углом здания, и углами дворового крыла – угловые аттики симметричной композиции относительно угла здания. Над центральной частью исторического объёма северо-восточного фасада объекта – аттик симметричной композиции. Аттики богато декорированы профилированными поясками, накладками, выполненными из лекального кирпича. Центральный элемент аттиков украшен поясом поребрика. Над северо-восточным, юго-западным фасадом первоначального объёма, юго-восточным и северо-западным дворовыми фасадами – парапетные тумбы, декорированные профилированными поясками и профилированными кронштейнами. Элементы аттика и парапетные тумбы имеют кровельку из просечного железа.

Стены здания обработаны затиркой и окрашены с выделением цветом деталей.

В архитектурном оформлении в кирпичном исполнении эклектично объединены мотивы разных исторических стилей (ордерные с романскими с преимуществом последних): романско-византийские мотивы в очертании оконных проёмов 2-го этажа и тяжёлых горизонталей, барочные – в силуэте волютных объединений парапетных столбиков венчающих аттиков. В общей укрупнённости деталей и лаконичной квадратности крупных окон 1-го этажа проявляются черты предмодерна.

Планировочная система здания коридорного типа. Вход в помещения организован как со стороны уличного фасада, так и со двора, посредством пристройки лестницы-галереи.

Первоначально, до 1960-х гг., здание гостиницы «Метрополь» представляло собой двухэтажный объём, Г-образный в плане. Северо-восточный фасад был решён в уровне первого этажа в 6 осей, из них 1-ая ось – проезд во двор, 2-ая – ось дверного проёма, остальные – оконные. В уровне второго этажа северо-восточный фасад составлял 8 осей оконных проёмов, 1-ая из них – ось встроенного окна, 2-ая, 3-ья, 5-ая, 6-ая, 8-ая оси сдвоенных окон, 4-ая и 7-ая оси одинарных окон. Над объёмом здания возвышались аттики и парапетные тумбы, расположенные симметрично центру здания.

В настоящее время бывший арочный проезд превращён в одно из помещений объекта. Утрачены решётка парапета, жестяные воронки из просечного железа, печи, печные трубы, один из аттиков и часть стены в месте примыкания пристроя. Произведена незначительная перепланировка внутреннего объёма здания. Часть деревянных оконных заполнений заменена на изделия из ПВХ-профиля без сохранения исторической расстекловки. Северо-западный блок визуально выглядит единым целым с первоначальным объёмом здания.

Библиографический список:

1. Архив города Минусинска. Ф.Р-368. Оп.1. Д.5. Л.83-83об. Постановление Главного управления коммунального хозяйства о муниципализации строений Минусинска и список 1926-1927 гг.

2. Архив города Минусинска. Ф.Р-368. Оп.1. Д.13. Л.40. Список торгово-промышленных помещений, сданных в аренду. Горкомхоз. Документы о сдаче в аренду коммунальных зданий 1927-1928 гг.
3. Архив города Минусинска. Ф.Р-368. Оп.3. Д.4. Л.31. Оценочная книга на домовладения жителей г. Минусинска ул. Михайловская 1916-1928 гг.
4. Архив города Минусинска. Ф.Р-368. Оп.3. Д.74. Л.90. Оценочные ведомости строений ул. Ленина. 1928 г. (На строение по ул. Ленина, 70 (быв. 68)).
5. Архив города Минусинска. Ф.28. Оп.1. Д.75. Документы по обложению земельной рентой.
6. Архив города Минусинска. Ф.Р-25. Оп.1. Д.364. Исполком Минусинского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Приказы начальника минусинского гарнизона о размещении воинских частей в Минусинске, устройстве их быта. Телеграфная переписка с Енгубисполкомом по организационным вопросам. 1922.
7. Материалы по обследованию объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия (шифр: ОВИ-005-2020), выполненные КГКУ «ЦСКН КК». – Красноярск, 2020.
8. Минусинск. Указатель исторических объектов города / Сост. Е. И. Стельмах при участии С. В. Чистякова, Н. М. Шуниной, изд. отд. музея им. Н. М. Мартыанова. – Минусинск: АНО «НиМ», 2019.
9. Научно-проектное обоснование регенерации центральной части г. Минусинска с разработкой проекта зон охраны памятников. Раздел «Предварительные работы» (историко-архитектурная инвентаризация). Т. II, книга 2, часть 1. Сибирский институт по реставрации памятников истории и культуры «Сибспецпроектреставрация». – Томск, 1995.
10. Письмо МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова» от 10.03.2020 № 05-105.
11. Письмо Минусинского районного отделения ВООПИК от 21.05.1991 № 12 // Генеральный план города Минусинска. Корректировка. Пояснительная записка. Государственный проектный институт КРАСНОЯРСКГРАЖДАНПРОЕКТ, 1991.
12. Сводный список памятников истории и культуры г. Минусинска // Научно-проектное обоснование регенерации центральной части г. Минусинска с разработкой проекта зон охраны памятников. Сибирский институт по реставрации памятников истории и культуры «Сибспецпроектреставрация». – Томск, 1989-1995.
13. Справка администрации города Минусинска Красноярского края от 16.03.2020 № 20.
14. Технический паспорт объекта от 30.05.2005.
15. Учётная карта объекта от 14.09.2020.
16. Учётная карточка ценного градоформирующего объекта № 72 (г. Минусинск, ул. Ленина, 74) // Проект определения предмета охраны исторического поселения город Минусинск, границ его территории, требований к градостроительным регламентам. – 2019. Т. 3. – Л. 36-43.
17. Заявление от 10.02.2020 о включении объекта, обладающего признаками объекта культурного наследия, в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

**А. С. Хожаев,
г. Красноярск**

**«Административное здание», эклектика, 1956 г.
(Красноярский край, г. Минусинск, ул. Ленина, 92)**

В начале XX в. ряд домовладений, располагавшихся на территории квартала, принадлежали минусинскому купцу Ивану Фёдоровичу Егорычеву. В состав усадьбы Егорычева входили два дома и два флигеля. [1]

По данным МКУ «Архив г. Минусинска» [3], усадьба И. Ф. Егорычева была угловой. Он также приобрёл примыкающие к его угловой усадьбе участки по ул. Михайловской (Беловской, Барнаульской, в настоящее время – ул. Ленина) и Церковно-Загородной (в настоящее время – ул. Кравченко).

Оценочная книга за 1916-1928 гг. содержит перечень построек, входивших в состав усадьбы Егорычевых: один двухэтажный каменный дом, два одноэтажных дома, один из которых каменный, второй – деревянный, деревянный флигель, одна каменная кладовая, два каменных подвала, деревянные надворные постройки. Общая стоимость усадьбы была оценена в 10000 рублей. Ниже записи о владельце имеется поздняя запись «Алексей Ив. Егорычев». Ещё ниже запись «Конфискован», раскрывающая судьбу усадьбы после установления советской власти. [2]

В списках муниципализированных домовладений 1924 г., как фактически изъятых до 22 мая 1922 г., значится: «Егорычев С. Н., ул. Крестьянская, 8 и Ленинская, 80, 82, 84». [3]

Территорию, на которой был возведён объект, позволяет изучить поквартальный план г. Минусинска 1932 года.

Из фрагмента плана города 1932 г. застройки участка рассматриваемой территории видно, что участок разделён (№ 1; № 2; № 3).

При наложении плана существующей местности и плана 1932 г. видно, что земельный участок, на котором в настоящее время расположено здание с адресом ул. Ленина, 92, частично пустовал, частично был занят деревянной постройкой прямоугольной формы в плане.

Таким образом, к усадьбе И. Ф. Егорычева и его наследников объект не имеет отношения, так как усадьба Егорычевых была муниципализирована до 22 мая 1922 г., а на поквартальном плане г. Минусинска 1932 г. здание ещё отсутствует и было построено позднее.

Архивные фотографические материалы с видом на местоположение здания с адресом: ул. Ленина, 92 не обнаружены.

В архиве г. Минусинска имеется информация о периоде строительства объекта.

В 1946 г., «учитывая неблагоприятное состояние в противопожарном отношении домовладения Минусинского молмясотреста по ул. Ленина, 84», к земельному участку по улице Ленина, 84 был прирезан земельный участок в количестве 145,2 кв. м от земельного участка по ул. Ленина, 86, принадлежащего Больных Е. И. Директора молмясотреста обязали поставить новый забор по вновь установленной границе высотой 2,25 м, длиной 35,3 м.

В апреле 1953 г., по ходатайству горпищекombината, исполком горсовета принял решение:

«...в) разрешено строительство 2-х-этажного кирпичного здания лаборатории соковинзавода по ул. Ленина, 88;

Фотография советского периода из архива службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.

г) дом по ул. Ленина, 88 гражданки Больных перенести силами горпищекомбината на ул. Гоголя, 7».

В 1953-1954 гг. в городе Минусинске производилась перенумерация домов. Адрес объекта был изменён. [3]

В соответствии с техническим паспортом объекта, здание построено в 1956 г. [15], что, в совокупности с прочими сведениями, представляется достоверной датой строительства объекта.

Объект включён в список вновь выявленных объектов, требующих дополнительных исследований, решением исполнительного комитета Красноярского краевого Совета народных депутатов от 24.12.1986 № 345 «О неотложных мерах по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры», таким образом, в 1980-х гг. он уже существовал. [6] Объект зафиксирован фотографией, выполненной в этот период, хранящейся в архиве службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.

На плане, выполненном в 1995 г. организацией «Сибспецпроектреставрация» в ходе разработки проекта зон охраны, виден очищенный земельный участок от углового торгового здания к юго-востоку вплоть до здания по адресу: ул. Ленина, 94. На данном участке обозначено существующее в настоящее время здание по адресу: ул. Ленина, 92. [7]

В советский период объект использовался как конторское здание.

В настоящее время объект используется как административное здание Минусинской кондитерской фабрики.

В 2016 г. была проведена государственная историко-культурная экспертиза документов, обосновывающих включение выявленного объекта культурного наследия «Дом жилой», нач. XX в., расположенного по адресу: Красноярский край, г. Минусинск, ул. Ленина, 92, в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, по результатам которой было принято решение об обоснованности включения объекта в ЕГРОКН как объект культурного наследия регионального значения (памятник архитектуры) «Дом жилой купца И. Егорычева», начало XX в. [4]

Приказом службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края от 20.03.2017 № 130 «О включении и отказе во включении объектов в реестр» объект включён в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Приказом Минкультуры России от 13.04.2017 № 86691-р произведена регистрация объекта (Регистрационный номер объекта культурного наследия в Едином государственном реестре объектов

Анализ участка наследников И.Ф. Егорычева по плану г. Минусинска 1932 г. из Материалов по исследованию объекта, 2018 г.

культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации – 241710895280005).

В 2019 г. была проведена государственная историко-культурная экспертиза объекта культурного наследия с целью уточнения сведений о нём, в ходе которой были учтены все вышеперечисленные сведения и обстоятельства. По итогам экспертизы наименование памятника изменено на «Административное здание», эклектика, дата создания объекта изменена на «1956 г.». Уточненные данные утверждены приказом службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края от 23.12.2019 № 666.

Объект представляет собой образец административного каменного здания застройки Минусинска сер. XX в., выполненного в формах эклектики.

Здание расположено в историческом центре города по линии застройки улицы Ленина. Двухэтажное Г-образное в плане каменное оштукатуренное здание. Фундамент бутовый ленточный, цоколь выложен из крупных каменных блоков (в настоящее время облицован камнем). Крыша вальмовая, кровля металлическая по деревянным стропилам и обрешётке.

Объёмное решение и композиция лицевого фасада характерны для стиля эклектика. Композиция симметричного главного северо-восточного фасада из восьми оконных осей имеет завершающий элемент (небольшой трёхчастный аттик над двумя центральными проёмами) и симметрично расположенные входные акцента по крайним осям.

В архитектурном оформлении использованы мотивы ордерной архитектуры: треугольные фронтоны-сандрики над окнами второго этажа, профили карниза, междуэтажного и подоконных поясов, романский характер аттика и барочный силуэт двойного венчания окон первого этажа. Все окна прямоугольной вытянутой формы. Окна первого этажа акцентированы веерным замковым камнем. Утопленные вглубь стены пилястры углов и простенков, опирающиеся на цоколь, имитируют полуколонны, завершённые стилизованными капителями. Подоконные и междуэтажные карнизы разорваны по пилястрам.

Осям пилястр соответствуют парапетные тумбы, завершённые простым карнизом. Между тумбами протянуто ограждение.

Юго-восточный трёхосный дворовой фасад решён аналогично главному.

Дворовые фасады лишены декора, завершены простым карнизом, поле с расшивкой, имитирующей крупную кладку. Боковой северо-западный фасад решён в три оси и продлён поздней пятиосной пристройкой. Дворовой юго-западный фасад решён в три оси у его южного угла, северная часть фасада закрыта поздней пристройкой (имеет пять осей на юго-восточном фасаде и две оси на юго-западном).

По функционально-планировочной организации объект относится к типу общественного здания. Планировочное решение здания характерно для стиля эклектики. Основное помещение дублируется галереей, анфилада вспомогательных помещений через блок вертикальных связей вытягивается вглубь квартала. Г-образная форма плана создаёт внутреннее экстерьерное пространство общественного здания. Схема планировки повторяется поэтажно. Связь между уровнями осуществляется посредством внутренней лестницы с ограждением из фигурных балясин, при этом в каждый уровень здания устроены самостоятельные входы.

Декор интерьера представлен частично сохранившимися потолочно-стеновыми тягами помещений первого этажа.

Современные входы с красной линии ул. Ленина появились в 1970-е годы. Ранее главный вход в здание располагался со стороны северо-западного фасада. Произведена частичная перепланировка. К дворовому юго-западному фасаду выполнена каменная пристройка 1995 г. Оконные заполнения частично заменены на изделия из ПВХ-профиля, оштукатурен и облицован камнем цоколь.

Библиографический список:

1. Архив города Минусинска. Ф. 18. Оп. 1. Д. 19. Л. 62. Сведения о домовладельцах. 1901-1903 гг.
2. Архив города Минусинска. Ф. Р-368. Оп. 3. Д. 4. Оценочная книга на домовладения жителей г. Минусинска. 1916-1928 гг.
3. Архивная справка МКУ «АГМ» от 17.01.2019 № ТО-150.
4. Акт государственной историко-культурной экспертизы объекта от 20.05.2016.
5. Архитектурно-историческое наследие города Минусинска. / сост. Н. Юрлов. – Красноярск: Компания Ситалл, 2020. – 300 с., ил.
6. Выкопировка из решения исполнительного комитета Красноярского краевого Совета народных депутатов от 24.12.1986 № 345 «О неотложных мерах по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры».
7. Выкопировка из проекта «Научно-проектное обоснование регенерации центральной части г. Минусинска с разработкой проекта зон охраны памятников». Раздел «Предварительные работы» (историко-архитектурная инвентаризация). Т. II, книга 2, часть 4 (начало). Сибирский институт по реставрации памятников истории и культуры «Сибспецпроектреставрация». – Томск, 1994.
8. Материалы по исследованию объекта «Дом жилой купца И. Егорычева», нач. XX в.», расположенного по адресу: Красноярский край, г. Минусинск, ул. Ленина, 92, выполненные КГКУ «ЦСКН КК» в 2018 году.
9. Минусинск: Указатель исторических объектов города / Составитель Е. И. Стельмах при участии С. В. Чистякова, Н. М. Шуниной, изд. отд. музея им. Н. М. Мартянова. – Минусинск: АНО «НиМ», 2019.
10. Обращение АНО «Информационно-издательское агентство «НиМ» от 21.08.2018.
11. Письмо КГКУ «ЦСКН КК» от 28.01.2019 № 56 с приложением.
12. Приказ службы от 20.03.2017 № 130 «О включении и отказе во включении объектов в реестр».
13. Приказ Минкультуры России от 13.04.2017 № 86691-р.
14. Приказ службы по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края от 23.12.2019 № 666.
15. Технический паспорт нежилого здания от 20.08.2008.
16. Учётная карта объекта от 10.06.2014.

РАЗДЕЛ IV. КРАЕВЕДЕНИЕ И РОДОСЛОВИЕ

С. С. Белоусова,
с. Знаменка, Красноярский край

Поддержка многодетных семей накануне Великой Отечественной войны. (по материалам школьного музея)

Социальная поддержка многодетных семей накануне Великой Отечественной войны строилась, исходя из сложной экономической ситуации в стране. Советский союз, развивающийся в ограниченном экономическом пространстве, очень рачительно расходовал денежные средства. Многодетность нужно было доказывать. Семьи, где помимо взрослых присутствовали дети в количестве 2-3 человек, были обычным явлением. Сложнее обстояло дело с многодетными, где многодетность определялась, исходя из количества детей, находящихся в семье. Распространённая формулировка многодетной семьи, в наши дни следующая: «в России и большинстве европейских стран, это семья, в которой трое и более детей. [1] В довоенный период многодетной признавалась женщина, имеющая 7 и более детей.

Конституция 1936 года гарантировала государственную поддержку многодетным женщинам наряду с уравнением их в правах с мужчинами. Поддержка выражалась в получении пособия. В минусинской газете «Власть труда» за 28 июля 1936 г. так комментировалось данное событие: «Семья колхозника Дударева Дмитрия Васильевича из Алтайской артели «Серп и молот» состоит из 12 человек: он, его жена и десять детей по постановлению правительства от 27 июня 1936 г. №117 будут получать ежегодное государственное пособие». Сам Дударев в редакцию газеты, в духе времени, написал письмо с горячей благодарностью партии и правительству.

В материалах музея сохранилась справка-постановление Черногорского горсовета за № 872/69, выданная Гольшевой Фёкле Васильевне, проживающей вместе с семьей в г. Черногорске, в Саманном посёлке № 40, где говорится, что «на основании 10 статьи постановления ЦИК и СНК от 27 июня 1936 года многодетной матери Ф. В. Гольшевой, имеющей 7 человек детей, назначено пособие в размере 2000 рублей. Заработная плата отца, работающего в Черногорске на шахте № 3, составляла 300 рублей. [2]

Многодетная семья могла пользоваться данным пособием до момента достижения седьмым ребенком, младшим Леонидом, родившейся 9 июля 1937 года, 5 лет., т. е., начиная с 9 июня 1937 года по 9 июня 1942 г.»

При назначении государственного пособия многодетной/одинокрой матери для хранения документов заводилось отдельное дело.

Делу присваивался номер лицевого счёта матери. Исходя из прилагаемого к делу перечня, в деле в обязательном порядке должны были храниться:

- а) выписки из решения районного горисполкома о назначении пособия;
- б) справки, предоставляемые матерью о том, что все дети, принятые в расчёт при назначении пособия, живы.
- в) сданные матерью личные книжки и другие материалы, связанные с назначением пособия.

В случае переезда и новое местожительства дело пересылалось по месту требования без задержки. При назначении пособия обязательно проводился акт обследования условий жизни семьи. Его проводили работники ЗАГСа, куда обращалась многодетная мать, работники исполкома или сельского совета населённого пункта, где проживала семья, или участковый милиционер. Для проведения освидетельствования приглашались свидетели из соседей, среди которых проводился устный опрос. В зависимости от собранных данных, выносился положительный или отрицательный вердикт. К акту прилагался подробный список с именами и датами рождения детей. Метрики детей хранились в личном деле матери.

Ситуация с назначением пособия осложнялась, когда старшие дети начинали достигать совершеннолетия и покидать родительский дом.

В 1939 г. семья Голышевой Фёклы Васильевны переехала на новое место жительства в село Комаркова Быстрянского с/совета Минусинского района Красноярского края. Прежде всего, Голышева обращалась в Минусинский городской ЗАГС для назначения пособия по многодетности, и тут выяснилось новое обстоятельство: теперь Фёкле Васильевне необходимо было помимо метрик о рождении детей прилагать справку о местонахождении уехавшего ребенка, что она и делала.

В деле появляются справки о местонахождении старшей дочери Марии Степановны, сначала окончившей Абаканское педагогическое училище, а потом переехавшей на новое местожительство, в Хакасскую область, улус Кривой ложок работать учителем в начальной школе.

Затем уезжает учиться в Абакан, на фельдшерские курсы, дочь Ефросинья и остаётся в городе на постоянное местожительство.

Следующим переезжает из отчего дома работать на шахту в г. Черногорск сын Иван. Случались и досадные моменты, связанные с различными бюрократическими тонкостями делопроизводства.

В 1940 г. Фёкла Васильевна через судебное разбирательство в присутствии судьи Худаноговой доказывает факт своего родства с дочерью Марией 1921 г. рождения. Иск признаётся обоснованным. Предоставленные документы – подлинными, в личном деле матери появляется запись: «Голышева Мария Степановна. 8.11.1921 рождения, происходит от Голышевой Фёклы Васильевны». В 1940 г. рождается восьмой ребёнок в семье – Иван. [2]

Случались прискорбные случаи детской смертности. Так, в семье Качиной Ирины Факеевны умирает девочка Капитолина 1937 г. рождения, о чём 1 ноября 1939 г. Быстрянским сельсоветом выдаётся свидетельство о смерти за № 69458, где в графе «причина смерти» указано – корь. В 1938 г., в семье другой многодетной матери Исаковой Акулины Ивановны умирает седьмой ребёнок, Василий, за которого она ходатайствовала на предмет получения пособия. На основании этого факта в получении пособия было отказано. В семье другой матери восьмерых детей Хаврошиной Акулины Леонтьевны умер сын Владимир

Яковлевич «в результате несчастного случая». Подробно изучив личное дело, участковый инспектор и заместитель председателя с/совета в получении пособия многодетной матери не отказали, на основании того факта, что последнему ребенку в семье, Валентине, 1934 г. рождения на момент происшествия не исполнилось пяти лет.

Пособие по многодетности выплачивалось в период Великой Отечественной войны, наряду с льготами для семей военнослужащих, причём пособие для семей военнослужащих назначалось на момент службы военнообязанного, и могло быть заменено пенсией, причем пособие по многодетности выплачивалось независимо от того, где в период войны находились старшие дети, сохранялся основной принцип назначения: «дети должны быть живы». В семье Исаковой Акулины Леонидовны: старший сын Кирилл, 1920 г. рождения, с 24 августа 1940 г. служил в должности красноармейца в РККА, второй сын Архип, 1922 г. рождения, находился в заключении в Енисейском ИТЛ НКВД. Командир части, где служил Кирилл в 1941 г., выслал на имя Акулины Леонидовны удостоверение, действительное по 1942 г., с возможностью обратиться по месту требования для назначения льгот, положенных семьям военнослужащих. [2]

После положенного освидетельствования и составления акта обследования, семья Акулины Леонидовны продолжала получать пособие по многодетности.

Изменения, связанные с суммами, выплатами ежемесячными и единовременными, происходят в 1944 г. В этом же году появляются почётные звания: «Мать-героиня» и «Орден материнской славы». [1]

Библиографический список:

1. Сайт. Ru. Wikipedia.org. Многодетная семья в России.
2. Музей МОБУ СОШ № 3 им. А. С. Пушкина. Оп 1.

**В. А. Зырянова,
с. Казанцево, Шушенский район**

О жизни поляков в «Стране слёз и льда»

В с. Казанцево сохранился необычный дом, не такой, как все. В нём в кон. XIX – нач. XX в. жила семья ссыльного поляка Людвиг Лисовского. В 1917 г. дом перешёл в ведение сельсовета. В годы советской власти здесь был магазин. Потом, с 1990-х гг. дом пустовал, стоял закрытым.

Недавно он обрёл хозяев, идёт восстановление полуразрушенного старинного строения. Хозяева дома хотят узнать историю жизни ссыльного поляка Лисовского и подробности проживания его семьи в Сибири, в селе Казанцево. Мне, члену клуба родословия и краеведения, тоже интересно об этом узнать. Кто был этот человек? Почему он оказался в Сибири? Как он здесь жил? Как сложилась его судьба?

Обратилась к специалисту музея в Шушенском – В. И. Терентьевой. Валентина Ивановна перенаправила меня к Н. Н. Скоробогатовой. Наталья Николаевна работала с архивами (ГАКК – Государственный архив Красноярского края) по ссыльным полякам и поделилась

со мной собранными материалами. Цифры, даты, факты, фамилии, выписки из церковных книг, плюс то, что удалось найти на просторах интернета. Из всего этого информационного богатства появились ответы на возникшие вопросы, правда, не на все.

Крестьянин Людвиг Константинович Лисовский жил в Минской губернии. Надо сказать, что речь идёт о польской территории. После войны с Наполеоном победители поделили Польшу на три части, и самая большая – досталась России. Таким образом, значительная часть Польши – Речь Посполитая входила в состав России.

Свободолюбивые поляки дважды, в 1831-м и 1861-1863 гг., пытались обрести независимость и избавиться от имперского ига.

По всей территории Российского царства Польского прокатилась волна мятежей и восстаний. Но воевать с Россией было бессмысленно. Каждый раз бунтарские выступления заканчивались поражением повстанцев. Десятки тысяч арестованных поляков были отправлены в составе русской армии воевать на Кавказ, что означало верную смерть. Другим повезло – их отправили в ссылку в Сибирь. Вот почему самый массовый приход поляков в Сибирь, которую они называли не иначе как «страной слёз и льда», пришёлся на 30-60-е годы XIX века. [3]

За участие в мятеже (1863-1864 г.), по конфирмации (утверждению) командующего войсками Виленского военного округа, Лисовский Людвиг был сослан в арестантскую роту в Ярославль на 2 года, а затем – в Енисейскую губернию.

15 июля 1866 г. Лисовский записан как проживающий в деревне Мигна Шушенской волости, находился в с. Разъезжее, занимался хлебопашеством. Было ему тогда 32 года. В 1867 г. получал пособие 55 рублей.

О пособиях удалось найти следующее: Российское правительство оплачивало содержание ссыльных поляков. «Это были небольшие деньги, но их вполне хватало на жизнь – 114 рублей серебром в год. Например, купить избу можно было за 200 рублей, булку хлеба – за 2 копейки, а 1 килограмм китайского сахара – за 40 копеек. То есть жить можно». [3] Строки архивных документов повествуют нам о Людвиге Лисовском: рост 2 аршина 6 с половиной вершков, волосы светло-русые, глаза серые. Вера католическая. Женился в Сибири на православной Анне Ивановне. От этого брака родился в 1873 г. сын Пётр. Жена вскоре умерла.

В 1885 г. Лисовский записан уже в с. Казанцево Шушенской волости. Людвиг Константинович женился вторично, на православной Матрёне Асафовне.

Разберёмся в вопросе брачных союзов поляков, исповедовавших католическую веру, с православными русскими женщинами. У краеведа В. Сухацкого читаем: «Поляки охотно женились на русских девушках. В основном это были молодые мужчины, не связанные брачными узами. Если кто-то из них и был женат, далеко не каждая супруга-полька готова была отправиться с мужем в ссылку в Сибирь, поэтому свою вторую половину молодые люди находили на чужбине. Вот свидетельство, которое нам оставил некий Анджей Дабковский: «Жениться на русской – это счастье, которое не всегда найдёшь на родине. Русские женщины – красивы, трудолюбивы, наивны и целомудренны. Они никогда не изменяют мужьям». [3]

Но у чужеземцев, оказавшихся за тридевять земель, имелась серьёзная проблема: они исповедовали католичество, а их суженые – православие. Официального признания в Си-

бири такие смешанные браки не имели. Поэтому дети в польско-русских семьях считались «нечистыми». Родителей лишали прав на состояние, и им запрещалось уезжать в Польшу».

Н. Н. Скоробогатова по этому вопросу пишет: «Лисовский оба раза был женат на русских женщинах. Смешанные браки не запрещались, однако при этом поляки-католики давали подписку, что дети, рождённые в таких смешанных браках, крестятся при рождении в православной церкви. Так что все дети Людвиг Лисовского были православными, об этом свидетельствуют и записи о венчании».

В 1884 г. родилась дочь Елена, в 1886-ом – сын Николай, в 1893 – дочь Валентина. Младшая дочь умерла в возрасте 4-х лет от крупа, о чём свидетельствует запись в Метрической книге Казанцевской церкви:

«1897 г. май // Об умерших // 4-ого умерла, 5-ого погребена крестьянина с. Казанцевского Людвиг Васильева* Лисовского дочь Валентина, 4 года, от крупа. Приобщена святых тайн в церкви». Скоробогатова Н. Н. поясняет этот момент: «Дочь Лисовского была православной, т. к. была приобщена святых тайн в церкви. Иначе бы её не отпевали и в церковь не заносили».

Обратим внимание на упоминание разных отчеств Людвиг Лисовского – Константинович и Васильевич. (Судя по документам, Людвиг Константинович и Людвиг Васильевич Лисовский – это один и тот же человек. Возможно, он крестился по православному обряду и принял отчество своего крёстного, хотя в то же время имя Людвиг тоже бы поменял? Возможно, просто ошибка. – *Авт.*).

Чем же занимался Людвиг Лисовский, находясь в месте отбывания ссылки? Вот что писала газета «Сибирь» (№ 31) в 1883 г.: «По прибытии в Сибирь поляки не предались отчаянию... стали заниматься торговлей, ремеслами и даже иногда хлебопашеством... Много способствовали развитию ремесел и огородничества... колбасное, кондитерское и некоторые другие производства исключительно полякам обязаны основанием и развитием в Сибири».

Л. К. Лисовский занимался торговлей. В записях архива по Торгово-промышленным заведениям Минусинского округа 1898 г. значится несколько торговых объектов, принадлежавших Лисовскому:

– с. Казанцево. Лавка разными товарами – крестьянин Шушенской волости Людвиг Лисовский, заведует сам. Торговля мануфактурой, мелкими товарами и табаком. Товары получает с Нижегородской ярмарки. Оборот 3 000 руб., чистый доход 300 руб. и оборот 6 000 руб., чистый доход 600 руб.;

– с. Каптыревское. Лавка разными товарами – владелец Людвиг Лисовский, заведует Алексей Казанцев. Торговля мануфактурой и мелочными товарами. Товар поступает из с. Казанцевского от хозяина Лисовского. Оборот 3000 руб., чистый доход 300 руб. Билет 2-й гильдии от 13 декабря 1897 г.;

– д. Саянская. Лавка Людвиг Лисовского, заведует торговлей минусинский мещанин Яков Суворов. Товар получает из Нижегородской ярмарки. Оборот 1200 руб., чистый доход 120 руб.;

– посёлок Даниловского завода (на сегодня с. Знаменка) и посёлок завода М. А. Гусевой (нынешняя Ивановка) – лавка Л. Лисовского, заведовал торговлей минусинский мещанин Яков Суворов.

Кроме того, в 1899 г. Лисовский заведовал ещё и питейным заведением.

Об этом в архивных записях: 1899 г. с Александровского винокуренного завода отпущено вином в питейные заведения. Лисовский прибыль предприятию определил в 9 % в виду особо благополучных условий торговли, при отсутствии конкурента.

Вот что известно о строениях, принадлежавших Людвигу Лисовскому и его супруге [6]:

1. Лисовская Матрёна Асафовна:

дом глаголем / крытый тёсом на 4 ската – 300 руб. (дома оценивались не бумажными ассигнациями, а серебром. – *авт.*).

2. Лисовский Людвиг Васильевич:

– дом глаголем (буквой Г) / на 4 ската – крытый тёсом – 1000 руб.

– поднавес, крытый тёсом – на 4 ската – 50 руб.

– амбар, крытый тёсом – на 2 ската – 125 руб.

– завозни – 2 шт., крытые тёсом – 75 руб.

– амбар 2-хэтажный 5-тистенный, крытый тёсом – 125 руб.

– конюшня, крытая тёсом – на 2 ската – 25 руб.

– баня на 2 ската, крытая тёсом – 100 руб.

В метрической книге Казанцевской Вознесенской церкви есть запись о женитьбе сына Людвигу Константиновичу, Николаю:

«1915 год. 20 апреля. Венчание. – Николай Людвигов Лисовский – минусинский мещанин православного вероисповедания. Первым браком. 29 лет. – Невеста – минусинская мещанская дочь девица Екатерина Федоровна Швецова. Первым браком. – 26 лет. – Поручители по женихе: рыбинский мещанин Алексей Федорович Смирнов и дворянин Ипполит Осипович Громадский. По невесте – титулярный советник Николай Алексеевич Левицкий и минусинский мещанин Елисей Елисеев Лопатин».

И в этом же году ещё одно венчание, теперь уже дочери Лисовского, Елены: «1915 г., август. Венчание – Рыбинский мещанин Ярославской губернии Алексей Фёдоров Смирнов. Православного вероисповедания, первым браком. 33 года. – Невеста – села Казанцевского крестьянская дочь, девица Елена Людвиговна Лисовская. Первым браком. 31 год.

Поручители по женихе: Рыбинский мещанин – Сергей Фёдоров Смирнов и Нарымский мещанин Василий Молодчанинов.

По невесте: с. Казанцево крестьянин Георгий Людвигов Лисовский и минусинский мещанин Людвиг Лисовский».

Выясняя информацию о жителе с. Казанцева Лисовском, интересно было узнать и про других ссыльных поляков, живших в разных уголках Сибири. Оказывается, заметный вклад поляки внесли и в сибирскую кулинарию. Краевед В. Сухацкий пишет: «...многие мариинские трактиры специализировались в те времена на приготовлении исконно польских блюд, таких как бигос, фляки (отварные рубцы), голубцы, судак под соусом, песочное печенье и др. Но «коронными блюдами» являлись разнообразные колбасные изделия. Прежде только местные татары делали из жирной конины вяленую колбасу под названием «казылык». Но спросом она не пользовалась, так как русские считали её «басурманской». А вот колбаса «Краковская», изготовленная местными поляками, подавалась в мариинском станционном буфете как деликатес. Впрочем, поляки тоже кое-что позаимствовали у сибиряков. И прежде всего – пельмени. Один из ссыльных писал: «Вареники с мясом

– самое вкусное блюдо на свете. Я могу съесть их огромное количество. И только смерть способна остановить мое желание кушать их каждый день». [3]

А вот что можно прочесть про село Казанцево в «Энциклопедии Красноярского края»: «В декабре 1871 г. в Казанцевское ссылается поляк Станислав Наперковский за участие в Польском восстании. В селе ссыльный занимался изготовлением колбас. Жители села в основном занимались земледелием, рыболовством, охотой и огородничеством – выращивали озимую рожь, пшеницу, брюкву, капусту, лук». [5]

Вернёмся к нашему Лисовскому. Оказывается, не только торговля интересовала Людвигу Константиновича. По его инициативе, впервые в селе Казанцево, была открыта изба-читальня! А началось всё с одного шкафа с книгами, который стоял в его доме.

Попавшие в Сибирь поляки и у себя на родине составляли наиболее передовую часть общества, в Сибири же, где царил поголовная неграмотность, эти её невольные обитатели становились проводниками культуры и просвещения.

Европейская культура, с которой иноземцы пришли в «страну слёз и льда», оказала существенное влияние на быт, жизненный уклад, менталитет местного населения. Вот ещё один пример такого влияния. Обычно поляки разбивали перед домом цветники. Выращивали георгины, гладиолусы и даже розы. Считалось хорошим тоном на обеденный стол поставить вазу с цветами. Часто молодые люди просто дарили букеты проходящим девушкам. Поначалу сибиряки посмеивались: «Чудят поляки! Нет чтобы редьку перед крыльцом посадить. Ее хоть есть можно». Но спустя некоторое время старожилы тоже стали разбивать палисадники. Выращивали в основном подсолнухи: и цветок красивый, и семечки погрызть можно!

О дальнейшей судьбе Людвигу Лисовского и его семьи после 1917 г. сведений пока найти не удалось.

Дом Лисовских напоминает нам о прошлых временах и событиях.

Библиографический список:

1. Вики Иркутск, стр. История – Польские повстанцы, их вклад в развитие Сибири: <http://wiki.irkutsk.ru/index.php/>
2. Скоробогатова Н. Н. Материалы о ссыльных поляках. Государственный Архив Красноярского края (ГАКК).
3. Сухацкий В. Статья «Сибирские поляки». http://www.gulevich.net/statiy.files/sibirskie_poliaki.htm
4. Шушенская библиотечная система (<http://shushbib.ru/ouska.htm>)
5. Энциклопедия Красноярского края (<http://my.krskstate.ru/docs/villages/selo-kazantsevo>)
6. Страховые описи строений 1903 г. – Описание дома и хозяйственных построек Лисовского

А. Е. Калюга,
п.г.т. Курагино, Красноярский край

Нам есть что помнить: к 30-летию принятия закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»

В 1991 году был принят закон Российской Федерации № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», позволивший восстановить честное имя десяткам тысяч невинно пострадавшим гражданам (далее – закон РФ).

Во исполнение его в 1992 г. Малый Совет Курагинского районного Совета народных депутатов решением от 09.03.1992 № 39 создал комиссию с функциями контроля за исполнением вышеуказанного закона РФ. [1]

В состав комиссии вошли представители: РОВД, районного народного суда, отдела социальной защиты населения, финансового отдела, районного Совета ветеранов, газеты «Заветы Ильича» и др.

Комиссия на своих заседаниях заслушивала службы района об оказании помощи гражданам по реабилитации, рассматривала их заявления на выплату компенсации за изъятое имущество.

Во исполнение Постановления Президиума Верховного Совета РФ от 30.03.1992 № 2610-1 «Об утверждении Положения о комиссиях по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий», в 1994 году постановлением администрации Курагинского района от 20.01.1994 № 20-п было утверждено Положение о комиссии и её новый состав, а председателем назначена заместитель главы администрации района М. Д. Зыкова, исполнявшая эти обязанности около 15 лет. [2]

В состав комиссии были введены: А. И. Фролова – председатель комиссии по выявлению репрессированных граждан районного Совета ветеранов, А. А. Эрбис – председатель общества немцев «Возрождение».

Комиссия проводила большую разъяснительную работу. Сотни граждан лично и по почте обращались по вопросам раскулачивания, изъятия домовладений, сельхозинвентаря, домашних животных и др., а при арестах – охотничьих ружей и патронов.

В большинстве своём главы пострадавших семей не дожили до периода реабилитации. Поэтому необходимо было дать рекомендации каждому их наследнику о получении подтверждающих документов в соответствии с Положением о порядке возврата гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным путём из владения в связи с политическими репрессиями имущества, возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 12.08.1994 № 926.

В ходе реализации закона РФ были и проблемы. Он предусматривал, в том числе, возврат незаконно конфискованного имущества, но на практике сделать это было невозможно – многие домовладения на момент реабилитации были снесены, многие переданы другим хозяевам. Оставался единственно реальный вариант – выплата компенсации из федерального бюджета, которая на порядок была ниже, чем стоимость конфискованного имущества.

Сложно было наследникам собрать и подтверждающие документы об изъятом имуществе, о подтверждении родства.

Сведения об изъятии имущества запрашивались в архивах, в том числе в Курагинском. В 1996 г. из Минусинского архива были переданы документы о применении репрессий и мер административного воздействия к гражданам района в количестве 2064 ед. хр. за 1928-1936 гг. (в том числе 97 дел сельсоветов и 1967 личных дел раскулаченных на территории района).

В данное количество дел входили и 42 дела граждан, которые были высланы на спецпоселение в Курагинский район. Ведь на его территории находился очень крупное спецпоселение – Артёмовский рудник с его подразделением в деревне Усть-Можарка, в которых действовали спецкомендатуры.

Вышеуказанные документы были включены в опись № 3 архивного фонда № Р-1 «Курагинский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет». До этого момента архивные справки по раскулачиванию граждан Курагинского района выдавал Минусинский архив.

Для работы с этими документами администрацией района была выделена ставка специалиста, который вместе с заведующим районным архивом Р. Н. Стонт оформлял архивные справки. Но и эти документы не всегда помогали.

Если в архивных документах не содержалось сведений об изъятии имущества, его наименование, или не была определена часть этого имущества, принадлежавшая родителям заявителя, то и ему приходилось обращаться в суд. А там уже в присутствии двух свидетелей подтверждать имущественные права.

Таким образом, большей части обратившихся за выплатой компенсации пришлось обращаться в суд.

К тому же, согласно разъяснению Министерства внутренних дел, ряд ограничений прав и свобод граждан, не были связаны с политическими репрессиями. Например, не могли быть признанными политическими репрессиями изъятие жилых строений или имущества за неуплату сельхозналога, невыполнение «твердого задания».

Но изучение архивных документов подтверждало, что «твердое задание» зачастую накладывалось на единоличников в пятикратном размере и физически не могло быть выполнено, даже если бы его семья отдала бы всё имущество, которым владело. Но наказание было единственным – изъятие имущества. Поэтому суды в подобных случаях отказывали в положительном решении вопроса.

Тем не менее, районная комиссия приняла 293 положительных решения о выплате компенсации наследникам за конфискованное имущество у родителей.

Данные документы были упорядочены в 2002 г. и в количестве 293 за 1994-2010 гг. включены в опись № 4 архивного фонда № Р-1 «Курагинский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет».

Надо отметить, что компенсация выплачивалась только тем гражданам, у которых родители были реабилитированы и на этот счёт имелся подтверждающий документ, выданный органами внутренних дел. Но многим наследникам этого не удавалось сделать по ряду причин: были утрачены документы, не осталось живых свидетелей; да и многих

наследников первой очереди, которые по закону могли обратиться за компенсацией, не осталось в живых.

За консультацией в комиссию обращались и репрессированные немцы, которые были семьями высланы из республики немцев Поволжья, в том числе в Курагинский район. В тот период они лишились всего – домовладений, хозяйства, своей малой родины. В 90-е гг. прошлого века они смогли получить только справки о реабилитации и компенсации по месту применения репрессий.

Большую работу по восстановлению честного имени земляков проводила А. И. Фролова, дочь репрессированного партизана И. И. Фролова. Она вела переписку с учреждениями, органами внутренних дел, собирала воспоминания граждан. Работала с документами органов ЗАГСа и архивов и на их основании составила Книгу памяти репрессированных граждан района, которая хранится в её личном архивном фонде. [3]

По её сведениям, в Курагинском районе было раскулачено более 2-х тысяч крестьянских хозяйств (более 10 тыс. чел), а по политической статье 58 было осуждено к различным срокам лишения свободы более 1,5 тыс. чел., из них расстреляно около 500 человек.

По инициативе А. И. Фроловой в районной газете «Тубинские вести» публиковались списки репрессированных граждан. По инициативе районной комиссии и районного Совета ветеранов, при поддержке и на средства администрации Курагинского района в п. Курагино в районном парке имени 40-летия Победы в 1994 г. был установлен закладной камень, а в 1996 г. – Памятник жертвам политических репрессий. [4]

Памятник изготовлен из глыбы саянского мрамора серо-белого цвета, высотой 157 см. На нём сделана надпись «Жертвам политических репрессий» и изображено лицо заключённого, наклоненное к кресту. Автор памятника – художник-архитектор, коренной курагинец Пётр Ярусов. [5]

Ежегодно около памятника проводится траурный митинг, посвящённый Дню памяти жертв политических репрессий, установленного в нашей стране 30 октября Постановлением Верховного Совета РСФСР от 18.10.1991 № 1763/1-I, зажигаются свечи в память о безвинно пострадавших. В Курагинском краеведческом музее проводятся встреча реабилитированных граждан с молодёжью, представителями служб района.

По предложению районной комиссии в муниципальных образованиях района также проводятся мероприятия мемориального характера: музеи оформляют выставки документов, в библиотеках формируются подборки литературы, в школах проводятся классные часы с приглашением потомков репрессированных граждан.

Активное участие в районных мероприятиях принимает Курагинский районный Совет ветеранов и местные ветеранские организации.

В 2004 г. районной комиссией для репрессированных граждан была организована поездка в Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартынова.

Специалисты районного архива и музея неоднократно принимали участие в памятных мероприятиях, проходивших в г. Красноярске, организованных Красноярской краевой организацией «Мемориал».

Информация о памятных мероприятиях освещается в районных и региональных средствах массовой информации.

По темам периода репрессий учащиеся школ района совместно с педагогами готовят исследовательские работы и представляют их на конференциях и конкурсах.

В своих работах они используют материалы Книги памяти жертв политических репрессий Красноярского края, которые предоставила Красноярская краевая организация «Мемориал» в районный архив, музей, библиотеку, в сельские, поселковые Советы и г. Артёмовск.

С 1999 г. учащиеся участвуют во Всероссийском конкурсе исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия XX век», где неоднократно становились победителями в различных этапах.

В сборники, издаваемые Красноярской краевой организацией «Мемориал», также вошли работы курагинских школьников: Д. Калюга «Колокол памяти стучит в моё сердце», А. Сметатин «Сибирское село – годы коллективизации».

В 2006 г. на месте бывшего спецпоселения «Усть-Можарская трудовая колония» потомками репрессированных граждан был установлен Мемориальный крест. Ежегодно 6 июля они приезжают со всех уголков страны на свою малую родину, чтобы поклониться могилам своих предков, насильственно высланных в глухую тайгу в начале 30-х гг. XX века.

В бывшее спецпоселение неоднократно были организованы велопробеги учащихся школ района, чтобы 30 октября почтит память репрессированных с выездом на место.

В июне 2017 г. на территории Курагинского района работала историко-культурная экспедиция Красноярского педагогического университета им. В. П. Астафьева под руководством зав. кафедрой «Отечественная история», кандидата исторических наук Е. Л. Зберовской.

Члены экспедиции посещали репрессированных граждан в п. Курагино и с. Маринино, записывали их воспоминания.

Также члены экспедиции проявили большой интерес к документам районного архива. Им была предоставлена возможность исследовать документы Курагинского райисполкома, совхозов «Южный» и «Курагинский».

Член экспедиции, председатель Красноярского краевого общества «Мемориал» А. А. Бабий ознакомился с документами Артёмовского рудника и Усть-Можарского трудпоселения.

В районном архиве были проведены две встречи членов экспедиции с краеведами и представителями служб района, Курагинского филиала Минусинского немецкого общества «Возрождение».

Специалистами архива для гостей была подготовлена выставка, на которой были представлены подлинники документов за 1933-2012 гг., проведена экскурсия по архиву.

Члены историко-культурной экспедиции совместно со специалистами муниципального архива посетили памятник жертвам политических репрессий и возложили к нему цветы.

Для сохранения памяти о пострадавших в период репрессий курагинские архивисты в 2019 г. сформировали и открыли архивный фонд № Р-360 «Коллекция документов реабилитированных граждан», в котором на 01.12.2021 содержится 41 ед. хр. за 1931-2015 гг. (списки репрессированных, их заявления, фотографии и др.)

Также специалистами районного архива подготавливаются статьи о периоде репрессий и репрессированных граждан и размещаются в средствах массовой информации.

На 01.12.2021 год в Курагинском районе проживают 285 реабилитированных граждан и 1 пострадавший от политических репрессий. Службы района оказывают им помощь в реализации прав.

Мы должны помнить всех, кто пострадал от политических репрессий, всех, кто дожил до реабилитации, и не дождался её – сгинул в лагерях и ссылке, на спецпоселениях, в трудовых армиях, расстрелян или погиб на полях сражений в Великую Отечественную войну, не успев обзавестись семьями, родить детей, восстановить своё честное имя.

Библиографический список:

1. Курагинский районный архив. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1611. Л.31.
2. Там же. Ф.Р-1. Оп.1. Д.1662. Л.104.
3. Там же. Ф.Р-178. Оп.1. Д.10.
4. Там же. Ф.Р-178. Оп.2ф. Д.45, 51.
5. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края – Красноярск: Книж. изд-во «Издательские проекты», 2004 – С. 97.

Т. Г. Коваль
г. Абакан, Республика Хакасия

Григорий Хлебников: страницы творческой биографии

(К 100-летию со дня рождения сибирского живописца Г. С. Хлебникова)

В основе краткого обзора творчества художника в рамках искусства юга Красноярского края, используются далеко не все произведения художника, материалы из неопубликованных воспоминаний в стихах и дневниковых записях. Рассматривая творчество художника Григория Хлебникова, кратко коснёмся прожитых лет его жизни, становления и принадлежности к реалистической школе живописи и тематики важнейших произведений, созданных в XX столетии.

Творчество художника вносит вклад в развитие человеческой личности и культуры. Григорий Семёнович Хлебников на протяжении своей жизни сумел создать произведения искусства тех или иных социальных и духовных звучаний.

Он родом из Ермаковского района Красноярского края. Ермаковское – старейшее сибирское село, расположенное на левом берегу притока Енисея – реки Оя. Возникло оно в августе 1829 г., как поселение для ссыльных. Среди переселенцев были крестьяне Вологодской, Тульской, Пермской, Самарской губерний. Из Тульской губернии в XIX в. пришли люди, основавшие деревню Ново-Троицкое. В середине лета 1876 г. к ним примкнула и семья Хлебниковых.

«Дом детства» определил выбор творческого пути художника. Начальный этап творчества живописца характеризуется искренним восхищением природой. В работах прослеживается формирование основного круга тем и мотивов. Главные объекты изображения –

это окраины родного села Ново-Троицкое, картины на «деревенскую тему», зарисовки из жизни односельчан и живописные окрестности таёжных мест. Это малоформатные этюды: «Окраина», «На свадьбу», «Горная речка», «Туман над рекой», «Берёза», «Вечереет» (1950-1960), «Улица в селе Ермаковском» (1980).

«Сколько нужно иметь художественного воображения и любви, без которой талант не проявится, чтоб открыть для других окружающую тебя действительность! Спасибо ему, что рассказал своими картинами, как было при нём. Очень впечатляет картина «Три богатыря» как в бытине, только в современной действительности – о богатырской технике на фоне гор» – пишет посетительница В. А. Лукьянова в книге отзывов выставки «Отражение эпохи» к 95-летию художника в 2017 году.

К профессиональному занятию живописью Григорий Семёнович обратился поздно. Наполненная событиями судьба человека сложилась так, что в молодости его многогранная личность находила себе применение в самых разнообразных сферах деятельности. В селе Разъезжее он закончил семь классов. В 1938 г. поступил в одногодичную школу бухгалтеров, по окончании которой работал по специальности в колхозе «Горный».

И вдруг война. Для Григория начинаются долгие и тяжёлые фронтовые вёрсты связиста. Путь к профессиональному искусству растянулся ещё на один десяток лет. И это десятилетие было важным для становления начинающего художника: талант бурлил, не давал покоя, а самое главное было желание созидать в творчестве. Так что для живописца Г. С. Хлебникова другого выбора не оставалось. Пришлось самостоятельно пройти очень нелёгкий путь от любительского уровня до профессионального мастерства. Этот нелёгкий путь художник воспел в стихотворении «Другу» в 1951 году:

*В трудах мне виден путь
Моей мечты,
Широкий путь, когда же ты,
Мне скажешь в правоте моей
Ты прав мой друг я к ней,
Пришёл, достиг её высот.
Достиг и вот
Теперь могу творить,
И во славе жить.
Лишь только так должно и быть
Поверь и к сердцу всё прими.*

В каждую художественную работу он вкладывал душу, сердце, любовь. И благодаря природному таланту, фейерверк его чувств и ощущений буквально оживал на холсте. В лирических пейзажах «Хакасия» (1976), «Курган» (1978), «Дорога на ферму», «Знаменская степь», «Сосны» (1980), Тополя» (1972) художник воспевал природу.

Он не имел профессионального образования, и не был обучен законам изобразительного языка. Он писал. Но писал интуитивно по правилам живописи. Его ранние работы отличаются не только тонкой технологией изображения, но и мастерством краткосрочного этюда. Художник не замыкался только в собственном творчестве. Григорий Семёнович наблюдал и учился мастерству у художников Красноярского края. В этот период и определились его основные художественные образы, которые впоследствии пройдут через всё

творчество Г. С. Хлебникова. Основными лейтмотивами были: отношение к семейным традициям, быт сибирской деревни, святое отношение к хлебу и труду хлеборобов и к самой личности человека. Особо можно выделить «Натюрморт с хлебами» (1972), «Портрет хлебороба», «Портрет матери» (1973), «Портрет отца» (1970-1980), «Автопортрет» (1989).

Художественная среда и активное участие в городских, краевых, региональных выставках помогали оттачивать мастерство и способствовали движению вперед. Общение с мастерами красноярской школы Тойво Ряннелем, Анатолием Ишхановым, Борисом Рязузовым, конечно, повлияли на дальнейшее творчество: на картинах стали преобладать более светлые оттенки, совершенствовалась и сама техника станковой живописи.

Григорий Семёнович следовал верности натуре и тональной точности. В произведениях «Автопортрет на фоне картины» (1976), портрет чабана на фоне природного ландшафта «Моя Хакасия» (1976) прослеживается переход к ясно построенной композиции.

Григорий Хлебников становится полноправным членом Красноярской краевой организации Союза художников РСФСР в 1975 году. В его творческой характеристике председатель Красноярского Союза художников В. Башмаков отмечал: «...живописец много и целеустремленно работает над повышением профессионального уровня».

Одним из значимых периодов в профессиональной деятельности Г. С. Хлебникова является оформление экспозиций в музеях Абакана и Минусинска. Это создание макетов и диорам – тематических живописных картин с передним предметным планом. И это сотрудничество с музеем им. Н. М. Мартьянова вылилось в долгосрочную дружбу с исторической личностью – Владимиром Алексеевичем Ковалёвым, руководителем Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова с 1971 по 1999 год.

Этот период для художника был заполнен изучением событий нач. XX в. в Енисейской губернии, Минусинского уезда, в состав которого входила Хакасская автономная область. Обращение Григория Хлебникова к тематической живописи на популярные в те годы темы Революции и Гражданской войны, говорит о его внутренней готовности к решению более сложных художественных задач. Живопись стала главным делом его жизни. Особенно впечатляет многофигурная картина «Вступление армии Щетинкина в Минусинск» (1978-1980). В настоящее время она находится в художественном собрании Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова.

Ещё одна серия работ художника в собрании музея – это галерея портретов творческой интеллигенции Хакасии и юга Красноярского края. Среди них «Портрет археолога А. Н. Липского», «Портрет И. И. Павлючек» (1976), «Портрет сказителя С. П. Кадышева» (1988), «Портрет В. А. Тодыкова».

В филиал Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова в 1970-е годы Г. С. Хлебников выполнял портреты декабристов. Облик С. Г. Краснокутского и Н. О. Мозгалевского художник воссоздал по словесным портретам, приведённым в документах Следственной Комиссии и Верховного уголовного суда 1826 года. С темой декабристов связаны две картины автора «Сброшенные кандалы» (1965), (1970-е).

Обращаясь в творчестве к портретам современников, особого внимания заслуживают изображения участников боевых действий и его «Автопортрет» (1989) на фоне фигуры солдата, в которой художник изобразил себя молодым бойцом Красной Армии с автоматом.

Яркий период истории страны – это романтика великих строек: дороги Абакан-

Тайшет, Красноярской ГЭС и строительством юного Дивногорска, Саяно-Шушенской ГЭС. Художники тогда были увлечены грандиозными переменами. Эта тема у Григория Хлебникова представлена серией индустриальных пейзажей и портретами передовиков: «Портрет мастера ГЭС» (1978), «Карлов створ» (1970), «Мраморная гора» (1973), «ГЭС строится» (1973), «Майнская ГЭС строится» (1979), «Рабочий день на ГЭС» (1980) и другими не менее значимыми произведениями, посвящёнными сибирским рекам, Буйбинскому горному перевалу.

Высокого гражданственного звучания Григорий Семёнович стремился достичь в образах первопроходцев в нелёгкое военное время. Это Трасса мужества от Тайшета к Абакану. Герои картины «Тройка» (1970-е) покорители Сибири – инженер Алексей Журавлёв, техник Константин Стофато под руководством Александра Кошурникова. На этом историческом полотне навечно запечатлены суровые, решительные, сильные и мужественные люди. Монументальность образов, цветовая и пластическая обобщённость фигур подчеркивает подвиг этих людей. В процессе работы над полотном «Тройка» Григорий Семёнович пишет «Портрет А. М. Кошурникова» (1973). В картине прототип образа художник писал с Михаила Болезина, имеющего сходство с первопроходцем трассы.

В творчестве сибирского художника Григория Хлебникова главный герой – человек, его жизнь в обществе, в социально-экономической и культурной среде, которые были характерны для того времени. Его работы – это веяние эпохи XX в., в которой он жил и творил. Поэтому молодым поколениям Григорий Семёнович оставил галерею работ, рассказывающих не только о творчестве самого художника, но и об истории страны того времени.

**Е. Л. Кривоносова,
г. Черногорск, Республика Хакасия**

Интеграция женщин в общественную и производственную деятельность на Черногорских коях в 1920-1930 гг.

В процессе форсированного наращивания советской промышленности в годы первых пятилеток и развития угольной промышленности в Хакасии перед руководящими и планирующими органами государства вставала острая потребность в расширенном пополнении состава рабочих и служащих. [1, с. 46.] В том числе и женщин. Участие представительниц слабого пола в общественно-политической жизни, вовлечение в промышленное производство началось сразу после революций 1917 г.

27 мая 1917 г. избирательным правом наделялись российские граждане, достигшие 20 лет обоюбого пола всех национальностей и вероисповеданий. [2]

26 октября 1917 г. законодательно закреплялось «Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручалось комиссиям в тесном единении с массовыми организациями», в том числе работниц. [3]

После Октябрьской революции устанавливалось юридическое равноправие полов, отменялась дискриминация женщин, что само по себе предполагало вовлечение их в обще-

ственное производство. Этому также способствовали женотделы, организованные при местных комитетах ВКП(б). Они ставили задачу – воспитание женщин в духе социализма.

Реальная работа женотдела на Черногорских коях началась в 1920 году. Так за период с декабря 1920 г. по 1 апреля 1921 г. было проведено 14 субботников и воскресников: «Обшили 532 человека. Сшили 46 полушубков, 6 халатов, 10 матрацев. Вывезли из машинного отделения и других мастерских 746 таратаек золы и мусора, нагрузили плахами 45 вагонов. Очистили 80 звеньев пути, выбелили клуб и несколько квартир. Убрали горелый лес после пожара». Очищали железнодорожные пути. [4]

Сибирское бюро центрального комитета Коммунистической партии с 1922 г. выпускало журнал «Красная Сибирячка» для крестьянок и работниц региона. В первом августовском номере упоминается черногорский (копейский) райженотдел в составе Минусинского уездного отдела. [5]

Одной из действенных форм работы были выборные женские комиссии или делегатские собрания при городских и сельских Советах. На Черногорских коях такое делегатское собрание было избрано осенью 1923 г. в составе 64 человек. Делегатское собрание копей включало кроме жительниц Черногорска, также проживающих на Калягинских и Изыхских коях и Аскировской пристани.

В период с октября 1923 по октябрь 1924 г. было проведено 48 собраний, со средней посещаемостью от 50 до 60 человек. Из них 33 члена ВСГ (Всероссийский союз горнорабочих), 48 членов кооперации, 37 членов МОПРа (Международной организации помощи борцам революции), 38 членов воздухофлота, 33 члена клуба. Комсомолок – 20, ленинок – 11 человек. [6]

Таким образом, каждая из делегаток состояла в нескольких общественных или политических организациях. Вели культпросвет деятельность. За отчётный год провели три спектакля, средства от показа которых перечислялись в пользу МОПРа, детей детдома. Оказывалась материальная помощь в пользу красного воздушного флота. Так, на районной делегатской конференции работниц Черногорских копей из 34 присутствующих 32 оказали воздушному флоту «посильную лепту». Шахтёрка Анисимова пожертвовала свой золотой крест, Балагизова – большой серебряный «поповский» крест, Полынская – золотое кольцо, Вассенова Татьяна – серебряный браслет. Жертвовали не только свои украшения, но и собрали 25 руб. 10 коп. деньгами. Семь женщин вступили в «Общество друзей Воздушного флота».

Делегатки активно участвовали в мероприятиях профсоюзов и коммунистической партии. Организовывали и собственные. Например, самостоятельно провели празднование 8 марта в память о Конкордии Николаевны Самойловой (Громовой). (Российская революционерка, деятель женского пролетарского движения, основательница журнала «Работница». – *Прим. авт.*).

По мере активизации работы среди женщин число делегатских собраний и количество их участниц возрастало. В 1925/26 г. в городах и рабочих посёлках Сибири насчитывалось 115 делегатских собраний, а в 1928/29 г. – уже 199 собраний, в которых участвовало около 8,4 тыс. женщин. [1, с 50.]

Срок избрания делегаток, начиная с 1923 г., составлял один год. Этот институт находился под пристальным вниманием партийных органов. Так, Сибирский краевой комитет

ВКП (б) в преддверии перевыборов 1929 г. призывал переводить работу делегатских собраний «на новые рельсы». Они должны были стать «проверочной формой работы в деле организации женских масс, вовлечения их в практическую работу социалистического строительства во всех областях». [7]

Уже в 1929/30 г. число делегатских собраний в Сибири возросло до 286, в них работало более 10,9 тыс. женщин. [1, с. 50]

Одним из условий равенства женщины в семье являлось предоставление ей возможности зарабатывать денег своим трудом, в том числе и на производстве.

В трудовых коллективах Черногорских копей в декабре 1920 г. количество рабочих и служащих было 436 человек, в том числе 35 женщин. [8] Что составляло 8 % от общего состава работников.

В 1930 г. в угольной отрасли Хакасии из 2350 работников было 349 женщин или 14,9 %, в 1931 г. из 3361 чел. – 700 женщин или 26,9 %.

После принятых Хакасским обкомом ВКП(б) ряда решений о перестройке делегатских собраний по производственному признаку работа ухудшилась. Стало снижаться количество делегаток. Так, в 1932 г. на Черногорском руднике организовано всего 10 делегатских собраний. Из 23 делегаток на шахте № 3 осталось 6, на шахте № 8 из 23 осталось 11 чел., в стройцехе – 24 из 40, в мехцехе – 11 из 25. Среди причин – слабая работа райкомов. Так, в течение 1932 г. в Черногорских копиях ни разу не заслушивался доклад о работе среди женщин. Плохие бытовые условия, текучка кадров. На 863 работницы были организованы на копиях всего 1 ясли. [9]

В январе 1935 г. в Хакасском рудоуправлении числилось 2793 чел. персонала, в том числе 666 женщин, что составляло 35 % от общей численности. Из них 1 горный мастер, 37 служащих (без ИТР), 552 рабочих, 40 учениц, 36 младшего обслуживающего персонала. [10] Рост количества занятых женщин в угольной отрасли за 15 лет составил 27 %.

Между тем, Генеральная конференция Международной организации труда, проходившая в Женеве 4 июня 1935 г., приняла Конвенцию № 45 о запрете применения труда женщин на подземных работах. Статья 2 звучала так: «...ни одно лицо женского пола, каков бы ни был его возраст, не может быть использовано на подземных работах в шахтах». Однако её положения вступили в силу после выхода 31 января 1961 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР о её ратификации.

Подводя итог, следует отметить, что делегатские собрания, в том числе и на Черногорских копиях стали местом общественно-политической и культурной социализации женщин. Даже несмотря на низкую квалификацию женского труда, в угольной промышленности в период первых пятилеток состоялась интеграция женщин в общественное промышленное производство и изменение социального статуса.

После 1933 г. делегатские собрания перестали созываться, свою роль в формировании новой социалистической женщины – работницы они успешно выполнили.

Библиографический список:

1. Исаев В. И. Вовлечение женщин в общественную жизнь и промышленное производство в условиях индустриального освоения Сибири (1920-е – 1930-е гг.) // Деятельность государственных организаций по индустриальному освоению Сибири в XX – нач. XXI вв. Сборник научных трудов.

Вып. 2. Новосибирск, 2010. С. 46.

2. Временные правила о производстве выборов губернских и уездных земских гласных // URL: [www.http://museumreforms.ru/node/13770](http://museumreforms.ru/node/13770). 24.10.2021.

3. Декрет II Всероссийского съезда Советов об образовании Рабочего и Крестьянского правительства // Декреты Советской власти. Т. I. – М., 1957. С. 20.

4. На красную доску // Голос коммуниста. – 1921. – № 11 (8 мая). – С. 2.

5. По Минусинскому уезду // Красная Сибирячка. – 1922. – № 1. – С. 89.

6. Черногорские копи // Красная Сибирячка. – 1934. – № 10. – С. 16.

7. К перевыборам делегатских собраний работниц и крестьянок // Известия Сибирского краевого комитета ВКП. – 1929. – №13-14. – С. 2.

8. ГАКК. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.

9. Хакасия отстаёт // Красная Сибирячка.

10. Вторая угольная база СССР. Ч. 3: Кузбасс в цифрах. – Новосибирск. – 1935-1936. – С. 60.

И. А. Максимова,
г. Абакан, Республика Хакасия

История затопленных поселений: Бузуново

Тема затопленных в результате индустриального развития страны территорий продолжает отдаваться болью у тех, кто помнит свои родные, ушедшие под воду населённые пункты. Одним из 20 затопленных при строительстве Красноярской ГЭС населённых пунктов Краснотуранского района была деревня Бузуново, некогда крупная казачья станица. Как отметил исследователь Черников, от казачьей станицы Бузуново остался лишь рыхлый песок [19, с. 253].

Русское поселение Бузуново, располагавшееся на правом берегу Среднего Енисея, обязано своим появлением освоению и закреплению завоеванной Россией территории Енисейского края и основано спустя несколько десятилетий после построенного в 1707 г. первого форпоста России в Минусинской котловине – Абаканского острога. В вопросе точного времени возникновения поселения Бузуново нет достаточной ясности: в государственных документах по учёту населения нач. XX в. не указан год его образования [14, с. 288; 13, с. 72; 15, с. 565]. В настоящее время считается, что Бузуново возникло в 1780 г. как казачья станица и считалось центром Абаканского казачества [21, с. 360]. При исследовании различных источников по основанным служилыми людьми поселениям Минусинского края выяснилось, что до 1737 г. ими основаны Ульянова, Кривошеинная, Пойлова, а ещё через 10 лет – Сорокино, Худоногова, Туранова, Козлова и Пчелина [18, л. 2-2об.]. Предположительно, именно Туранова являлось поселением, которое позднее стало называться Туранском, Бузуновой, Бузуновской. Названо оно так было из-за близости от поселения горы Туран. Археолог Сосновский Г. П. указывал, что «д. Бузунова расположена у берега небольшой протоки в долине, окаймленной горами: с севера – Тураном, с юга – Тепсеем, а с востока такими же красноцветными возвышениями с крутыми скалистыми склонами, обрывающимися в сторону реки [11, с. 127]. Известно, что «имелись дорожные трудности – пути сообщения между Абаканском и Бузуновой неудобны вследствие горы (гора Туран,

подъём на которую до 3 вёрст)» [9, с. 131]. В XIX в. поселение именовалось Бузуновский, (Туранск), форпост [5, с. 25]. Таким образом, у поселения было два названия.

Ясности в вопрос точной датировки поселения не получено при изучении работ исследователей Сибири Мессершмидта Д. Г., Гмелина И., Палласа П. С., побывавших в разные годы в Абаканском остроге, но не упоминавшим об этом поселении. Значительно позднее, летом (27 июля/8 августа) 1842 г. географ и геолог, почётный член Русского географического общества П. А. Чихачёв, находясь в научной командировке в Сибири, по пути из Минусинска в Абаканск, побывал в Туранске (Бузуново). Вся местность, по словам путешественника, вокруг Тубы неровная. «На небольшом расстоянии от деревни Туранск, где мы переменили лошадей (в 20 верстах от Городка и в 30 верстах от Абаканска), перед нами вновь появился Енисей. От Туранска первые 12 верст мы ехали по довольно гористой местности, где холмы отделяются друг от друга глубокими расщелинами. Эти холмы и расщелины весьма живописны, и формы их становятся более разнообразными по мере приближения к Енисею» [20, с. 234].

В истории поселения много неясного, вымышленного. Считается, что своё название Бузуново получило от фамилии дворянина Бузунова, переселившегося сюда с сыновьями. По легенде, Бузунову в сер. XIX в. дали землю в собственность, однако документы затерялись при пересылке, в результате дворянин превратился в обычного переселенца [21, с. 360]. Но согласно 5-й ревизии 1794 г. в деревне Бузуновой, которая находилась в ведении Минусинской земской избы, состояло 3 души государственных крестьян с фамилией Бузунов – «дер. Бузунова: Бузунов 3 души» [3, с. 32; 4, с. 31]. Получается, уже в кон. XVIII в. поселение называлось д. Бузунова. Кроме того, предположение в книге Субботина В. А. о том, что ранее это поселение именовалось «Худоногово» [16, с. 179] не имеет под собой оснований, т. к. в 1844 г. императором Николаем I был подписан указ «о переименовании Худоноговой заимки состоящей Минусинского округа Тесинской волости в деревню Жерлык...» [1, л. 40]. В настоящее время с. Жерлык существует в составе Минусинского района.

Из ведомости о сборе хлеба бузуновскими крестьянами в магазины Минусинска, приводимой в делах Минусинского волостного правления за 1801-1817 гг., становится известно о численности и составе населения д. Бузуновой: крестьянских 3 души, 1 двор, отставных – 3 души, 2 двора [4, с. 104].

Речь идёт о душах мужского населения. В XIX-XX вв. наблюдается динамика по развитию поселения, росту числа жителей. Если по ревизской сказке 1850 г. в д. Бузуновой проживало 66 душ муж. пола, 61 жен. пола [ГА КК Ф. 160, Л. 103], в 1859 г. в форпосте казачьем Бузуновой, стоящем в 47½ верстах от окружного города, было 27 дворов, 269 жителей муж. пола, 288 жен. пола [13, с. 40], в 1883 – 57 крестьянских дворов, хозяйств – 83, 186 муж. душ, 188 жен. душ [5, с. 20], в 1910 г. – уже 70 дворов, 230 душ муж. пола, 228 душ жен. пола [14, С. 288]. По следующей переписи в станице уже 520 душ обоего пола (приписн. и проч. – 258 муж., приписн. и проч. – 269 жен.), а также наличие различн. хоз-в: старожильч. (1), переселенческ. (5), прочих (86). Были и хозяйства без всякого скота (3) [12, с. 72, 73] – один из самых низких показателей бедняцких хозяйств в Абаканской волости. В советское время в селе хозяйств было уже 234 хозяйства, население – 1162 чел. [15, с. 565]

Жители казачьей станицы занимались скотоводством, хлебопашеством, рыболовством, бахчеводством, выращивали табак. На островах (Берёзово, Туранск, Барково и др.) летом пасли лошадей. Казаки несли военную службу, были причислены к 6-й конной сотне Енисейского полка, которая комплектовалась казаками Каратузской (Шадатской), Суэтульской станиц, Бузуновского и Алтайского форпостов и окрестных посёлков. Постепенно превращаясь в государственных крестьян после начатой в 1871 г. очередной реорганизации казачьей службы и жизни, казаки «безотлучно несли службу на кордонах и постах Усинского пограничного округа [2, с. 11].

Поселение было одним из пунктов этапа Абаканское – Минусинск, по которому следовали заключённые в тюрьмы Минусинского уезда. Подножие горы с глубокими ямами напротив станицы называлось Этапским. По этому логу пролегла дорога, по которой этапировали заключённых через Листвягово в Бузуново с остановкой в бузуновском ночлежно-тюремном помещении временного пребывания – каменном каземате, в котором и пол был каменным. Летом 1891 г. года был подан рапорт Енисейскому губернатору о том, что в этапной тюрьме, где нет стёкол в нескольких помещениях, «ветер свободно проникает под пол всего здания» [7, л. 3], которому требуется серьёзный ремонт. «Нары по объяснению содержателя этапа частью взяты солдатами в свою комнату, где нар при устройстве этапа не было, а частью сожжены секретно арестантами в печах во время холодов» [7, л. 3]. Ремонт был выполнен в том же году, но не на 150 обещанных рублей, а на 28 из выделенных 29 рублей 20 копеек. Источник позволяет узнать имена казаков, предположительно, жителей станицы, которые выступали понятыми при освидетельствовании здания тюрьмы: Д. Бузунов, Д. Лалетин, А. Марьясов, а также грамотный казак А. Кокорин, который расписался за себя и за остальных неграмотных понятых. В советское время каменное здание тюрьмы использовалось как круглогодичный склад продуктов, которые можно было приобрести за трудодни, а перед затоплением разобрано, перевезено и использовано для фундаментов зданий.

Бузуново относилось к Абаканскому Вознесенскому приходу. В поселении была деревянная церковь с двумя куполами. Позднее, в 30-е гг. XX в. колокольня храма была спилена, церковь частично разрушена, остатки строения переделали в клуб, а затем – в школу, которая была вплоть до затопления [17]. В станице была открыта одноклассная министерская школа, имевшая собственное школьное деревянное здание. Станица являлась почтовой станцией.

С пер. пол. XIX в., в связи с массовым добровольным переселением крестьян из западных губерний России, в селе появились белорусы, мордва (мокша и эрзя), что повлекло за собой и изменение уклада жизни станицы. В XX в. этнический состав поселения стал разнообразнее: в Бузуново проживали чуваша, хакасы. В 40-х гг. сюда приехали эстонцы, литовцы, немцы. Жизнь в селе протекала без этнических обострений.

События пер. пол. XX в. внесли серьёзные изменения и в жизнь Сибири. 1914 г. – начало Первой мировой войны, а также протестных волнения и в стране, и в Сибири. В июле 1914 г. в Енисейской губернии наиболее крупные выступления запасных произошли в Усть-Ербе, Батенях, Абаканском, Бузуновой, Городчанском. Сильное репрессивное воздействие на казачество оказывалось с начала существования советской власти в стране. В 1918 г. казаки Бузуновской станицы сформировали дружину во главе с командиром

– урядником Енисейского казачьего войска Я. М. Бузуновым – для борьбы с красными бандами. На территории Бузуново проходили бои партизанских соединений Кравченко-Щетинкина с белогвардейскими подразделениями. По воспоминаниям жителей села, артиллерийскими снарядами было сожжено здание школы и повреждён каменный склад казака Соловьёва. Одна из тяжелейших страниц истории села – бой в сентябре 1918 г. сосредоточенных в станице частей белой армии и армии Щетинкина. Один из участников тех событий вспоминал: «Бой был сильный. В селе были сосредоточены отборные части белых. С особым упорством дрались казаки, так как чувствовали всю свою вину перед трудовым народом и пощады от партизан не ждали. Не выдержав нашего натиска, белые подожгли село и отошли. С ними ушли все казаки вместе с семьями. На все Бузуново осталось всего семь семейств, не приписанных в казачество [6, с. 57]. Многие казаки к концу Гражданской войны эмигрировали в Китай и Монголию (Иванов Н. М., Коробкин А. Н., Бузунов Я. М. и др.).

Образованные в селе, в годы коллективизации, два колхоза «1 Мая» и «Память Ленина» объединились к 1935 г. в колхоз «Память Ленина», вошедший в 1967 г. в состав Восточенского совхоза.

В 30-е гг. репрессии, в том числе и казаков, продолжились с новой силой. В 1937 г. было сфабриковано дело № 4624 Бузунова Я. М. о контрреволюционной организации (31 чел.), в котором фигурировали, в основном, жители села. В том числе 12 человек из семейного гнезда Бузуновых. Чекисты не поленились искать и найти Бузуновых по всему югу края и слепить из них контрреволюционную организацию. Все они 22 октября 1937 г. приговорены к расстрелу «тройкой» УНКВД по Красноярскому краю.

В годы Великой Отечественной войны более 90 бузуновцев погибло на фронте. В 1944 г. в Бузуново появился один из 5 организованных в районе детских домов. Написанное в 1944 г. письмо из Бузуново показывает состояние дел в селе и циничное отношение руководителей колхоза к семьям, находящимся на фронте красноармейцев. «У нас работает председателем колхоза эвакуированный из Кубани некто Мурыгин и его помощник Верьясов Василий. Клавдия написала Ивану письмо, что они хлеб тащат и продают. Она просит, ей не дают, даже на детей. Ваня написал в райком, чтобы помогли семье. Райком пишет в сельсовет, а он узнал об этом и создал для Клавдии такие условия, что она каждый день плачет» [10, с. 95]. В письме приводятся факты злоупотреблений, угроз руководителей по отношению к жителям, способы уйти от ответственности в условиях военного времени. Автор письма с горечью пишет, что «много сменилось руководителей, но такого паразита ещё не было».

5 сентября 1960 г., в связи с предстоящим затоплением водохранилища Красноярской ГЭС, Краснотуранским райсоветом было отведено место для нового населённого пункта. Переселение началось весной 1964 года. Срубы домов соединялись скобами, опутывались проволокой и перевозились. Участница тех тяжёлых событий Красикова Л. М. (урожд. Гужева) вспоминала: «Это надо было видеть, когда пыль столбом, 1 или два трактора на канатах везут дом, весь опутанный и обмотанный, а сзади идут его хозяева не видя дороги от слёз и рыданий». Часть домов была разобрана (подписывали каждое бревно), потом опять собирали в новом селе. После того, как жители перевезли дома на новое место, им предоставили полевые будки для жилья в Бузуново, а на колхозных лошадях они ездили

восстанавливать свои дома. Люди испытывали страх, горечь, но, объединённые общим горем, все жители стойко держались, поддерживали друг друга. После переезда в новое село школьников ещё в течение какого-то времени возили в школу в Бузуново. Затопленные Бузуново и расположенная в нескольких километрах д. Дмитриевка, вошли в состав села Восточное. Часть с. Листвягово была затоплена, поэтому несколько семей переехали в Восточное. Некоторые дома в силу ветхости не перевозили, а в с. Восточное построили 6 двухэтажных домов для переехавших семей. Небольшая часть жителей переехала в другие сёла и города Красноярского края. Подготовка зоны водохранилища Красноярской ГЭС началась в 1962 г. и продолжалась до 1967 года. В сентябре-октябре того же года уровень воды в водохранилище достиг отметки – 243. Всё ушло под воду безвозвратно...

12 октября 2019 г. на берегу Красноярского водохранилища, рядом с местом расположения затопленного поселения Бузуново состоялось торжественное открытие памятного знака – гранитного обелиска. Устанавливали обелиск и флажок потомки казаков, участвовали в открытии бывшие жители Бузуново и казаки Особого Минусинского казачьего округа им. В. В. Наумова. Под звуки казачьего гимна бывшие жители Бузуново вспоминали свою малую родину и договорились ежегодно в августе (в это время село перестало существовать) встречаться именно на этом месте.

Источники и библиографический список:

1. АГМ Ф.15 Оп.1 Д.85 Л.40.
2. Байкалов С. «Служилые люди» на сибирских просторах / С. Байкалов // Абакан. – 2019. – 31 июля – 6 авг. (№ 30).
3. Ватин В. А. Село Минусинское: исторический очерк / В. А. Ватин. – Минусинск: Типография А. Ф. Метёлкина, 1914. – VI, 179, [2] с.
4. Ватин В. А. Минусинск. Исторические очерки / В. А. Ватин. – Минусинск, 2018. – 635, [1] с.
5. Волости и населённые места 1883 года. Вып. 10-11. Тобольская и Енисейская губернии. – СПб., 1895. – С. 25.
6. Воспоминания участников гражданской войны в Минусинском уезде / ХакНИИЯЛИ. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. – 104 с.
7. ГА КК Ф.595. Оп.60. Д.152, 25 л.
8. ГА КК Ф.160. Оп.3. Д.415. Л.103
9. Краткое описание приходов Енисейской епархии: репринтное воспроизведение издания 1916 г. – Красноярск: Краевед, 1995. – 243 с.
10. Круподер О. В. Всё начиналось с уездных уполномоченных (о деятельности органов государственной безопасности Хакасии с середины 1920-х до середины 1950-х годов). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2012. – 176 с.
11. Сибирская живая старина: этнографический сборник: в 4 т.: в 9 вып. / [под ред. М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова]. – Репр. изд. 1923-1929 гг. – СПб.: Альфарет, 2008. – Т. I.: вып. 1, 2. – 618 с.
12. Списки населённых пунктов Енисейской губернии и Урянхайского края: сост. по дан. Всероссий. с.-х. и гор. переписи 1917 г. и по др. исследованиям 1916-1919 гг. – Ч. 1. Списки, итоги и алфавитный указатель. – [Б. и.], 1921. – 174 с.
13. Списки населённых мест Российской Империи, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел по сведениям 1859 года. Т. LI. Енисейская губерния. – СПб., 1864. – 74 с.
14. Список населённых пунктов Енисейской губернии (с приложением списка русских поселений в Урянхайском Крае и схематической карты волостей Енисейской губернии). – Красноярск: Енисейская губернская типография, 1911. – 422, [3] с.

15. Список населённых мест Сибирского края [в 2 томах]. Т. 2 Округа Северо-Восточной Сибири / Сибирский краевой исполнительный комитет: статистический отдел. – Новосибирск: [б. и.], 1929. – 952 с.

16. Субботин В. А. Абаканский острог – форпост России на юге Сибири: [эссе] / В.А. Субботин: 300 лет спустя. – Абакан: [б. и.], 2007. – 320 с.

17. Фокина Е. Казачья станица: [о селе Бузуново] / Е. Фокина // Эхо Турана. – 2014. – 10 октября (№ 41).

18. ЦГАДА. Ф.199. Оп.2. Д.516. Ч.2. Л. 2-2об.

19. Черников В. В. Памяти затопленных деревень... // Мартыановские краеведческие чтения: сборник докладов и сообщений / Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова. Вып. IX. – Минусинск, 2016. – С. 253.

20. Чихачёв П. А. Путешествие в Восточный Алтай. 1842 г. / пер. с франц. – М.: Наука. Главная редакция восточн. литературы, 1974. – 358, [2] с.

21. Энциклопедия Красноярского края. Юг / [рук. проекта, гл. ред. Л. Н. Ермолаева; ред.-сост.: В. Л. Воробьев, В. Г. Чернышёва]. – Красноярск: Буква С, 2008. – 591 с.

**Д. А. Новолоцкая,
г. Минусинск**

Роль волонтеров Минусинского медицинского техникума в организации донорства крови юга Красноярского края

Донорство крови и её компонентов – это свободно выраженный добровольный акт, патристический долг каждого здорового человека. Оказание помощи людям в тяжёлых ситуациях в различной степени определяется наличием у государства запаса донорской крови. В настоящее время учёные активно заняты поисками заменителей донорской крови, которые можно было бы получить искусственным путём. Однако пока такие заменители не найдены.

Актуальность темы: проанализировать реализацию проекта «Сдай кровь – подари жизнь», который работает уже 5 лет в Минусинском медицинском техникуме.

Цель данной статьи: изучить пропаганду развития безвозмездного донорства крови и её компонентов среди молодёжи Минусинского медицинского техникума (далее – ММТ) и других учебных заведений и пополнение резерва крови в Красноярском краевом центре крови №1, Минусинского филиала.

Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи:

– проанализировать методы пропаганды донорства крови среди студентов техникума, как акта гуманизма и проявления добродетели;

– проанализировать методы привлечения к донорству крови студентов ММТ и студентов других учебных заведений города;

– изучить точки контакта с работой центра крови №1 Минусинского филиала;

– проанализировать количество сданной крови за 2016-2021 учебный год и число участников акций.

Объект исследования: проект ММТ «Сдай кровь – подари жизнь».

Предмет исследования: реализация проекта ММТ «Сдай кровь – подари жизнь» .

Методы исследования:

- теоретический: анализ методов пропаганды донорства крови в ММТ;
- статистический: сбор, обработка и анализ статистического материала по результатам акций крови за 2016-2020.

Гипотеза: привлечение студентов к донорству крови решает проблему нехватки донорской крови и её компонентов.

Социальная значимость: данная работа может быть использована студентами медицинских техникумов и колледжей, так же работниками медицинских учреждений для организации пропаганды донорства среди населения.

Кровь – это удивительная жидкость. С незапамятных времён люди поняли какое важное значение для организма имеет кровь. Что будет с животным или человеком, если он потеряет много крови? Он погибнет. В связи с этим кровь наделили магическими свойствами.

Кровь – общественный ресурс, который должен быть общедоступен. Донорская кровь нужна для обеспечения лечебных учреждений необходимым объемом препаратов крови отечественного производства.

Участниками проекта являются преподаватели и студенты I–IV курсов ММТ. Назначение и применение проекта заключается в информированности населения и молодёжи о донорстве крови. Проводятся анкетирование студентов о проблеме донорства крови, акции о добровольной сдаче крови и её компонентов путём раздачи рекламных буклетов, лекции и беседы в средних специальных учебных заведениях. Оформляется информационный стенд, размещается информация на сайте техникума и в социальных сетях.

Итоги реализации проекта «Сдай кровь – подари жизнь».

В начале нового учебного года мы выбираем инициативную группу из 5-6 студентов волонтеров. Пропаганда донорства крови начинается с первых дней поступления в наш техникум. На встречах со студентами первых курсов, волонтеры подробно рассказывают о значении донорства крови, о правах и льготах донора и правилах подготовки к донации крови. У нас отработан сценарий с показом короткого фильма о значении донорства крови. Студентов, желающих сдать кровь, много, но не все могут по состоянию здоровья.

Мы участвуем в акциях по добровольной сдаче крови и её компонентов.

Акции проводим не в один день, а в течение 7 дней. Такое разделение по времени позволяет охватить большее количество обучающихся.

В нашем техникуме сегодня учатся 59 постоянных доноров крови. Количество их может меняться в связи с выпуском. У постоянных доноров свои графики сдачи крови. Центр крови извещает их через СМС. Доноры крови всегда знают свой уровень гемоглобина, вес и могут сравнивать своё физическое состояние.

Активная пропаганда донорства крови реализуется проведением бесед, лекций, квестов в Минусинском сельскохозяйственном колледже, Минусинском педагогическом колледже им. А. С. Пушкина и Минусинском медицинском техникуме. Результатами этой работы является последующая донация крови студентами.

Мы защищали свой проект на конкурсе проектов города «Территория 2020», по результатам которой был получен грант на покупку футболок и браслетов и получили денежный приз и 2 место.

Выступление в СМИ, на местном телевизионном канале «ТОН».

В декабре 2019 г. была открыта выставка «Даруя кровь – спасаешь жизнь». Выставка посвящена почётным донорам-медикам города Минусинска, преподавателям и студентам – донорам нашего техникума. Выставка имеет познавательную и просветительную функции.

На мероприятиях, посвящённых Донору России, награждаем своих участников благодарственными письмами администрации Центра крови и браслетами «Я донор крови».

Каждую информацию по донорству крови размещаем на сайте ММТ.

Участие студентов в акциях по годам:

2016-2017 учебный год – приняли участие 54 человека и сдали 24 литров 300 мл крови;

2017-2018 учебный год – приняли участие 52 студента и сдали кровь 23литра 400 мл;

2018-2019 учебный год – приняли участие 53 студента и сдали кровь 23 литра 850 мл;

2019-2020 учебный год – приняли участие 57 студентов и сдали кровь 25 литров 650 мл;

Из них участвовали в Акции к универсиаде в феврале 2019 года 24 человека и сдали 10 литров 800 мл;

2020 – 2021 учебный год – во время пандемии донация крови продолжалась постоянными донорами.

В декабре 2020 г. участвовали в акции «По велению сердца» 23 обучающихся и сдали 10 литров и 350 мл.

Данные статистики по донорству крови среди студентов Минусинского медицинского техникума

В процессе проведения данного исследования, после сбора статистических данных и их обработки были получены следующие результаты:

– за период с 2016 по 2020 гг. наблюдался взлёт и падение численности доноров, участвующих в акциях;

Диаграмма 1

Количество доноров в период с 2016 по 2020 г.

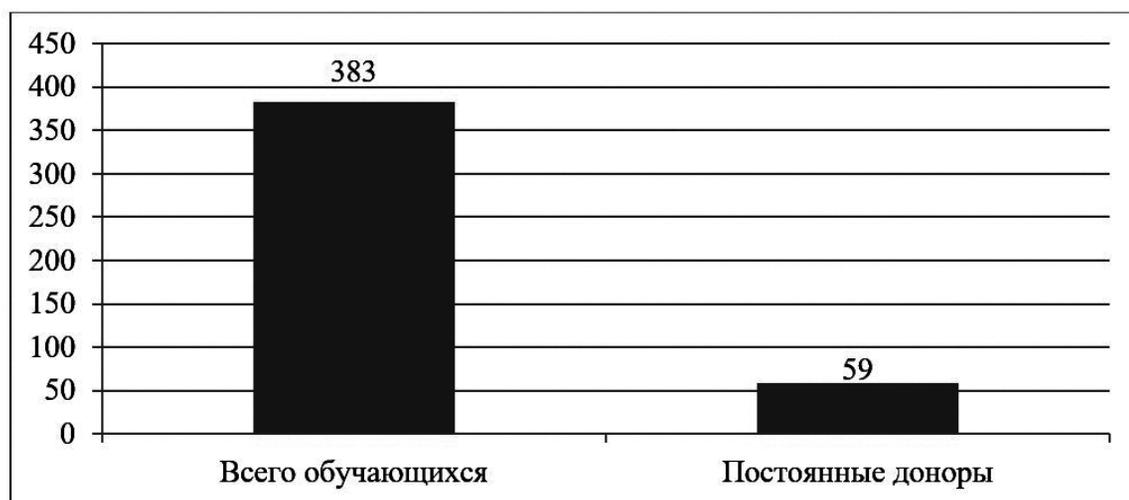

– наибольшее количество доноров, участвующих в акциях было на начало проекта в 2016 году;

– количество доноров в 2017 и 2018 гг. было меньше, так как акции выпадали на эпидемии гриппа и ОРВИ, в 2020 г. была пандемия.

Диаграмма 2

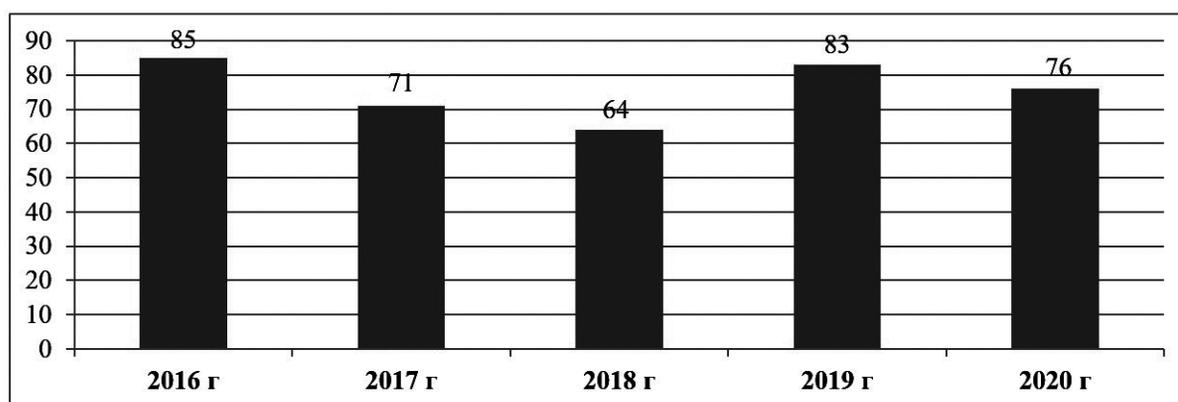
Общее количество постоянных доноров ММТ

В нашем техникуме насчитывается 59 постоянных доноров крови, количество их может меняться. У них свои графики по сдачи крови.

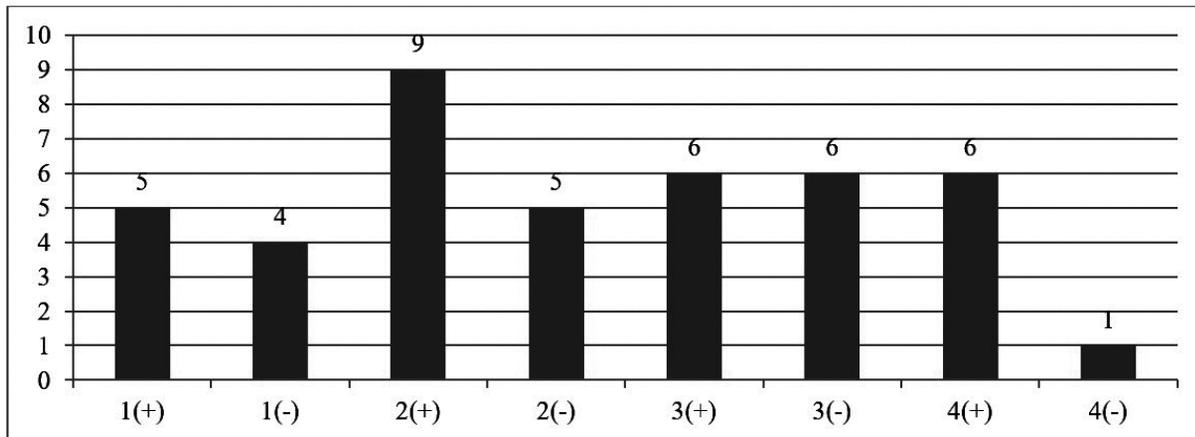
Диаграмма 3

Группы крови постоянных доноров (чел.)

Среди постоянных доноров, наибольшее количество доноров со второй группой крови, а наименьшее количество с 4 группой крови.

Резус фактор постоянных доноров

Из данной диаграммы можно сделать вывод, что среди 59 постоянных доноров наибольшее количество доноров со 2(+) группой крови, самое наименьшее с 4(-).

Заключение

Проект по донорству крови в ММТ приносит хорошие результаты:

- студенты безвозмездно сдают кровь, участвуя в акциях. Многие из них становятся постоянными донорами и сдают кровь по своим графикам;
- студенты-волонтеры привлекают к донорству крови обучающихся в других СУЗах города. Волонтеры – доноры активно ведут пропаганду донорства крови среди населения города Минусинска;
- доноры знают свою группу крови, резус фактор и уровень гемоглобина;
- обучающиеся нашего техникума ведут здоровый образ жизни, чтобы стать донорами крови. После окончания техникума наши выпускники продолжают сдавать крови.

Донорство крови – это тихий подвиг во имя жизни других людей.

Библиографический список:

1. Афендулов С. А. Переливание компонентов крови и кровезаменителей: учебно-методическое пособие / С. А. Афендулов, Г. Ю. Журавлев – Тамбов: ТГУ, 2018.
2. Бродская А. Л. Некоторые вопросы донорства // Медицинская помощь. – 1999 – № 3. – С. 38-39
3. Горбунов А. В. Анатомия человека: учебник / А. В. Горбунов, Д. Б. Никитюк. – СПб.: СпецЛит, 2016.
4. Демичев С. В. Первая помощь при травмах и заболеваниях: учебное пособие / С. В. Демичев – М.: ГЭОТАР – Медиа. – 2016.
5. Донорство крови и её компонентов: сборник нормативных правовых актов. – 2011.
6. Ембулаева Л. С. Донорство как волонтерство / Л. С. Ембулаева, Н. В. Исакова – Краснодар: КГАУ, 2019.
7. Жибурт Е. Б. Осложнения донорства и переливания крови / Е. Б. Жибурт – М.: Национальный медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова, 2019.
8. Жибурт Е. Б. Переливание крови: история и современность (к 100-летию переливания крови в России) / Е. Б. Жибурт – М.: Национальный медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова, 2019.
9. Жибурт Е. Б. Эволюция донорства крови и плазмы в России // Главврач – 2015. – № 1-2 – С. 38.

10. Кирилловых А. А. Комментарий к Федеральному закону от 20 июля 2013 года № 125-ФЗ «О донорстве крови и её компонентов / А. А. Кирилловых М.: Юстицинформ, 2013.
11. Ковалёв А. И. Хирургия / А. И. Ковалев. – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2016.
12. Ковалёва Л. М. Безопасное донорство / Л. М. Ковалёва – М.: Мир медицины, 2015.
13. Мустопаева А. Б. Отношение молодёжи к проблеме донорства / А. Б. Мустопаева, В. В. Лазарева – Волгоград: ВолгГМУ, 2017.
14. Рагимов А. А. Инфузионно–трансфузионная терапия / А. А. Рагимов, Г. Н. Щербакова – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2019 (Библиотека врача специалиста).
15. Рубан Э. Д. Хирургия: учебник. – Ростов н/Д.: Феникс, 2016.
16. Сединкина Р. Г. Сестринская помощь при патологии системы крови с основами патологии системы крови трансфузиологии: учебник / Р. Г. Сединкина, Е. Р. Демидова. – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2016.
17. Смольяникова Н. В. Анатомия и физиология человека: учебник / Н. В. Смольяникова – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2017.
18. Соломай Т. В. Инфекционная безопасность донорской крови и её компонентов / Т. В. Соломай – Главврач – 2017. – № 1 – С. 79-87.
19. Сорокина Т. С. История медицины: учебник / Т. С. Сорокина – М.: Академия, 2013.
20. Стецюк В. Г. Сестринское дело в хирургии: учебное пособие / В. Г. Стецюк – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2015.
21. Сумин С. А. Основы реаниматологии: учебник / С. А. Сумин, Т.В. Окунская. – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2016.
22. Трансфузиология. Национальное руководство / Под ред. А. А. Рагимова – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2018.
23. Федеральный закон «О донорстве крови и её компонентов» от 20.07.2012 № 125-ФЗ (последняя редакция)
24. Федеральный закон «О донорстве крови и её компонентов». Примерный пищевой рацион донора, сдавшего кровь и (или) её компоненты. Безвозмездно. – Новосибирск: Норматика, 2013.

**Ш. С. Ооржак,
г. Кызыл, Республика Тыва**

Национальная валюта Тувинской Народной Республики

О денежном обращении в Тувинской Народной Республике бонисты до сих пор не полагают достаточно надёжными данными. На это указывалось, в частности, и в статье Э. Дмитриева, опубликованной в сборнике «Советский коллекционер» (1965 года, №3).

С 13 по 16 августа 1921 г. по инициативе Монгуша Буян-Бадырды и Иннокентия Григорьевича Сафьянова, в народе звали Экендей, в местности Суг-Бажы (ныне село Кочетова) Тандынского кожууна состоялось Всетувинский учредительный Хурал (Съезд). В нём участвовали 62 представителя от 7 кожуунов Урянхайского края, а также присутствовала советская делегация, состоявшая из 17 человек, в том числе И. Г. Сафьянов, Сергей Кочетов, Я. С. Чугунов, Г. Я. Стрелков, М. М. Терентьев. Председателем Хурала единогласно был избран Монгуш Буян-Бадырды, а секретарём – помощник амбын-нойона Дарыма. Учредительный Хурал провозгласил образование суверенного государства – Народной Республики Танну-Тыва (с 1926 г. она стала называться Тувинской Народной Республикой – ТНР). В 1921 г. Правительство советской России признало независимость ТНР. В то время в Туве находилась в обращении различная валюта – это царские бумажные деньги и разменная

монета царского чекана, бумажные деньги РСФСР, китайские фаны и ланы. Но вскоре правительство ТНР выпустило в обращение русские бумажные денежные знаки дореволюционного образца с надпечаткой на оборотной стороне текста на старомонгольском языке и тремя подписями: председателя Совета Министров, министра финансов и заместителя советника правительства по финансам. Судя по наличию подписи министра финансов республики, они появились в обращении не ранее кон. 1922 – нач. 1923 гг., так как министерство финансов в республике было образовано лишь в самом конце 1922 года.

В 1925 г. между СССР и ТНР был заключён дружественный договор и установлены официальные дипломатические отношения. 25 июля 1925 г. был основан Государственный банк ТНР – «Тувинбанк». По договорённости между правительством ТНР и СССР в Туве были выпущены в обращение советские деньги: сначала серебряные монеты, заменившие монеты царской чеканки, а позднее бумажные казначейские и банковские билеты (рубли и червонцы). В течение 1925-1929 гг. «правительство ТНР внедряет в обращение советскую валюту, всякая другая изымается». В эти годы фонды Тувинбанка систематически пополнялись советскими денежными знаками и разменной монетой новых выпусков (например, червонцами выпуска 1926 г. и 1928 г., бронзовыми и никелевыми монетами 30-х гг.).

В 1925-1934 гг. в ТНР находились в обращении советские знаки с синей надпечаткой, в которой говорилось, что эти знаки годны для обращения в Тувинской Народной Республике. Постановления о штемпелевании денежных знаков, имевших хождение в ТНР, были приняты Советом Министров СССР и Президиумом Малого Хурала ТНР только в декабре 1933 года. Этими постановлениями предусматривался также обмен курсировавших денежных знаков на те же знаки, имеющие нанесённую синей краской надпечатку с изображением нового герба ТНР и текстом «Имеет хождение только в ТНР», по курсу 1:1. По заказу правительства ТНР эти денежные знаки были изготовлены Гознаком СССР. Обмен предполагалось произвести с 10 декабря 1933 г. до 15 января 1934 г., фактически же он продолжался до мая – июня 1934 года. Всего было обменено старых денег на штемпелеванные на сумму 1 742 600 рублей. В то же время произведена замена советской разменной монеты на тувинские, изготовленные в СССР, достоинством в 1, 2, 3, и 5 коп. (бронзовые) и 10, 15 и 20 коп. (никелевые). Они находились в обращении до 1 мая 1945 г.

1 января 1936 г. в республике была проведена денежная реформа, в ходе которой советские деньги были заменены национальной валютой – банкнотами Тувинской Народной Республики в 1, 3, 5, 10 и 25 акша. Обмен производился по курсу: 1 штемпелеванный рубль равен 1 акша. Банкноты ТНР были изготовлены Гознаком СССР, всего на сумму 2 млн. акша, из них достоинством в:

- 1 акша – 400 тыс. штук;
- 3 акша – 200 тыс. штук;
- 5 акша – 100 тыс. штук;
- 10 акша – 30 тыс. штук;
- 25 акша – 8 тыс. штук.

Надпечатка сделана на тувинском языке, введённом 28 июня 1930 г. декретом правительства ТНР о введении тувинской письменности на основе новаторского латинизированного алфавита.

Банковские билеты образца 1935 г. находились в обращении около шести лет, однако уже в 1939 г. началась подготовка денежных знаков нового рисунка. 11 августа 1939 года правительственная комиссия ТНР утвердила образец денежных знаков нового рисунка. Банковские билеты печатались Гознаком СССР.

13 февраля 1941 г. было принято решение о выпуске с 1 марта 1941 г. в обращение денежных знаков образца 1940 г. достоинством 1, 3, 5, 10 и 25 акша. Обмен банковских билетов старого образца на новые предполагалось закончить к 1 августа, но фактически он продолжался до 1 сентября 1941 года. В результате обмена банковских билетов в Государственном банке ТНР оказалось денежных знаков образца 1935 г. на общую сумму 1 981 248 акша. Сюда вошли старые банковские билеты, сданные населением в обмен на новые, и их резервный фонд, не выпускавшийся в оборот. 5 октября 1941 г. в присутствии членов правительственной комиссии все они были уничтожены. Остаток несданных населением банковских билетов образца 1935 г. составило 18 752 акша в следующих купюрах:

- 4822 билета достоинством – 1 акша;
- 1560 билетов достоинством – 3 акша;
- 1217 билетов достоинством – 5 акша;
- 224 билета достоинством – 10 акша;
- 37 билетов достоинством – 25 акша.

Количество необменных банкнот крупного достоинства оказалось ничтожно малым. 17 августа 1944 г. VII сессия Малого Хурала ТНР приняло Декларацию о вхождении Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик и обратилась с ходатайством в Верховный Совет СССР принять ТНР в состав СССР на правах автономной области в РСФСР. Президиумом Верховного Совета СССР Указом от 11 октября 1944 г. удовлетворил ходатайство и предложил Верховному Совету РСФСР принять ТНР в Состав РСФСР на правах автономной области. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 октября 1944 г. «О принятии Тувинской Народной Республики в состав Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» ТНР была принята в состав РСФСР на правах Тувинской автономной области.

С 1 января 1945 г. на её территории началось обращение советских денежных знаков. Населению Тувинской автономной области была предоставлена возможность в течение четырёх месяцев (до 1 мая 1945 г.) обменивать тувинскую акша образца 1940 г. и мелкую разменную монету образца 1934 г. на советские рубли, после чего вся оставшаяся на руках тувинская валюта была аннулирована. С 10 октября 1961 г. по 1991 г. Тува была Автономной Советской Социалистической Республикой в составе РСФСР. В настоящее время Тува – Республика Тыва – является субъектом Российской Федерации.

Таким образом, денежные знаки ТНР очень редки и представляют большую коллекционную ценность. В Национальном музее Республики Тыва хранятся только образцы денежных знаков ТНР 1935 г. в количестве 11 ед. акша.

Среди них:

- 1 акша – 2 ед. (КП 2011/1-2; серия и номер купюры АВ 000000);
- 3 акша – 3 ед. (КП 2012/1-2; КП 2013/3; серия и номер купюры ВС 000000);
- 5 акша – 2 ед. (КП 2013/1-2; серия и номер купюры СД 000000);

10 акша – 2 ед. (КП 2014/1-2; серия и номер купюры DE 000000);

25 акша – 2 ед. (КП 2015/1-2; серия и номер купюры EH 000000).

Оригиналы денежных знаков в Национальном музее Республики Тыва хранятся только 1940 г. выпуска (30 ед. в том числе образцы). В коллекции представлены денежные знаки достоинством:

1 акша – 5 подлинников, КП 3591, КП 2489, 3 б/н;

3 акша – 1 подлинник, КП 2490;

5 акша – 4 подлинника, КП 2018/1-2, КП 2491, КП 7354;

10 акша – 3 подлинника КП 2019, КП 2492, КП 6497;

25 акша – 1 подлинник, КП 2493. Остальные – образцы. Таким образом коллекция музея полная. Годы поступления разная.

В 2017-2018 гг. Национальный музей РТ совместно с Управлением федеральной почтовой службы РТ организовал фестиваль (форум) коллекционеров, в котором приняли участие коллекционеры с российских регионов и других стран. Была организована выставка коллекций участников фестиваля, в том числе коллекция бонистики и филателии ТНР из фондов Национального музея РТ.

Библиографический список:

1. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – нач. XX в. Кызыл: Изд-во ТувГУ. 499 с.

2. История Тувы. В 3-х томах. Т 2/ Под общей редакцией В. А. Ламина – Новосибирск: Наука, 2007.

3. Маннай-оол М. Х. Тувинцы: происхождение и формирование тувинского этноса. Новосибирск, 2004.

4. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX в. М.

5. Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. – М. 1968.

6. Сердобов Н. А. История формирования тувинской нации. – Кызыл. – 1971.

7. Шойгу К. С. Перо чёрного грифа. Невыдуманные рассказы старожилы Тувы о своей малой родине. – Кызыл. – 2001.

**В. Ф. Сёмочкина, И. Г. Попугаева,
с. Шалоболдино, Курагинский район**

Колокол Памяти

На примере Магнуса Германа Августовича и его семьи, на основании периодической печати, документов из архивов Шалоболдинского музея, встреч с родными и близкими прослеживается судьба репрессированных в Сибирь в 1940-е гг. немцев. 28 августа 1941 г. был принят Указ наркома внутренних дел Л. Берии о массовом переселении советских немцев в Сибирь и Казахстан.

Депортации подлежали все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП/б/ и ВЛКСМ. Руководство по переселению возлагалось на НКВД СССР. Из указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 сентября 1941 г.: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого на-

селения, проживающего в районе Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу Германии должны произвести взрывы в районах, заселённых немцами Поволжья».

Жестокость, с которой осуществлялось переселение, неустроенность жизни на новых местах, злоупотребления и произвол местных органов власти привели к высокой смертности, вызвали массовое возмущение и протесты.

Шли тяжёлые месяцы войны, не хватало людей, транспорта, техники. Однако, на депортацию немцев было командировано 1200 сотрудников НКВД, 2000 работников милиции, 7350 красноармейцев и сотни вагонов. Всего на восток страны было депортировано около 600 тыс. советских немцев, а в Красноярский край прибыло около 75 тыс. человек (33 эшелона) [6, с. 20].

Указом от 21 августа 1941 г. стали отзывать советских немцев в срочном порядке с фронтов и отправлять в места ссылки, видя в них врагов. Довольно трудно было им адаптироваться к сибирским условиям. Тайга, гнус, непривычный климат и пища – всё это осложняло жизнь поселенцев. Самым сложным для них была первая зима.

Трагедию депортации своего народа пережил и наш земляк Магнус Герман Августович, немец по национальности. Он родился в Ленинграде в 1896 г. Отец – рабочий Кировского завода, где проработал 40 лет. Свою мать Герман не помнил. Материально жили бедно. С 1909 по 1912 гг. он учился в Военно-фельдшерской школе за казённый счёт при Гродненском местном военном лазарете. В его аттестате-характеристике, данной заведующим гарнизонным зубоврачебным кабинетом статским советником Курковым, отмечается: «Дан сей фельдшеру Герману Магнус в том, что он, будучи в Гродненском местном лазарете в течении двух лет фельдшером, был самым примерным, трезвым, добросовестным фельдшером, и все возлагаемые на него обязанности исполнял честно и умело. Во время службы в лазарете, на него возлагались ответственные работы, которые он выполнял самым добросовестным образом. В течении почти двух лет работал в Гродненском Гарнизонном Зубоврачебном кабинете и приобрел в зубоврачебном деле значительные практические познания. Около года служил в Хирургическом отделении, очень добросовестно и толково выполнял свои обязанности. Очень дисциплинирован, расторопен, исполнительен и трезв. Что подписями и приложением казенной печати удостоверяется. Город Гродно, Октября 31 дня 1911 года». [1, 8]

За три года Герман Августович стал хорошим фельдшером, зубным врачом и имел навыки по хирургии.

Окончив Военно-фельдшерскую школу в 1912 г., продолжить образование он не смог. «За полученное образование я должен был отслужить на военной службе, но по болезненному своему состоянию был освобожден от военной службы и поступил на работу фельдшером в Городскую больницу г. Ленинграда. В 1914 г. по мобилизации служил фельдшером Военно-полевого поезда» – пишет Герман Августович в прошении в Президиум Верховного Совета СССР. [7]

В 1917 г. был уволен по болезни, продолжил работу в Городской ленинградской больнице. В 1919 г. был призван в Красную армию и назначен заведующим Военно-санитарного делопроизводства подотдела Военно-санитарного Управления Ленинградского округа.

С 1924 г., желая повысить свою квалификацию, работал в лечебных учреждениях г. Ленинграда.

В 1928 г. был демобилизован. Получил благодарность за службу в Красной армии. Во время Великой Отечественной войны работал в военном госпитале Ленинграда. Житель с. Курганчики Бондарев Андрей Романович лежал у него в госпитале во время ранения в Ленинграде, он отмечал внимательность Германа Августовича к больным, его профессионализм.

17 марта 1942 г. был эвакуирован из г. Ленинграда по Дороге жизни (эвакуационное удостоверение № 11228) и был отправлен в Красноярский край в Игарский район (Туруханский) на 13 лет. Удивительно, что эвакуирован, но отправлен на спецпоселение с ограничением в правах.

Первое время находился в станке Плахино. В Плахино в 1924 г. ссылку отбывал и Святой Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий). Как вспоминал сам Валентин Феликсович: «Плахино в 1924 году это маленький «станок, состоявший из трех изб и еще двух больших, как мне показалось, груды навоза и соломы, которые в действительности были жилищами двух небольших семей. Я остался один в своем помещении. Это была довольно просторная половина избы с двумя окнами, в которых вместо рам снаружи приморожены плоские льдины. Щели в окнах не были ничем заклеены, а в наружном углу местами был виден сквозь большую щель дневной свет. На полу в углу лежала куча снега. Вторая такая же куча, никогда не таявшая, лежала внутри избы у порога входной двери. Утром, когда я вставал со своего ложа, меня охватывал мороз, стоявший в избе, от которого толстым слоем льда покрывалась вода в ведре. В Плахино часто бывают очень сильные морозы. Однажды мне пришлось испытать крайне тяжелый мороз, когда несколько дней подряд беспрестанно дул северный ветер, называемый тамошними жителями «сивер». Это тихий, но не перестающий ни ночью, ни днем леденящий ветер. На чердаке моей избы были развешены рыболовные сети с большими деревянными поплавками. Когда дул «сивер», поплавки непрерывно стучали, и этот стук напоминал мне музыку Грига «Пляска мертвецов». [11, с. 192]

Вот здесь и начал свою переселенческую жизнь Герман Августович с 1942 г. по 1955 год. По назначению Игарского горздрава работал заведующим медпунктами на станках района. «В этой же должности работаю и в настоящее время на станке Денежкино Игарского района (сейчас Туруханский район)», – пишет в 1955 г. Герман Августович. Холод, отсутствие теплой одежды, плохо сохранявшее тепло помещение медпункта и квартиры. [7]

Здесь он встречает Софью Ивановну Цих, которая оказалась на Севере раньше, в числе первых немцев-переселенцев. Ей пришлось много пережить. «Ночью нас подняли и приказали быстро собраться. Едва успели одеяла взять, немного еды и одежды. Бросили всё: дома, мебель, всё, что было нажито. Потом нас погрузили в холодные вагоны товарника. Народу в вагоне много: ехали и взрослые, и дети, больные и здоровые – антисанитария, голод, холод», – вспоминает Софья Ивановна. В военное время железная дорога была перегружена, поэтому частые долгие остановки. Людям не давали даже воды. Кто успевал на станции выскочить и попить, тому, значит, повезло. Остальным оставалось терпеть. Дорогой их почти не кормили. Уже в поезде некоторые умирали.

Привезли их в Красноярский край, а потом на пароходы и на Север. Выгрузили на берег, один песок, и ничего вокруг. Пошли по берегу, нашли избушки рыбаков, поселились

там: ни продуктов не было, ни лекарств, ни нормальных жилищных условий. «Кто мог – выкопали землянки, там и зимовали первый год. Высадили 500 человек, а к весне осталось 200», – рассказывает Тамара Петровна Сиротина, внучка Софьи Ивановны, со слов своей мамы Ирмы Иосифовны. [2]

Трудно жилось депортированным на Севере. Из Докладной записки врача Овчинниковой, составленной в августе 1943 г. после медицинского обследования спецконтингента: «Причинами высокой смертности являлись, по её мнению, отсутствие у людей жилья и теплой одежды, голод, непривычный климат, эпидемии болезней. Многие из спецпоселенцев болели еще в дороге брюшным тифом, дизентерией. Карантин в дороге не везде выдерживался. Но главное – это цинга и голод. Выяснилось, что цингой страдало почти все население. Была большая смертность».

Спецпоселенцы в Плахино должны были ловить рыбу для фронта. Софья Ивановна пошла на весла к одному рыбаку. Жестокий был человек. Он веслом в гнев человека убил, никто не хотел к нему идти работать. Но она пошла – надо было детей кормить. Их у неё было двое. Бывало, по горло в шуге стояла, руки мёрзли, горло перехватывало, но всё выдержала. Рыбак давал рыбу, рыбий жир, муку. Так и перезимовала. Трудно, но семью сохранила. Потом выучилась на приёмщика рыбы, стало полегче. К следующей зиме построили балки (избушки из необструганного леса), так возник посёлок Плахино, где заготавливали лес и ловили рыбу. Здесь Софья Ивановна и Герман Августович встретились. Он женился на Софье Ивановне, у которой было уже двое детей, а в 1947 г. у них родился сын Владимир [10]. «Наша бабушка была красавица. Дед наш был третьим её мужем», – вспоминает Тамара Петровна. Женившись на Софье Ивановне, он принял её детей и говорил, что это их дети. Относился как к родным, никого не обижал. [2]

«Плахино стояло на берегу Енисея. По Енисею проплывали с музыкой пароходы до Красноярска, баржи. Место красивое. Тайга», – вспоминает сын Владимир. Мать строгая была, приучала нас к порядку, чистоте, труду. Однажды попросила отца выпороть меня, слушаться перестал. Отец завел меня в комнату, подмигнул: «Кричи громче». А сам бьет ремнем по стулу, и ругает меня. Я кричал громко, мать не выдержала: «Хватит, что ты его так сильно бьешь». [2]

Владимир любил своего отца. Ещё на Севере, совсем маленького, Герман Августович его всегда брал на вызовы. «Ночь, день. Я всегда вставал и шел с отцом. Характер у отца вспыльчивый, но быстро отходил. Отец был воспитанным, вежливым человеком, хорошо к людям относился. Он никому не отказывал в вызове. Знал свое дело хорошо, хотя не было у него высшего образования. Не любил вспоминать прошлое, веселый был человек». [2]

Закончилась война. Спецпоселенцы надеялись, что теперь им дадут возможность вернуться домой. Но в марте 1946 г. Совнарком СССР дал указание наркоматам расформировать рабочие отряды и колонны из мобилизованных советских немцев, ликвидировать «зоны», что означало конец «Трудовой армии». Прикреплялись они к своим предприятиям, строительству, лагерям. Им разрешили вызвать и помочь перевезти к себе свои семьи, они получили возможность проживать в общежитиях и на частных квартирах, строить или покупать себе жильё, но вернуться на прежнее место жительства им не разрешалось. В районах проживания бывших трудармейцев и прибывших к ним семей создавались спецкомендатуры. Это для спецпоселенцев было тяжёлым ударом.

На 1 января 1953 г. на учёте спецпоселения числилось 2753,4 тыс. человек. Это был самый крупный контингент спецпоселения. Трудно найти слова, чтобы передать те страдания, унижения, оскорбления, издевательства, как моральные, так и физические, которые им пришлось пережить на Крайнем Севере. Спецпоселенцы не имели паспортов, что затрудняло устройство на работу, получение почтовых отправок и т. п. Кроме того, спецпоселенцы не призывались на военную службу, им не разрешалось работать в милиции и других силовых структурах. Они не могли занимать сколько-нибудь важные посты и должности в государственных органах и учреждениях. Дети спецпоселенцев состояли на «посемейном» учёте с момента рождения до исполнения им 16 лет. После этого их ставили на персональный учёт, то есть они становились «полноценными» спецпоселенцами [5, с. 109, 112-113].

И только после смерти Сталина в 1953 г. у переселенцев опять появилась возможность на возвращение домой. В центральные партийные и государственные органы Советского Союза от них шёл огромный поток писем, в которых люди пытались убедить власти в своей лояльности, просили снять спецпоселение или, по крайней мере, ликвидировать некоторые, наиболее унижительные ограничения. 10 марта 1955 г. Совет министров СССР обязал органы внутренних дел выдать спецпоселенцам паспорта гражданина СССР, ликвидировав, таким образом, существенный моральный элемент дискриминации этой категории советских граждан.

В 1955 г. Герман Августович пишет своё прошение в Президиум Верховного Совета СССР в отдел частных амнистий, чтобы ему и его семье разрешили переселиться из Заполярья по состоянию здоровья, в удобные для проживания климатические условия. К тому времени семья его состояла: жена Магнус Сусанна (Софья) Ивановна 1905 г. р.; сын жены от первого мужа, Цих Андрей Андреевич, 1938 г. р.; дочь Мельниченко Ирма Иосифовна, 1925 г. р.; внучка Мельниченко Эрланда Фёдоровна, 1947 г. р. и их сын, Магнус Владимир Германович 1947 г. р.

«С 1942 года я тружусь в звании медработника, имею благодарности. Мне доверено ответственное дело – лечение людей, забота об их здоровье. И этот труд я с любовью несу для Родины», – пишет в прошении Герман Августович. В нём отражена вся его судьба. Он очень корректен в выборе выражений, возможно, что уже по-своему или опыту других репрессированных знает, что с органами лучше не шутить и не искать правды, чтобы не было придинок. [7]

«Я по национальности немец, но моя Родина СССР, здесь я родился, вырос. Родине я своей обязан своим образованием, на благо нашей Родины я отдал свои лучшие силы и здоровье. И теперь, когда я состарился, и здоровье мое за 13 лет пребывания в Заполярье ослабело, я обращаюсь с просьбой снять с меня спецпоселение и предоставить возможность мне и моему семейству право на получение паспорта, дабы мы могли выехать из Заполярья в место в климатическом отношении благоприятное для здоровья (слово здоровье зачёркнуто), и тем самым предоставить мне возможность продолжить трудиться на благо нашей Великой Отчизны», – пишет Герман Августович. [7]

Не здоровье поправить, а трудиться на благо нашей Великой Отчизны, и это после такой несправедливости, после всего пережитого. В 1955 г. его прошение удовлетворили, но обвинение с него не сняли. Разрешили переехать в Курагинский район в распоряже-

ние райздравотдела. «В Курагинский район добирались на пароходе, поездом до Абакана. Получил отец направление в с. Курганчики. Работал заведующим фельдшерского пункта с зарплатой 600 рублей. В одной половине дома больница, а в другой жили мы. Отец – фельдшер, а мать – санитарка», – рассказывает сын Владимир Германович. [2]

Не очень дружелюбно встретили в Курганчиках репрессированных немцев. Понятие *немец* и *фашист* было одинаково для жителей села. У многих погибли на войне мужья, сыновья, дочери, а виноваты в этом немцы. «Сколько помню – в школе, на улице, часто дразнили: «Фашистка недобитая». А какая я фашистка? Я родилась в 1955 году. Осталась в памяти обида», – вспоминает Тамара Петровна. [8] Отмечает это и сын Германа Петровича – Владимир. Дружелюбно встретили только семья Бондаревых и Зотовых. Бондарев Андрей Романович в госпитале, будучи ранен под Ленинградом, лечился у Генриха Августовича, и тот спас ему жизнь. Семьи подружились. Хотя давно нет ни Генриха Августовича, ни Андрея Романовича, дружат их внуки и правнуки. Вскоре жители села оценили его профессионализм и внимательное отношение к больным. Хороший врач был он, ни одному жителю села вернул здоровье. Отличался вежливостью.

«Дед был интеллигент. Эти привычки ленинградские привез и в Курганчики. Приехали без всего, но посуду привезли всю. В семье заведен порядок: белая скатерть, каждому отдельный прибор, на обед не опаздывать. Опоздал – жди ужина, поэтому на завтрак, обед, ужин семья собиралась в полном составе», – рассказывает Тамара Петровна. «У него был свой стакан, который вставлялся в подстаканник. Он, сколько помню, всегда из него пил чай и не разрешал его брать никому. Его любили и на Севере, и в Курганчиках, где бы он ни жил», – добавляет сын Владимир. [2]

Умер Герман Августович в 1956 г., похоронен на Курганчиковском кладбище. Не дождался он Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 октября 1991 г., в котором с советских немцев были сняты все огульные обвинения в шпионаже, предательстве и пособничестве. Документ о реабилитации получили его родные в 2001 году. Сколько слёз было, сколько горечи. «Мама документы готовила на реабилитацию и плакала, боялась: неужели не получится. Она всю жизнь переживала, что в доме не будет хлеба, дров и угля. Бывало, появятся деньги в доме, сразу покупали муку, дрова. Главное, чтобы хлеб и тепло были в доме», – вспоминает Тамара Петровна. [2] Шок, страх пережила семья Генриха Августовича, передался он и потомкам. Никогда в семье его при детях не говорили о депортации. Не дай Бог, где-нибудь проговорятся.

Много пережили советские немцы в то время. Но нашли в себе силы выжить, честно работать, не обозлиться. В 90-е гг. предлагали Ирме Иосифовне уехать в Германию, но она отказалась. Здесь её вторая родина, здесь похоронен Генрих Августович, её отец. В целом, советские немцы и в условиях спецпоселения, и после их отмены внесли высокий вклад в развитие экономики и особенно сельского хозяйства Красноярского края.

Библиографический список:

1. Аттестат. Материалы Шалоболинского музея.
2. Беседы с родными и близкими. Материалы Шалоболинского музея.
3. Выписка из приказа по Курагинскому райздравотделу от 24/IX-1955г. №88, 6. Материалы Шалоболинского музея.

4. Декларация Верховного совета СССР. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». 14 ноября 1989 года.

5. Зберовская Е. Л. Немцы-спецпереселенцы в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны / Е. Л. Зберовская // Россия: исследования по социально-политической истории, историографии, демографии: сб. науч. тр. – Красноярск, 1998. – С. 111-124.

6. Зберовская, Е. Л. Трудармия и вторичная депортация немцев в Красноярском крае в 1940-е гг. / Е. Л. Зберовская // Немцы в Сибири: история, язык, культура: тез. междунар. науч. конф., г. Красноярск, 13-16 октября 2004 г. – Красноярск, 2004. – С. 20, 22.

7. Прощение в Президиум Верховного Совета СССР. Отдел частных амнистий. Материалы Шалоболинского музея.

8. Свидетельство об окончании фельдшерских курсов при Гродненском местном военном Лазарете в 1909 году. Материалы Шалоболинского музея.

9. Справки о реабилитации на имя Магнуса Германа Августовича, Магнус Сусаны Ивановны, Магнус Владимира Германовича. Материалы Шалоболинского музея.

10. Свидетельство о браке № 10 между Магнус Германом Августовичем и Магнус Сусаной Ивановной. 28.01.1947 г. Материалы Шалоболинского музея.

11. Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий) Я полюбил страдание/ Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий) // Автобиография. Приход храма Святого Духа сошествия. – М. – 2020. – С. 192.

12. Удостоверение на имя Магнуса Германа Августовича о праве на санитарный контроль всех предприятий и учреждений, населённых пунктов. Материалы Шалоболинского музея.

**И. Н. Сялдышева,
г. Черногорск, Республика Хакасия**

Использование краеведческого материала на уроках ОДНКНР и родной русской литературы

Малая родина со своим особым обликом, со своей – пусть самой скромной и непритязательной – красотой предстаёт человеку в детстве, в пору памятных на всю жизнь впечатлений ребяческой души, и с нею, этой отдельной и личной родиной, он приходит с годами к той большой Родине, что обнимает все малые – и в великом целом своём – для всех одна...

(А. Т. Твардовский)

Краеведение – средство сохранения социальной памяти, изучения культурного наследия, «воспитывающая наука», как назвал её академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв. Воспитание патриотизма, любви к своей стране невозможно, если ребёнок не знает истории своего рода, своей фамилии, своей малой родины.

Человеку очень важно ощущать себя звеном в цепи поколений, в цепи жизни. Надо только воспитать в подрастающем гражданине эту потребность видеть себя как продолжателя дела своего поколения, своей семьи. Необходимо объяснить растущему человеку, что его жизнь – маленькая частица жизни рода, страны, мира. Потому жить необходимо так, чтобы «не было больно за бесцельно прожитые годы».

Краеведческая работа представляет уникальную возможность не просто расширять кругозор учеников, она закладывает нравственные основы личности. Суть краеведческого принципа в обучении заключается в установлении связи изучаемого в школе материала с теми знаниями и умениями, которые приобретаются в результате исследований родного края.

Наш город имеет богатую историю, начиная с момента открытия в 1907 г. угольных шахт и посёлка Черногорские Копи и заканчивая сегодняшним временем. Наши земляки были участниками Гражданской и Великой Отечественной войн, а также локальных войн. Поэтому историю такого небольшого города, как наш Черногорск, надо беречь и передавать своим потомкам.

Ученики на уроках литературы и русского языка, родной русской литературы, а также при подготовке к ним занимаются разными видами деятельности:

- исследуют историю города;
- встречаются со старожилами, записывают их рассказы;
- рассказывают об участниках Великой Отечественной войны, о народных умельцах, о традициях, буднях и праздниках;
- собирают экспонаты для школьного музея;
- фотографируют,
- оформляют альбомы.

Например, при изучении раздела «Устное народное творчество» учащиеся 5 класса знакомятся с хакасскими обрядовыми песнями. Предлагаю их вниманию видео хакасских праздников (Таан-Той – праздник прилёта первых весенних птиц – галок; Урен Хурты – праздник земледельцев; Тун-Пайрам – праздник первого айрана; Уртун-Той – праздник урожая; Айран Солиндызы – праздник последнего айрана; Чыл Пазы – хакасский Новый год).

Всё, что раньше ребята видели и слышали, может быть, участвуя в этих мероприятиях, ложится благодатным пластом на материал учебный. Воссоединяя это, учащиеся легче запоминают и усваивают материал.

Песня матери

(Слова и музыка народные)

Под солнцем одна звезда,
Похожая на коня с серебряной уздой.
Выращенные мною пять детей
Дороже серебра для меня самой.
Под луной одна звезда,
Похожая на коня с золотым недоуздом.
Вскормленные мною шесть сыновей
Дороже золота для меня самой

Или частушки:

Хысхачах тахпахтар

Частушки

(Мелодии народная, слова Альбины Курбижековой)

Под берёзкой, у ручья,
Мы стояли до утра.
Та берёзка, думаю,
Стала нам подругою.

Быстра горная река,
Но зато не глубока.
Ты бросала, зазывала,
Не лежит к тебе душа.

Мы с милёночком сидели,
Он молчит, и я молчу.
Я насмелилась, сказала:
«До свиданья, спать хочу».

Красивую и умную
Ой, не трудно нам найти.
В нашей местности такие
Подрастают, как грибы.

Обучающиеся работают по анализу выразительных средств текста. Находят в стихотворении различные тропы (олицетворения, эпитеты, гиперболы, сравнения).

Годы мои

(Мелодия народная, слова Альбины Курбижековой)

Хотя хожу пешком везде,
Дум светлых груз не в тягость мне.
Богатства нет, так не беда,
Дороже золота судьба.
Коня с седлом нет гарцевать,
Ну что ж, не стану горевать.
И лет бегущих череда
Дороже блеска серебра.
К вершине горной солнце чуть
Приляжет, прежде чем уснуть.
Судьбы моей летящей суть,
Сверкнув, погаснет, не вернуть.
В ласковый вечер солнца диск
Уйдет, бросая тени вниз.
Так же, закончив жизни путь,
Растаю тенью, не вернуть.

На занятии по ОДНКНР («Основы духовно-нравственной культуры народов России») по теме «Россия – наша Родина» в качестве краеведческого дополнения предлагается вик-

торина «Что ты знаешь о своей малой родине?» Учащиеся с удовольствием делятся своим познаниями. Предлагаю нарисовать не только российский флаг, но и флаг нашей Хакасии, рассказать, что символизирует герб Республики, герб Черногорска. В дружной работе рождается синквейн:

Щедрая, сильная, добрая.
Помогает, утешает, согревает.
Мать, семья, родня.
«Всякому мила своя сторона».

При изучении пейзажной лирики (5-9 классы) мы читаем стихи не только классиков, но и местных поэтов, узнаём картины родной природы. Чтение сопровождается фотографиями родного края.

Обучающиеся с интересом работают над вопросами топонимики (происхождении названий городов и сёл Хакасии, её рек и озёр) и годонимики (улиц Черногорска). Особенный интерес у учащихся вызывает ономастика – поиски истоков происхождения своей фамилии, иногда приводящие к неожиданным результатам.

Результатами стали исследования учащихся: «Годонимы Черногорска», «Моя Семья», «Тахпах – отражение хакасской истории», «У войны нет линии фронта», «История фамилии Севастьянов», «История фамилии Соломатина», «Мой прадед – защитник Ленинграда» и другие, представленные на ежегодном конкурсе имени В. И. Вернадского, конкурсах проектных и исследовательских работ.

Краеведческий материал, используемый на уроках русского языка, родной русской литературы, основ духовно-нравственной культуры народов России, помогает нам воспитать в детях не только любовь к Родине, но и ответственность за её судьбу и судьбу народа.

**О. С. Тараканова,
г. Минусинск**

Ассоциация «Сибирская Лира» – новая форма литературного сообщества

Исторически и территориально так сложилось, что город Минусинск является на юге Красноярского края культурным центром. Не случайно именно здесь зародилась идея объединить работу литераторов региона. А близость городов Минусинск и Абакан, «Соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном содружестве Красноярского края и Хакасии от 27 октября 2010 года», давние культурные связи территорий – всё это способствовало совместной работе литераторов «Енисейской Сибири».

4 октября 2016 г. общим собранием литературных объединений «Зелёная лампа» из Минусинска, «Ирбис» из Абакана, «Вдохновение» из с. Идринского, «Стрежень» из Саяногорска, «Проталинка» из Ермаковского, «Шестая струна» из Краснотуранска было принято решение о создании Межрегиональной ассоциации литобъединений юга Красноярского края и республики Хакасия. В правление ассоциации вошли руководители названных литературных объединений. Председателем правления единогласно избрали идей-

ного вдохновителя совместной работы О. С. Тараканову из Минусинска, заместителем председателя – Н. Л. Троицкую из Абакана. Вёл собрание куратор ассоциации, заместитель председателя правления Союза писателей Хакасии Ю. А. Иванов.

В январе 2017 г. был утверждён Устав общественной творческой некоммерческой организации, но большинством голосов принято решение её не регистрировать. Были высказаны предположения, что сбор членских взносов может негативно настроить членов ассоциации по отношению к совместной работе литобъединений. Большинство придерживалось мнения, что взносы пойдут на оплату бухгалтеру, ведь сами литераторы в делах отчётности перед налоговой инспекцией не сильны. На заседании правления был подведён итог конкурса на лучшее название ассоциации, в котором победила Дина Бударина из Абакана. Предложенное ею название «Сибирская лира» получило наибольшее количество голосов.

К весне 2017 г., сославшись на свою самодостаточность, из ассоциации вышли два литобъединения «Зелёная лампа» и «Проталинка». К этому времени в состав ассоциации влились три новых коллектива: литературный клуб «У Лукоморья» из Курагино, литобъединение «Луч» из Каратузского и студенческий поэтический клуб «Рифма» Минусинского колледжа культуры и искусства.

На общее собрание «Сибирской лиры», которое состоялось в 2017 г. в День поэзии в Центральной библиотеке города Минусинска, Ю. А. Иванов привёз первый номер газеты ассоциации «Контакт». Это был сюрприз, подарок членам собрания от него и первого редактора газеты руководителя литобъединения «Стрежень» Т. А. Мельниковой. Через год у неё приняла эстафету, стала редактором газеты «Контакт» руководитель литературного клуба «У Лукоморья» Л. А. Горланова.

В январе 2018 г. на заседании правления было решено провести День поэзии в Абакане, и далее проводить его поочерёдно в каждом литобъединении. В 2019 г. праздник поэзии состоялся в Саяногорске, в 2020 г. – в Краснотуранске, в 2021-м – в Каратузском. На заседание не приехала член правления, руководитель литобъединения «Вдохновение» из Идринского. Было принято решение: в случае невозможности явки на заседание члену правления, направлять его полномочных представителей. Но никто от Идринского «Вдохновения» не приехал и в следующий раз, литобъединение вышло из состава ассоциации.

Литобъединение «Вдохновение» из Шушенского за свою историю несколько раз прекращало и возобновляло работу. В 2017 г. оно переживало очередной кризис, оставшись без руководителя. Молодые авторы отделились от основного состава и создали литобъединение «Возрождение». Председатель правления «Сибирской лиры» повстречала на фестивале «Мир Сибири» автора из «Вдохновения», узнала, как обстоят у них дела, и решила помочь. Она предложила шушенцам собраться вместе прежним составом на творческую встречу, с целью объединить старый и новый коллективы. Члены литобъединения «Возрождение» возвращаться не захотели, а старый коллектив «Вдохновение» назначил руководителя, начал работу, вступив в ассоциацию.

Новое литературное сообщество «Сибирская лира», как многие литературные объединения сегодня, испытывает дефицит молодых авторов. Молодёжь неохотно идёт в коллективы с прочным ядром возрастных литераторов и сложившимися традициями, выступает против печатных изданий, активно общается в социальных сетях, экспериментирует, соз-

даёт свои коллективы. Но в ассоциации есть положительный опыт на примере села Каратузское, где литобъединение «Луч», школа, библиотека и литературный музей связаны между собой важной задачей – выявлением способных к литературной работе школьников. Они задействуют юных авторов в различных мероприятиях и помогают им в творчестве. В ассоциацию входит клуб «Рифма», в котором педагоги и студенты Минусинского колледжа культуры и искусства работают вместе. А вот минусинский молодёжный коллектив «Стихотомия» работать вместе с «Сибирской лирой» не захотел, хотя попытки для объединения предпринимались. Возможно, это дело будущего. Ассоциация – «живой организм», находящийся в развитии.

В 2019 г. «Сибирская лира» стала лауреатом 1-й степени в первом краевом смотре-конкурсе литературных объединений, организованном Министерством культуры Красноярского края совместно с Красноярским отделением Союза писателей России. Ежегодно представители «Сибирской лиры» участвуют в поэтических чтениях «Под Рождественской звездой» в посёлке Курагино, а с 2020 г. принимают активное участие в Краснотуранске в литературном конкурсе им. М. Ф. Величко.

Члены ассоциации часто занимают призовые места в местных, краевых, Всероссийских и Международных литературных конкурсах. Людмила Соснина из литобъединения «Ирбис» – финалист-победитель конкурса «Поезд с страну детства» литературно-художественного журнала «Клио и Ко» (г. Пермь). Она неоднократно становилась победителем конкурсов, проводимых альманахом «Новый Енисейский литератор». Зоя Ешина из литобъединения «Стрежень» награждена почётным знаком лауреата Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». Её одноклубница Ольга Мерзлякова заняла первое место в конкурсе «Крымский мост», а член клуба «Рифма» Александр Давыдов в этом же конкурсе занял третье место. Ольга Тараканова с 2016 г. стабильно занимает первые-вторые места в открытых литературных конкурсах города Енисейска. В 2021 году она стала лауреатом третьей степени в Международном литературном конкурсе «Русская Европа». В первом литературно-музыкальном фестивале «Седьмое небо» Ольга Тараканова стала лауреатом в номинации «Крымские чудеса», а через год на этом фестивале Александр Давыдов занял 2 место в номинации «Авторская песня». Этот перечень так же, как перечень публикаций, довольно большой.

Публикуются авторы «Сибирской лиры» в коллективных сборниках во многих городах России, в краевых журналах «Литература Сибири», «Поэзия Сибири» и в альманахе «Новый Енисейский литератор», в ежемесячнике «Литературный Крым», в собственных изданиях литобъединений. С 2017 г. издаётся альманах ассоциации «Сибирская лира», редактор-составитель О. С. Тараканова. На страницах альманаха в разделе «Друзья ассоциации» есть произведения Владимира Топилина и Игоря Германа (Минусинск), Владимира Балашова (Саяногорск) и Альбины Курбижековой (Абакан), Виталия Неизвестных (Байкит) и Марины Серебренниковой (Красноярск), членов литературного клуба «Радуга» из города Лесосибирска. Ежегодно презентуется около десяти авторских книг членов ассоциации.

Если сравнивать годовые планы и отчёты «Сибирской лиры», то прослеживается выполнение всех пунктов запланированной работы. Среди мероприятий: дружеские встречи литературных объединений и творческие вечера отдельных авторов, презентации новых

книг и конкурсы, празднование дня рождения «Сибирской лиры» и юбилеев литобъединений ассоциации.

В 2018 г. в библиотеке им. А. Т. Черкасова (г. Минусинск) состоялся «Круглый стол» на тему «Роль литературных объединений в сохранении русского языка», организованный председателем правления ассоциации. По итогам работы «Круглого стола» был выпущен сборник докладов, его электронный вариант отправлен в издательство «Буква Статейнов», один из докладов опубликован в газете «Литературный Красноярск». В 2019 году в книге «Русская литература. XXI век» размещены фотографии и опубликована информация о «Сибирской лире».

К трёхлетию «Сибирской лиры» правлением ассоциации был подготовлен поэтический конкурс «Сибирская осень – 2019». В июне 2021 г. широко отмечалось 55-летие литературного объединения «Стрежень». Своих друзей приехали поздравить представители всех литобъединений ассоциации из Минусинска, Шушенского, Абакана, Краснотуранска, Каратузского, Курагино.

«Сибирская лира» поддерживает дружеские и деловые отношения с Домом литераторов и Союзом писателей Хакасии, с Красноярским отделением Союза писателей России. В национальной библиотеке им. Н. Г. Доможакова (г. Абакан) проводятся встречи с поэтами из «Сибирской лиры» под названием «Поэтический полдень». Молодые авторы ассоциации отдыхали в летнем литературном лагере Хакасии, где прослушали курс лекций по прозе, поэзии и драматургии. По приглашению директора республиканского Дома литераторов Н. А. Бурнаковой от ассоциации команда поэтического клуба «Рифма» участвовала в КВН, посвящённом Дню писателя, председатель правления КРО СП России В. И. Замышляев встречался с представителями всех литобъединений «Сибирской лиры» в литературном музее им. В. А. Астафьева города Красноярска.

В октябре 2021 г. Межрегиональной ассоциации литературных объединений юга Красноярского края и Хакасии – «Сибирская лира» исполнилось пять лет. Ролик о «Сибирской лире» демонстрировался в Красноярске на 75-летию краевой писательской организации и на VIII Сибирском историческом форуме. Статья О. С. Таракановой вошла в электронный сборник форума. По итогам 2021 г. ассоциация «Сибирская лира» была награждена Благодарственным письмом альманаха «Новый Енисейский литератор» за сотрудничество и пропаганду произведений сибирских авторов.

Каждое литобъединение имеет творческие связи с библиотеками, музеями, школами, находит поддержку администрации в своём населённом пункте. Но в целом, ассоциация не является общественной организацией какой-либо административно-территориальной единицы, не относится в полной мере ни к Красноярскому краю, ни к Республике Хакасия, что значительно осложняет работу. Особые трудности возникают, когда «Сибирской лире» требуется транспорт или материальная поддержка.

Бесспорно, ассоциация литобъединений «Сибирская лира» – это новая форма литературного сообщества, её методы работы, сама организация деятельности никем ранее не опробованы. Опыт литераторов ассоциации уникален, он заслуживает внимания, так же как и люди, энтузиасты, создавшие «Сибирскую лиру» и бескорыстно служащие её величеству Литературе.

Библиографический список:

1. Беляева Т. Язык мой – враг мой...или друг?: [Круглый стол] / Т. Беляева. // Власть труда. – 2018. – 20 марта
2. Горланова Л. К новым свершениям и победам; [к юбилею литобъединения «Стрежень»] / Л. Горланова. // Стрежень: вестник литобъединения «Стрежень» г. Саяногорска. – 2021. – № 6(49).
3. Медведева Л. Любовь, Весна, Победа.: [встреча литераторов юга Красноярского края и Хакасии] / Л. Медведева, Л. Рухлова. // Эхо Турана. – 2020. – 20 марта.
4. Статейнов А. Ольга Семёновна Тараканова и «Сибирская лира» [Фотоальбом] / А. Статейнов. // Русская литература. XXI век. – 2019. – С. 160-161.
5. Трёхлетие «Сибирской лиры»: [Новости регионов]. // Литературный Крым. – 2019. – № 11(487).
6. Устав ассоциации «Сибирская лира», протоколы Общих собраний и заседаний Правления, Планы и Отчёты.

**А. Н. Тимофеев,
г. Красноярск**

**ИЗДАТЕЛЬ НИКОЛАЙ МАРТЬЯНОВ
на страницах газеты «Новое Русское Слово» (1950 – 1969)**

Николай Николаевич Мартьянов (31.08.1893, Минусинск Енисейской губ. – 15.02.1984, Нью-Йорк) – младший сын основателя Минусинского регионального краеведческого музея, участник Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, участник Гражданской войны на Восточном фронте, эмигрировавший в Европу, проживавший в Праге и Берлине, исполнявший обязанности главного редактора русскоязычных изданий в Берлине: ежедневная газета «Голос России» и журнал «Революционная Россия» [51]. Ниже в хронологическом порядке представлены события американского периода жизни Мартьянова (1950 – 1969 гг.), многолетнего сотрудника газеты «Новое Русское Слово» (НРС), общественного деятеля, владельца книжного магазина, издателя отрывных и настольных календарей, книг и почтовых открыток, ориентированных на русскоязычного читателя.

Статья является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем сборнике [52].

1950, 19 марта. 10 лет назад впервые появился ежегодный «Календарь – справочник» под редакцией и в издании Н. Н. Мартьянова. Календарь стал преемником и продолжением «Справочника», существовавшего с 1931 года. В календаре приводятся сведения и адреса русских организаций по всей территории США и Канады, дан полный перечень православных приходов, всех «разветвлений» русской организации взаимопомощи, адреса врачей и юристов. В отдельной главе «Как стать гражданином Соединённых Штатов» изложен весь путь иммигранта, начиная с подачи просьбы о визе и кончая примером «экзамена», которому подвергается всякий кандидат на натурализацию. Сам календарь содержит все необходимые сведения, относящиеся к повседневному опыту религиозной жизни: святцы, праздники и посты [2].

1950, 22 марта. Заведующий книжным складом НРС Н. Н. Мартьянов заболел и помещён в госпиталь Парк Ист, 112, улица Ист 83 [3].

1951, 2 августа. В храме Христа Спасителя на 121 ул. состоялись похороны Н. А. Аслановой, преподавательницы пения, бывшей артистки Большого театра. В числе присутствовавших на первой панихиде кроме родственников указано 26 человек, в том числе Н. Н. Мартьянов с женой [4].

1951, 2 декабря. Поступил в продажу отрывной календарь на 1952 год. Издатель Н. Н. Мартьянов. Календарь прикреплен к художественно оформленной картонке. Цена \$ 2,20 [5].

1952, 2 января. Опубликованы «Размышления об отрывном календаре». Автор статьи – сотрудник НРС Аргус даёт высокую оценку календарям Мартьянова и считает его благодетелем, спасающим от невежества [6].

1952, 28 января. Рекламное сообщение о книге Н. Мартьянова. «Россика. Библиография русских писателей и о России на английском языке, изданных в Америке». Цена \$ 1,00 [7].

1952, 9 марта. Н. Мартьянов пожертвовал для Литературного фонда \$ 10.

С учётом ранее полученных пожертвований на счёте литфонда \$ 9407,62 [8].

1952, 12 мая. В продаже «Русско-американский настольный календарь-справочник на 1952 г.». Составитель Н. Мартьянов. Цена \$ 2,00 [9].

1952, 21 июля. Вышла из печати книга «Русский повар». Она дополнена новыми рецептами. Все рецепты подходят для американского рынка. В книге специальный англо-русский словарь – указатель продуктов и блюд для тех, кто не владеет в совершенстве английским языком. 144 стр. Цена \$ 3,00. Новое издание «Руководство для тех, кто хочет стать гражданином Соединённых Штатов». Все вопросы и ответы для экзаменов с переводом на русский язык. Цена 90 центов [10].

1952, 14 ноября. Долголетний заведующий книжным отделом Н. Н. Мартьянов подвергся серьёзной операции, которая прошла удовлетворительно [11].

1953, 19 февраля. Опубликован 28-й список поступлений в Литературный фонд, в котором указан Н. Н. Мартьянов, пожертвовавший \$ 10. С учётом прежних поступлений на счёте фонда \$ 7972,80 [12].

1953, 16 марта. В продаже «Русско-американский настольный календарь-справочник на 1953 г.» Составитель Н. Мартьянов. Цена \$ 2,00 и «Россика. Библиография русских писателей и о России на английском языке, изданных в Америке». Цена \$ 1,00 [13].

1953, 24 мая. Поступил в продажу новый русско-английский разговорник «Русский в Нью-Йорке». Составитель Нина Мартьянова, редактор Н. Н. Мартьянов. Собраны типичные выражения всех сторон американской жизни. Каждая фраза написана по-английски и по-русски. Произношение английских фраз указано на русском языке. Цена \$ 2,50 [14].

1953, 14 июня. Нина Николаевна Мартьянова окончила колледж Маунт Холиок, получив диплом бакалавра наук. Одновременно она была принята в члены организации «Фи Бетта Каппи», получив золотой ключ за успехи. 4 года назад она выдержала конкурс Вестингауза, избирающего ежегодно 300 самых талантливых учеников в Соединённых Штатах. Н. Н. Мартьянова приглашена в Беркли Университи (Калифорния), где она будет с осени преподавать математику и продолжать своё научное образование [15].

1953, 15 ноября. Н. Н. Мартьянов указан в числе спонсоров и членов Юбилейного комитета по чествованию Я. Л. Делевского [16, 17].

1955, 18 января. Опубликован двадцатый список жертвователей на нужды Литературного фонда. Н. Н. Мартьянов пожертвовал \$ 10,00. С учётом прежних поступлений на счете фонда \$ 9712,04 [18].

1955, 10 марта. На сооружение памятника И. А. Бунину в литературный фонд сделаны пожертвования разными лицами. Н. Мартьянов, пожертвовал \$ 1,00. Всего на памятник собрано \$ 201,00 [19].

1956, 9 декабря. Н. Н. Мартьянов издал рождественские открытки: цветные, глянцевые, работы известных русских художников. Много новых сюжетов. Цена 10 центов/шт. При заказе 10 открыток и больше пересылка бесплатно [20].

1957, 19 июня. Заведующий книжным складом НРС Н. Мартьянов высказывается о вкусах русских эмигрантов. По его мнению, имеет место перегиб в сторону утилитаризма. Наибольшим спросом пользуются учебники английского языка, словари и книги практического характера, а нужно было бы издавать однотомники русских классиков на хорошей бумаге в хороших переплётках. Однако на беллетристику спроса нет. Фаворитами спроса среди советских писателей являются юмористы Зощенко, Ильф и Петров [21].

1957, 17 сентября. Новое издание «Как стать гражданином США. Полное руководство для иностранцев». Приведены все главные статьи закона Мак Каррена, отменившие узаконения за прежние годы, вопросы, задаваемые на «экзаменах», важнейшие даты в истории США, географические карты. Цена \$ 1,25. Новое издание разговорника «Русский в Америке». Составитель Н. Мартьянова. Каждая фраза напечатана на русском и английском языках с произношением. Цена \$ 3,00 [22].

1960, 24 апреля. Представлены фотографии сотрудников газеты НРС, в том числе Н. Н. Мартьянова [23].

1960, 3 мая. Н. Н. Мартьянов выражает глубокое соболезнование семье по случаю кончины Лазаря Григорьевича Раузена [24].

1961, 11 июня. В Литературный фонд поступили пожертвования, в т.ч. \$ 40,00 от Н. Мартьянова за книги М. А. Алданова, проданные в Бразилию. С прежними поступлениями на счете фонда \$ 15302,94 [25].

1961, 4 июля. Вышел из печати русско-английский разговорник «Русский в Америке». Каждая фраза написана по-русски и по-английски с произношением. Цена \$ 3,00 [26].

1962, 11 февраля. Н. Н. Мартьянов с семьёй выразил глубокое соболезнование Заходянкиным по случаю кончины их матери Е. А. Гривской [27].

1962, 10 декабря. Н. Н. Мартьянов издал «Английский письмовник для русских». Руководство, как писать английские письма деловые и на разные случаи жизни. Книга содержит 300 писем (130 страниц). Цена \$ 2,00 [28].

1963, 25 мая. Поступил в продажу «Энциклопедический словарь» Ф. Ф. Павленкова. В словаре более 3000 страниц, множество иллюстраций и 112 географических карт. Выпустив словарь, издательство Н. Н. Мартьянова продолжает благородную традицию русского просветительства [29].

1963, 20 июня. Н. Н. Мартьянов с семейством выражает глубокое соболезнование К. П. Степановой по поводу кончины её мужа [30].

1963, 7 июля. Новое издание разговорника «Русский в Америке». Составитель - Нина Мартьянова. Каждая фраза напечатана на русском и английском языках с произношением. Цена \$ 3,00 [31].

1963, 13 сентября. Н. Н. Мартьянов с семьёй выражает глубокое соболезнование К. П. Степановой по случаю кончины её брата [32].

1963, 26 октября. Алексей Дубина обратился к Н. Н. Мартьянову с просьбой помочь ему перейти на положение невозвращенца. Мартьянов посоветовал незнакомцу обратиться на Толстовскую ферму. Дубина принял совет и явился поздно ночью на ферму. Невозвращенец утверждал, что приехал в США вместе с Громыко, что является членом Академии наук и специалистом по атомной энергии. Вызванная полиция подвергла его допросу, в ходе которого он запутался в показаниях, и в результате выяснилось, что его настоящее имя Александр Машеновский, ему 62 года, он старый эмигрант и живёт с женой в Бруклине [33].

1963, 28 октября. В издательстве Н. Н. Мартьянова вышел отрывной календарь на 1964 год. Одновременно выпущено 5 новых «многокрасочных» поздравительных открыток к Рождеству [34].

1965, 2 августа. В газете НРС опубликована большая статья «Музей им. Н. М. Мартьянова в Минусинске», в которой описана история музея, судьба его основателя и указано, что это - отец издателя Н. Н. Мартьянова [35].

1966, 27 февраля. Н. Н. Мартьянов с семьёй выражает глубокое соболезнование В. А. Новикову по случаю кончины его брата Николая Афанасьевича [36].

1966, 28 мая. Н. Н. Мартьянов с семьёй выражает глубокое соболезнование Т. П. Заходкиной по случаю кончины её мужа Виктора Филипповича [37].

1966, 13 ноября. Опубликовано эссе «Отрывной календарь на 1967 год», автор которого М. Железнов даёт высокую оценку календарям Мартьянова, напоминающим о родине и помогающим расширению кругозора [38].

1966, 10 декабря. Поступил в продажу отрывной календарь на 1966 год по старому и новому стилю. Издание Н. Н. Мартьянова. 730 страниц. Снабжён паспорту художественной работы в красках. Цена в магазине НРС \$ 2,50. Рекламное объявление. «Настольный календарь справочник на 1967 год» с указанием святцев, постов и праздников. Содержит сведения: госпитальная опека, дополнительное страхование, амбулаторный приём, медицинская помощь на дому, право на пенсию, таблица месячных пенсий и др. Русская печать в различных странах. Русские военные организации. Адреса отделений бюро труда для регистрации и пособий по безработице. Адреса учреждений: ведающих делами рабочих компенсаций и пособий по болезни, службы иммиграции и натурализации. Список православных приходов. Цена в магазине \$ 2,00 с пересылкой \$ 2,25. Новое пособие по изучению английского языка. «Русско-английский разговорник». Составила Нина Мартьянова. Издание Н. Н. Мартьянова. Цена в магазине \$ 3,00 с пересылкой \$ 3,25 [39].

1968, 16 января. Н. Н. Мартьянов выражает глубокое соболезнование семейству Тимошок по поводу кончины Игоря Петровича Тимошок (см. также публикацию от 25.05.1929) [40].

1968, 21 марта. Долголетний сотрудник и заведующий книжным отделом НРС Н. Н. Мартьянов подвергся операции в госпитале по сшиванию мускулов правой руки. В настоящее

время состояние больного улучшилось, и врачи разрешили ему 28 марта выписаться, а через несколько дней отдыха – приступить к исполнению своих обычных обязанностей [41].

1968, 2 декабря. С сегодняшнего дня книжный отдел НРС переходит в полную собственность книготорговца и издателя Н. Н. Мартьянова. Книжный магазин, к которому перешли тысячи книг со склада НРС, будет помещаться в здании редакции на третьем этаже. Н. Н. Мартьянов намерен расширить отдел антиквариата. Разумеется, в его магазине будут продаваться книжные новинки, календари, учебники, словари и др. [42].

1969, 20 июля. Опубликована статья Р. Полчанинова «550 открыток Васнецова», в которой упомянут Н. Н. Мартьянов, издавший открытки с двумя сюжетами. В статье указано, что самый большой книжный склад в Нью-Йорке принадлежит Н. Н. Мартьянову, который начал заниматься книгоиздательством с 1939 года. Всем известны его настенные (отрывные) календари. Украшать паспарту к календарям он решил открытками собственного производства. С этой целью были выпущены в 1946 г. чёрно-белые открытки («Тройка» и др.). В то время в США ещё никто не выпускал русских открыток, и на них был большой спрос. Всего было выпущено более 200 сюжетов, главным образом репродукций картин дореволюционных художников, а также и поздравительные (с Рождеством Христовым и Новым Годом, Пасхой и одна открытка – с Днём Ангела). Большинство поздравительных открыток принадлежит художникам-эмигрантам: Разумовскому, Гольдшмиту, Кузнецову, Шелоумову, Образкову, Ременникову и др. Обычный тираж открыток колеблется от 6 до 12 тысяч, но одна рождественская открытка (У–2904) была, по ошибке типографии, выпущена тиражом 25 000. Цветные открытки печатаются на высоком техническом уровне хромо-офсетным способом. На некоторых открытках Мартьянова отсутствуют номера, что усложняет их каталогизацию [43].

1969, 12 августа. На такси, в котором находился Н. Н. Мартьянов, налетел другой автомобиль. Обе машины полностью разбиты. Находившиеся в такси получили ранения и были доставлены в больницу. Никаких серьёзных повреждений у Н. Н. Мартьянова врачи не нашли, но он потерял много крови. На него наложили 16 швов и отправили домой. Он вернётся к делу через неделю [44].

1969, 1 сентября. Заказы книгоиздательства следует отправлять по адресу: N. MARTIANOFF. Bookstore, 243 W. 56th St., New York, N. Y. 10019. Telefon: 757 – 1388 [45].

1969, 25 октября. Поступили в продажу русские художественные открытки в красках лучших дореволюционных художников: Шишкина, Левитана, Васнецова, Репина, Гермашева, Билибина и др. Издание Н. Н. Мартьянова. Серия многокрасочных открыток художницы Е. Бем «Русская азбука». Также открытки «С Днём Ангела». Цена 10 центов за открытку [46].

1969, 3 ноября. Магазин Н. Мартьянова покупает комплекты и отдельные номера: «Современные записки», «Русские записки», «Архив русской революции», «Белое дело», «История и современник», «Социалистический вестник» (1922 – 1940), «Старые годы», «Числа», «Жар-птица», «Нева» и др. периодические издания [47].

1969, 23 ноября. Вышел из печати и поступил в продажу отрывной календарь на 1970 г. по старому и новому стилю (издание Н. Н. Мартьянова). Содержание: святцы на 1970 г. Биографии: писателей, учёных, великих мыслителей, выдающихся государственных деятелей, представителей искусства и других знаменитых людей. Прекрасные стихотворения,

исторические эпизоды и воспоминания, технические сведения и вообще разнообразный информационный материал. Практические советы в области здоровья и гигиены. Интересные сведения под заглавием «Обо всём». Афоризмы, пословицы и поговорки. Юмор. Цена \$ 2,85 [48].

1969, 14 декабря. Н. Н. Мартьянов, сотрудники книгоиздательства и книжного магазина выражают глубокое соболезнование своей сослуживице М. В. Подушкиной [49] по поводу кончины её мужа Константина Николаевича [1]. Вышла книга С. Шварца «Советский союз и арабо-израильская война 1967 года». Приведено содержание книги. Цена \$ 2,00. В газете опубликован список постоянных сотрудников НРС, в числе которых фамилия Мартьянова не указана [50].

Библиографический список:

1. Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. – Хэмден (Коннектикут, США) – Сан-Франциско (США) – Санкт-Петербург (Россия), 2005. – С. 400.
2. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1950. – 19 март. – С. 2.
3. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1950. – 22 март. – С. 2.
4. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1951. – 2 авг. – С. 1.
5. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1951. – 2 дек. – С. 6.
6. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1952. – 2 янв. – С. ?
7. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1952. – 28 янв. – С. 3. Объявление о продаже книги напечатано и в других номерах газеты: 29 янв.; 5 февр.; 13 марта; 7, 14 апр.; 5, 6, 13, 19, 20 мая; 1, 2, 16, 17 июня; 6, 13, 21 июля; 2, 16 сент. 1952.
8. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1952. – 9 март. – С. 3.
9. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1952. – 12 мая. – С. 3.
10. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1952. – 21 июля. – С. 4.
11. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1952. – 14 ноя. – С. 3.
12. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1953. – 19 фев. – С. 3.
13. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1953. – 16 март. – С. 5.
14. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1953. – 24 мая. – С. ?
15. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1953. – 14 июня – С. ?
16. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1953. – 15 ноя. – С. 6.
17. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1954. – 2 фев. – С. ?
18. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1955. – 18 янв. – С. ?
19. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1955. – 10 март. – С. ?
20. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1956. – 9 дек. – С. ?
21. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1957. – 19 июня. – С. ?
22. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1957. – 17 сент. – С. ?
23. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 24.04.1960. – 24 апр. – С. 3.
24. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 3.05.1960. – 3 мая. – С. 1.
25. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1961. – 11 июня. – С. 5.
26. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1961. – 4 июля. – С. 3.
27. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1962. – 11 фев. – С. 1.
28. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1962. – 10 дек. – С. 8.
29. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1963. – 25 мая. – С. 4.
30. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1963. – 20 июня. – С. 1.
31. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1963. – 7 июля. – С. 7.
32. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1963. – 13 сент. – С. 1.
33. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1963. – 26 окт. – С. 1.
34. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1963. – 28 окт. – С. 3.

35. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1965. – 2 авг. – С. 2.
36. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1966. – 27 февр. – С. 1.
37. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1966. – 28 мая. – С. 1.
38. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1966. – 13 ноя. – С. 8.
39. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1966. – 10 дек. – С. 5.
40. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1968. – 16 янв. – С. 1.
41. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1968. – 21 март. – С. 3.
42. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1968. – 2 дек. – С. 3.
43. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 20 июля. – С. 8.
44. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 12 авг. – С. 3.
45. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 1 сент. – С. ?
46. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 25 окт. – С. 3.
47. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 3 ноя. – С. 4.
48. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 23 ноя. – С. 7.
49. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 14 дек. – С. 1.
50. Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1969. – 14 дек. – С. ?
51. Тимофеев А. Н. Календарь Мартьянова (реконструкция биографии) // Мартьяновские краеведческие чтения (2010 – 2011). Сборник докладов и сообщений. Вып. VII. – г. Минусинск, 2012. – С. 386-389.
52. Тимофеев А. Н. Издатель Николай Мартьянов на страницах газеты «Новое русское слово» (1927-1949) // Мартьяновские краеведческие чтения (1920 – 1921). Вып. 14. – Минусинск, 2021. – С. 214-218.

**И. Г. Фёдоров,
г. Дивногорск**

Святыня Красноярского Знаменского скита

В 2021 г. исполнилось 135 лет со дня освящения чудотворной иконы Знамение Абалакской-Скитской Божией Матери, ставшей в нач. XX в. Святыней не только Красноярского Знаменского общежительного мужского скита, где она обреталась, но и всей Енисейской епархии.

Красноярский Знаменский общежительный мужской скит был основан 19 августа 1888 г. на правом берегу реки Енисей, в 30 км вверх по течению от губернского города Красноярска [1, лл. 1-2]. Ныне на этом месте располагается город Дивногорск.

Знаменский скит был основан при Красноярском Успенском общежительном мужском монастыре для прокормления и нужд братии, но 26 сентября 1892 г., согласно распоряжению Енисейского епархиального начальства, изложенному в указе Духовной консистории, изъят из подчинения монастыря и предоставлен в непосредственное ведение местного епископа, т. е. становится самостоятельным учреждением Ведомства православного исповедания [4, лл. 3, 3 об.].

Святыней Знаменского скита являлась икона Знамение Абалакской-Скитской Божией Матери [3, лл. 1-2 об.].

Абалакская икона Божией Матери является одной из наиболее почитаемых святынь Сибири. История, связанная с прославлением этой иконы такова. В 1636 г. жила на Абалакском погосте, близ Тобольска, одинокая вдова по имени Мария. В лёгком сне она увидела

на воздухе три иконы. Посреди – икона Божией Матери, справа от неё – святителя Николая, а слева – преподобной Марии Египетской. От иконы Богородицы был глас: «Мария! Объяви об этом видении народу и скажи, чтобы на Абалакском погосте построили по правую сторону ветхой Преображенской церкви новую, деревянную, во имя иконы «Знамение» Пречистой Богородицы, что в дальнем Новгороде, с приделами: по одну сторону – святителя Николая, а по другую – преподобной Марии Египетской». Вразумлённая этим видением вдовица отправилась к архиепископу Нектарию и поведала ему при всём соборе о видениях. Преосвященный архипастырь дал Абалакским прихожанам благословение строить церковь во имя Богородицы [10, с. 28-29].

Тогда же дал обет написать храмовый образ в эту церковь парализованный крестьянин Евфимий. После полудня в тот же день Евфимий начал владеть правою стороною своего тела. Испросив благословения у преосвященного Нектария, Евфимий заказал указанный ему образ протоиереев Софийского Тобольского собора Матфею, который славился по всей Сибири как искуснейший живописец. По мере того как писалась икона, Евфимию день ото дня становилось легче. Наконец, здоровье его совсем поправилось. Он пришёл к живописцу, и сам понёс от него написанный образ в собор для освящения. Когда совершалось перенесение иконы в Абалак для постановления её в новом храме, и шествие достигло деревни Шанталык, Богоматерь прославила свой образ новым чудом. У крестьянина этой деревни Василия была дочь, которая уже два года ничего не видела. Услышав, что несут образ в Абалак, Василий вышел со своей несчастной дочерью навстречу шествию. Припав к образу с верою и слезами, скорбящий отец умолял Пречистую Деву помиловать его несчастную дочь, и к радости и удивлению его и всех присутствовавших девица прозрела. В XVII-XIX вв. с иконы Божией матери «Знамение» Абалакская в Сибири было сделано много списков, которые почитались как чудотворные [8, с. 48-49].

Один из самых почитаемых списков обрелся в Красноярском Знаменском мужском общежительном скиту. История обретения святыни такова. В 1886 г. в Екатеринбургском Ново-Тихвинском женском монастыре, казак из Енисейской губернии Кассиан Бабенков, впоследствии монах Знаменского скита Тихон, заказал, по данной ему доверенности жителями одной из деревень Енисейской епархии, написать храмовую икону Божией Матери. Заведующая живописной монастыря монахиня Ангелина написала образ Богоматери – копию с явленной чудотворной иконы, именуемой Знаменской Абалакской. Икона размером 1¼ аршина высоты (примерно 90 см) и 1 аршин ширины (71 см), на нарисованной доске, по золоченному чеканному фону, в византийском стиле. Стоимость иконы была определена в 150 рублей. Накануне освящения иконы Кассиан получил письмо от своих доверителей, которые сообщали, «... что для них эта икона будет очень дорога и не подходящая». 27 ноября образ Абалакской Богоматери был освящён в Соборном монастырском храме, причём монахиня Ангелина, вручая освящённую икону Кассиану Бабенкову, определила её дальнейшее местообитание так – куда Матерь Божия сама благоизволит. В пути с Бабенковым произошёл один случай. Во время остановки в селе Ишим, на его квартиру пришла неизвестная странница, назвавшаяся Марфой. Она, обратившись к Бабенкову, спросила его: «Ты куда везешь этот образ?» – «В Красноярский Успенский Монастырь» – ответил Бабенков. «Нет, Матерь Божия там жить не будет, она выстроит свой монастырь». Сказав это, она удалилась, и никто её в Ишиме более не видел [6, с. 1-2].

По приезду в Красноярский Успенский монастырь в марте 1887 г. Кассиан Бабенков был принят наместником, иеромонахом Филаретом. Кассиан без утайки рассказал Филарету, как заказывал Святую икону, как путешествовал с нею тысячи вёрст, как встретила ему в селе Ишиме неизвестная странница и говорила о построении какой-то новой обители для этой иконы. Его слова глубоко запали в душу иеромонаха Филарета. Спустя год, при закладке церкви новой иноческой обители, нарекли её в честь образа Знамения Абалакской Божией Матери. 26 ноября 1889 г. иеромонах Филарет с благословения епископа Енисейского и Красноярского Тихона привёз из Успенского монастыря в скит Святой антиминос и храмовую икону Божией Матери Знамения Абалакской. А 27 ноября, в день празднования Абалакской иконы, в Знаменском скиту была совершена первая божественная литургия и с этого времени икона становится Великой Святыней скита. После того, как в скиту была построена и 8 июля 1891 г. освящена Знаменская церковь, икону перенесли туда и установили перед царскими воротами. Почти сразу паломники (а их в скиту бывало до шести тысяч в год) заметили чудодейственную благодатную силу иконы, исцеляющую от недугов душевных и телесных [7, с. 85].

Что касается Кассиана Бабенкова, заказчика храмовой иконы Божией Матери, ставшей святыней Знаменского скита, сообщим о нём следующие сведения: Кассиан Филиппович Бабенков родился в 1838 году. Крестьянин из казаков деревни Преображенской Покровской волости Ачинского округа Енисейской губернии. Грамотный. С 1874 г. был послушником Красноярского Успенского монастыря. С 1881 по 1884 гг. – послушником Тюменского Троицкого монастыря. В 1886 г. привёз из Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря икону Знамения Абалакскую, будущую святыню Знаменского скита. С 1886 по 1892 гг. был послушником при Красноярском Успенском монастыре, а с 1892 по 1897 гг. послушником при Красноярском Знаменском ските. С середины 1898 г. состоял послушником при Красноярском Успенском монастыре [9, с. 136]. В 1899 г., согласно рапорта в Енисейскую духовную консисторию заведующего Красноярским Успенским общежительным монастырем иеромонаха Владимира «...во исполнение Указа, от 12 сего августа за №5634-м, и, согласно резолюции Его Преосвященства, долг имею почтительнейше донести Духовной Консистории, что рясофорный послушник Кассиан Бабенков по Архипастырскому благословению мною пострижен 29 августа в монашество с наречением имени – «Тихон» [5, л. 11]. Дальнейшая судьба монаха Тихона была связана с монастырями Енисейской епархии.

В 1900 г. к Епархиальному начальству обратились жители Заледеевской волости с просьбой о крестном ходе по деревням и сёлам волости с иконой. В следующем году аналогичное ходатайство поступило от жителей г. Красноярска, а также Минусинского и Ачинского уездов. В своих приговорах они называли эту икону «Скитской-Чудотворной».

Приведём два документа, хранящихся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), как организовывались крестные ходы с храмовой иконой Божией Матери Знамения Абалакской и как фиксировались факты исцеления от неё в 1904 году.

Документ первый: «О разрешении принести в село Анаш икону Абалакской Божией Матери. Красноярск. 12 июля 1904 г. строителю Красноярского Знаменского общежительного Скита Иеромонаху Филарету. По Указу Его Императорского Величества, Духовная Консистория даёт Вам знать для сведения и зависящего распоряжения, что на прошение

доверенного общества крестьян Минусинского уезда Комской волости села Анаша – Матвея Ермолаевича Кадошника от 15 мая с. г. о разрешении принести в село Анаш икону Абалакской Божией Матери, находящуюся в Знаменском ските, последовала резолюция Его Преосвященства такого содержания: «Разрешается изнесение иконы Абалакской Божией Матери из Знаменского Скита в село Анашское для служения молебнов по домам прихожан и в поле – только на один раз». Июля 12 дня 1904 года. Член Консistorии Священник А. Фигуровский [2, л. 66].

Документ второй: «Об исцелении от болезни крестьянина деревни Черно-Комской. Знаменский скит. 10 октября 1904 г. В Енисейскую духовную Консistorию. Рапорт. В исполнении рапорта моего от 4 сентября с. г. за №141 имею честь почтительнейше при сем представить Консistorии акт, об исцелении от болезни крестьянина дер. Черно-Комской, Изота Шемясова, последовавшем во время служения им молебна при Храмовой Иконе Знамение Божией Матери вверенного мне Скита. Верно: Строитель Знаменского Скита, иеромонах Филарет» [2, л. 65].

В 1905 г., по распоряжению епархиального начальства, началось следствие о чудесах, бывших от иконы Божией Матери, которую теперь называли Знамение Абалакской-Скитской. Расследование установило 15 чудес, о которых и было донесено в Святейший Правительствующий Синод, который признал икону чудотворной и указом от 30 апреля 1907 г. разрешил хождение со святою чудотворною иконою по всей Енисейской епархии. Количество чудес, бывших от иконы, продолжало расти, и к 1914 г. их было уже около 40 [6, с. 2-3].

В 1920 г., после окончания Гражданской войны, Знаменский скит был закрыт. В мае этого года постройки скита были переданы вновь образованному советскому хозяйству – детдому, который переименовали в детский трудовой городок № 2 в 1921 году. Монахи, в большей своей части, остались в Знаменском скиту и Успенском монастыре на весь период сельскохозяйственных работ. Окончательно скит был упразднён (ликвидирован) до 1 апреля 1921 г., а все монахи выселены из обители [9, с. 23].

Но судьба была милостива к святыне Знаменского скита. Сотрудник Красноярского краеведческого музея М. А. Дмитриев вывез икону в 1929 г., и в запасниках этого музея она хранилась до наших дней, под инвентарным номером ЖИ 1295. КП о/ф 9700/1173 [8, с. 8, 51].

В 2010 г., спустя 81 год, чудотворная икона вернулась в Дивногорск для совершения крестного хода. Вот как об этом писал в дивногорской газете «Огни Енисея» Ярослав Игоревич Фёдоров: «В пятницу, 30 июля 2010 года, для всех дивногорцев произошло поистине знаменательное событие. К Дивным горам на берега Енисея вернулась главная святыня Знаменского Скита – чудотворная икона Божией матери «Знамение» Абалакская. Спустя 81 год чудотворная икона, пусть и ненадолго, вновь вернулась на дивногорскую землю. Во многом это стало возможным благодаря трудам и заботам настоятеля Свято-Знаменского Храма г. Дивногорска иерея отца Николая (Ши-кэ-мина), доброй воли директора Красноярского краеведческого музея Валентины Михайловны Ярошевской, главного хранителя этого же музея Александра Адольфовича Гуляева и директора Дивногорского городского музея Игоря Геннадьевича Фёдорова. В понедельник, 2 августа 2010 года, на Дивногорской земле был совершён крестный ход с чудотворной иконой Божией матери «Знамение»

Абалакская. Это торжественное событие объединило всех православных жителей города, которые пришли поклониться Святыни. Дивногорцы разных возрастов, собрались у Свято-Знаменского храма. Были и совсем крохотные детки у матерей на руках, были и молодые люди школьного и студенческого возраста, но всё-таки большинство составляли – люди старшего поколения. От храма до Знаменского скита, таков был путь верующих, шествующих за чудотворной иконой. Всего в крестном ходе приняли участие около пяти-сот человек» [8, с. 52-53].

Своё 135-летие икона встретила в дивногорском храме иконы Божией Матери «Знамение» Абалакская, в котором находится по согласованию с Красноярским краевым краеведческим музеем. Также, как и более 100 лет назад, к ней приходят страждущие душой и телом за исцелением. И всё также икона милостива к нам, православным земли русской, поэтому история исцелений пополняется новыми и новыми фактами для будущих работ исследователей православия на берегах Енисея.

Библиографический список:

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.104 (Красноярский Знаменский мужской общежительный Скит Енисейской духовной епархии). Оп.1. Д.5. Послужные списки о братии мужского Скита, сведения о Знаменском общежительном Ските и ведомость о живущих в качестве послушников богомольцев.
2. ГАКК. Ф.104. Оп.1. Д.12. Указы Енисейской духовной Консистерии. Ведомость. Послужные списки.
3. ГАКК. Ф.104. Оп.1. Д. 16. Указы Енисейской духовной консистории, рапорты настоятеля Скита в Енисейскую Духовную консисторию и др.
4. ГАКК. Ф. 592 (Красноярское Духовное правление). Оп. 1. Д. 1548а. Указ Енисейской Духовной консистории от 28 сентября 1892 г. о разграничении прав между Успенским монастырем и Знаменским скитом. Предписание Енисейской Духовной консистории священноцерковнослужителям епархии от 9 декабря 1895 г. по вопросам ведения церковных дел.
5. ГАКК. Ф. 674 (Енисейская духовная консистория). Оп.1. Д. 4692. Рапорт Заведывающего Красноярским Успенским общежительным монастырем иеромонаха Владимира о принятии крестьянина Кассиана Филипповича Бабенкова в монастырь. Лл. 1-11.
6. Серапион иеромонах. Краткие сведения о местно-чтимой чудотворной иконе, именуемой Знамение Абалакской Скитской Богоматери. – Одесса: Типография Е. И. Фесенко, 1914. – 4 с.
7. Фёдоров И. Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. – Красноярск: Поликом, 2017. – 160 с., илл.
8. Фёдоров И. Г. 130 лет Красноярского Знаменского общежительного мужского скита в фотографиях и иллюстрациях. – Красноярск: Папирус, 2018. – 114 с., ил.
9. Фёдоров И. Г. Документы и материалы по истории Красноярского Знаменского скита. – Красноярск: Папирус, 2019. – 172 с.: ил.
10. Щенникова Л. А., Исаева Н. Н. Абалакская «Знамение» икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. I / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2011. – С. 28-29.

С. П. Худышкина
г. Енисейск

Список убитых, по данным метрических книг Енисейского городского архива в период 1919 года, как исторический источник истории Гражданской войны в Енисейске и Енисейском округе

Революция, война. Какие ёмкие и трагические слова. Ещё трагичнее они звучат, если речь идёт о войне гражданской. Обе воюющие стороны говорят на одном языке, имеют одинаковые привычки, обычаи, традиции, более того это могут быть близкие люди, соседи, земляки. Гражданская война явилась итогом революционного кризиса, поразившего Россию в нач. XX в., начавшегося с революции 1905-1907 гг., усугубившегося в ходе мировой войны и приведшего к падению монархии, хозяйственной разрухе, глубокому социальному, национальному, политическому и идейному расколу российского общества.

В настоящее время вырос интерес к региональной истории, в частности к тем историческим вехам, которые носят особо противоречивый и трагический характер. Таким периодом, в частности, стали первые годы становления и закрепления советской власти в городе Енисейске и Енисейском уезде 1917-1920 гг. Тема революции, Гражданской войны неоднократно появляется в исследованиях, но чёткой картины этих событий, особенно на местном уровне так и не возникает. Несмотря на то, что после революционных событий прошло уже сто лет, однако период смены власти и его последствия как для страны в целом, так и для конкретной территории освещаются исследователями неоднозначно.

Проблема исследования состоит в том, что, с одной стороны, наличие фактических документов даёт возможность изучить данный исторический период, но, с другой стороны, документов этого периода крайне мало. Кроме того, многие источники носят субъективный и узкий характер и не обеспечивают возможности для объективного исследования революционного периода 1917-1920-х гг. в г. Енисейске и Енисейском уезде.

Главный источник, на котором строится данное исследование, – это «Список убитых в 1919 году по данным метрических книг Енисейского городского архива», именно он стал основой для изучения.

Кроме указанного источника была изучена книга А. В. Мармышева и А. Г. Елисеенко «Гражданская война в Енисейской губернии». В ходе исследования исследовались восемь архивных дел из Ф. 250 Енисейского городского архива, таких как: «Постановления, приказы и объявления Енисейского уездного революционного комитета и городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Приказы и объявления Енисейского временного революционного штаба», «Объявления Енисейского уездного исполкома и его отделов 1920 года», «Программы, обращения и протоколы заседаний контрреволюционных партий 1917 года», «Хроника важнейших событий в г. Енисейске, составленная работниками краеведческого музея 1917-1918 год». Эти источники и исследования помогли мне увидеть целостную картину революционного периода.

В марте 1917 г. власть в России и, в частности, в городе Енисейске переходит в руки Временного правительства, которое в течение 1917 г. не справляется с управлением страной и в октябре 1917 г. теряет власть, она переходит к социал-демократической партии

большевиков. Простой народ, уставший от войны, голода и преступности, был готов принять любую власть, которая смогла бы облегчить его положение, пусть и с помощью насилия. Самой энергичной революционной силой оказалась партия большевиков, возглавляемая В. И. Лениным. Лозунги большевиков: «Земля – крестьянам», «Фабрики – рабочим», «Мир – народам» были понятны и доступны для населения. В декабре 1917 г. Советы оформили новые структуры власти в центре и на местах, в том числе и в Енисейске окончательно сформировались исполкомы и ревкомы.

В первые месяцы советской власти в Енисейске и уезде были национализированы золотые прииски, водный транспорт, предприятия, общественные здания. Шла перестройка в области здравоохранения, народного образования и культуры. Обобществлялись банки и промышленные предприятия, что парализовало торговлю. Проводилась конфискация зерна, в сёлах развернулась борьба с кулаками, создавались коммуны и госхозы, организовали изъятие «излишков» хлеба у крестьян. Нерешённость и неразбериха во многих вопросах экономической, политической жизни ставит Советы в затруднительное положение. Им приходится применять не популярные меры: введение налогов, запрет торговли, изъятие продовольствия, привлечение к ответственности за нежелание сотрудничать с новой властью. Эти и другие меры порождали недовольство и недоверие к большевикам, а впоследствии это вылилось в контрреволюционные выступления на территории всей губернии. С мая 1918 г. начинается процесс свержения советской власти по всей Сибири и Дальнему Востоку. Обычно эти события считают началом полномасштабной Гражданской войны в азиатской части России. 18 июня 1918 года – день падения Советской власти в Енисейске. Наступил период контрреволюционного переворота. В Сибири была объявлена новая власть – Временное сибирское правительство. На местах формировались новые органы власти, сразу же начавшие бурную деятельность. Во главе антибольшевистского движения в Енисейске оказался товарищ Петунин.

Хочется отметить тот факт, что независимо от того, какая власть управляла городом и уездом в этот сложный и противоречивый период, проблемы, которые она должна была решить были одни и те же. Нерешённость финансового вопроса, заставляла и ту, и другую власть вводить налоги на население, нерешёнными оставались продовольственный вопрос, вопрос образования и т. п. Для того, чтобы выйти из кризиса, нужно было идти на непопулярные и жёсткие меры, что отталкивало от властей значительные слои населения. Так произошло с властью Советов, то же самое повторилось с новой контрреволюционной властью.

В конце 1918 г. политическая борьба обостряется. Происходят один за другим выступления против «белой власти». В сентябре – бунт в Большемуртинском, в ноябре начинается минусинский мятеж, 27 декабря восстали рабочие Иланского, восстание перекинулось в Канск. В начале декабря образовался партизанский отряд в Ачинском уезде, в Уярской волости был организован отряд Красной гвардии. Партизанские отряды красных повстанцев стали объединяться и совместными усилиями наносить точечные поражения белым войскам.

Начало 1919 г. ознаменовалось усилением борьбы белых и красных. На территории Енисейска и Енисейского уезда в феврале 1919 г. начинается Енисейско-Маклаковское восстание, одно из трагических событий, закончившееся жестокой расправой. Многие

считали власть большевиков незаконной и преступной. Не случайно большевики вели свою борьбу за власть не на жизнь, а на смерть. Это восстание, ничего кроме преступлений, смерти и грабежей в памяти людей не оставило. Но власть белых тоже была недолгой, осенью 1919 г. началось великое отступление белогвардейских армий и масштабное наступление партизан. В декабре 1919 г. власть в Енисейске снова перешла в руки большевиков.

В начале 20-х гг. борьба на территории Енисейской губернии между противоборствующими силами не прекращалась, что и определило состояние её экономики. Боевые действия прокатились по многим сельскохозяйственным житницам региона, немногочисленные промышленные предприятия простаивали без сырья. Были разрушены дома, постройки как промышленного, так и бытового назначения, в десятки, раз выросли цены. Поток переселенцев не прекращался.

В Енисейске в течение всего 1920 г. положение было нестабильным. Сохранялась угроза нападения белогвардейских повстанцев на город и его окрестности. Несмотря на это, большевики, вновь завоевав власть в конце 1919 г., уже не выпускали её из своих рук, начинается процесс становления большевистского государства.

Проанализировав «Список...», который содержал 185 фамилий, выяснили, что он содержит следующие данные: фамилия погибшего, возраст, дата смерти и дата погребения, причина смерти и место погребения.

Первое, что попытались выяснить, – количество убитых в течение года по месяцам. Самым высоким по количеству убитых стал февраль – 90 человек, затем март – 24 человека, в январе был убит 21 человек. Возникает вопрос, почему именно эти месяцы стали самыми высокими по количеству смертей? Для уточнения этого вопроса изучались другие источники, из которых стала понятна причина. 17 ноября 1917 г. в Енисейском уезде установилась советская власть. В апреле 1918 г. партия социал-революционеров (эсеров), обратилась ко всем гражданам Енисейска и уезда с попыткой призвать население к протесту против Октябрьской революции, но первая акция окончилась безрезультатно. Постепенно протест набирал силы и 18 июня 1918 г. стал днём падения советской власти. Наступил период контрреволюционного переворота в Сибири.

В начале 1919 г. Енисейские большевики стали готовиться к открытому выступлению против колчаковского режима и в ночь с 5 на 6 февраля 1919 г. начинается вооружённое Енисейско-Маклаковское восстание. Три недели город находился в руках восставших. Но силы были неравными. Прибыли новые регулярные части белогвардейцев из Красноярска. Восстание было подавлено 29 февраля 1919 года. Большевики ушли в подполье, стали осуществлять нелегальную деятельность по организации возврата власти.

Память о тех событиях осталась у нас в городе в виде братской могилы у Успенской церкви, на территории кладбища с. Верхнепашино, обелиск в д. Горская, и памятник сибиряку-партизану в г. Лесосибирске на высоком пьедестале у речки Маклаковки. Именно с вооружённым восстанием связано большое количество погибших из нашего списка за период с конца января по конец марта 1919 года. Есть мнение о том, что движущей силой восстания были дезертиры, которые уклонялись от службы в колчаковской армии. Молодые сибиряки предпочитали скрываться в тайге, чем отправляться на фронт.

Следующая информация, которая была проанализирована – причины смерти тех, кто

находился в списке. Выяснились следующие данные. Обратим внимание, что все подсчёты выполнялись только относительно списка. Убиты вовремя мятежа – 3 чел., казнены за участие в мятеже – 5 чел., казнены за восстание против власти – 29 чел., убиты в тюрьме г. Енисейска – 8 чел., убиты во время побега из тюрьмы – 2 чел., убиты во время сражения – 2 чел., убиты – 92 чел., казнены – 36 человек. Иногда в списке указывалось, кем, например, были убиты жертвы. Красногвардейцами – 8 чел.; большевиками – 7; правительственными войсками (белогвардейцами) – 11 человек. Причём красногвардейцы и большевики – это люди, воевавшие против белогвардейцев.

Интересна в списке графа «Дата смерти и дата погребения». У большинства погибших в этой графе ничего не зафиксировано, но у тех, у кого сведения присутствуют, прослеживается следующая закономерность. От даты смерти до даты погребения проходят достаточно большие сроки: от 12 до 42 дней. О чём могут говорить эти, обычные на первый взгляд, цифры? Вначале предположили, что восстание происходило в период зимнего времени, убитых скрывало снегом, и их тела были найдены позже. Это догадка могла касаться тех убитых людей, напротив фамилий которых нет ни даты смерти, ни даты погребения. А если дата смерти известна точно, то по какой причине трупы людей долгое время не придавали захоронению?

Как выяснилось из других источников, трупы длительное время специально не выдавались родственникам погибших. Причин такого положения не были найдены в документах, которые изучались, но смею предположить, что отчасти это делалось для устрашения населения, отчасти из-за большого количества погибших в период восстания и выяснения их причастности к событию, тем не менее точных данных нет.

Исходя из того факта, что в «Списке...» присутствует такая причина смерти, как «казнён», следовательно, участников восстания и тех, кто защищал интересы белогвардейцев, казнили, причем казнили с обеих сторон беспощадно и жестоко. Так, к примеру, восставшими, т. е. красными 23 февраля «...в стенах тюрьмы было приколото семь человек...». Из доклада представителей белой армии становится известно о жертвах среди восставших красных: «...28 февраля город был совершенно очищен от мятежников: держалась только одна группа противника, засевшая в одной из колоколен. У нас ранен один. Потери мятежников громадны: банда восставших совершенно уничтожена, пока поднято 200 трупов».

Всего в ходе боёв и последующих судебных расправ было уничтожено несколько сотен человек. О количестве погибших есть разные сведения. Говорят, о 1000 расстрелянных. Авторы книги «Красноярье: пять веков истории» упоминают о 600 расстрелянных. В советской историографии приводятся сведения о массовых казнях. Конечно, без этого не обошлось. Однако надо вспомнить, что в мятеже участвовало не менее 800 человек. Очень многие погибли при падении Енисейска. Казни были довольно жестокими. Например, была распространена «отправка в Туруханск», когда осуждённого на смерть спускали в прорубь – под лёд. В Енисейске подобных «путешественников» было много. Такой способ казни был распространён у всех сторон, участвующих в Гражданской войне в тайге Енисейской губернии. Это было отличие Ангары и Енисея, которое берёт корни в традициях местных крестьян-старожилов, – ещё в прошлом веке топили преступников-каторжан. Живое олицетворение выражения «закон – тайга».

Когда в конце 1919 г. большевики вновь захватывают власть в городе, то Миндаровский

приводит следующие сведения: «...все подвергнуты аресту лица вместо освобождения, как было обусловлено договором, были заключены в тюрьму, продержаны там с неделю, а затем под командованием того же Накладова посажены в сани и отвезены по тракту, якобы в Красноярск, но под Маклаковкой на известной Бурмакинской горе расстреляны самым варварским образом (снимали предварительно всю одежду и обувь, заставляли бежать по снегу и вслед пускали пулю». Таким образом, обе стороны в Гражданской войне применяли террор – жестокость и запугивание врага.

Следующая информация, которая была проанализирована – возраст убитых. Средний возраст был равен 23,5 годам. Убитых в возрасте от 20 до 30 лет оказалось 45%, в возрасте от 0-19 лет – 20% от общего числа, в основном это люди 16-19 лет.

Таким образом, в трагических событиях гибли молодые люди, которые должны были стать основным рабочим, творческим и репродуктивным ресурсом.

Благодаря анализу мест погребения убитых, выяснилось, что это были уроженцы города Енисейска и их отпевали в церквях города жители Енисейского уезда, а именно из сёл: Маклаково, Яланского, Ожигово, Нефантьево, Погодаево, Чалбышево, Городище, Подгорное. Также из деревень: Горская, Малобелая, Тюремная, Мариловцево, Каменка, Усть-Кемь. Таким образом, география попавших в список людей достаточно широка, то есть в нём есть жители не только города, но и всего Енисейского уезда, которые так или иначе принимали участие в восстании или стали жертвами исторического события.

Список убитых – это источник, из которого можно выявить информацию, провести её анализ и сделать определённые выводы о неоднозначных и трагических событиях нашего общего исторического прошлого. Сам список может стать интересным источником по родословию, через поиск в нём фамилий и восстановления утраченных может быть сведений о том или ином предке. Хочется подчеркнуть, что, отдавая монополию на истину какой-либо одной воевавшей стороне, мы неизбежно искажаем картину и грешим против истории. До сих пор в России едва ли не в каждой семье хранятся фотографии дедов и прадедов – в будёновках или погонах. Это и есть наша совокупная история, противоречивая и трагическая. Мы до сих пор пользуемся заученными штампами-представлениями: красные – белые, бедные против богатых, эксплуататоры – эксплуатируемые. И обманываем себя, ибо в жизни всё было намного сложнее. В том числе и в таком маленьком провинциальном городе как Енисейск, где фамилии современников тесно связаны с участниками трагических событий Гражданской войны, Енисейско-Маклаковского восстания.

Библиографический список:

1. Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: Изд-во ООО «Версо», 2008.
2. Енисейский родослов. Список убитых по данным метрических книг Енисейского городского архива в период 1919 года. – Енисейск, 2015.
3. КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова». 9821. В северной тайге во время Енисейского восстания // Енисейский вестник. – 1919. – 9 апреля.
4. МУ Енисейский городской архив (ЕГА). Ф.Р-250. Оп.1. Д.7. Л.8.
5. МУ ЕГА. Ф.Р-73/Р-264. Оп.1. Д.2. Л.101-103
6. МУ ЕГА. Ф.Р-73/Р-264. Оп.1. Д.2. Л.162.
7. МКУ Енисейский районный архив (ЕРА). К годовщине восстания // Известия Енисейского

уездного революционного комитета. – 1920. – 28 февраля.

8. МУ ЕГА. Ф.Р-178. Оп.1. Д.82. «Донесения начальника Енисейской уездной милиции о происшествиях в городе».

9. МУ ЕГА. Ф.Р-250. Оп.1. Д.2. Объявления Енисейского исполкома и его отделов.

10. Красноярье: Пять веков истории: учеб. пос. по краеведению. – Красноярск, Платина. 2008. – С. 445.

11. Голос Моментa. / под редакцией М. П. Миндаровского,

12. Енисейский Вестник. 9 апреля 1919. – № 68.

**А. Ф. Чепашева,
п. Байкит, Эвенкия**

Лямщицы Байкита – бурлачки на Подкаменной Тунгуске во время Великой Отечественной войны

Чем дальше уходят годы, опалённые войной, тем чётче, ярче, острее отзываются они в наших сердцах. Приходит понимание того, что не смогли мы в полной мере достойно окружить заботой и вниманием своих отцов и матерей, прошедших через горнило страшной войны. Всё меньше и меньше остаётся в живых свидетелей тех жёстких страшных, героических дней и лет, наполненных болью, страданием, надеждой и верой, любовью и ожиданием скорой победы и возвращения домой сыновей, мужей, братьев.

Великая Отечественная война отозвалась во всех уголках большой огромной страны, и даже в самых отдалённых, и самых недоступных для транспорта, мест – «до самых до окраин».

В Эвенкию, которая расположена на севере Красноярского края, село Байкит, «...война пришла тоже сразу. В Байките уже второй день и вторую ночь разгружался первый караван илимок с Большого Порога, ... протянули провод и на боковой упоре навеса закрепили чёрную тарелку репродуктора...объявили митинг. Когда сквозь треск и скрип репродуктора слушали речь Молотова. было так тихо, что руки никто не решался поднять, чтобы удавить на шее опившегося кровью комара. И будто Байкитик враз присмирел и тихо журчал, словно прислушивался» [8]. Ошеломлённые, ничего не понимающие люди, слушая радио, не могли произнести ни слова. Какое-то время все стояли в оцепенении, мужчины хмуро, женщины растерянные, эвенки, ещё не понимавшие хорошо по-русски, почувствовали душой, что произошло что-то ужасное, непоправимо страшное. Они очень редко поднимали ружьё на человека, больше всего на зверя. И здесь звучавшие слова «война», «фашист», «убийство» не сочетались с обликом человека.

Около двухсот добровольцев и мобилизованных на войну отплыли в Красноярск в конце сентября. Не было ни одного случая, чтобы кто-то отказался, ушёл в тайгу, скрылся, наоборот, некоторые молодые люди, не достигшие призывного возраста, добавляли себе месяцы, годы, чтобы попасть на фронт. В Байките остались одни женщины, дети, старики.

Байкит находился за несколько тысяч километров от линии фронта. Сюда и в настоящее время «только самолётом можно долететь», а в те сороковые, зимой – на нартах с собаками или на оленьей упряжке, летом – водным путём. Там, далеко на материке, гремели выстрелы, рвались снаряды, сыпались с неба на головы бомбы, шла ожесточённая борьба

за жизнь и свободу Родины. Но и в Байките шло сражение за жизнь, за выживание. И здесь на Севере, женщины несли всю ответственность за сохранность жизни своих детей, за ушедших на войну, мужей отцов, братьев. Заменяв мужчин, они стали охотниками, рыбаками, огородниками. Сдавали государству пушнины больше, чем на 3 миллиона рублей. По поясу в ледяной воде рыбачили, выполняя план на 200-300 % государственного задания по вылову и обработке рыбы. Заготавливали рыбу, солили прямо на месте и потом отправляли в Красноярск для рабочих оборонных предприятий и отправки на фронт. Они косили сено на островах и вывозили высушенное на плотах. Короткое лето не терпело простоя, каждая минута дорога. В тайге женщины валили деревья, рубили дрова, складывали в поленницы. Без дров зиму не прожить ни школе, ни детским учреждениям, ни больницам, ни одиноким семьям, пожилым людям. В больницах они выхаживали вернувшихся с фронта инвалидами мужчин, в ночное время вязали, шили рукавицы, носки, телогрейки. ... Получая крошечную пайку, делили её с детьми, поддерживали спецпереселенцев и работали, работали, не зная отдыха ни днём, ни ночью. Нужно сказать, что карточную систему в Эвенкии ввели с 10 ноября 1941 г.: служащие получали по 400 гр хлеба, рабочие – по 800 гр, дети до 12 лет – 300 гр, подростки с 12 до 17 лет получали по 400 грамм. По карточкам полагались и другие продукты, как например, масло сливочное или растительное, сахар или сахарин, сгущённое молоко, соль и другие продукты, но их попросту не было. А если и появлялись, старались выдать в больницы, детские учреждения по крохам. Хлеб ценился дороже всего. На некоторых предприятиях даже ввели наказание хлебом: опоздал – лишали ста или двухсот граммов хлеба. Потерять часть хлеба было настоящей трагедией. Потом эти пайки урезали до 300 гр для рабочих и остальным оставили по 200 грамм.

И среди всех тружениц тыла в Эвенкии следует остановить внимание и понять подвиг лямщиц-женщин, которые заняли место мужчин, ушедших на фронт. Они впряглись в лямки.

Различные грузы первой необходимости, продовольствие в Байкит доставлялись летом на илимках, другой дороги, кроме как по воде, не было. Воде, водному транспорту принадлежит значительная роль в социально-экономическом развитии Эвенкии. Без водного транспорта не мыслилось снабжение населённых пунктов продуктами, предметами первой необходимости, строительными материалами. Потребность в перевозках по реке Подкаменная Тунгуска существовало и прежде. Она и её притоки активно использовались, в качестве транспортной артерии с тех пор, как человек начал осваивать новые земли, пространства. По реке Подкаменная Тунгуска ходили илимки.

Они на этой реке были единственным, самым надёжным, и ничем не заменимым водным транспортом, которые справлялись с порогами и шиверами. Илимки тянули. Тянули старым, давно проверенным способом, по-бурлацки. Обычно их тянули мужчины.

Что такое илимка? Илимка – большая деревянная лодка с острым носом, чтобы легче было «разрезать» воду во время движения, особенно вверх по реке, против течения. У илимки были деревянные борта высотой 2,5 – 3 метров, деревянная палуба. Длина илимки 12-15 метров. Оснащена массивным деревянным рулём, двумя большими тяжёлыми веслами, расположенными ближе к носовой части лодки и парусом. Обычно илимку обслуживали 7 человек: 5 лямщиков, лоцман, хорошо знавший фарватер реки и водолив,

который вычерпывал воду из илимки. Водолив был нужен, потому что сколоченная из досок илимка, хоть и просмоленная, часто протекала. Воду вычерпывали специальным ковшом. Это было простое оцинкованное ведро, укреплённое на длинную деревянную ручку. И это был основной водный транспорт, которым пользовались для перевозки грузов и людей на фактории, на поселения и стойбища. Это народное изобретение было известно давно, и пользовались илимкой на таёжных реках исподволь. С тех пор, как с Приангарья в бассейн реки Подкаменная Тунгуска стали проникать купцы, и все те, кто хотел быстро и легко обогатиться за счёт «мягкого» золота, илимки стали в цене и лямщики, и в том числе лоцманы, хорошо знавшие повадки таёжных рек. Как на Клондайк, ринулись людишки в тайгу скупать за бесценок у эвенков шкурки соболей, норок, лис, песцов, лис. В обмен на шкурки завозили они: муку, порох, дробь, железо, ножи, спирт, сахар, чай, ружьишки. Пароходы из Красноярска доходили только до Большого Порога. Маломощные паровые суда, которые находились в распоряжении Енисейского пароходства, пройти Подкаменную Тунгуску не могли, река изобиловала порогами, многочисленными крутыми поворотами и шиверами. Тогда на арену выходила илимка, самый надёжный водный, удобный, ничем не заменимый транспорт. В неё впрягались мужчины и тащили вверх против течения реки грузы, находящиеся в лодке. О непосильном труде бурлаков в русской литературе писал великий русский поэт Н. А. Некрасов в стихотворении «На Волге», в живописи запечатлел на века труд бурлаков И. И. Репин. В полной мере этот тяжкий труд испытали на себе лямщики Эвенкии, тянувшие илимки по рекам. Волга не сравнима с Подкаменной Тунгуской. Тунгуска своенравна, с крутыми каменистыми берегами, быстрая, а где-то полноводная, но коварная своими порогами.

Каким образом тянули лямку? От илимки к берегу шёл трос метров 100 длиной, его называли в народе «цинком». От «цинка» отходили поводки разной длины, к каждому поводку прикреплялась широкая лямка из бересты. Чтобы береста была удобной и мягкой, как ремень, бересту сутки выдерживали в кипятке, томили. Когда она становилась мягкой, гибкой, из неё делали крепкую, надёжную лямку, которой хватало надолго. Эти лямки надевали на себя через плечо, кто полностью на грудь и спину, так было надежнее, и тащили за собой илимку, гружённую, весом 15-20 тонн. Во время Великой Отечественной войны, когда основная часть мужчин ушла на фронт, приказом о повинности, каждая женщина, достигшая 18 лет, обязана была проработать лямщицей. С каждого населённого пункта, села брали по 3-4 женщины, которые должны были доставлять грузы первой необходимости и, в первую очередь, продукты до населённых пунктов.

Впереди идущую лямщицу во всех бригадах называли «шишкой». Она же бригадир. Не каждый мог быть «шишкой». От шишки зависело очень многое. Здесь нужно было иметь особую внимательность, выносливость, интуицию, умение быстро принимать решения, спокойствие в любых обстоятельствах. Одну из бригад лямщиц возглавляла и вела Христина Сергеевна Кость. Она вела за собой караван и лямщиц ровно, спокойно, без рывков, чтобы идущие сзади женщины не увечили себя, ломая ноги, травмируя колени и свои руки о камни, которых на берегу огромное множество. На всём пути следования надо было быть предельно аккуратным, осторожным, следовать за впереди идущей лямщицей, и лямка должна была быть всегда натянутой. Лямщицы доверяли Христине Сергеевне своё здоровье, свою безопасность. В воспоминаниях лямщиц Христина Сергеевна была

решительной, требовательной, упорной, ответственной и крепкой не по годам. От складов, находящихся высоко на берегу, она могла носить на спине по 2 куля муки, каждый из которых весил 70 килограммов.

Так же в бригадах лямщиц ходил Феофил Алексеевич Сафонов 1887 г. рождения. Для фронта уже был не пригоден и так же годы не позволяли тянуть лямку, но как бригадир-лоцман он пользовался уважением и авторитетом, и он очень нужен был лямщицам. Управляя лодкой, Феофил Алексеевич, старался облегчить движение лямщиц по берегу, но спуску не давал тем, кто хотел немного схитрить и отдохнуть в лямке. По воспоминаниям лямщиц, он был добрым и заботливым человеком. Когда доставляли груз до места, он обязательно шёл в сельский совет к председателю и выпрашивал для женщин мясо или масло. Возражений не принимал, говоря: «У меня люди работают, как кони. Их кормить надо».

Женщины, лямщицы-бурлачки Подкаменной Тунгуски, за короткое северное лето обеспечивали продуктами первой необходимости: мукой сахаром, маслом, крупами, бензином, керосином, лечебными средствами, средствами охоты населённые пункты, находящиеся вдоль реки. Склады находились на высоком берегу Подкаменной Тунгуски ниже Большого Порога, куда на пароходах доставлялись грузы из Красноярска. Оттуда лямщицы развозили их по факториям и поселениям. Загружали илимки сами лямщицы и конопатили, и смолили их тоже сами женщины. Груз для женских плеч был неподъёмным и тяжёлым. Вот как об этом вспоминает Анфиса Стахеевна, лямщица, тянувшая лямку три сезона, три лета: «... куль рафинада (кусовой сахар) весил 106 килограммов, а ящик масла не 25 как сейчас, а 50 килограмм, мешок муки – 70 килограмм... несёшь мешок муки или ящик с маслом, так одна зелень в глазах стоит... или вот порох таскали. В каждом брезентовом мешочке его ровно 10 килограмм. Руки за спиной сцепишь – тебе на спину 7 кульков положат. Потом ещё по одному на правое и левое плечи. Так 90 килограмм тащишь до илимки. Тащишь, а в глазах темень... ноги дрожат, колени подгибаются, подкашиваются. Особенно тяжело было идти под гору с грузом на спине и плечах, согнувшись так, чтобы груз прочно держался, сохраняя равновесие и боясь – как бы не уронить груз. ... На другой день встанешь, до икр ног рукой не дотронешься – огнём горят. Постепенно разойдёшься и опять таскаешь мешки, ящики и другие грузы» [9]. Анфиса Стахеевна Щёголева (Серебрякова) родилась в большой многодетной семье, 9 детей, и поэтому с раннего детства была приучена к труду. С отцом, профессиональным охотником, Стахеем Алексеевичем и старшими братьями ходила на охоту. В 1943 г. пошла работать лямщицей.

За день 20 женщин успевали загрузить 2 илимки. Илимки загружали до нормы. За лето надо было сделать 4-5 рейсов. Загрузив илимки, лямщицы, трогались в путь. Обычно ходили караваном, в составе каравана было 4-5 илимок, в каждой груз по 15-20 тонн, каждую илимку тянуло 5 лямщиц. Река Подкаменная Тунгуска таёжная, непредсказуемая, камениста, особенно страшны пороги, их до Байкита 7 штук. Норовистый и непредсказуемый Большой Порог или ещё его в народе называют «семивёрстным». У начала этого Порога все 20 лямщиц впрягались в одну илимку и перетаскивали, «поднимали» по одной илимке через порог, потом возвращались под Порог, брали следующую лодку. И так до тех пор, пока не перетащат все илимки за порог. Случалось, что Подкаменная Тунгуска оказывалась сильнее женщин, и тогда лямщицы сбрасывали лямки и отпускали илимку.

Не успеешь сбросить лямку, унесёт вместе с илимкой, протащит по камням, прополощет в своих холодных водах, разобьёт.

Илимку перебросит через порог назад. Лоцман, он же рулевой, с водоливом подгребут, притянут к берегу, к улову (это небольшой, спокойный заливчик), и начнётся всё сначала: покорение реки, переход через порог. Надо было иметь какие-то особые нервы и необычайное мужество, чтобы, выбиваясь из сил, рискуя сорваться на предельно опасном пути каменистого берега, продолжать тащить илимку... Матвеева Дарья в возрасте 17 лет начала тянуть лямку. В своих воспоминаниях она пишет: «...страшно вспомнить то время... даже не верится, что это было... бывало почти распластавшись на земле, цепляясь за каждую травинку, за каждый кустик, за каждый камень тащили илимку, чтобы хоть на сантиметр, хоть на полшага продвинуться вперёд» [2]. Цепляясь за камни, срывали женщины ногти до крови, до мяса... Иногда трос зацепится за камень, и чтобы его освободить, в маленькую лодку – шитик садилось несколько самых смелых женщин, которые отцепляли трос от камня. И снова впрягались «бурлачки» в лямки, сильнее наваливались грудью, карабкаясь через камни, тянули грузённую илимку до пункта назначения, на пределе и за пределами человеческих сил.

Хорошо лето, тепло, но гнусная мошка не давала жизни. Она облепляла и кусала все открытые места, поэтому женщинам приходилось натягивать платки до глаз, умело подвязывая под подбородок, чтобы мошка не попадала в рот, в нос и носить брюки, шаровары. Пользовались дёгтем, растворённым в воде, но и это не спасало, его хватало ненадолго. Дёготь смывался потом, который градом катился по лицу, шее. Женщины приходили к концу пути со сбитым ногами, потемневшими, в кровь изъеденными мошкой лицами и руками, уставшие, совершенно обессиленные. Отдохнув немного, дав указание старшим детям, снова уходили за грузом до Большого Порога. При хорошей погоде можно было поднять паруса и лямщицы отдыхали, пока илимка шла под парусом 15-20 километров. Но так было не всегда. 140 километров шли 2 недели, до Байкита путь 250 километров.

В лямщицах ходили и депортированные: Кекконен Софья Александровна (Струкова), Кекконен Людмила Александровна (Лидер), Лацис Александра Николаевна (Груздова). Им всем тоже было не сладко. Александра Лацис до работы в лямщицах трудилась в рыболовецкой бригаде. Вспоминает, какое это было нелегкое дело. Тяжёлые деревянные лодки, никаких моторов, вверх по реке тянули лямкой. Часто стоя по пояс в холодной воде, целый день тянули неводы, ставили сети. Когда началась война и были установлены государственные задания по улову и сдаче рыбы в фонд обороны, потребовалось ещё больше сил, мужества и терпения. Часто, перед ледоходом, по берегу и по реке протаптывали дорогу в глубоком снегу, тянули лодки до устья реки Чуни, а в лодках были сложены все рыболовецкие снасти, продукты. Как только проходил ледоход, начинали ловить рыбу, спускаясь вниз по реке. План не только выполняли, но и перевыполняли. Перейдя в лямщицы, Александра так же стойко и мужественно переносила все тяготы тяжёлого не женского труда – лямщиц-бурлачек. Женщины, выполняя эту работу, понимали, что от их труда, сноровки, терпения, умения, правильных действий зависит жизнь в сёлах и поселениях круглый год. Но в их расписание иногда вмешивалась и погода, И тогда случилось, что за лето не довозили до полной нормы продуктов, чтобы пережить зиму. Самая тяжёлая зима в Байките была в 1942 г., она заставила вытряхнуть все запасы, какие были по закромам. И этого не хватило. На одного взрослого

в день стали выдавать по 1 килограмму овса и 50 грамм печенья детям. Овёс спасал. Его замачивали, распаривали, клали на противень и ставили в печь. Овёс взбухал, чешуйки начинали топорщиться. Эту массу прокручивали на мясорубке, получая муку, и с прокруткой в обратную сторону, возвращались, вылетая, чешуйки. Из муки пекли лепёшки, из чешуек варили овсяной кисель. И конечно, добавляли в овсяную муку ещё перемолотые корни, которые в летнюю пору дети собирали в лесу и сушили впрок.

Лямщицы за годы Великой Отечественной войны перевезли около 22 тысяч тонн груза. Невозможно переоценить ту огромную работу, которую женщины вписали своим трудом в победу над врагом. Благодаря их героическим усилиям, их каторжному, тяжкому труду в невероятно трудных условиях, впрягшись в лямку через холод, жару, дождь, ветер упорно шли они против течения от посёлка к посёлку, доставляя драгоценный груз, спасая от голодной смерти жителей Эвенкии и Байкита. Вне всякого сомнения, никто из лямщиц не считал себя героиней.

К великому сожалению, каторжный труд лямщиц по достоинству был оценен только в девяностые годы. Их справедливо приравнивали к труженикам тыла, дали статус «Ветеран Великой Отечественной войны» с вручением медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны в 1941-1945 гг.». «Поклонюсь я в ноги этим солдаткам с сединою на висках, какая сила таилась в этих женских хрупких плечах» [2] – писал житель Байкита, посвящая их лямщицам-«бурлачкам» XX века.

Тема Великой Отечественной войны как лакмусовая бумажка высвечивает все наши слабые места. И хотя тех героинь уже нет в живых, говорим о них потому, как писал Роберт Рождественский: «Это нужно не мертвым, это нужно живым», а особенно тому поколению, которое в силу своего возраста не успело пообщаться со своими прадедушками и прабабушками. И наш долг донести до подрастающего поколения и до миллионов жителей нашей большой страны самоотверженный труд женщин-лямщиц бурлачек Подкаменной Тунгуски, живших на далёком Севере, в посёлке Байкит, спасавших от голодной смерти жителей Эвенкии, и которые, как вся великая страна верила в Победу.

Библиографический список:

1. АООТ. Енисейское речное пароходство // Летопись Енисея – Красноярск: Красноярское книж. изд-во, 1997. – 447с.
2. Байкитское архивохранилище. МКУ «Эвенкийский архив». Ф.Р-26. Оп.1. Д.8. Л.4, 5, 6.
3. Байкитское архивохранилище. МКУ «Эвенкийский архив». Ф.Р-26. Оп.1. Д.19. Л.1, 4.
4. Байкитское архивохранилище. МКУ «Эвенкийский архив». Ф.Р-54. Оп.4. Д.1. Л.1.
5. Байкитское архивохранилище. МКУ «Эвенкийский архив. Ф.Р-.54. Оп.4. Д.2. Л.3.
6. Деев А. Л. Краеведение как средство формирования гражданственности школьников // Фундаментальные исследования. – 2005. № 4. – С. 35.
7. Лихачев Д.С. О патриотизме и национализме / Д. С. Лихачев / Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре. – Москва. 2006. – С. 146.
8. Румянцев Н. Н. «Времена студеные». «Байкит – земля богатая». Красноярск: Из-во «Горница», 1997. – 224 с. С. 44.
9. Фёдоров В. Из одного металла льют. «Байкит – земля богатая». Красноярск: Изд-во «Горница». 1997. – С. 84-89.

М. П. Шоева,
г. Абакан, Республика Хакасия

Потомки рабочих Абазинского (Абаканского) железодельного завода

Значимую роль в освоении сибирского края сыграло строительство Абазинского железодельного завода. Полтора века назад в таёжную глушь для работы на богатом месторождении прибыли квалифицированные рабочие с уральских заводов. Огромная работа по подбору кадров для нового производства была проделана бывшим крепостным Фёдором Михайловичем Долининым, волею случая, оказавшимся в Сибири. Предыстория его появления в Сибири обозначена в статье «У истоков Абазинского железодельного завода», опубликованной в IX выпуске сборника докладов и сообщений «Мартьяновских краеведческих чтений» [9, с. 253-258].

В публикации имеется информация о том, что Фёдор Михайлович Долинин привёз 60 семей рабочих разных специальностей с Катавского, Ревдинского, Тагильского, Каслинского, Юрюзань-Ивановского и других заводов Урала. Это были модельщики, вагранщики, формовщики, литейщики, прокатчики, углежогги. В воспоминаниях Степана Петровича Долинина, внука Фёдора Михайловича, за 1957-1958 гг. перечислены фамилии приписных рабочих, стоявших у истоков создания завода [8, С. 2-3]. Так, в далёкой Сибири появились Крапивины, Семирановы, Бисярины, Шикалевы, Капловы, Можаровы, Саловы, Трегубенковы, Сидоровы, Клепинины, Чернышovy, Фурамовы, Чиркины. Ещё Виноградовы, Чернецовы, Чебуковы, Омановы, Бобровы, Уткины, Лысовы, Казаковы, Кузовлевы, Пономарёвы, Зиновьевы, Дрягины, Масловы, Чувакины, Жиловы, Воробьёвы и многие другие.

Целью данного исследования стало сохранение памяти поколений. Далёко не все живущие сегодня потомки рабочих железодельного завода знают прошлое своей семьи. За сменой фамилий, утратой родственных связей теряется главное – корни семейного древа. Полтора века – срок немалый, многое стёрлось в памяти, многое исчезло, потому и в нашем исследовании имеются белые пятна. Задача оказалась не из легких ещё и из-за объёма информации. Каждая родословная ветвь – это целая книга, а судеб у нас без малого 60. Сегодня речь пойдёт о потомках рабочих завода Герасима Салова, Степана Семиранова, Дмитрия Трегубенкова, Фёдора Долинина. Это только ниточки из общей канвы биографий.

Разные времена, разные судьбы. Непросто они складывались с момента создания завода. Рабочие постоянно втягивались в какие-то тяжбы. С трудом добивались справедливости. Позднее, многие из них попали в водоворот революционных событий, Гражданской войны. И так получилось, что кто-то оказался на стороне «белых», кто-то был за «красных», порой даже родственники были по разные стороны «баррикад». Некоторую информацию по данному временному периоду удалось почерпнуть из рассказов непосредственных участников тех событий, опубликованных в сборнике «Воспоминания участников Гражданской войны», посвящённом дням борьбы за власть Советов в Минусинском уезде. Собраны они были Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и изданы в 1957 году [4].

«Трудное и беспокойное было время..., – скажет о нём Самуил Николаевич Салов, потомок Герасима Салова, прокатного мастера с Катавского завода. После освобождения Абазы рабочие немедленно приступили к работе. Отливали и точили гранаты и снаряды для трёхдюймовых пушек. Жгли древесный уголь, на котором работал завод» [4, с. 78].

Салова избрали председателем ревкома. Это была большая ответственность. Мирных заказов на завод почти не поступало, и председателю ревкома приходилось решать много самых разных вопросов. Завод нужно было переводить на мирные рельсы. Но, где было брать деньги, чтобы платить рабочим зарплату? И на одном из заседаний ревкома придумали выпускать «товарные деньги», на которые можно было приобретать продукцию завода, а рабочие могли покупать на них продукты. Абазинский волостной ревком принимал участие и в защите завода от банд.

Когда дела на заводе стабилизировались, Самуила Николаевича выбрали председателем завкома. Перед ним стояли новые задачи. Одна из них – постройка школы. Нарком просвещения Луначарский на просьбу абазинцев ответил, что у республики пока нет средств. «Тогда я на собрании рабочих внёс предложение об отчислении 2 процентов от каждой зарплаты, – пишет в воспоминаниях С. Н. Салов, – моё предложение было принято, и впервые для детей рабочих была открыта школа-девятилетка. Возглавил школу Пётр Перфильевич Зайченко, который в настоящее время является профессором Томского университета» [4, с. 79].

Самуил Николаевич никогда не стоял в стороне от общественных дел. В 1922 г. его избирают делегатом на IV Енисейский губернский съезд Советов и губпартконференцию. В документальном фонде ГАУК ХНКМ им. Л. Р. Кызласова хранятся его документы: билет № 44 делегата 9-ой Минусинской Упартконференции Салова С. Н. [КП ОФ 73]; билет № 4 Салова С. Н. 1922 года [КП ОФ 74]; билет членский № 19899 Салова С. Н. МОПР (международная организация помощи борцам революции). Время вступления 03.03.1923 г. [КП ОФ 75]; удостоверение Салова Самуила Николаевича № 12 от 21.05.1939 г. Профсоюз рабочих ДООЦМЕ [КП ОФ 77]; удостоверение Салова Самуила Николаевича, депутата Абазинского сельского Совета 9 марта 1941 г. [КП ОФ 69]; билет делегатский № 79 Салова Самуила Николаевича, делегата съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 03.03.1960 [КП ОФ 71].

Салов гордился тем, что принадлежит к роду потомственных металлургов. На завод поступил с 14 лет, в 1903 году. На заводе работали его дед и отец. Если посмотреть на родословную веточку семьи Саловых, то Николай - сын Герасима, прокатного мастера с Катавского завода. А Самуил Николаевич уже сын Николая. Про Николая есть упоминание в книге М. П. Захарова «Страницы истории земли Таштыпской» [6, с. 26-27]. В письме на имя Петра Павловича Косованова от рабочих Абаканского завода со словами благодарности к нему обращаются артельщики. Среди них и Николай Салов, а также Артём Можаров, Яков Лысов, Михаил и Степан Семирановы, за них, других безграмотных, и за себя расписался Василий Оманов. Практически все писавшие письмо – рабочие, прибывшие с Урала.

В публикации в АИФ Марины Алехиной от 07.12.2020 г. «Тайны старинной усадьбы. Что скрывает музей в таёжном городе Абаза?» встретила ключница усадьбы Кипреева, Мария, тоже Салова. Вероятно, родственница.

Достойным продолжателем рода уральских рабочих стал Семиранов Леонид Павлович, комсомолец 30-х гг., ветеран партии. В документальном фонде Хакасского краеведческого музея хранятся его личные документы, фотографии. Коллекцию в количестве 44 предметов передал в музей сам Л. П. Семиранов в 1988 году [КП ОФ 6172/1-44].

В легенде, записанной м.н.с. музея О. А. Плотниковой, есть такие данные: «Леонид Павлович родился в 1910 г. в Абазе, воспитывался в семье деда Семиранова Павла Степановича, рабочего, приписанного к Абаканскому заводу. Брак его матери и отца – политссылного, не был разрешён. Отец вскоре погиб и больше о нём ничего неизвестно. Окончил 7 классов и уехал в Аскиз, в ШКМ в 1927 г. Принимал участие в уборке урожая в коммуне с. Уты, во многих других делах. В 1929 году он назначен уполномоченным по раскулачиванию. Девятнадцатилетним становится председателем колхоза в Аскизском районе. Затем – зав. орготделом Аскизского РК ВЛКСМ. В качестве секретаря комячейки был послан на Баритовый рудник. После работы на руднике направили в школу ОГПУ. В 1942 году – председатель Богградского райисполкома. В 1945 – директор Богградской МТС. В 50-е годы – председатель райисполкома в Ширинском районе, директор Ширинской МТС. В 1970 году ушёл на пенсию, работал до 1983 года. Награждён орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалью ВДНХ – в 50-е годы. В настоящее время проживает в Абакане. 01.10.1988 г.».

Что же известно нам? Основатель рода Семирановых – Степан Афанасьевич, прибыл вместе с другими рабочими с Ревдинского завода во вт. пол. XIX века. В Абазе работал слесарем механического цеха на железодельном заводе. У деда Леонида отчество Степанович. Прадед ли он Леонида Павловича? По всей вероятности, да.

Реконструкцию биографии Леонида Павловича можно создать и по документам и фотографиям, хранящимся в запасниках музея. В выписке из протокола № 46 от 08.03.38 г. для вступления в члены ВКП б) есть его краткие биографические данные: год рождения 1910, в комсомоле с 1928 г. из рабочих, служащих, образование 7 классов [КП ОФ 6172/24].

Из удостоверения от 15.02.1939 г. известно, что Семиранов с 03.03 по 08.07.1933 г – секретарь комитета ВЛКСМ Таштыпского м/м совхоза; с 11.07.1933 по 10.05.1937 г. – секретарь комитета ВЛКСМ в Балыксинском приисковом управлении [КП ОФ 6172/25].

Выписка из протокола № 99 Богградского РК ВКП (б) сообщает нам об утверждении его заведующим военным отделом от 16.02.1942 г. [КП ОФ 6172/23]. Среди документов имеется выписка из протокола № 215 бюро крайкома от 18.05.1943 г. об утверждении т. Семиранова, члена ВКП(б) с 1940 г., секретарём Богградского райкома ВКП(б) по кадрам [КП ОФ 6172/28].

Приказом №230/к по Красноярскому земельному отделу от 28 ноября 1945 г. Семиранов Леонид Павлович назначен директором Богградской МТС Богградского района [КП ОФ 6172/26]; подтверждает это и удостоверение Семиранова, директора Богградской МТС, от 20.02.1945 г. [КП ОФ 6172/19].

Куда только не направляют комсомольца Семиранова! В феврале 1931 г. его командировуют в колхоз «Красная заря» [КП ОФ 6172/30]; в августе 1931 – в Тейский с/совет чрезвычайным уполномоченным на ликвидацию прорывов в сеноуборке и силосовании и для подготовки к хлебоуборочной компании [КП ОФ 6172/29]; 20.09.31 г. – в Усть-Чульский, Нижне – и Верхне-Тейский сельсоветы по проверке призыва граждан рождения 1909 г.

[КП ОФ 6172/31]. 12 ноября 1931 г. – командировка в Бельтырский сельсовет по вывозке домов под интернат [КП ОФ 6172/32]. 2 января 1932 года ему выдают удостоверение уполномоченного по проверке колхозов Аскизского района [КП ОФ 6172/38]. И это только 1931-1932 годы.

Историческую ценность представляют хранящаяся в музее фотография со 2 конференции молодёжи Балыксы на прииске Неожиданный от 24.02.1931 г. [КП ОФ 6172/3] и групповая фотография 1937 года [КП ОФ 6172/4]. На последней – выпуск пропагандистов райкома ВЛКСМ в Красноярске, под каждой фотографией подписи. Благодаря им мы без труда нашли на ней не только Семиранова, но и Арыштаева, Балахчина, Кузургашеву, Султрекова. Известно, например, что Яков Митрофанович Арыштаев был председателем Хакасского окружного комитета ВКП (б), судьёй Хакасского окружного суда.

И ещё документы. Это мандат делегата VII съезда Советов Таштыпского района, выданный 05.12.34 [КП ОФ 6172/20]; удостоверение на право ношения оружия от 13.08.34 [КП ОФ 6172/21]; удостоверение об окончании курсов пропагандистов 1937 г. [КП ОФ №6172/7]; удостоверение № 9064 к знаку «Отличник социалистического сельского хозяйства», 1950 г. [КП ОФ 6172/6]; удостоверение об избрании депутатом от избирательного округа № 41 от 21.12.47 г. [КП ОФ 6172/33], депутатский билет №57 депутата облсовета, 1950 г. [КП ОФ 6172/8].

Такая чёткая линия жизни, и как итог его труда многочисленные грамоты, в том числе Почётная грамота обкома ВКП (б) в честь 30-летия Октября, 1947 г. [КП ОФ 6172/13], Почётная грамота РК КПСС, 1956 г. [КП ОФ 6172/12]; Почётная грамота ОК КПСС в честь 25-летия Хакасской авт. области, 1956 г. [КП ОФ 6172/14]; Почётная грамота областного Совета депутатов трудящихся и областного комитета ВКП(б) [КП ОФ 6172/15] и другие.

В связи с награждением Семиранова орденом Ленина в документальном фонде музея хранятся поздравительные телеграммы от Красноярского краевого комитета партии и исполкома крайсовета депутатов трудящихся, 1948 г. [КП ОФ 6172/10]; поздравление ОК ВКП(б) с правительственной наградой орденом Ленина, 1948 г. [КП ОФ 6172/39], поздравительное письмо № 468 от министра с/хоз-ва Союза ССР И. Бенедиктова в связи с награждением орденом Ленина, 13.01.1948 г. [КП ОФ 6172/11].

Яркою, насыщенную разными событиями жизнь прожил и Кузьма Егорович Трегубенков (1890-1963). Родословные корни этой фамилии идут с Катав-Ивановского завода Уфимского уезда Уфимской губернии, от кузнеца Дмитрия Иосиповича Трегубенкова, приехавшего в Сибирь для работы на железодельном заводе. Какие родственные связи между ними, мы точно сказать не можем, вероятно, это его внук. Их объединяет место проживания, родился Кузьма Егорович в рабочем посёлке Абаза Минусинского уезда, работал кузнецом. Из Абазы семья переехала в деревню Быстрая под Минусинском. Личные воспоминания Кузьмы Егоровича Трегубенкова, председателя Минусинского Совета с ноября 1917 г. по июнь 1918 г. опубликованы в сборнике «Воспоминания участников Октябрьской революции в Минусинском уезде», составленном Хакасским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и изданы в 1957 году [3, с. 30-75]. Он рассказывает о событиях на территории Минусинского уезда, начиная с ноября 1917 г., об избрании его председателем Минусинского объединённого Совета и ревкома, о борьбе с дивизионом Сотникова.

Куда только не забрасывала жизнь нашего земляка! В составе дальневосточной делегации Трегубенков участвовал в работе съезда Советов, освобождал Кронштадт. Прямо со съезда добровольцы выехали к месту предстоящего штурма. «Нас уехало из Москвы триста. Вернулось меньше. Мы не успели к последнему заседанию съезда. Он закончился 16 марта, а мятеж был подавлен в ночь на 18-е. Ленин собрал на беседу всех делегатов-кронштадцев, – вспоминал Кузьма Егорович, – потом мы все вышли на улицу, чтобы сфотографироваться с Ильичом. Эта фотография находилась со мной в бою под Волочанкой, где я был комиссаром и удостоился ордена Красного Знамени. Она была со мной в Сталинграде, где я работал секретарем парткома, а затем директором тракторного завода и получил орден Ленина... [2].

В публикации «История Минусинска» Людмилы Коншиной есть данные об известных личностях, связанных с Минусинском. Среди них и «Кузьма Егорович Трегубенков (1890, вырос в деревне Быстрая Минусинского уезда – 1963) – деревенский кузнец, делегат от крестьян деревни Быстрая, избранный в ноябре 1917 года первым председателем объединённого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Минусинского уезда. Солдат, первоначально беспартийный, с мая 1918 года член РКП (б). В 1930-е годы — директор Сталинградского тракторного завода. В Минусинске есть улица, названная его именем» [7].

О судьбе потомков бывшего крепостного Фёдора Михайловича Долинина имеется определённая информация. А недавно история одной из ветвей семьи Долининых получила неожиданное продолжение. Фотографию Долининых Дмитрия и Евдокии с электронной презентации клуба по родословию [1, С. 74-77], выложенную в «Одноклассниках», увидела их праправнучка Татьяна Сергеевна Доброхотова, жительница Санкт-Петербурга. Завязалась переписка: «Спасибо, что откликнулись. Вашу книгу нашла в Российской национальной библиотеке. Нашла и альманах. Всё прочитала с трепетом. Спасибо! Вот что я знаю о своих предках от папиной сестры, тети Гали. Дочь Игнатия Чудогашева Евдокия вышла замуж за Д. Ф., выходца из Урала. Его отец Фёдор и 4 брата были вывезены с Урала как классные металлурги.

Дмитрий Фёдорович родился без кисти правой руки (на фото он спрятал руку за книгу). Окончил приходскую школу, писал левой рукой каллиграфическим почерком грамотно и был волостным писарем 30 лет. Был фотографом, часовых дел мастером, точил на токарном станке по дереву, ремонтировал музыкальные инструменты, играл на балалайке, ремонтировал оружие. В общем, был мастером на все руки. В браке с Евдокией Игнатьевной родилось 7 детей. Известны только Аполинария (т. Поля), Александра (моя прабабушка) и Елизавета.

Александра (моя прабабушка) вышла замуж за Зудина Карла Ивановича (его отец – выходец из Латвии). Карл Иванович был становым приставом 2 стана с. Бейское. В Памятных книжках Енисейской губернии за 1896 г. значился помощником смотрителя приюта арестантских детей в Красноярске. К 1915 г. дослужился до чина коллежского секретаря. В 1918 г. был убит. У Александры и Карла было 5 детей: Евгений (1907 г. р., с. Аскиз. Пропал без вести в 1942), Зинаида (моя бабушка, 1908 г. р., Абаза. Учительница начальных классов в Красноярске), Валентина (1913 г. р. Учительница начальных классов в Красноярске), Модест (1915 г. р. с. Бея. Бухгалтер. Жил в Красноярске), Георгий (1918 г. р.,

Усть-Есь. Военный. Жил во Львове). Александра Дмитриевна второй раз вышла замуж за Линевича Ивана Алексеевича. В 1930 г. родился Юрий (Усть-Есь. Военный лётчик. Орденосец. Жил в Пскове).

Зинаида Карловна (моя бабушка) вышла замуж за Доброхотова Ивана Сергеевича (1908 г. р., Канск). Он играл на скрипке, учился в институте, очень хорошо рисовал. В мае 1938 г. был арестован в Абакане (архивное дело: список Абдина НС). На момент ареста работал в Горстройконторе техником-сметчиком. Расстрелян 14 апреля 1938 г. (реабилитирован в октябре 1958 г.) У бабушки на руках остался мой папа Сергей (1930 г. р., Усть-Есь) и в октябре 1938 родилась тетя Галя. Тетя Галя получила высшее образование. Всю жизнь прожила в Красноярске. Вышла замуж. Есть сын Иван. Сергей (мой папа) женился на Новиковой Валентине в 1958. Родилась я – Татьяна, а в 1961 г. – мой брат Юра. Папа был военным, защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в Хабаровском политехническом институте. Мы с братом тоже окончили политехнический институт в Хабаровске: Юра дорожный факультет, а я строительный, архитектурное отделение».

Сообщение от Татьяны Сергеевны мы не стали сокращать, оно подробно отражает продолжение одной ветви рода уральского рабочего Фёдора Долинина. Несмотря на все испытания, потомки Фёдора Михайловича с достоинством идут по жизни.

В результате нашего исследования обобщены и объединены в одно целое некоторые данные о судьбах потомков завода. Пусть даже в одной публикации, они вместе, как когда-то вместе приехали осваивать сибирскую землю их деда и прадеды. Вместе, несмотря ни на что. Память о первых рабочих Абазинского железодельательного завода не должна уйти в небытие.

Библиографический список:

1. Ада чир суу – Отечество. – Абакан: [б. и.], 2015. – Вып. 3. – С.74-77.
2. В 1921-м – часть 2. Рассказ Кузьмы Егоровича Трегубенкова // dopinfo.ru. – URL: http://www.dopinfo.ru/useful/cognitive07/4commun/16_5.php (дата обращения:24.02.2022).
3. Воспоминания участников Октябрьской революции в Минусинском уезде // Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. – 100 с.
4. Воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде // Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории; литературная запись Б. Балтера. – Абакан: Хакасское книж. изд-во, 1957. – 103 с.
5. ГАУК ХНКМ КП ОФ № 6172/1-44.
6. Захаров М.П. Страницы истории земли Таштыпской. – Абакан, 2006. – С.26-27.
7. Коншина Л. История Минусинска // Проза.ru. – URL: <http://proza.ru/2015/09/27/1940> (дата обращения: 25.02.2022).
8. Научный архив ХНКМ Д. НА 18/9 Воспоминания Долинина С.П. «Краткая история Абазинского рудника и завода» 1957-1958. – С.2-3.
9. Шоева М. П. У истоков Абазинского железодельательного завода // Мартъяновские краеведческие чтения (2014-2015 гг.): сборник докладов и сообщений. Выпуск 1X. – Минусинск, 2016. – С.253-258.

А. С. Хертек,
г. Кызыл, Республика Тыва

ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКА ИННОКЕНТИЮ САФЬЯНОВУ В КЫЗЫЛЕ

Большое значение в истории Тувы имело влияние русского народа, отдельных личностей. Одним из таких замечательных людей был Иннокентий Георгиевич Сафьянов, сподвижник бывшего гун-нойона Монгуша Буян-Бадыргы. Они вдвоём были зачинателями создания независимой республики Танну-Тува Улус, позднее названной Тувинской Народной Республикой. Бронзовый монумент, посвящённый Монгушу Буян-Бадыргы был поставлен перед Национальным музеем им. Алдан-Маадыр осенью 2014 г. в ознаменование 100-летия единения Тувы и России [3, с. 117-120]. Автором скульптуры является известный скульптор Байза Ондар, который ещё во время работы над памятником тувинскому нойону задумал сделать памятник и его соратнику Иннокентию Сафьянову.

В Кызыле, столице Тувы, 13 августа 2021 г. открыли памятник исторической личности и одному из основателей тувинской государственности Иннокентию Георгиевичу Сафьянову (фото). Монумент установили возле Центра русской культуры. В церемонии открытия принял участие временно исполняющий обязанности главы Тувы Владислав Ховалыг, сенатор Российской Федерации Дина Оюн и потомки Иннокентия Сафьянова. Иннокентий Георгиевич принимал самое активное участие в становлении государственной независимости и самостоятельности будущей Тувинской Народной Республики. Он был революционером, участником Гражданской войны в Сибири, но его запомнили, как одного из основателей независимой Тувы.

Что значит фамилия Сафьянов для Республики Тыва? Много в этом вопросе раскрыла выдающийся краевед, директор филиала музея им. Сафьяновых Татьяна Евгеньевна Верещагина. Она исследовала множество материалов, связанных с купцами Сафьяновыми, печатала статьи в газетах, издала книгу «Эккендей» (так тувинцы искаженно называли Иннокентия Сафьянова), которую внимательно прочитал Ондар, чтобы создать скульптурный образ Иннокентия Георгиевича. В детстве Т. Е. Верещагина узнала от своей матери, что она родственница И. Г. Сафьянова. В своих воспоминаниях она писала: «я запомнила на всю жизнь только одно – фотографию бородатого мужчины с умными и добрыми глазами. Это был мой двоюродный дед Иннокентий Георгиевич Сафьянов, единственный дед, которого я хотя бы по фотографии узнала и запомнила на всю жизнь» [1, с. 50]. Потом она стала искать потомков Сафьяновых, была в Минусинске, Москве, Солнечногорске, Красноярске, много переписывалась с родственниками. Вот что писала Надежда Николаевна Сафьянова, жена Владимира Иннокентьевича: «Дорогая Татьяна Евгеньевна, моя новая, вернее найденная племянница! Очень меня обрадовало Ваше письмо...» [2, с. 105]. Т. Е. Верещагина побывала во всех этих городах, встречалась с некоторыми из потомков, узнала очень много о своём деде, его семье, родителях.

Интересно происхождение рода Сафьяновых – из книги д. и. н. главного научного сотрудника ТИГПИ Николая Моллерова узнаем, что в кон. XVII в. в Красноярск прибыл новый боярин-воевода с итальянским мальчиком Джузеппе Сапиани, которого позднее назвали Иосифом Сафьяновым. Жизнь внука И. Сафьянова – Павла Капитоновича Са-

фьянова была очень трудна. Он переехал в Минусинск, стал работать дворником, затем приказчиком. Его сын Георгий Павлович Сафьянов, будущий отец Иннокентия, родился в 1850 г. и стал предприимчивым работником, затем купцом третьей гильдии. Семья Сафьяновых свернула свои дела в Минусинске и все торговые операции перенесли в Урянхайский край [5, с. 28]. Т. Е. Верещагина писала, что «И. Г. Сафьянов приехал в Урянхайский край впервые ещё в 14-летнем возрасте из Красноярской гимназии, откуда его исключили за пропаганду этих самых идей равенства и братства, которые он высказывал в самописном школьном журнале и распространял среди сверстников. Его исключили без права поступления в какие-либо другие учебные заведения и под надзор полиции.

Отец, именитый купец и общественный деятель, взял его под собственный надзор и увёз в Урянхайский край на свою факторию Салдам. Здесь юный Биче-Бай познакомился не только со своими сверстниками, но и со многими тувинскими сказителями – тоолчулар, в том числе с очень умным и просвещённым человеком, получившем образование в Тибете, хорошо знавшим историю Урянхая, по имени Ортун-Ашак. От него-то Иннокентий научился хорошо говорить по-тувински, а слушая сказки и былины, пришёл к мысли, что для того, чтобы изменить очень трудную жизнь тогдашних аратов, нужно вернуться к старинному образу жизни. Жизни, когда не было ни бедных, ни богатых, когда все делились друг с другом тем, что имели, когда не было воровства и все подчинялись самому мудрому и умному человеку – старейшине, то есть нужно было создать кочевую коммуны. А для этого, по мнению Иннокентия Георгиевича, надо, чтобы Урянхайский край стал свободной и ни от кого не зависящей страной. Вот этой идее, её воплощению в жизнь, Иннокентий Сафьянов посвятил лучшие годы своей жизни, которые так или иначе были связаны с Тувой». [3, с. 64-65].

Многое дал и развил в сознании Экендея в политическом развитии ссыльный Феликс Кон, который с ним бывал в Урянхайском крае. Моллеров пишет: «На Салдаме они не только вели между собой беседы, но пытались политически образовывать тувинских аратов. По признанию И. Г. Сафьянова, Ф. Я. Кон помог ему «окончательно определить свои политические убеждения и после его отъезда [он] уже твердо пошёл по намеченному пути к другой, справедливой, инверсной и разумной жизни». [5, с. 68-69]. Он следил за политической обстановкой в Урянхайском крае, был недоволен тем, что Монгуш Буян-Бадыргы после освобождения от Цинской империи в 1911 г. метался то к Монголии, то к Китаю, то к Российской империи. Когда Буян-Бадыргы окончательно выбрал в качестве протектора руководство русского царя, то Сафьянов также частично высказывал упрёки, говоря, что Урянхайский край должен быть независим от других государств.

Моллеров писал: «Кроме того, Иннокентий в эти годы активно выступал в минусинских периодических изданиях с острыми публицистическими материалами, в которых защищал тувинский народ от административного произвола, беззакония и несправедливости, пропагандировал тувинскую культуру и был её меценатом.» [5, с. 85]. В конце 1914 г. И. Сафьянов выступил вместе с урянхайскими исполнителями перед минусинскими гражданами. Вначале он рассказал о жизни и творчестве тувинцев, затем группа урянхайцев дала небольшой концерт, играя на национальных музыкальных инструментах.

Думаю, что этот момент выбрал для воплощения в бронзе скульптор Байза Ондар. На

небольшом постаменте стоит молодой русский купец в длинном сюртуке, правой рукой он оперся на высокий круглый столик, его взгляд устремлён вперед, заглядывая в будущее. Его лицо, окаймлённое небольшой бородкой, выражает большую надежду на приобретение независимости от Цинской империи урянхайского народа, где Сафьянов проживал в последнее время. На голове волосы зачесаны назад, из-под бровей видны глаза, смотрящие далеко вперёд, нос прямой, чуть вздёрнутые ноздри, говорят о том, что это человек непростой, настойчивый, прямолинейный, уверенный в себе.

Мужчина одет в европейский костюм, рубашка, воротник которой подвязан галстуком, типичная жилетка, а сверху накинут длинный кафтан. Скульптор изучал костюмы сибирского купечества кон. XIX – нач. XX вв., и, по его воображению, он вылепил неоднородное одеяние молодого купца. Из русской одежды можно увидеть длиннополый кафтан на человеке, затем идёт европейское одеяние, состоящее из рубашки, галстука, жилетки, брюк и ботинок. Художник так изобразил позу Сафьянова, чтобы показать его характер и неуступчивость. Правая нога выдвинута чуть вперёд, она словно говорит, что молодой человек может в этот момент пойти на помощь братскому народу. Левая рука застыла в движении после прочтения лекции об урянхайском народе, как-бы говорящая о внимании слушателей о сказанном. Правая рука надёжно прикрывает, одновременно придерживая, книгу, которую показывал молодой лектор. Чуть сзади изображено гусиное перо – атрибут нач. XX века. Форма столика, на котором лежит книга, характерна для модерновой обстановки конца купеческого дома кон. XIX – нач. XX веков. Вся фигура с антуражем, отлитая в бронзе, показывает, что ваятель достиг значительной художественной выразительности в передаче исторического образа выдающейся личности Иннокентия Сафьянова.

По словам ваятеля Байза Ондара монументальная скульптура была выплавлена в городе Смоленске, где выполняли много памятников выдающихся людей России.

Дальнейшая судьба И. Г. Сафьянова менее трагична, чем у его соратника М. Буян-Бадьргы, которого расстреляли по подложному доносу без суда и следствия. Иннокентий много болел, но прожил большую продолжительную жизнь. Во время принятия конституции Танну-Тува Улус он вёл активную пропагандистскую работу, после принятия и провозглашения независимой республики внезапно заболел и слёг. Конечно, Сафьянов многим партийным чиновникам был не по душе, они хотели от него избавиться, особенно, не сложились у него отношения с советским консулом Ф. Г. Фальским. Весной 1923 г. Сафьянов был исключён из партии, а затем последовала депортация из Тувы, этого человека, много сделавшего для Урянхайского края.

По словам Моллерова: «25 сентября 1924 года Сафьянов с женой отплыл на плоту вниз по Енисею, навсегда покинув пределы Тувы». [5. С. 256]. Они прибыли в Москву, где прожили до 1935 года, затем переехали в предгорья Кавказа, в посёлок Красная Поляна Краснодарского края. Сафьянов много вспоминал о Туве, писал рассказы о природе, людях, их быте и культуре. В 1951 году Сафьяновы возвратились в подмосковный Солнечногорск к сыну – В. И. Сафьянову. Литературные труды «Тува в прошлом» в двух томах Иннокентия Георгиевича были опубликованы научными сотрудниками ТИГИ в 2012 году. Умер И. Г. Сафьянов в феврале 1954 года и был похоронен на Солнечногорском кладбище.

В юбилейном 2021 г. Республика Тыва отмечала 100-летие своей независимости, образования государственности, как Тувинская Народная Республика. И как значимое событие явилось исполнение монументального памятника Иннокентию Сафьянову в Кызыле, затем в Туране.

Авторское повторение памятника Иннокентию Сафьянову было воздвигнуто в городе Туране на другом постаменте, которое задумал автор. Бронзовый памятник расположен в центре парка города Турана. Постамент более высокого уровня, грани которого мягко выгнуты вовнутрь, размер фигуры в полтора раза больше натуральной величины. Так именно хотел создать скульптор Ондар монументальный памятник Сафьянову с большим пьедесталом. Осуществилась мечта краеведа Т. Е. Верещагиной о создании в городе Туране, недалеко от филиала музея им. Сафьяновых памятника выдающемуся общественному и политическому деятелю, её деду И. Г. Сафьянову.

Таким образом, сбылись желания и мечты многих тувинцев, русских и в первую очередь, вице-спикера Государственной Думы Российской Федерации Ш. В. Кара-оола и Главы Республики Тыва В. Т. Ховалыга о создании монументального памятника сподвижнику М. Буян-Бадыргы И. Г. Сафьянову.

Библиографический список:

1. Верещагина Т. Е. Эккендей. Абакан: Хакасское книж. изд-во. – 2004. – С. 100.
2. Верещагина Т. Е. И это все музей. Избранные статьи. Переписка. Абакан. – 2010. – С. 146.
3. Ермолаевские чтения: материалы юбилейной V научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию образования Тувинской Народной Республики (26-27 августа 2021 г.). Кызыл: Изд. отд. НБ им. А. С. Пушкина РТ. – 2021. – 284 с.
4. История Тувы: В 3 т. – Т. II. – Новосибирск: Наука, 2007. – 430 с.
5. Моллеров Н. М. Иннокентий Сафьянов. – М.: Слово, 2014. – 320 с.: илл. – (Жизнь замечательных людей Тувы).
6. Сафьянов И. Г. Тува в прошлом. Том I. Художественное творчество тувинского народа. Фотоархив. М. 2012. – 232 с.: илл.

Памятник Иннокентию Сафьянову. г. Туран, Республика Тыва.

РАЗДЕЛ V. ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

А. Л. Будников,
г. Красноярск

Формирование рельефа, рек, озёр Хакасии, юга Красноярского края в позднеплейстоцен-голоценовый период развития.

История геологического развития, любого геологического полигона, в период позднего плейстоцена – голоцена, всё более привлекают внимание специалистов различного профиля: геологов, географов, биологов, почвоведов, прежде всего тем, что различные вопросы естественной истории Земли этого времени представляют не только научный интерес, но и приобретают всё большее практическое значение в поисках сингенетичных месторождений различных полезных ископаемых. Их изучение является отправным моментом в познании закономерностей развития палеорельефа, палеоклимата и современного состояния природы. Знание тенденций в эволюционном, либо катастрофическом развитии природы и окружающего ландшафта очень актуально в настоящее время. Не зная истории геологического развития любой изучаемой территории, невозможна правильная оценка состояния природной среды и насколько современные ландшафты сохранили и унаследовали естественную первичную структуру.

Формирование рельефа любого геологического полигона является продуктом климата и тех геологических процессов, зачастую имевших катастрофические события и даже событийные катастрофы, сформировавшие современный облик рельефа.

Район исследования охватывает часть территории Республики Хакасия и южные окраины Красноярского края. Данная территория издавна славится своими золоторудными и золотороссыпными месторождениями, а также своими уникальными озёрами, имеющими различный химический состав, возраст и генезис происхождения. Всего на территории Республики Хакасия, по данным Института биофизики СО РАН насчитывается около 500 озёр, из них 110 озёр являются солёными. В Ширинском районе, которому будет уделено основное внимание в данной работе, учтено 167 озёр, каждое площадью более 1 га, различающихся по солёности и солевому составу.

Изучение предгорной части Западных Саян и Кузнецкого Алатау в свете теории дилuviального морфолитогенеза позволяет взглянуть на формирование поверхности изучаемой территории с позиций, отличных от ранее опубликованных, и решить некоторые вопросы о генезисе спорных до сих пор геологических, геоморфологических и гидрологических объектов.

Формирование рельефа данной территории за последние 50 000 лет происходило в относительно спокойной геологической обстановке, но в середине позднего плейстоцена и начале голоцена здесь произошло, как минимум два катастрофических события.

Результатом, деятельности, которых было резкое, одномоментное и кардинальное изменение рельефа, речной сети, с формированием озёрных палеокотловин унаследованных в дальнейшем остаточными озёрами современного облика, которые мы и созерцаем в настоящее время.

На изучаемой территории автор выделяет два разновозрастных и разномасштабных фладстрима (катастрофический поток) – Андатский и Изекиюльский, имевших катастрофические события с кардинальным изменением рельефа для данной территории.

Наиболее древним, но незначительным по масштабам, является Андатский мезофладстрим (катапоток), начавший свой разбег с прорыва ледниково-подпрудного озера, располагавшегося в верховьях реки Андат. Начало формирования, долины р. Андат относится к началу позднего плейстоцена и до прохождения по ней катастрофического потока имела единое русло с рекой Харатас и впадала в палеозеро Улень. Долины реки Белый Июс (от устья современной р. Андат и ниже) до середины позднего плейстоцена ещё просто не существовало. Большинство долин рек данного региона в начале позднего плейстоцена имело северо-восточное простирание.

Формирование долины р. Белый Июс, (от современного устья р. Андат) началось в середине позднего плейстоцена (35-36 тыс. лет назад), после прорыва ледниково-подпрудного озера. По ходу своего продвижения Андатский катастрофический (селевый) поток в районе устья реки Тунгужуль разделился на два рукава (потока). Первый сформировал долину реки Тунгужуль, второй долину реки Белый Июс.

Скэбленд первого ответвления (Туимский) Андатского катапотока просматривается по долине р. Тунгужуль, Туим и далее через п. Первомайское до р. Енисей. Результатом его катастрофической деятельности стало формирование долин рек Тунгужуль, Туим, а также крупной депрессии северо-восточного простирания неправильной формы длиной более 70 км. В местах, где грязекаменный поток встречал на своём пути денудационные останцы, сложенные крепкими породами, происходило закручивание потока в виде водоворота, в результате чего формировались эвормионно-кавитационные ванны, воронки, заполнявшиеся впоследствии водой. Наглядным примером данного действия катапотока являются сохранившиеся до наших дней остаточные озёра, унаследовавшие древние эвормионно-кавитационные ванны, такие как: Иткуль, Берёзовое, Собачье, Матарак, Шунет, Власово, Утичьи и другие более мелкие водоёмы.

Второе, основное ответвление Андатского катапотока, прошло в северном направлении и окончательно сформировало долину р. Белый Июс выплеснулось в Ширинскую мульду, сложенную девонскими морскими отложениями.

На всём протяжении скэбленда (территория, подвергавшаяся многократному воздействию катастрофических паводков) от устья р. Андат и до п. Балахчин отмечаются следы рваного типа рельефа и слабо сохранившиеся следы гигантской ряби течения. Диллювиальные отложения в виде запруд осаждались в приустьевых частях долин рек и их притоков, перегораживали их мощными толщами и блокировали сток. При этом образовывались естественные запруды, создававшие условия для формирования подпрудных озёр. Диллювиальные отложения картируются от п. Ефремкино до Чёрного озера, а также в приустьевых участках рек Беренжак, Ипчул, Биза, Харатас, Сынныг, Сья и др.

При выходе Белоиюсской ветви грязекаменного потока из горной системы в Ширинскую мульдугу, в районе п. Балахчин, произошло ещё одно разделение катапотока на три рукава.

Путь левой ветви потока просматривается в южном направлении через посёлки Чебаки, Гайдаровск, далее вверх по долине р. Транжуль, и заканчивается в районе озера Ошколь. Мощные толщи дилювиальных отложений сформировали естественные запруды, создавшие условия для формирования подпрудных озёр по долинам рек Чёрный Июс,IZEKIYULЬ и Транжуль.

Геологические следы средней ветви потока просматриваются в северном направлении через посёлки Балахчин, Чёрное озеро, и далее вплоть до посёлка Устинкино, где и произошло ослабление энергии потока и его окончательное замирание. По ходу своего пробега грязекаменным потоком было сформировано две эвормионно-кавитационных ванны и гигантская рябь течения, сохранившаяся в левобережье р. Чёрный Июс (район п. Подкамень).

Первая ванна в настоящее время заполнена водами озера Чёрное. Причём глубина данного водоёма превышала современный уровень озера на 130-140 м.

Вторая озёрная палеокотловина имела серповидную форму и просматривается от существующего ныне озера Ошколь до п. Подкамень. В настоящее время озёрная котловина сухая и перекрыта более молодыми голоценовыми отложениями. Единственным напоминанием о былом существовании здесь в позднем плейстоцене крупного озера служит сохранившееся остаточное озеро Ошколь и серия мелких, округлых заболоченных водоёмов.

Следы деятельности правой ветви Андатского фладстрима просматриваются в северо-восточном направлении от посёлка Балахчин до п. Копьёво, с заворотом через озеро Тус до озёр Белё и Шира.

Унаследовав палеодолину р. Чёрный Июс, грязекаменный поток правой ветви фладстрима без особых затруднений дошёл до района нынешнего посёлка Июс, где, упершись в денудационные останцы, представленные скальными коренными породами девонского возраста, изменил своё направление с северного – на восточное и юго-восточное. Основным результатом деятельности этого катапотока стало формирование долины р. Белый Июс и эвормионно-кавитационных котловин, которые впоследствии унаследовали озёра Тус, Белё, Шира и Джирим. Зеркало воды в палеоозёрах превышало современное на 150-180 метров. На это указывают многочисленные сухие волно-прибойные террасы, расположенные по периферии современных озёр, а также отдельно стоящие монадоки (бывшие острова) (г. Острая и др.) со сглаженными, отпрепарированными береговыми линиями, сформированные волноприбойными процессами.

После прохождения катастрофического потока выше дилювиальных запруд сформировались дилювиально-подпрудные озёра не только по долинам рек Белый Июс, Чёрный Июс и Сья, но и по всем многочисленным притокам. Основное дилювиально-подпрудное палеозеро заполнило вновь сформированную долину р. Белый Июс – от посёлка Ефремкино и далее до р. Тюхтерек. Глубина палеозера превышала 200 – 250 м. В местах развития известняков под воздействием вод данного палеозера начались процессы карстообразования, в результате которых и сформировались знаменитые пещеры в районе посёлков Ефремкино и Малая Сья.

Исследование остатков древесины (отобранных с глубины 25 м в долине р. Андат) радиоуглеродным анализом СОАН – 9803 (определение Овчинникова И. Ю.) показало, что

возраст дилювиальных отложений Андатского фладстрима и начало формирования палеокотловин озёр Чёрное, Тус, Белё, Иткуль, Шира, Джирим и др., а также карстовых пещер в долине реки Белый Июс – соответствует 36240 ± 1080 лет.

Выше описанная палеогеографическая обстановка на изучаемой территории просуществовала без каких-либо кардинальных изменений практически 25-26 тыс. лет вплоть до начала голоценового периода. Деградация палеоозёр происходила постепенно, без каких-либо катастрофических событий. За этот период времени сформировались карстовые пещеры и новые русла рек. Так, к примеру, русло реки Чёрный Июс изменило своё направление. Участок реки от п. Сарала и до южного берега озера Ошколь в позднем плейстоцене представлял собой классический спилвей.

Более молодым, но не менее катастрофическим по своим разрушительным масштабам стал – Изекиюльский фладстрим. В начале голоцена кардинально нарушивший природную гармонию изучаемой территории. А началось всё с прорыва дилювиально-подпрудного озера, располагавшегося в верховьях р. Изекиюль. Прорыв озера произошёл одномоментно, а образовавшаяся при этом гигантская волна высотой более 50 метров сотворила катастрофические действия, превосходящие последствия Андатского фладстрима. По ходу своего продвижения грязекаменный поток как снежный ком, катящийся с горы, вобрал в себя всё, что попадалось на его пути.

Прохождение фладстримов всегда сопровождается резким и быстрым изменением рельефа, уничтожением, разрушением, переносом огромных масс различных по составу и консистенции пород на десятки, сотни и даже тысячи километров (Будников. 2017). При этом происходит нивелирование (активировка) земной поверхности, образование новых речных долин, озёрных ванн с формированием дилювиально-эрозионного, рваного типов рельефа. Кроме данных типов рельефа фладстримы формируют дилювиально-аккумулятивный тип рельефа, сопровождающийся быстрым отложением мощных дилювиальных толщ и, как следствие, в местах запрудивания речных палеодолин образование дилювиально-подпрудных озёр.

Скэбленд Изекиюльского фладстрима охватывал реки Чёрный Июс, Белый Июс, Чулым, Урюп, Большой Кемчуг и др., прослеживается более чем на 400 км по простиранию и на 150 км по латерали.

По ходу прохождения суперпаводка повсеместно просматривается рваный тип рельефа, формирующийся в приграничной зоне движущегося с большой скоростью грязекаменного потока, срезающего, как ножом, вмещающие его коренные породы, приобретающие вид вертикальных скальных выходов. На плоскостях среза отчётливо просматриваются сохранившиеся борозды и сколы, указывающие на направление движения суперпаводка. Такой тип рельефа фиксируется практически по всей долине р. Чёрный Июс от п. Чебаки до п. Копьёво, а также в левобережье р. Белый Июс (район п. Июс) и до озёр Учум, Большое, Белое и др.

Также практически по всей долине р. Чулым отмечаются фрагменты следов гигантской ряби течения. В местах, где суперпоток встречал на своём пути денудационные останцы (преграды), сложенные крепкими породами, формировались эвразийно-кавитационные ванны, воронки, заполнявшиеся впоследствии водой. Таким образом, были сформирова-

ны ванны озёр: Фыркал (Палты-Коль), Аврас, Учум, Большое и Малое (п. Парная), Салбат, Белое и другие более мелкие водоёмы.

Основным и, пожалуй, наиболее важным, является тот факт, что при прохождении по данной территории Изекиюльского фладстрима произошло кардинальное изменение русла р. Чулым. До суперпаводка палеоруло р. Чулым имело меридиональное простирание, проходило рядом с г. Ужур, через озеро Белое и далее до р. Четь, которая и является наследницей и продолжением палеореки Чулым.

Изекиюльский фладстрим своими действиями и отложениями полностью изменил направление течения и перекрыл палеодолину р. Чулым, отчего, в последствии, водам реки пришлось пробивать себе совершенно новое русло по границе скэбленда суперпаводка и коренных пород матрикса. Благодаря этому современная долина р. Чулым имеет два крупных петлеобразных изгиба и спилвей, длиной более 20 км, картирующийся от п. Курбатово до п. Подсосное.

Возраст дилювиальных отложений Изекиюльского фладстрима, и тех многочисленных изменений рельефа с формированием новых и подновлением старых озёр Хакасии и юга Красноярского края, согласно данным радиоуглеродного анализа (СОАН – 9611; определения Овчинникова И. Ю.) древесины, отобранной с глубины 13 м. в долине р. Изекиюль, составляют 9310 ± 100 лет, что указывает на начало голоценового периода.

Таким образом, часть территории нынешней Республики Хакасия и юга Красноярского края в середине позднего плейстоцена и в начале голоцена претерпели как минимум два катастрофических события, кардинально изменившие рельеф и климат изучаемой территории. Основными результатами их деятельности, сохранившихся до наших дней, являются многочисленные озёра, имеющие различный возраст своего формирования и химический состав. Начало формирования котловин солёных озёр, таких как Шира, Белё, Тус, Учум и др. соответствует середине позднего плейстоцена. Котловины более молодых озёр, таких как, Фыркал, Аврас, Большое и Малое (п. Парная), Салбат, Белое сформировались в начале голоцена, и имеют пресноводный состав.

Различная степень солёности и химический состав вод озёр, вызывает вполне закономерный интерес, где буквально на расстоянии в один километр друг от друга существуют солёное озеро Шира и здесь же, за небольшой сопкой – пресное озеро Иткуль. Можно конечно попытаться объяснить это подпиткой вод озёр, либо поверхностными пресными, либо солёными грунтовыми водами что, несомненно, является одним из основных факторов. Также, по мнению автора, немаловажную роль в различном химическом составе вод озёр, играет и возраст формирования котловин водоёмов Хакасии.

Чем древнее водоём, тем большая концентрация солей накапливалась в илистых отложениях при деградации озёрных ванн, что естественным образом влияет и на состав вод озёр.

Библиографический список:

1. Будников А. Л. Балойский фладстрим и формирование дилювиальных россыпей золота (Восточные Саяны) // Матер. X Всерос. совещ. по изуч. четвертичного периода: «Фундаментальные проблемы Квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». М.: ГЕОС, 2017. – С.66-67.

А. Л. Будников,
г. Красноярск

Памятники природы Койского Белогорья (Красноярский край)

Красноярский край, Хакасия, Алтай составляют огромную часть Сибирского региона. Территория её огромна, не хватит и одной жизни, чтобы охватить её своими исследованиями. Понять, почему, когда и какие геологические процессы участвовали в формировании горных хребтов, рек, озёр и создавшие тот современный рельеф, который мы и созерцаем в настоящее время.

Одно из удивительных и загадочных мест находится на юге Красноярского края – это Койское нагорье (рис. 1). Здесь на водораздельной части в верховьях рек Поперечный и Продольный Тазик находится целый комплекс скальных образований, по своей красоте, изысканности, загадочности и великолепного исполнения природным художником не уступающий, а возможно и превосходящий знаменитый природный памятник «Красноярские столбы».

Первооткрывательство данного природного комплекса, без всякого сомнения, конечно же, принадлежит Ерёминой Надежде Германовне. Благодаря её настойчивости, заинтересованности в развитии туризма, истории, геологии и бережного сохранения природы района об этом чуде природы услышали многие представители науки и просто интересующиеся люди.

В изучении данного природного объекта непосредственное участие принимали ведущие специалисты различных отраслей и направлений Красноярского края. Среди которых следует особенно отметить: профессора, доктора исторических наук Быконю Г. Ф.; про-

Рис. 1. Сглаженный рельеф Койского нагорья

Рис. 2. Скальный комплекс «Парус»

Мамонта (рис. 3). В списке первооткрывателей находятся три человека имеющие отчество – Леонидович (А. Л. Заика, П. Л. Борзых и ваш покорный слуга А. Л. Будников), поэтому автор предлагает именовать в дальнейшем скульптуру мамонта, не иначе как – Леонидыч.

В качестве материала, для создания скульптур, природа использовала интрузивные породы гранитного и граносиенитового состава, состоящие из кварца, калиевого полевого шпата, плагиоклаза и темноцветных минералов. Породы по своим физическим свойствам очень крепкие и слабо подвержены процессам химического выветривания, отчего данный комплекс скальных образований сохранился до наших дней. Хотя возраст их становления,

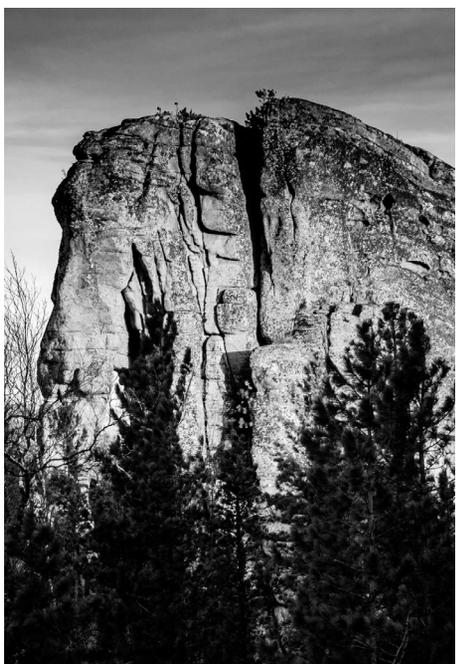

Рис. 3 Скальный комплекс «Мамонт»

фессора, доктора исторических наук – Н. И. Дроздова; кандидата исторических наук А. Л. Заику, министра экологии и рационального природопользования Красноярского края П. Л. Борзых; депутата Законодательного Собрания Красноярского края А. В. Кулеш; генерального директора АНО «Проектный офис развития территорий А. Н. Сергеева; заслуженного спасателя международного класса В. П. Коханова; представителя Общественного совета Минского сельского совета А. В. Шведова. Без их содействия уникальный памятник природы так и остался бы немым и никому не известным.

Памятник природы состоит из нескольких отдельно стоящих скальных образований имеющих причудливую форму, по облику напоминающие Парус (рис. 2), Ветрогон (рис. 4), и конечно же, основной фигурой данного комплекса, является уникальный по своей форме, скальный монумент напоминающий фигуру

согласно данным радиоуглеродного возраста и геологической корреляции с сопряжёнными районами Восточных Саян, по мнению автора, составляет 24 000 лет (Будников, 2017).

До середины позднего плейстоцена в верховьях р. Кан существовало крупное ледниково-подпрудное палеозеро протяжённостью более 90 км и шириной до 15-20 км, приуроченное к зоне тектонического контакта, именуемое автором как Балойское, что в переводе означает «вода в котловине» (где «ба» – вода; «лой, ойлу» – котловина). Из Балойского палеозера в середине позднего плейстоцена вытекала всего одна река субширотного направления, долину которой унаследовала современная р. Мина (Мимия).

Балойское праозеро просуществовало довольно длительное время. Но, на рубеже 23-24 тыс. лет назад в результате процессов блоуаутинга (гидровулканизма), сопровождавшихся одномоментным сходом крупных

Рис. 4. Скальный комплекс «Ветрогон»

селевых потоков в ванну древнего озера, произошёл катастрофический сброс сотен миллионов кубометров воды. Образовавшаяся при этом гигантская волна высотой более 150-200 м сформировала два основных фладстрима (грязекаменных потоков) – Минский и Балойский, последний детально описан в более ранних работах автора (Будников, 2017), поэтому здесь мы вкратце

остановимся на деятельности Минского фладстрима.

Фладстримы (суперпаводки) – это катастрофические гляциальные, аллювиально-селевые, грязевые, грязекаменные суперпаводки, образовавшиеся из прорвавшихся ледниково-подпрудных озёр, в составе которых присутствовал разнообразный каменный материал, расположенный хаотично в песчаном, песчано-глинистом и существенно глинистом матриксе.

Прохождение фладстримов всегда сопровождается резким и быстрым изменением рельефа, уничтожением, разрушением, переносом огромных масс различных по составу и консистенции пород на десятки, сотни и даже тысячи километров. При этом происходит нивелирование земной поверхности, образование новых речных долин, озёрных ванн, с формированием дилювиально-эрозионного типа рельефа.

Именно такими качествами и обладал Минский катастрофический поток, начавший свой разбег с верховьев р. Мина. Далее, в северо-восточном и северном направлении прошёл по долине р. Мана, сформировал эвронно-кавитационную котловину в районе п. Коя. Кардинально изменил южные склоны и сам водораздел Койского белогорья. От некогда существовавших величественных островерхих вершин горной цепи остались лишь сглаженные вершины с отдельно стоящими грядами скальных образований (рис. 4), среди которых и находятся вышеупомянутые причудливые фигуры по облику напоминающие парус, мамонта, ветрогон, черепаху и др.

Именно этими катастрофическими мазками природный художник и скульптор изваял эти удивительные фигуры. Не исключено, что кроме вышеописанных и найденных скальных фигур, на Койском белогорье можно найти и другие не менее причудливые каменные формы.

Библиографический список:

1. Будников А. Л. Балойский фладстрим и формирование дилювиальных россыпей золота (Восточные Саяны) // Матер. X Всерос. совещ. по изуч. четвертичного периода: Фундаментальные проблемы Квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. М.: ГЕОС, 2017. – С. 66-67.

И. К. Гаврилов, А. С. Алябьева, Е. Э. Шергалин,
г. Красноярск

Сборы Е. О. Яковлева в естественно-научных фондах Красноярского краевого краеведческого музея

Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ) как один из старейших культурно-просветительских центров Сибири имеет богатейшее собрание естественно-исторических коллекций, среди которых особое место занимают сборы орнитолога Евгения Осиповича Яковлева (1894-1943), который многие годы занимался исследованием фауны труднодоступного Севера Енисейского края.

В архиве Красноярского краевого краеведческого музея, к счастью, сохранилось личное дело Евгения Осиповича Яковлева, материалы которого позволили хотя бы частично воспроизвести некоторые этапы его жизненного пути [5]. Судьба Е. О. Яковлева достаточно трагична и во многом отражает судьбу российской интеллигенции его поколения.

Он родился в Саратовской губернии (г. Саратов) в сентябре 1894 г., Гимназическое образование получил в Симбирске. С детства увлекался наблюдениями за животными и сбором коллекций насекомых и птиц, и уже тогда начал работу в местном музее. По окончании гимназии поступил в Санкт-Петербургский университет на естественно-историческое отделение физико-математического факультета. Но, как пишет сам Е. О. Яковлев, в своей автобиографии «...моим мечтам сделаться зоологом не суждено было сбыться, т. к. весной 1916 г. я, по царскому приказу вместе со многими другими студентами (был объявлен призыв студентов в армию), был отправлен в военное училище и против воли произведён в прапорщики...Этот призыв навсегда изломал мне жизнь, поставив в ряды совершенно чуждой и неприязненной мне касты и отняв возможность окончить высшую школу» [5].

С 1916 г. по 1918 г. Е. О. Яковлев служил младшим офицером в царской армии, с 1918 по 1919 г. – в армии Колчака в чине младшего офицера-прапорщика. В 1919 г. вместе со своей частью перешёл на сторону Красной Армии, где до 1923 г. служил в Красноярском гидрографическом отряде. После демобилизации из Красной Армии работал в Госторге, а с 1924 по 1931 г. преподавал в Красноярском техникуме, числился научным секретарём комитета Севера. 13 февраля 1931 г. Яковлев Е. О. был арестован по обвинению в проведении контрреволюционной агитации и шпионаже. По постановлению Красноярского оперсектора ОГПУ от 6 октября 1931 г. Яковлев Е. О. был освобождён из-под стражи под подписку о невыезде. 31 мая 1934 г. дело по обвинению Яковлева Е. О. было прекращено за недоказанностью обвинения [5].

С Красноярским музеем Евгений Осипович Яковлев был связан почти 20 лет – с 1918 г. по 1938 г., где он трудился в разном статусе – добровольного помощника, совместителя, так и штатного работника в должности заведующего отделом зоологии. В характеристике от 05.04.1936 г., данной Е. О. Яковлеву, А. Я. Тугаринов писал: «Предметом его занятий были по преимуществу птицы. Кроме занятий в музее по определению, приведению в порядок и каталогизации, он вёл постоянную работу в поле, в экскурсиях и экспедициях, благодаря этому значительно пополнил коллекции музея сборами шкурок птиц, гнёзд и яиц. Привозимые коллекции были составлены образцово, с соблюдением всех научных

требований. Местную фауну Е. О. Яковлев знает прекрасно, имеет большой опыт полевой работы и является умелым наблюдателем, могущим вполне самостоятельно вести научно-исследовательскую работу» [5].

По-видимому, одним из самых плодотворных периодов по части научных наблюдений и сбора коллекционных материалов является 1932 – 1935 гг., когда Е. О. Яковлев работал в Таймырском округе.

Трагическим периодом в жизни Е. О. Яковлева стал его арест 19 августа 1938 года по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1. ст. 58-6 УК РСФСР. Обвинение против Е. О. Яковлева было построено на его тесном сотрудничестве с иностранным учёным, коллегой и другом Гансом Финдейзенем (1903-1968), известным своими работами о быте и обычаях северных народов России. Вполне вероятно, что поводом для его ареста стала не столько его переписка с Гансом Финдейзенем, сколько его служба с сентября 1918 по декабрь 1919 г. в должности зав. механизмами моторных катеров в чине прапорщика в колчаковской армии [5]. Приговором Военного Трибунала Сибирского военного округа от 7 июня 1939 г. он был осужден на 12 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях и последующим поражением в правах на 5 лет с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 9 октября 1939 г. приговор в отношении Е. О. Яковлева оставлен в силе. Так, с 1938 г. Евгений Осипович прекратил свою работу в Красноярском музее. В связи с обвинениями было изъята кроме его имущества, также личная оологическая коллекция. Впоследствии перед органами НКВД встал вопрос, как с ней быть. Было решено передать её Красноярскому краеведческому музею. И в 1939 г. из органов НКВД в музей была передана коллекция птичьих яиц (около 5 000 экз.), собранная в 1920-1938 гг. орнитологом Е. О. Яковлевым [2]. Коллекционный материал Е. О. Яковлева систематизирован, но, к сожалению, полностью не обработан, поскольку записей автора с указанием времени и места сбора в фондах музея не обнаружено.

В настоящее время более 3500 ед. хранения из этой коллекции требуют дополнительной обработки и внесения в электронную базу данных. Коллекция объединяет материалы, характеризующие представителей 34 семейств птиц, обитающих не только на территории Красноярского края, но и в других регионах страны. По видовому составу наиболее полно представлены 13 семейств: Gaviidae, Podicipedidae, Anatidae, Accipitridae, Falconidae, Tetraoninae, Charadriidae, Laridae, Strigidae, Motacillidae, Corvidae, Turdidae, Emberizidae. Всего же обработанная часть оологической коллекции музея представлена 121 видом, принадлежащим к 31 семейству 14 отрядов. Нидологические материалы не столь велики в общем объёме орнитологической коллекции: 79 видов, принадлежащих 24 семействам семи отрядов. К редким экспонатам относятся яйца и кладки: фламинго, колпицы, краснозобой казарки, беркута, степного орла, орлана-белохвоста, балобана, пеликана, чёрного журавля, дрофы [3, 4].

Помимо оологических и нидологических материалов в естественнонаучных фондах КККМ хранятся гербарные сборы (78 гербарных листов), энтомологическая коллекция (112 ед. в основном представители отряда Чешуекрылые, собранные в период с 1911 по 1937 гг. в окр. Красноярска). Орнитологическая коллекция насчитывает 404 экз. тушек,

большинство которых искусно изготовлены, имеют очень хорошую сохранность и чёткую атрибуцию [6].

Таблица 1

Систематический состав орнитологической коллекции (тушки) Е. О. Яковлева

Отряд	Количество		
	Семейство	Вид	Экземпляр
Гагарообразные	1	3	12
Поганкообразные	1	1	1
Гусеобразные	1	14	98
Соколообразные	2	7	26
Курообразные	1	3	22
Ржанкообразные	4	24	75
Кукушкообразные	1	1	1
Совообразные	1	4	11
Дятлообразные	1	5	11
Воробьинообразные	16	49	147

Наиболее широко представлены отряды: Воробьинообразные, Ржанкообразные и Гусеобразные (табл. 1). Основные годы сбора – 1920, 1922, 1925, 1938. Наибольшее количество научных коллекций собрано в тундровой зоне (Бреховские острова, посёлок Носок, посёлок Толстый нос, озеро Таламское, устье реки Яра, река Талама и др.), лесостепи (Красноярск и его окрестности, заповедник «Столбы») и северной тайге (Туруханск и его окрестности). Некоторые экземпляры были добыты на арктическом побережье полуострова Таймыр (Диксон) [6].

Орнитологические сборы Е. О. Яковлева хранятся не только в Красноярском краеведческом музее и Зоологическом Институте РАН, но и в Зоологическом музее МГУ, в который поступило около 80 экземпляров, собранных в Приенисейской Сибири в период с 1927 по 1938 год [5].

За два года до ареста важным событием в жизни Евгения Осиповича стала его научная командировка в г. Ленинград в Зоологический Институт АН СССР, где с января по апрель 1936 г., он смог основательно поработать с научной литературой и коллекциями птиц и млекопитающих. Работая в ЗИН Евгений Осипович пользовался консультациями и общался более всего со своим бывшим начальником А. Я. Тугариновым; Е. В. Козловой, научным сотрудником отдела орнитологии; Б. С. Виноградовым, заведующим отделом млекопитающих, с которым был знаком ещё с 1932 г. и научным сотрудником этого отдела К. К. Флеровым [5].

Е. О. Яковлев внёс свой посильный вклад в изучении орнитофауны Приенисейской Сибири, особенно северной части региона. Его полевые наблюдения отчасти нашли своё отражение в ряде научных публикаций [7-12]. В своей автобиографии он указывает на целый ряд готовящихся к печати рукописных работ, которые к сожалению, так и не были опубликованы: «Моя научная деятельность выразилась в фаунистических обследованиях Таймырской тундры, по которой я имею несколько работ. Однако, пока напечатана лишь статья «К границам распространения промысловых зверей и птиц в Туруханском крае»,

1930 г. Красноярск, Труды зоологической секции Средне-Сибирск. гос. географ. об-ва. Сейчас готовятся ещё две: «Птицы Приенисейской тундры», «Млекопитающие и птицы Хатангского района» и «К вопросу о динамике фауны Таймыра». Кроме того, имеются в законченных рукописях: «Волк в Хатангском районе», «Материалы по рыбному промыслу Хатангского района», «Фенологические наблюдения в Хатангской тундре», «Метеорологические наблюдения в Хатангской тундре». По договору с Красноярским крайгизом выполнена работа «Охота в Красноярском крае» и готовится – «Животный мир Красноярского края» [5]. О судьбе выше указанных рукописей до сих пор ничего не известно.

Помимо зоологических исследований Енисейского Севера Евгений Осипович также интересовался и изучением этнографии народов, населяющих Красноярский край. Так, «...к 1930-1932 гг. относятся негативы Е. О. Яковлева (общее их количество превышает 70 единиц). Снимки были сделаны в Хатангском районе Таймырского национального округа, во время заведывания Е. О. Яковлевым краеведческим пунктом Хатангской культбазы. Судя по изображениям на его негативах, более всего интересовали Яковлева виды ландшафтов, а съёмку жизни коренных народов этого региона, нганасан и долганов, он производил лишь попутно» [1].

Также в архивах КККМ хранятся дневниковые записи Е. О. Яковлева. Восемь тетрадей, исписанных убористым почерком, хранят его скрупулёзные фенологические наблюдения во время длительных поездок на Таймырский полуостров. Сотрудникам музея ещё предстоит расшифровать страницы с сильно выцветшими чернильными и карандашными набросками, чтобы по достоинству оценить вклад этого человека в изучение природы и животного мира Енисейского Севера [5].

По запросу директора КККМ В. М. Ярошевой в ГУ МВД России по Красноярскому краю о судьбе Е. О. Яковлева, 23.05.2015 г. пришёл ответ, что Яковлев Евгений Осипович умер 06.01.1943 г. в Краслаге НКВД СССР.

Красноярский краеведческий музей делает всё, чтобы сохранить память об этом человеке – в экспозиции «Природное наследие» действует раздел с его коллекционными сборами, а в естественнонаучных фондах бережно хранятся не только атрибутированные материалы по зоологии, ботанике, этнографии, но и те экспонаты, сведения о которых, к сожалению, утрачены.

Библиографический список:

1. Баташев М. С. История формирования коллекции стеклянных негативов по этнографии коренных народов Средней Сибири Красноярского краевого краеведческого музея / М. С. Баташев // сайт Красноярского краевого краеведческого музея. – Режим доступа: http://www.kkkm.ru/static/uploaded/files/Catalog/CD_Etnonegativ/introduction.html
2. Век подвижничества. Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – 285 с.
3. Гаврилов И. К. Орнитологическая коллекция Красноярского краевого краеведческого музея / И. К. Гаврилов // Орнитологические коллекции: из прошлого в будущее: Тез. IX Международной конференции хранителей орнитологических коллекций. М.: ГДМ, 2015. – С. 36-37.
4. Гаврилов И. К. Орнитологическая коллекция Красноярского краевого краеведческого музея: История формирования и общая характеристика / И. К. Гаврилов // Век подвижничества – 3: сборник научных статей. – Красноярск: «Литера-принт», 2018. – С. 6-10.

5. Гаврилов И. К., Шергалин Е. Э. Светлой памяти Евгения Осиповича Яковлева (1884–1943), исследователя севера Енисейского края / И. К. Гаврилов, Е. Э. Шергалин // Русский орнитологический журнал 2021. – Том 30. – Экспресс-выпуск. 2079: 2713-2741.

6. Каталог орнитологической коллекции Красноярского краевого краеведческого музея / Красноярск: ИП Азарова Н. Н. 2008. – 216 с.

7. Яковлев Е. О. К границам распространения промысловых зверей и птиц в Туруханском крае / Е. О. Яковлев // Труды Зоологической секции Средне-Сибирского государственного географического общества. Красноярск, 1930, вып. 1. – С. 51-60. DJVU

8. Яковлев Е. О. Наблюдения над вальдшнепом под Красноярском / Е.О. Яковлев // Боец-охотник. – 1936. Г. 6. № 11. – С. 42-43.

9. Яковлев Е. О. О зимовках крохалей на р. Енисее / Е. О. Яковлев // Боец-охотник. – 1937. Г. 7, № 12. – С. 59-60.

10. Яковлев Е. О. Передвижение гагары чернозобой под водой / Е. О. Яковлев // Боец-охотник. – 1936. Г. 6, № 10. – С. 50-51.

11. Яковлев Е. О. Передвижение гагары чернозобой под водой / Е. О. Яковлев // Природа и социалистическое хозяйство: сборник. – М. 1941. Сб. 8. Ч. 2. – С. 458-459.

12. Яковлев Е. О. Редкие случаи залёта птиц в Приенисейский край / Е. О. Яковлев // Труды Зоологической секции Среднесибирского государственного географического общества. – Красноярск. – 1930. Вып. 1. – 106 с.

**Е. Л. Игай,
г. Минусинск**

Изучение флоры и растительности Сибири от Н. М. Мартьянова до наших дней

Историю изучения растительности можно разделить на несколько периодов, как это было сделано для Алтая (Куминова, 1960). Первый период относится к XVIII в., с ним связаны такие имена как Д. Г. Мессершмидт, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, Иоган Сиверс, возглавлявших экспедиции, направляемые Российской академией наук в Азиатскую Россию. Маршруты этих экспедиций прошли по многим районам Сибири. Некоторые сведения о растительности и собранные во время этих экспедиций растения положили начало изучению флоры.

Исследования второго периода (XIX в. и нач. XX в.) положили начало систематическому изучению флоры, что, прежде всего, связано с именем Н. М. Мартьянова.

Николая Михайловича всегда влекла неизведанная природа Сибири, поэтому в 1874 г. он ответил согласием на предложение доктора А. В. Малинина переехать в Минусинск для работы в его аптеке. Из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани Сибирь представляется далёкой страной. Там и люди должны быть другими, и природа, и растения, и животные. По дороге в Минусинск Мартьянов специально свернул на 400 вёрст в сторону от тракта, ведущего в Минусинск, чтобы побывать в Барнаульском краеведческом музее, основанном Геблером в 1823 г., и ознакомиться с постановкой музейного дела.

Приехал Николай Михайлович заведовать аптекой, это значит – с утра и до вечера, изо дня в день готовить медицинские препараты, толочь порошки, готовить пилюли, составлять растворы и т. п. Рабочий день продолжался с четырёх часов утра и до 11 часов вечера. Тогда провизор в аптеке был и химиком, и технологом, и мастером фармакологи-

ческого предприятия. Аптека обычно совмещалась с квартирой её заведующего, чтобы в любое время суток аптекарь был рядом. Совместить исследовательскую работу, связанную с разъездами, с работой в аптеке почти невозможно. Но Н. М. Мартьянов делал это. И конечно, находились люди, которые ему помогали, и прежде всего это владелец аптеки, врач А. В. Малинин.

Мартьянов поставил целью создать краеведческий музей. Он прекрасно понимал, что успех его предприятия, признание значимости коллекций должно осуществляться крупными специалистами. Он вёл переписку и сотрудничал со многими специалистами в России и за рубежом. Доктор Юрацко из Вены определял сибирские мхи, доктор Кербер из Бреславля получал минусинские лишайники, известный австрийский миколог Тюмен в течение нескольких лет описывал новые виды минусинских грибов. Существовала и обратная связь – Мартьянов получал образцы и коллекции от многих российских и зарубежных корреспондентов.

За краеведческими делами Мартьянов не забывает вести деятельную переписку с П. Н. Крыловым. В письмах ему он описывает девственные минусинские степи с возвышающимися над ними снежными вершинами малоисследованных Саян, за которыми ещё более привлекательная для исследователей «неведомая Монголия» - Урянхайский край со своим сказочным хребтом Танну-Ола, ещё не изученном ботаниками.

Порфилий Никитич является одним из основоположников фитоценологии. В своей работе «Очерк растительности Сибири» представил первый вариант классификации растительности Сибири. Изучены закономерности вертикальной поясности растительности Алтая. Составлен фитостатистический очерк альпийской области Алтая, обнаружен и описан как реликт третичной флоры липовый лес в Кузнецком Алатау и др.

В 1882 г. при помощи Крылова Мартьянов выпускает в Казани небольшую книгу «Материалы для флоры Минусинского края», в которой он красочно описывает природу и особенно растительность Верхнего Енисея и Саян. П. Н. Крылов очень хотел посетить эти места, он даже обещал Николаю Михайловичу, что обязательно приедет посмотреть на эти красоты. Осуществить это обещание он смог только через десять лет. Кроме встречи со старым другом, Крылов ставил перед собой две задачи. Первая – ознакомиться со своеобразием степей Средней Сибири, поскольку он к этому времени хорошо изучил южно-сибирские, высокогорные алтайские степи. Вторая – хотелось сравнить флору Алтая и Саян. Сам Порфирий Никитич так характеризует стоявшие перед ним задачи: «Главной целью путешествия являлось, конечно, совместно с собиранием растений более детальное изучение флоры этих стран, так как предстояло бывать в местах малоизвестных, в некоторых пунктах, совершенно не посещенных никакими исследователями, так же оказалось необходимым в интересах даже ботанико-географических, производство маршрутной съемки».

На скромные средства в размере 1000 рублей, полученных от Санкт-Петербургского ботанического сада, Крылов совершает большую экспедицию в Урянхайский край. Экспедиция продолжалась четыре месяца. Крылов дважды пересекает Саяны, хребет Танну-Ола. Исследует Тувинскую котловину, посещает озеро Убсунур, реки Бей-Хем и её притоки: Ий-Сук, Азас, Состых-кхем.

Сам же Мартьянов, по свидетельству Л. М. Черепнина, охватил своими маршрутами почти всю территорию Минусинской котловины с прилегающими к ней горными хреб-

тами. «Район, в котором я с незначительными перерывами совершал свои ботанические экскурсии с 1874 года по 1904 год, т. е. в течение 30 лет, – писал Н. М. Мартьянов в предисловии «Флоры Южного Енисея», вышедшей почти через двадцать лет после его смерти, – заключает в себе громадную площадь, не менее 150 000 кв. верст... В общем в этот период времени я совершил в экипаже, верхом и пешком более 13 000 верст в районе Южного Енисея. Причем за исключением поездок 1893 и 1896 гг., сделанных по предложению и на средства Е. П. Кузнецовой, все остальные экскурсии совершались мною на свои личные, весьма ограниченные средства, что, конечно, не могло не являться сильным тормозом в моих работах, так как заставляло до минимума суживать свои маршруты и всячески экономинизировать время, иногда ограничиваясь 4-5 днями для пути 300-400 в. Не вдаваясь в подробности добытых мною результатов по флоре Южного Енисея, ограничусь только указанием, что мною за тридцатилетний период было собрано 1300 видов и разновидностей высших растений».

Первую экспедицию по Минусинскому округу Н. М. Мартьянов совершил в 1875 году. Его путь был проложен на Саяны к истоку реки Копи, притока Амыла. Он проезжал через деревни: Б. Иня, Шошино, Каратуз и Н. Кужебар. Далее ежегодно Н. М. Мартьянов совершает ботанические экскурсии:

– в 1876 г. он проводил ботанические исследования, сопровождая известного геолога И. А. Лопатина на открытое Мартьяновым захоронение девонской фауны по реке Бея, притоку реки Абакан, далее он переправляется через реку Табатскую, пересекает хребет Матрос на Абаканский железодобывающий завод (ныне пос. Абаза). Обрато в Минусинск он попадает через Уйбатскую и Качинскую степи;

– в 1877 г. – на голец Борус через сёла Лугавское, Шушенское, Каптырево, Саянское по долинам рек Тибека и Соболевой;

– в 1878 г. – на озера Кызыкульское и Каныгино и в окружающий их лес;

– в 1879 г. – на Ирбинскую горно-заводскую дачу через село Кочергино, деревню Березовку по долине реки Ирба, притока Тубы;

– в 1880 г. – на голец Керлыган (Кузнецкий Алатау), через Качинскую и Уйбатскую степи, по долинам рек Камышта, Немир, Неня;

– в 1881 г. – вторая поездка на северный склон гольца Борус к истокам р. Пойловой;

– в 1882 г. на средства Географического общества была совершена поездка в северо-восточную часть Минусинского округа для сбора образцов почв;

– в 1883 г. – третья поездка на голец Борус, на южный склон, к истоку реки Абдыра, через деревню Саянскую и долину реки Голубой. В этом же году совершена поездка на юго-восточные предгорья Саян через сёла Восточное, Казанцево, Ермаковское, Григорьевка в долину реки Кебежа. Осенью Н. М. Мартьянов собирал гербарий на солонцах по западному склону горы Изых, по реке Абакан;

– в 1884 г. – на лесные озёра Просвирное, Солдатово, Каныгино, Кызыкульское и в окружающие их леса;

– в 1885 г. – поездка совместно с Д. А. Клеменцем на голец Итем, через Абаканскую степь, деревни Означенную, Калы в долины рек Уй и Селенга и на Майнский медный рудник;

– в 1886 г. состоялась четвёртая поездка на южный склон гольца Борус;

– в 1887 г. – на восточные отроги Кузнецкого Алатау в долины рек База, Сыра, Немир, Часгол, Камышта, Бея, Уйбат;

– в 1888 г. – на хребет Кулумюс и долину реки Кебеж, через сёла Ермаковское и Григорьевку;

– в июле 1889 г. – на Сизойский голец через сёла Шушенское, Субботино, по долинам рек Шушь и Сизая;

– в 1891 г. – осенняя экспедиция на озёра Можарское и Тиберкуль, через сёла Курагино и Имис, в долину реки Тюхтята, приток Казыра.

– в 1892 г. – две поездки: на Саяны, в долину рек Тибек и Изербель и в восточную часть Минусинского округа через село Курагино, по долинам рек Сыда, Шушь, Кныш и Ирба;

– в 1893 г. на средства Е. П. Кузнецовой было выполнено пять экспедиций не только по Минусинскому округу, но и в район Ачинска и Восточный Алтай;

– в 1884 и в 1895 гг. – несколько поездок по долинам рек Туба, Иня, Лугавка, Ничка и на озера Тагарское, Карасье и Кызыкульское;

– в 1886 г. – ряд поездок на Саянские горы, Кузнецкий Алатау и Ергаки, опять же поездки осуществлены на средства Е. П. Кузнецовой;

– в 1887 г. – ещё две поездки по Минусинскому округу с Н. И. Тропиным и А. А. Яриловым;

– в 1888 г. в апреле совместно с А. А. Яриловым Н. М. Мартьянов посещает восточную часть Минусинского округа, а летом – солёные озёра Шира и Шунет;

– в 1889 г. – на предгорья Саян в район междуречья Амыла и Ои;

– в 1900 г. – две экспедиции: на отроги Кузнецкого Алатау, голец Копен Таскыл в юго-западной части Саян и на хребет Берёзовый по долинам рек Шушь и Берёзовая;

– в 1901 г. – две поездки: летом по реке Абакан, осенью – по реке Пойловой на северный склон гольца Борус;

– в 1902 г. – на южные склоны Саянских гор и в пограничные тувинские степи по маршруту: гора Кулумыс, перевалы Большой и Малый Ойский, Араданский, Мирский, Ашпанский хребет. В селе Усинском Мартьянов прожил более месяца, ежедневно осуществляя экскурсии по окрестностям.

Все эти маршруты исследований послужили основой для пополнения коллекций музея и обширного гербария. Дубликаты Мартьянов высылал специалистам, в том числе в Гербарий Академии наук, Ботанический сад, Русское ботаническое общество и т. д. И конечно, самые интересные находки он посылал своему другу П. Н. Крылову, с которым он был тесно связан до конца жизни.

В дальнейшем Мартьянов помещает в специальных журналах несколько списков растений и путевых заметок, публикует каталог народных средств, находящихся в музее. Основной его ботанический труд – «Флора Южного Енисея», над которым он работал много лет, остался не законченным и был опубликован музеем только в 1923 году. Систематическая часть этого труда содержит 1416 видов, которые Мартьянов и сотрудники музея собрали на юге Красноярского края.

В честь Н. М. Мартьянова названо немало растений: *Artemisia martjanovii* Krasch. ex Poljak., *Vupleurum martjanovii* Kryl., *Mesostemma martjanovii* (Krylov) Ikonn., *Oxytropis martjanovii* Kryl., *Potentilla martjanovii* Polozh., *Valeriana martjanovii* Kryl.

Подвижническая жизнь Н. М. Мартьянова, его духовная сила, целеустремленность и преданность своим идеалам должна восхищать молодёжь. Но самое главное, он практически один смог консолидировать вокруг себя здоровые силы общества и направить их на познание своего края.

В 1834 г. флористические исследования в Западной части Саян проводил Лессинг. Большие флористические коллекции с Абаканского хребта и Западного Саяна в XIX в. были собраны Д. А. Клеменцем, который был лучшим другом и помощником Николая Михайловича в устройстве музея. С первых дней знакомства Н. М. Мартьянов всячески поддерживал Д. А. Клеменца в его научных увлечениях, стремясь вывести его из круга только революционных интересов. Во многом, именно Н. М. Мартьянову русская наука обязана тем, что в ней появилась яркая и колоритная фигура Д. А. Клеменца. Именно благодаря поддержке Н. М. Мартьянова и Г. П. Сафьянова он получил от губернских властей разрешение на участие в экспедиции летом 1883 г., организованной А. В. Адриановым с целью проникновения в малоизвестные юго-восточные части Алтая, а также для определения истоков реки Томи и изучения водораздела рек Абакана и Мрассу. В ходе этой экспедиции было собрано более 700 экземпляров высших сосудистых растений.

В конце второго периода, было положено начало изучению растительности экспедициями переселенческого управления, которые проводились с 1909 по 1914 года. Данные экспедиции охватывали менее обширные районы, чем в других местах пограничной полосы Сибири, но они являлись первыми зачатками территориальных геоботанических исследований, наибольшее развитие получивших в последующие периоды.

Третий, современный, период в истории исследования растительного покрова начался после Великой Октябрьской социалистической революции и продолжается до настоящего времени. Большое внимание к изучению естественных производительных сил Сибири, запросы народного хозяйства, послужили мощным толчком для всестороннего изучения растительного покрова на всей территории нашей страны, в том числе и в Сибири.

Изучение растительного покрова в этот период связано с именем В. В. Ревердатто, с 1921 по 1953 г. почти ежегодно лично участвовавшего и руководившего коллективами, проводившими разнообразные экспедиционные исследования.

Под руководством Виктора Владимировича впервые в Сибири были проведены детальные исследования структуры и состава фитоценозов, тесно связанные с анализом экологических условий. Большое внимание уделялось изучению флоры, процессам развития растительности в связи с орошением; велись наблюдения за поедаемостью растений животными.

Виктор Владимирович внёс большой вклад и в изучение лекарственных растений, произрастающих на территории Хакасии.

С начала 40-х гг. двадцатого столетия растительность изучал Лев Владимирович Черепнин. Геоботанические исследования сочетались с флористическими и сбором лекарственных растений. Основным трудом Черепнина считается флористическая сводка «Флора Южной части Красноярского края», последние выпуски которой дорабатывались его учениками и были опубликованы после его смерти.

Несмотря на то, что растительный покров изучен довольно полно, работы, характеризующей растительный покров всей территории в целом, до сих пор нет, а необходимость в ней ощущается постоянно.

Для выполнения большой программы исследований сотрудниками лаборатории геоботаники Центрального сибирского ботанического сада СО АН СССР проводилась работа с 1966 по 1972 гг. по изучению растительного покрова Хакасии.

Геоботаническая экспедиция выполняла исследования под руководством Александры Владимировны Куминовой. Александра Владимировна проводила исследования по лесостепным районам Сибири, организовала лабораторию геоботаники при Медико-биологическом институте, которую в дальнейшем, в 1987 г. возглавил Вячеслав Петрович Седельников, являющийся её учеником.

Вячеслав Петрович – был одним из ведущих специалистов в области изучения эколого-ценотического разнообразия и пространственно-структурной организации растительного покрова России. В 1978 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Флора и растительность высокогорий Кузнецкого Алатау», а в 1987 г. – докторскую диссертацию «Высокогорная растительность Алтае-Саянской горной области». Он впервые разработал научно обоснованные принципы оценки антропогенной трансформации растительности. Под его руководством были начаты исследования по выявлению пространственно-структурной организации растительного покрова Сибири с использованием современных геоинформационных систем. Полученные результаты легли в основу создания эколого-флористической карты юга Сибири.

В настоящее время изучение флоры и растительности Сибири продолжается сотрудниками многих научно-исследовательских институтов, так как происходит постоянное изменение климата, а также сказывается антропогенное воздействие на растительный покров, что приводит к его изменению.

Библиографический список:

1. Булыгин Ю. С. Крылов Порфирий Никитич / Ю. С. Булыгин // Энциклопедия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – Т. 2. – С. 198.
2. Зибзеев Е. Г. Памяти Вячеслава Петровича Седельникова (1941-2021) / Е. Г. Зибзеев, Н. В. Игай // Растительный мир Азиатской России. – 2021. – № 3. – С. 258-259.
3. Куприянов А. Н. Арабески ботаники. Книга вторая: Томские корни / А. Н. Куприянов. – Кемерово: Вертоград. – 2008. – 223 с.
4. Милевский О. А. Преодолевая расстояния: история дружбы Н. М. Мартьянова и Д. А. Клеменца / О. А. Милевский // Вестник ТГУ. История. – 2019. – № 16. – С. 61-71.
5. Шумилова Л. В. Ботаническая география Сибири / Л. В. Шумилова. – Томск. – 1962. – 439 с.

**А. В. Кичапина,
г. Минусинск**

История формирования орнитологической коллекции Минусинского музея

В 1877 году по инициативе Н. М. Мартьянова организован Минусинский местный публичный музей.

В момент открытия Минусинский музей имел по своему составу почти исключительно естественно-исторический характер. Это было уже довольно значительное собрание мест-

ных произведений всех трёх царств природы (1272 номера естественно-исторического отдела из 1362 – общего числа предметов в музее) [8, с. 51].

Орнитологическая коллекция Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартянова в настоящее время насчитывает более 1 тыс. единиц хранения (чучела, тушки, шкурки и др.).

Формирование данной коллекции началось ещё до официального создания музея.

Из письма Н. М. Мартянова: «Между Минусинцами – пишет он одному из своих друзей 4 апреля 1874 г. – я встретил несколько лиц, которым не чужды интересы науки, а в особенности естествознания. ...Одному ссыльному поляку я передал сочинение Эверсмана о птицах, и он взялся составить мне список тех из Минусинских птиц, которых он сам убивал или имел возможность видеть у своих знакомых. ... » [10, с. 36].

В июне и октябре 1877 г. Антон Криспинович Стульгинский, пожертвования которого послужили ещё ранее основанием отдела чучел позвоночных животных, преимущественно птиц, вновь жертвует очень ценные чучела орла и др. птиц [10, с. 55].

Основные поступления предметов орнитологической коллекции приходятся на кон. XIX в. – нач. XX века. Значительная часть (более 60 %) это сборы птиц на территории Минусинского округа/езда и Урянхайского края. Кроме того, в коллекции представлены экземпляры птиц, отлов которых производился в губерниях: Московской, Тульской, Псковской, Ярославской, Владимирской, Новгородской, Вологодской и др.

Пополнение орнитологической коллекции происходило как за счёт средств музея, так и благодаря пожертвованиям.

«... 20 апреля 1884 г. И. М. Сибиряков совершенно неожиданно для комитета, прислал 500 рублей. Эти средства дали возможность Музею, не говоря уже о давно ощущаемой потребности – пополнения мебели, приобрести для кабинета учебных пособий складную анатомическую модель человека, типы народов земного шара, учебные коллекции насекомых, чучела некоторых птиц. Модели некоторых животных др. ...» [10, с. 74].

В 1885 году «... М. Е. Киборт – собрание птиц, снабдил их научными комментариями, кроме того М. Е. Киборт составил для руководства Музея список всех известных ему птиц, встречающихся в Минусинском округе» [11, с. 3]. В последующие годы Михаил Ефимович Киборт (орнитолог, консерватор Красноярского музея) регулярно пополнял орнитологическую коллекцию Минусинского музея.

Спустя первое десятилетие существования Минусинского музея орнитологическая коллекция занимала значимое место в экспозиции. «Входящему в помещение Естественно-исторического отдела тотчас бросаются в глаза сквозные стеклянные шкафы с чучелами птиц. В каждом шкафу на известной полке помещены птицы соответствующей породы и более крупные, по возможности, на нижних полках. Многим чучелам придано натуральное положение живых особей; остальные сохраняются в виде шкурок, т. е. по внешности похожи не на живую птицу, а на только что убитую (не вставлены стеклянные глаза), что совершенно достаточно для настоящей цели сохранения экземпляров в музее – распознавания вида и разновидности. Между видами птиц есть редкие для Минусинска: улар (*Megaloperdix altaica*), стрепет (*Otis Houbara*), крошечная сова (*Strix passerina*), колпица» [8, с. 33, 34].

Для зоологической коллекции Минусинского музея изготавливали чучела известный

таксидермист Фёдор Карлович Лоренц. В архиве Минусинского музея сохранились письма Ф. К. Лоренца и о направлении чучел птиц.

В 1894 г. от М. Е. Киборта поступило 10 чучел птиц из окрестностей Красноярска, в том числе один редкий вид индийской кукушки [16, с. 5].

В 1896 г. орнитолог А. А. Яковлев доставил в Минусинский музей шкурки птиц и проверил музейные определения птиц.

На 1 января 1902 г. в коллекции Минусинского местного музея находилось 360 чучел и шкурок птиц, кроме того хранитель Красноярского музея М. Е. Киборт определил и проверил определение всех чучел птиц, находящихся в музее [15, с. 5, 22].

Орнитологическая коллекция Минусинского музея издавна представляет интерес для исследователей Сибири.

В 1902 г. Сушкин Пётр Петрович и Котс Александр Фёдорович провели обследование значительной части Минусинского края и западной части Урянхайской земли в орнитологическом отношении [17, с. 12]. В архиве Минусинского музея хранится переписка П. П. Сушкина с Н. М. Мартьяновым с просьбой помочь в организации вышеуказанной поездки за сбором зоологического материала.

«В 1907 г. описываемая местность была посещена студентом Петербургского Университета П. В. Нестеровым, который экскурсировал в окрестностях Минусинска, затем направился через Саяны в Усинский край, экскурсировал в области слияния Бей-кема и Какема – рек, составляющих Енисей и по Енисею вернулся в Минусинск. Результаты этой поездки опубликованы в 2 статьях, напечатанных в Трудах Петербургского Общества Естествоиспытателей за 1908 и 1909 гг.; большая часть коллекции, собранной Нестеровым, поступила в Минусинский музей» [17, с. 5].

Согласно отчёту по Минусинскому Мартьяновскому музею и Минусинской городской библиотеке за 1910/11 гг. в естественно-исторический отдел поступили: от П. В. Нестерова 93 шкурки птиц, с научными определениями, добытые им в 1907 году в окрестностях г. Минусинска и в Усинском пограничном округе, от П. М. Цитовича поступило чучело белой совы, кроме того набито 38 чучел разных птиц. Из приобретённых птиц, следует отметить добытых в Минусинском уезде у дер. Кривой 2 ноября 1911 г. 2-х серых фламингов; в первый раз фламинги залетали в окрестности Минусинска в 1907 году [12, с. 12].

Phoenicopterus roseus Pall. занесён в Красную книгу Российской Федерации и Красную книгу Красноярского края, в орнитологической коллекции Минусинского музея есть 4 чучела этой удивительной птицы, которые поступили 1907 и 1911 годах.

В фондах Минусинского музея хранятся чучела птиц, изготовленные таксидермистом, учёным-реставратором Я. П. Коксиным. Из письма 1909 г.: «Комитет Минусинского Городского Мартьяновского Музея приносит Вам искреннюю благодарность за изготовленные Вами для Минусинского Музея чучела марала, группы коз, кабаргу, красного волка и чучела разных птиц...» [3, с. 19].

Согласно отчёту, Минусинского Мартьяновского музея за 1913 год в естественно-историческом отделе в разделе «Птицы» находилось 682 ед. хр. (чучела, шкурки, тушки и др.) [13, с. 5].

Из статьи Г. Э. Иоганзена «Новые материалы по птицам Минусинского края и Урянхайской земли»: «По предложению заведующего Государственным Минусинским музеем

имени Н. М. Мартыянова, в г. Минусинске Василия Дмитриевича Кожанчикова я определил небольшую коллекцию птичьих шкурок из Минусинского края и Урянхай, которая составила в музее после выхода в свет капитального классического труда покойного профессора и академика Петра Петровича Сушкина «Птицы Минусинского края, Западного Саяна и Урянхайской земли» (1914 г.). Коллекция из 124 шкурок, принадлежащих к 79 видам и подвидам; из них целый ряд является весьма интересными в зоогеографическом и систематическом отношении» [9, с. 31].

В 1934 г. от Педагогического музея Минусинского района поступило чучело зелёного попугая.

Согласно отчёту музея, в 1936 г. научным сотрудником Софроновым велись орнитологические сборы и наблюдения над весенним пролётом птиц. Под его руководством при Минусинском музее работал кружок юных натуралистов, а с наступлением весеннего периода совершались регулярные экскурсии в окрестностях г. Минусинска. По результатам данных мероприятий было собрано 60 шкурок птиц, 29 яиц и гнёзд, отмечено время первого появления наиболее известных пролётных птиц.

С 1950 по 1962 гг. научной обработкой естественно-исторической коллекции музея занимался доктор естественных наук Пражского университета Николай Алексеевич Раевский.

В 1977-1979 гг. орнитологическая коллекция пополнилась 15 чучелами птиц, изготовленными препаратором А. Т. Бояринцевым.

В 1983 г. Минусинским музеем в таксидермической мастерской Кемеровского госпромхоза куплены 24 чучела птиц, изготовленные таксидермистом Молчановой Натальей Николаевной.

В 80-е годы XX в. Минусинским музеем приобретались работы известного таксидермиста Сибири, Тувы и Дальнего Востока – Ивана Матвеевича Путинцева. В том числе чучела птиц, являющихся представителями орнитофауны Минусинской котловины.

Орнитологическая коллекция является базой для научно-исследовательской работы. В 1986 и 1989 гг. с ней работал В. В. Бахтин – член совета Сибирского орнитологического фонда с целью создания иллюстраций к Красной книге Красноярского края [6, с. 8, 9].

В настоящее время в зоологической коллекции Минусинского музея 32 вида птиц (*Anthropoides virgo* L., *Podiceps auritus* L., *Platalea leucorodia* L., *Numenius arquatus* L., *Pelecanus onocrotalus* L. и др.), занесённых в Красную книгу Российской Федерации, которые представляют большой научный интерес. Все экземпляры редких пернатых, поступили в музей в кон. XIX в. – нач. XX в.

Каждый посетитель Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыянова может увидеть экспонаты орнитологической коллекции, которые представлены в постоянно действующей экспозиции музея «Живая природа Сибири».

Библиографический список:

1. АМКМ (Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыянова) Ф.1. Оп.1. Д.270. Л.16.
2. АМКМ Ф.1. Оп.1. Д.281. Л. 14.
3. АМКМ Ф.1. Оп.1. Д.348. Л.19.

4. АМКМ Ф.1. Оп.1. Д.317. Лл.8, 9.
5. АМКМ Ф.1. Оп.1. Д.317. Лл.10, 11.
6. Аношкина О. Н. Орнитологическая коллекция Минусинского музея. Перечень. 1988 г. АМКМ Ф.1. Оп.4. Д.112. – 73 с.
7. Годовой отчёт Государственного музея им. Н. М. Мартьянова за 1936 год. АМКМ Ф.Р-1. Оп.1. Д.149. 36 с.
8. Десятилетие Минусинского музея 1877-1887. – Томск: Типография «Сибирской газеты», 1887. – 79 с.
9. Иоганзен Г. Э. Новые материалы по птицам Минусинского края и Урянхайской земли// Ежегодник Гос. Музея им. Мартьянова. – Минусинск. – 1929. – Т. 6. – Вып. 1. – С. 31-59.
10. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 г.). Казань: Типо-литография Императорского университета, 1902. – 260 с.
11. Минусинский публичный местный музей. Отчёты о деятельности музея и библиотеке за 1885 год. АМКМ Ф.1. Оп.2. Д.39. – 37 с.
12. Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею и Минусинской городской общественной библиотеке за 1910/11 гг. – Минусинск: Типография В. В. Федорова, 1912. – 31 с.
13. Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею и по Общественной библиотеке за 1913 год. – Минусинск: Типография А. Ф. Метелкина, 1914. – 36 с.
14. Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1896 год. – Минусинск: Типография В. В. Федорова, 1897. – 20 с.
15. Отчёт по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1901 год. – Красноярск: Енисейская Губернская Типография, 1902. – 37 с.
16. Отчёт о деятельности музея и библиотеки за 1893-1894 гг. Минусинский местный музей. АМКМ Ф.1. Оп.2. Д.78. – 37 с.
17. Сушкин П. П. Птицы Минусинского края Западного Саяна и Урянхайской земли. (Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи. Отд. зоологии). Вып. 13 – М., 1914. – 551 с.

**А. А. Комкин,
г. Лесосибирск**

1979 – Саяно-Шушенская ГЭС. Воспоминания очевидца

1979 год, о котором пойдёт речь, был рядовым в истории строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Но одно событие заставило вздрогнуть и строителей плотины, и жителей поселений ниже стройки.

В 1979 г. мне временно пришлось проживать в городе Черногорске, что в близи Абакана – столицы солнечной Хакасии, которую без лишней скромности могу сказать всегда любил и люблю до сих пор. Вот тогда, я вдруг вспомнил о своих давних знакомых из Саяногорска и решил навестить их. Тогда знал о городе, а тем более о ГЭС не больше, чем сегодня знаю о дальних планетах нашей Вселенной. И вот в одну из пятниц, после работы я отправился на автобусе «Абакан – Саяногорск» в незнакомый мне город. Встретили меня, не смотря на то, что виделись мы в последний раз, лет пять тому назад радушно и гостеприимно. Да и можно ли было ожидать другого? Люди были тогда другие – добрее и человечнее. После неофициальной части, за «деловым» столом было принято решение – показать гостю гордость города, края, страны – строящуюся гидроэлектростанцию. На следующий день мы полным составом: глава семьи Александр, его жена Маша и пятилетняя Леночка отправились на «мотане» (это такой пассажирский дизель-поезд), который курсировал от города до строй-

площадки ГЭС ежедневно и причём, совершенно бесплатно, несколько раз в день, что для сегодняшних дней совершенно невообразимо. Менее чем через час мы были на месте. Хочется сразу отметить, что время в пути просто пролетело как несколько мгновений. Автор этих строк просто не успевал наслаждаться природой из окон поезда. Цветущие черёмухой Саяны просто очаровали меня с первого мгновения, и до сих пор её цветение тревожит мою память. Надо отметить, что местные жители дорожили этим деревом и не позволяли никому ломать цветущие ветки ради букетов.

И так, менее чем через час мы вышли из вагона, и я увидел ни чем неописуемую картину Саянского гиганта над Енисеем. Плотина уже стояла, перекрыв русло реки, а через водосбросы падала вода с высоты примерно сто метров. Зрелище могло поразить любого. Наверное, Ниагарский водопад произвёл бы меньшее впечатление на любого туриста.

Не дав осмотреться, меня просто потащили к плотине. Спустя, не более получаса мы оказались около самой плотины. Не могу описать всех деталей картины, я просто не успевал всё рассматривать. И вот мы в полном составе поднимаемся на подъёмнике вверх. Подъёмник, это вроде лифта, только открытый со всех сторон для обзора. Сколько времени проходил подъём не помню, только вскоре мы оказались на самой верхней отметке плотины. Александр и Мария, будучи строителями, здесь были своими людьми и хорошо ориентировались на месте, я же с пятилетней Леночкой чувствовал себя как на необитаемом острове. Работающим на гребне плотине людям просто не было до нас никакого дела. Стройка жила своим ритмом, и, как ни странно, появление группы людей с пятилетним ребенком никого не заинтересовало. Более того, через некоторое время, мы занялись фотосъёмкой, точнее занялся съёмкой я. Своим примитивным и простым фотоаппаратом «Вилия» снимал я не только ГЭС и стройплощадку сверху, но и фотографировали друг друга. Фотографии эти до сих пор украшают мой альбом и являются предметом гордости.

Пробыв на плотине около часа, мы также без особых проблем спустились на том же подъёмнике вниз и не спеша, отправились на «мотаню», и снова ни одна живая душа не остановила в сущности постороннего человека с фотоаппаратом и не спросила, кто я такой и что мне надо на стратегическом объекте?

В конце июня по средствам массовой информации прошло очень скромное известие, что на ГЭС не очень благополучно и вроде как там что-то случилось. В очередной выходной, уже в июле, я вновь поехал в Саяногорск.

На этот раз, мои друзья не смогли поехать, и я отправился один, как всегда со своим другом – фотоаппаратом. Это был июль 1979 года. Привычного оживления на строящемся объекте было не видно. Просто была бросающаяся в глаза рабочая суета и лёгкая паника. Я без каких-либо препятствий прошёл к подножию плотины. Было заметно, что на строительной площадке пусто, только вода и висящая в воздухе водяная пыль. С вершины плотины стремительно падали огромные струи воды, и не долетая, рассыпались в пыль. Всё было как в тумане. Но большой паники было не видно. По всей вероятности, испуг от происходящего прошёл, и стройка вошла в привычный ритм работы, только на нижних площадках не было рабочих. Там была вода.

Как и прошлый раз, я без особых проблем поднялся на подъёмнике вверх, также на самую верхнюю отметку. На мне был обычный костюм, на плече висел простенький фотоаппарат, но на меня также никто не обращал внимания. Может моё уверенное поведение, как

человека бывалого и своего, сыграло роль, но я через полчаса был на самом верху плотины. Было пусто. Монтажные краны работали также слаженно, поднимая на плотину огромные ящики с бетоном, только людей было гораздо меньше, чем в первое моё посещение. Сначала робко, потом увереннее я прошёл по гребню плотины к тому месту, где работы вовсе не велись. Передо мной открылась грандиозная картина. С высоты полутора метров я увидел то, что творилось в этот момент внизу. Огромные струи воды, падая, рассыпались на множество маленьких ручейков воды и, мне кажется, не достигая реки, расплылись в воздухе. Внизу стояли тракторы – вибраторы, наполовину погруженные в бетон, лежали искорёженные остовы кранов и груды разного железа. Недостроенные третий и четвёртый водоводы были под водой. И пусто. Необычно пусто. Буквально в двух метрах от меня зеркальной гладью шла вода из верхнего бьефа через плотину. Поверхность воды была настолько гладкой и на вид спокойной, что, казалось, вода стоит на месте. Только ближе к краю плотины её скорость достигала такой величины, что проплывающие мимо деревья и брёвна проскакивали молниеносно. Засмотревшись на это зрелище, я с испугом почувствовал, что двигающаяся вода завораживает меня, как бы желая увлечь за собой. Такое ощущение, что хотелось прыгнуть в воду. С ужасом я отбежал от кромки плотины и перешёл к противоположной стороне, что ближе к верхнему бьефу.

Всё пространство вдоль плотины было забито, запрессовано древесными отходами: стволы деревьев, корневища, кустарники и прочий плавающий хлам. Всё это было так спрессовано, что невозможно было представить, как это будут разбирать. Активное таяние снегов в горах и обилие его послужило причиной резкого подъёма воды, а спрессованная течением древесина не позволяла открыть затворы водосбросов плотины, и из-за этого произошла катастрофа. Вода поднималась с такой скоростью, а подготовка ложа водохранилища была организована, вероятно, настолько плохо, что порой целые острова мёртвого леса через какое-то время всплывало на поверхность водоёма, пугая людей и птиц своим видом. Затем эти плавучие острова течением воды подогнало к плотине, где силой стихии и прессовались в заторы. В общем зрелище было до дрожи впечатляющее. «Поработав» своей верной и простенькой «Вилией», и осмотрев плотину, я со смешанным чувством, спустился тем же путём вниз. От близкого нахождения к плотине моя одежда была влажная, а для середины июня было довольно прохладно. Возвратился в Саяногорск я часов через шесть полный впечатлений.

Что сейчас меня поражает? Ни милиции, никаких либо «товарищей» в штатском я не видел, всё было как обычно, ни я, ни мои действия никого не интересовали, благодаря чему я сейчас имею уникальные снимки тех времён, пусть не совсем хорошего качества, но на них не найти ни малейших признаков монтажа, чем грешат современные «фотоспецы».

Почему я делюсь воспоминаниями? Дело в том, что, в 2009 г. исполнилось тридцать лет со дня катастрофы на строящейся ГЭС, и у меня, как у очевидца этих событий возникло желание поделиться ими. И вдруг ровно через тридцать лет, новая авария! В 2013 г. я вновь побывал в Хакасии и, общаясь с людьми, заметил некоторую тревогу за свою безопасность. Саяны всё чаще и чаще стали напоминать о себе, сотрясая горы землетрясениями разной силы. И хотя энергетики уверяют в запасе прочности, но, тем не менее, построили дополнительные водосбросные системы и рассматривается проект обводного канала через горы в реку Абакан.

И ещё, по наблюдениям сейсмологов и гидрологов в ложе водохранилища опускается Казыр-Сугский оползень. Его ширина около 600 метров, а объём 30 миллионов (!) кубометров. Именно столько он вытеснит воды из водохранилища. Энергетики всячески успокаивают сибиряков, призывая не верить слухам и разговорам.

**Т. Л. Малышева,
г. Минусинск**

Использование лекарственных растений от кашля, описанных в каталоге Н. М. Мартьянова, в современной фармакологии

Актуальность темы исследования заключается в том, что лекарственные растения, применяемые при кашле, были давно известны человечеству, но не потеряли своей значимости и в наше время. Около половины лекарственных средств, применяемых современной медициной, являются препаратами растительного происхождения. Все лекарственные растения и препараты из них – это живые организмы, они более физиологичны к организму человека, чем синтетические препараты. Спектр действия их широкий. Это обусловлено тем, что в растениях содержится целый комплекс действующих веществ. Растительные препараты для лечения любых заболеваний, в том числе и кашля, действуют мягче и терапевтический эффект их более длительный.

В статье автор постарался провести сравнительный анализ лекарственных растений от кашля, описанных в каталоге Н. М. Мартьянова, с их применением в современной фармакологии. Перед нами стояли задачи изучить лекарственные растения от кашля, указанные в каталоге Н. М. Мартьянова, и современные препараты, изготовленные из растений и применяемые для лечения кашля; проанализировать литературу по фармакогнозии лекарственных растений от кашля.

Н. М. Мартьянов провизор, ботаник, прославил г. Минусинск созданием музея. Его познания о растениях, которые он совершенствовал всю жизнь, были заложены ещё в детстве. После получения аптекарского образования большим его желанием было побывать в малоизученных местах. Сибирь, куда его пригласили заведовать аптекой, стала его второй родиной. Она покорила молодого учёного своим растительным многообразием. Николай Михайлович совершал многочисленные поездки по всему югу Красноярского края. Он собирал гербарий и записывал рецепты применения этих растений у проживающего населения. В музее хранится каталог, в котором описаны 186 различных растений, двенадцать из них, использовали местные жители для лечения кашля разной этиологии.

Кашель является одним из главных и наиболее часто встречающихся во врачебной практике симптомов при заболеваниях респираторного тракта. Такие симптомы, как кашель, диагностировался у больных и в глубокой древности, поэтому и лекарственные растения для лечения кашля тщательно изучались и успешно применялись. В современном мире большое число врачей включают в схемы лечения кашля и облегчения самочувствия больного отхаркивающие лекарственные растения.

В своём каталоге Н. М. Мартьянов указал двенадцать растений, которые использовали

жители юга Красноярского края для лечения кашля. Эти растения были известны давно, и он, как ботаник, хорошо их знал. Все лекарственные растения в каталоге изложены в алфавитном порядке, каждое под своим номером, согласно их народным названиям в данной местности. В скобках дано латинское название, такое обозначение позволяет точно определить ботаническое название растения.

1. **8. Берёзовый мох (*Parmelia spec.*)**. Растущий на коре берёзы, из класса Лишайников. В виде отвара употребляют при кашле. Дер. Мал. Ничка. [5, с. 3]

Пармелия – это лишайник. В народной медицине пармелия используется для лечения туберкулёза легких, острого колита, токсической диспепсии, застарелого кашля, заболеваний ЖКТ, а также в качестве иммуностимулятора. Она успокаивает слизистую дыхательных путей, а отваром пармелии борозчатой обрабатывают язвы и раны от гноя. [15, с. 87]

2. **38. Егорьево копьё (*Geranium pretense L.*)**. Сем. **Geraniaceae**. Употребляется в виде отвара при кашле и других болезнях, Абаканская и Идринская волости.

Анненков 156, Крылов Пермск. 38, Крылов Каз. 37, Слозцов 106. [5, с. 7]

Герань луговая, или Журавельник луговой. Растение обладает вяжущим, дезинфицирующим, противовоспалительным, антибактериальным, антитоксическим, ранозаживляющим, кровоостанавливающим, успокаивающим, обезболивающим свойствами, а также способностью растворять отложения солей при почечнокаменной болезни, ревматизме и подагре. Применяют внутрь в виде настоя или отвара при лечении злокачественных новообразований, при переломах костей, эпилепсии, заболеваниях верхних дыхательных путей, лихорадке, гастритах, энтеритах, пищевых отравлениях, мочекаменной болезни, ревматизме, подагре и др. заболеваний в виде настоя и отвара внутрь и наружно. [15, с. 163]

Следует отметить, что, несмотря на длительное применение в народной медицине, в России пока не зарегистрированы лекарственные средства на основе Герани луговой, что делает дальнейшие исследования состава и фармакологических свойств Герани луговой особенно актуальным.

3. **44. Заумор (*Sticta pulmonaria L.*)**. **Lichenes**. От простуды и кашля употребляется внутрь в виде отвара. Село Курагинское. Анненков 343. [5, с. 8]

4. **79. Листонадка (*Sticta pulmonaria L.*)**. **Lichenes**. От кашля и рези в животе. Употребляется внутрь в виде отвара. Анненков 344. [5, с. 12]

Стикта пульмонариа, народные названия: обыкновенная медуница, слезы Марии, капли молока Богоматери, (мох легочный, лишайник). Содержит растительную слизь, танины, органические кислоты, тритерпеноиды. Мох лёгочный обладает отхаркивающим, противовоспалительным и антибактериальным свойствами. Назначают при заложенности носа и сухости слизистых оболочек носа и при сухом непродуктивном кашле [10, с.209]

5. **58. Исландский мох, Шленский мох (*Cetraria islandica Achar.*)**. **Lichenes**. Употребляется от кашля и грудной боли, в виде отвара, в смеси по равной части с шалфеем и липовым цветом. Дер. Кныши, Тагашет, Паначева. Анненков 92, Крылов Казанск. 71. [5, с. 9]

Исландский мох или Цетрария исландская – знаменитое лекарственное растение. Является разновидностью лишайников. Лечебные свойства его известны на протяжении многих столетий. Исландский мох нашёл применение в народной медицине, гомеопатии. Содержит белки, жиры, горечи, углеводы, витамин С, ферменты, эфирные масла, хром, йод, марганец, натрий, никель и другие. Она оказывает: дезинфицирующее; обезболивающее;

желчегонное; отхаркивающее; антибактериальное действия; способствует улучшению обменных процессов. [15, с.244]

6. **61. Каменная полынь (*Artemisia frigid Willd.*) Сем. *Compositae*.** От головной боли, боли в животе, удушья и кашля. Идринская волость и другие места. Вообще, эта трава довольно известное лечебное средство.

Крылов Пермск. 80, Крутовский 61. [5, с.10]

Полынь холодная наделена весьма ценными целебными свойствами. В народной медицине применяется в качестве потогонного средства при различных заболеваниях: кашле, лихорадке, пневмонии, туберкулёзе лёгких, при ревматизме в качестве болеутоляющего средства, как кровоостанавливающее средство, как противопонное и мочегонное в виде настоя или спиртовой настойки. [11, с. 219]

7. **59. Калина (*Viburnum opulus L.*) Сем. *Caprifoliaceae*.** Цветы и листья калины, в виде отвара, пьют от кашля, Идринская волость, от золотухи – дер. Малая Минуса.

Анненков 378, Крылов Пермск. 53, Крылов Каз. 28, Словцов 140, Горницкий 148. [5, с.10]

Калина обыкновенная. Кора содержит горький гликозид вибурнин, дубильные вещества, смолы, органические кислоты, флавоноиды, тритерпеновые сапонины, сахара, витамины С и К. Плоды богаты пектином, сахарами, органическими кислотами, дубильными веществами макро- и микроэлементами (селен и цинк присутствуют в терапевтических дозах), каротином и витаминами С, К, Р. Витамина С в ягодах калины больше, чем в цитрусовых. Семена содержат жирное масло. Плоды калины – это общеукрепляющее, противовоспалительное, ранозаживляющее, седативное, мочегонное и желчегонное средство. Ягоды и сок калины применяют при лечении простуды, сухого кашля, ангины язвы желудка и 12-ти перстной кишки, при колите, болезнях печени, ревматизме. Кора калины применяется при маточных кровотечениях, при онкологии. [2, с. 39]

8. **95. Мята аглицкая или перцовая (*Mentha piperita*) Сем. *Labiatae*.** Разводится в огородах. Пьют от кашля и других болезней. У староверов дер. Таскина служит суррогатом чая.

Анненков 214, Крылов Пермск. 70, Крылов Казанск. 42, Горницкий 107. [5, с. 14]

Мята перечная содержит эфирные масла, кислоты изовалериановую, уксусную, аскорбиновую, дубильные вещества, флавоноиды, каротин, микроэлементы (медь, марганец, стронций и др.) Основу эфирного масла мяты перечной составляют ментол. Ментол при втирании в кожу раздражает нервные окончания, вызывая ощущение холода и легкого покалывания; при этом местно сужает сосуды кожи и рефлекторно расширяет сосуды сердца, легких, головного мозга. При приёме внутрь действует противорвотно, противовоспалительно, вяжуще, обезболивающе и дезинфицирующе. Препараты из мяты перечной применяют при воспалительных заболеваниях верхних дыхательных путей (фарингит, ларингит, трахеит, насморк и др.) применяют ментол и различные препараты мяты перечной для смазывания слизистых оболочек, ингаляций, а также в виде капель для носа. [12, с. 311]

9. **114. Подорожник (*Plantago major L.*) Сем. *Plantagineae*.** Свежие листья прикладывают к ранам; настой травы пьют при чахотке и др. Идринская волость и др.

Анненков 259, Крылов Пермск. 56, Крылов Казанск. 51, Словцов 202, Горницкий 125. [5, с. 17]

Подорожник большой имеет богатейший и уникальный химический состав. В листьях растения содержится витамин К, С, лимонная и олеиновая кислоты, клетчатка, жиры,

гликозиды, флавоноиды, дубильные вещества, горечи. В листьях подорожника большого имеется целый список макро- и микроэлементов, калий, кальций, железо, марганец, медь, цинк, кобальт, молибден, хром, барий, ванадий, селен, никель, стронций, свинец и бор. Семена подорожника содержат слизь, жирное масло, белки, аминокислоты, сапонины. В XVIII в. британский исследователь и медик У. Сэлмон писал в «Травнике Англии», что сок подорожника способствует отделению мокроты при заболеваниях верхних дыхательных путей, помогает при изнурительном кашле, болезнях лёгких. [1, с.116]

10. **129. Ромашка (*Matricaria Chamomilla* L.). Сем. *Compositae*.** Цветы ромашки употребляются повсеместно от кашля, боли живота, горла и др. Анненков 209, Крылов Казанск. 55, Горницкий 105. [5, с. 19]

Ромашка аптечная – в цветочных корзинках содержатся эфирное масло, флавоноиды, тритерпеновые спирты, холин, витамины С, В3, микроэлементы магний, калий, сера, кальций, хлор, фосфор. Благодаря такому богатству химических компонентов, ромашка аптечная является одним из самых ценных лекарственных растений. Назначают при заболеваниях ЖКТ, дерматитах, бронхите, бронхиальной астме, фарингите, тонзиллите, ангине, гинекологических заболеваниях, циститах и др.

11. **145. Солодка (*Glycyrrhiza glandulifera* W. K.). Сем. *Leguminosae*.** Корни – весьма известное средство от кашля, их пьют в виде настоя и употребляют сухие для жевания.

Анненков 159, Горницкий 81. [5, с. 21]

Сладкий корень. Корни солодки обладают выраженным обволакивающим и отхаркивающим действием. Своими целебными свойствами обязан высокому содержанию биологически активных веществ – глицирризина, придающего сладкий вкус, флавоноидов, глицирретиновой кислоты, горечи, стероидам, эфирным маслам, пигментам, камеди, аспарагину и слизи. Китайские и тибетские врачи использовали экстракт или отвар солодки для нейтрализации действия многих ядов. В медицине корень солодки применяется в комплексной терапии инфекционно-воспалительных заболеваний дыхательных путей, облегчает отделение густого вязкого секрета. Успешно применяется для лечения гастрита, язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, при пищевых отравлениях. [10, с. 114]

12. **169. Царский костыль (*Verbascum Thapsus* L.). Сем. *Scrophularineae*.** Употребляется в виде настоя и отвара от кашля и других болезней, в виде порошка в ухо от глухоты. Идринская волость, Кидренское. См. № 60. [5, с. 23]

Коровяк обыкновенный или медвежье ухо. Цветки содержат слизистые вещества, сапонины, сахара, кумарин, флавоноиды, эфирное масло. Цветки обладают отхаркивающим, смягчительным, обволакивающим и противовоспалительным свойствами. Цветки содержат слизистые вещества, сапонины, сахара, кумарин, флавоноиды, эфирное масло. Цветки обладают отхаркивающим, смягчительным, обволакивающим и противовоспалительным свойствами. [1, с. 215]

Изучая каталог растений Мартьянова, можно заметить, что некоторые растения, например, коровяк, имели неизвестные ранее народные названия – Царский костыль. Стикта пульмонариа – это растение по его записям обозначено под номером 44 – Заумор; под номером 79 называется Листопадка.

В характеристике всех растений Н. М. Мартьянов везде даёт ссылки на других авторов:

Анненков 209, Крылов Казанск. 55, Горницкий 105, Слобцов 202, с указанием страниц, в которых авторы описывали эти растения.

Очень известное растение от кашля Тимьян ползучий. Народное название чабрец. Николай Михайлович сообщает о нём так: 9. *Богородская трава* (*Thymus serpyllum* L.). Сем. Labiatae. Настой пьют от красной грыжи и др. болезней. Довольно распространённое народно-медицинское средство. Идринская волость. Анненков 355, Крылов Пермск. 28, Крылов Казанск. 6, Горницкий 167.

В его описаниях это растение не относится к отхаркивающим средствам. В наши дни оно хорошо изучено и назначают при заболеваниях дыхательных путей с плохо отходящей мокротой. В аптеке продают комбинированный препарат из этого растения «Пертусин» [10, с. 286]

Изучая растения, указанные в каталоге, обращает внимание тот факт, что для лечения кашля издавна люди использовали различные виды лишайников:

Исландский мох, Шленский мох (*Cetraria islandica* Achar). Lichenes, Стикта пульмонариа (*Sticta pulmonaria* L.). Lichenes, *Берёзовый мох* (*Parmelia* spec.). В состав их входят антибиотикоподобные вещества (оказывают антибактериальное действие) и слизи, которые позволяют изменить характер вязкой мокроты, сделать её более подвижной. [12, с. 345]

В состав почти всех растений от кашля входят сапонины. Сапонины оказывают отхаркивающее действие. Они действуют возбуждающе на дыхательную систему и усиливает выработку слизи, поэтому могут быстро прочистить бронхи и избавить от очага инфекции.

Части растений, используемые местными жителями юга Красноярского края для лечения болезней дыхательных путей:

- *Берёзовый мох* (*Parmelia* spec.) использовали весь лишайник;
- *Егорьево копьё* (*Geranium pratense* L.). Сем. Geraniaceae-Герань луговая – применяли траву;
- *Заумор* (*Sticta pulmonaria* L.). Lichenes, Листопадка (*Sticta pulmonaria*) Стикта пульмонариа – использовали весь мох;
- *Исландский мох, Шленский мох* (*Cetraria islandica* Achar). Lichenes. – использовали весь мох;
- *Каменная полынь* (*Artemisia frigid* Willd.) Сем. Compositae – Полынь холодная – использовали траву;
- *Калина* (*Viburnum opulus* L.). Сем. Caprifoliaceae – Калина обыкновенная – для лечения кашля использовали ягоды и сок калины;
- *Мята аглицкая или перцовая* (*Mentha piperita*). Сем. Labiatae. Мята перечная – использовали траву;
- *Подорожник* (*Plantago major* L.). Сем. Plantagineae – Подорожник большой – использовали листья;
- *Ромашка* (*Matricaria Chamomilla* L.). Сем. Compositae-применяли цветы;
- *Солодка* (*Glycyrrhiza glandulifera* W. K.). Сем. Leguminosae-применяли корни;
- *Царский костыль* (*Verbascum Thapsus* L.). Сем. Scrophularineae – Коровяк обыкновенный – не указано какая часть растения использовалась.

Тщательное изучение этих растений доказало, что действительно, в указанных частях

растений содержится наибольшее количество действующих веществ для лечения кашля. Но вот в растении подорожник, слизи больше в семенах, нежели в листьях.

Действующие вещества извлекали, в основном, в виде настоя или отвара.

Современные методы исследования позволяют подробно провести качественный и количественный анализ растений и расширить их применение:

– Берёзовый мох – Пармелия. Промышленность выпускает комбинированный препарат БАД «Пармелекс-А» 60 таблеток по 0,5 г (слоевище пармелии, корни солодки, листья мать и мачехи, цветы календулы) применяют при вязкой плохо отходящей мокроте.

– *Egeria lutea* (Geranium pratense L.) Герань луговая – применяют только в народной медицине. Растение перспективно и имеет большое будущее.

– *Sticta pulmonaria* L Стикта пульмонария – входит в состав гомеопатического препарата «Стодаль» производство Франция – для облегчения кашля.

– *Cetraria islandica* – Исландский мох или Цетрария исландская.

Выпускают следующие препараты:

- «Исла минт» – пастилки на основе сиропа мха и мяты для лечения заболеваний горла.
- «Гербион» – сироп на основе натуральных растительных компонентов, один из которых – исландский мох, производитель Словения

- «Исла моос» – таблетки, применяемые при заболеваниях органов дыхания, дыхательных путей.

- «Пектолван Исландский мох Фито» – спиртовой сироп, оказывающий мощное отхаркивающее воздействие.

- «Натрия уснинат» — средство, выпускаемое с советских времён, которое эффективно при ожогах, ранах, трещинах.

- Отвар на воде или молоке для приёма внутрь из высушенного слоевища.

– *Artemisia frigid* – Полынь холодная-применяется пока только в народной медицине в виде настоя и отвара как отхаркивающее средство. Дальнейшее изучение и получение препаратов на основе этого растения продолжается.

– *Viburnum opulus* – Калина обыкновенная. Фармацевтическая промышленность выпускает сироп Калинактив 135 мл как потогонное средство, приготовленный из плодов калины. В качестве отхаркивающего средства применяют только в народной медицине

– *Mentha piperita* – Мята перечная:

Таблетки мятные (Tabulettae olei Menthae) содержат масла мятного 0,0025 г. Применяют как успокоительное и спазмолитическое средство при тошноте, рвоте, спазмах гладкой мускулатуры. Масло мяты перечной является составной частью препарата «Корвалол»

Таблетки «Пектусин» содержат масло мяты и эвкалипта. Их назначают при воспалениях верхних дыхательных путей. Хорошо снимают сухой кашель.

«Бороментол» – мазь; содержит 0,5 части ментола, 5 частей борной кислоты, 94,5 части вазелина. Применяют как антисептическое и болеутоляющее средство для смазывания кожи при зуде, невралгии и для смазывания слизистой оболочки носа при ринитах.

- «Меновазин» комбинированный препарат, содержит ментол. Применяют наружно при невралгиях, миалгиях, кожном зуде.

- Препарат «Валидол» содержит ментол, применяют при болях в сердце.

– Подорожник (*Plantago major*) – Подорожник большой:

- листья подорожника большого
- сироп «Гербион» на основе подорожника,
- сок и гранулы подорожника, назначают при гипоацидных гастритах.
- Ромашка (*Matricaria Chamomilla*) – ромашка аптечная (ободранная);
- «Ромазулан» – экстракт применяют внутрь и наружно;
- «Алором» – препарат с экстрактом ромашки, применяемый при миозитах и пролежнях;
- «Арфазетин» – сбор антидиабетического действия;
- «Ротокан» – противовоспалительное средство с экстрактом ромашки;
- Сухие цветы и заварочные пакетики.
- Солодка (*Glycyrrhiza glandulifera*) Солодка голая – Лакрица. Из солодки получают лечебные препараты для лечения кашля с плохо отходящей мокротой:
 - грудной эликсир – используется как отхаркивающее средство;
 - таблетки солодки 0,3 № 100 (порошок солодки и витамин С);
 - «Экстракт солодки Плюс» – комбинированный препарат содержит слизь, алтея, порошок солодки и витамин С;
 - «Доктор МОМ» – сироп, пастилки для облегчения сухого кашля;
- Царский костыль (*Verbascum Thapsus*) коровяк обыкновенный. Препараты коровяка обыкновенного признаны эффективными при катарах верхних дыхательных путей. Слизистые вещества, входящие в состав цветков, снимают раздражение, а сапонины разжижают густую мокроту в бронхах и облегчают отхаркивание. Противовирусным действием в отношении гриппа штаммов А и В обладает отвар из цветков коровяка. Настои травы коровяка очень эффективны при невралгиях различной этиологии, дистрофии, гипертонической болезни, атеросклерозе, нервном истощении, приступах эпилепсии. Эффективное действие отвары коровяка оказывают и при лечении геморроя;
 - БАДы, производимые в США;
 - бальзам Битнера, составная часть;
 - трава коровяка в аптеках. Из травы готовят настои для приёма внутрь и наружно.

На современном этапе лекарственные растения от кашля выпускаются в следующих лекарственных формах: эликсиры, сиропы, пастилки, таблетки, настойки, экстракты, высушенное сырьё, из которого традиционно готовят настои и отвары.

Таким образом, лекарственные растения для лечения кашля, указанные Николаем Михайловичем Мартыяновым в каталоге, успешно применяются в наши дни в виде лекарственных препаратов, а также в виде настоя или отвара из растений. Такие растения как коровяк обыкновенный, полынь холодная, герань луговая, также изучаются, и в дальнейшем найдут своё применение.

Библиографический список:

1. Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР. / гл. ред. П. С. Чиков. Научн. ред. Л. Н. Зайко, А. И. Шретер – М.: ГУТК, 1983 – 340с.
2. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. /Составитель Н. Анненков – Новое исправленное, пополненное и расширенное издание. – СПб: Типография Императорской академии наук. – 1878 – 646 с.
3. Большой энциклопедический словарь лекарственных растений: учебное пособие. / под ред.

- Г. П. Яковлева. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: СпецЛит, 2015. – 759 с.: ил.
4. Гончарова Т. А. Энциклопедия лекарственных растений: (лечение травами). В 2-х томах. – М.: Изд. Дом МСП, 1998.
5. Заупе Ю. Природа – наш доктор. Всё, что нужно знать о лекарственных растениях. /Ю. Заупе – М.: КРОНН – ПРЕСС, 1994. – 304 с.: ил.
6. Каталог народно-медицинских средств, находящихся в Музее. /Составил Н. М. Мартьянов. – Красноярск: Типография Ал. Д. Жилина, 1893. – 27 с.
7. Крылов П. Н. Материал к флоре споровых растений Алтая и Томской губернии. /П. Н. Крылов – Томск: Типография Томского Печатно-Издательского Треста, Тимирязевский проспект, №2, 1924. – 48 с.
8. Крылов П. Н. Флора Алтая и Томской губернии : Руководство к определению растений Западной Сибири /[Соч.] / П. Н. Крылова – Томск: типо-лит. М. Н. Кононова, 1901. – 1914. 26 – 208 с.: ил.
9. Лекарственные растения (Растения – целители). / А. Ф. Гаммерман, Г. Н. Кадаев, М. Д. Шупинская, А. А. Яценко – Хмелевский – М.: Высшая школа, 1975. – 321 с.
10. Махов А. А. Зелёная аптека. – Лекарственные растения Красноярского края. / А. А. Махов – Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1992. – 352 с.: ил.
11. Минаева В. Г. Лекарственные растения Сибири / В. Г. Минаев; ответст. ред. А. В. Куминова – 5-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд.-ие, 1991. – 431с.: ил.
12. Самылина Н. А. Фармакогнозия. [Текст]: Учебник /Н. А. Самылина, Г. П. Яковлев – ГЭОТАР-МЕДИА, 2016. – 976 с.
13. Слюнин Н. В. Материалы для изучения народной медицины в России. / Н. В. Слюнин – СПб: Тип. Я. Трея, 1882. – 397с.
14. Стрижев А. Русское разнотравье : Справочник. /А. Стрижев – М.: Дрофа, 1995. – 576 с.
15. Телятьев В. В. Целебные клады Восточной Сибири / В. В. Телятьев – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1976. – 447 с.: ил.

**В. В. Нагорных,
г. Минусинск**

Минусинск в воспоминаниях политических ссыльных, путешественников-членов РГО

Первые упоминания о Минусинске можно найти у немецкого ученого и путешественника Петра Симона Палласа, побывавшего в наших краях в 1772 г. Минусинск был тогда еще небольшой деревушкой Минюссой, «лежащей на Енисейской протоке Тагарской называемой, по имени речки Минюсы в нея впадающей называющейся». Годом ранее прежние жители деревни были переведены на Колыванские заводы, и «ныне остались тут одни колонисты, присланные на поселение вместо ссылки» [Паллас, с. 555]

Спустя полвека Минусинск был уже в статусе окружного города, маленькой такой столицы для огромной территории. Один из первых окружных начальников, Александр Кузьмич Кузьмин, оставил в своих воспоминаниях описание Минусинска: «А в Минусинске до моего приезда только и было хорошего, что одна каменная – и теперь единственная в целом городе – церковь... Почти все обывательские дома были выстроены на крестьянский лад: с волоковыми окнами, с пузырями вместо стекол, с высокими из драни кровлями, а большая половина совсем без кровель, с растущей на потолке крапивой и вдобавок без ворот и заборов...».

Описывая то, что было им сделано в городе, он с гордостью заявляет: «Минусинск –

моё создание», т. к. «присутственные места переделаны, выстроено новое, с особенной при нем каменной кладовой, словесный суд новый, градская полиция новая, с высокой каланчой, на которой всегда отбивались часы, острог выстроен новый, гауптвахта новая, соляной и провиантский магазины новые, городская больница новая. Везде выпрямлены улицы, поправлены заборы, ворота, мосты, не говоря о поправке частных домов, которые явились с колоннами, фронтонами, балконами и итальянскими окнами. И все это в лучшем вкусе... В этом маленьком городке с двумястами домов, отдаленном от Москвы более 4,5 тысячи верст, прожил я, не скучая, вместо трех контративных, целые восемь лет. Жизнь текла тихо, однообразно, но имела много приятного, много поэтического, так что я теперь вспоминаю о ней с большим удовольствием». Надо уточнить, что воспоминания были написаны спустя двадцать лет после отъезда А. К. Кузьмина. [Кузьмин, 1858]

В то время, когда Кузьмин перестраивал Минусинск, сюда в ссылку прибыли декабристы братья Александр и Пётр Беляевы.

Александр Петрович, спустя почти полвека после отъезда, уже будучи в преклонных годах, написал свои воспоминания о городе. Минусинск он вспоминал с большой теплотой как время, когда они с братом были молодыми тридцатилетними мужчинами.

«Главный центр Минусинского округа был тогда маленький городок, называемый Минусинском, имевший с дюжину широких улиц, одну хорошенькую каменную церковь, зимой теплую, и при ней богадельню, где содержались старые и увечные, гостиный двор порядочной архитектуры с колоннами, присутственные места, две площади, словом, все нужное или необходимое для города.

Он очень недавно переименован в город из села Минусы, жители которого только с тем согласились сделаться мещанами, чтоб им оставить все их поля, луга, пастбища, сенокосы, и не изменять их прежних земледельческих занятий. В то время они исключительно продолжали заниматься хлебопашеством и скотоводством... Вообще благосостояние сибиряков-старожилов было замечательное. Интеллигенцию Минусинска составляли чиновники разных ведомств, которых считаю долгом помянуть добрым словом за то участие и ту приязнь, какую они оказывали нам во все время нашего там пребывания...» [Беляев, 1990]

Спустя десять лет после отъезда Беляевых из Минусинска на Кавказ, летом 1842 г. Минусинск посетил путешественник, геолог и географ Пётр Александрович Чихачёв, впоследствии член РГО. Минусинск был одной из точек обширного маршрута экспедиции по Алтаю, целью которой было изучение физико-географических условий, географии и геологии этого района.

«С вершины одного из холмов мы смогли различить даже на расстоянии 15 верст колокольни церковей Минусинска. В наносных осадочных породах, недалеко от того места, где река Минусинка впадает в Енисей, за несколько дней до моего приезда была найдена великолепная голова древнего бизона, которую я приобрёл и по возвращении передал в Зоологический кабинет Императорской Академии наук. 21, 22 и 23 июля я пробыл в Минусинске, задержанный дождливою погодой. Рукав Енисея, на котором стоит город, изобилует рыбой. Здесь особенно много стерляди. Равнины и окрестности Минусинска покрыты ирисом, который уже увял, тогда как чабрец и полынь были ещё в полном цвету...» [Чихачёв, 1974]

Спустя полтора десятка лет в Минусинск окружным начальником был назначен князь

Николай Алексеевич Костров. Юрист по образованию, этнограф по увлечениям, член ИРГО, он оставил описания жизни и быта жителей Минусинского округа. Есть в его трудах и описание Минусинска, который «был подобен большей части окружных городов Сибири: походил скорее на хорошее село, чем на город. Это был просто административный пункт, а не место, где сосредотачивались бы торговые интересы окружной местности. В нём было тогда до 2 тыс. душ жителей обоего пола, каменная церковь и до 300 деревянных домов. Главное занятие жителей состояло в хлебопашестве и скотоводстве. Арбузами Минусинск снабжал целую губернию. Из купцов, производивших торговлю в городе, можно было назвать не более трёх. В их магазинах много было однако же всё необходимое и даже много роскошных вещей, только, конечно, за цену весьма великую. В то время в Минусинске господствовала ещё та патриархальная простота, то гостеприимное хлебо-сольство, которое, по преданию, были некогда столь распространены в Сибири, а теперь исчезли до того, что человеку, заезжому в какое-нибудь захолустье, где нет ни гостиниц, ни ресторанов, негде пообедать и приходится существовать одним чаем. Общество чиновников и горожан жило дружно. Зимой было устроено собрание, где играли в карты, танцевали, читали газеты. Летом общество собиралось в одной версте за городом, в местности, прозванной колонией, где устроена была, среди расчищенной в лесу поляне, обширная юрта и две беседки. Здесь были кегли, качели и т. п. Почти все, выходявшие тогда в России, журналы получались в Минусинске; заходили даже и запрещённые лондонские издания (речь идёт о «Колоколе» Герцена и Огарева), которые читали с жадностью. Несмотря на немногочисленность жителей, в городе считалось 6 роялей и полуроялей, что одно доказывает достаточную склонность к музыке. Несколько раз были устраиваемы, с благотворительной целью, благородные спектакли, в которых принимал участие почти весь город. Общество виделось почти каждый день и проводило время без церемоний, по домашнему, без сплетен и пересудов» [Костров].

Ещё через десять лет свои впечатления о Минусинске оставил енисейский епископ Никодим, побывавший в Минусинске в июне 1863 г., объезжая подведомственные ему приходы и храмы. В «Енисейских епархиальных ведомостях» был опубликован отчёт о поездке. «Минусинск стоит на протоке Енисея, с правой стороны его. Протока делает полукруг, вёрст на 12, и таким образом отрезает остров. Но Минусинск на матерой земле, а не на острове. Здесь, если бы развилось судоходство, была бы отличная пристань. Маленький, но в среднем чистый и хорошенький город; на низменной равнине, на солончаке».

Журналист Э. Старк, побывавший в Минусинске в 1900 г., остался недоволен благоустройством города и предупреждал тех, кто хотел прогуляться по городу: «Прежде всего, наденьте обувь поглубже, тут ведь ваша избалованная высшей городской культурой нога не будет ступать ни по булыжной мостовой, ни, тем более, по асфальту, ни по какой-либо иной, потому что здесь нет никаких мостовых. Вместо них – обыкновенная земля... Таким мостовым вполне соответствуют и тротуары, которых тоже нет; вместо них во многих местах растёт трава, запыленная и избитая ногами прохожих».

Он же удивляется, когда жители в ответ на упреки в отсутствии городского благоустройства, отвечали: «Зато у нас есть музеи».

Александр Валентинович Амфитеатов – журналист, редактор, о котором современники писали, что он «журналист плодовитый и отзывчивый, блестящий и колоритный сти-

лист». Под колоритностью, вероятно, имели в виду его фельетоны и сатирические стихи. В январе 1902 г. в газете «Россия» которой он был редактором, опубликовано начало романа-фельетона «Господа Обмановы» – сатира на царскую семью. Буквально на следующий день он был сослан на 5 лет в Минусинск.

Представляете реакцию Амфитеатрова, жившего в столице, бывавшего в Европе, на Минусинск. Первое, что повергло Амфитеатрова в Минусинске в шок, была наша природа и погода.

«Около Минусинска на девять вёрст окружности не найти ни одного теневого дерева, на двадцать – рощицы, способной дать хоть пяток саженой дров... Минусинск – град, в полном смысле слова, построенный «на песце». «Навозные» так без околичностей и величают его: – Песочница!

Зато сибиряки нежно зовут Минусинск «наша Минуса», сравнивают его с Малороссией, Швейцарией и – хвалить, так уж хвалить! – даже с Италией...

Летом – сушь, пыль, смерчи с каждым, даже самым слабым, ветром. Не лучше скучною, бесснежною зимою: прямо перед глазами – серые, остеклённые морозом улицы, серые, голые холмы; почти непрерывно волнующийся воздух полон игольчатою мёрзлою пылью, от которой нет спасения.

Минусинск – город вечного кашля, бронхитов, катаров, насморков. За год жизни в нём я ухудшил своё, и без того плохое, зрение больше, чем за семнадцать лет кабинетной работы... В периоды сильных ветров, – а ветряных дней надо считать на здешнем плоскогорье из тридцати дней в месяце верных двадцать пять, – песок способен довести непривычного человека до бешенства, до отчаяния...»

Довольно скептически столичный гость отнёсся и к древней истории края.

«Сибирь – край, обречённый Богом жить в других, а не в самоё себя, и предопределение это – рожон, против него же не попрети. Вы говорите: страна будущего. А я говорю: кладбище. Кто прав? Вы верите в будущее, потому что видите летающих в небе журавлей, – ах, вот бы поймать-то! Я верю в кладбище, потому что – вон их сколько курганов-то в степи наложено... Подите в музей минусинский. Там почтенный Клеменц с Мартьяновым много этих камней и баб наставили. Так, если с ветра к ним подойти, – что в них? Ну, а для знающего человека камень глаголет...

Памятники умерших цивилизаций! Не одной цивилизации, заметьте, а цивилизаций! Много их сюда пришло и здесь померло, – только вот: ни одной отсюда не вышло. Придёт сюда цивилизованная сила, обрадуется обилию, осядет и... не успела оглянуться, как уже вымерла и расточилась. И на её место уже села другая, радуясь обилию и тоже готовясь вымирать, а там ждут очереди на погибель третья, четвёртая, пятая. И ведь как ловко вымирали-то! Даже имена народов – и те спорны... Целые нации в трясины провалились. Торчат взамен их вот этикие каменные дылды, да кости, крашенные в жёлтую краску, в земле гниют.

Когда наш Ермак пришёл в Сибирь, что он нашёл? Разлагающиеся народцы. И каждый из них очень хорошо помнил, что он в крае – весьма недавний поселенец, что он ещё несколько поколений тому назад был не народцем, но могучим народом. Недавний и могучий, а уже вымирал. Вот и рассудите, что здесь у нас – край преуспевания или страна умертвия? Великий погост народов! И так будет всегда... Здесь человек истребляет

человека, а природа истребляет победителя. Что человеку – Ермаку, что Ермаку – народу в Сибири – всегда одна судьба: дешево напиться, разбогатеть, облениться и, одурев, скоро и напрасно завянуть... » [Амфитеатров, 1904: 331]

Ссылный большевик Александр Сидорович Шаповалов, прибывший в минусинскую ссылку в мае 1897 г. из Санкт-Петербурга, тоже был впечатлён состоянием города: «Крепкие ворота, маленькие окна, запиравшиеся на ночь деревянными ставнями с железными болтами, свирепые собаки, просовывавшие злые морды в подворотни и злобно лаявшие на прохожих, – всё это наводило на мысль, что живётся здесь не вполне безопасно, что здесь временами «пошаливают»... Немощенные улицы и площади, отсутствие водопровода, канализации, газового и электрического освещения, деревенского типа дома, тишина и безлюдье – всё это придавало Минусинску вид большого сибирского села. От последнего он отличался тем, что в нём было почтовое управление, казармы, больница, полицейское управление, несколько церквей, тюрьма, и, наконец, то, что не всегда можно встретить и в губернских городах России, знаменитый Минусинский музей. Проплутав значительную часть времени на улицах города, в виду полного отсутствия названий на углах их и номеров на домах, я, наконец, нашёл одного за другим политических ссылных». [Шаповалов, 1934: 228]

И в середине XX в. Минусинск продолжал оставаться местом политической ссылки. Самым известными ссылными Минусинска в это время были Леонид Леонидович Оболенский и Николай Алексеевич Раевский. Свои воспоминания о Раевском и о городе оставила Т. П. Милютина, которая была в Минусинске в ссылке вместе с мужем И. К. Милютиным.

«В Минусинске, в центре города – большие каменные дома ещё царского времени, в которых размещались городские учреждения. Были и старинные особняки. В одном из них прекрасный этнографический музей, созданный умным и образованным старожилом города – Мартьяновым. При музее была закрытая библиотека. Рассказывали, что потомки декабристов, возвращаясь в Россию, оставляли Мартьянову книги своих библиотек. В наше время самым известным врачом в Минусинске был сын основателя музея – доктор Мартьянов. Увы, и он не избежал общей участи – сын его отбывал срок, кажется, на Колыме...

Был район современных домов, вообще же город был из деревянных одноэтажных построек на высоком фундаменте, около каждой большой огородный участок, что удлиняло улицы... Главная улица, как и полагалось в то время, была улица Сталина. На ней больше всего продавали домов, но для Ивана Корнильевича жить на улице с таким названием было совершенно неприемлемо. Наконец нашли половину низкого старого дома по улице Пушкина, 16. Был и двор, и сарай, и огородный участок вдоль берега Минусинки. Не знаю, была ли она где-нибудь более приглядной – около нас представляла собой широкую, обшитую досками канаву. Как-то не очень было видно, что вода в ней течёт, но поливать огород было удобно. Мы не знали, покупая, что каждую весну во время таяния снегов в горах, эта часть города – вместе с нашим домом – оказывалась затопленной. Говорили, что раньше на Минусинке, у подножия гор, стояла водяная мельница, шлюзами регулировавшая напор воды. После разрушения мельницы Минусинка исправно заливала окрестности. Вообще же в Минусинске была и настоящая река, называвшаяся Протокой. Рядом протекал Енисей».

Отдельная глава её воспоминаний посвящена Н. А. Раевскому. «Это был небольшо-

го роста полноватый человек лет шестидесяти, чрезвычайно вежливый, с изысканными старомодными манерами, пересыпавший свою речь французскими фразами и словами. Для того, чтобы прожить, Раевский был лаборантом, а для души приводил в порядок богатейший гербарий музея, собранный когда-то Мартьяновым, а также писал своего «Феокрита», впоследствии изданного под названием «Последняя любовь поэта». Читал нам только что написанное... Постепенно мы все (за глаза) стали звать Николая Алексеевича Феокритом... Запомнились пустяки: переехав на новую квартиру на улице Сталина, Раевский со вздохом сказал, что теперь живёт на улице, «не к ночи будь помянутого».

Восприятие того или иного места зависит от разных причин. Для ссыльных из столиц Минусинск – это была далёкая сибирская глушь, где отсутствовало привычное им благоустройство, где не было светских развлечений. По большей части воспоминания были написаны спустя десятилетия. Но и годы спустя, у одних – это ностальгические воспоминания о молодости, а у других в памяти остались только бытовые неудобства.

Сергей Венедиктович Сартаков прибыл в Минусинск 1920-е годы вместе с родителями, искавшими лучшего места. Спустя полвека он напишет: «Словом, не знаю, как насчёт небесного рая, но раем земным Минусинск безусловно можно было назвать. Базары ломились от изобилия всяких плодов. Помидоры, баклажаны, репчатый лук, морковь, тыквы и кабачки – фантастических размеров и удивительно вкусные. Ещё вкуснее казались местные арбузы, правда, по величине, не больше двух вместе сложенных кулаков. Очаровывали своим видом окрестные горы, совершенно безлесные, сухо каменистые, но столь нежно-сиреневых и фиолетовых оттенков на восходе и закате солнца, что трудно было оторвать от них свой взгляд. Всё здесь было прекрасно». [Сартаков, 1978]

Библиографический список:

1. Амфитеатров А. В. Сибирские этюды. СПб, 1904. – С. 331.
2. Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом // «Русская старина», 1884-1886 г. Т. 52, гл. 14. Минусинск. – Красноярск, 1990.
3. Костров А. Н. Из документов личного архива в фонде редких книг научной библиотеки Томского университета воспоминаний / статья В. В. Шевцова «Воспоминания Н. А. Кострова о М. В. Петрашевском» – сборник «Человек – текст – эпоха», Томск, 2011. – С. 163.
4. Кузьмин А. К. Из подлинных записок А. К. Кузьмина / «Атеней», № 9-17, 1858 // Искра Ильича. 1988. 26 июля. – С. 3-4.
5. Милютин Т. П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.
6. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. ч. 3 половина 1-я. СПб: 1788. – С. 555.
7. Сартаков С. В. Разговор наедине /О литературе и о себе. – Сб. «Над чистым листом». М. 1978.
8. Чихачёв П. А. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974.
9. Шаповалов А. С. В борьбе за социализм. М., 1934. – С. 228.

И. Л. Решетникова,
г. Минусинск

Роль Императорского Русского Географического общества в становлении и развитии Минусинского музея

Императорское Русское географическое общество (ИРГО) было основано в августе 1845 г. Его появление было обусловлено общим расширением и углублением научных исследований в России. Задачей ИРГО стал сбор географических, этнографических и статистических сведений о малоисследованных районах России с целью оценки природных богатств этих территорий и выявления их торгового и промышленного потенциала.

Для расширения и актуализации деятельности общества было решено создать сеть отделов ИРГО [19, с. 21]. В 1851 г. открылся Восточно-Сибирский отдел в Иркутске, в 1877 г. – Западно-Сибирский в Омске.

Создание отделов и подразделов Императорского Русского географического общества в ряде других городов Сибири, сопровождалось, как правило, созданием музеев. Так, при Западно-Сибирском отделе был создан музей в Омске, Приамурский отдел создал Хабаровский музей, Читинский подраздел – Забайкальский областной музей.

Образование крупных публичных музеев в Петербурге и в Москве стимулировало просветительскую активность общественности и в Сибири. Сибирь, будучи местом политической ссылки, обладала значительным интеллектуальным потенциалом, который нашёл свой выход в краеведческих исследованиях и их пропаганде. Разночинская интеллигенция, объединившаяся в рамках разрешённого Географического общества, внесла значительный вклад в создание местных музеев: Тобольский (1870), Минусинский (1877), Омский (1878), Енисейский (1883), Красноярский (1889), Якутский (1891), Барнаульский (1892), Владивостокский (1892), Тюменский (1892), Хабаровский (1902), Кяхтинский (1902) [14, с. 81].

Родоначальником местных музеев в городах Восточной Сибири – Енисейске, Ачинске, Якутске, Красноярске и др. – стал Н. М. Мартьянов, основатель Минусинского местного публичного музея [15, с. 5].

Многие годы Николай Михайлович поддерживал тесную связь с Русским географическим обществом, являясь с 1879 г. почётным его членом, а также членом Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (1878), членом-корреспондентом Троицкосавского (Кяхтинского) отдела Приамурского Отдела ИРГО (1897 г.).

10 января 1877 г. Н. М. Мартьянов подаёт заявление в городскую Думу, в котором он пишет: «Музей должен именоваться Минусинский публичный местный музей и всегда будет составлять собственность городского общества. Минусинские... учебные и воспитательные заведения будут иметь преимущественное право пользоваться коллекциями музея... Кроме того, музей должен быть всегда открытым для всех посетителей и любителей естествознания» [16, л. 3].

Первый председатель Минусинской городской Думы, член ВСО ИРГО И. Г. Гусев поддержал Н. М. Мартьянова. 6 июня 1877 г. были утверждены Программа и Устав музея, также был создан комитет музея, который возглавил городской голова [2, с. 16].

Долгое время фонды музея пополнялись за счёт случайных находок, пожертвований

частных коллекций, материалов экспедиций, организованных на средства столичных научных учреждений: Археологической комиссии ИРГО и его сибирских отделов.

Большой вклад в формирование археологической коллекции музея внёс ученик Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева – А. В. Адрианов [17, с. 2].

Александр Васильевич Адрианов (1854-1920) – археолог, этнограф, путешественник, публицист, издатель «Сибирской газеты» (г. Томск). В 1881 г. прибыл в Минусинск. В 1903-1905 гг. работал в Красноярском музее и являлся правителем дел Красноярского подотдела Восточно-Сибирского ИРГО. Производил раскопки на Тагарском острове [3, с.3]. Обнаруженные им погребальные маски стали первым материалом, полученным в результате полевых исследований. Находки А. В. Адрианова привлекли внимание исследователей к древней истории Минусинской котловины. В 1880-1890-е гг. здесь развёртывается систематическое исследование курганов. Раскопки проводились как самим А. В. Адриановым, так и И. С. Боголюбским, И. П. Кузнецовым-Красноярским, Д. А. Клеменцем, И. Т. Савенковым, финским учёным И. Р. Аспелиным [10, с. 52].

По мере накопления археологических материалов в фондах минусинского музея всё более актуальной становилась задача их каталогизации. Настоящим прорывом в каталогизации музейных фондов стала работа Д. А. Клеменца «Древности Минусинского музея» (Томск, 1886) [17, с. 2].

Дмитрий Александрович Клеменц (1848-1914) – учёный, публицист, археолог, этнограф, политический ссыльный. С 1879 г. жил на поселении в Минусинске. Исследовал природу Минусинского, Ачинского, Красноярского округов. Совершил ряд путешествий в Саяны и Туву, участвовал в археологической экспедиции (1891 г.); организовал в 1894 г. Якутскую экспедицию. Совершил несколько поездок в Монголию [3, с. 3]. В архиве Минусинского музея хранятся его коллекции и книги.

Книга Д. А. Клеменца буквально открыла Минусинский музей для мировой науки. В адрес музея начинают приходить многочисленные письма от научных учреждений, библиотек, общественных организаций, учёных. Посылки с коллекциями музея расходятся в Москву, Петербург, Киев, Берлин, Вену, Гельсингфорс, Падую. С музеем сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные учёные: П. П. Семёнов-Тян-Шанский, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов и др. [4, с. 3].

Во второй половине XIX в. интерес к древним памятникам Минусинской котловины активизируется в связи с демонстрацией копий наскальных рисунков и рунических надписей из долины верхнего Енисея, сделанных в 1884 г. на археологическом съезде в Одессе геологом И. С. Боголюбским [18, с. 4].

С 1890 г. Иннокентий Семёнович Боголюбский (1841-1897) переехал в Минусинск. Принял самое деятельное участие в организации местного музея. Был членом Восточно-Сибирского и Забайкальского отделений РГО, Минералогического общества, Томского общества естествоиспытателей и врачей. Сотрудничал с горными и научно-популярными журналами, опубликовал много специальных статей и статистических сведений [1, с. 1].

Рунические письмена на эстампажах, представленных И. С. Боголюбским, дали ценный материал для решения целого ряда проблем лингвистики, этнографии и археологии.

Следующий этап в изучении памятников наскальной живописи и каменной письменности связан с именем И. Т. Савенкова.

Иван Тимофеевич Савенков (1846-1914) – педагог, актёр, шахматист, просветитель, археолог; работал учителем, директором учительской семинарии в Красноярске [9, с. 37], директором народных училищ в Варшаве. Руководил Минусинским музеем в 1907-1911 гг. Проводил археологические исследования в окрестностях Красноярска и в Минусинском округе. На основании раскопок И. Т. Савенков, первый в мировой науке, установил наличие в бассейне Енисея мест обитания человека в палеолитическую эпоху [3, с. 3]. Материалы раскопок, а также археологическая коллекция Минусинского музея послужили основой для книг Савенкова «Каменный век в Минусинском крае» (М., 1896), «Изобразительное искусство на Енисее» (М., 1910). Эта работа учёного получила высокую оценку в академических кругах, он был удостоен за неё диплома члена-корреспондента Академии наук.

Важнейшим направлением научных изысканий сотрудников Минусинского музея стало изучение коренного населения юга Сибири. Большую роль в этом плане сыграл выдающийся хакасский исследователь Н. Ф. Катанов [17, с. 3].

Николай Фёдорович Катанов (1862-1922) – тюрколог, этнограф, археолог, историк. Совершил несколько экспедиций в Сибирь, Минусинский округ, Туркестан. Н. Ф. Катанов сотрудничал с Минусинским музеем – передавал предметы и книги в библиотеку, занимался изучением экспонатов из коллекций музея. Являясь председателем Общества археологии, истории и этнографии и действительным членом императорского Русского географического общества (с 1894), он отстаивал интересы сибирских музеев, библиотек и редакций. Занимался рецензированием работ «инородцев», активно содействовал изданию каталогов, путеводителей, научных трудов Минусинского музея [3, с. 3].

С Минусинским музеем было связано становление как этнографа Ф. Я. Кона. Феликс Яковлевич Кон (1864-1941) – польский и российский революционер, политический деятель и учёный этнограф. В 1885 г. будучи студентом университета был арестован за участие в революционном движении и сослан на каторгу в Сибирь [11, с. 24]. В ссылке он живо заинтересовался этнографией хакасов и тувинцев. В 1899 г. Кон совершил экспедицию по Минусинскому краю и Туве. Часть собранных экспонатов была передана в Минусинский музей, а часть отправлена в Этнографический отдел Русского музея в Петербурге. Материалы Кона получили высокую оценку, он был удостоен золотой медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

В 1897 г. Ф. Я. Кон переехал в Минусинск. Находясь в Минусинске, Феликс Яковлевич, принимал активное участие в научной жизни музея и написал «Исторический очерк Минусинского музея за 25 лет (1877-1902)», который вышел в свет в Казани в 1902 г., а также исторический очерк об Усинском крае и др.

В 1901 г. Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества пригласило Ф. Я. Кона провести этнографическую экспедицию в Туве [5, с. 136]. При помощи И. Г. Сафьянова, Ф. Я. Кон составил детальную программу исследований в Урянхайской земле. Программа состояла из трёх разделов: исторические, антропологические и этнографические сведения. Согласно этой программе этнографическая экспедиция в Туве состоялась в 1902-1903 гг.

Георгий Павлович Сафьянов (1848-1913) – золотопромышленник, исследователь Южной Сибири, действительный член ИРГО, городской голова; собрал для музея коллекции предметов домашнего быта и занятий коренного и русского населения Урянхайского края.

В 1887 г. он предоставил на Сибирско-Уральскую выставку тувинскую юрту с подлинными атрибутами быта, за что был награждён золотой медалью Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Не было ни одной научной экспедиции в Туву или Монголию, которой бы ни помог Г. П. Сафьянов.

Большой вклад в изучение крестьянского хозяйства Минусинского округа внёс Павел Александрович Аргунов (1862-1944), русский революционер, журналист, историк, высланный в Сибирь за участие в народнической организации «Общественный союз». За время пребывания в Сибири печатался в местных изданиях, работал в Минусинском музее. Используя статистические материалы и коллекции из фондов музея, он написал капитальный труд «Очерки сельского хозяйства Минусинского края», изданный в 1892 г. в Казани. Работа П. А. Аргунова получила высокую оценку в научных кругах, она была удостоена медали Русского географического общества [17, с. 3].

В разные годы с Минусинским музеем сотрудничали учёные, члены ИРГО: П. П. Семёнов-Тян-Шанский, вице-президент ИРГО, член Государственного совета. По ходатайству П. П. Семёнова-Тян-Шанского Минусинский музей, который существовал в основном за счёт пожертвований горожан, с 1900 г. стал получать государственное пособие в размере 1500 рублей ежегодно. Пётр Петрович пополнил естественно-научное собрание музея коллекцией бабочек и жуков.

П. Н. Крылов, учёный ботаник, передал гербарий. И. А. Лопатин, геолог, пожертвовал археологические предметы. П. Е. Островских, учёный этнограф, передавал предметы тувинского народа, собрал и подарил музею коллекцию мхов и лишайников, насекомых и их гнёзда. Н. М. Ядринцев, журналист, публицист, учёный, общественный деятель, в 1882 г. основал газету «Восточное обозрение» и до 1894 г. являлся её редактором. Совершил ряд экспедиций на Алтай, в Монголию (1889). Всю сознательную жизнь посвятил комплексному изучению Сибири. Н. М. Ядринцев, пожертвовал музею собрание собственных сочинений. Г. Н. Потанин, учёный, естествоиспытатель, путешественник, писатель, журналист, собрал разнообразные этнографические материалы, опубликовал ряд трудов по истории Сибири, передавал Минусинскому музею предметы и коллекции, в т. ч. коллекцию морских раковин. И. Д. Черский, естествоиспытатель, исследователь Восточной Сибири совершил путешествие по Сибирскому тракту от Иркутска до Красноярска, затем от Минусинска до Ачинска (1885), составил геологическую карту вдоль Сибирского почтового тракта.

Иннокентий Михайлович Сибиряков (1860-1901) – сибирский золотопромышленник, благотворитель и меценат, унаследовав огромный капитал, направил его на благотворительные цели в области науки и просветительской деятельности: финансировал издания, научные экспедиции, в т. ч. Г. Н. Потанина, Д. А. Клеменца [3, с. 4-5].

По инициативе А. В. Адрианова, который обратился к И. М. Сибирякову с просьбой сделать денежное пожертвование в основной капитал для постройки дома музея, Иннокентий Михайлович, после обмена письмами по этому предмету уведомил заведующего музеем Н. М. Мартьянова письмом от 2 февраля 1886 г. о своём пожертвовании 3000 руб. на следующих условиях: «Я согласен дать на это дело», – писал И. М. Сибиряков, – «три тысячи рублей с тем, чтобы мне видеть предварительно план здания, конечно, в главней-

ших чертах, чтобы там был устроен кабинет для чтения, и чтобы город пообещался ни для каких других целей это здание не употреблять». С получением этого известия вопрос о постройке здания для музея и библиотеки мог считаться уже разрешённым...

И. М. Сибиряков неоднократно жертвовал средства Минусинскому музею на строительство здания, приобретал книги и экспонаты и был избран Почётным членом Комитета музея. В июле 1886 г. в письме И. М. Сибиряков сообщил Н. М. Мартьянову: «Я уже писал вашему городскому голове, что нашёл возможным увеличить размер взноса на здание для музея, т. е. вместо трёх дать шесть. Но я бы желал, чтобы часть этих денег пошла на увеличение залы для народных чтений, которая по присланному мне проекту выходит очень небольшой. То же нашёл и инженер Рассушин...» [12, с. 4]. Промышленник и архитектор В. А. Рассушин, дал согласие на разработку проекта здания для минусинского музея безвозмездно.

17 мая 1887 г. состоялась закладка фундамента здания для музея, перед началом был отслужен молебен. 19 декабря 1889 г. строительный комитет произвёл осмотр окончания работ по строительству здания музея. Открытие состоялось 20 мая 1890 года.

30 ноября (13 декабря н. ст.) 1904 г. не стало основателя музея Н. М. Мартьянова. Комитет музея предложил должность заведующего А. А. Ярилову [6, л. 1]. Арсений Арсеньевич Ярилов (1868-1948) – учёный, почвовед, директор Минусинского музея с 1905 по 1907 г., член местного отдела Русского географического общества [7, л. 1]. Передал в дар музею коллекцию горных пород. А. А. Ярилов провёл реорганизацию библиотеки. По его инициативе была приобретена для музея соседняя усадьба Ярославско-Костромского банка по улице Михайловской, состоящая из двух двухэтажных домов [8, л. 1]. В память о Н. М. Мартьянове Ярилов написал брошюру «На память о создателе Минусинского музея» (Минусинск, 1905) [13, с. 1279]. По инициативе Арсения Ярилова в музее начали проводить научные конференции и издавать краеведческие сборники сообщений. В честь основателя Н. М. Мартьянова Минусинский местный музей был переименован и стал называться Минусинский городской Мартьяновский музей [20, с. 14].

Оценивая роль Императорского Русского географического общества в становлении и развитии Минусинского музея, можно сделать вывод о том, что деятельность ИРГО в области строительства собственного здания музея и библиотеки, комплектования музейного фонда памятниками истории и культуры, флоры и фауны, геологии и минералогии, этнографии и др. внесла определённый вклад в формирование на юге Енисейской губернии старейшего сибирского музея, который стал не только хранителем древностей, но и превратился в центр изучения и пропаганды краеведческих знаний на юге Сибири.

Библиографический список:

1. Боголюбский И. С. Термин (энциклопедическая словарная статья) http://irkipedia.ru/content/bogolyubskiy_innokentiy_semenovich. (Дата обращения 07.08.2021)
2. Ермилова В. В. Потомственный почётный Гражданин. Газета «Власть Труда» № 77 (17.817) от 11 июля, 2013. – С. 18
3. В память об учёных. / Вестник Минусинского регионального краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова, № 1-2 (47-48). Январь-февраль 2011. – С. 3-5
4. Вестник Минусинского регионального краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова, № 7-8 (41). Август-сентябрь 2011. – С. 4
5. Маннай-оол М. Х. Вклад Ф. Я. Кона в этнографическое изучение Тувы. // Эл. научный жур-

нал «Новые исследования Тувы», № 2. 2010 г. – 136 с. URL : <http://www.tuva.asia>

6. МКМ ОФ 11109/4

7. МКМ ОФ 10949/21

8. МКМ11180/6-10

9. Минусинский музей – первый на Енисее: Коллекции Минусинского регионального краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова / ред.-сост. В. Г. Чернышёва; автор вступ. ст. Т. М. Ломанова. – Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2018. – 224 с. : ил.

10. Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Томск: И. Кузнецов, 1886. 185 с.

11. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 г.). Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1902.

12. Отчёт по постройке здания для Минусинского музея и библиотеки. Минусинск.

13. Савостьянов В. К. Жизнь и деятельность А. А. Ярилова в Сибири. // Журнал «Почвоведение», № 10. 2006. – С. 1278-1280

14. Труевцева О. Н. Императорское Русское географическое общество как основатель сибирских музеев. Вестник КемГУКИ 35/2016. – 234 с.

15. Учёные записки Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова: МБУК «Минусинский региональный краеведческий музея им. Н. М. Мартьянова – Интеллектуальная система Ridero. 2019. – Вып. 1. – 228 с.

16. Архив г. Минусинска. Ф.44. О.1. Д.35. Л.3.

17. Фёдорова В. И. Д. А. Клеменц – организатор музейного краеведения в Сибири // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 1. Красноярск, 1989. – С. 359-373.

18. Фёдорова В. И. Минусинский музей и развитие исторического краеведения в Сибири на рубеже XIX-XX веков. 2017. – 5 с.

19. Хорина В. В. Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (КОРГО) как центр научного изучения Енисейской губернии. Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2016. Вып. 9 (174). – С. 21-28

20. Ярилов А. А. На память о создателе музея. Минусинск, 1905. – 31 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГМ –	Муниципальное учреждение «Архив города Минусинска»)
АиФ –	еженедельная общественно-политическая газета «Аргументы и Факты»
АМКМ –	(он же АММ) Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова, ФМРКМ
АН –	Академия наук
АНО –	Автономная некоммерческая организация
АН СССР –	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО –	Автономная область
АО АКР –	Архивный отдел администрации Курагинского района
АПО –	Агитационно-пропагандистский отдел
АРУ ФСБ –	Архив регионального управления ФСБ по Красноярскому краю
АССР НП –	Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья
АЭАЕ –	Археология, этнографии и антропология Евразии. Новосибирск
ВДНХ –	Выставка достижений народного хозяйства
ВК ВС СССР –	Военная коллегия Верховного Суда СССР
ВКП(б) –	Всероссийская коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ –	Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи
ВМН –	Высшая мера наказания (расстрел)
ВООПИК –	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВОХР –	Военизированная охрана
ВРК –	Военно-революционный комитет
ВПА –	Военно-политическая академия
ВСРГО –	Восточно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического Общества
ВС СССР –	Верховный Совет СССР
ВСНХ –	Высший совет народного хозяйства
ВДНХ –	Выставка достижений народного хозяйства
ВЦИК –	Всероссийский (Всесоюзный) Центральный Исполнительный комитет
ВЧК –	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ВЦСПС –	Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов

ГАИО –	Государственный архив Иркутской области
ГАКК –	Государственный архив Красноярского края
ГАРФ –	Государственный архив Российской Федерации
ГАРХ (он же ГУРХ НАРХ) –	Государственный архив Республики Хакасия
ГЭС –	гидроэлектростанция
ДВР –	Дальневосточная республика
ДОСААФ –	Добровольное общество содействия авиации, армии и флоту
ДХШ –	Детская художественная школа
ЖЗЛ –	Книжная серия «Жизнь замечательных людей»
Жургаз –	Журнально-газетное объединение
ЗАО –	Закрытое акционерное общество
ИА АН СССР –	Институт археологии Академии наук СССР
ИА ЭТ СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИКОМ –	International Council of Museums – Международный совет музеев
ИОКМ –	Иркутский областной краеведческий музей
ИРГО –	Иркутское русское географическое общество, Императорское Русское географическое общество
ИТЛ –	Исправительно-трудовой лагерь
КВЖД –	Китайско-Восточная железная дорога
КГБ –	Комитет государственной безопасности
КГКУ «ЦСКН КК» –	Краевое государственное казённое учреждение «Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края»
КГПУ –	Красноярский государственный педагогический университет
КемГУ –	Кемеровский государственный университет
КККМ –	Красноярский краевой краеведческий музей
КНР –	Китайская народная республика
КРА –	контрреволюционная агитация
КРО –	контрреволюционная организация
КРО СП России –	краевые региональные отделения Союза писателей России
КРП –	контрреволюционная пропаганда
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии
ЛЭП –	линия электропередач
МАС –	Музей археологии и этнографии КГПУ им. В. П. Астафьева

МБОУ –	Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
МВД –	Министерство внутренних дел
МГУ –	Московский государственный университет
МКМ –	Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова
МКУ ЕРА –	Муниципальное казённое учреждение «Енисейский районный архив»
МНР –	Монгольская народная республика
МОПР –	Международная организация помощи борцам революции
МПС –	Министерство путей сообщения
МТС –	Машинно-тракторная станция
МУК –	Муниципальное учреждение культуры
МБУК –	Муниципальное бюджетное учреждение культуры
НБ –	Национальная библиотека
НВФ –	Научно-вспомогательный фонд
НКВД –	Народный комиссариат внутренних дел
НКО –	Народный комиссариат обороны
НКПС СССР –	Народный комиссариат путей сообщения СССР
НКЮ –	Народный комиссариат юстиции
НПО ПМ –	Научно-производственное объединение прикладной механики
НУ ИПРПП ВОС –	Негосударственное учреждение «Институт профессиональной реабилитации и подготовки персонала Всероссийского общества слепых»
НЭП –	Новая экономическая политика
ОВЗ –	Ограниченные возможности здоровья
ОГИЗ –	Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОГПУ –	Объединённое государственное политическое управление
ОИС –	Общество изучения Сибири
ОСО НКВД СССР –	Особое Совещание при НКВД СССР
ОФ –	Основной фонд
ПП ОГПУ ЗСК –	Полномочное представительство ОГПУ Западно-Сибирского края
ПСЗРИ –	Полное собрание законов Российской Империи
ПФ ИВ РАН –	Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук
РАН –	Российская академия наук
РВСР –	Революционный военный совет Республики

РГИА –	Российский государственный исторический архив
РГО –	Российское географическое общество
РИК –	Районный исполнительный комитет
РККА –	Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б) –	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП (б), (м) –	Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков), (меньшевиков)
РТ –	Республика Тыва
РХ –	Республика Хакасия
СА –	Советская археология
САД –	Смешанная авиационная дивизия
СБАП –	Скоростной бомбардировочный авиационный полк
СГТУ –	Сибирский государственный технологический университет
СГЭ –	Сообщения Государственного Эрмитажа
СМАЭ –	Сборник Музея антропологии и этнографии
СМП-237 –	Строительно-монтажный поезд № 237
СНК –	Совет народных комиссаров (Совнарком)
СО РАН –	Сибирское отделение Российской Академии наук
СОШ –	Средняя общеобразовательная школа
СТО –	Совет труда и обороны СССР
ТАО –	Тувинская Автономная область
ТГПУ –	Томский государственный педагогический университет
ТНР –	Тувинская Народная Республика
ТНИИЯЛИ –	Тувинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ТЮЗ –	Театр юного зрителя
ЦК ТНРП –	Центральный комитет Тувинской народно-революционной партии
УВД –	Управление внутренних дел
УК РСФСР –	Уголовный кодекс РСФСР
УФСБ России –	Управление федеральной службы безопасности России
УЧК –	Уездная чрезвычайная комиссия
ХНКМ –	Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова
ХакНИИЯЛИ – и	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ЦАМО –	Центральный архив Министерства обороны
ЦИК –	Центральный исполнительный комитет
ЦГА РТ –	Центральный государственный архив Республики Тува

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. АЛЯБЬЕВА Анна Сергеевна, студентка ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Институт экологии и географии, г. Красноярск

2. АХРЕМЧИК Ольга Геннадьевна, зам. директора по научной работе МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск

3. БАБИЙ Алексей Андреевич, председатель правления Красноярского общества «Мемориал», г. Красноярск

4. БАЙБОРОДИНА Мария Анатольевна, н. с. ГАУК «Иркутский областной краеведческий музей», г. Иркутск

5. БЕЛОУСОВА Светлана Сергеевна, учитель истории МБОУ «Знаменская СОШ № 1 им. С. Курочкина», г. Минусинск

6. БОЛОТНИКОВ Алексей Константинович, методист МБУК «Тесинский художественный музей», г. Минусинск

7. БОРИСОВА Светлана Анатольевна, директор МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», депутат Минусинского городского Совета депутатов, г. Минусинск

8. БОЯРЧЕНКО Ольга Ивановна, гл. хранитель МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск

9. БУДИЛОВ Владимир Александрович, гл. специалист отдела геодезических изысканий Научно-производственного объединения «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск

10. БУДНИКОВ Анатолий Леонидович, гл. геолог ООО Холдинг «Сибзолото», с. Малоенисейское, Бийский район, Алтайский край

11. БУТАНАЕВ Виктор Яковлевич, академик Российской академии социальных наук, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия

12. ВДОВИН Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, н. с. КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей», г. Красноярск

13. ГАВРИЛОВ Игорь Кондратьевич, кандидат биологических наук, доцент, заведующий естественно-научным отделом КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей», г. Красноярск

14. ГОЛОВАНЕНКО Наталья Александровна, зам. директора по развитию и информационно-методической работе МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск

15. ГРЕВЦОВ Юрий Анатольевич, ст. н. с. ООО «Красноярская археология новостроек», г. Красноярск
16. ГУБЕНКО Екатерина Викторовна, магистрант ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск
17. ГУРУЛЕВ Дмитрий Александрович, ст. н. с. Автономной некоммерческой организации «Археологическое исследование Сибири», г. Красноярск
18. ГЮЛЬМАМЕДОВА Айгюн Али кызы, студентка ФГБОУ «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», г. Красноярск
19. ДАНИЛЕЙКО Виктория Александровна, н. с. Научно-производственного объединения «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск
20. ДЕМЕНТЬЕВ Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск
21. ДОНГАК Айкизэ Алексеевна, методист отдела истории и этнографии ГБУ «Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва», г. Кызыл, Республика Тыва
22. ДЫРТЫК-ООЛ Майя Оюновна, методист музейного дела отдела истории и этнографии ГБУ «Национальный музей им. Алдан-Маадыр», г. Кызыл, Республика Тыва
23. ЖУРАВКОВ Сергей Петрович, учитель истории и обществознания СОШ им. Героя Советского Союза Александра Антоновича Семирадского, с. Казанцево, Шушенский район, Красноярского края
24. ЗАЙКА Александр Леонидович, кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории, директор Музея археологии и этнографии ФГБОУ «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», г. Красноярск
25. ЗАРИПОВ Александр Рафаилович, н. с. МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», г. Минусинск
26. ЗАРКО Матео Эль-Грумете, н. с. МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», г. Минусинск
27. ЗЛОТНИКОВА Светлана Геннадьевна, аспирант ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Республика Хакасия
28. ЗЫРЯНОВА Вера Александровна, краевед, с. Казанцево, Шушенский район, Красноярский край
29. ИГАЙ Екатерина Леонидовна, преподаватель КГБПОУ «Минусинский медицинский техникум», г. Минусинск
30. КАЗАНЦЕВА Эльвира Николаевна, н. с. МБУК «Абаканская картинная галерея им. Ф. Е. Пронских», г. Абакан, Республика Хакасия
31. КАЛЮГА Антонина Евгеньевна, гл. специалист по архивным вопросам администрации Курагинского района, пгт. Курагино
32. КАРЧАЕВА Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры

истории России, мировых и религиозных цивилизаций ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск

33. КИРГИНЕКОВ Эдуард Николаевич, н. с. ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова», г. Абакан, Республика Хакасия

34. КИЧАПИНА Анна Васильевна, н. с. МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск

35. КЛЕМЕНТЬЕВ Алексей Михайлович, кандидат географических наук, н. с. лаборатории кайнозоя Института земной коры СО РАН. г. Иркутск

36. КОВАЛЬ Татьяна Григорьевна, доцент кафедры ДПП и НХК ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», член Союза художников РФ, Заслуженный художник РХ, г. Абакан, Республика Хакасия

37. КОВЗУНОВА Полина Владиславовна, студентка Кемеровского государственного университета, г. Кемерово

38. КОМКИН Александр Александрович, краевед, г. Лесосибирск

39. КОРОЛЁВ Сергей Александрович, геодезист Научно-производственного объединения «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск

40. КРИВОНОСОВА Елена Леонидовна, магистр истории, библиограф Центра национальной и краеведческой информации, ГБУК РХ «Национальная библиотека им. Н. Г. Доможакова», г. Черногорск, Республика Хакасия

41. КУКЛИНСКИЙ Илья Владимирович, зам. директора по экспозиционно-выставочной работе и маркетингу КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей», г. Красноярск

42. КУНИЦКИЙ Владислав Игоревич, гл. специалист Научно-производственного объединения «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск

43. КЫЗЛАСОВ Игорь Леонидович, доктор исторических наук, вед. н. с. отдела средневековой археологии Института археологии Российской академии наук, г. Москва

44. ЛЕОНТЬЕВ Евгений Викторович, ст. н. с. МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск

45. ЛЯСКОВСКАЯ Елизавета Михайловна, зав. отделом «Картинная галерея» МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск

46. МАЙЗИК Елена Игоревна, зав. сектором отдела истории КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей», г. Красноярск

47. МАКАРОВ Николай Поликарпович, кандидат исторических наук, профессор, доцент Кафедры и лаборатории информационных технологий в креативных и культурных индустриях ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск

48. МАКСИМОВА Ирина Андреевна, методист ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова», г. Абакан, Республика Хакасия

49. МАЛЫШЕВА Татьяна Леонидовна, преподаватель КГБПОУ «Минусинский медицинский техникум», г. Минусинск

50. МЕЗЕНЦЕВА Виктория Олеговна, сотрудник архива УФСБ России по Красноярскому краю, г. Красноярск

51. МИТЬКО Олег Андреевич, кандидат исторических наук, зав. сектором археологии Лаборатории гуманитарных исследований ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск

52. МОЖАРОВА Евгения Александровна, студентка ФГБОУ «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», г. Красноярск

53. МОНГУШ Чечена Айыр-Санаевна, методист отдела истории и этнографии ГБУ «Национальный музей им. Алдан-Маадыр», г. Кызыл, Республика Тыва

54. МУРАТОВ Евгений Сергеевич, ст. н. с. Научно-производственного объединения «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск

55. НАГОРНЫХ Валентина Викторовна, н. с. МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», г. Минусинск

56. НЕГОДИНА Ирина Ивановна, зав. отделом «Музей декабристов» МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», г. Минусинск

57. НИКИФОРОВА Елена Анатольевна, зав. отделом по музейно-образовательной деятельности МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», г. Минусинск

58. НОВОЛОЦКАЯ Диана Андреевна, студентка КГБУЗ «Минусинский медицинский техникум», г. Минусинск

59. ООРЖАК Шолбан Сергеевич, методист филиала «Музей истории политических репрессий» ГБУ «Национальный музей им. Алдан-Маадыр», г. Кызыл, Республика Тыва

60. ПОГРЕБНЯК Александр Иванович, кандидат исторических наук, ветеран СФУ, независимый исследователь, г. Минусинск

61. ПОПЕЛЫШКО Дарья Владимировна, студентка ФГБОУ «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», г. Красноярск

62. ПОПУГАЕВА Ирина Геннадьевна, зав. сельской библиотекой с. Шалоболоино, Курагинский район

63. РЕШЕТНИКОВА Ирина Леонидовна, учёный секретарь МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», г. Минусинск

64. РОМАНОВА Светлана Анатольевна, методист по музейно-образовательной деятельности МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», г. Минусинск

65. СЁМОЧКИНА Валентина Фёдоровна, зав. сектором краеведения при Шалоболинском СДК, с. Шалоболоино, Курагинский район

66. СИДОРИНА Елена Юрьевна, зав. научной библиотекой МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск
67. СТЕЛЬМАХ Елена Ивановна, директор АНО «Информационно-издательское агентство «Надежда и Мы», г. Минусинск
68. СЯЛДЫШЕВА Ирина Николаевна, учитель русского языка и литературы МБОУ «СОШ № 7 им. Героя Советского Союза П. А. Рубанова», г. Черногорск
69. ТАРАКАНОВА Ольга Семёновна, член Союза писателей России, общественный деятель, г. Минусинск
70. ТРОФИМОВ Александр Александрович, археолог Краевого государственного казённого учреждения «Центр по сохранению культурного наследия Красноярского края», г. Красноярск
71. ТЕНЯТНИКОВА Евгения Владимировна, студентка ФГБОУ «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», г. Красноярск
72. ТЕТЕРИН Юрий Витальевич, ст. н. с. ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», г. Новосибирск
73. ТИМОФЕЕВ Александр Николаевич, краевед, г. Красноярск
74. ТОПЧЕЕВ Валентин Владимирович ст. н. с. МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова», г. Минусинск
75. ТАРАСОВ Александр Юрьевич, нач. отдела Научно-производственного объединения «Археологическое проектирование и изыскания», г. Красноярск
76. ТУГУЖЕКОВА Валентина Николаевна, в. н. с., Южно-Сибирский филиал ИИМК РАН, профессор кафедры, истории России ХГУ им. Н.Ф. Катанова
77. ТЮЛЮШ Никита Юрьевич, студент Кызылского техникума экономики и права потребительской кооперации, г. Кызыл, Республика Тыва
78. ФЁДОРОВ Игорь Геннадьевич, зам. директора по научно-методической работе МБОУ «Школа № 2 им. Ю. А. Гагарина», г. Дивногорск, Красноярский край
79. ФОМИЧЁВА Татьяна Олеговна, КГБУК «Красноярский краевой краеведческий музей», г. Красноярск
80. ХЕРТЕК Александр Сагдыевич, методист отдела методического сопровождения по вопросам культуры, искусства, религии и краеведения Национального музея имени Алдан-Маадыр Республики Тыва, г. Кызыл, Республика Тыва
81. ХОЖАЕВ Алексей Сергеевич, эксперт по проведению государственной историко-культурной экспертизы, г. Красноярск
82. ХУДЫШКИНА Светлана Петровна, зам. по основной деятельности КГБУК «Енисейский краеведческий музей им. А. И. Кытманова», г. Енисейск
83. ЧЕПАШЕВА Аграфена Фёдоровна, педагог-организатор МОБУ «Байкитская средняя школа» с. Байкит, Эвенкийский муниципальный район, Красноярский край

84. ШАБАЕВА Елена Юрьевна, библиотекарь МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова», г. Минусинск

85. ШЕКШЕЕВ Александр Петрович, кандидат исторических наук, член правления ХРОО жертв политических репрессий «Общество «Мемориал», г. Абакан, Республика Хакасия

86. ШЕРГАЛИН Евгений Эдуардович, архивист Треста наследия соколиной охоты (г. Таллин, Эстония).

87. ШЛЫКОВА Светлана Александровна, кандидат исторических наук, сотрудник УФСБ России по Красноярскому краю, г. Красноярск

88. ШОЕВА Маргарита Павловна, хранитель отдела фондов ГАУК РХ «Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова», г. Абакан, Республика Хакасия

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдеев А. А. – 183
Агуф М. А. – 166-167
Адрианов А. В. – 119, 175, 326, 348, 350
Акимова Е. В. – 122
Аланов И. И. – 166
Алдын-оол А. А. – 173
Александров В. А. – 180, 181, 182, 184
Александров Е. А. – 282
Алексеева Е. М. – 106, 107
Алёхина М. – 303
Алимова Л. – 13
Алябьева А. С. – 318, 358
Аmano Т. – 33
Амфитеатров А. В. – 343, 344, 346
Андреев М. С. – 96
Андрианов Г. В. – 186
Анучин Д. Г. – 23
Аргунов П. А. – 350
Аржанцева И. А. – 145
Арыштаев Я. М. – 302
Асланова Н. А. – 278
Аспелин И. Р. – 43, 130, 348
Аткнин Г. А. – 10
Ахремчик О. Г. – 13, 47, 358
Бабенков К. Ф. – 284, 285
Бабий А. А. – 18, 244, 358
Байбородина М. А. – 23, 358
Баландина В. А. – 48, 49, 185-192
Балахчин – 302
Балашов В. – 275
Баранов А. Н. – 143
Бартольдт В. В. – 89, 91, 94
Бахов П. А. – 166-168
Бахтин В. В. – 330
Бедро И. П. – 166
Белова М. С. – 68
Белоусова С. С. – 234, 358
Беляев А. Д. – 32
Беляев А. П. – 66-71, 342
Беляев П. П. – 342
Бем Е. – 281
Бенедиктов И. – 302
Биче-оол С. М. – 171
Бичурин Н. Я. – 91, 97
Боголюбский И. С. – 92, 348, 351
Богданов И. А. – 45
Болотников А. К. – 27-29
Больных Е. И. – 230
Бондарев А. Р. – 266
Борзых П. Л. – 316
Борисова С. А. – 7, 47, 58, 358
Бояринцев А. Т. – 330
Боярченко О. И. – 32, 358
Брюсов А. Я. – 163
Бубликов А. А. – 187
Бударина Д. – 274
Будилов В. А. – 110
Будников А. Л. – 310, 315-317, 358
Бузунов Я. М. – 254
Бунин И. А. – 279
Бутанаев В. Я. – 83, 89, 90, 92, 94-95, 132, 358
Буторин В. Г. – 125, 128

- Быконя Г. Ф. – 315
Быховский Н. Я. – 166
Бякова В. – 30
Вадецкая Э. Б. – 106, 121, 132, 154-155
Ванеев П. И. – 58
Ваньшин С. Н. – 78
Василевич Г. М. – 102
Василишина И. Я. – 42
Васильев Д. Д. – 89, 95, 98
Ватин В. А. – 42
Вдовин А. С. – 34, 358
Ведерников А. А. – 53-57
Верьясов В. – 254
Вильнер Г. М. – 12, 223, 224
Виноградов Б. С. – 320
Витковский Н. И. – 24
Власов М. И. – 209
Войно-Ясенецкий В. Ф. – 266
Вульф К. – 97
Гавен Ю. П. – 166-167
Геблер Ф. В. – 46
Герман И. В. – 275
Гладышевский А. Н. – 48-49
Гмелин И. Г. – 252, 322
Гаврилов И. К. – 318, 358
Голобурдо Ф. М. – 20
Голованенко Н. А. – 34, 358
Головин И. И. – 20
Гольшева Ф. В. – 234
Горелик М. В. – 142
Горбунов В. В. – 142
Горбунов Ф. – 166
Горбунова А. И. – 177
Горланова Л. А. – 274
Грач А. Д. – 61, 64
Гревцов Ю. А. – 125, 359
Грек О. Г. – 58-59
Громадский И. О. – 239
Грошев И. В. – 176
Грошев В. И. – 176
Грязнов М. П. – 88
Губенко Е. В. – 105, 359
Гульмамедова А. А. – 107, 359
Гуляев А. А. – 286
Гурьев С. В. – 59
Гурулев Д. А. – 125, 359
Гусев И. Г. – 48, 50, 51, 347
Гусева М. А. – 238
Давыдов А. – 275
Данилейко В. А. – 122, 359
Данилов В. А. – 32
Дашкевич И. Ф. – 19
Дашковский П. К. – 137
Девятов Ф. Ф. – 48, 51, 52
Делевский Я. Л. – 279
Дементьев А. П. – 166, 359
Дмитриев М. А. – 286
Добров Е. Д. – 166, 168
Добрякова М. С. – 137
Долинин Ф. М. – 299, 303
Долчанмаа Б.-К. Ш. – 173
Доможаков А. – 13-17
Донгак А. А. – 171, 359
Донгак Б. Х. – 172
Донгак В. Ч. – 65
Доржу З. Ю. – 171
Дроздов Н. И. – 316
Дружинкина В. П. – 12

- Дубина А. – 280
Дударев Д. В. – 234
Дыртык-Оол М. О. – 38, 359
Евламповцев Ю. – 56
Евсеев А. Г. – 32
Евтюхова Л. А. – 83, 133
Егоров В. К. – 219-220
Егорова А. М. – 219
Егорычев И. Ф. – 229-231
Елин В. В. – 29, 59
Елисеенко А. Г. – 288
Ерёмина Н. Г. – 315
Ермолаева Л. Н. – 42, 44, 49
Ешина З. – 275
Жариков В. О. – 32
Железнов М. – 280
Журавков С. П. – 147, 359
Журавлёв А. – 248
Забелина Г. А. – 171
Загоскин М. В. – 24
Заев М. И. – 59
Заика А. Л. – 107, 110-111, 115, 118, 122, 125, 147, 149, 150, 159, 316, 359
Зарипов А. Р. – 128, 359
Зарко М. Э.-Г. – 42, 359
Зефиоров Р. И. – 166
Злобина Л. Н. – 166
Злотникова С. Г. – 48, 359
Зуйко О. – 216
Зырянова В. А. – 236, 359
Иванов Н. М. – 254
Иванов Ю. А. – 274
Игай Е. Л. – 322, 359
Иков В. К. – 166
Иоганзен Г. Э. – 329
Исакова А. Л. – 236
Исламов Х. И. – 224
Каверзин – 210
Кадошников М. Е. – 286
Казанцев А. – 238
Казанцева Э. Н. – 53, 359
Калюга А. Е. – 241, 359
Каменев Г. Л. – 21
Каменский Л. Я. – 21
Камина В. М. – 20
Кампернауз А. О. – 18
Кандан У. Ш. – 173
Капелько В. Ф. – 60, 120, 147
Капитаненко Д. А. – 20
Карамзин Н. Н. – 48
Каратанов Д. И. – 119
Каргаполов П. С. – 168
Карпов Н. П. – 53
Карцев В. С. – 168-169
Карчаева Т. Г. – 174, 359
Кастрен М. А. – 130
Катанов Н. Ф. – 349
Катаев Е. Н. – 166
Кекконен С. А. и Л. А. – 297
Кеннан Д. – 10, 42-47
Киборт М. Е. – 328, 329
Килуновская М. Е. – 63
Киргинцев Э. Н. – 133, 360
Киреев И. В. – 70
Киселёв С. В. – 133, 154
Кичапина А. В. – 327, 360
Клементьев А. М. – 118, 360

- Клеменц Д. А. – 96-98, 122, 324, 326, 344, 348, 350
- Ключевский В. О. – 48
- Кляшторный С. Г. – 92-93, 97-99
- Ковалёв В. А. – 42, 44, 67
- Коваль Т. Г. – 245, 360
- Ковзунова П. В. – 137, 360
- Кожанчиков В. Д. – 330
- Козлова Л. М. – 173
- Козлова Е. В. – 320
- Кокорин А. – 253
- Коксин Я. П. – 329
- Комкин А. А. – 331, 360
- Кон Ф. Я. – 306, 349
- Коновалов П. Т. – 21
- Корепанов Н. – 30
- Кормушин И. В. – 90
- Коробкин А. Н. – 254
- Королёв С. А. – 122, 360
- Коротков И. Н. – 34
- Косованов П. П. – 300
- Костров Н. А. – 343
- Кость Х. С. – 295
- Котлов Г. Д. – 18
- Котс А. Ф. – 329
- Коханов В. П. – 316
- Кошурников А. М. – 248
- Красикова Л. М. – 254
- Краснокутский С. Г. – 68, 247
- Крац П. М. – 102-103
- Кривоносова Е. Л. – 248, 360
- Кривцов С. И. – 68
- Криницкий Н. Н. – 188
- Круглов С. (отец Сергей) – 59
- Крылов П. Н. – 323, 325, 350
- Крюков Н. А. – 66, 68
- Ксензик Г. – 27
- Кудрявцев В. Г. – 54
- Кузьмин А. К. – 342
- Кузьмин В. И. – 167
- Кузьмин Н. Ю. – 158
- Кузнецов М. А. – 70
- Кузнецова Е. П. – 324
- Кузнецов-Красноярский И. П. – 348
- Кузургашева – 302
- Куклинский И. В. – 34, 360
- Кулеш А. В. – 316
- Куминова А. В. – 327
- Куницкий В. И. – 125, 360
- Курбижекова А. – 275
- Кызласов И. Л. – 62, 96
- Кызласов Л. Р. – 61, 62, 118, 133, 360
- Лалетин И. Т. – 49
- Лалетин Д. И. – 224
- Ларина Л. – 13
- Лацис А. Н. – 297
- Лебедев Г. В. – 168
- Левицкий Н. А. – 239
- Ленин В. И. – 59, 189, 203, 289, 303
- Леонтьев Е. В. – 12, 72, 178, 360
- Леонтьев Н. В. – 105, 118
- Липский А. Н. – 84, 89, 247
- Лисовский Л. К. – 236-240
- Лисовская Е. Л. – 239
- Лихачёв Д. С. – 270, 298
- Лопатин И. А. – 122, 324, 350
- Лопатин Е. Е. – 239
- Лопсан-Кенден О. – 172

- Лоренц Ф. К. – 329
Лясковская Е. М. – 58, 360
Майзик Е. И. – 34, 360
Малина – 210
Макаров Н. П. – 34, 360
Максимова И. А. – 251, 360
Маковецкий Н. Е. – 26
Малинин А. В. – 45, 322-323
Малышева Т. Л. – 334, 361
Манай-оол М. Х. – 62
Магнус Г. А. – 264-269
Мармышев А. В. – 288
Мартьянов Н. М. – 23-27, 45, 50, 52, 79-80, 96, 294, 322-327, 328-329, 334, 337, 340, 345-347, 351
Мартьянов Н. Н. – 277-282
Мартьянова Н. Н. – 278, 280
Мартынов А. И. – 163
Марьясов А. – 253
Масумото Т. – 33
Маслов С. Е. – 102
Мезенцева В. О. – 218, 361
Меламед Е. И. – 42
Мельникова Т. А. – 274
Мессершмидт Д. Г. – 85, 88, 101-104, 130, 252, 330
Миллер Г. Ф. – 87, 130
Милютин И. К. – 345
Милютина Т. П. – 345
Минаев Г. Ф. – 224
Минаев Ф. П. – 224
Минаева Н. Г. – 224-225
Митько О. А. – 142, 361
Михайлов Н. К. – 58
Можарова Е. А. – 147, 361
Мозгалевский Н. О. – 247
Молодчанинов В. – 239
Мон Маленит – 177
Монгуш К. М. – 62
Монгуш М. – 206
Монгуш М. А. – 63, 65
Монгуш О. В. – 65
Монгуш Ч. А-С. – 60-65, 361
Монгуш Ч. Ч. – 172
Монгуш Ш. Х. – 63
Мотов Ю. А. – 144-145
Мураками Я. – 33
Муратов Е. С. – 122, 361
Мухарева А. Н. – 118
Назаров А. З. – 168
Нагорных В. В. – 341, 361
Наперковский С. – 240
Натсак О. Д. – 171
Негодина И. И. – 66, 361
Неизвестный Н. – 275
Нестеров П. В. – 329
Никифорова Е. А. – 72, 361
Новолоцкая Д. А. – 256, 361
Новых Н. В. – 112
Норбу Т. Ч.-о. – 172
Носов В. – 147
Оболенский Л. Л. – 345
Овчинников И. Ю. – 312
Окладников А. П. – 122
Окулов С. К. – 185
Окунев Н. И. – 168
Олефир М. А. – 224
Ольденбург С. Ф. – 96
Ондар Ш. К. – 65

- Ооржак С. С. – 65
Ооржак Ш. С. – 261, 361
Осава Т. – 33
Оукшотт Э. – 14
Очир-Горяева М. А. – 137
Паллас П. С. – 102, 104, 130, 181, 252, 322, 341
Пашенных Н. П. – 48, 51
Педченко Л. Ф. – 22
Педченко С. Ф. – 22
Педченко Ф. А. – 22
Педченко Ф. Ф. – 22
Педченко Я. Ф. – 22
Персигов А. Ф. – 224
Петерсен Я. – 142
Петров В. Д. – 188
Плотников А. И. – 167
Плотникова О. А. – 301
Подушкина М. В. – 282
Погребняк А. И. – 185, 361
Полчанинов Р. – 281
Пономарёва Л. Н. – 60
Пономорёва А. В. – 60
Попельшко Д. В. – 150
Попов В. М. – 188
Попугаева И. Г. – 361
Потанин Г. Н. – 24, 348, 350
Путилов А. И. – 186-187
Путинцев И. М. – 330
Прокушев Г. И. – 54, 55
Пронских Ф. Е. – 53-54
Прохоров Э. И. – 58-59
Псарёв П. – 214
Пузанов Д. А. – 166
Пфафорт Г. И. – 167
Пшеницына М. Н. – 130
Радлов В. В. – 97-99, 102, 348
Раевский Н. А. – 330, 345-346
Рассушин В. А. – 351
Раузен Л. Г. – 279
Рачковская В. П. – 32
Ревердатто В. В. – 326
Решетникова И. Л. – 347, 361
Романов Нит – 26
Романова С. А. – 76, 78, 361
Румянцев С. М. – 167
Рухлядев Д. В. – 98, 99
Рыгдалон Э. Р. – 130
Ряннель Т. В. – 58
Савенков И. Т. – 34-38, 166, 348, 349
Савенков Т. И. – 166
Салов Г. – 299
Салов С. Н. – 300
Самбу И. У. – 65
Самойлов Ф. – 166
Самойлова К. Н. – 249
Сартаков С. В. – 346
Сарыг-оол С. А. – 65
Сафонов Ф. А. – 296
Сафонова О. И. – 66
Сафьянов Г. П. – 45, 47, 306, 326, 349-350
Сафьянов И. Г. – 166, 261, 305-308, 349
Седельников В. П. – 327
Седов А. Г. – 32
Седов П. Г. – 32
Семенюк А. И. – 168
Семёнов-Тян-Шанский П. П. – 348, 350
Семёнов В. А. – 63

- Семиранов Л. П. – 301-302
Семиранов П. С. – 301
Семиранов С. А. – 301
Сёмочкина В. Ф. – 277, 361
Сергеев А. Н. – 316
Серебренникова М. – 275
Сибиряков И. М. – 48-50, 328, 350-351
Сиверс И. – 322
Сидорина Е. Ю. – 34, 47, 79, 362
Сидорова М. И. – 60
Сиркина М. – 60
Скоробогатова Н. Н. – 236, 238, 240
Сметанников – 210
Смирнов С. Ф. – 239
Смирнов А. Ф. – 239
Смирнов И. Н. – 203
Соборова Л. – 29
Солодейников А. К. – 148
Соснина Л. – 275
Стельмах Е. И. – 192, 362
Степанова К. П. – 279, 280
Стульгинский А. К. – 328
Суворов Я. – 238
Султреков – 302
Суриков В. И. – 29
Сухацкий В. – 237, 239
Сушкин П. П. – 329, 330
Сялдышева И. Н. – 270, 362
Табберт Ф. И. (Страленберг) – 101-103,
130
Тараканова О. С. – 273, 275, 362
Тараненко П. И. – 59
Тарасов А. Ю. – 125, 362
Тарелкин П. Н. – 168-169
Твардовский А. Т. – 30, 270
Тенятникова Е. В. – 159, 362
Теплоухов С. А. – 154
Терентьев А. А. – 59
Терентьева В. И. – 236
Тетерин Ю. В. – 154, 362
Тимофеев А. Н. – 277, 362
Тимошок И. П. – 280
Тихон, епископ Красноярский и Енисей-
ский – 285
Тишкин А. А. – 137
Товаров-Кошкин Б. Ф. – 54
Толстой Л. Н. – 43
Томсен В. – 97-98
Топилин В. С. – 275
Топча Ч. М. – 63
Топчеев В. В. – 195, 362
Торжу А. Н. – 173
Тошио Х. – 33
Трегубенков К. Е. – 302-303
Трегубенков Д. И. – 299, 302
Троицкая Н. Л. – 274
Тропин Н. И. – 168, 325
Трофимов А. А. – 110, 362
Троцкий Л. Д. – 203
Трубецкой С. – 69
Тугаринов А. Я. – 318, 320
Тугужекова В. Н. – 101, 362
Тулина З. В. – 51
Тулоконикив К. А. – 167
Тюлюш Н. Ю. – 200, 362
Узунов Г. З. – 224
Фаерман Е. Л. – 166
Фаленберг П. И. – 71
Фёдоров И. Г. – 283, 286, 287, 362

- Фёдоров Н. В. – 12
Фёдоров Я. И. – 286
Фигуровский А. – 286
Финдейзен Г. – 319
Флавицкий С. Ф. – 188
Флеров К. К. – 320
Фомин Е. Г. – 177
Фомичёва Т. О. – 34, 362
Формозов А. А. – 165
Фрейман Я. И. – 167
Фролов Н. – 214
Фролов П. К. – 46
Фролов И. И. – 243
Фролова А. И. – 241, 243
Фрост Дж. – 42, 47
Хатакэяма Т. – 33
Хачатуров М. И. – 166
Хертек А. С. – 305, 362
Хертек А. А. – 172-173
Хлебников Г. С. – 245-248
Хожаев А. С. – 223, 229, 362
Худышкина С. П. – 288, 362
Худяков Ю. С. – 142-143
Цитович П. М. – 329
Чащина Л. П. – 51
Чепашева А. Ф. – 293, 362
Червонная С. М. – 54
Черемных С. – 29
Черепнин Л. М. – 323, 326
Черемисин И. И. (архиепископ Антоний)
– 59
Чермак Л. В. – 186
Черский И. Д. – 24, 350
Чечулин Н. Д. – 220
Чибизов И. Я. – 167, 169
Чихачёв П. А. – 252, 342
Чургуй-оол Х. Н. – 65
Шабаева Е. Ю. – 80, 363
Шаповалов А. С. – 345
Шелепова Е. В. – 139
Щёголева А. С. – 296
Шекшеев А. П. – 12, 170, 203, 363
Шергалин Е. Э. – 318, 363
Шиловский М. В. – 12
Шведов А. В. – 316
Швецова Е. Ф. – 239
Шлыкова С. А. – 218, 363
Шоева М. П. – 299, 363
Шомесов Я. И. – 166
Шорохов М. Н. – 221-223
Шульман К. Г. – 102-103
Шутов В. Я. – 224
Эрбис А. А. – 241
Эрдал М. – 98-99
Ядринцев Н. М. – 24, 129, 348, 350
Яковлев А. А. – 329
Яковлев А. Г. – 185
Яковлев Е. О. – 318-322
Яковлев Е. К. – 32
Ярилов А. А. – 325, 351
Ярошевская В. М. – 286, 321

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абаза (город, Республика Хакасия) – 197, 216, 300-303, 324
- Абакан (город, Республика Хакасия) – 13, 17, 31, 38, 48, 53, 54, 60, 73, 75, 83, 94-95, 101, 143, 186-189, 190, 198, 203, 235, 245, 247, 251, 273-276, 299, 301, 304, 331, 358-360, 363,
- Абакан (река, Республика Хакасия) – 85, 87, 92, 102, 130-134, 186-188, 190, 324-326, 333,
- Абаканское (село, ныне Краснотуранск, Красноярский край) – 18, 213, 251-253
- Абаканский хребет – 326
- Абаканский острог (казачий форпост, позже село Абаканское) – 102-103, 251-252
- Азас (река, Республика Тыва) – 323
- Ак-Довурак (город, Республика Тыва) – 65
- Александровское (село, Красноярский уезд) – 214
- Алтай (регион Южной Сибири, на западе Алтае-Саянских гор и юге Западно-Сибирской равнины) – 46, 315, 323, 350
- Алтын-кель (озеро, Республика Хакасия) – 92
- Америка (континент, страна, в наст. вр. США) – 42
- Амурская область – 115
- Амыл (река, Красноярский край) – 324-325
- Аскиз (река, Республика Хакасия) – 83, 87-88
- Аскиз (село, Республика Хакасия) – 301, 303
- Ачинск (город, Красноярский край) – 19-21, 185-187, 190, 206, 213, 325, 347, 350
- База (река, Республика Хакасия) – 83, 325
- Бай (река, приток р. Аскиз, Республика Хакасия) – 83
- Байкит (село, Красноярский край) – 275, 293-298, 362
- Бай-Хаак (село, Республика Тыва) – 65
- Балай (станция, ныне Уярский р-н, Красноярский кр.) – 211
- Бараново (село, Украина) – 20
- Батени (деревня, Богградский район, Республика Хакасия) – 253
- Белый Июс (река, Республика Хакасия) – 86-87
- Берт-Даг (село, Республика Тыва) – 65
- Бей-Хем (Бий-Хем, река, правый исток р. Енисей, Респ. Тыва) – 323

- Белоярское (Белый Яр, село, Ачинский р-н Красноярский кр.) – 210
- Берёзовка (село, Идринский р-н) – 324
- Берёзовая (река, юг Красноярского края) – 325
- Бея (быв. Бейское, село, река, Республика Хакасия) – 215, 303, 324-325
- Большая Иня (деревня, Красноярский край) – 324
- Большой Ляждур (деревня, Куженерский район, Республика Марий-Эл) – 53
- Борус (горный хребет в системе Западного Саяна) – 324
- Бузуново (село, Абаканская волость, Минусинский округ) – 251-255
- Быстрая (деревня, Минусинский р-н, Красноярский кр.) – 302-303
- Варшава (город, Польша) – 349
- Верхний Кебеж (деревня, Ермаковский район, Красноярский край) – 22
- Владивосток (город, Дальний Восток) – 32, 78, 188
- Восточное (село, Краснотуранский район, Красноярский край) – 255
- Вышняя Обла (село, Беларусь) – 21
- Голубая (река, юг Красноярского края) – 324
- Горно-Алтайск (город, Республика Алтай) – 173
- Григорьевка (село, юг Красноярского края) – 210, 324-325
- Даурское (село, ныне Балахтинский р-н, Красноярский кр.) – 211
- Денисово (деревня, Богучанский район Красноярский край) – 20
- Енисей (река, Красноярский край, Республика Тыва, Республика Хакасия) – 8, 58, 73-75, 88, 101-102, 120, 129, 134, 186-187, 190, 245, 252, 283, 291, 311, 329, 332, 342, 345
- Енисейск (город, Красноярский край) – 188, 275, 288-292, 301-305, 347, 362
- Енисейская губерния – Красноярский край – 7, 9, 11, 12, 18, 20-22, 34-37, 48, 50-52, 81-82, 105, 171, 174-177, 185, 189, 192, 203-205, 210-211, 216, 218-219, 224, 237, 253, 277, 284-285, 288, 290-291, 303, 351
- Ерба (река, Республика Хакасия) – 88
- Ермаковское (село, районный центр, Красноярский край) – 22, 210, 245-246, 273, 324-325
- Ермаковский район (Красноярский край) – 22-23, 245
- Есь (река, Республика Хакасия) – 87
- Железногорск (город, Красноярский край) – 34, 115
- Жерлык (деревня, ныне Минусинский район) – 252
- Женева (город, Швейцария) – 219, 250
- Запорожье (город, Украина) – 58
- Знаменка (деревня, Республика Хакасия) – 88, 234
- Знаменка (село, ныне Минусинский район) – 238

- Ирба (река, юг Красноярского края) – 324-325
- Ивановка (деревня, Канский район, Красноярский край) – 20
- Изых (гора, Республика Хакасия) – 324
- Иркутск (город, Иркутская область) – 23-27, 118, 220, 347, 350
- Иркутская губерния – Иркутская область – 67, 176
- Иртыш (река, Омская обл., Казахстан, Монголия, Китай) – 89
- Ий-сук (река, Республика Тыва) – 323
- Йошкар-Ола (город, Республика Марий-Эл) – 53, 54
- Казанцево (село, Шушенский район, Красноярский край) – 178, 236-240, 324, 359
- Камышта (река, юг Красноярского края) – 324
- Казань (город, Республика Татарстан) – 173, 323, 349-350
- Казыр (река, юг Красноярского края) – 325
- Камышта (река, Республика Хакасия) – 325
- Кан (река, Канский район, Красноярский кр.) – 209
- Канск (город, Красноярский край) – 18, 20, 51, 185, 188, 206, 289, 304
- Канский округ – Канский уезд – 20-21, 203, 205-207, 209-210, 213-214, 216
- Каныгино (озеро, Минусинский район) – 324
- Каптырево (село, юг Красноярского края) – 178, 182, 238, 324
- Каратуз (село, Красноярский край) – 253, 274, 276, 324
- Качалька (село, ныне Каратузский р-н, Красноярский кр.) – 211
- Кебеж (река, юг Красноярского края) – 324-325
- Китай (государство Восточной Азии) – 34, 88, 91, 94, 131, 254, 306
- Кия (река, Республика Хакасия) – 87, 103
- Козелиг-таг (гора в долине р. Бай, Республика Хакасия) – 83
- Копь (река, юг Красноярского края) – 324
- Копьёво (деревня, Орджоникидзевский район, Республика Хакасия) – 21, 112, 312-313
- Клюквенная (станция, ныне Уяр, Красноярский кр.) – 211
- Красноярск (город, Красноярский край) – 36, 37, 58, 81, 85, 87, 103, 107, 110, 115, 118, 122, 125, 147, 150, 159, 166, 174, 176, 181, 183, 187, 194, 205, 210-215, 218, 223-224, 229, 243, 267, 275-277, 283, 285, 290, 292-296, 302-305, 310, 315, 318-321, 329, 347, 349-350, 358-363
- Кривая (деревня, Минусинский р-н, Красноярский кр., ныне не существует) – 72-75, 103
- Кузнецк (Сталинск, Новокузнецк, ныне город, Кемеровская обл.) – 51, 102-103, 187
- Кузнецкий Алатау (горная система, Кемеровская обл., Респ. Хакасия) – 87, 120, 310, 323-325, 327
- Кронштадт (город-порт, остров Котлин, в сост. г. Санкт-Петербург) – 70, 303

- Курагино (пгт, Красноярский край) – 51-52, 241, 243-244, 274-276, 325, 335, 359
- Курагинский район (Красноярский край) – 159, 241, 243-245, 268-269, 359, 361
- Курганчики (деревня, Курагинский р-н) – 264, 266, 269
- Кызыл (город, Республика Тыва) – 305
- Кызыл-Мажалык (село, Барун-Хемчикский район, Республика Тыва) – 65
- Кызыкульское (Кызыкуль, озеро, ныне Минусинский р-н) – 324-325
- Кыргызстан (страна в Центральной Азии, Республика Киргизия) – 89
- Ленинград (город, ныне Санкт-Петербург) – 173, 265-266, 269, 320
- Лесосибирск (город, Красноярский край) – 275, 290, 331, 360
- Листвягово (село, Минусинский округ, ныне Минусинский р-н, Красноярский кр.) – 253, 255
- Лугавка (река, ныне Минусинский р-н, Красноярский кр.) – 325
- Лугавское (село, Минусинский район, Красноярский край) – 73, 106, 324
- Львов (город, ныне запад Украины) – 304
- Маганское (Маганск, село, ныне Берёзовский р-н, Красноярский кр.) – 209
- Майна (пгт, Республика Хакасия) – 58
- Мангазея (первый русский город на р. Таз, север Зап. Сибири) – 103
- Мариинск (город, ныне Кемеровская обл.) – 188, 205
- Минусинск (город, Красноярский край) – 7-13, 22, 26-27, 31, 32-33, 34, 36, 42-45, 47, 49-51, 59, 66-68, 71-77, 79-80, 96, 105, 128, 166-170, 176, 178-183, 185-187, 189-190, 192-193, 195, 206, 212, 215, 223-224, 226-227, 229-232, 235, 239, 247, 252-253, 256, 258, 260, 273-274, 276-277, 280, 303, 305-306, 322, 324, 327-330, 334, 341-351, 358-363
- Минуса (речка Минусинка, Минусинский р-н, Красноярский кр.) – 68
- Минусинский район (Красноярский край) – 10, 27, 31, 72, 105-106, 235, 252
- Минусинская котловина (Хакасско-Минусинская) – 10-11, 14-15, 79, 103, 105-106, 111-114, 118, 120, 129-130, 133-134, 154, 158, 181, 251, 323, 348
- Можарское (озеро, Курагинский район) – 325
- Монголия (государство Восточной Азии) – 39, 85, 88, 91, 101, 118, 173, 254, 306, 323, 348, 350
- Москва (город) – 7, 12, 55, 78, 96, 173, 183, 189, 303, 305, 322, 342, 347, 348, 360
- Мрасу (река, Кемеровская обл., левый приток Томи) – 326
- Немир (река, Республика Хакасия) – 324-325
- Неня (река, Республика Хакасия) – 324
- Ниня (река, Республика Хакасия) – 84, 89
- Нижний Кужебар (село, Каратузский район) – 324
- Нижний Суэтук (село, ныне Ермаковский р-н, Красноярский кр.) – 209

- Новомихайловка (село, Республика Хакасия) – 130
- Новополтавка (деревня, Ермаковский район Красноярский край) – 22
- Новосёлово (село, Красноярский край) – 49, 103, 119, 211
- Новосибирск (город, Западная Сибирь) – 18, 105, 142, 154, 173
- Нью-Йорк (город, США) – 42, 277-278, 281
- Одесса (город, Украина) – 32, 348
- Означенное (н. п., г. Саяногорск, Республика Хакасия) – 130, 132, 155, 324
- Омск (город, Западная Сибирь) – 186, 347
- Оя (река, Ермаковский и Шушенский р-ны, Красноярский кр.) – 147, 245, 325
- Подкаменная Тунгуска (река, Красноярский край) – 294-296
- Пойлова (река, деревня, юг Красноярского края) – 251, 324-325
- Приречная (деревня, Ирбейский район, Красноярский край) – 21
- Просвирное (озеро, Минусинский район) – 324
- Париж (город, Франция) – 69
- Республика Алтай – 137
- Республика Марий-Эл – 54-57
- Республика Тыва – Урянхайский край – 10, 26, 38-39, 60, 62, 81-82, 171, 200, 261, 263-264, 305, 306-308, 323, 328, 330, 349, 359, 361-362
- Республика Хакасия (Хакасия)– 12-15, 18-19, 21, 48, 53, 57-58, 77, 83, 92, 101, 106, 118-120, 130-133, 142, 195-199, 203, 235, 245, 247-248, 250-251, 270, 273-274, 276, 299, 302, 310, 314-315, 326, 331, 333, 358-360, 363
- Рыбное (село, Мотыгинский район, Красноярский край) – 116, 122
- Салдам (торговая фактория, ныне Республика Тыва) – 306
- Самагалтай (село, Республика Тыва) – 65
- Санкт-Петербург (город) – 36, 43, 61, 105, 282, 303, 322, 345,
- Саяногорск (город, Республика Хакасия) – 58-59, 130, 132, 142, 273-275, 331-333
- Саянская (станция, село, ныне деревня Саянск, Шушенский р-н) – 238, 324
- Сибирь (географ. область, часть северной Азии) – 8-10, 12-13, 23-24, 26-27, 32-33, 36-37, 42, 44-45, 48-53, 62, 67, 76, 83, 88, 98, 101, 103-104, 116, 129-130, 142, 153, 162-163, 175-178, 181, 184-185, 189-190, 193, 208, 215-216, 236-240, 248-250, 252-253, 264, 284, 289-290, 299, 302, 305, 318, 320, 322-323, 326-327, 329-330, 334, 343-344, 347, 349-351
- Сизая (река, ныне Шушенский р-н) – 325
- Сизойский хребет – 325
- Состых-кхем (Систиг-хем, Сыстыг-Хем, река, пр. приток Енисея, Респ. Тыва) – 323
- Субботино (село, юг Красноярского края) – 325

- Сучково (деревня, Ачинский район Красноярский край) – 21
Сыда (река, юг Красноярского края) – 325
Сыра (Большой Сыр, река, Республика Хакасия) – 325
Табатская (Табат, река, Республика Хакасия) – 324
Тагарское (озеро, Минусинский район, Красноярский край) – 73, 325
Таз (река, Западная Сибирь) – 103
Тайшет (станция, ныне Иркутская обл.) – 190, 210, 211, 248
Танну-Ола (горная система (хребет), юг Респ. Тыва) – 323
Тасеева (река, Красноярский край) – 116, 120
Тасеевский район (Красноярский край) – 125
Тегуль (село, Томская область) – 21
Тесь (село, Минусинский район, Красноярский край) – 27, 28-31
Тесь (река, Республика Хакасия) – 88-89, 102, 106
Тёя (река, Республика Хакасия) – 88
Тиберкуль (озеро, Курагинский р-н) – 325
Тибет (район Центральной Азии) – 88, 90-92, 94, 306
Тобольск (город, Тюменская область) – 101, 103, 283
Томинка (деревня, Уярский район, Красноярский край) – 18
Томск (город, Томская область) – 21, 43, 45, 101-103, 189, 348
Томь (река, Западная Сибирь) – 326
Троицкая (деревня, Республика Хакасия) – 89
Туба (река, Минусинский р-н, Красноярский край) – 119, 150, 159, 163, 252, 324-325
Тугуша (село, Беларусь) – 20
Туим (река, Республика Хакасия) – 87, 311
Туран (гора, Краснотуранский район, Красноярский край) – 151, 251
Туран (город, Республика Тыва) – 308
Туруханск (город, Енисейская губерния, ныне село, Красноярский кр.) – 82, 291, 320
Тюхтяты (река, Курагинский район) – 325
Увсунур (Увс-Нуур, озеро в Монголии и Республике Тыва) – 323
Ужур (город, Красноярский край) – 112, 188, 190, 314
Уйбат (река, Республика Хакасия) – 14, 84, 88-90, 93, 102, 325
Улан-Батор (город, Монголия) – 62, 173
Улан-Удэ (город, Республика Бурятия) – 62, 173
Урал (географическая область России) – 36, 101, 181, 184, 188, 299, 303

- Усинское (Верхне-Усинское, село, Ермаковский р-н, Красноярский кр.) – 325
- Усть-Ерба (деревня, Республика Хакасия) – 89, 253
- Усть-Есь (село, Республика Хакасия) – 87, 304
- Франкфурт-на-Майне (город, ФРГ (Германия)) – 63
- Хакаско-Минусинская котловина – 79 (см. Минусинская котловина)
- Хандагайты (село, Овюрский район, Республика Тыва) – 65
- Хараколь – (озеро, Республика Хакасия) – 86
- Хоккайдо (город, Япония) – 33
- Хонделен (село, Барун-Хемчикский р-н, Республика Тыва) – 65
- Хызыл-хая (гора, Республика Хакасия) – 85
- Центральная Азия (область внутренней части материка) – 88
- Чаа-Холь (село, Республика Тыва) – 65
- Чадан (город, Республика Тыва) – 65
- Чал-Кежиг (село, Республика Тыва) – 65
- Челябинск (город, Челябинская область) – 219
- Черногорск (город, Республика Хакасия) – 19, 196, 198, 201, 234-235, 248-249, 270-271, 273, 331, 360, 362
- Чёрный Июс (река, Республика Хакасия) – 85-86, 187, 312-313
- Чита (город, Читинская область) – 70-71
- Чуйская долина (межгорная впадина между хребтами Северо-Чуйским и Катунским, Горный Алтай) – 89
- Чулым (река, Ужурский район, Красноярский край) – 103, 110-111, 113, 187, 313-314
- Шагонар (город, Республика Тыва) – 65
- Шанхай (город, Китай) – 188
- Шилинское (село, ныне Шила Сухобузимского р-на) – 211
- Шира (озеро, Республика Хакасия) – 111, 190, 312-314, 325
- Шунет (озеро, Республика Хакасия) – 311, 325
- Шушенский район (Красноярский край) – 106, 147, 155, 359,
- Шушенское (пгт, Красноярский край) – 22, 178, 182, 189, 236, 274, 276, 324-325
- Шушь (река, приток р. Тубы, Курагинский район) – 325
- Элигест (село, Чеди-Хольский район, Республика Тыва) – 65
- Якутская область (Якутия) – 173
- Япония (государство, Восточная Азия) – 32-34, 188

Муниципальное бюджетное учреждение
«Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н. М. Мартянова

МАРТЯНОВСКИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК XV

Сборник докладов и сообщений
(2021)

Подписано в печать
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО «Издательские решения»